

Сборник материалов XXV Международной
научно-практической конференции

«СМИРНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2026»

18-19 марта

Электронное текстовое издание

Санкт-Петербург
2026

Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Международный банковский институт имени Анатолия Собчака»

**Сборник материалов XXV Международной научно-
практической конференции «СМИРНОВСКИЕ
ЧТЕНИЯ – 2026»
(18-19 марта 2026 г.)**

Электронное текстовое издание

Санкт-Петербург
2026

УДК 37; 330; 331; 332; 333; 334; 336; 338; 339; 341; 346; 347; 349; 360; 368; 378; 380; 519; 528

Сборник материалов XXV Международной научно-практической конференции «Смирновские чтения – 2026», 18–19 марта 2026 г. / Под общей редакцией д.э.н., профессора Е.Е. Шарафановой. – Электрон. текст. данные (7.16 Мб). – СПб: Издательство МБИ имени Анатолия Собчака, 2026. – 588 с. – URL: <https://www.ibispb.ru/science/conference-materials/>
ISBN 978-5-4228-0199-2

*Под общей редакцией
д.э.н., профессора Елены Евгеньевны Шарафановой*

Шарафанова Е.Е. – *научный руководитель*, д.э.н., профессор, профессор кафедры экономики, управления и предпринимательства Международного банковского института имени Анатолия Собчака

Сорока О.В. – и.о. проректора по научной работе, начальник информационно-издательского отдела

Арабаджян И.Р. – *ответственный редактор* выпуска

Кораблина Э.Ю. – *технический редактор* выпуска

Сборник материалов XXV Международной научно-практической конференции «Смирновские чтения – 2026», состоявшейся 18–19 марта 2026 г. в АНО ВО «МБИ имени Анатолия Собчака».

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, студентов и аспирантов, а также специалистов-практиков, занимающихся проблемами экономики и образования.

<https://www.ibispb.ru>
orgcom@ibispb.ru
+7 (812) 494-05-02
ISBN 978-5-4228-0199-2

© Коллектив авторов, 2026

© АНО ВО «МБИ имени Анатолия Собчака», 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕКЦИЯ 1. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКИ: ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСТИЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ	11
Кочетков Н.Д. ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТРУМЕНТОВ БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ С ЦЕЛЬЮ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО И ДИНАМИЧНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ.....	11
Стешенко Ю.А. ПОДХОДЫ К СОЦИАЛЬНОМУ НАЛОГООБЛОЖЕНИЮ В СТРАНАХ СНГ	23
СЕКЦИЯ 2. ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОСТИ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ	30
Валишина Н.Р. БАНКРОТСТВО ГРАЖДАНИНА КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА УСТОЙЧИВОСТЬ КРЕДИТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМАТИКА ВОПРОСА.....	30
Гуревич Д.В. РАСЧЕТ СВОДНОГО ИНДЕКСА КРЕДИТНОГО РИСКА ДЛЯ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЙ БАНКОВСКОЙ ЭКОСИСТЕМЫ СБЕР.....	37
Малышенко М.В. МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИНСАЙДЕРСТВУ И МАНИПУЛИРОВАНИЮ: ЗАРУБЕЖНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ	51
Колесникова А.В., Самойлова Я.В. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ БАНКОВСКИХ СИСТЕМ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В ПЕРИОД ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ	60
СЕКЦИЯ 3. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И УСТОЙЧИВОСТЬ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВЫХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ	66
Балакин Р.В., Шаталов С.Д. ВАРИАЦИЯ ПОСТУПЛЕНИЙ ПО ОТДЕЛЬНЫМ НАЛОГАМ КАК ИНДИКАТОР НАЛОГОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	66
Белоусова Н.В. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	75
Борзунов А.А., Никитина И.А. АУДИТЫ ПОСТАВЩИКОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И КОРПОРАТИВНЫХ ЗАКУПОК: ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСОБЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	82

Булатов А.Е. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ.....	93
Васильев Ф.Ю. ТРАНСФОРМАЦИЯ КАНАЛОВ СБЫТА МЕБЕЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ: РАЗВИТИЕ МАРКЕТПЛЕЙСОВ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МСБ	101
Воронько Э.Н., Борсукевич Д.В. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	116
Градобоев Е.В. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕГИОНА КАК УПРАВЛЯЕМЫЙ ИНТЕГРАЛЬНЫЙ РИСК: РОЛЬ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И ОМС	122
Егорова И.В. ЦИФРОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ ПЕРСОНАЛА КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОСТИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ	129
Иванов А.П. РЕПУТАЦИОННЫЕ УГРОЗЫ И ИХ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ПРЕДПРИЯТИЯ.....	137
Ильясов А.А. АДАПТИВНЫЙ КОНТУР УКРЕПЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СУБЪЕКТОВ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	144
Козловская В.А. РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ БРИКС	154
Котов Т.М., Пикалова Д.В., Шарафанова Е.Е. СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГРАЖДАН С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ.....	162
Краснова С.А., Краснов С.В. ИНТЕГРАЦИЯ ЦИФРОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В ПРОЦЕДУРЫ ВНУТРЕННЕГО АУДИТА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА	176
Круглова И.А. МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ.....	184

Липин Е.А. ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕТОДОВ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ	193
Мачнев М.С. МЕТАКОРПОРАТИВНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ КАК МЕХАНИЗМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	202
Морозова О.М. ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО РЕЖИМА В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК ДЛЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ.....	212
Пышко Е.В. РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ	220
Се Фэнци ИССЛЕДОВАНИЕ САНКЦИОННОГО РИСКА И ОТВЕТНЫХ МЕР В СВЯЗИ С ТРАНСГРАНИЧНЫМИ ПЛАТЕЖАМИ МЕЖДУ КИТАЕМ И РОССИЕЙ	229
Соловьева О.Д. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ.....	236
Сонина А.А., Смирнов А.А. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	246
Ткаченко Ю.Г. НЕСЫРЬЕВОЙ НЕЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ЭКСПОРТ ВЕРХНИХ ПЕРЕДЕЛОВ КАК ФАКТОР РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	255
Филатова Т.А., Колца Э.Э., Кондратюк А.Е. МЕТОДИКА ОЦЕНКИ РИСКОВ ПРИ АУТСОРСИНГЕ БУХГАЛТЕРСКИХ УСЛУГ ДЛЯ МАЛОГО БИЗНЕСА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ	266
СЕКЦИЯ 4. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВЫХ РЫНКОВ: ИНСТРУМЕНТЫ, ТЕХНОЛОГИИ, МЕТОДЫ ОЦЕНКИ	272
Аграновская М.А. ЦИФРОВЫЕ АКТИВЫ КАК ПУБЛИЧНО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: ВИДЫ И КЛАССИФИКАЦИЯ	272
Аманкелді Н.А., Ибраева В.М., Отарбаева А.Б. ТРАНСФОРМАЦИЯ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ КАЗАХСТАНА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ESG: СТРАТЕГИИ, ИНСТРУМЕНТЫ И КОРПОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ.....	282

Богатырев С.Ю., Никонова И.А. МЕТОДИКА ОЦЕНКИ РЫНОЧНОЙ СТОИМОСТИ КОМПАНИЙ В СДЕЛКАХ СЛИЯНИЙ И ПОГЛОЩЕНИЙ 2023–2026 ГОДЫ.....	292
Дельнова Н.А. РОЛЬ БАНКОВ В РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ПОВЫШЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ И РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОЙ КУЛЬТУРЫ В РФ	299
Кокушкина И.В., Круглова И.А. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ СИСТЕМНОГО УПРАВЛЕНИЯ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ.....	311
Комаров А.А. ДВУХКОНТУРНЫЙ МЕТОД ОЦЕНКИ РЫНОЧНОЙ СТОИМОСТИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ КОМПАНИИ.....	324
Красюк Т.Н. ВОЗМОЖНОСТИ ГРАФОВОГО И СТОХАСТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В РАЗРАБОТКЕ ФИНАНСОВЫХ МОДЕЛЕЙ СТОИМОСТИ.....	332
Лалиев Н.А. ИНСАЙДЕРСКАЯ ТОРГОВЛЯ КАК НАРУШЕНИЕ СИЛЬНОЙ ФОРМЫ ГИПОТЕЗЫ ЭФФЕКТИВНОГО РЫНКА.....	339
Малышевская-Чуклинова Н.Р. ФИЛОСОФИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ РЕШЕНИЙ РОЗНИЧНЫХ ИНВЕСТОРОВ НА ФОНДОВОМ РЫНКЕ: ОТ РАЦИОНАЛЬНОСТИ К КОГНИТИВНЫМ ИСКАЖЕНИЯМ.....	345
Шокин Я.В., Назаров А.И. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПРОВЕРКА ГИПОТЕЗЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ПОДКРЕПЛЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ВЫБОРА.....	352
СЕКЦИЯ 5. РЕГИОНАЛЬНЫЕ, ОТРАСЛЕВЫЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ	364
Арсамакова Л.А. РАЗВИТИЕ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ: ОТ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО УПРАВЛЕНИЯ К СТРАТЕГИИ «ФАРМА 2030».....	364
Зуенкова Ю.А. МАРКЕТИНГОВЫЕ АСПЕКТЫ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ТУРИЗМА НА ПРИМЕРЕ МЕДИЦИНСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.....	373
Каширин С.В. ОТРАСЛЕВЫЕ ТРУДОВЫЕ КЛАСТЕРЫ: СУЩНОСТЬ И ХАРАКТЕРИСТИКА.....	379
Козюра О.П., Харламов А.В. УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ РФ НА ПУТИ ПОСТРОЕНИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ.....	385

Кравченко В.И., Дьяченко А.А. УПРАВЛЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЯМИ ПРИ РАЗРАБОТКЕ НАРРАТИВНОГО МАРШРУТА: СИНТЕЗ ПСИХО ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ МОДЕЛИ, ЭМПАТИЧЕСКОГО КАРТОГРАФИРОВАНИЯ И ТЕРАПЕВТИЧЕСКИХ ПРАКТИК (НА ПРИМЕРЕ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ).....	393
Круглова И.А. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СМАРТ-КОНТРАКТОВ....	406
Круглова И.А., Бродский М.Н., Щербаковский Г.З. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЭЛЕКТРОННОЙ СДЕЛКИ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ.....	414
Ладенков Н.Е. СПРАВОЧНО-ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ КАК СРЕДСТВО ПРАВОВОГО ИНФОРМИРОВАНИЯ.....	420
Михайлов И.В., Зевеке О.Ю. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ФЛОТА В ОТРАСЛИ РЕЧНОГО КРУИЗНОГО ТУРИЗМА РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	426
Сосницкая С.В. ОБЕСПЕЧЕНИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ КОРПОРАТИВНОГО ПИТАНИЯ ЧЕРЕЗ ТРАНСФОРМАЦИЮ ФАКТОРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ОБОРУДОВАНИЯ И ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ	433
Чернов Р.М., Чужмарова С.И. БЕРЕЖЛИВЫЙ КОНТУР УПРАВЛЕНЧЕСКОГО УЧЁТА ОТХОДОВ В ДЕРЕВООБРАБОТКЕ: КРИ, ВНУТРЕННИЙ КОНТРОЛЬ И КЛИМАТИЧЕСКИ РЕЛЕВАНТНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ.....	443
Шитов Е.А. ТРАНСФОРМАЦИЯ БИЗНЕС-МОДЕЛЕЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ	453
Юдина О.Н. ПРОЕКТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ	460
ПОСТОЯННО ДЕЙСТВУЮЩИЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «ФИНАНСИРОВАНИЕ УГЛЕРОДНОЙ НЕЙТРАЛЬНОСТИ: МОДЕЛИ, ИНСТИТУТЫ И РЕЖИМЫ ТОРГОВЛИ УГЛЕРОДНЫМИ ЕДИНИЦАМИ В РОССИИ (РЕГУЛИРУЕМЫЕ И НЕРЕГУЛИРУЕМЫЕ РЫНКИ)»	466
Авдеева А.И., Миничова В.С. СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕДПОСЫЛОК ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ УГЛЕРОДНЫХ РЫНКОВ	466

Виноградова Т.И. УЧАСТИЕ РОССИИ В УГЛЕРОДНЫХ РЫНКАХ БРИКС+ И ПРОБЛЕМЫ ЗЕЛЕННОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ	472
Гирич М.Г., Левашенко А.Д. КАК МОЖНО РАСШИРИТЬ ЭКСПЕРИМЕНТ ПО ТОРГОВЛИ КВОТАМИ НА ВЫБРОСЫ, ЧТОБЫ СТИМУЛИРОВАТЬ РЫНОК УГЛЕРОДНЫХ ЕДИНИЦ В РОССИИ?	481
Ранцева Е.М. ЭЛЕКТРОННЫЕ ОТХОДЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ВЫЗОВЫ УГЛЕРОДНОЙ НЕЙТРАЛЬНОСТИ: ФИНАНСИРОВАНИЕ ПЕРЕРАБОТКИ И РЫНКИ УГЛЕРОДА	490
Шаш Н.Н., Афанасьев М.П. РЫНОК УГЛЕРОДНЫХ ЕДИНИЦ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ФИНАНСИРОВАНИЯ УГЛЕРОДНОЙ НЕЙТРАЛЬНОСТИ.....	497
КРУГЛЫЙ СТОЛ «ТУРИЗМ И РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ В РОССИИ»	506
Арабаджян И.Р. ВНУТРЕННИЙ ТУРИЗМ КАК НАПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	506
Балев Н.Н., Зевеке О.Ю. ЦИФРОВЫЕ ТУРИСТСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИНДУСТРИИ ЭКОНОМИКИ ВПЕЧАТЛЕНИЙ.....	513
Бобкова А.К. ТРАНСГРАНИЧНЫЙ ПРОМЫШЛЕННЫЙ ТУРИЗМ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА.....	523
Булынина А.В. ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ОБЪЕМОВ ВВОДА ГОСТИНИЧНОГО ФОНДА НА РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА В РЕГИОНАХ	534
Голованова С.А. БРЕНД «АДЫГЕЙСКИЙ СЫР»: ТРАНСЛЯЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО КОДА ЭТНОСА	540
Пинская М.Р. ЗНАЧЕНИЕ ТУРИСТИЧЕСКОГО НАЛОГА ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ.....	549
Сарайкина С.В., Стешина Е.С. ЗНАЧЕНИЕ ЭКСКУРСИОННЫХ УСЛУГ В РАБОТЕ ТУРОПЕРАТОРА	559
Четвернин Е.И. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСТИНИЧНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ТУРИСТСКОГО РАЗВИТИЯ	565
Печерица Е.В., Шарафанова Е.Е. ПАЛОМНИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ: СУЩЕСТВЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ИЛИ ИЗМЕНЕНИЯ СУЩНОСТИ.....	570

Янкевич Е.М. ОСОБЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	
.....	580

СЕКЦИЯ 1. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКИ: ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСТИЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ

УДК: 336.143

Кочетков Николай Дмитриевич

Российская Федерация, Москва

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
аспирант

Соляникова Светлана Петровна – научный руководитель

Российская Федерация, Москва

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
профессор кафедры общественных финансов
кандидат экономических наук, доцент

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТРУМЕНТОВ БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ С ЦЕЛЮ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО И ДИНАМИЧНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация:

Целью исследования является определение тенденций трансформации инструментов бюджетной политики, обуславливающих их ориентацию на устойчивое и динамичное развитие экономики. Для достижения цели решены следующие задачи: определено содержание и критерии оценки устойчивости и динамизма развития экономики; классифицированы инструменты бюджетной политики; проведён анализ их содержания; определены тенденции трансформации и требования к модернизации инструментов бюджетной политики для достижения их направленности на устойчивость и динамизм развития экономики. Методология исследования основывалась на изучении публикаций отечественных и зарубежных исследователей, а также статистических данных. Результатами исследования является авторская классификация инструментов бюджетной политики с выделенными тенденциями их трансформации, ориентированной на достижение устойчивости и динамизма развития экономики. Сделан вывод о необходимости совершенствования инструментов для достижения высокого качества экономического развития.

Ключевые слова:

Бюджетная политика, инструменты бюджетной политики, бюджетное регулирование, бюджет, расходы, доходы, государственный долг.

UDC: 336.143

Kochetkov Nikolai Dmitrievich

Russian Federation, Moscow

Financial University under the Government of the Russian Federation

Postgraduate student

Solyannikova Svetlana Petrovna – scientific supervisor

Russian Federation, Moscow

Professor of the Department of Public Finance at the Financial University under the Government of the Russian Federation

Professor of the Department of Public Finance

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

TRANSFORMATION OF BUDGET POLICY INSTRUMENTS IN ORDER TO ENSURE SUSTAINABLE AND DYNAMIC DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ECONOMY

Abstract:

The purpose of the study is to identify trends in the transformation of fiscal policy instruments, which determine their orientation towards sustainable and dynamic economic development. To achieve the goal, the following tasks have been solved: the content and criteria for assessing the sustainability and dynamism of economic development have been determined; the instruments of fiscal policy have been classified; their content has been analyzed; transformation trends and requirements for the modernization of fiscal policy instruments have been identified in order to achieve their focus on the sustainability and dynamism of economic development. The research methodology was based on the study of publications by domestic and foreign researchers, as well as statistical data. The results of the study are the author's classification of fiscal policy instruments with highlighted trends in their transformation, focused on achieving sustainability and dynamism of economic development. It is concluded that it is necessary to improve the tools to achieve high-quality economic development.

Keywords:

Budgetary policy, instruments of budgetary policy, budgetary regulation, budget, expenditures, revenues, public debt.

Развитие экономики – это процесс положительных изменений в экономике, который включает в себя не только количественный рост (экономический рост), но и качественные преобразования в производстве, технологиях, управлении, а

также повышение уровня жизни населения и улучшение общественных отношений. Соляникова С.П., отмечает, что развитие страны в самом общем плане может быть оценено с точки зрения устойчивости и динамизма её экономики [1, с. 94]. В оценке такого развития акцент следует сместить с количественной оценки темпов роста экономики на измерение благосостояния общества в целом при сохранении темпов экономического роста.

Инструмент бюджетной политики, ориентированный на развитие экономики (далее – ИБП) представляет собой средство воздействия на объекты политики (регулируемые) с целью изменения их состояния для корректировки пропорций (траектории) развития экономики в целом.

Состав ИБП довольно динамичен и характеризуется постоянным изменением структуры и содержания в зависимости от целей и задач, стоящих перед государством. При этом расширение регулирующей роли государства, особенно в период структурных трансформаций экономики и (или) экономических кризисов обуславливает необходимость качественных и количественных изменений таких инструментов, предполагающих повышение эффективности их применения. В свою очередь, эффективность ИБП должна оцениваться с точки зрения их влияния на развитие экономики.

ИБП воздействие на объекты регулирования через бюджет, поэтому они определяются составом и структурой доходов бюджета; составом и структурой бюджетных расходов; параметрами управления государственным долгом.

Характер воздействия ИБП на пропорции развития имеет количественное и качественное измерение: количественное воздействие характеризуется объемом и пропорциями мобилизованных и перераспределенных бюджетных средств, а качественное воздействие связано с возможностями влияния через конкретные инструменты бюджетного регулирования на экономические интересы хозяйствующих субъектов и публично-правового образования (далее – ППО). Целенаправленное использование бюджетных инструментов позволяет ускорить или замедлить социально-экономические процессы, инициировать достижение желаемых результатов, в том числе – устойчивого и динамичного развития экономики.

1. ИБП при осуществлении государственных (муниципальных) расходов характеризуется высоким уровнем воздействия на социально-экономические пропорции развития, так как имеет преимущественно прямой характер вливания

(финансирование конкретных направлений напрямую из бюджета, наличие чёткой взаимосвязи между результирующими показателями и бюджетными ресурсами, предоставленными для их достижения). ИБП при осуществлении расходов в настоящее время увеличивает свою роль в развитии экономики государства. Об этом свидетельствует тренд роста государственных расходов на поддержку экономики быстрее, чем рост национальной экономики в целом [2].

На сегодняшний день основой ИБП при осуществлении расходов являются инструменты бюджетирования, ориентированного на результат, в том числе программно-целевые и проектные методы планирования и исполнения бюджета по расходам, которые обеспечивают взаимоувязку стоящих перед государством целей, привлекаемых для их достижения финансовых ресурсов и результатов, достигнутых от реализации соответствующих мероприятий.

1) Существенное влияние на развитие экономики оказывает такой ИБП как *бюджетные инвестиции*, способствуя повышению производительности труда, увеличению экономического роста, а также росту социального благополучия в долгосрочной перспективе.

Бюджетные инвестиции трансформируют своё содержание через смещение акцентов с создания основы для производства общественных благ и развития инфраструктуры, необходимой для жизни общества к повышению эффективности и конкурентоспособности значимых для экономики отраслей и организаций, в том числе влияя на создание рабочих мест, переход к зелёной экономике, смягчение последствий изменения климата, обеспечение доступа для всех к образованию и здравоохранению и т. д. Такая трансформация обусловлена тем, что бюджетные инвестиции способствуют привлечению в выбранные отрасли экономики частных капиталов, образуя основу для их дальнейшего эффективного функционирования.

2) *Финансовое обеспечение выполнения государственного (муниципального) задания* – ещё один ИБП, призванный финансировать стратегически важные сектора экономики, в отношении которых рынок неэффективен, в том числе в связи с их низкой рентабельностью. К таким секторам относятся образование, здравоохранение, наука и социальная инфраструктура, которые в долгосрочной перспективе приносят выгоды как отдельным отраслям экономики, так и обществу в целом.

Финансируя науку, образование, внедрение инноваций и поддерживая социальную инфраструктуру, создаётся необходимая база для технологического прогресса и повышения производительности труда. В свою очередь, финансирование услуг в социальной сфере (образование, здравоохранение, социальная поддержка) снижает социальное неравенство, поддерживает уязвимые слои населения и повышает качество жизни.

Механизм государственного (муниципального) задания, являясь ИБП, повышает прозрачность и управляемость расходованием бюджетных средств за счёт взаимоувязки объёма финансирования с конкретными и измеримыми результатами предоставления государственных (муниципальных) услуг. В этой связи ключевым условием трансформации финансирования государственного (муниципального) задания из бюджета является формирование соответствующих показателей (результатов), которые определены таким заданием и соответствуют приоритетным государственным целям.

3) Выраженную социальную направленностью имеет такой инструмент как *социальные выплаты (социальные трансферты)*.

С одной стороны, социальные трансферты играют роль в регулировании масштаба бедности и защиты социальных прав граждан, с другой – участвуют в регулировании эффективного потребительского спроса, соразмерного росту предложения товаров и услуг. Вместе с тем для более точного определения их роли, по нашему мнению, следует разделять трансферты «социальной ответственности» и трансферты «изменения социального поведения».

Трансферты социальной ответственности, к которым можно отнести пенсии, пособия, социальные стипендии и др. направлены, в первую очередь, на регулирование снижения бедности и представляются уязвимым категориям граждан для поддержания их нормальной жизнедеятельности. Такие трансферты, как правило, меняются только в количественном выражении. Они направлены на достижение устойчивости развития за счёт обеспечения уверенности в стабильности и снижении социальных рисков.

В свою очередь, большой масштаб задач охватывают трансферты изменения социального поведения. Такие трансферты можно определить как средства, направляемые гражданам в целях стимулирования определённого социального поведения (материнский капитал – регулирование рождаемости и демографических процессов в целом, предоставление повышенной стипендии

для приоритетных специальностей – регулирование рынка труда и профессиональной структуры рабочей силы и др.). Структура и содержание таких трансфертов, как правило, может изменяться с течением времени и определяется приоритетами развития экономики.

Рост и повышение роли трансфертов изменения социального поведения определяют трансформацию социальных трансфертов в целом.

4) Существенный потенциал для развития экономики реализуется на региональном и местном уровнях, в связи с чем *предоставление межбюджетных трансфертов* является важным ИБП. Данный ИБП обусловлен текущей неравномерности распределения социальной инфраструктуры, производственных мощностей, а также демографическими особенностями и иными факторами, которые влияют на уровень развития ППО.

Однако рассматриваемый ИБП не должен замыкаться только на межбюджетном выравнивании и обеспечении финансовыми ресурсами ППО для выполнения ими полномочий. Он, наряду с выполнением процессных мероприятий по распределению межбюджетных трансфертов, также призван способствовать улучшению состояния и развитию отраслей и иных пропорций территориального развития, то есть должен создавать стимулы в повышении самостоятельности бюджетов ППО для реализации программ их развития с учётом специфики соответствующих территорий.

Предоставление межбюджетных трансфертов для повышения роли участие ППО в реализации общенациональной стратегии устойчивого и динамичного развития экономики с применением принципов бюджетирования, ориентированного на результат, определяет их трансформацию в целях развития экономики.

5) *Финансовая помощь бизнесу*, к которой относятся субсидии и гранты для юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, а также физически лиц – производителей товаров, работ и услуг – ИБП, осуществляемый посредством прямой (непосредственные выплаты в пользу объекта регулирования) или опосредованной (например, через субсидирование льготной ставки по кредитам или компенсационные выплаты лизингодателям) помощи, необходимой для регулирования (поддержки) отдельных сфер или отраслей хозяйственной деятельности в зависимости от их территориального расположения, вида деятельности и др. признаков.

В контексте развития экономики, помимо стимулирования предпринимательской деятельности в целом, необходимой для роста национальной экономики, на первый план выходят условия предоставления финансовой помощи, которые отражают приоритеты государства в развитии экономики – качественная и количественная определённость [3, с. 52].

С одной стороны, она необходима для получателей для обеспечения предсказуемости осуществления их социальной и экономической деятельности и уверенности в соблюдении их интересов, так как именно показатели функционирования конечного получателя расходов из бюджета (уровня дохода, инвестиционной активности и др.) определяют уровень достижения целей развития экономики, с другой – для ППО для расчёта окупаемости средств, выделяемых из бюджета. То есть определение условий представления финансовой помощи определяет трансформацию данного ИБП – от безусловной поддержки к поддержке определённой.

2. Инструментарий бюджетного регулирования при формировании государственных (муниципальных) доходов служит не только цели по мобилизации доходов для последующего обеспечения расходов, но и определяет параметры изъятия финансовых ресурсов в бюджетную систему, оказывая прямое или косвенное влияние на состояние и траекторию развития объектов бюджетного регулирования, тем самым воздействуя на характер развития экономики в целом.

1) *Установление и изменение параметров налогообложения* (объект налогообложения, налоговая база, налоговая ставка, порядок исчисления, период и сроки уплаты налога) в отношении объектов регулирования оказывает существенное влияние на изменение пропорций социально-экономического развития, так как охватывает интересы отраслей, социальных групп и ППО.

Вместе с тем, наряду с сокращением неравенства и поддержки отдельных отраслей экономики, налоговые инструменты также способствуют регулированию инфляции (повышение налоговых ставок в средне- и долгосрочной перспективе может замедлить потребительскую и производственную активность и снизить инфляцию), защите окружающей среды (введение налогов на выбросы загрязняющих веществ, предоставление налоговых вычетов на расходы на экологических инициативы), а также в целом

экономическому росту и развитию экономики в соответствии с приоритетами государственной политики.

Наиболее мобильным и часто применяющимся элементом налогообложения, установление и изменение которого оказывает существенное влияние на развитие экономики, является налоговая льгота. В контексте достижения целей социально-экономической политики более точно будет определить этот инструмент как налоговые расходы – доходы, от которых государство отказалось для достижения определенных целей социально-экономической политики.

Основная тенденция трансформации указанного инструмента – это повышение его ориентированности на справедливость распределения ресурсов. В свою очередь, касаясь налоговых расходов, тенденцией является их формализация в интеграция в бюджетный процесс для становления полноправным бюджетным ресурсом [4].

2) К бюджетному регулированию при формировании доходов также относится *инструмент, связанный с формированием доходов от управления государственной (муниципальной) собственностью и хозяйственной деятельностью* – «государственное предпринимательство», который обуславливает величину поступающих доходов от управления государственной собственностью, а также определяет объём ресурсов, которыми будут располагать субъекты хозяйствования после соответствующих изъятий.

Адресное предоставление государственного (муниципального) имущества во временное пользование или его приватизация косвенно способствует структурной трансформации экономики, обеспечивая материальной основу за счёт государственной казны для ведения бизнеса и (или) реализации социально значимых целей. Такое влияние проявляется через определение государством субъектов хозяйствования, которые получают возможность использования или владения имуществом, тем самым определяя величину финансовых ресурсов, остающихся в распоряжении субъектов хозяйствования, для реализации их целей, которые коррелируют с целями и задачами развития экономики.

Государственное предпринимательство (в первую очередь, дивидендная политика) оказывает непосредственное влияние на формирование собственных ресурсов государственных предприятий (корпораций). Такие ресурсы необходимы для осуществления своей деятельности и выполнения

соответствующих функций, что определяет масштаб такой деятельности исходя из её влияния на решение задач развития, стоящих перед государством.

Трансформация указанного инструмента определяется повышением эффективности (не столько бюджетной, сколько общественной) его применения.

3) *Разграничение доходных источников между бюджетами ППО* также является важным ИБП, особенно в контексте регулирования территориальных пропорций развития экономики.

В зарубежных (Б. Вайнгаста и Й. Цаня) и отечественных (А.М. Лавров) исследованиях конца 1990-х годов была научно обоснована гипотеза о том, что бюджетная автономия ППО оказывает существенное влияние на улучшение предпринимательского и инвестиционного климата регионов и муниципальных образований, а также способствует качественному реформированию производства и развитию рыночной инфраструктуры [5].

Современные исследователи отмечают, что влияние децентрализации доходных источников в большей мере оказывает влияние на развитие экономики регионов, чем предоставление финансовой помощи, так как субнациональные правительства имеют большие стимулы к развитию территориальной экономики, который увеличивается при поступлении дополнительных доходов (в результате такого развития) в бюджет ППО. Субнациональные правительства со своими собственными источниками доходов лучше реагируют на местные потребности и способствуют повышению экономической эффективности, в том числе за счёт внедрения инноваций в производстве и предоставлении общественных товаров и услуг [6,7].

Разграничение доходных источников между бюджетами ППО в качестве ИБП организуется посредством установления единых нормативов отчислений от налоговых и неналоговых доходов, которые применяются в отношении всех ППО одинаково, а также дифференцированных нормативов отчислений, применяющихся отлично для разных ППО, и определяют специфически особенностей отдельных территорий.

По нашему мнению, сохранение значительных различий субъектов Российской Федерации по макроэкономическим, социальным и финансовым показателям, несмотря на значительный опыт и постоянное совершенствование системы межбюджетных отношений, отражают общемировую тенденцию на рост бюджетной децентрализации расходов темпами, превосходящими темпы

роста децентрализации доходов, о которой свидетельствуют отдельные исследования [7].

В этой связи трансформация инструмента разграничения доходных источников между бюджетами ППО должна обуславливаться повышением мобильности данного инструмента, которая определяет особенности развития отдельных территорий – то есть увеличение роли дифференцированных нормативов, а также их оперативная корректировка при изменении их положения.

3. Актуальность использования инструментария бюджетного регулирования при управлении государственным долгом и источниками финансирования дефицита бюджета, включающего инструменты привлечения и погашения долга (инструментария долгового регулирования) повышается в периоды социально-экономических кризисов и структурных трансформаций экономики, так как, зачастую, доходов государства недостаточно для проведения необходимых мероприятий и финансирования расходов, направленных на устойчивое и динамичное развитие экономики.

1) Инструменты долгового регулирования, как правило не имеют целевого характера, а используются для последующего осуществления расходов, которые привлекают дополнительные финансовые ресурсы в бюджет. Они могут быть связаны в том числе с финансированием проектов развития экономики из бюджета. В этой связи определим такие инструменты как *нецелевые инструменты долгового регулирования*.

Объем привлечения таких заимствований ограничен в России бюджетным правилом, а основная особенность их трансформации – это приспособление к меняющейся конъюнктуре мировых цен на энергоресурсы, то есть необходимость снижения «цены отсечения» на нефть при расчёте предельных расходов федерального бюджета.

2) Одним из инструментов долгового регулирования, применение которого в международной практике было формализовано с 2015 года, являются *устойчивые облигации*, в том числе «зелёные» и социальные [8]. Такие облигации ориентированы на привлечение финансирования для проектов устойчивого развития экономики.

Для облигаций устойчивого развития в рамках их трансформации могут быть установлены ключевые показатели эффективности по достижению целей

устойчивого развития либо они должны предполагать привлечение финансирования для конкретных экологических и социальных проектов.

3) *Бюджетные кредиты* как ИБП, так же, как и бюджетное финансирование, являются эффективным инструментом стимулирования социально-экономического развития страны. Накопленный положительный опыт использования инструмента бюджетного кредитования свидетельствует о том, что бюджетные кредиты направлены не только на покрытие бюджетного дефицита и кассовых разрывов, но и реализацию задач ППО, связанных с развитием экономики. Бюджетное кредитование как ИБР мы рассматриваем в контексте представления бюджетных кредитов бюджетам бюджетной системы.

Более высокая роль бюджетного кредитования свойственна постсоветским странам с высоким уровнем бюджетной централизации, тогда как сложившаяся зарубежная практика обусловлена более активным использованием финансовых рынков для привлечения заемного финансирования. В свою очередь, в России в отличие от других постсоветских стран использование бюджетного кредитования не ограничено покрытием бюджетных разрывов, а бюджетные кредиты могут иметь не только краткосрочный, но и инвестиционный характер.

С 2021 года происходит трансформация бюджетного кредитования в инструмент стимулирования пространственного развития государства.

Трансформация инструментов бюджетной политики должна обеспечивать формирование вектора устойчивого и динамичного развития экономики, в связи с чем характер их влияния на развитие экономики и особенности воздействия особенно актуальна для рассмотрения.

Список источников

1. Соляникова, С. П. Ответственная бюджетная политика в условиях высокого уровня неопределенности: правила разработки и критерии оценки / С. П. Соляникова // Инновационное развитие экономики. – 2016. – № 3-2(33). – С. 91-96. EDN: <https://elibrary.ru/WEILFT>.
2. International Monetary Fund. Fiscal Monitor: Spending Smarter: How Efficient and Well-Allocated Public Spending Can Boost Economic Growth // IMF. – 2025. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/FM/FM_Oct25_Full_Report.pdf (дата обращения: 09.03.2026).
3. Кочетков, Н. Д. Особенности бюджетного регулирования развития экономики и факторы его институционализации / Н. Д. Кочетков // Финансы. – 2025. – № 12. – С. 47-53. EDN: <https://elibrary.ru/SZSDFT>.

4. Домбровский, Е. А. Становление и развитие системы оценки налоговых расходов / Е. А. Домбровский, Н. Д. Кочетков // Финансы. – 2024. – № 4. – С. 44-53. EDN: <https://elibrary.ru/QWYACW>.
5. Кочетков, Н. Д. Развитие подходов к содержанию бюджетного федерализма в контексте достижения национальных целей развития / Н. Д. Кочетков // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. – 2024. – № 3. – С. 127-130. EDN: <https://elibrary.ru/CPBFBQ>. <https://doi.org/10.56584/1560-8816-2024-3-127-130>.
6. Sharovska I. (2014). Financial decentralization and economic development in selected unitary European countries. *European Journal of Finance and Accounting*, 9 (1), 22-40. <https://doi.org/10.18267/j.efaj.113>.
7. Арлашкин И.Ю., Дерюгин А.Н., Филиппова И.Н. Влияние межбюджетных отношений на экономический рост в регионах. *Экономическая политика*. 2025. – № 20(1). – 56-83. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2025-1-56-83>. ISSN 2411-2658.
8. Крылова, К. Е. Облигации для устойчивого развития: зарубежный и российский опыт / К. Е. Крылова // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. – 2020. – Т. 19, № 2. – С. 64-71. EDN: <https://elibrary.ru/AVABDA>.

УДК: 336.233.2

Стешенко Юлия Александровна

Российская Федерация, Москва

Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов
Российской Федерации

старший научный сотрудник Центра налоговой политики

кандидат экономических наук

ПОДХОДЫ К СОЦИАЛЬНОМУ НАЛОГООБЛОЖЕНИЮ В СТРАНАХ СНГ

Аннотация:

За последние несколько лет произошли существенные изменения в механизме социального налогообложения в различных государствах мира и страны СНГ не стали исключением. Действие современных систем социального налогообложения направлено на финансирование социального, пенсионного и медицинского страхования граждан. В большинстве государств взносы и отчисления на социальное обеспечение осуществляют и работники, и работодатели, при этом льготные условия для субъектов МСП, в том числе индивидуальных предпринимателей, применяются достаточно редко. Зачастую, распределение нагрузки происходит следующим образом – около 30%–40% от объема всех социальных платежей уплачивается наемными сотрудниками, а остальная часть – работодателям. Также существует ряд стран, в которых бремя социальных платежей полностью несет работник (например, Армения) или полностью несет работодатель (например, Россия).

Ключевые слова:

Страховые взносы, социальное налогообложение, налог, страны СНГ, обязательное медицинское страхование.

UDC: 336.233.2

Steshenko Iuliia Aleksandrovna

Russian Federation, Moscow

Federal State Budgetary Institution «Financial Research Institute»

Senior Researcher at the Tax Policy Center

Candidate of Economic Sciences

APPROACHES TO SOCIAL TAXATION IN THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES

Abstract:

Over the last few years, there have been significant changes in the social taxation mechanism in various countries of the world and the CIS countries are no exception. The operation of modern social taxation systems is aimed at financing social, pension and health insurance of citizens. In most countries, social security contributions are made by both workers and employers, with the concessionary conditions for SMEs, including individual entrepreneurs, being relatively rare. Often, the burden is shared as follows - about 30-40% of all social security payments are paid by employees and the rest to employers. There are also several countries where the burden of social security payments is borne entirely by the worker (e.g. Armenia) or entirely by the employer (e.g. Russia).

Keywords:

Insurance contributions, social taxation, tax, CIS countries, compulsory health insurance.

Вопросы социального налогообложения доходов достаточно часто рассматриваются в трудах отечественных ученых [1], [2], [3]. Рассматривать подходы к применению социальных взносов в контексте социального налогообложения в странах СНГ следует с учетом действующих налоговых режимов, применяемых в отношении доходов от осуществления трудовой деятельности в рамках трудовых отношений между работником и работодателем. Зачастую в указанных странах объективно оценить уровень бремени, которое несет налогоплательщик, можно только учитывая общую налоговую нагрузку, как по налогам, так и по социальным платежам. Помимо этого, в странах СНГ распространена практика, когда страховые и социальные взносы уже включены в фиксированную сумму налога. Примером такого режима является система налогообложения на основе патента, действующая Республике Таджикистан. В целом, в странах СНГ применяются три подхода к социальному налогообложению, рассмотрим каждый из них более подробно на примере страны.

1. Подход на основе солидарной ответственность работников и работодателей

В ряде стран СНГ применяется подход, при котором работники и работодатели несут солидарную ответственность по уплате страховых и социальных платежей, что соответствует международным тенденциям.

Рассмотрим подробно опыт Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Беларусь и Республики Таджикистан.

В *Республике Казахстан* нагрузка по социальным платежам разделена между работником и работодателем, при этом действующая система состоит из нескольких ключевых элементов, каждый из которых формирует специализированный фонд, выполняющий функции по обязательному пенсионному, медицинскому и социальному страхованию граждан.

1. Социальный налог, взимание которого регулируется Разделом 9 НК РК¹. Налог уплачивается налогоплательщиками, являющимися индивидуальными предпринимателями, лицами, занимающимися частной практикой и юридическими лицами, налоговым периодом установлен календарный месяц. Объектом налогообложения для налогоплательщиков, являющихся юридическими лицами, является сумма расходов на оплату труда работников, в том числе выплаченные надбавки, уменьшенная на величину обязательных пенсионных взносов, взносов на обязательное медицинское страхование и других платежей, в соответствии с нормами ст. 556 НК РК².

2. Социальные отчисления в Государственный фонд социального страхования (далее – ГФСС), взимание которых регулируется Главой 18 Социального кодекса Республики Казахстан (далее – СК РК). Плательщиками являются работодатели, в том числе индивидуальные предприниматели, а также лица, занимающиеся частной практикой³. С 1 января 2025 г. размер социальных отчислений за работников, подлежащих уплате в Фонд обязательного медицинского страхования, устанавливается в размере 5 % от объекта исчисления социальных отчислений, определяемого согласно ст. 245 СК РК⁴. Размер объекта исчисления социальных отчислений определяется с учетом особенностей, установленных ст. 245 СК РК, например, в случае наемных работников объектом является начисленный доход, уменьшенный на величину обязательных пенсионных взносов за налоговый период.

¹ Налоговый Кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2500000214> (дата обращения: 13.05.2024 г.).

² Налоговый Кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2500000214> (дата обращения: 13.05.2024 г.).

³ Социальный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2300000224> (дата обращения: 10.03.2026 г.).

⁴ Социальный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2300000224> (дата обращения: 10.03.2026 г.).

3. Обязательные пенсионные взносы работодателя (далее – ОПВР), подлежащие уплате в единый накопительный пенсионный фонд за счет собственных средств агента. В качестве агента выступает юридическое или физическое лицо, которое использует труд наемных сотрудников. Величина взносов установлена в размере 3,5% от величины ежемесячного дохода работника.

4. Обязательные пенсионные взносы (далее – ОПВ), подлежащие уплате в единый накопительный пенсионный фонд, согласно Главе 19 СК РК, уплачиваются работниками, а также лицами, получающими доходы по договорам гражданско-правового характера через агентов¹. Уровень взносов установлен в размере 10 % от ежемесячного дохода. При этом ежемесячный доход, принимаемый для исчисления ОПВ, от одного агента не должен превышать 50-кратный МРЗП, согласно п. 1 ст. 249 СК РК².

5. Отчисления и взносы в Фонд социального медицинского страхования³. Размер отчислений работодателей составляет 3 % от затрат на оплату труда, а размер взносов работников с 1 января 2026 г. – 2% от получаемого дохода. Предусмотрен максимальный лимит дохода, который не должен превышать 40-кратный МРЗП.

Таким образом, в Республике Казахстан законодательством предусмотрена солидарная ответственность между работником и работодателем, в том числе являющимся индивидуальным предпринимателем, по уплате страховых взносов. В целом, работодатель уплачивает большую долю социальных отчислений, чем работник. Льготы по большинству платежей предусмотрены только в отношении достаточно узкого периметра работников, например, в отношении военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов, органов гражданской защиты, получателей пенсионных выплат. Пониженные налоговые ставки предусмотрены в отношении социального налога для плательщиков-работодателей, если их основным видом деятельности является производство,

¹ Социальный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2300000224> (дата обращения: 10.03.2026 г.).

² Социальный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2300000224> (дата обращения: 10.03.2026 г.).

³ Закон Республики Казахстан от 16 ноября 2015 года № 405-V ЗПК «Об обязательном социальном медицинском страховании» [Электронный ресурс]. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000405/z150405.htm> (дата обращения: 10.03.2026 г.).

реализация, а также переработка сельскохозяйственной продукции собственного производства.

2. Подход на основе ответственности работника

Армения является единственным государством из стран СНГ, в котором работники несут полную финансовую ответственность за уплату социальных и страховых платежей. В Республике Армения действует единый социальный взнос, который уплачивается наемными работниками, индивидуальными предпринимателями, самозанятыми гражданами. Регулирование платежа в соответствии с нормами Закона Республики Армения от 30 декабря 2010 года № ЗР-244-Н НО-244-Н «О накопительных пенсиях»¹. Обязанность по исчислению и перечислению (взысканию) социальных взносов наемного работника несут работодатели в качестве налогового агента. Важно отметить, что в Армении, в отличие от других стран СНГ, медицинское страхование не является обязательным, то есть каждый гражданин страны самостоятельно приобретает страховой полис. Только неотложная медицинская помощь, а также медицинское обслуживание несовершеннолетних граждан, предоставляется бесплатно. По состоянию на 2026 г. органы государственной власти Армении разрабатывают нормативное правовое регулирование обязательного медицинского страхования.

3. Подход на основе ответственности работодателя

В Узбекистане с 2019 года действует единый социальный налог, установленный Главой 58 НК РУ, который заменяет пенсионные, медицинские и иные взносы². Исчисление и уплату налога осуществляют полностью работодатели, базой при расчете является сумма расходов на оплату труда наемных сотрудников. Действуют следующие ставки социального налога:

- 25% с бюджетных организаций;
- 7% с Ассоциации «SOS - Детские деревни Узбекистана»;
- 4,7% с налогоплательщиков, использующих труд лиц с инвалидностью, работающих в специализированных цехах, участках и предприятиях;
- 12% – с остальных юридических лиц, согласно ст. 405 НК РУ.

¹ Закон Республики Армения от 30 декабря 2010 года № ЗР-244-Н НО-244-Н «О накопительных пенсиях» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.arlis.am/ru/acts/216341> (дата обращения: 10.03.2026 г.).

² Налоговый кодекс Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/4674893#4698872> (дата обращения: 10.03.2026 г.).

Индивидуальные предприниматели также являются плательщиками социального налога, при этом за себя данные налогоплательщики уплачивают налог в фиксированной сумме – в размере не менее одной базовой величины в месяц (далее – БРВ) ¹.

В странах СНГ применяются различные подходы к обложению работников и работодателей социальными взносами и отчислениями. По данным таблицы 2, используемые ставки по подоходному налогу также различны в странах СНГ.

Таблица 2 – Подоходный налог и взносы на социальное страхование, уплачиваемые работниками и работодателями в странах СНГ (для компаний коммерческого сектора)

Страна	Налоговая ставка	Социальные взносы		
		Работник	Работодатель	Итого
Армения	20 %	Социальный взнос – 5% или 10% от суммы превышения дохода в 500 тыс. драмов	-	5%
Узбекистан	12 %	-	Социальный налог – 12 %	12%
Таджикистан	12 %	Социальный налог – 2 %	Социальный налог – 20 %	22%
Кыргызская Республика	10 %	Страховые взносы – 10 %	Страховые взносы – 17,25 %	27,25%
Республика Казахстан	Двухуровневая прогрессивная шкала: 10 % /15%	1. ОПВ – 10% 2. Отчисления и взносы в ФСМС – 2% Итого: 12%	1. Социальный налог – 6% 2. Социальные отчисления в ГФСС – 5% 3. ОПВР – 3,5% 4. Отчисления и взносы в ФСМС – 3% Итого: 17,5%	27,5%
Республика Беларусь	Трехуровневая прогрессивная шкала: 13%/20%/30%	1 %	28 %	29%

Проведенный анализ показал, что в Армении самый низкий уровень фискальной нагрузки по социальным платежам для работодателя из

¹ С 1 июля 2025 г. базовая расчетная величина составляет 412 тыс. сумов, согласно Указу Президента Республики Узбекистан, от 02.06.2025 г. № УП-91 «О повышении размеров заработной платы, пенсий, стипендий и пособий». <https://www.lex.uz/uz/docs/7553336> (дата обращения: 10.03.2026 г.).

рассматриваемых стран СНГ, так как единственной обязанностью такого субъекта является исчисление, удержание и уплата в бюджет социальных взносов. Для работника же фискальная нагрузка¹ может достигать 30% от полученного дохода, что является одним из самых высоких значений в СНГ. Такой подход подразумевает низкую стоимость труда для работодателей и стимулы для расширения официального трудоустройства наемных сотрудников, с одной стороны. С другой стороны, для работников отсутствуют меры поощрения и социальной защиты при осуществлении официальной занятости.

В Республике Узбекистан напротив, работник уплачивает только подоходный налог по налоговой ставке 12%, при этом при исчислении налога применяются налоговые вычеты, благодаря которым эффективная налоговая ставка может быть существенно снижена. Уровень ставок социальных взносов работодателей в стране один из самых низких из стран СНГ. Несмотря на это, в Узбекистане достаточно высокий уровень теневого сектора экономики.

В остальных рассмотренных странах СНГ и работодатели, и работники участвуют в социальном обеспечении последних. В Республике Казахстан и Кыргызской Республике используются почти идентичные налоговые ставки как по социальным взносам, так и по подоходному налогу.

Список источников

1. Гаджиалиев Р.К. Страховые взносы в Российской Федерации: правовой аспект. Образование и право. 2024. № 5. С. 69-75. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-5-69-75
2. Смородина Е.А., Клименко М.Н. Реформирование налогового законодательства России: социальные и страховые выплаты. Финансовый бизнес. 2023. № 7 (241). С. 168-171.
3. Шашкова А.В., Кудряшова Е.В. Взносы в социальные фонды: политико-правовые аспекты реформ. Налоги. 2024. № 4. С. 14-18.

¹ Под фискальной нагрузкой понимается общая нагрузка по налоговым и социальным платежам.

СЕКЦИЯ 2. ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОСТИ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

УДК: 347.734

Валишина Наиля Рифовна

Российская Федерация, Уфа

Уфимский университет науки и технологий

старший преподаватель кафедры финансового и административного права

БАНКРОТСТВО ГРАЖДАНИНА КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА УСТОЙЧИВОСТЬ КРЕДИТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМАТИКА ВОПРОСА

Аннотация:

В статье раскрывается понятие и практика применения освобождения гражданина от обязательств как фактор, влияющий на стабильность кредитной организации. Освещается проблематика «раздолжников». Даны предложения по урегулированию вопроса

Ключевые слова:

Банкротство граждан, раздолжники, неосвобождение от исполнения обязательств, кредитная организация.

UDC: 347.734

Valishina Nailya Rifovna

Russian Federation, Ufa

Ufa University of Science and Technology

Senior Lecture of the Department of Financial and Administrative Law at the
Institute of Law

BANKRUPTCY OF A CITIZEN AS A FACTOR INFLUENCING THE STABILITY OF A CREDIT INSTITUTION: THE PROBLEMATIC ISSUE

Abstract:

The article reveals the concept and practice of applying the exemption of a citizen from obligations as a factor affecting the stability of a credit institution. The problem of «loan sharks» is highlighted. Suggestions are given to resolve the issue.

Keywords:

Bankruptcy of citizens, borrowers, non-discharge from obligations, credit institution.

Важнейшей основой финансовой устойчивости и стабильности кредитных организаций является возвратность выданных кредитов.

Статьей 819 Гражданского кодекса РФ [1] установлена обязанность заемщика возвратить полученную денежную сумму и уплатить проценты за пользование ею, а также предусмотренные кредитным договором иные платежи, в том числе связанные с предоставлением кредита.

Более того с целью обеспечения возвратности кредита в силу статьи 33 Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1¹ (ред. от 28.11.2025) «О банках и банковской деятельности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) кредиты могут обеспечиваться имуществом как заемщика, так и третьих лиц. При нарушении заемщиком обязательств по возврату кредита кредитная организация вправе обратиться взыскание на данное имущество.

Финансовая устойчивость банка – это состояние, при котором он способен в любое время при условии достаточности собственного капитала и ликвидности выполнять свои обязательства перед клиентами, вкладчиками и кредиторами. Возвратность кредитов² отражает качество кредитного портфеля и эффективность управления кредитными рисками, что является основой для поддержания этой устойчивости.

Если доля просроченных ссуд в общем объеме кредитного портфеля высока, это сигнализирует о проблемах в управлении рисками, снижении качества активов и потенциальной угрозе для капитала банка. Напротив, высокая доля возвращенных кредитов и своевременная оплата процентов свидетельствуют о грамотной кредитной политике, способности банка привлекать качественных заемщиков и эффективно управлять рисками.

¹ Федеральный закон от 02.12.1990 N 395-1 (ред. от 28.11.2025) "О банках и банковской деятельности" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) – КонсультантПлюс // [Электронный ресурс] URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=511574&dst=1000000001&cacheid=E1BDBCEB4727002B9BA20BAD7C4C6BC6&mode=splus&rnd=qyn3xQ#NaDh3CVy26OoLKUn> (дата обращения 01.03.2026)

² Положение Банка России от 28.06.2017 N 590-П (ред. от 15.03.2023) "О порядке формирования кредитными организациями резервов на возможные потери по ссудам, ссудной и приравненной к ней задолженности" (вместе с "Порядком оценки кредитного риска по портфелю (портфелям) однородных ссуд") (Зарегистрировано в Минюсте России 12.07.2017 N 47384) – КонсультантПлюс // [Электронный ресурс] URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=444243&dst=1000000001&cacheid=567D1A59FCA387EFF4827A317D5CD760&mode=splus&rnd=VfoY8A#Ds6hLCVyibuOrLf1> (дата обращения 01.03.2026)

Для стабилизации финансовой устойчивости банки формируют резерв на возможные потери по ссудам [5]. Резерв формируется кредитной организацией при обесценении ссуды (ссуд), то есть при потере ссудой стоимости вследствие неисполнения либо ненадлежащего исполнения заемщиком обязательств по ссуде перед кредитной организацией, либо существования реальной угрозы такого неисполнения (ненадлежащего исполнения) Резервирование уменьшает объем средств, доступных коммерческим банкам для осуществления текущих операций.

Возвратность кредитов – критический индикатор финансовой устойчивости банка. Низкая доля просроченной задолженности и эффективное управление кредитными рисками позволяют банку сохранять достаточность капитала, ликвидность и выполнять обязательства перед всеми заинтересованными сторонами. Напротив, рост невозвратов может привести к ухудшению качества активов, необходимости доформирования резервов и, как следствие, снижению финансовой устойчивости.

Кредитоспособность гражданина является важнейшим из факторов возвратности кредита. Жизненные ситуации и экономическая обстановка приводят к тому, что физические лица используют экстраординарный способ защиты своих прав как банкротство граждан.

Более 1,5 млн россиян за 10 лет обратились к процедуре личного банкротства через суд для снятия долгов¹. Процедура судебного банкротства граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями, введена в России 10 лет назад - 1 октября 2015 года в соответствии с Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве).

По 67% дел граждан размер долга составлял от 500 тыс. до 3 млн руб., по четверти (24,5%) - менее 500 тыс. рублей. В 6,7% дел (116 тыс.) долги составляли от 3 млн до 10 млн руб., 1,5% (24,5 тыс.) - от 10 млн до 100 млн руб. 0,2% дел (3,7 тыс.) пришлось на банкротства при размере долга от 100 млн до 1 млрд руб. и 0,03% (464) - свыше 1 млрд руб.

В общей сложности прошедшие через процедуру банкротства были признаны банкротами на 2,5 трлн рублей. Суды удовлетворили требования о

¹ За 10 лет процедурой банкротства через суд воспользовались более 1,5 млн россиян // [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/obschestvo/25212505> (дата обращения 01.03.2026)

выплатах кредиторам на 166 млрд рублей. Но 60% банкротств (в отношении 673 тыс. лиц) завершились в связи с отсутствием имущества и средств у банкрота.

При этом не все проходившие процедуру банкротства смогли снять с себя долговые обязательства. В отношении почти 12 тыс. банкротов, прошедших реализацию имущества, суды вынесли решения о неприменении правил освобождения от обязательств по долгам. Основанием стали привлечение гражданина к уголовной или административной ответственности за неправомерные действия при банкротстве или за преднамеренное или фиктивное банкротство, предоставление недостоверных сведений финансовому управляющему и суду, а также при незаконности действий гражданина при возникновении и исполнении обязательств, приведших к требованиям кредиторов в деле о банкротстве. В материалах судов говорится о 24,5 тыс. заключениях финансовых управляющих об установлении признаков фиктивного или преднамеренного банкротства.

Исходя из изложенного проведение банкротств граждан на сумму 2,5 трлн.руб. сопоставимо с годовым объемом финансирования всей социальной сферы Москвы¹ в 2024 году. При этом не освобождено от исполнения обязательств всего 0,8 % граждан.

Значительную роль в такой огромной цифре банкротств, помимо экономической ситуации, играют так называемые «раздолжнители». Используя агрессивную рекламу, они создают у граждан ожидания легкого списания долгов.

Проблема недобросовестных «раздолжнителей» стоит очень остро – это признано на уровне Центробанка², Генпрокуратуры и Совета Федерации. Такие компании спекулируют на желании людей решить долговые проблемы, но вместо реальной помощи часто лишь усугубляют ситуацию. «Раздолжнителями» называют фирмы и частных лиц, которые предлагают услуги по «списанию» долгов и банкротству граждан. Сама по себе юридическая помощь в этой сфере не запрещена. Недобросовестность возникает тогда, когда компании используют агрессивную рекламу, дают заведомо ложные обещания и скрывают реальные

¹ Мосгордума приняла бюджет столицы на 2024-2026 годы // [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/ekonomika/19356857> (дата обращения 01.03.2026)

² В ЦБ рассказали, как определить мошенников-«раздолжнителей» // [Электронный ресурс] URL: https://senatinform.ru/news/v_tsb_rasskazali_kak_opredelit_moshennikov_razdolzhniteley/ (дата обращения 01.03.2026)

последствия процедур, преследуя только одну цель – получить с отчаявшегося должника как можно больше денег. Причастными к деятельности данных фирм являются номинальные финансовые управляющие, которые по факту не пытаются помочь гражданину разобраться с ситуацией, составить план реструктуризации и предотвратить признание его банкротом.

Рынок таких услуг огромен: по оценкам экспертов, в 2024 году его объем превысил 70 млрд рублей, а средний чек антиколлекторов составляет около 200 тысяч рублей с клиента¹.

Действительно статьей 213.28 Закона о банкротстве предусмотрено освобождение гражданина от обязательств по завершении процедуры банкротства гражданина. Согласно абзацу четвертому пункта 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве освобождение гражданина от обязательств не допускается, если при их возникновении или исполнении он действовал незаконно.

Раскрывая далее в этом абзаце виды незаконного поведения, законодатель приводит исключительно случаи, относящиеся к совершению должником умышленных действий, являющихся в гражданско-правовом смысле проявлением недобросовестности в отношении кредитора (мошенничество, уклонение от погашения долга, предоставление заведомо ложных сведений при получении кредита, сокрытие или умышленное уничтожение имущества).

Государством принимается очень широкий перечень мер с целью контроля процесса кредитования граждан:

для граждан введены и самоограничения, и период охлаждения;

2) кредитные организации обязаны рассчитывать показатель долговой нагрузки заемщика - физического лица (ПДН) при принятии решения о предоставлении кредита (ч.1 ст.5.1 Федерального закона от 21.12.2013 № 353-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О потребительском кредите (займе)»);

3) в законодательство о рекламе внесены изменения, обязывающие рекламодателей услуг, связанных с процедурой банкротства², с 1 января 2026 года соблюдать определенные требования. Реклама данных услуг должна

¹ Раздолжник платежом красен | Банковское обозрение// [Электронный ресурс] URL: <https://bosfera.ru/bo/razdolzhnikel-platezhom-krasen> (дата обращения 01.03.2026)

² Федеральный закон от 13.03.2006 N 38-ФЗ (ред. от 27.10.2025) "О рекламе" – КонсультантПлюс // [Электронный ресурс] URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=517470&dst=1000000001&cacheid=6C0B33606FB08A69210F8959B300B31A&mode=splus&rnd=rTuKg#sMdpbCVlbc2r1Yje> (дата обращения 01.03.2026)

содержать указание: "Банкротство влечет негативные последствия, в том числе ограничения на получение кредита и повторное банкротство в течение пяти лет. Предварительно обратитесь к своему кредитору и в МФЦ."

Банкротство граждан является также одним из способов ухудшения финансовой стабильности кредитных организаций в силу невозвратности выданных ими кредитов.

В связи с чем предлагаем для усиления устойчивости финансовых организаций и предотвращения банкротства граждан:

1)проводить превентивные мероприятия в виде финансовой грамотности граждан;

2)разработать меры ограничению выдач кредитов граждан, не имеющих финансовой возможности к возврату;

3)контролировать деятельность финансовых управляющих с точки зрения ограничения создания у граждан иллюзии в высокой вероятности освобождения от долгов;

4) принять меры к контролю и регулированию деятельности юридических лиц и физических лиц, оказывающих правовые услуги по банкротству граждан.

Список источников

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (с изменениями) // [Электронный ресурс] URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=449455&dst=100001#sq2aHZUmW94opjo91> (дата обращения 01.03.2026)

2. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 28.11.2025) «О банках и банковской деятельности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // [Электронный ресурс] URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=512738&dst=1000000001&cacheid=1CF5D997D3E7260614A9A758ED56FA95&mode=splus&rnd=SsaSJw#LMg4dCVz5FMusbLF> (дата обращения 01.03.2026)

3. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 29.12.2025) "О несостоятельности (банкротстве)" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // [Электронный ресурс] URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?from=500096-0&req=doc&base=LAW&n=511501&rnd=rTuKg#FKOFcCVaKrVLGy0k> (дата обращения 01.03.2026)

4. Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О потребительском кредите (займе)» // [Электронный ресурс] URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=499917&cacheid=17325>

A91F678BE74F3BCFC7DA88267EC&mode=splus&rnd=hnqkFA#rSROcCVDOVoT670N (дата обращения 01.03.2026)

5. Положение Банка России от 28.06.2017 N 590-П (ред. от 15.03.2023) "О порядке формирования кредитными организациями резервов на возможные потери по ссудам, ссудной и приравненной к ней задолженности" (вместе с "Порядком оценки кредитного риска по портфелю (портфелям) однородных ссуд") (Зарегистрировано в Минюсте России 12.07.2017 N 47384) // [Электронный ресурс] URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=444243&cacheid=D5E22F018FD901574EAD59379CBBED4D&mode=splus&rnd=SsaSJw#CMq4dCVwuTuDE8D81> (дата обращения 01.03.2026)

6. Ручкина Г.Ф. Современные проблемы банковского кредитования: комплексный подход к решению вопросов противодействия мошенническим схемам завладения денежными средствами граждан // Предпринимательское право. 2025. N 2. С. 23 - 30. // [Электронный ресурс] URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=159492&cacheid=9C64C4B98B1357C59ABFB8C145C9CABC&mode=splus&rnd=SsaSJw#4jy4dCVeWFHonYY5> (дата обращения 01.03.2026)

7. Ручкина Г.Ф. Правовое обеспечение финансовой стабильности Российской Федерации // Банковское право. 2024. N 2. С. 7 - 16. // [Электронный ресурс] URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=11154297&cacheid=1F8FE7FABB82EDC150DF38879F70426A&mode=splus&rnd=SsaSJw#3W65dCVKULkPppbA1> (дата обращения 01.03.2026)

8. Ильченко И.В. Отказ в освобождении должника-гражданина от обязательств после завершения процедуры банкротства. Основания для неосвобождения // Вестник арбитражной практики. 2024. N 5. С. 76 - 86. // [Электронный ресурс] URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=156573&cacheid=ED5FBE3490B0D40F6C513200A528CDCE&mode=splus&rnd=SsaSJw#Dfv5dCVIz0TyHgF5> (дата обращения 01.03.2026)

9. Фролов И.В. Мораторные проценты в делах о банкротстве граждан: правовая природа, особенность начисления и уплаты: монография. М.: Юстицинформ, 2025. 288 с. // [Электронный ресурс] URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=130&cacheid=ED5FBE3490B0D40F6C513200A528CDCE&mode=splus&rnd=SsaSJw#bF46dCVMtVS9KNb21> (дата обращения 01.03.2026)

УДК: 336

Гуревич Даниил Владимирович

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака
аспирант

РАСЧЕТ СВОДНОГО ИНДЕКСА КРЕДИТНОГО РИСКА ДЛЯ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЙ БАНКОВСКОЙ ЭКОСИСТЕМЫ СБЕР

Аннотация:

Банковские экосистемы являются частью экономической реальности уже более чем четверть XXI века. Централизованная банковская экосистема как модель организации банком единой среды для клиентов, состоящей из самого коммерческого банка и нефинансовых предприятий участников Централизованной банковской экосистемы не только расширяет возможности для коммерческого банка в части получения прибыли от продажи продуктов в нефинансом секторе, но и усложняет финансовые отношения в рамках централизованной банковской экосистемы, требующих разработки методического подхода оценки сводного индекса кредитного риска с целью измерения кредитного риска применительно к централизованной банковской экосистеме в целом.

Ключевые слова:

Банковская экосистема, кредитный риск, финансовый риск-менеджмент.

UDC: 336

Gurevich Daniil Vladimirovich

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak
Postgraduate student

CALCULATION OF THE CONSOLIDATED CREDIT RISK INDEX FOR THE CENTRALIZED BANKING ECOSYSTEM OF THE SBERBANK

Abstract:

Banking ecosystems have been a part of economic reality for more than a quarter of the 21st century. The centralized banking ecosystem as a model for the bank to organize a single environment for customers, consisting of the commercial bank itself and non-financial enterprises participating in the Centralized Banking ecosystem, not only expands the opportunities for a commercial bank to profit from the sale of products in the non-financial sector, but also complicates financial relations

within the centralized banking ecosystem., They require the development of a methodological approach to assessing the consolidated credit risk index in order to measure credit risk in relation to the centralized banking ecosystem as a whole.

Keywords:

Banking ecosystem, credit risk, financial risk management.

Банковские экосистемы как часть современного экономического ландшафта

Банковские экосистемы уже более 20 лет являются частью повседневной реальности. Их появление было изначально обусловлено растущей конкуренцией на рынке финансовых услуг, при которой традиционные коммерческие банки были вынуждены соперничать за право предоставления финансовых услуг не только между собой, но и конкурировать с предприятиями вида финтех и бигтех. Простая автоматизация повлекла за собой массовую вертикальную конкуренцию между различными рынками, мотивируя их перекрестно предлагать свои продукты. Цифровизация коснулась и финансового сектора. Несмотря на то, что многие традиционные финансовые инвесторы скептически отнеслись к идее того, что экономика финтех и бигтех компаний может работать в долгосрочной перспективе и возвращать капитал, последние доказали вою эффективность и начали теснить в секторах рынка своего присутствия все ранее действовавшие в них бизнесы. Традиционные коммерческие банки не стали исключением [1]. Так коммерческие банки были вынуждены ради сохранения конкурентоспособности встать на путь собственной цифровизации. Данный путь стал возможен, в частности, благодаря динамичному развитию интернет-технологий, популяризации мобильных устройств и последовательного развития технологии искусственного интеллекта, включая, но не ограничиваясь технологиями big data, машинного обучения, скрининга клиента и т.д. Естественным и закономерным стало появление банковских экосистем, базирующихся на собственной ИТ платформе с единой авторизацией пользователей, обладающих цифровым профилем, открывающим доступ как к традиционным банковским услугам, так и к каталогу продуктов нефинансового сектора.

Построение экосистем потребовало от банков радикальных изменений. Это не только инвестиции в ИТ инфраструктуру и софт, но и преобразование иерархической банковской системы в горизонтально структурированную

структуру по сбыту финансовых и не финансовых продуктов, с попутным накоплением через транзакции данных о каждом конкретном клиенте. Такая бизнес-модель обеспечила маркетинговый прорыв, изменив концепцию на оказание услуг клиентам по мере возникновения их потребностей вне зависимости от их географической распределённой и времени суток [2].

Существует множество подходов к классификации банковских экосистем. Один из подходов предусматривает типологию банковских экосистем от применяемой ими бизнес-модели [3]:

Синхронизированная – формирование экосистемы от потребности клиентов (сведения собираются на базе транзакций и финансовые услуги предлагаются клиентам персонализировано).

Маркетплейс – предложение клиенту продуктов финансового и не финансового характера под своим брендом.

Присоединенная – банк встраивается в сервисы сторонних партнеров и становится исключительно поставщиком финансовых продуктов.

Открытая платформа – банк наряду с другими банками подключается к сервисам партнеров через интерфейсы API и участвует в поставке финансовых продуктов.

Реферальная – банк предлагает клиенту финансовый продукт и в случае отказа за комиссию передает клиента следующему банку.

Централизованная – самая совершенная и технически, организационно сложная модель построения банковской экосистемы, с ярко выраженным банком-ядром, определяющим стратегию развития банковской экосистемы и управляющим аффилированными с ним предприятиями-участниками банковской экосистемы через аффилированность.

В нашем исследовании именно Централизованные банковские экосистемы (далее ЦБЭС) представляют наибольший интерес. Совокупность финансовых потоков между коммерческим банком-ядром ЦБЭС, действующими в финансовом секторе рынка и предприятиями-участниками ЦБЭС, ведущими длительность в нефинансовых секторах рынка, обуславливает необходимость расширения мероприятий в области финансового риск-менеджмента. Последние требуют создания и обоснования инструмента, позволяющего количественно измерить финансовые риски для формирования мероприятий по реагированию на риск. В частности, такой методический подход востребован в отношении

кредитного риска как одного из наиболее значимых рисков для коммерческого банка и его ЦБЭС в целом. В рамках настоящей статьи мы предложим такой методический подход по расчету сводного индекса кредитного риска ЦБЭС и рассмотрим его апробацию на примере ЦБЭС ПАО «Сбербанк».

Методический подход оценки сводного индекса кредитного риска для централизованной банковской экосистемы

Методический подход оценки сводного индекса кредитного риска ЦБЭС требуется разработать таким образом, чтобы его расчет был прозрачен и применим для ЦБЭС с любым количеством участников.

Особенность подхода оценки сводного индекса кредитного риска ЦБЭС заключается в необходимости учесть в элементах расчета специфику финансовых потоков такой системы. ЦБЭС включает в себя множество различных по отраслевой принадлежности предприятий. Каждое из них обладает своей спецификой ведения бизнеса и своими особенностями в отношении рисков-аналогов кредитного риска. Требуется определить показатели, описывающие данные риски для предприятий-участников ЦБЭС нефинансового сектора рынка и включить их в разрабатываемый методический подход.

Для работы с кредитным риском на уровне коммерческого банка предлагаем обратиться к нормативам Н7 и Н12 в соответствии с инструкцией Центрального банка Российской Федерации №220-И от 26.05.2025 [4]. Эти нормативы характеризуют то, насколько вероятна реализация кредитного риска для коммерческого банка-ядра ЦБЭС.

Для оценки кредитных рисков предприятий-участников ЦБЭС, потребуется применять показатели, описывающие риск неплатежеспособности – непоступления денежных средств от контрагентов, (это риски неплатежей, нарушения контрагентами предприятий- участников ЦБЭС договорных обязательств). Такими показателями примем долю дебиторской задолженности в текущих активах конкретного участника ЦБЭС, оборачиваемость дебиторской задолженности и период погашения дебиторской задолженности.

Ключевым показателем, на основании которого будет строиться методический подход оценки сводного индекса кредитного риска ЦБЭС будет являться коэффициент соответствия норматива рекомендованному значению «λ». Для нормативов Н7 и Н12, рассчитываемых для коммерческого банка ядра – ЦБЭС, рекомендованные значения заданы инструкцией Центрального банка

Российской федерации №220-И от 26.05.2025 [4]. Для показателей дебиторской задолженности каждого участника ЦБЭС рекомендованные значения будем использоваться согласно теории экономического анализа [5].

Таблица 1 – Нормативы, характеризующие кредитный риск для коммерческого банка-ядра ЦБЭС и предприятий участников ЦБЭС. [4,**Ошибка! Источник ссылки не найден.**5]

Норматив/показатель	Способ расчета	Утверждённое/ Рекомендованное значение
Н7	Инструкция Банка России от 26.05.2025 N 220-И	Не более 800%
Н12		Не более 25%
Доля ДЗ в текущих активах	Дебиторская задолженность / текущие активы	Не более 50%
Оборачиваемость ДЗ	Выручка / Средний остаток ДЗ	не менее двух оборотов в год
Период погашения ДЗ	360 / Оборачиваемость ДЗ	не более 180 дней

Если показатель «λ» имеет границу в диапазоне рекомендованных значений «сверху» расчет принимает значение:

$$\lambda = \frac{\text{фактическое значение}}{\text{нормативное значение}}$$

Если показатель «λ» имеет границу в диапазоне рекомендованных значений «снизу» расчет принимает значение:

$$\lambda = \frac{\text{нормативное значение}}{\text{фактическое значение}}$$

Чем значительнее отклонение фактического значения показателя от нормы – тем более значимым является показатель для расчета сводного индекса кредитного риска ЦБЭС.

Показатель «λ» рассчитывается на основании нормативов Н7 и Н12 на уровне коммерческого банка-ядра ЦБЭС и показателей дебиторской задолженности каждого предприятия-участника ЦБЭС. Далее определяется среднее арифметическое от значений «λ» отдельно на уровне коммерческого банка и каждого предприятия-участника ЦБЭС, что позволяет получать агрегированные показатели, применимые для расчетов итогового значения сводного индекса кредитного риска ЦБЭС.

Далее нам потребуется добавить качественные веса, описывающие значимость каждого предприятия-участника ЦБЭС. Для коммерческого банка

такой показатель должен быть признан по умолчанию равным 100%. Остальные бизнесы входящие в ЦБЭС должны получить экспертную оценку от 0% до 100% в зависимости от факторов, повышающих или понижающих значимость каждого предприятия-участника ЦБЭС. Предполагается, что при коммерческом банке есть орган управления, который может присвоить такие веса каждому предприятию участнику ЦБЭС. Введем в методический подход показатель « π », характеризующий такую значимость каждого предприятия-участника ЦБЭС.

Третьим весовым показателем, который мы применим в методическом подходе оценки сводного индекса кредитного риска ЦБЭС мы введем долю субъекта ЦБЭС (банка-ядра или предприятия – участника ЦБЭС) в сводном финансовом результате ЦБЭС за период и обозначим его « β », как отношение финансового результата субъекта ЦБЭС к значению сумм финансовых результатов банка-ядра ЦБЭС и всех ее предприятий-участников.

Если все предприятия-участники ЦБЭС убыточны и положительный финансовый результат присутствует только у коммерческого банка (ситуация свойственная периоду создания ЦБЭС и инвестирования в бизнесы нефинансовых секторов рынка), то « β » для коммерческого банка приравнивается 100%, а для предприятий-участников ЦБЭС « β » в расчетах используется с значением по модулю числа.

Формула интегрального показателя оценки сводного индекса кредитного риска ЦБЭС « $KP_{цбэс}$ » примет значение:

$$KP_{цбэс} = \sum_{i=1}^N \lambda_i * \pi_i * \beta_i$$

Для интерпретации полученного значения показателя оценки сводного индекса кредитного риска « $KP_{цбэс}$ » требуется предложить шкалу качественной оценки интервалов значений полученного в ходе расчетов показателя. Такая шкала качественной оценки интервалов значений интегрального показателя оценки сводного индекса кредитного риска ЦБЭС, приведенная в таблице 2.

Таблица 2 – Шкала качественной оценки интервалов значений показателя оценки сводного индекса кредитного риска ЦБЭС (разработано автором).

Интервал значений показателя оценки сводного индекса кредитного риска ЦБЭС	Трактование значения
$KP_{\text{ЦБЭС}} = (0 ; 0,2]$	Кредитный риск ЦБЭС имеет незначительный уровень
$KP_{\text{ЦБЭС}} \in (0,2 ; 0,4]$	Кредитный риск ЦБЭС имеет малый уровень
$KP_{\text{ЦБЭС}} \in (0,4 ; 0,6]$	Кредитный риск ЦБЭС имеет средний уровень
$KP_{\text{ЦБЭС}} \in (0,6 ; 0,8]$	Кредитный риск ЦБЭС имеет высокий уровень
$KP_{\text{ЦБЭС}} \in (0,8 ; 1,0]$	Кредитный риск ЦБЭС имеет очень высокий уровень
$KP_{\text{ЦБЭС}} \in (1,0; +\infty)$	Кредитный риск ЦБЭС имеет критический уровень

Расчет сводного индекса кредитного риска для централизованной банковской экосистемы сбер

Апробируем методический подход оценки сводного индекса кредитного риска для ПАО «Сбербанк» и 5 предприятий-участников ЦБЭС ПАО «Сбербанк». Аффилированность данных предприятий с банком СБЕР определим на основании информации из открытых источников в сети интернет. Расчет будет производиться на основании отчетности 2021 года, доступной в открытых источниках (Бухгалтерский баланс и отчет о прибылях и убытках каждого предприятия-участника). В расчетном примере будет использоваться информация о 6 субъектах ЦБЭС ПАО «Сбербанк»: банк-ядро СБЕР и предприятия участники ЦБЭС:

- ООО «Маркетплейс»;
- ООО «Эвотор»;
- ООО «Новые транспортные системы» (каршеринг Ситидрайв);
- ООО «ЕАПТЕКА»;
- ООО «ДокДок» (сервис СБЕР Здоровье).

Приведем информацию, подтверждающую аффилированность каждого предприятия-участника ЦБЭС с банком-ядром экосистемы СБЕР.

Аффилированность ООО «Маркетплейс» с ПАО «Сбербанк»: доля в ООО «Маркетплейс» (бренд Goods.ru) принадлежит дочерней компании Сбербанка – ООО «Цифровые активы» [6]. В открытой сети интернет представлена

информация о сделке по покупке компанией ООО «Цифровые активы» 85% в уставном капитале ООО «Маркетплейс».

Аффилированность ООО «Эвотор» с ПАО «Сбербанк»: Сбербанк получил мажоритарную долю компании ООО «Эвотор» в декабре 2020 [7].

Аффилированность ООО «Новые транспортные системы» с ПАО «Сбербанк»: текущий состав акционеров «Ситидрайва» не раскрывается, но сервис продолжает входить в экосистему «Сбербанка» [8].

Аффилированность ООО «ЕАПТЕКА» с ПАО «Сбербанк»: В октябре 2020 года группа компаний «Р-Фарм» и Сбербанк произвели совместную покупку пакета акций компании «Еаптека» [9].

Аффилированность ООО «ДокДок» с ПАО «Сбербанк»: онлайн-сервиса DocDoc в мае 2017 года был приобретен ПАО «Сбербанк» в размере 80% акций. В 2020 году Сбербанк запустил многофункциональный телемедицинский сервис «СберЗдоровье», создав его на базе ранее приобретённого сервиса DocDoc [10].

Используем для расчетов отчетность по форме 135 ПАО «Сбербанк» [11] и отчетность предприятий-участников ЦБЭС, размещенную в открытых источниках ФНС.

Начнем расчёт с определения значений показателя «π» значимости каждого участника ЦБЭС ПАО «Сбербанк». Для коммерческого банка-ядра ПАО «Сбербанк» данный показатель по умолчанию будет принят на уровне 100%. Для остальных предприятий-участников ЦБЭС предположим значения показателя «π» (в реальном применении методического подхода ожидается, что значение показателя «π» для каждого предприятия-участника ЦБЭС аргументированно утверждает коллегия экспертов при коммерческом банке). Значения «π» для каждого предприятия-участника ЦБЭС приведем в таблице 3.

Таблица 3 – Экспертная оценка показателя значимости каждого предприятия-участника ЦБЭС СБЕР «π» (разработано автором).

Показатель значимости «π» для каждого предприятия участника ЦБЭС	ООО «Маркет-плейс»	ООО «Эвотор»	ООО «НТС»	ООО «ЕАПТЕКА»	ООО «ДокДок»
Значение показателя	68%	55%	54%	50%	60%

Рассчитаем долю участия в финансовом результате «β» для каждого участника ЦБЭС ПАО «Сбербанк». Чистая прибыль ПАО «Сбербанк», согласно

консолидированной финансовой отчетности за 2021 год, составила 1 245,9 млрд. рублей [12]. Результаты расчетов приведем в таблице 4.

Таблица 4 – Расчет показателя участия в финансовом результате «β» ЦБЭС (разработано автором)

Предприятие	Расчет показателя «β»	
	Финансовый результат, тыс. руб.	Доля финансового результата ЦБЭС, %
ПАО «Сбербанк»	1 245 900 000	100%*
ООО «Маркетплейс»	-9 656 456	-0,78%
ООО «Эвотор»	-66 266	-0,01%
ООО «НТС»	-1 232 920	-0,10%
ООО «ЕАПТЕКА»	-3 101 565	-0,25%
ООО «ДокДок»	-155 783	-0,01%

*В нашем расчетном примере ПАО «Сбербанк» - единственный участник ЦБЭС с положительным финансовым результатом. Доля участия в сводном финансовом результате не может превышать 100%, поэтому она признается равной 100%.

Помесячные значения в течение 2021 года нормативов Н7, Н12 для ПАО «Сбербанк» приведены в таблице 5 [11]. В нашем расчете мы будем использовать средние арифметические значения нормативов Н7, Н12 за 2021 год.

Таблица 5 – Значения нормативов Н7, Н12 в течение 2021 года для ПАО «Сбербанк»

Период	Н7 – норматив максимального размера крупных кредитных рисков, максимум 800%	Н12 – норматив использования собственных средств (капитала) банка для приобретения акций (долей) других юридических лиц, максимум 25%
Январь 2021	96,48%	14,30%
Февраль 2021	102,47%	14,11%
Март 2021	99,02%	14,27%
Апрель 2021	93,73%	14,52%
Май 2021	95,22%	14,92%
Июнь 2021	106,74%	17,32%
Июль 2021	86,38%	16,73%
Август 2021	102,24%	16,38%
Сентябрь 2021	87,52%	17,13%
Октябрь 2021	86,05%	17,64%
Ноябрь 2021	95,23%	17,78%
Декабрь 2021	96,17%	18,37%
Среднее значение за 2021 год	95,60%	16,12%

Произведем расчет среднегодовых значений «λ» для коммерческого банка ПАО «Сбербанк»:

- $\lambda_{H7} = \frac{95,6\%}{800\%} = 0,12$
- $\lambda_{H12} = \frac{16,12\%}{25\%} = 0,64$

$$\lambda_{\text{КР Ком банка общее}} = \frac{0,12 + 0,64}{2} = 0,38$$

Теперь рассчитаем фактические значения показателей дебиторской задолженности на уровне предприятий-участников ЦБЭС: долю дебиторской задолженности в текущих активах, оборачиваемость дебиторской задолженности и период погашения дебиторской задолженности. Порядок расчетов и результаты расчета представим в таблице 6.

Таблица 6 – Расчет показателей дебиторской задолженности для предприятий – участников ЦБЭС ПАО «Сбербанк» (разработано автором).

Показатель	№	Формула расчета по строкам	ООО «Маркетплейс»	ООО «Эвотор»	ООО «НТС»	ООО «ЕАПТЕК А»	ООО «ДокДо к»
Дебиторская задолженность (строка 1230 Бухгалтерского баланса)	1	-	3 425 569	684 645	218 894	3 998 331	84 313
Текущие активы (строка 1200 Бухгалтерского баланса)	2	-	27 917 261	3 036 594	1 554 752	9 739 833	98 699
Выручка	3	-	2 281 555	3 774 073	3 081 100	15 772 561	733 386
Доля ДЗ в текущих активах (%)	4	(1)/(2)	12%	23%	14%	41%	85%
Оборачиваемость ДЗ (раз в год)	5	(3)/(1)	0,67	5,51	14,08	3,94	8,70
Период погашения ДЗ (дней)	6	360/(5)	540,51	65,31	25,58	91,26	41,39

Следующим шагом вычислим значение показателя «λ» по каждому показателю дебиторской задолженности и вычислим среднее «λ» для каждого предприятия-участника ЦБЭС.

Для ООО «Маркетплейс»:

- $\lambda_{000} \text{ «Маркетплейс» по доле ДЗ в текущих активах} = \frac{12\%}{50\%} = 0,24$
- $\lambda_{000} \text{ «Маркетплейс» по оборачиваемости ДЗ} = \frac{2}{0,67} = 2,99$
- $\lambda_{000} \text{ «Маркетплейс» по периоду погашения ДЗ} = \frac{540,51}{180} = 2,99$

Для ООО «Эвотор»:

- $\lambda_{000} \text{ «Эвотор» по доле ДЗ в текущих активах} = \frac{23\%}{50\%} = 0,46$
- $\lambda_{000} \text{ «Эвотор» по оборачиваемости ДЗ} = \frac{2}{5,51} = 0,36$
- $\lambda_{000} \text{ «Эвотор» по периоду погашения ДЗ} = \frac{65,31}{180} = 0,36$

Для ООО «НТС»:

- $\lambda_{000} \text{ «НТС» по доле ДЗ в текущих активах} = \frac{14\%}{50\%} = 0,28$
- $\lambda_{000} \text{ «НТС» по оборачиваемости ДЗ} = \frac{2}{14,08} = 0,14$
- $\lambda_{000} \text{ «НТС» по периоду погашения ДЗ} = \frac{25,58}{180} = 0,14$

Для ООО «ЕАПТЕКА»:

- $\lambda_{000} \text{ «ЕАПТЕКА» по доле ДЗ в текущих активах} = \frac{41\%}{50\%} = 0,82$
- $\lambda_{000} \text{ «ЕАПТЕКА» по оборачиваемости ДЗ} = \frac{2}{3,94} = 0,51$
- $\lambda_{000} \text{ «ЕАПТЕКА» по периоду погашения ДЗ} = \frac{91,26}{180} = 0,51$

Для ООО «ДокДок»:

- $\lambda_{000} \text{ «ДокДок» по доле ДЗ в текущих активах} = \frac{85\%}{50\%} = 1,70$
- $\lambda_{000} \text{ «ДокДок» по оборачиваемости ДЗ} = \frac{2}{8,70} = 0,23$
- $\lambda_{000} \text{ «ДокДок» по периоду погашения ДЗ} = \frac{41,39}{180} = 0,23$

Рассчитаем средние λ для каждого предприятия – участника ЦБЭС:

$$\lambda_{ДЗ 000 \text{ «Маркетплейс»}} = \frac{0,24 + 2,99 + 2,99}{3} = 2,07$$

$$\lambda_{ДЗ 000 \text{ «Эвотор»}} = \frac{0,46 + 0,36 + 0,36}{3} = 0,39$$

$$\lambda_{ДЗ 000 \text{ «НТС»}} = \frac{0,28 + 0,14 + 0,14}{3} = 0,19$$

$$\lambda_{ДЗ 000 \text{ «ЕАПТЕКА»}} = \frac{0,82 + 0,51 + 0,51}{3} = 0,61$$

$$\lambda_{\text{ДЗ 000 «ДокДок»}} = \frac{1,70 + 0,23 + 0,23}{3} = 0,72$$

Для расчета показателя $KP_{\text{ЦБЭС}}$ рассчитаем и просуммируем произведения $\lambda^* \pi^* \beta$ для каждого участника ЦБЭС, согласно методическому подходу. Результаты представим в таблице 7.

Таблица 7 – Расчет сводного индекса кредитивного риска ЦБЭС ПАО «Сбербанк» по данным 2021 года (разработано автором).

Участник ЦБЭС	λ	π	β	$\lambda^* \pi^* \beta$
ПАО «Сбербанк»	0,38	1,00	1,0000	0,38000
ООО «Маркетплейс»	2,07	0,68	0,0157	0,02210
ООО «Эвотор»	0,39	0,55	0,0001	0,00002
ООО «НТС»	0,19	0,54	0,0020	0,00021
ООО «ЕАПТЕКА»	0,61	0,50	0,0050	0,00153
ООО «ДокДок»	0,72	0,60	0,0003	0,00013
Сводный индекс кредитного риска ЦБЭС $KP_{\text{ЦБЭС}}$ (сумма произведений $\lambda^* \pi^* \beta$ для каждого участника ЦБЭС)				0,40399

Так как показатель $KP_{\text{ЦБЭС}} = 0,40399$ и $\in (0,4;0,6]$, то, согласно шкале качественной оценки сводного индекса кредитного риска ЦБЭС, заявляем, что риск кредитования в 2021 году для ПАО «Сбербанк» находился на среднем уровне и предпосылки для реализации риска кредитования были сформированы в 2021 году не только на уровне банка-ядра ЦБЭС, но и на уровне предприятий-участников ЦБЭС, чьи показатели в области дебиторской задолженности отклонялись от нормативных и создавали риски кредитования для всей ЦБЭС ПАО «Сбербанк».

Заключение

Централизованные банковские экосистемы (ЦБЭС) наряду с прочими типами банковских экосистем стали частью повседневной действительности и обывателю невозможно представить экономический и технический ландшафт без единых технологичных платформ экосистем крупнейших банков. Банковские экосистемы и ЦБЭС, в частности, сформировались как естественный ответ вызовам от конкурирующих с традиционными банками предприятий финтех и бигтех. Столь стремительное развитие цифровизации крупных коммерческих банков стало возможным благодаря развитию интернет-

технологий, мобильных устройств, увеличению вычислительных мощностей и распространению технологий искусственного интеллекта. Однако наряду с преимуществами для ЦБЭС как типа экосистемы, характеризующейся взаимодействием банка-ядра, действующего в финансовом секторе рынка, и предприятий-участников ЦБЭС, действующих на рынках нефинансовых услуг и продажи товаров, повышается значимость финансового риск менеджмента. Это справедливо в виду увеличения количества финансовых потоков, а, следовательно, обоснована потребность в разработке методического подхода, позволяющего количественно измерять финансовые риски и риск кредитования, в частности.

Разработанный и рассмотренный нами в рамках настоящей статьи методический подход к расчету сводного индекса кредитного риска ЦБЭС соответствует требованиям наглядности, прозрачности расчетов и также может быть свободно применен для ЦБЭС с любым количеством предприятий-участников ЦБЭС. Методический подход к расчету сводного индекса кредитного риска ЦБЭС был успешно апробирован путем выполнения расчетного примера на данных ЦБЭС СБЕР за 2021 год, что доказало его состоятельность. Методический подход к расчету сводного индекса кредитного риска ЦБЭС предлагается к практическому применению коммерческими банками в рамках мероприятий финансового риск-менеджмента и научными работниками, исследующими финансовые риски коммерческих банков или финансовые потоки в банковских экосистемах.

Список источников

1. Мейксин, С.М. Будущее финтехов // Вестник науки и образования. 2020. №1-2 (79).
2. Свиридов О.Ю., Бадмаева Б.С. Развитие банковских экосистем на основе современных цифровых технологий // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. №3.
3. Фролов, А.В. Банковские экосистемы: виды, функции, их роль в экономической системе страны / А. В. Фролов // Вестник евразийской науки. – 2023. – Т. 15. – № s1.
4. Инструкция Банка России от 26.05.2025 N 220-И «Об обязательных нормативах и надбавках к нормативам достаточности собственных средств (капитала) банков с универсальной лицензией и об осуществлении Банком России надзора за их соблюдением» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_510143 (дата обращения – 10.03.2026).

5. Статья «Управление дебиторской задолженностью: методы, оптимизация, повышение эффективности» URL: <https://www.klerk.ru/blogs/kskgroup/627121/> (дата обращения: 10.03.2026).
6. Статья «Сбербанк закрыл сделку по покупке 85% в маркетплейсе Goods.ru» / <https://www.interfax.ru/business/761373> (дата обращения – 10.03.2026).
7. Статья Сnews «Сбербанк купил контрольный пакет в крупнейшем поставщике платежных терминалов» / URL: https://www.cnews.ru/news/top/2020-12-23_sberbank_vyкупil_kontrolnyj (дата обращения – 10.03.2026).
8. Статья Сnews «Ситидрайв» заработал 3,5 миллиарда на продаже поддержанных авто – Сnews / URL: https://www.cnews.ru/news/top/2025-05-23_sitidrajv_zarabotal_35 (дата обращения – 10.03.2026).
9. Новость Р-фарм «Сбербанк и Группа компаний «Р-Фарм» инвестируют в компанию Еаптека» / URL: <https://r-pharm.ru/ru/media-center/news/sberbank-i-gruppa-kompaniy-r-farm-investiruyut-v-kompaniyu-eapteka> (дата обращения – 10.03.2026).
10. Новость с портала «Evercare» «Сбербанк преобразует телемедицинский сервис DocDoc в multifункциональную платформу «СберЗдоровье» / URL: <https://evercare.ru/news/sberbank-preobrazuet-telemedicinskiy-servis-docdoc-v-multifunkcionalnuyu-platformu-sberzdorove> (дата обращения – 10.03.2026).
11. Отчётность ПАО «Сбербанк» по форме 135 за 2021 год / URL: <https://www.bankodrom.ru/bank/sberbank/otchetnost/forma-135/?ysclid=mdlzrpv8zm563594377> (дата обращения – 20.08.2025).
12. Консолидированная финансовая отчетность Публичное акционерное общество «Сбербанк России» и его дочерние организации за 2021 год с аудиторским заключением независимого аудитора URL: https://cdn.financemarket.ru/reports/2021/MOEX/S/SBER_2021_12_6M_%D0%9C%D0%A1%D0%A4%D0%9E.pdf (дата обращения – 10.03.2026).

УДК: 336.76; 336.22

Малышенко Марина Викторовна

Российская Федерация, Ялта

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
старший преподаватель

Посная Елена Анатольевна – научный руководитель

Российская Федерация, Севастополь

Севастопольский государственный университет
заведующий кафедрой «Финансы и кредит»
доктор экономических наук, доцент

МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИНСАЙДЕРСТВУ И МАНИПУЛИРОВАНИЮ: ЗАРУБЕЖНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ

Аннотация:

В работе проанализирована практика противодействия инсайдерской деятельности и манипулированию на рынке ценных бумаг, применяющаяся в зарубежных странах. Выявлены основные механизмы и инструменты, позволяющие реализовать противодействие, а также определена их роль в сокращении интереса к осуществлению недобросовестных практик на рынке. Проведен сравнительный анализ международного опыта, что позволило определить эффективность применяемых методов и выявить их преимущества. Выполнен анализ существующей системы регулирования российского рынка ценных бумаг, выявлены его особенности и недостатки, а также обоснована необходимость адаптации зарубежных инструментов к отечественным условиям. В рамках исследования сформулированы критерии и условия, необходимые для обеспечения высокой эффективности использования этих инструментов в российской системе противодействия. Сделан вывод о важности комплексного подхода и формирования обоснованных мер для более эффективной борьбы с инсайдерской деятельностью и манипуляциями на рынке ценных бумаг в современной экономической ситуации.

Ключевые слова:

Фондовый рынок; рынок ценных бумаг; манипулирование рынком; инсайдерская деятельность; финансовый механизм противодействия; недобросовестные практики.

UDC: 336.76; 336.22

Malysenko Marina Viktorovna

Russian Federation, Yalta

V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Senior lecturer

Posnaya Elena Anatolyevna – scientific supervisor

Russian Federation, Sevastopol

Sevastopol State University

Head of the Department of Finance and Credit

Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

MECHANISMS FOR COUNTERING INSIDER TRADING AND MANIPULATION: FOREIGN AND DOMESTIC EXPERIENCE

Abstract:

The paper analyzes the practice of countering insider trading and manipulation in the securities market, which is used in foreign countries. The main mechanisms and tools that allow for the implementation of counteraction have been identified, as well as their role in reducing interest in the implementation of unfair practices in the market. A comparative analysis of international experience was carried out, which made it possible to determine the effectiveness of the methods used and identify their advantages. The analysis of the existing system of regulation of the Russian securities market has been carried out, its features and disadvantages have been identified, and the need to adapt foreign instruments to domestic conditions has been substantiated. Within the framework of the study, the criteria and conditions necessary to ensure the high efficiency of using these tools in the Russian counteraction system are formulated. The conclusion is made about the importance of an integrated approach and the formation of reasonable measures to more effectively combat insider activity and manipulation in the securities market in the current economic situation.

Keywords:

Stock market; securities market; market manipulation; insider activity; financial mechanism of counteraction; unfair practices.

Особенности регулирования российского рынка ценных бумаг отражены в работах Балабановой Н.В., Аржакова М.Н. [1], Коноваловой М.Е., Жиронкина С.А., Коновалова Г.В., Судоплатова В.Н. [2, 3], и др. Способам и принципам идентификации и противодействия манипулированию и инсайдерской деятельности посвящены труды Курносова А.В. [4], Чапыркиной В.О. [5], Чуйковой Н.М. [6], Кириенко А.С. [7] и др. Исследование особенностей регулирования зарубежных рынков проанализировано в работах Дроздовского А.Р. [8], Ждановой О.А. [9], Сыбачина С.А. [10], Кима Д. [11], Эссена М.Ф. [12].

В настоящее время возникает необходимость в анализе современных систем регулирования рынков ценных бумаг ведущих стран для выявления и оценки возможностей адаптации их механизмов и инструментов для повышения эффективности. Приступая к анализу зарубежной практики необходимо определить страны, в которых рынок ценных бумаг функционирует с максимальной эффективностью. Одним из важнейших показателей является капитализация. Её рост свидетельствует о наличии интереса к рынку со стороны инвесторов, что, в свою очередь достигается за счёт прозрачности рыночных операций, возможности получения доходов без необоснованного роста рисков потери средств, обеспечения эффективности регулирования отношений между участниками. Высокая капитализация рынка свидетельствует, в том числе, о наличии действенной системы противодействия инсайдерству и манипулированию, как основным угрозам его сокращения в результате потери доверия со стороны инвесторов. Таким образом, в рамках исследования изучены системы регулирования крупнейших мировых рынков ценных бумаг по объёму капитализации: Nasdaq и NYSE, Shanghai Stock Exchange и Japan Exchange Group (рисунок 1).

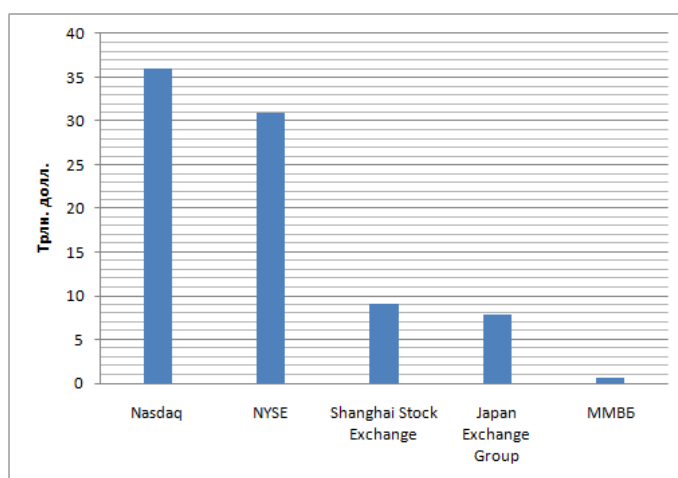

Рисунок 1 – Сравнение капитализации фондовых бирж ведущих стран и России

Как можно увидеть на рисунке 1, российский рынок ценных бумаг имеет низкую капитализацию. В 2025 году она составила 26,06% от ВВП, что составляет 0,68 трлн. долл. при среднем курсе доллара 83,61. При этом развитие рынка и увеличение данного показателя являются приоритетными задачами, что обозначено в Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309

«О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

Проведённый анализ позволил выделить механизмы и инструменты, обеспечивающие достижение высокой эффективности в практике выявления и пресечения инсайдерской деятельности и манипулирования. Представим результат на рисунке 2.

Рисунок 2 – Зарубежные механизмы и инструменты, обеспечивающие противодействие недобросовестным практикам на рынке ценных бумаг

Как можно увидеть на рисунке 2, в структуре системы противодействия недобросовестным практикам на рынке ценных бумаг каждой из рассматриваемых стран присутствует финансовый механизм. Он, в свою очередь, представлен экономически обоснованными инструментами, имеющие взаимосвязь с объёмом наносимого ущерба. Их применение позволяет обеспечивать комплексное воздействие на недобросовестных участников рынка, что снижает их мотивацию к совершению инсайдерской деятельности и манипулирования.

Исследуя отечественную систему противодействия недобросовестным практикам следует отметить, что она включает в себя два основных механизма: административно-уголовный и контрольный. Это существенно отличает её от рассмотренных зарубежных систем. Финансовое воздействие реализуется через штрафы и компенсации, однако решение об их применении принимает суд. В отличие от международных рынков, где штрафы могут достигать значительных размеров от суммы недобросовестно полученной прибыли, и взимаются непосредственно регулятором, в отечественной практике они имеют крайне небольшой объём: от 5 тысяч до 1 миллиона рублей, или начисляются в размере заработной платы за период от одного до трёх лет. Возможность взыскания компенсации ущерба в качестве меры наказания используется крайне редко. Кроме того, лица, замеченные в нарушениях, могут избежать уплаты штрафов и компенсаций, заключая с Банком России соглашения о содействии в расследовании, что фактически исключает финансовое воздействие. В результате финансовый механизм противодействия инсайдерским сделкам и манипулированию в текущей системе фактически не сформирован. Представленные инструменты применяются фрагментарно и не имеют достаточного экономического обоснования, что препятствует их эффективному использованию. Отсутствие комплексного подхода и системного механизма значительно снижает потенциал системы в обеспечении эффективной борьбы с недобросовестными практиками на рынке ценных бумаг.

Таким образом, выявлена потребность в адаптации необходимых составляющих к отечественной системе. При этом требуется соблюдение следующих условий (рисунок 3).

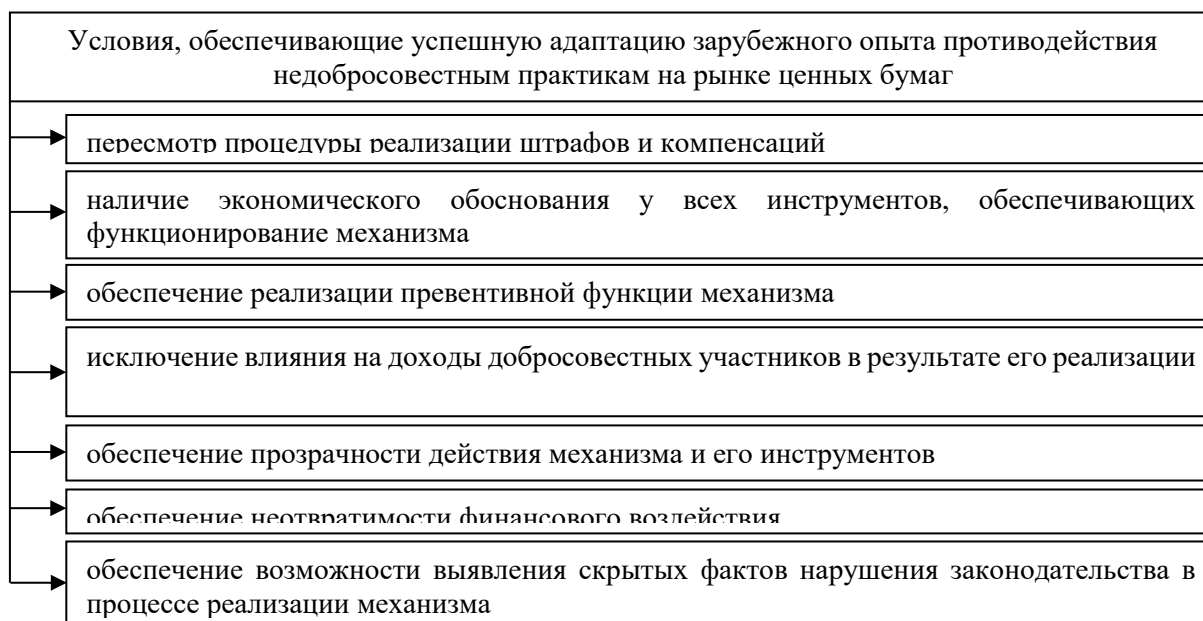

Рисунок 3 – Условия адаптации зарубежного опыта противодействия недобросовестным практикам к российскому рынку ценных бумаг.

Условия, перечисленные на рисунке 3 обеспечат успешную адаптацию инструментов и механизма, представленных на зарубежных рынках к условиям функционирования отечественной системы. Основной задачей, таким образом, является формирование финансового механизма противодействия инсайдерской деятельности и манипулированию, включающего в себя ряд инструментов, позволяющих снижать мотивацию недобросовестных участников в результате потери большей части полученного незаконным путём дохода. Наряду с формированием экономически обоснованных штрафов и компенсации, с учётом имеющегося опыта, требуется разработка дополнительного инструмента, который позволил бы оказывать воздействие даже в тех случаях, когда факт совершения противозаконных действий не был выявлен или доказан. Важно отметить, что такой инструмент должен оказывать воздействие исключительно на недобросовестных участников с целью обеспечения сохранности интереса к рынку со стороны основной его массы.

Достижение поставленной задач возможно путём включения в структуру предлагаемого механизма специальной налоговой ставки для участников рынка ценных бумаг. При этом, в ходе её определения должны быть учтены такие показатели, как средняя доходность по ценным бумагам отдельного вида за исследуемый период и норма превышения средней доходности рынка. Это

обеспечит подпадание под её воздействие исключительно участников, получающих кратно превышающие среднерыночные значения доходов в результате совершения операций на рынке.

Представим структуру предлагаемого механизма на рисунке 4.

Рисунок 4 – Структура финансового механизма противодействия недобросовестным практикам на рынке ценных бумаг.

Применение инструментов финансового механизма противодействия осуществляется в несколько основных этапов:

1. Применение специальных налоговых ставок.
2. Применение штрафов по отношению к выявленным случаям правонарушений.
3. Передача материалов в правоохранительные органы, применение наказания в виде выплаты компенсационных сумм.

Налоговая составляющая выступает ключевым инструментом, поскольку позволяет реализовывать превентивную функцию, не зависимо от наличия фактического подтверждения их совершения. Внедрение представленного финансового механизма в действующую систему противодействия недобросовестным практикам на рынке ценных бумаг России обеспечит сокращение интереса к их реализации, будет способствовать снижению его волатильности, повышению прозрачности и привлекательности.

Заключение

В ходе исследования проанализированы зарубежные практики противодействия инсайдерской деятельности и манипулированию, выявлены

ключевые механизмы и инструменты, способствующие их предотвращению и снижению мотивации нарушителей. Проведен сравнительный анализ отечественной системы регулирования, выявлены её особенности. На основе этого сделан вывод о необходимости адаптации зарубежных подходов к российским условиям для повышения эффективности противодействия инсайдерской деятельности и манипулированию. Предложена структура финансового механизма, включающая в себя такие инструменты как специальная налоговая ставка, экономически обоснованные штрафы и суммы компенсаций, соответствующие объёмам наносимого ущерба.

Список источников

1. Балабанова Н.В., Аржаков М.Н. Особенности регулирования рынка ценных бумаг в РФ // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Экономика. 2025. № 2(64). С. 77-81.
2. Коновалова М.Е., Жиронкин С.А., Коновалов Г.В. Сравнительный анализ функционирования российских субъектов фондового рынка с зарубежными биржевыми институтами // Экономика и управление инновациями. 2024. № 3(30). С. 39-49. DOI 10.26730/2587-5574-2024-3-39-49.
3. Коновалова М.Е., Судоплатов В.Н. К вопросу об институциональном регулировании фондового рынка // Экономика и предпринимательство. 2024. № 1(162). С. 42-46. DOI 10.34925/EIP.2024.162.1.004.
4. Курносков А.В. Противодействие практикам недобросовестных операций: манипулирования рынком и использования инсайдерской торговли // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 2. С. 331-344. DOI 10.21202/2782-2923.2022.2.331-344.
5. Чапыркина В.О. Противодействие нелегальной деятельности на финансовом рынке // В мире научных открытий : Материалы VII Международной студенческой научной конференции, Ульяновск, 14–15 марта 2023 года. – Ульяновск: Ульяновский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина. 2023. С. 3792-3796.
6. Чуйкова Н.М. Принципы противодействия нелегальной деятельности на финансовом рынке // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 249-253. DOI 10.24412/2073-0454-2024-5-249-253.
7. Киреенко А.С. Управление манипулированием на рынке ценных бумаг // Журнал монетарной экономики и менеджмента. 2024. № 9. С. 36-40. DOI 10.26118/2782-4586.2024.51.66.005.
8. Дроздовский А.Р. К вопросу о правовом регулировании рынка ценных бумаг в КНР // Правовая мысль. 2024. № 2(9). С. 17-19.

9. Жданова О.А. Нелегальные виды деятельности на финансовом рынке: особенности стран // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 234-239. DOI 10.24412/2073-0454-2024-4-234-239.
10. Сыбачин С.А. Идентификация видов нелегальной деятельности на финансовых рынках // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 182-186. DOI 10.24412/2073-0454-2024-6-182-186.
11. Kim D., Ng L., Wang Q., Wang X. Insider Trading, Informativeness, and Price Efficiency Around the World // Asia-Pacific Journal of Financial Studies. 2019. Vol. 48. № 6. P. 727-776. DOI: 10.1111/ajfs.12278
12. Esen M.F., Singal M., Kot H.W., Chen M.-H. Can insider trading in U.S. hospitality firms predict future returns? // International Journal of Hospitality Management. 2019. Vol. 83. P. 115-127. DOI: 10.1016/j.ijhm.2019.04.008.

УДК: 336.7

Колесникова Анастасия Викторовна

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака

доцент кафедры экономики, управления и предпринимательства

кандидат экономических наук

Самойлова Яна Владимировна

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака

заведующий кафедрой банковского бизнеса и инновационных
финансовых технологий

кандидат экономических наук, доцент

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ БАНКОВСКИХ СИСТЕМ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В ПЕРИОД ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

Аннотация:

В статье исследуется трансформация моделей банковского бизнеса в условиях глобальной волатильности и ужесточения монетарных режимов. На основе компаративного анализа макроэкономических индикаторов России, Франции, Германии, США и Китая за 2022–2024 гг. выявлена общемировая тенденция к консолидации банковского капитала как механизма обеспечения системной устойчивости. Особое внимание уделено специфике функционирования банковского сектора РФ, демонстрирующего высокую адаптивность к структурным сдвигам в экономике. Авторы доказывают, что процессы укрупнения кредитных организаций в России выступают не фактором стагнации, а катализатором технологического суверенитета. Установлено, что в условиях цифровизации конкуренция смещается из количественной плоскости в сферу финтех-инноваций, где российские банки сохраняют лидерские позиции, оперативно модифицируя стратегии под нужды импортозамещения и изменения внешнеторговых потоков.

Ключевые слова:

Банковская система, макроэкономическая динамика, консолидация капитала, финтех, цифровая трансформация, конкурентоспособность.

UDC: 336.7

Kolesnikova Anastasiia Victorovna

Russian Federation, Saint Petersburg
International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak
Associate professor of the Department of Economics, Management and Entrepreneurship
Candidate of Economic Sciences

Samoilova Yana Vladimirovna

Russian Federation, Saint Petersburg
International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak
Chair of Banking Business and Innovation Financial Technologies
Candidate of Economic Sciences, associate professor

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE DYNAMICS OF INDICATORS OF BANKING SYSTEMS OF FOREIGN COUNTRIES DURING THE PERIOD OF GEOPOLITICAL CHALLENGES

Abstract:

The article explores the transformation of banking business models in conditions of global volatility and tightening of monetary regimes. Based on a comparative analysis of macroeconomic indicators of Russia, France, Germany, the USA and China for 2022-2024, a global trend towards the consolidation of bank capital as a mechanism for ensuring systemic sustainability was revealed. Particular attention is paid to the specifics of the functioning of the banking sector of the Russian Federation, which demonstrates high adaptability to structural changes in the economy. The authors prove that the processes of consolidation of credit institutions in Russia are not a factor of stagnation, but a catalyst for technological sovereignty. It has been established that in the context of digitalisation, competition is shifting from the quantitative plane to the sphere of fintech innovations, where Russian banks maintain leadership positions, quickly modifying strategies for the needs of import substitution and changes in foreign trade flows.

Keywords:

Banking system, macroeconomic dynamics, consolidation, Capital, fintech, digital transformation, competitiveness.

В настоящих реалиях глобальной волатильности, изменения денежно-кредитной политики на более жёсткую, а также структурных изменений в общей экономике мира, понимание факторов, оказывающих влияние на динамику функционирования банковской системы, является одной из наиболее актуальных тем для исследования. Банковский бизнес реагирует на любые изменения

экономики страны и глобальные тренды, подстраивая свои стратегии под изменившиеся макроэкономические условия.

Для оценки влияния макроэкономических показателей на модель развития банковского бизнеса проведем сравнительный анализ показателей экономики следующих стран: Россия, Франция, Германия, США, Китай за период 2022-2024 года.

Китай, как известно, является одной из самых густонаселенных стран (на втором месте после Индии), с населением 1,41 млрд. человек по итогам 2024 года. Показатель обеспеченности населения кредитными организациями для данной страны составил 3,05 [1]. То есть на один миллион жителей Китая приходится всего 3 банка, конкуренция распределяется между крупными финансовыми структурами. Наиболее обеспеченной кредитными организациями страной является Германия – на каждый миллион жителей Германии приходится порядка 17–18 банков. Далее для иллюстрации обеспеченности кредитными организациями бизнеса и населения проведем анализ количества КО анализируемой выборке. Сравнительный анализ в динамике за период 2022-2024 гг. представлен на рисунке 1.

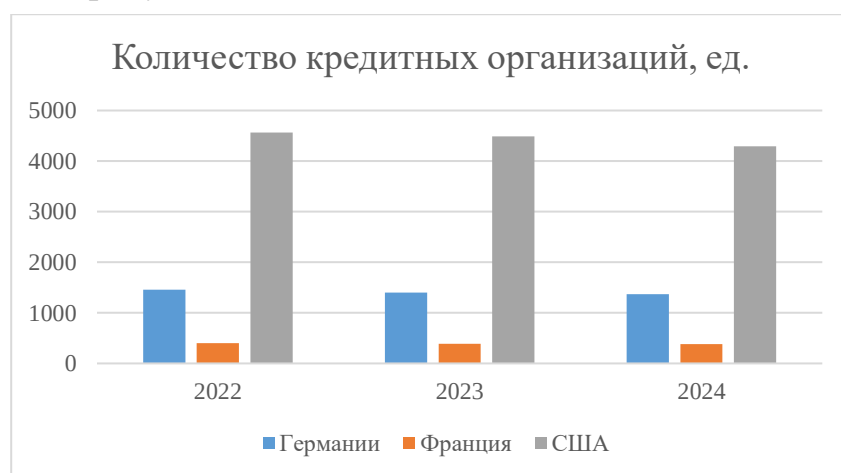

Рисунок 1 – Количество кредитных организаций Германии, Франции и США за период 2022-2024 гг., в ед.

Источник: [2]

За аналогичный период количество кредитных организаций России снизилось с 361 в 2022 г. до 320 в 2024 г. На 01.01.2026 г этот показатель составил 306. Уровень конкуренции среди кредитных организаций в России ниже, чем в остальных странах. В приоритете у страны стоит надёжность и стабильность

банковской системы – в анализируемые периоды количество кредитных организаций изменилось не значительно. Также стоит отметить, что объемы внешнеторговой деятельности в России ниже, чем в других странах, соответственно, и активы кредитных организаций тоже меньше. Для наглядности на рисунке 2 представлены объёмы импорта, экспорта и активы кредитных организаций ведущих экономик мира за 2024 год.

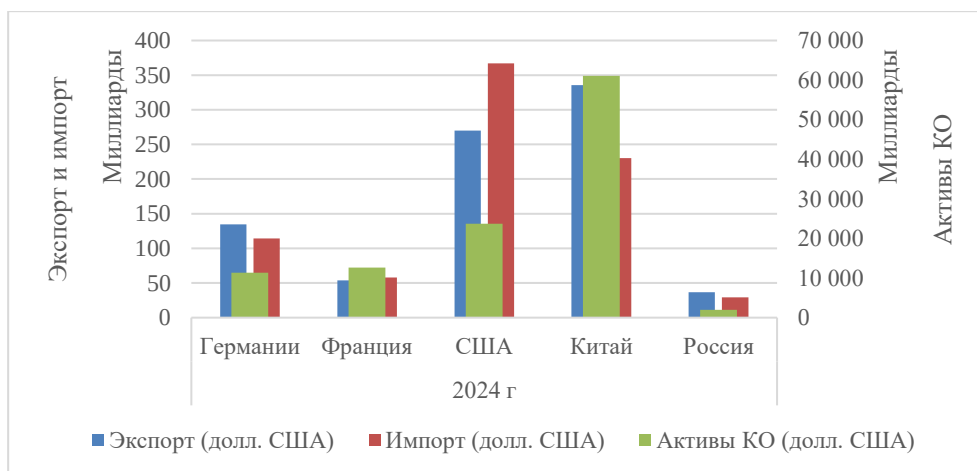

Рисунок 2 – Соотношение объёмов импорта, экспорта, общих активов кредитных организаций за 2024 г., млрд.долл.

Источник: [2], [3], [4], [5]

В России активы кредитных организаций ниже объёмов экспорта, Россия экспортирует значительные объёмы сырья. Через банковскую систему проходят потоки внешнеторговых операций, соответственно, объёмы активов кредитных организаций зависят, в том числе, и от масштабов этих потоков. Однако, например, китайский банковский сектор превышает 325% всей экономики страны. Экономика Китая сильно зависит от банковской системы.

Продолжая анализ общих активов кредитных организаций, рассмотрим, какой объём занимают в активах КО кредиты населению. Стоит отметить, что кредиты населению включают только кредитование физических лиц, без учета ипотечного кредитования. Для экономик таких стран, как США и Китай, характерны незначительные доли потребительских кредитов в активах банков, наибольшая часть объёма операций обеспечивается за счет внешнеторговых потоков. Общий тренд по объёму кредитования населения в анализируемой выборке стран – снижение, портфели кредитов показывают спад в периоде с 2022 г. по 2024 г. Вероятно, падение будет продолжаться с учётом нестабильности

геополитической ситуации в мире. Далее для визуализации данных на рисунке 3 представлена информация по кредитам населению в составе активов КО за 2024 г. по анализируемому перечню стран.

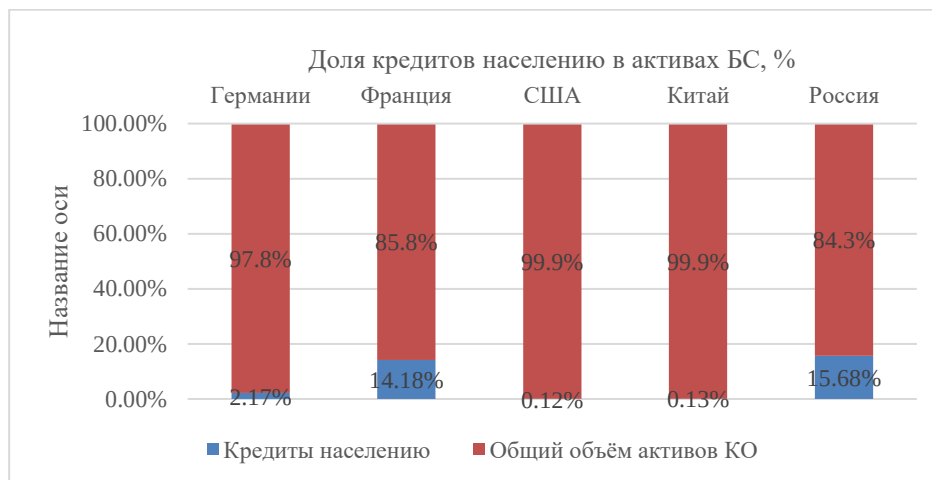

Рисунок 3 – Соотношение кредитов населению к общим объемам кредитных организаций за 2024 г., в %

Источник: [6], [7]

В целом по результатам исследования необходимо отметить, что в текущих условиях турбулентности финансовых рынков ввиду влияния геополитической ситуации в мире происходит консолидация банковской системы. В анализируемых странах наблюдается снижение количества кредитных организаций, происходит укрупнение банковской системы для обеспечения стабильности экономики.

При этом, снижение количества КО не свидетельствует о снижении конкуренции среди банков и качества предоставляемых банковских услуг, наоборот, может рассматриваться как позитивный фактор. В период цифровизации конкуренция между банковскими организациями переходит в другой формат – конкуренции технологий. Изменение банковской модели в виде укрупнения кредитных организаций позволяет сосредоточиться на разработке финтех решений для предоставления более качественных и инновационных услуг потребителям.

Список источников

1. Официальный сайт журнала «China Economic Weekly» издательства газеты «Жэньминь жибао» [Электронный ресурс]: URL: <https://www.cweekly.cn/finance/banking/2025/0319/469603.html> (дата обращения 28.02.2026).

2. Официальный сайт Государственного комитета по развитию и реформе КНР-[Электронный ресурс]: URL: <http://www.sdpc.gov.cn/>. (дата обращения: 28.02.2026).
3. Официальный сайт Министерства коммерции КНР-[Электронный ресурс]: URL:<https://russian.mofcom.gov.cn/> (дата обращения: 28.02.2026).
4. Bundesbank [Электронный ресурс]: URL: <https://www.bundesbank.de> (дата обращения 28.02.2026).
5. The World Bank. Indicator [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator> (дата обращения 28.02.2026).
6. Eurostat [Электронный ресурс]. URL:<http://ec.europa.eu/eurostat/en/web/products-datasets> (дата обращения 28.02.2026).
7. Trading Economics [Электронный ресурс] URL: <http://www.tradingeconomics.com> (дата обращения 28.02.2026).

СЕКЦИЯ 3. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И УСТОЙЧИВОСТЬ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВЫХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

УДК: 330.33.01

Балакин Родион Владимирович

Российская Федерация, Москва

Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов
Российской Федерации

старший научный сотрудник Центра налоговой политики

кандидат экономических наук

Шаталов Сергей Дмитриевич

Российская Федерация, Москва

Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов
Российской Федерации

главный научный сотрудник Центра налоговой политики

доктор экономических наук

ВАРИАЦИЯ ПОСТУПЛЕНИЙ ПО ОТДЕЛЬНЫМ НАЛОГАМ КАК ИНДИКАТОР НАЛОГОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация:

В статье рассматривается коэффициент вариации поступлений по отдельным налогам и их взаимосвязь с темпами прироста. Делается вывод о том, что коэффициент вариации в большей степени сигнализирует о долгосрочных тенденциях. Также рассматриваются налоговые поступления в федеральный бюджет и консолидированный бюджет субъектов Российской Федерации (КБС) и делается вывод о том, что среднее значение на уровне федерального бюджета выше значения на уровне КБС.

Ключевые слова:

Коэффициент вариации, налоговая безопасность, налоги, федеральный бюджет, региональные бюджеты.

Финансирование.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10160, <https://rscf.ru/project/23-78-10160/>

UDC: 330.33.01

Balakin Rodion Vladimirovich

Russian Federation, Moscow

Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation

Senior Researcher of Tax Policy Center

Candidate of Economic Sciences

Shatalov Sergey Dmitrievich

Russian Federation, Moscow

Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation

Chief Researcher of Tax Policy Center

Doctor of Economic Sciences

VARIATION IN REVENUES FROM CERTAIN TAXES AS AN INDICATOR OF TAX SECURITY

Abstract:

This article examines the coefficient of variation for revenues of certain taxes and their relationship with their growth rates. It concludes that the coefficient of variation is a better indicator of long-term trends. In addition are considered tax revenues to the federal budget and the consolidated budgets of the constituent entities of the Russian Federation (CBS). It is concluded that the average value at the federal budget level is higher than the value at the CBS level.

Keywords:

Variation coefficient, tax security, taxes, federal budget, regional budgets.

Funding.

The research was funded by the Russian Science Foundation, project No. 23-78-10160, <https://rscf.ru/project/23-78-10160/>.

Проанализируем коэффициент вариации в разрезе отдельных налогов.

Таблица 1 – Коэффициент вариации поступлений от отдельных налогов, %

	НПО	НДФЛ	НДС	Акцизы	НИ	НППР	ГП	СНР
Q1 2020	15	16	15	16	29	20	6	41
Q2 2020	15	13	15	21	28	24	7	38
Q3 2020	15	13	13	23	28	24	8	39
Q4 2020	12	17	14	23	29	24	8	37

Q1 2021	11	17	15	24	30	23	8	35
Q2 2021	13	16	16	26	26	25	8	34
Q3 2021	17	15	15	33	27	28	8	32
Q4 2021	21	19	16	46	29	33	8	31
Q1 2022	25	19	18	67	28	38	8	29
Q2 2022	27	17	18	145	24	46	8	33
Q3 2022	27	17	18	195	24	46	8	28
Q4 2022	26	21	19	229	28	46	9	27
Q1 2023	27	23	20	253	27	45	9	28
Q2 2023	28	22	19	307	26	43	9	34
Q3 2023	25	21	17	1034	25	36	6	31
Q4 2023	21	24	13	-746	26	33	7	28
Q1 2024	18	24	16	-280	26	28	7	27
Q2 2024	16	23	16	-164	23	23	8	39
Q3 2024	15	23	14	-117	23	21	23	39
Q4 2024	16	28	17	-106	24	21	58	37
Q1 2025	17	28	18	-95	23	21	66	36

Источник: *составлено автором*

Коэффициент вариации в силу специфики расчета показателя демонстрирует большую однородность, позволяя говорить о сформировавшихся долгосрочных тенденциях в отличие от показателя темпа прироста, который свидетельствует о краткосрочных флуктуациях. На примере акцизов это наглядно видно. До 2022 г. значение коэффициента вариации налоговых поступлений этой группы налогов сопоставимо с показателями по остальным налогам, далее значение коэффициента начинает повышаться, достигая максимума в Q3 2023 г., а затем переходит в зону отрицательных значений. Среднее значение коэффициента для этой группы налогов равно 44 %, свидетельствуя о высокой волатильности налоговых поступлений по акцизам.

Относительно большую волатильность демонстрируют группа специальных налоговых режимов и группа налогов за пользование природными ресурсами. Для специальных налоговых режимов среднее значение равно 34 %, для налогов за пользование природными ресурсами – 31 %. Причем, если для группы специальных налоговых режимов характерно снижение показателя в течение периода исследования, и максимальное значение демонстрируется в первый анализируемый квартал (41 % в Q1 2020 г.), далее показатель снижается,

достигая минимума (27 %) в Q4 2022 г., затем снова растет до 34 % в Q2 2023, но потом вновь возвращается к минимуму в 27 % в Q1 2024 (в Q2-Q3 2024, однако, показатель подрастает до 39 %, но корректируется до 36-37 % в Q4 2024 – Q1 2025), то для группы налогов за пользование природными ресурсами коэффициент вариации растет, достигая максимума (значений более 40 %) в Q2 2022 – Q2 2023, затем снижается, возвращаясь к значению в 21 % в Q1 2025, то есть на конец анализируемого периода. Высокая волатильность доходов от специальных налоговых режимов связана с большими рисками бизнеса МСП в условиях санкционной политики, а на вариацию налоговых доходов оказывает влияние в первую очередь стоимость сырья на мировых рынках и валютные курсы.

Среднее значение коэффициента вариации по группе налогов на имущество равно 26 %, при этом за период исследования показатель меняется незначительно, демонстрируя тенденцию к определенному снижению с 30 % в Q1 2021 г. до 23 % в Q1 2025 (то есть на момент окончания исследования) с некоторой флуктуацией в течение исследуемого периода. Среднее значение коэффициента вариации для НДФЛ равно 20 %. При этом значение коэффициента демонстрирует тенденцию к некоторому росту с 13 % в Q2 2020 г. до 28 % в Q1 2025, в первую очередь за счет роста зарплат выше среднего, чем за предшествующие годы.

Чуть ниже (19 %) среднее значение для налога на прибыль организаций. На начало и конец исследования значение показателя составляет порядка 15-16 %, при этом за более чем двухлетний период (с Q4 2021 г. по Q4 2023 г., то есть в периоде санкционного давления) значение показателя превышает 20 %, достигая максимума (28 %) в Q2 2023 г. Коэффициент вариации для НДС не имеет выраженной тенденции, демонстрируя среднее значение на уровне 16 %, а максимальное – на уровне 20 % (в Q1 2023 г.). Наименьшее среднее значение коэффициента вариации демонстрирует государственная пошлина (14 %), также не демонстрируя выраженную тенденцию. Поступления в этой части связаны с числом юридически значимых действий, которое стабильно и несущественно меняется из года в год (наблюдалось определенное снижение из-за ковидных ограничений в 2020 г.) и уже отмеченным ростом ставок по государственной пошлине в Q3 2024 г.

Отметим, что налоги не демонстрируют выраженной взаимосвязи темпов прироста и коэффициента вариации. Отрицательный коэффициент корреляции Пирсона имеют группа имущественных налогов (-0,07), специальные налоговые режимы (-0,10) и акцизы (-0,13). Эти значения крайне низки и близки к нулевому и даже в последнем случае говорить о значимой связи не приходится. Среди положительных значений коэффициента корреляции Пирсона, незначимые показатели имеет группа налогов на пользование природными ресурсами (0,06), налог на прибыль организаций (0,09) и НДС (0,27). Чуть выше значения у НДФЛ (0,31), что свидетельствует о слабой связи. Максимальный размер демонстрирует государственная пошлина (0,99), что свидетельствует об очень тесной связи показателей темпов прироста и коэффициента вариации

В таблице 2 представлен коэффициент вариации налоговых поступлений отдельных налогов, поступающих в федеральный бюджет и в консолидированный бюджет субъектов Российской Федерации. Также отметим, что поскольку для НДФЛ в части поступлений в федеральный бюджет норматив отчислений действует с 2021 г., то коэффициент вариации со второго квартала 2021 г. (Q2 2021) по четвертый квартал 2023 г. (Q4 2023) считается по меньшему количеству наблюдений: во втором квартале 2021 г. (Q2 2021) он включает данные за первый и второй квартал 2021 г., за третий квартал (Q3 2021) – за первый, второй и третий квартал и т.д. Таким образом, к четвертому кварталу 2023 г. (Q4 2023) коэффициент считается по двенадцати наблюдениям (по четыре квартала за 2021, 2022 и 2023 гг.), а в первом и втором квартале 2024 г. расчет включает 13 наблюдений, как и по остальным налогам.

Таблица 2 – Коэффициент вариации поступлений от отдельных налогов в разрезе уровней бюджетной системы, %

	НПО		НДФЛ		Акцизы		НППР		ГП		СНР	
	ФБ	КБС	ФБ	КБС	ФБ	КБС	ФБ	КБС	ФБ	КБС	ФБ	КБС
Q1 2020	22	15	-	16	33	12	20	17	6	10	118	29
Q2 2020	19	16	-	13	38	11	24	15	9	9	118	26
Q3 2020	18	16	-	13	39	12	25	16	9	10	127	26
Q4 2020	17	13	-	17	39	13	24	17	9	11	125	25
Q1 2021	14	14	-	17	43	13	23	17	9	11	123	23
Q2 2021	15	15	30	15	54	11	25	15	10	10	122	26
Q3 2021	19	18	27	15	82	12	29	16	9	10	134	25
Q4 2021	24	21	36	18	143	14	33	18	8	11	133	24

Q1 2022	24	26	32	18	293	13	38	19	8	11	132	23
Q2 2022	24	28	29	16	-3473	14	47	23	8	10	135	29
Q3 2022	24	28	34	17	-600	16	46	23	7	10	43	29
Q4 2022	24	28	40	21	-382	16	46	23	7	11	49	28
Q1 2023	23	31	43	22	-308	16	45	32	6	11	52	28
Q2 2023	25	31	40	21	-239	14	43	30	8	11	53	34
Q3 2023	22	28	40	21	-152	13	36	30	7	8	52	32
Q4 2023	21	24	45	24	-108	14	33	30	9	8	46	29
Q1 2024	19	20	44	24	-80	12	28	29	10	8	45	28
Q2 2024	16	19	38	22	-63	10	23	26	11	8	44	40
Q3 2024	15	18	41	23	-51	107	21	22	31	19	44	40
Q4 2024	18	18	84	27	-45	121	22	25	76	47	45	38
Q1 2025	22	18	83	27	-41	137	21	23	82	54	45	37

Источник: *составлено автором*

Сравнение темпов прироста и коэффициента вариации позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, если средние темпы прироста имели отрицательное значение только для акцизов, поступающих в региональный бюджет, то средний коэффициент вариации отрицательный для акцизов, поступающих в федеральный бюджет (-228 %). За весь период исследования (итог 2024 г. к итогу 2017 г.) поступления от акцизов в федеральный бюджет сократились в 4,6 раза. При этом на региональном уровне прирост поступлений за семь лет составил 113 %, а средний коэффициент вариации равен 29 % на уровне КБС. Это еще раз дополнительно свидетельствует о том, что коэффициент вариации в большей степени сигнализирует о долгосрочных тенденциях.

Во-вторых, помимо ситуации с акцизами, для которых средний коэффициент вариации на уровне ФБ отрицательный, а значит ниже коэффициента вариации на уровне КБС, только налог на прибыль организации демонстрирует превышение среднего коэффициента вариации на уровне КБС над значениями для ФБ, хоть и с небольшим перевесом в сторону среднего значения показателя на уровне КБС (21 % на уровне КБС против 20 % на уровне ФБ). При этом прирост за весь период исследования (итог 2024 г. к итогу 2017 г.) выше на федеральном уровне: 200 % на уровне ФБ и 127 % на уровне КБС.

Для НДС прирост поступлений на региональном уровне равен 142 % за семь лет (итог 2024 г. к итогу 2017 г.), а на федеральном уровне за три года (итог 2024 г. к итогу 2021 г., поскольку, напомним, НДС в федеральный бюджет

отчисляется только с 2021 г.) рост составил более 29 раз. Поэтому средний коэффициент вариации выше на уровне ФБ: 40 % против 19 % на уровне КБС (расчет коэффициента вариации на уровне ФБ по НДС, напомним, имел некоторые особенности, оговоренные перед таблицей 2.20).

Одновременно большие значения на уровне ФБ как прироста за семь лет (с 2018 по 2024 гг.), так и среднего коэффициента вариации имеет также группа налогов за пользование природными ресурсами. Прирост поступлений за семь исследуемых лет составил 256 % на уровне ФБ против 158 % на уровне КБС. Как и для НДС следствием этого стал тот факт, что средний коэффициент вариации выше также на уровне ФБ (31 % против 22 % на уровне КБС). Связано это, прежде всего, с тем фактом, что поступления от этой группы налогов фактически полностью (на 98-99 %) направляются в федеральный бюджет.

В-третьих, помимо акцизов, демонстрирующих большой прирост поступлений на уровне КБС (по сравнению с ФБ), государственная пошлина и специальные налоговые режимы также имеют большой прирост поступлений на уровне КБС в сравнении с ФБ. При этом для государственной пошлины и специальных налоговых режимов средний коэффициент вариации выше на уровне ФБ. Для государственной пошлины за семь исследуемых лет поступления на уровне КБС выросли на 124 % против 109 % на уровне ФБ). При этом средний коэффициент вариации равен 16 % на уровне ФБ против 14 % на уровне КБС.

По специальным налоговым режимам, где за семь исследуемых лет поступления на уровне федерального бюджета выросли всего на 18 % (в абсолютном выражении эта сумма составляет порядка 45 млрд руб., фактически полностью формируясь в Сахалинской области и Ненецком АО). Рост на уровне региональных бюджетов составил 202 %. При этом средний коэффициент вариации на уровне ФБ равен 85 % против 29 % на уровне КБС. Также стоит отметить, что при переходе из Q2 2022 г. в Q3 2022 г. коэффициент вариации на уровне ФБ снизился более чем в три раза (со 135 % до 43 %).

Интересно отметить, что для государственной пошлины как на уровне ФБ, так и на уровне КБС наблюдается тесная положительная связь темпов прироста и коэффициента вариации (со значением коэффициента корреляции Пирсона выше 0,98). Для акцизов на уровне ФБ коэффициент корреляции имеет значимое отрицательное значение (-0,97), что свидетельствует о тесной обратной связи. Для акцизов на уровне КБС наблюдается положительная связь средней силы

(значение коэффициента корреляции равно 0,45). Также положительную связь средней силы демонстрируют НДСЛ и группа налогов на природные ресурсы на уровне КБС (коэффициенты корреляции соответственно равны 0,31 и 0,35 соответственно), а также НДСЛ на уровне ФБ (значение коэффициента равно 0,41, однако, напомним, что по НДСЛ на уровне ФБ имеется меньшее количество наблюдений). Для остальных налогов в разрезе уровней бюджетной системы коэффициент корреляции Пирсона не имеет значимых показателей.

Список источников

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ.
2. Форма статистическая налоговой отчетности 1-НМ «Начисление и поступление налогов, сборов и страховых взносов в бюджетную систему Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/. (дата обращения: 13.11.2024).
3. Форма статистическая налоговой отчетности 1-НОМ «Начисление и поступление налогов, сборов и страховых взносов в бюджетную систему Российской Федерации по основным видам экономической деятельности» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 13.11.2024).
4. Malkina M. Y., Balakin R. V. Stress Index of the Tax System of the Russian Federation in Terms of Tax Revenues // Journal of Tax Reform. – 2022. – Vol. 8, No. 3. – P. 251-269. – DOI 10.15826/jtr.2022.8.3.120.
5. Малкина М. Ю., Балакин Р. В. Изменение стресса налоговых поступлений российских регионов под влиянием внешних шоков // Регион: Экономика и Социология. – 2023. – № 3(119). – С. 3-31. – DOI 10.15372/REG20230301.
6. Malkina M. Yu., Balakin, R. V. Assessment of the level and structure of stress in tax revenues of the federal and regional budgets // R-Economy. – 2023. – Vol. 9, No. 4. – P. 405–421. – DOI 10.15826/recon.2023.9.4.025.
7. Malkina M. Yu., Balakin R. V. Impact of External Shocks on Tax Revenue Stress in Russian Regions // Regional Research of Russia. – 2024. – Vol. 14, No. 1. – P. 1-13. – DOI 10.1134/S2079970523600361.
8. Малкина М. Ю., Балакин Р. В. Отраслевая структура стресса налоговых поступлений в России и ее регионах в условиях пандемии и санкций // Terra Economicus. – 2024. – № 4(22). – С. 101-118. – DOI 10.18522/2073-6606-2024-22-4-101-118.
9. Пономарева К. А. Налоговые меры борьбы с последствиями пандемии COVID-2019: опыт ЕС и ОЭСР // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 10. – С. 44–56. – DOI: 10.17803/1994-1471.2020.119.10.044-056.

10. Пономарева К. А. Налоговые механизмы снижения экономических последствий пандемии COVID-19 в Российской Федерации и Европейском Союзе // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 7. – С. 66–76. – DOI: 10.17803/1994-1471.2021.128.7.066-076.
11. Пинская М.Р., Стешенко Ю.А., Цаган-Манджиева К.Н. Налоговая поддержка во время коронакризиса: кому помогать? Вопросы экономики. 2021;(5):129-144. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-5-129-144>
12. Пинская М. Р., Шаталов С.Д., Стешенко Ю.А., Балакин Р.В. Новые вызовы, оказывающие влияние на налоговую безопасность России // Известия Байкальского государственного университета. – 2024. – Т. 34, № 1. – С. 12–26. DOI 10.17150/2500-2759.2024.34(1).12-26.

УДК: 338.1

Белоусова Наталья Валерьевна

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака

профессор кафедры экономики, управления и предпринимательства

доктор экономических наук, доцент

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация:

Стратегический подход к развитию национальной экономики рассматривается через призму принципов экономической безопасности. Показана взаимообусловленность процессов защиты и развития национальной экономики как объекта экономической безопасности. В данном контексте обосновано стратегическое целеполагание через систему «национальные интересы – национальные приоритеты – национальные стратегические цели развития». Представлены результаты сравнительного анализа содержания национальных интересов, приоритетов и национальных целей развития. Обоснована направленность национальных целей на ресурсное обеспечение приоритетов развития, связанных с первостепенным обеспечением экономической безопасности национальной экономики в условиях актуальных вызовов и угроз.

Ключевые слова:

Экономическая безопасность, национальные интересы, национальные приоритеты, национальные стратегические цели.

UDC: 338.1

Belousova Natalia Valerievna

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak

Professor of the Department of Economics, Management and Entrepreneurship

Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

NATIONAL DEVELOPMENT GOALS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF ECONOMIC SECURITY

Abstract:

The strategic approach to the development of the national economy is considered through the prism of the principles of economic security. The interdependence of the processes of protection and development of the national economy as an object of economic security is shown. In this context, strategic goal setting through the system "national interests – national priorities – national strategic development goals" is justified. The results of a comparative analysis of the content of national interests, priorities and national development goals are presented. The focus of national goals on resource provision of development priorities related to the primary provision of economic security of national economies in the context of current challenges and threats is substantiated.

Keywords:

Economic security, national interests, national priorities, national strategic goals.

Повышение интереса к проблемам обеспечения экономической безопасности [8] в последние годы связано с обострением противоречий в интересах в условиях ухудшения общей экономической конъюнктуры на понижательной волне Кондратьевского цикла (экономический фактор) [7], смены кластера базовых технологий в направлении цифровой трансформации и искусственного интеллекта (технологический фактор) [4, 5], отхода от ценностей глобализации и движения в сторону формирования многополярного мира (политический фактор) [3]. Все перечисленные факторы меняют сложившееся в конце 90-х гг. XX века – начале XXI века соотношение издержек и выгод и приводят к стремлению различных акторов на уровне государств поменять условия институционального равновесия с учетом своих национальных интересов. Это находит свое отражение в санкционной политике иностранных государств против России и ее партнеров по БРИКС, военных действиях в Иране и т.д. [1, 6]. В такой ситуации каждое государство уделяет все больше внимания укреплению системы своей экономической безопасности, применяя в том числе стратегический подход. В данной работе предпринимается попытка анализа национальных целей развития России через призму принципов обеспечения экономической безопасности на стратегическом уровне.

Будем понимать под национальной экономической безопасностью состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, достигаемое и поддерживаемое при помощи специально создаваемой системы экономической безопасности. Формирование и обеспечение функционирования такой системы экономической безопасности требует

существенного ресурсного обеспечения, которое при отсутствии задачи защиты могло бы пойти на расширенное воспроизводство. Однако необходимость защиты национальных интересов требует отвлечения ресурсов для обеспечения экономической безопасности страны.

При этом выполнение защитных функций предполагает создание условий для хозяйственной деятельности, способствует повышению ее эффективности, но само по себе не создает экономических благ. Следовательно, без достижения развития экономики, неминуемо наступит ситуация, когда выполнение защитной функции будет сталкиваться с серьезными ограничениями, обусловленными нехваткой ресурсов. Именно так и происходит при протяженном во времени ведении войн, когда задачи обороны, имеющие первостепенное значение, начинают поглощать слишком много ресурсов для выживания населения.

Отсюда концепт экономической безопасности объединяет два процесса (рис. 1):

- защиту объекта, в нашем случае национальной экономики, что находит отражение в понятиях «устойчивость», «стабильность» как характеристики общей экономической ситуации;
- развитие объекта, в нашем случае означающее улучшение основных показателей, оценивающих социально-экономическое состояние страны.

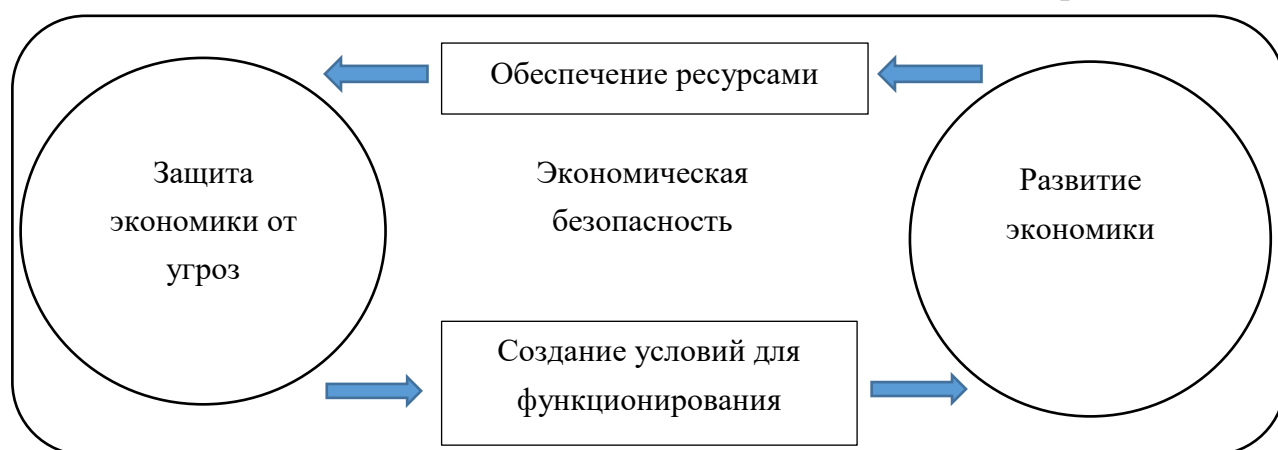

Рисунок 1 – Взаимообусловленность процессов защиты и развития национальной экономики как объекта экономической безопасности.

Источник: *составлено автором*

Как показывают данные рисунка 1, образуется замкнутый повторяющийся цикл, позволяющий национальной экономике решать задачи повышения уровня и качества жизни населения в условиях различных вызовов и угроз. Модельное

представление взаимосвязи и взаимообусловленности позволяет показать, что при возникновении новых или усилении существующих угроз и вызовов необходимо особое внимание к наращиванию ресурсных возможностей национальной экономики для выполнения защитных функций системы экономической безопасности.

Решение указанной задачи предполагает мониторинг общей ситуации в полноте ее внешних и внутренних факторов, а также применение стратегического подхода для определения направлений экономического развития страны. В контексте экономической безопасности это предполагает целеполагание через систему «национальные интересы – национальные приоритеты – национальные стратегические цели развития» (рис. 2).

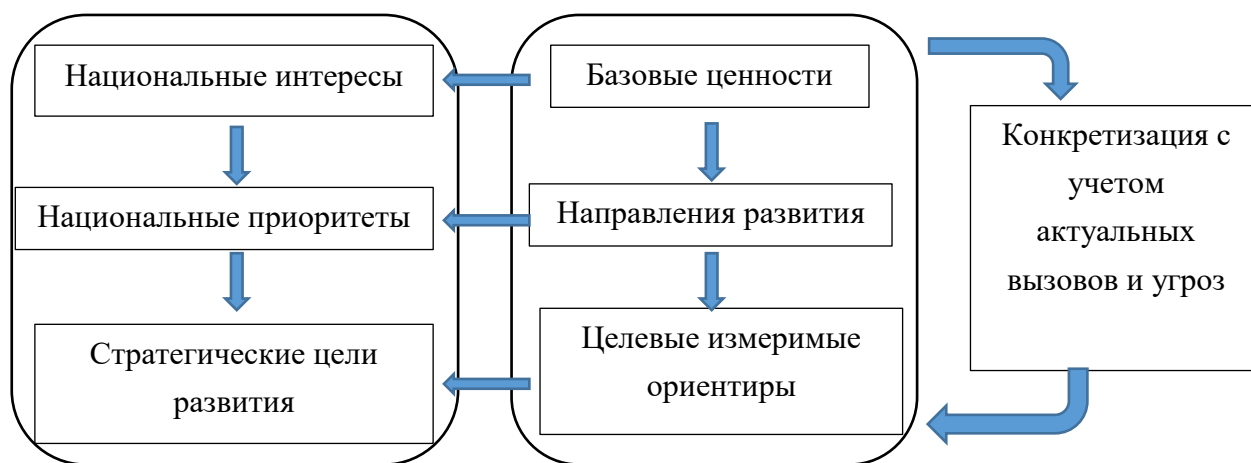

Рисунок 2 – Взаимосвязь национальных интересов, национальных приоритетов и стратегических целей развития.

Источник: составлено автором по [2]

В таблице 1 представлена содержательное соотношение национальных интересов, национальных приоритетов и стратегических целей развития России.

Таблица 1 – Национальные интересы, национальные приоритеты и стратегические цели развития РФ на современном этапе.

Национальные интересы	Национальные приоритеты	Стратегические цели развития
1) сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан	1) сбережение народа России и развитие человеческого потенциала	А) сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия, поддержка семьи Б) реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание

		патриотической и социально ответственной личности В) комфортная и безопасная среда для жизни
2) защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности, укрепление обороны страны	2) оборона страны	
3) поддержание гражданского мира и согласия в стране, укрепление законности, искоренение коррупции, развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества	3) государственная и общественная безопасность	Ж) цифровая трансформация государственного и муниципального управления и социальной сферы
4) развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия	4) информационная безопасность	
5) устойчивое развитие российской экономики на новой технологической основе	5) экономическая безопасность 6) научно-технологическое развитие	Д) устойчивая и динамичная экономика Е) технологическое лидерство Ж) цифровая трансформация экономики
6) охрана окружающей среды, сохранение природных ресурсов и рациональное природопользование, адаптация к изменениям климата	7) экологическая безопасность и рациональное природопользование	Г) экологическое благополучие
7) укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России	8) защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти	
8) поддержание стратегической стабильности, укрепление мира и безопасности, правовых основ международных отношений	9) стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество	

Источник: составлено автором в соответствии со «Стратегией национальной безопасности Российской Федерации» (2021), Указом Президента «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» (2024)

Сравнительный анализ содержания таблицы 1 позволяет сделать следующие выводы:

– переход от национальных интересов к национальным приоритетам ярко демонстрирует необходимость усиления с учетом текущих вызовов и угроз защитной функции для российской экономики, которое в свою очередь обуславливает направление ресурсов для укрепления системы обеспечения национальной экономической безопасности;

– национальный интерес устойчивого развития российской экономики на новой технологической основе распадается на два приоритета, прямо связанных первый – с обеспечением безопасности, второй – с развитием, в данном случае науки и технологий;

– переход от национальных приоритетов к стратегическим целям обнаруживает направленность на обеспечение системы экономической безопасности ресурсами (см. рис 1), в том числе в области развития человеческого капитала, а также посредством реализации технологического лидерства и цифровой трансформации;

– достижение стратегических целей, оцениваемое на основе показателей, определенным обозначенным ранее Указом Президента, позволит нарастить экономическую мощь для решения задач в области национальной экономической безопасности и тем самым создать условия для развития российской экономики в сложной текущей ситуации, закладывая задел на будущую перспективу.

Направления дальнейших исследований автор видит в выявлении совокупности факторов, поддерживающих и препятствующих реализации национальных стратегических целей.

Список источников

1. Батиевская В. Б., Соколовский М. В. Анализ антироссийских экономических санкций и мер противостояния нелегитимным рестрикциям // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2023. Т. 4 № 2. С. 66–71.
2. Василенко Н.В. Экономическая безопасность в модели национального экономического развития современной России // Глобальный научный потенциал. 2024. № 11-1 (164). С. 194-199.
3. Дергунов, А. В. Методические основы оценки экономической безопасности государства в условиях нарастания геоэкономических противоречий / А. В. Дергунов //

Вестник евразийской науки. – 2025. – Т. 17. – № s2. – URL: <https://esj.today/PDF/54FAVN225.pdf>.

4. Самойлов А.В., Котенко Д.Г. Влияние технологий цифровой экономики на ведение бизнеса // Актуальные проблемы экономики и управления. 2025. № 1 (45). С. 20-25.

5. Смагина В.И., Юдин И.О. Технологические тренды, определяющие цифровую трансформацию в экономике // Научные труды Вольного экономического общества России. 2025. Т. 252. № 2. С. 198-212. DOI: 10.38197/2072-2060-2025-252-2-198-212

6. Соболев Т.С., Шарай А.И. Современное состояние экономики России в условиях санкций и перспективы ее развития // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2023. № 1 (44). С. 7-15.

7. Солодухина О.И. Национальная экономическая безопасность Российской Федерации в условиях санкционного давления //Регион: системы, экономика, управление. 2025. № 3 (70). С. 58-64

8. Шкодинский С.В., Продченко И.А., Толмачев М.Ю. Обеспечение экономической безопасности России и ее национальных интересов с учетом влияния VUCA- и BANI-факторов // Журнал прикладных исследований. 2025. № 2. С. 68-78.

УДК: 338.246.87

Борзунов Антон Андреевич

Российская Федерация, Москва

ФГУП «ФЭО» (Предприятие Госкорпорации «Росатом»)

руководитель направления

кандидат экономических наук

Никитина Ирина Александровна

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака

профессор кафедры экономики, управления и предпринимательства

доктор экономических наук, профессор

АУДИТЫ ПОСТАВЩИКОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И КОРПОРАТИВНЫХ ЗАКУПОК: ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСОБЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация:

Для адекватного ответа на многочисленные современные вызовы и обеспечения экономической безопасности государственных и частных компаний требуется переформатирование логики кооперации и организация управляемой цепочки поставок, предусматривающей устойчивое функционирование механизмов контроля за деятельностью контрагентов. В данной статье определены предпосылки для применения аудитов поставщиков в условиях действия государственного регулирования в сфере закупок, а также рассмотрены особенности проведения аудитов второй и третьей стороны в контексте исторически сложившейся в России системы подтверждения соответствия. Авторами обоснована предпочтительность для обеспечения результативного управления рисками, связанными с участниками производственно-логистических цепочек, именно аудитов второй стороны в связи с их фокусом на требования конкретного заказчика и оценкой способности участника закупки исполнить договор (контракт) на поставку определенной продукции, а не общего соответствия системы менеджмента и «качества» разработанной документированной информации.

Ключевые слова:

Экономическая безопасность; государственные закупки; корпоративные закупки; аудит поставщика; аудит второй стороны; аудит третьей стороны.

UDC: 338.246.87

Borzunov Anton Andreevich

Russian Federation, Moscow

FSUE «FEO» (A State Corporation «Rosatom» company)

Head of the department

Candidate of Economic Sciences

Nikitina Irina Alexandrovna

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak

Professor of the Department of Economics, Management and Entrepreneurship

Doctor of Economic Sciences, Professor

**SUPPLIER AUDITS DURING GOVERNMENT AND CORPORATE
PROCUREMENT: BACKGROUND AND FEATURES IN THE CONTEXT OF
ECONOMIC SECURITY**

Abstract:

In order to adequately respond to the numerous modern challenges and ensure the economic security of public and private companies, it's necessary to reformat the logic of cooperation and organize a managed supply chain that provides the sustainable functioning of control mechanisms over the activities of counterparties. This article defines the prerequisites for the use of supplier audits in the context of government regulation in the field of procurement, and also examines the specifics of conducting second- and third-party audits in the context of the historically established conformity assessment system in Russia. The authors substantiate the preference for effective risk management related to participants in production and logistics chains, second-party audits due to their focus on the requirements of a specific customer and assessment of the ability of the procurement participant to fulfill the contract for the supply of certain products, rather than the general compliance of the management system and the "quality" of the developed documented information.

Keywords:

Economic security; public procurement; corporate procurement; supplier audit; second-party audit; third-party audit.

Основными нормативными актами, регламентирующими проведение государственных закупок в России, являются федеральные законы от 18.07.2011 № 223-ФЗ (далее - 223-ФЗ)¹ и от 05.04.2013 № 44-ФЗ (далее - 44-ФЗ)², к целям

¹Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц».

²Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

которых относится организация экономически эффективного и целевого расходования бюджетных средств, а также обеспечение информационной открытости и прозрачности закупочной деятельности. К обязательным требованиям, предъявляемым к участнику закупки по 223-ФЗ, относятся его правоспособность (регистрация, наличие права на заключение договора, отсутствие задолженности по налогам и сборам) и, чтобы в «плохих компаниях» замечен не был, т.е. не пребывал в процессе банкротства/ликвидации и не находился под иностранным влиянием¹.

При этом в соответствии с ч. 6 ст. 3 223-ФЗ в конкретной закупке могут предъявляться дополнительные требования (наличие разрешительно-лицензионной документации, опыта и ресурсов), но в законе отсутствуют правила их конкретизации, и компания-заказчик сама устанавливает в своем положении о закупках порядок предъявления таких требований к участникам закупки. Данная ситуация может приводить к субъективизму в части установления требований, что кратно увеличивает риски обращения участников закупочной процедуры в антимонопольный орган (ФАС России). Рассмотрение жалоб на действия комиссии, обжалование результатов их рассмотрения в суде, изменение требований в закупочной документации (в случае, если не удалось доказать отсутствие нарушения антимонопольного законодательства), неизбежно приводят к увеличению сроков осуществления закупок и повышают риски срыва сроков исполнения договоров.

44-ФЗ устанавливает единые требования к участникам закупки, которые, в общем, не сильно отличаются от обязательных требований, установленных в 223-ФЗ, с дополнительным акцентом на отсутствие регистрации на территориях, используемых для промежуточного (офшорного) владения активами. В соответствии с ч. 2 ст. 31 44-ФЗ Правительство РФ устанавливает дополнительные требования², в т.ч. в части наличия ресурсов и опыта, но только лишь для четко обозначенного перечня товаров, работ, услуг. Таким образом, заказчик действует в условиях «узкого коридора», заданного государственным регулированием в сфере закупок, и крайне ограничен в возможностях установления требований по качеству к поставщику (исполнителю/подрядчику),

¹ Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием».

² Постановление Правительства РФ от 29.12.2021 № 2571 «О требованиях к участникам закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд...».

что «зачастую приводит к невозможности отклонения недобросовестных участников рынка по результатам конкурсных процедур (в случае демпинга) в связи с тем, что основным критерием выбора является цена» [1, с. 39].

В соответствии со ст. 5 223-ФЗ и ст. 104 44-ФЗ заказчик вправе включить сведения о таких поставщиках, равно как и об участниках закупок, уклонившихся от заключения договоров/ контрактов, в реестр недобросовестных поставщиков. Однако значительные длительность и трудоемкость этой процедуры (надо доказать, что у поставщика отсутствовало НАМЕРЕНИЕ исполнить договорные обязательства) не позволяют считать данный механизм достаточно эффективным для достижения заявленных целей, более того недобросовестные поставщики имеют, как правило, широкий «ассортимент» ООО с разными реквизитами, а информация об их «недобросовестности», все же внесенная в реестр, по истечении двух лет из него исключается.

Организация закупочной деятельности в частной (негосударственной) компании не подпадает под действие законов 223-ФЗ и 44-ФЗ и не регулируется государством в таком объеме. В ст. 65.1 Гражданского кодекса содержится понятие о корпоративных юридических лицах¹, к которым относятся хозяйственные товарищества и партнерства, крестьянские (фермерские) хозяйства, хозяйственные, производственные и потребительские кооперативы, общественные организации и движения, ассоциации (союзы) и др., закупки которых для «демаркации» от государственных называют корпоративными. Здесь, однако, стоит сделать оговорку, что многие частные (негосударственные) компании в России оказывают услуги государственным и муниципальным предприятиям и участвуют в государственных закупках с соответствующими последствиями в виде транслирования полного объема «государевых» требований в договоры (контракты) и последующего контроля со стороны регуляторов.

В остальном же корпоративные юридические лица самостоятельно выбирают торговую площадку (B2B; Фабрикант; ОТС) для проведения закупок (тендеров) и осуществляют закупочную деятельность в соответствии с внутренними регламентами (порядок, инструкция, стандарт и др.), обязанность размещать которые в открытом доступе отсутствует. Методику и критерии

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.

выбора поставщиков корпоративный заказчик также определяет по своему усмотрению, правда с небольшой оглядкой на закон «О защите конкуренции»¹. Однако, следует признать, что решающим критерием выбора поставщика остается цена² даже при условии отсутствия законодательно установленных ограничений, что «приводит к дополнительным затратам на исправление несоответствий и сводит на нет весь полученный экономический эффект» [1, с. 39] и оказывает негативное влияние на уровень экономической безопасности компании.

В контексте рассматриваемой темы авторы предлагают следующую формулу для описания зависимости экономической безопасности (ES) компании от деятельности ее поставщиков (подрядчиков) [2, с. 111]:

$$ES = ES_0 - \sum_{i=1}^n k_i \times M[C_i^{NC}],$$

где:

ES_0 - базовый уровень экономической безопасности компании;

n - количество поставщиков (подрядчиков), участвующих в цепочке создания ценности;

$k_i \in (0,1]$ - коэффициент влияния i -го поставщика (подрядчика) на цепочку создания ценности;

$M[C_i^{NC}]$ - математическое ожидание прямых и косвенных издержек, связанных с поставками (выполнением работ/услуг) i -го поставщика (подрядчика).

Одним из широко применяемых механизмов управления рисками в сфере материально-технического обеспечения, является внешний аудит - «документированный процесс установления объективного свидетельства и его объективного оценивания для получения степени соответствия критериям аудита»³. Прежде всего, целесообразно рассмотреть существующую практику аудитов третьей стороны, которые проводятся органами по сертификации - организациями, независимыми от проверяемых компаний, в целях сертификации на соответствие российским или международным стандартам. В соответствии со ст. 21 федерального закона № 184-ФЗ «О техническом регулировании» орган по

¹ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

² Во многом в силу того, что персонаж рассказа Сергея Довлатова про креповые финские носки называл «звериным оскалом капитализма».

³ ГОСТ Р ИСО 19011-2021 «Оценка соответствия. Руководящие указания по проведению аудита систем менеджмента».

сертификации на основании собственных правил функционирования системы добровольной сертификации (СДС) осуществляет подтверждение соответствия, выдает сертификаты соответствия и предоставляет компаниям-заявителям право на применение знака соответствия¹.

При этом зарегистрировать СДС может компания любой организационно-правовой формы или индивидуальный предприниматель, а для регистрации СДС требуется оплатить госпошлину в размере 1000 руб. и представить на рассмотрение в Росстандарт 3 документа: заявление, правила функционирования СДС, описание знака соответствия СДС (изображение) и порядок его применения². Далее в срок не более 5-ти дней Росстандарт вносит сведения о СДС в «Единый реестр зарегистрированных систем добровольной сертификации». После этого государственная услуга считается оказанной и никакого контроля за деятельностью руководящих органов СДС и аккредитованных в них органов по сертификации закон не предусматривает. Все это приводит к существованию на рынке множества недобросовестных органов по сертификации, которые являются «официальным органом с государственной аккредитацией», а «не посредником» и «принимает решение по заявке в течение 30-ти минут», выдавая сертификаты по акции «оплачиваете сертификат системы менеджмента на соответствие ISO 9001 и абсолютно бесплатно получаете сертификаты ISO 14001 и ISO 45001», да еще и «с бесплатной доставкой до офиса».

При этом бывают и весьма выгодные предложения - «Всероссийский Центр сертификации ... дарит купон 3 000 рублей на оформление любого вида разрешительного документа». По сути, вся деятельность по оценке соответствия в таком органе сводится к анализу менеджером по продажам «экспресс-заявки», выставлению счета и оформлению сертификата соответствия, что, в конечном итоге, приводит к дискредитации процедуры подтверждения соответствия и подрывает доверие к стандартам и сертификатам соответствия. Кардинальное изменение отношения профессионального сообщества к деятельности по сертификации на соответствие требованиям самого распространенного (и знакового) стандарта ISO 9001 особенно заметно на контрасте с восторженными

¹ Федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании».

² Приказ Минпромторга России от 10.10.2012 № 1440 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии государственной услуги по ведению единого реестра зарегистрированных систем добровольной сертификации».

публикациями начала 2000-х годов: «Стандарт помогает уменьшить затраты на качество, так как у предприятия появляется доверие и уверенность в качественной деятельности поставщика» [3, с. 303]. При этом авторы также с сожалением отмечают стагнацию и устойчивый «крен» самого стандарта ISO 9001 в сторону философско-декларативного «трактата», а процедуру подтверждения соответствия его требованиям - в ритуально-формалистскую, направленную на поддержание «status quo» на рынке сертификации и слабо коррелирующую с реальными результатами сертифицированных компаний.

Авторы не отрицают наличие добросовестных органов по сертификации, но также нельзя исключить из рассмотрения условия их функционирования (бизнес-модель): существует прямая зависимость зарплаты сотрудников органа по сертификации от количества клиентов (сертифицированных лиц) и, следовательно, количества проведенных аудитов и выданных сертификатов соответствия. У каждого органа существуют декларации по независимости, объективности и беспристрастности, обязательно гарантируется соблюдение конфиденциальности, но в современных реалиях, особенно после того, как зарубежные органы по сертификации «свернули» свою деятельность на территории РФ, любой сертификат соответствия, например, системы менеджмента качества требованиям ISO 9001, выданный одним органом, номинально ничем не отличается с точки зрения его легитимности от сертификата, выданного любым другим органом по сертификации (аккредитованном в другой СДС).

Учитывая, что компания может выбирать любой вариант получения сертификата вплоть до описанной выше покупки, руководители органов по сертификации вынуждены балансировать между обеспечением конкурентоспособности (гибкость цены и подходов, которая во многих случаях финализируется в готовности «закрывать глаза» на критические несоответствия) и поддержанием репутации (создание на рынке имиджа компании, результатам проверок которой можно доверять), что и приводит к ситуации, что случаи отказа в выдаче / отзыва сертификата соответствия органами по сертификации почти не встречаются в российской практике. Начальник управления качеством Госкорпорации «Росатом» Леонид Летчфорд в противовес данной ситуации приводит деятельность ГИБДД по лишению водительских прав - перспектива

остаться без возможности управлять транспортным средством не является чем-то из разряда невероятного и действует на водителей отрезвляюще [4, с. 17].

Создание индустриальной (отраслевой) системы сертификации, в которой заказчики прописывают правила контроля за органами по аккредитации и сертификации, не решает проблему, т.к. подавляющее большинство отраслевых систем сертификации «болеет» теми же «болезнями», что и общепромышленные СДС и органы по сертификации, но немного в другой форме, что только усугубляет положение дел на российском рынке сертификационных услуг. При этом, как российские [5; 6], так и зарубежные [7; 8] исследования наглядно демонстрируют, что аудиторы второй стороны обеспечивают более высокое качество проверок, фиксируя больше нарушений в значимых для заказчика аспектах (техническом обслуживании основного и вспомогательного оборудования, управлении средствами измерений, соблюдении технологической дисциплины, контроле продукции и управлении выявленными при производстве несоответствиями), по сравнению с аудиторами третьей стороны, которые в основном ограничиваются выявлением несоответствий в документированной информации.

В отличие от аудитов третьей стороны, проводимых на соответствие требованиям универсальных стандартов на системы менеджмента, которые содержат только общие требования, заказчик сам разрабатывает перечень значимых для него требований (критериев аудита) и индивидуальную методику проведения аудитов второй стороны, адаптированную к специфике и потребностям своей компании, что и позволяет ему достаточно комплексно и достоверно оценить способности производителя (поставщика/подрядчика) выполнить все существенные условия договора (контракта). Важно отметить, что для обеспечения требуемого уровня объективности результатов аудита для проверяемого контрагента аудит должен проводиться по заветам Совы из советского мультфильма¹, т.е. оплачиваться за счет средств заказчика, чтобы аудиторы финансово не зависели от аудируемых и могли беспристрастно выносить профессиональные суждения об их соответствии/ несоответствии установленным требованиям.

¹ «Безвозмездно, то есть даром».

Сфокусированность на требованиях конкретного заказчика и целенаправленная оценка способности участника закупки исполнить договор (контракт) на поставку определенной продукции позволяет компании выбрать компетентных поставщиков и выработать «оптимальную стратегию при установлении требований по качеству и проработке договорных условий» [2, с. 115], снижая зависимость от рисков, связанных с участниками производственно-логистической цепочки [9, с. 1185]. Например, в атомной отрасли дисциплина исполнения договоров по результатам закупочных процедур с применением аудита второй стороны «примерно на 15-20% выше, чем для процедур, где ... данный критерий отбора участников не применялся» [10, с. 48].

При этом аудит второй стороны предъявляет повышенные требования к квалификации и компетенциям аудиторов, что обуславливает необходимость организации их обучения, аттестации и регулярной переаттестации, а также осуществления контроля за их деятельностью и создания системы «сдержек и противовесов». Помимо этого, критически важными являются актуальные и релевантные критерии аудита - требования, формализованные, как правило, в виде опросного листа, которые должны подвергаться регулярному пересмотру и корректировке, чтобы позволять оценить состояние значимых для заказчика факторов, а также сама методика проведения аудита второй стороны и оценки (интерпретации) его результатов. Отсутствие или нерелевантность структурированных требований и установленных подходов к оценке свидетельств аудита приводит к нерелевантности результатов и невозможности верифицировать полученную оценку, снижая тем самым добавленную ценность аудита и создавая риски обращения проверенного поставщика в соответствующие инстанции для обжалования результатов аудита.

Другим серьезным вызовом при проведении аудита второй стороны является его ресурсоемкость - затратность, длительность и трудоемкость сбора, структурирования и анализа свидетельств аудита, связанная с большим объемом проверяемых критериев при условии ограниченности процесса во времени (средняя продолжительность выездного аудита составляет 2-3 дня). Использование современных информационно-коммуникационных технологий позволяет снизить трудоемкость формирования опросных листов и автоматизировать расчет значений по результатам проведения аудита (с учетом весовых коэффициентов и применимости вопросов), а также обеспечить

оперативное взаимодействие группы по аудиту посредством интеграции с корпоративными системами и облачными сервисами [2, с. 124-125].

«Геймченджером» в сфере аудитов второй стороны может стать ассистент аудитора второй стороны на базе искусственного интеллекта (ИИ), который позволит автоматически извлекать структурированную информацию из произвольно оформленных документов проверяемой организации и представлять данную информацию в формате свидетельств аудита с формированием соответствующих выводов по каждому из них. Однако, несмотря на острую потребность в специализированном решении для аудитов второй стороны, существующие на рынке коммерческие продукты либо представляют собой платформы IDP, которые решают общую задачу извлечения информации из документов, либо ориентированы на аудит финансовой (бухгалтерской) отчетности. Разработка и внедрение в практическую деятельность аудитора второй стороны ИИ-ассистента, включающего модуль предобработки документов, векторную базу знаний, гибридный RAG-движок и веб-интерфейс (мобильное приложение), снизило бы влияние человеческого фактора и повысило эффективность аудита второй стороны за счет более быстрой и точной обработки поступающей информации о проверяемой организации.

В завершение следует отметить, что авторы солидарны с мнением, что высокий уровень интеграции цепочки поставок способствует улучшению качественных показателей деятельности организации [11, с. 3419], однако, учитывая существование на рынке недобросовестных поставщиков, которые демпингом забирают заказы, а потом срывают сроки, не исполняют договорные требования, саботируют обращения и затягивают судебные разбирательства, чтобы в конечном итоге «раствориться в закате», необходимо тщательно настраивать механизмы управления качеством, и, в особенности, аудит второй стороны, чтобы он «отсекал» такие организации, но при этом не препятствовал выходу на закупку добросовестных участников рынка, давая им возможность «подтянуть» свои слабые стороны. Для адекватного ответа на многочисленные современные вызовы и обеспечения экономической безопасности государственных и частных компаний требуется реформирование исторически сложившейся системы подтверждения соответствия и организация

управляемой цепочки поставок, направленной на взаимовыгодное сотрудничество и достижение устойчивого синергетического эффекта.

Список источников

1. Борзунов А.А. Целесообразность проведения аудитов второй стороны при осуществлении государственных закупок // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 1. С. 38-43.
2. Никитина И.А., Борзунов А.А. Аудиты поставщиков в целях обеспечения экономической безопасности компании: основные риски и способы их регулирования // Ученые записки Международного банковского института. 2025. № 4(54). С. 108-132.
3. Круглов М.Г. Менеджмент качества как он есть / М.Г. Круглов, Г.М. Шишков. - М.: Эксмо, 2007. 544 с.
4. Летчфорд Л.Н. Эффективные взаимоотношения с заинтересованными сторонами / Л.Н. Летчфорд, А.Ю. Рогаткин // Методы менеджмента качества. - 2021. - № 7. С. 16-21.
5. Токарев В.В. Обеспечение качества покупной продукции на основе аудита поставщиков. Часть 1 / В.В. Токарев, Л.Н. Летчфорд, Н.В. Дорошенко // Методы менеджмента качества. - 2019. - № 7. С. 10-14.
6. Авдеев И. Аудит второй стороны как метод развития поставщиков // Management. - 2024. - № 4. С. 32-38.
7. McNeil G. Second-Party Audits: An Improvement Opportunity for ISO 9001? / G. McNeil // The Auditor. - 2020.
8. Ibanez M.R. Second- versus Third-party Audit Quality: Evidence from Global Supply Chain Monitoring / M.R. Ibanez, A. Palmarozzo, J.L. Short, M.W. Toffel // SSRN. - June 30, 2023.
9. Reinecke J., Donaghey J., Spiegel S. Ethical Auditing and the Limits of Compliance in Global Supply Chains // Cambridge Journal of Economics. – 2019. - Vol. 43, № 5. P. 1183-1218.
10. Токарев В.В. Обеспечение качества покупной продукции на основе аудита поставщиков. Часть 2 / В.В. Токарев, Л.Н. Летчфорд, Н.В. Дорошенко // Методы менеджмента качества. - 2019. - № 8. С. 42-49.
11. Bae H.-S. Does company performance differ by level of supply chain integration? / H.-S. Bae // Asia Pacific Journal of Marketing and Logistics. - 2025. - Vol. 37, No. 11. P. 3418-3435.

УДК: 338.24.01

Булатов Артем Егорович

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака
аспирант

Белоусова Наталья Валерьевна – научный руководитель

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака
профессор кафедры экономики, управления и предпринимательства
доктор экономических наук, доцент

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Аннотация:

Целью работы является выявление взаимосвязи категорий экономическая безопасность, экономический и технологический суверенитет. В ходе работы проведен анализ данных понятий, раскрыты их содержания и взаимосвязь. Использован системный подход и сравнительный анализ. Автором доказано, что данные понятия образуют неразрывную и иерархическую систему. Предложено авторское видение логического соподчинения указанных понятий.

Ключевые слова:

Экономическая безопасность, экономический суверенитет, технологический суверенитет, технологическое развитие, национальная безопасность, угрозы национальной безопасности.

UDC: 338.24.01

Bulatov Artem Egorovich

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak
Postgraduate student

Belousova Natalya Valerievna – scientific supervisor

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak

Professor of the Department of Economics, Management and Entrepreneurship,

ECONOMIC SECURITY, ECONOMIC AND TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY: A THEORETICAL CORRELATION OF CONCEPTS

Abstract:

The aim of the work is to identify the interrelationship of the categories: economic security, economic sovereignty, and technological sovereignty. In the course of the work, an analysis of these concepts was carried out, and their content and interrelation were revealed. A systemic approach and comparative analysis were used. The author proves that these concepts form an inseparable and hierarchical system. The author's perspective on the logical subordination of these concepts is proposed.

Keywords:

Economic security, economic sovereignty, technological sovereignty, technological development, national security, threats to national security.

В условиях современной геополитической нестабильности особую значимость приобретает теоретическое переосмысление ключевых дефиниций, связанных с реализацией государством своих стратегических приоритетов. Термины «экономическая безопасность», «экономический суверенитет» и «технологический суверенитет» заняли устойчивое положение в системе экономических знаний. Тем не менее, вопросы их смыслового наполнения, структурных границ и иерархической взаимосвязи продолжают вызывать активные научные споры и требуют уточнения. Настоящая статья посвящена построению теоретической системы данных ключевых категорий, что представляется необходимым условием для формирования адекватной современным вызовам стратегии обеспечения национальной экономической безопасности.

Поскольку экономическая безопасность является фундаментальной составляющей и стратегическим приоритетом в структуре национальной безопасности государства, логика исследования требует первоначального раскрытия этого более широкого понятия. Подобный подход создает необходимую теоретическую базу, позволяющую определить позицию экономической безопасности в иерархии приоритетов национальной защиты, что служит основой для последующего изучения ее фундаментальных

составляющих – экономического и технологического суверенитета.

Категория «национальная безопасность» прочно укоренилась в научном дискурсе и политической практике второй половины XX века как ответ на вызовы глобализации и кризисных явлений. Данное понятие традиционно входит в сферу интересов философского, политического, социологического и экономического познания. Теоретические исследования последних лет также установили, что национальная безопасность является и юридической категорией, так как отражает состояние общественных отношений между личностью и государством с точки зрения обеспечения эффективного противодействия внешним и внутренним угрозам [1, с. 12]. Как отмечено Сагирян И. Г., основой теории национальной безопасности является юридическая наука, так как именно Конституция и иные нормативные акты определяют государственные задачи по ее обеспечению. [2, с. 36–37].

Существуют различные подходы к определению понятия национальной безопасности. Наиболее полное определение представлено в стратегии национальной безопасности РФ: национальная безопасность – это состояние защищенности национальных интересов государства от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета страны, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны [3, с. 63].

Обеспечение национальной безопасности обуславливается реализацией различных мер, основной из которых является реализация национальной экономической безопасности. Согласно стратегии экономической безопасности Российской Федерации, экономическая безопасность – это состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации. В структуру экономической безопасности традиционно включают такие базовые компоненты, как устойчивость финансовой системы, самообеспеченность энергоресурсами и продовольствием, высокий уровень индустриальной конкурентоспособности, социальная стабильность, а также равновесие во внешнеэкономических связях [4, с.3]. Экономическая безопасность экономики выступает как необходимое

условие и базис для развития экономики государства выполнения макроэкономических функций. При этом, данная категория, в значительной степени, имеет характеристику оборонительной и стабилизационной. В свою очередь, экономический суверенитет представляет собой категорию стратегического наступления и долгосрочного целеполагания. Его актуализация в предшествующие года связана с осознанием ограниченности модели глубокой интеграции в глобальные цепочки в условиях мировой нестабильности. Экономический суверенитет не тождественен автаркии или полной изоляции, он представляет собой способность национальной экономической системы к самостоятельному, определяемому внутренними интересами и стратегиями развитию, обеспеченная реальным контролем над критически важными активами, инфраструктурами и процессами принятия решений, минимизирующая уязвимость от внешнего директивного воздействия или шоков. Более обобщенное определение представлено в стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. Согласно данному документу, экономический суверенитет представляет собой объективно существующую независимость государства в проведении внутренней и внешней экономической политики с учетом международных обязательств.

Взаимосвязь экономического суверенитета и экономической безопасности представляет собой диалектику стратегической цели и операционного механизма ее достижения. Экономический суверенитет выступает как высшая стратегическая качественная характеристика экономической системы, определяющая ее способность к независимому, определяемому внутренними интересами развитию. Он задает целевое состояние, к которому должна стремиться национальная экономика и ее ключевые отрасли. В этом контексте экономическая безопасность теряет характер самоцели и обретает роль функционального комплекса защитных, стабилизационных и стимулирующих мер. Ее задача трансформируется из пассивного «сохранения существующего положения» в активное «обеспечение условий для суверенного развития». Таким образом, суверенитет определяет качественное содержание и конечный ориентир для всей системы экономической безопасности. В то же время экономическая безопасность является обязательным условием, базой и инструментарием для достижения и последующего поддержания экономического суверенитета. Без эффективного нейтралитета внутренних и внешних угроз, без устойчивости

финансовой системы, без защиты внутреннего рынка и критической инфраструктуры любые попытки построить суверенную экономическую модель будут разрушены внешними факторами. Экономическая безопасность создает защищенное пространство, в котором возможны долгосрочные инвестиции, реализация масштабных промышленных программ и формирование суверенных технологических цепочек. Она выступает операционным механизмом, переводящим стратегическую цель суверенитета в конкретные политики и институты. Таким образом, экономический суверенитет и экономическая безопасность находятся в отношении взаимной необходимости и синергетического дополнения.

Структурно экономический суверенитет опирается на несколько ключевых аспектов: финансовый, ресурсный, кадровый, производственный, технологический и иные виды суверенитета. Каждое из обозначенных понятий играют важнейшую роль в обеспечении экономического суверенитета государства. Однако, наиболее важным в современных экономических условиях, является технологический суверенитет. Описание сущности технологического суверенитета невозможно без раскрытия такого понятия как «технологическое развитие», которое напрямую связано с технологическим суверенитетом.

В парадигме современной экономики, где ключевым фактором конкурентоспособности выступают знания и инновации, категория технологического развития выходит за рамки сугубо прикладного или производственного процесса. Она приобретает роль центрального системного драйвера, опосредующего и определяющего взаимосвязь между задачами экономической безопасности и стратегической целью экономического суверенитета.

В наиболее общем виде технологическое развитие может быть определено как нелинейный, кумулятивный процесс генерации, аккумуляции, диффузии и коммерциализации новых технологических знаний, приводящий к качественной трансформации производственных систем. При этом, в контексте глобальной конкуренции и стремления к стратегической автономии государства, само по себе технологическое развитие перестает быть достаточным критерием. Возникает вопрос о характере и качестве этого развития. Участие в международном разделении труда может обеспечивать значительные темпы роста и модернизации за счет импорта технологий, но одновременно порождает

структурные зависимости. Страна может демонстрировать формальные показатели технологического прогресса, будучи интегрированной в глобальные цепочки создания стоимости, но при этом не обладать ключевыми компетенциями и контролем над критическими звеньями этих цепочек. Данное противоречие актуализирует переход от количественной оценки технологического развития к качественной – к анализу технологического суверенитета.

Существуют различные подходы к определению понятия технологический суверенитет. В работе Черноусова Д. А. технологический суверенитет представляет собой способность государства разрабатывать и внедрять критически важные технологии, обеспечивая независимость от внешних поставщиков [5, с. 42]. Константинов И. Б. и Константинова Е. П. подчеркивают, что данная концепция охватывает как техническую, так и институциональную самостоятельность, включающую развитие образования, науки и предпринимательства [6]. По мнению Приходько И. И., Файкова Д. Ю. и Байдарова Д. Ю., суверенитет необходимо рассматривать в трех горизонтах планирования – от создания научного задела до внедрения и массового производства технологий. Это обеспечивает стратегическую устойчивость и конкурентоспособность страны [7].

Наиболее всеобъемлющем определением является подход, представленный в концепции технологического развития РФ на период до 2030 г. Согласно данному документу, под технологическим суверенитетом понимается

«наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы. Технологический суверенитет обеспечивается в двух основных формах - исследования, разработка и внедрение критических и сквозных технологий и производство высокотехнологичной продукции, основанного на указанных технологиях.

Технологический суверенитет, таким образом, представляет собой не альтернативу развитию, а его качественно новую, высшую стадию и целевую установку в условиях нестабильной глобальной среды. Это состояние, при котором технологическое развитие обеспечивается преимущественно за счет

внутренних источников генерации знаний и замкнутых национальных или контролируемых кооперационных циклов в стратегических областях.

Взаимосвязь технологического и экономического суверенитета представляет собой связь части и целого, где технологический суверенитет выступает в качестве системообразующего ядра и главного материального условия для достижения полноценного экономического суверенитета. Экономический суверенитет, понимаемый как способность государства к независимому стратегическому развитию и контролю над критическими активами, в современном мире не может быть реализован без опоры на собственные технологические компетенции. Именно технологический суверенитет – обладание полными циклами разработки и производства в ключевых отраслях – обеспечивает реальную, а не декларативную независимость в принятии экономических и геополитических решений. Без него экономический суверенитет сводится к контролю над сырьевыми потоками и протекционизму, что в долгосрочной перспективе делает экономику уязвимой к технологическому шантажу и структурным кризисам.

В то же время технологический суверенитет не существует в вакууме и сам зависит от более широкого контекста экономического суверенитета. Последний создает необходимые предпосылки для технологического развития: обеспечивает финансовую и макроэкономическую стабильность, формирует защищенный внутренний рынок для инноваций, позволяет проводить долгосрочную и капиталоемкую промышленную политику, не оглядываясь на внешнее директивное давление. Таким образом, экономический суверенитет формирует защищенную «экосистему», в которой могут создаваться и масштабироваться суверенные технологии. Без этой экосистемы попытки создать отдельные прорывные технологии часто остаются изолированными достижениями, не способными трансформировать всю экономическую систему.

Проведенный теоретический анализ устанавливает, что категории экономической безопасности, экономического суверенитета и технологического суверенитета образуют неразрывную и иерархическую систему. В этой системе технологический суверенитет является материальной основой и ключевым индикатором экономического суверенитета, переводя стратегическую цель автономии в плоскость конкретных производственных компетенций и контролируемых цепочек создания стоимости. В свою очередь, экономический

суверенитет выступает как целеполагающий ориентир, кардинально трансформирующий содержание экономической безопасности: от пассивного реагирования на угрозы к активному формированию внутренних условий для независимого развития.

Список источников

1. Бучакова, М. А. Национальные интересы в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2025. № 1. С. 11– 16. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80389583> (дата обращения: 02.03.2026)
2. Сагирян, И. Г., Петренко А. С. Эволюция концепта «национальная безопасность» в трех редакциях Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Правовой порядок и правовые ценности. 2025. Т. 3. №1. С. 34-45. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80532417>
3. Маилян, А. В. Национальная безопасность: анализ проблем // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 62-65. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=72666199> (дата обращения: 10.03.2026).
4. Шлычков В. В., Зарезнов Д. А., Квасников В. А. Экономическая безопасность России - актуальные угрозы и контрмеры для их эффективного преодоления // Human Progress. 2023. Т. 9, № 6. С. 12. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67961800> (дата обращения 09.03.2026)
5. Черноусов, Д. А. Технологический суверенитет как стратегический приоритет развития России: анализ и перспективы // Вопросы инновационной экономики. 2025. Т. 15, № 1. С. 39-56. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80555451> (дата обращения: 10.03.2026)
6. Константинов И. Б., Константинова Е. П. Технологический суверенитет как стратегия будущего развития российской экономики // Вестник Поволжского института управления. 2022. Т. 22, № 5. С. 12-22. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49750513> (дата обращения: 08.03.2026)
7. Файков Д. Ю., Байдаров Д. Ю. На пути к технологическому суверенитету: теоретические подходы, практика, предложения // Экономическое возрождение России. 2023. №1(75). С. 67-82. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50414984> (дата обращения: 10.03.2026)

УДК: 339.1

Васильев Феликс Юрьевич

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака
аспирант

Круглова Инна Александровна – научный руководитель

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака
профессор кафедры экономики, управления и предпринимательства
доктор экономических наук, кандидат юридических наук, доцент

ТРАНСФОРМАЦИЯ КАНАЛОВ СБЫТА МЕБЕЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ: РАЗВИТИЕ МАРКЕТПЛЕЙСОВ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МСБ

Аннотация:

Цель исследования – выявление роли маркетплейсов в обеспечении экономической безопасности малых и средних предприятий мебельной отрасли в условиях санкций и падения офлайн-продаж. Методология основана на анализе данных отраслевых ассоциаций, экспертных оценок и сравнительном анализе динамики рыночных показателей. Результаты показывают, что доля онлайн-продаж мебели достигла 30% и продолжает расти, однако высокая концентрация контрафакта (до 50% на маркетплейсах) создает риски для легальных производителей. Выводы: маркетплейсы выступают критическим каналом выживания МСБ, но требуют институционального регулирования для снижения угроз тенизации экономики.

Ключевые слова:

Маркетплейсы, мебельная отрасль, малый и средний бизнес, санкции, экономическая безопасность, каналы сбыта, тенизация экономики.

UDC: 339.1

Vasilyev Feliks Urievich

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak
Postgraduate student

Kruglova Inna Aleksandrovna – scientific supervisor

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak

Professor of the Department of Economics, Management and Entrepreneurship
Doctor of Economic Sciences, Candidate of Juridical Sciences, Associate
Professor

TRANSFORMATION OF FURNITURE PRODUCTS SALES CHANNELS UNDER SANCTIONS: DEVELOPMENT OF MARKETPLACES AS A FACTOR OF ECONOMIC SECURITY OF SME

Abstract:

The purpose of the study is to identify the role of marketplaces in ensuring the economic security of small and medium-sized enterprises in the furniture industry under sanctions and declining offline sales. Methodology is based on the analysis of data from industry associations, expert assessments, and comparative analysis of market indicators dynamics. Results show that the share of online furniture sales has reached 30% and continues to grow, however, a high concentration of counterfeit products (up to 50% on marketplaces) creates risks for legal manufacturers. Conclusions: marketplaces act as a critical survival channel for SMEs but require institutional regulation to reduce the threats of economic shadowing.

Keywords:

Marketplaces, furniture industry, small and medium enterprises, sanctions, economic security, sales channels, shadow economy.

Введение

Актуальность исследования. Мебельная отрасль России переживает в 2025–2026 годах период глубокой структурной трансформации, обусловленной наложением нескольких кризисных факторов. Когда отменили массовую льготную ипотеку, мебельный рынок сильно просел. Раньше именно она разгоняла спрос – люди покупали квартиры и сразу заказывали кухни, шкафы, стенки. А как только программа закончилась, привычные каналы продаж будто сдулись. При этом санкции никуда не делись. Европа запретила ввозить фурнитуру – те же направляющие, ручки, механизмы для раскладных диванов. В итоге себестоимость полезла вверх, а у малых и средних фабрик доходность поползла вниз. И здесь возникает острый вопрос: как небольшому производителю остаться на плаву? Что значит «быть в безопасности» для такого бизнеса? Это не про бронежилеты. Это про возможность вовремя рассчитаться с рабочими и поставщиками, не запустить станки в простое, даже когда выручка упала. За последние двадцать лет онлайн-торговля прошла большой путь.

Сначала покупателей привлекали через сайты и обычные интернет-магазины. Постепенно подросли крупные площадки и агрегаторы цен – они быстро оттянули внимание на себя. Маркетплейсы на современном этапе развития торгового бизнеса воспринимаются социумом как модель будущего и представляют реальную угрозу для интернет-магазинов. Такие утверждения содержатся в современных научных работах российских молодых исследователей и специалистов в области торгового бизнеса. В частности, в научно-практическом исследовании А.В. Силантьева, М.Б. Малецкой и С.Г. Холмовского рассмотрены вопросы особенностей развития маркетплейсов, проанализированы преимущественные характеристики данного вида предпринимательства относительно других видов электронной торговли. Это позволяет сделать полноценную оценку развития данной отрасли [1].

Экономисты Д.И. Хлебович и И.В. Кордина рассматривают деятельность маркетплейсов как наиболее оптимальную бизнес-модель функционирования торгового бизнеса в формате e-commerce на современном этапе. Авторами проведен тщательный анализ развития данного торгового формата, рассмотрен основной понятийный аппарат деятельности маркетплейсов [2].

Исследователь А.С. Буянов отмечает тот факт, что наиболее продуктивным форматом электронной коммерции является маркетплейс. Автором отмечено, что на смену интернет-магазинам приходят электронные торговые площадки, обладающие рядом несомненных преимуществ. Кроме того, отмечается, что маркетплейс – это торговый формат, который отличается высоким уровнем социальной ответственности перед покупателем [3].

По словам Воробьевой Е.С., «развитие маркетплейсов взаимосвязано с глобализацией и увеличением волатильности мировых рынков, а также ростом конкуренции. Данные процессы, по ее мнению, приводят к потребности создавать новые устойчивые бизнес-модели, которые менее подвержены негативным эффектам от глобализации. Устойчивость бизнес-моделей определяется эффективным использованием ресурсов: природных, материальных, финансовых и интеллектуальных» [4].

В исследовании [5] подробно анализируются ключевые факторы, влияющие на адаптацию и устойчивость, разрабатываются рекомендации для повышения конкурентоспособности сектора на внутреннем и внешнем рынках. Автор в собственные исследования [5] сконструировал набор сценариев

стратегического реагирования на санкционное давление и описали инструменты их подстройки под внутренние и внешние риски. Теневой сектор привносит в эту картину дополнительное измерение. Работа [6] сопоставляет макроэкономические индикаторы и количественные оценки неформальной экономики; выявленная связь указывает, что сжатие платёжеспособного спроса и усиление фискального пресса расширяют зону нелегального оборота. Применительно к мебельному рынку закономерность просматривается без искажений: по сведениям отраслевой ассоциации, на отрезке 2020–2024 годов адресная государственная поддержка позволила сократить неформальный сегмент до 10–15 %, однако текущее падение маржинальности и одновременный рост обязательных отчислений вновь выталкивают малые предприятия за границы правового поля. Эксперты прогнозируют, что к концу 2026 года доля нелегального производства может вернуться к прежним 40%¹. При этом через маркетплейсы реализуется значительный объем контрафактной и несертифицированной продукции, что создает неравные конкурентные условия для добросовестных производителей. По оценкам специалистов, до 50% мебели на онлайн-площадках находится в «серой» зоне, а производители зачастую не соблюдают технические регламенты.

На настоящий момент долю маркетплейсов приходится до 90 % всех продаж в сфере электронной коммерции. Залогом такого успеха можно назвать широкий ассортимент товаров, представленных на одной платформе, что повышает шанс покупок и заказов. Через онлайн-площадки реализуется преимущественно продукция эконом-сегмента (свыше 70% продаж), тогда как крупные мебельные комплекты по-прежнему чаще приобретаются в офлайн-формате². Указанные обстоятельства обуславливают необходимость комплексного анализа роли маркетплейсов в обеспечении экономической безопасности мебельного МСБ, выявления как возможностей, так и рисков, связанных с использованием этого канала сбыта.

Цель исследования заключается в выявлении роли маркетплейсов как фактора экономической безопасности малых и средних предприятий мебельной

¹ Производители кухонь и диванов возвращаются «в тень». <https://www.mk.ru/realestate/2025/11/01/proizvoditeli-kukhon-i-divanov-vozvrashhayutsya-v-ten.html> (дата обращения 28.02.2026)

² Деревообрабатчики и мебельщики предложили новый формат отношений с маркетплейсами. <https://stroygaz.ru/news/biznes/derevoobrabotchiki-i-mebelshchiki-predlozhili-novyiy-format-otnosheniy-s-marketpleysami/> (дата обращения 28.02.2026)

отрасли в условиях санкционных ограничений и падения традиционных каналов сбыта, а также в определении стратегий адаптации МСБ к трансформации сбытовой инфраструктуры.

Методология исследования. Теоретико-методологической основой работы выступили положения институциональной экономической теории, концепции экономической безопасности хозяйствующих субъектов, а также исследования в области электронной коммерции и платформенной экономики. В процессе исследования применялись общенаучные методы анализа и синтеза, системный подход, методы сравнительного анализа, классификации и обобщения эмпирических данных. Информационную базу составили аналитические материалы и статистические данные отраслевых ассоциаций (АМДПР), публикации в специализированных деловых изданиях, результаты исследований рыночных агентств, а также экспертные оценки участников мебельного рынка.

1. Макроэкономический фон и диагностика кризисных явлений в мебельной отрасли

Мебельная индустрия России вступила в 2025–2026 годы в состоянии системной трансформации, вызванной наложением нескольких негативных факторов. Если период 2022–2023 годов характеризовался адаптацией к санкционным ограничениям и поиском альтернативных логистических решений, то текущий этап ознаменовался фундаментальным сжатием платежеспособного спроса. Проведенное исследование показывает, что ключевой проблемой для малых и средних предприятий отрасли стало не просто временное ухудшение конъюнктуры, а структурное изменение модели потребительского поведения, усугубленное макроэкономическими решениями.

Наиболее существенное влияние оказало прекращение действия программы массовой льготной ипотеки, которая на протяжении нескольких лет искусственно поддерживала спрос на мебель через стимулирование рынка первичного жилья. По оценкам участников рынка, на момент активной фазы ипотечного кредитования доля покупателей, приобретавших мебель именно под новое жилье, достигала существенных величин: в отдельных столичных проектах полностью меблированные квартиры составляли до половины всего объема продаж, а предложения с готовой кухней приближались к 80–90%. Свертывание этого драйвера запустило цепную реакцию: сократился ввод

многоквартирных домов, снизилась инвестиционная активность в сегменте недвижимости, и, как следствие, упал спрос на меблировку. Ассоциация предприятий мебельной и деревообрабатывающей промышленности России зафиксировала сокращение объема закупок со стороны застройщиков на 20–25% за год – до 70–75 миллиардов рублей¹.

Не только покупателям, но и самим фабрикам стало не выгодно брать кредиты. Всю первую половину 2025 года ключевая ставка держалась высокой, и деньги оказались слишком дорогими даже на пополнение текущих запасов – не то что на развитие. Глава «Асконы» назвал дорогие займы главной головной болью 2026-го. По его расчётам, мебельный рынок в штуках просядет как минимум на четверть. А в худшем случае можем скатиться к рекордам кризисов 2008 и 2014 годов – тогда объёмы падали на треть².

Первые месяцы 2025-го уже настораживали. Росстат зафиксировал: в январе–апреле выпуск мебели сократился на 1,6% по сравнению с тем же отрезком прошлого года. Весь год ожидалось снижение ещё на три процента в натуральном выражении, а цены тем временем подтянулись на 7–8% за счёт инфляции. Некоторые игроки смотрели в будущее ещё мрачнее: продажи рухнут на 10–15%, а ценник вырастет на 15–25%. И вот что любопытно: за первую половину 2025-го на рынок вышло на 16,5% новичков меньше, чем годом ранее. Признак того, что ниша перенасыщена и войти в неё почти невозможно, когда дела идут так плохо³.

2. Санкционные издержки и себестоимость: давление на рентабельность МСБ

Сокращение выручки происходило одновременно с ростом затратной части, что создавало эффект сжатия маржинальности. Введение 18-го пакета санкций Евросоюза, включившего эмбарго на поставки мебельной фурнитуры, ударило прежде всего по малым предприятиям, не обладавшим ресурсами для создания крупных товарных запасов. Петли, направляющие, ручки, замки и другие элементы, составляющие технологическую основу современного

¹ К чему готовиться магазинам мебели в 2026 году: тенденции и прогнозы. https://new-retail.ru/business/k_chemu_gotovitsya_magazinam_mebeli_v_2026_godu_tendentsii_i_prognozy/ (дата обращения 28.02.2026)

² Рынок мебели может сократиться на четверть к 2026 году – Аскона. <https://www.rbc.ru/radio/12/11/2025/6914e83d9a79476d57f94d1c> (дата обращения 28.02.2026)

³ Темпы роста числа мебельных производителей в России снижаются. <https://www.retail.ru/news/tempy-rosta-chisla-mebelnykh-proizvoditeley-v-rossii-snizhayutsya-25-iyunya-2025-266157/> (дата обращения 28.02.2026)

мебельного производства, попали под ограничения, что вынудило производителей экстренно переориентироваться на азиатские аналоги.

Проведенный анализ свидетельствует, что, несмотря на успехи в импортозамещении, по ряду категорий – специализированной фурнитуре, высокосортным плитным материалам с декоративными покрытиями премиального класса, обивочным тканям – импорт сохраняет безальтернативные позиции. Более того, сложности возникли с обслуживанием производственного оборудования, значительная часть которого ранее поставлялась из Европы. Нехватка комплектующих для европейских станков и участвовавшие отказы оборудования увеличили простои и вынудили тратить больше средств на поддержание парка в рабочем состоянии. Одновременно подорожали транспортировка и исходные материалы. В первые месяцы 2026 года владельцы производств фиксировали рост расходов на сырьё, аренду и энергоносители в коридоре 20–25%¹. Свердловская мастерская, выпускавшая корпусную мебель, закрылась именно тогда, когда текущие издержки преодолели порог рентабельности, а заказы резко сократились. Её руководитель заметил, что ещё два-три года назад устойчивость держалась на потоке новосёлов с ипотекой, и после ухода этого драйвера спрос практически сошёл на нет.

3. Драйвер роста в разрезе маркетплейсов

Малые и средние мебельные предприятия угодили в зазор между дорожающим производством и сжимающимся рынком. Обязательные платежи – заработная плата, налоги, аренда цехов – не снижаются, и при падающей выручке деятельность теряет экономический смысл. Под угрозой оказывается сама способность бизнеса отвечать по обязательствам перед сотрудниками, партнёрами и бюджетом, то есть его экономическая безопасность.

Неожиданным диссонансом на фоне общего спада выглядит интернет-торговля. Данные отраслевой ассоциации показывают, что в 2025 году универсальные онлайн-витрины замкнули на себе более 30% совокупной выручки, что эквивалентно 100–150 млрд рубле². Ожидается, что в 2026 году эта доля достигнет 40%, и тогда в нескольких товарных группах виртуальные

¹ «Дешевле не работать»: как рост налогов и увеличение цен убивают бизнес свердловчан. <https://eaneews.ru/ekaterinburg/20260211131727/deshevle-ne-rabotat-kak-rost-nalogov-i-uvelichenie-tsen-ubivayut-biznes-sverdlovchan> (дата обращения 28.02.2026)

² Мебельщики против маркетплейсов: производители требуют прекратить порчу и "бесплатный прокат" товаров, готовы позвать на помощь Минпромторг. <https://oborot.ru/tag/amdpr/> (дата обращения 28.02.2026)

прилавки станут главным местом совершения покупок¹. Рост обеспечивается не просто миграцией клиентов из офлайна – подключаются те, кто прежде мебель дистанционно не приобретал.

Собственная аналитика Wildberries фиксирует масштаб изменений: в первом полугодии 2025 года продажи мягкой мебели выросли на 91,4% относительно того же периода 2024 года, кроватей – на 159%, а столов – на 482%. «Яндекс Маркет» также зафиксировал рост мебельных продаж более чем на 40% год к году². Примечательно, что общее падение офлайн-трафика происходит одновременно с ростом онлайн-продаж, что указывает на структурный сдвиг в потребительском поведении, а не на временную флуктуацию.

Нишевые маркетплейсы, специализирующиеся на товарах для дома и ремонта (формат DIY), также демонстрируют уверенный рост. Совокупный объем этого сегмента достиг 990 миллиардов рублей, а доля платформ в категории «DIY и товары для ремонта» оценивается в 20% с прогнозом дальнейшего увеличения до 1,1 триллиона рублей к концу 2026 года³. Этот тренд подтверждает, что даже консервативные категории товаров, традиционно требовавшие личного присутствия покупателя, постепенно мигрируют в цифровую среду.

В таблице 1 представлена динамика основных показателей, характеризующих трансформацию каналов сбыта мебельной продукции в 2025–2026 годах.

Таблица 1 – Ключевые показатели развития мебельного рынка и каналов сбыта

Показатель	Период / Прогноз	Значение / Изменение
Падение производства мебели	Январь-апрель 2025	-1,6% (г/г)
Падение закупок застройщиками	2025 г.	-20...-25%
Прогноз падения рынка в физическом объеме	2026 г.	не менее -25%
Доля маркетплейсов в продажах мебели	2025 г.	30% (100–150 млрд руб.)
Прогноз доли маркетплейсов	2026 г.	до 40%
Рост продаж мягкой мебели (Wildberries)	1 пол. 2025	+91,4% (г/г)
Рост продаж столов (Wildberries)	1 пол. 2025	+482% (г/г)

¹ Мебель за столом переговоров. <https://www.kommersant.ru/doc/7776399> (дата обращения 28.02.2026)

² Рынок мебели: стагнация офлайна, рекордсмены маркетплейсов, стратегии игроков по спасению прибыли. <https://www.retail.ru/articles/rynok-mebeli-stagnatsiya-oflayna-rekordsmeny-marketpleysov-strategii-igrokov-po-spaseniyu-pribyli/?ysclid=mhak6kb4ls934782384> (дата обращения 28.02.2026)

³ В России упрощаются закупки из Китая, а нишевые маркетплейсы увеличивают долю на рынке: новости ретейла. <https://industry-mebel.ru/inform/v-rossii-uproshhayutsya-zakupki-iz-kitaya-a-nishevye-marketplejsy-uvlechivayut-dolyu-na-rynke-novosti-retejla/> (дата обращения 28.02.2026)

Рост нишевых DIY-маркетплейсов	2025 г. к 2021	+22%

Источник: *составлено автором*

4. Структурные особенности и противоречия онлайн-торговли мебелью

При всей привлекательности маркетплейсов как канала сбыта, проведенное исследование выявляет ряд существенных ограничений и противоречий, которые необходимо учитывать при оценке их роли в обеспечении экономической безопасности МСБ.

Во-первых, через онлайн-площадки реализуется преимущественно продукция эконом-сегмента – по оценкам отраслевых экспертов, на нее приходится свыше 70% продаж. Потребители, привыкшие к индивидуальным проектам и готовые оплачивать дизайнерские решения, крайне редко совершают покупки на подобных платформах, оставаясь в сфере офлайн-ритейла или прямых заказов у производителей. Таким образом, маркетплейсы обеспечивают загрузку производственных мощностей и поддержание оборота, но не решают задачу выхода в премиальные сегменты с высокой добавленной стоимостью.

Во-вторых, анализ структуры покупок свидетельствует о преобладании фрагментарных, разовых приобретений. Крупные мебельные комплекты – полноценные кухонные гарнитуры, спальни, гостиные – по-прежнему чаще приобретаются в офлайн-формате, где покупатель может оценить масштаб, материалы и эргономику. Это подтверждает тезис о том, что маркетплейсы на текущем этапе выступают скорее дополнительным, а не замещающим каналом для сложных и дорогостоящих покупок.

В-третьих, сохраняется высокий уровень неудовлетворенности потребителей качеством мебели, приобретенной онлайн. Согласно опросу, проведенному Ассоциацией мебельной и деревообрабатывающей промышленности, 37,6% россиян, купивших кровати на маркетплейсах, оказались разочарованы приобретением. При этом наибольшее количество негативных отзывов приходится на Ozon и Wildberries – 53% и 30% соответственно. В офлайн-сегменте доля жалоб почти в четыре раза ниже – всего 9,6%¹. Этот разрыв объясняется невозможностью тактильного контакта с

¹ Эксперты SteadyControl: «сегодня выигрывает не продавец мебели, а режиссёр клиентского опыта». <https://industrymebel.ru/business/ekspertry-steadycontrol-segodnya-vyigraet-ne-prodavec-z-meбели-a-rezhissyor-klientskogo-opyta/> (дата обращения 28.02.2026)

товаром до момента покупки и, в ряде случаев, недобросовестностью продавцов, реализующих продукцию сомнительного качества.

Дополнительным фактором риска выступает высокая доля теневого сектора на маркетплейсах. По расчетам отраслевой ассоциации, до 50% мебельной продукции, реализуемой на онлайн-платформах, находится в «серой» зоне: производители не соблюдают технические регламенты безопасности и иные требования законодательства¹. Это создает неравные конкурентные условия для добросовестных участников рынка, вынужденных нести издержки на сертификацию и соблюдение норм, и одновременно дискредитирует канал в глазах потребителей.

5. Институциональные противоречия: конфликт производителей и платформ

Рост зависимости мебельного МСБ от маркетплейсов обострил проблему взаимоотношений между производителями и владельцами платформ. Отраслевое сообщество констатирует, что условия работы на маркетплейсах зачастую устанавливаются в одностороннем порядке, без должных гарантий и механизмов компенсации для продавцов. Основные зоны конфликта включают порядок обработки возвратов, возмещение ущерба при повреждении товара в процессе доставки, непредсказуемый рост комиссий и длительные сроки перечисления выручки.

Ассоциация мебельщиков и деревообработчиков решила действовать сообща. Они предложили Ozon, «Яндекс Маркету» и «Мегамаркету» сесть за стол переговоров и выработать общий договор между фабриками и торговыми площадками. Даже рабочую группу задумали собрать. Но маркетплейсы отвечают уклончиво, без энтузиазма. Их аргумент: зачем плодить особые условия для каждой категории? Единые правила – они для всех одинаковы, иначе начнётся хаос, усложнятся процессы, управлять системой станет трудно.

Юристы, к которым обратились за разъяснениями, подтверждают: по закону площадка отвечает за то, в каком состоянии товар доехал до покупателя. Это прописано в Гражданском кодексе. Но настоящая головная боль – не в самой ответственности, а в том, как её добиться. Сроки рассмотрения жалоб, порядок

¹ Витрина суверенитета: что дадут квоты для российских товаров на маркетплейсах. <https://iz.ru/2041114/dmitrii-alekseev/vitrina-suvereniteta-cto-dadut-kvoty-dlia-rossiiskikh-tovarov-na-marketpleisakh> (дата обращения 28.02.2026)

предъявления претензий, условия, на которые продавец повлиять не может – вот где собака зарыта. Для маленькой фирмы, где нет ни юриста, ни даже человека, который бы разбирался в претензиях, это выливается в лишние расходы и постоянный риск попасть впросак.

Глава ассоциации бьёт тревогу: если ничего не менять, рынок покинут до пятнадцати процентов небольших производителей мебели. Дела и так плохи – спрос падает. Малый бизнес хватается за любые условия, лишь бы сохранить хоть какой-то оборот и не остановить станки. Отсюда полная зависимость от площадок, по сути – диктат. А попробуй продавать защитные меры. У маркетплейсов ресурсов куда больше, лоббировать свои интересы они умеют намного лучше.

6. Как мелкому и среднему бизнесу подстроиться

Вопрос стоит ребром: уходить с маркетплейсов или бросать всё и торговать только там? Ни то, ни другое не выдерживает критики. Сегодня здравый смысл подсказывает смешанную схему, когда разные форматы продаж дополняют друг друга. Возьмём, к примеру, фабрики, которые делают громоздкую мебель – огромные шкафы-купе, массивные кровати, угловые диваны. Раньше они полагались исключительно на салоны и шоурумы. Сейчас потихоньку выходят на те же Ozon, Wildberries, «Яндекс Маркет». Не для того, чтобы реализовывать продукцию – доля онлайн в их выручке часто не дотягивает и до пары процентов, а с целью быть на виду, напоминать о себе, а также дёшево проверить, «выстрелит» ли новая модель.

Ключевым направлением адаптации становится работа с клиентским опытом и аргументация преимуществ офлайн-покупки при сохранении онлайн-присутствия. Эксперты указывают, что сегодня выигрывает не тот, кто просто продает мебель, а тот, кто создает бесшовный путь клиента к приобретению без стресса и с максимальным комфортом. В ответ на возражение «на маркетплейсе дешевле» эффективные продавцы предлагают потребителю подсчитать совокупную стоимость владения: на платформе покупатель получает только товар с доставкой до пункта выдачи, тогда как в салоне – замер, дизайн-проект, доставку до квартиры, сборку, гарантию и личную ответственность продавца.

Показательно, что лояльность современных потребителей сместилась с бренда магазина на собственный комфорт и выгоду. Клиенту, по сути, все равно, у кого покупать, если он затрачивает меньше времени, сил и денег. Это означает,

что производители и ритейлеры должны конкурировать не ценами (на маркетплейсах они все равно будут ниже за счет эффекта масштаба), а качеством сервиса и дополнительными услугами.

Перспективным направлением видится развитие специализированных нишевых платформ, в том числе создаваемых при сетях DIY, и инструментов для упрощения импорта. Так, тестируется платформа Nainago, ориентированная на малых и средних селлеров, работающих с китайской продукцией. Сервис объединяет закупку, юридическое оформление, сертификацию, таможенный контроль и доставку, снижая барьеры для выхода на рынок¹.

7. Прогноз развития каналов сбыта и рекомендации для МСБ

Обобщая результаты исследования, можно заключить, что трансформация каналов сбыта мебельной продукции в условиях санкций носит необратимый характер. Маркетплейсы из экспериментального канала превратились в системообразующий элемент сбытовой инфраструктуры, обеспечивающий доступ к массовому потребителю в условиях падения офлайн-трафика. При этом они не решают всех проблем отрасли и создают новые риски, связанные с зависимостью от платформ и высокой конкуренцией в низком ценовом сегменте.

Для малого и среднего бизнеса оптимальной представляется стратегия диверсификации, предполагающая одновременное присутствие в нескольких каналах: собственный интернет-магазин или производство под заказ, работа с двумя-тремя ключевыми маркетплейсами, участие в нишевых отраслевых платформах и, по возможности, сохранение офлайн-точки для работы со сложными и дорогими заказами. Важно понимать, что маркетплейсы сегодня – это инструмент поддержания оборота и загрузки мощностей, но не панацея от всех проблем.

Теперь о том, что касается правил игры. Взаимодействие между фабриками и платформами давно просит чётких законов. Идея отраслевого договора, о которой говорилось выше, дельная. Если его примут, интересы сторон станут ровнее, а риски для мелкого и среднего бизнеса уменьшатся. Ещё один обнадеживающий сигнал – готовящийся закон о так называемой «российской

¹ В России упрощаются закупки из Китая, а нишевые маркетплейсы увеличивают долю на рынке: новости ретейла. <https://industry-mebel.ru/inform/v-rossii-uproshhayutsya-zakupki-iz-kitaya-a-nishevye-marketplejsy-uvlichivayut-dolyu-na-rynke-novosti-retejla/> (дата обращения 28.02.2026)

полке». Он способен подстегнуть отечественных мебельщиков и прижать недобросовестный импорт

Заключение

Трансформация каналов сбыта, происходящая на протяжении 2025–2026 годов, носит не временный, а структурный характер и связана с фундаментальными изменениями макроэкономической среды и потребительского поведения. Падение реальных доходов населения, сворачивание программ льготного ипотечного кредитования и удорожание заемных средств привели к сжатию традиционного офлайн-спроса, поставив под угрозу жизнеспособность значительной части малого бизнеса, ориентированного на локальные рынки и физические точки продаж.

В этих условиях маркетплейсы выступили не просто альтернативным каналом, а системообразующим элементом сбытовой инфраструктуры, обеспечивающим производителям доступ к массовой аудитории в условиях, когда покупатель перестал посещать мебельные центры. Установлено, что доля онлайн-продаж мебели уже превысила 30% совокупного оборота отрасли и продолжает расти, причем в отдельных товарных категориях темпы прироста исчисляются сотнями процентов. Это позволяет констатировать, что присутствие на маркетплейсах превратилось из маркетинговой опции в фактор выживания, позволяющий поддерживать загрузку производственных мощностей и обеспечивать минимально необходимый денежный поток даже при падении маржинальности.

Одновременно исследование выявило противоречивый характер зависимости малого бизнеса от платформенных решений. С одной стороны, маркетплейсы снимают барьеры входа на рынок, предоставляют готовую логистическую и платежную инфраструктуру, генерируют трафик. С другой стороны, они создают новые риски: одностороннее изменение условий сотрудничества, высокие комиссии, проблемы с возвратами и компенсацией ущерба, конкуренцию с недобросовестными продавцами, реализующими продукцию в «серой» зоне без соблюдения технических регламентов. Экономическая безопасность МСБ, таким образом, оказывается под угрозой не только со стороны внешних макроэкономических факторов, но и со стороны самих каналов сбыта, призванных эту угрозу минимизировать.

Дальнейшие исследования в этой области целесообразно направить на изучение институциональных механизмов взаимодействия производителей и маркетплейсов, в частности на анализ эффективности коллективных договоров и отраслевых соглашений как инструментов балансировки интересов. Перспективным представляется сравнительное исследование экономических моделей разных типов платформ – универсальных маркетплейсов, нишевых отраслевых площадок и специализированных сервисов для работы с импортом – с точки зрения их влияния на устойчивость малого бизнеса. Также актуальной задачей остается изучение поведенческих паттернов потребителей в сегменте сложных и дорогостоящих покупок, позволяющее определить оптимальное сочетание онлайн- и офлайн-форматов в омниканальных стратегиях мебельных предприятий. Наконец, требует отдельного рассмотрения вопрос о долгосрочных последствиях концентрации сбыта на нескольких крупных платформах для конкурентной среды и структурного разнообразия мебельной отрасли в целом.

Список источников

1. Холмовский С.Г., Силантьев А.В., Малецкая М.Б. Трансформация логистической инфраструктуры российского рынка интернет-торговли // Известия Байкальского государственного университета. 2023. Т. 33. № 2. С. 322–329. EDN: CZVYVN. [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2023.33\(2\).322-329](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2023.33(2).322-329).
2. Кордина И.В., Хлебович Д.И. Маркетплейс как бизнес-модель электронного посредничества // Известия Байкальского государственного университета. 2021. Т. 31. № 4. С. 467–477. EDN: EXPQFO. [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2021.31\(4\).467-477](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2021.31(4).467-477).
3. Буянов А.С. Роль маркетплейсов в развитии электронной торговли // Human Progress. 2022. Т. 8. № 3. EDN: <https://elibrary.ru/MXNWKU>. <https://doi.org/10.34709/IM.183.5>.
4. Воробьева Е.С., Юсупова З.А., Гасанов М.А. Развитие маркетплейсов в условиях цифровой трансформации как результат структурных сдвигов в экономике // Вестник университета. 2021. № 2. С. 95–100. EDN: EUUENL. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-2-95-100>.
5. Васильев Ф.Ю. Сценарии экономического развития мебельной отрасли России в условиях экономических угроз, вызванных международными санкциями // Инновации в науке и технике: новые горизонты. III Международная научно-практическая конференция. Ульяновск: ИП Кеньшенская Виктория Валерьевна (издательство «Зебра»), 2025. С. 341–352. EDN: VMDLYB.

6. Измайлов М.К. Теневая экономика как угроза экономической безопасности России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2022. № 1. С. 85–98. EDN: JEQSTV. <https://doi.org/10.17308/econ.202L4/3663>.

УДК: 314:342.95(476)

Воронько Эльвира Николаевна

Республика Беларусь, Новополоцк

Полоцкий государственный университет имени Ефросинии Полоцкой
старший преподаватель

Борсукевич Дарья Владимировна

Республика Беларусь, город Новополоцк

Полоцкий Государственный Университет имени Ефросинии Полоцкой
студент

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аннотация:

Демографическая ситуация в Республике Беларусь характеризуется устойчивой естественной убылью населения, достигшей к началу 2026 года критических значений. Существующие программные документы требуют пересмотра в связи с изменением структуры угроз национальной безопасности. В работе для оценки демографической безопасности предлагается интегральный индекс демографической безопасности, учитывающий рождаемость, смертность, миграцию и нагрузку на трудоспособное население.

Ключевые слова:

Демографическая безопасность, национальная безопасность, индекс демографической безопасности, государственное регулирование, рождаемость, миграция, Республика Беларусь.

UDC 314:342.95(476)

Voronko Elvira Nikolaevna

Republic of Belarus, Novopolotsk

Polotsk State University named after Euphrosyne of Polotsk
Senior Lecturer

Borsukevich Darya Vladimirovna

Republic of Belarus, Novopolotsk

Polotsk State University named after Euphrosyne of Polotsk
Student

THEORETICAL FOUNDATIONS AND LEGAL FRAMEWORK FOR ENSURING DEMOGRAPHIC SECURITY IN THE CONTEXT OF NATIONAL SECURITY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract:

The demographic situation in the Republic of Belarus is characterized by persistent natural population decline reaching critical levels by early 2026. Existing program documents require revision due to changes in the structure of national security threats. The study proposes an integral demographic security index for assessment, accounting for fertility, mortality, migration, and burden on working-age population.

Keywords:

Demographic security, national security, demographic security index, state regulation, fertility, migration, Republic of Belarus.

Обеспечение демографической безопасности является приоритетной задачей любого государства, так как напрямую связано с экономическим ростом, обороноспособностью и социальной стабильностью. В Республике Беларусь, согласно Концепции национальной безопасности (Указ №237 от 24.04.2018), демографические риски отнесены к категории внутренних угроз [1]. По данным Белстата на 1 января 2026 года, численность населения составила 9 109 280 человек, что является минимальным значением за последние 67 лет. При сохранении текущих тенденций ($СКР = 1,38$) прогнозируется дальнейшее сжатие демографического потенциала, что обуславливает актуальность данного исследования [2].

Цель исследования заключается в разработке теоретико-методической модели демографической безопасности через системный анализ нормативно-правовой базы и формирование практических рекомендаций по ее совершенствованию. В качестве задач определены систематизация теоретических подходов к демографической безопасности, мониторинг текущей ситуации по состоянию на март 2026 года, контент-анализ ключевых нормативных актов, создание индекса демографической безопасности, оценка эффективности государственных программ и разработка адресных мер государственной политики.

В рамках исследования под демографической безопасностью понимается состояние защищенности социально-экономической системы от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее стабильное воспроизводство населения и оптимизацию его возрастной структуры. Для количественной оценки предложен Интегральный индекс демографической безопасности (ИДБ), рассчитываемый как средневзвешенная величина четырех субиндексов:

$$\text{ИДБ} = \sum_{i=1}^n k_i \cdot \frac{P_i}{P_i^{\text{норм}}}$$

где P_i – фактические значения показателей, $P_i^{\text{норм}}$ – пороговые значения, k_i – весовые коэффициенты (сумма = 1).

Веса распределены экспертным методом на основе корреляционного анализа влияния факторов на естественный прирост:

- суммарный коэффициент рождаемости (СКР) – $k = 0,35$ (норматив $>1,8$);
- ожидаемая продолжительность жизни – $k = 0,25$ (норматив $>76,5$ лет);
- миграционный прирост – $k = 0,20$ (норматив $> +5$ тыс. чел.);
- доля населения старше трудоспособного возраста – $k = 0,20$ (норматив <480 на 1000 трудоспособных).

Динамика ключевых демографических показателей за период 2020–2026 годов демонстрирует ускорение негативных тенденций: численность населения сократилась с 9,41 миллиона человек до 9,109 миллиона (-3,2%), рождаемость упала с 85,2 тысячи до 58,9 тысячи детей (коэффициент 7,8 промилле), естественная убыль выросла с 24 тысяч до 56,2 тысячи человек ежегодно, доля населения старше 65 лет увеличилась с 15,8% до 17,5%, а суммарный коэффициент рождаемости снизился с 1,52 до 1,38 ребенка на женщину (таблица 1) [3].

Таблица 1 – Демографические показатели РБ 2020–2026 гг.

Показатель	2020	2023	2024	2025	01.01.2026
Население, млн	9,41	9,20	9,15	9,156	9,109

Рождаемость, тыс.	85,2	74,3	58,9	62,1	-
СКР, детей/женщина	1,52	1,45	1,38	1,40	-

Анализ территориальных различий показывает, что наибольший вклад в рождаемость вносит г. Минск (21,1% от общего числа), в то время как Витебская и Могилевская области демонстрируют показатели ниже среднереспубликанских (7,4 и 7,3 промилле соответственно) [3].

Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 годы, утвержденная Постановлением Совета Министров №28 от 19 января 2021 года с бюджетом 2,8 миллиарда белорусских рублей, достигла успехов в снижении числа абортс с 28,5 тысячи до 21,2 тысячи (минус 25,6% при плане 24 тысячи), предоставлении материнского капитала 142 тысячам семей (10 тысяч белорусских рублей на ребенка), жилищных субсидий на 720 миллионов белорусских рублей для 48 тысяч семей. Однако целевой показатель рождаемости в 10,5 промилле выполнен лишь на 77% (фактически 8,1 промилле), продолжительность жизни выросла незначительно до 74,8 года при плане 76,0 года [4].

Новая Государственная программа «Развитие демографического потенциала» на 2026–2030 годы, утвержденная Постановлением № 765 от 24 декабря 2025 года с увеличенным бюджетом 4,2 миллиарда белорусских рублей (рост на 50%), предусматривает четыре направления: укрепление института семьи через материнский капитал 12 тысяч белорусских рублей на третьего ребенка, ипотеку под 3% для молодых семей и снижение подоходного налога лиц до 10% на три года; здоровье нации с целевой продолжительностью жизни 76,5 года; развитие спорта и здорового образа жизни с охватом 55% населения; ежегодный демографический мониторинг регионов. Целевая рождаемость определена на уровне 11,5 промилле при нагрузке не более 480 на 1000 трудоспособных [5].

Перспективными направлениями совершенствования политики может стать использование кластерного подхода к его реализации, что позволит устранить выявленные региональные диспропорции в развитии. Так, предлагается выделить [3]:

1. Минский кластер (столичный): фокус на удержание молодежи и привлечение талантов (развитие стартап-виз, студенческих кампусов, арендного жилья).

2. Западный кластер (Брестская, Гродненская обл.): традиционно высокая рождаемость, требующая поддержки многодетности (увеличение семейного капитала, развитие сельской инфраструктуры).

3. Восточный кластер (Витебская, Могилевская обл.): высокая доля пожилого населения, требующая развития гериатрической службы и программ "серебряной экономики", а также целевых программ закрепления кадров.

4. Гомельский кластер: необходим акцент на миграционной привлекательности и создании новых рабочих мест в промышленности.

Расчеты по экономико-математической модели показывают, что адресное применение мер (дифференцированные ставки по ипотеке, региональные коэффициенты к пособиям) позволяет повысить эффективность бюджетных расходов. При реализации кластерной политики прогнозируется рост СКР до 1,58 к 2030 году, что позволит достичь ИДБ = 1,12, переместившись из предупреждающей в зону средней безопасности.

Проведенный анализ подтверждает наличие системного демографического кризиса в Республике Беларусь по состоянию на март 2026 года с населением 9,109 миллиона человек (минимум за 67 лет), рождаемостью 58,9 тысячи детей в 2024 году (снижение на 50% с 2016 года) и индексом демографической безопасности ИДБ 0,836, относящимся к предупреждающей зоне. Государственные программы «Здоровье народа и демографическая безопасность» 2021–2025 годов и «Развитие демографического потенциала» 2026–2030 годов обеспечили преемственность подходов и частичные успехи в снижении абортот и расширении материнского капитала, однако не достигли плановых показателей рождаемости и не решили системные проблемы миграционного оттока, региональных диспропорций и отсутствия цифрового мониторинга [6].

Демографическая ситуация в Беларуси требует перехода от экстенсивных мер поддержки к интенсивным, основанным на точной диагностике (ИДБ) и учете региональной специфики. Нормативно-правовая база 2021–2025 гг. заложила фундамент, однако для преодоления кризиса необходима интеграция демографических целей во все секторальные стратегии (здравоохранение,

строительство, рынок труда). Предложенный индекс и кластерная модель позволяют повысить обоснованность управленческих решений и адаптировать Госпрограмму 2026–2030 гг. к реальным вызовам. Полученные результаты имеют практическую ценность для корректировки действующих государственных программ и разработки национальной стратегии демографической безопасности до 2035 года.

Список источников

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь (утверждена Указом Президента Республики Беларусь №237 от 24 апреля 2018 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: pravo.by. – (дата обращения: 09.03.2026).
2. Демографическая статистика Белстата 2024–2025 гг.: рождаемость 58 938 детей, численность населения на 01.01.2026 г. – 9 109 280 чел., естественная убыль 56 200 чел. [Электронный ресурс] // Belstat.gov.by. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by>. – (дата обращения: 09.03.2026).
3. (3) Демографический ежегодник Республики Беларусь 2025 / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск: Белстат, 2026. – 285 с.
4. Постановление Совета Министров Республики Беларусь №28 от 19 января 2021 г. «О Государственной программе "Здоровье народа и демографическая безопасность" на 2021–2025 годы» [Электронный ресурс] // Etalonline.by. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=c22100028>. – (дата обращения: 09.03.2026).
5. (5) Постановление Совета Министров Республики Беларусь №765 от 24 декабря 2025 г. «О Государственной программе "Развитие демографического потенциала" на 2026–2030 годы» [Электронный ресурс] // Pravo.by. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22500765>. – (дата обращения: 09.03.2026).
6. Бондаренко А.А. Демографическая политика в Республике Беларусь: реалии и перспективы // Вестник Белорусского государственного университета. Серия 4: Экономика. Управление. Право. – 2024. – № 1. – С. 41–48.

УДК: 338

Градобоев Евгений Валерьевич

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака

соискатель

кандидат экономических наук, доцент

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕГИОНА КАК УПРАВЛЯЕМЫЙ ИНТЕГРАЛЬНЫЙ РИСК: РОЛЬ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И ОМС

Аннотация:

Цель – оценить влияние здравоохранения и ОМС на экономическую безопасность региона как управляемый интегральный риск. Используются композитный индекс и риск-функция с анализом чувствительности. Определены драйверы риска и приоритеты мер снижения.

Ключевые слова:

Экономическая безопасность, устойчивость, интегральный риск, регион, здравоохранение, ОМС, мониторинг.

UDC: 338

Gradoboev Evgeny Valeryevich

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak

Applicant

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

REGIONAL ECONOMIC SECURITY AS A MANAGED INTEGRAL RISK: THE ROLE OF HEALTHCARE AND COMPULSORY HEALTH INSURANCE

Abstract:

Objective: assess healthcare/CHI effects on regional economic security as a managed integral risk. Methods: composite index and risk function with sensitivity analysis. Results identify key risk drivers and priority mitigation measures.

Keywords:

Economic security, resilience, integral risk, region, healthcare, compulsory health insurance, monitoring.

Устойчивость финансовых и социально-экономических систем на региональном уровне определяется не только ресурсной обеспеченностью, но и качеством человеческого капитала и условий жизни населения. Международные исследования подтверждают наличие статистически значимых связей между расходами на здравоохранение и показателями экономического роста, а также показывают, что вклад здравоохранения в устойчивость может проявляться нелинейно и зависеть от институциональной конфигурации и уровня развития территорий [6–9]. В российской практике ключевой контур финансирования медицинской помощи и распределения ресурсов сосредоточен в системе обязательного медицинского страхования (ОМС), поэтому состояние здравоохранения и параметры экономического механизма ОМС способны формировать устойчивые эффекты для качества жизни, миграционной динамики и, как следствие, экономической безопасности региона [2; 3].

При снижении обеспеченности населения услугами здравоохранения (закрывание первичного звена в малонаселённых территориях, дефицит кадров, ухудшение доступности) возникает цепочка эффектов: качество жизни падает, усиливается отток населения, сужается налоговая база, растёт бюджетная нагрузка, а региональная экономика теряет устойчивость. Это позволяет рассматривать отраслевой контур здравоохранения не как периферийный социальный фактор, а как системоснабжающую подсистему, через которую формируется риск-профиль региона и его экономическая безопасность [2; 4; 5].

Научная проблема состоит в недостатке воспроизводимого методического инструментария, который позволял бы количественно связать показатели здравоохранения и ОМС с интегральной оценкой экономической безопасности региона и обеспечить переход от диагностики к приоритизации управленческих мер. Цель статьи – представить методический подход к оценке экономической безопасности региона как управляемого интегрального риска с учётом факторов здравоохранения и ОМС, а также показать возможности применения инструментария для мониторинга устойчивости региональной системы.

Нормативный контур функционирования системы здравоохранения и ОМС в Российской Федерации задается Федеральным законом от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Федеральным законом от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации», а стратегическая установка «сбережение народа» и развитие человеческого потенциала закреплены в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400).

Информационную основу исследования составили данные регионального контура здравоохранения и ОМС (показатели финансирования, контроля качества, кадровой и инфраструктурной обеспеченности), а также агрегированные экономические показатели предприятий и риск-метрики финансово-хозяйственной устойчивости. Методический инструментарий объединяет четыре взаимосвязанных элемента, опирающихся на институциональный подход и концепцию проектирования механизмов [7–10].

Во-первых, формируется система показателей по трем блокам: (1) здравоохранение/ОМС, (2) бюджетно-финансовая устойчивость, (3) экономическая активность предприятий.

Во-вторых, выполняется предобработка и нормирование показателей: робастное отсечение выбросов по 1-му и 99-му перцентилям, задание ориентации признаков («больше – выше риск» либо «больше – ниже риск»), масштабирование в сопоставимую шкалу и последующая агрегация в сводный индикатор риска на интервале.

В-третьих, интегральная оценка экономической безопасности строится как композиция двух равновесных компонент: (а) ранговая оценка по совокупности экономических показателей предприятий с учетом весов, отражающих сопряженность с отраслевыми параметрами здравоохранения; (б) сводный индикатор рисков, формируемый на базе риск-метрик, публикуемых информационно-аналитическими системами.

Итоговый индекс экономической безопасности региона задается формулой:

$$\text{ЭБ}_t = 0,5 \cdot R_{\text{econ},t} + 0,5 \cdot R_{\text{risk},t}, \text{ где}$$

$R_{\text{econ},t}$ – ранг по экономическим показателям,

$R_{\text{risk},t}$ – сводный индикатор рисков (оба в шкале 1–10).

Такая конструкция позволяет связать устойчивость производственно-экономического контура и уровень риска, проявляющегося в финансово-хозяйственных метриках, что соответствует подходам оценки устойчивости мезоуровневых систем [4].

В-четвертых, для анализа управляемости риск-профиля строится функция интегрального риска в степенной форме

$$I_t = A * \prod_{j=1}^m (\widetilde{Z}_{j,t} + \delta_j)^{\beta_j} * \prod_{k=1}^n (\widetilde{E}_{k,t} + \delta_k)^{\gamma_k} * \prod_{l=1}^p (\widetilde{B}_{l,t} + \delta_l)^{\eta_l} \text{ где:}$$

$\widetilde{Z}$ – нормированные показатели здравоохранения/ОМС (кадры, доступность, качество, финансовая устойчивость контура ОМС), $\widetilde{E}$ – экономические показатели предприятий и риск-метрики, $\widetilde{B}$ – показатели бюджетной устойчивости; коэффициенты β, γ, η в лог-форме интерпретируются как эластичности. Стоимостная интерпретация управляемости (влияние мер в здравоохранении на риск-профиль через экономику и инвестиционную привлекательность) опирается на инструменты управления стоимостью и стоимостного анализа [1].

Устойчивость выводов оценивается имитационным моделированием (Monte-Carlo) по заданным диапазонам вариации управляемых параметров.

Композитная оценка демонстрирует чувствительность риск-профиля к параметрам здравоохранения и ОМС и позволяет интерпретировать экономическую безопасность региона как состояние, изменяющееся под воздействием управляемых факторов. В таблице 1 представлены значения компонент индекса и итоговая оценка за 2022–2025 гг.; значение за 2025 г. приведено по предварительным итогам расчёта, выполненным на основе доступного массива оперативных и промежуточных данных, с последующей верификацией после закрытия годовой отчётности.

Таблица 1 – Динамика индекса экономической безопасности региона (шкала 1–10)

Год	R_econ,t (ранг)	R_risk,t (сводный риск)	ЭБ_t (индекс)
2022	5,874	3,895	4,885
2023	6,220	3,675	4,947
2024	5,862	3,453	4,658
2025 (предварительно)	5,950	3,300	4,625

Источник: составлено автором

Динамика индекса в 2022–2025 гг. характеризует неоднозначную траекторию устойчивости: улучшение в 2023 г. сменяется снижением интегральной оценки в 2024 г., при этом предварительные итоги 2025 г. фиксируют сохранение индекса вблизи уровня 2024 г. ($ЭБ_{2025}=4,625$). С практической точки зрения это подтверждает необходимость декомпозиции индекса по контурам: изменение интегральной оценки может отражать либо усиление корпоративных рисков и снижение экономической активности, либо накопление дисбалансов в отраслевом контуре здравоохранения (кадры, доступность, качество, параметры финансовой устойчивости) [3; 4].

Логика формирования риска:

Здравоохранение/ОМС → Человеческий капитал → Экономика → Бюджетная устойчивость → Интегральный риск → Выбор мер.

Имитационный эксперимент показывает, что при неблагоприятных изменениях управляемых параметров здравоохранения в пределах $\pm 20\%$ значение индекса может снижаться до 0,573, а при благоприятных – повышаться до 7,500 при среднем базовом уровне 4,680. Это свидетельствует о высокой чувствительности риск-профиля к управляемым параметрам здравоохранения и институционального контура ОМС.

Полученные результаты позволяют перейти от диагностики к управлению устойчивостью. Предлагается цикл применения методики:

1. мониторинг (регулярный расчёт индекса и компонент);
2. диагностика причин (декомпозиция по блокам и показателям с использованием эластичностей риск-функции);
3. приоритизация мер (выбор воздействий по критерию максимального снижения интегрального риска при заданных ресурсах);
4. обратная связь (сценарная проверка Монте-Карло и корректировка параметров программ).

Содержательно ключевой вывод состоит в том, что обеспеченность населения услугами здравоохранения является системоснабжающим фактором качества жизни и демографической устойчивости; её ухудшение формирует миграционные и фискальные эффекты, подрывающие региональную экономику и усиливающие риски экономической безопасности [2; 4; 5]. Это соответствует отраслевым исследованиям, рассматривающим финансирование здравоохранения как значимый элемент обеспечения экономической

безопасности региона [4], а также работам, анализирующим экономический механизм ОМС как фактор устойчивости регионов [3].

Выводы

1. Экономическая безопасность региона может быть представлена как управляемый интегральный риск, формируемый в том числе в контуре здравоохранения и ОМС.

2. Предложенный инструментарий объединяет композитный индекс и риск-функцию степенного вида, обеспечивая сопоставимую диагностику и оценку управляемости риск-профиля.

3. Имитационный анализ показывает высокую чувствительность интегральной оценки к параметрам кадровой и инфраструктурной обеспеченности, качества помощи и устойчивости финансового контура ОМС.

4. Практическая применимость подхода заключается в ранжировании драйверов риска и обосновании приоритетов мер (кадры, доступность, контроль качества, параметры территориальной программы госгарантий и устойчивость ОМС) при ограниченных ресурсах.

Ограничения связаны с неоднородностью региональной статистики и институциональными изменениями правил ОМС; для корректности годовых сопоставлений требуется верификация данных после закрытия годовой отчётности.

Список источников

1. Богатырев, С.Ю. Стоимостной анализ методом DCF в современных информационных системах / С.Ю. Богатырев // Аудит и финансовый анализ. – 2018. – № 4. – С. 403–414.

2. Градобоев, Е.В. Демографическая динамика в системе управления экономической безопасностью региона / Е.В. Градобоев // Экономика и предпринимательство. – 2024. – № 6(167). – С. 614–620.

3. Градобоев, Е.В. Экономический механизм в сфере обязательного медицинского страхования как ключевой фактор экономической безопасности регионов Российской Федерации / Е.В. Градобоев // Экономика и предпринимательство. – 2024. – № 8(169). – С. 554–563.

4. Затевахина, А.В., Васильев, С.А. Финансовая безопасность, финансовая устойчивость, финансовая стабильность социально-экономических систем на мезоуровне:

общее и особенное // Ученые записки Международного банковского института. – 2021. – № 3(37). – С. 119–131.

5. Власова, М.С., Сигова, М.В., Круглова, И.А. Роль фискальной функции государства в обеспечении экономической безопасности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2017. – № 2(104). – С. 51–56.

6. Özyilmaz A. The Relationship between Health Expenditures and Economic Growth in EU Countries: Empirical Evidence Using Panel Fourier Toda–Yamamoto Causality Test and Regression Models // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2022. – Vol. 19, No. 22. – Article 15091. – DOI: 10.3390/ijerph192215091.

7. Celik E.U., et al. Convergence of economic growth and health expenditures: Empirical evidence for OECD countries // Frontiers in Public Health. – 2023. – Article 1125968. – DOI: 10.3389/fpubh.2023.1125968.

8. Beylik U., et al. The relationship between health expenditure indicators and economic growth in OECD countries // Frontiers in Public Health. – 2022. – Article 1050550. – DOI: 10.3389/fpubh.2022.1050550.

9. Guo T., et al. The influence of government health investment on economic resilience in China (2003-2021) // Journal of Health Economics. – 2025. – DOI: 10.1016/j.jhealeco.2025.101013.

10. Tu C., et al. Regional integration and public healthcare environment: evidence from China's city-level data // BMC Health Services Research. – 2023. – DOI: 10.1186/s12913-023-09524-1.

УДК: 331.108.2:004:338.242.4

Егорова Ирина Владимировна

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака
аспирант

ЦИФРОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ ПЕРСОНАЛА КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОСТИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Аннотация:

Обоснована роль цифровых компетенций в обеспечении экономической безопасности и устойчивости бизнеса. Исследован и систематизирован опыт РФ и зарубежья в развитии цифровой грамотности персонала в условиях цифровой трансформации.

Ключевые слова:

Цифровая грамотность, экономическая безопасность, устойчивость предприятия, импортозамещение, кибербезопасность, человеческий капитал, цифровая трансформация.

UDC: 331.108.2:004:338.242.4

Egorova Irina Vladimirovna

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak

Postgraduate student

DIGITAL LITERACY OF PERSONNEL AS A FACTOR IN THE RESILIENCE AND ECONOMIC SECURITY OF AN ENTERPRISE: RUSSIAN AND INTERNATIONAL EXPERIENCE

Abstract:

The study examines and systematizes Russian and international experience in digital literacy development. It justifies the role of digital competencies in ensuring economic security and business resilience during digital transformation.

Keywords:

Digital literacy, economic security, enterprise resilience, import substitution, cybersecurity, human capital, digital transformation.

В современной экономической науке цифровая грамотность рассматривается не только как совокупность прикладных умений, но и как когнитивный фильтр, обеспечивающий адаптивность человеческого капитала к волатильности внешней среды. В контексте обеспечения устойчивости предприятия это означает формирование «цифрового иммунитета» – способности персонала идентифицировать скрытые технологические угрозы и оперативно осваивать альтернативные программные продукты. Таким образом, инвестиции в развитие цифровых компетенций трансформируются из категории операционных расходов в стратегические вложения в нематериальные активы, напрямую определяющие жизнеспособность хозяйствующего субъекта в условиях глобальной неопределенности.

В условиях перманентной цифровой трансформации мировой экономики повышение уровня цифровой грамотности (далее ЦГ) сотрудников предприятий становится не просто конкурентным преимуществом, а критически важным фактором обеспечения устойчивости и экономической безопасности бизнеса. Как показывает международная практика, разрыв между текущими навыками персонала и технологическими потребностями рынка труда создает серьезные уязвимости (от снижения операционной эффективности до возникновения критических рисков в области информационной безопасности) [1].

В этой связи анализ российского и зарубежного опыта, систематизация подходов и выявление эффективных стратегий в области корпоративного обучения представляют существенный научный и практический интерес.

Цель исследования – на основе сравнительного анализа российского и зарубежного опыта теоретически обосновать роль цифровой грамотности персонала как стратегического фактора обеспечения экономической безопасности и устойчивости предприятия корпоративного питания в условиях глобальной цифровой трансформации.

Цифровая грамотность выходит за рамки базовых навыков использования информационно-коммуникационных технологий (далее ИКТ). В академической литературе [2,3] выделяются многомерные концепции цифровой грамотности, которые включают когнитивные, технические, этические и социальные аспекты (См. Табл.1).

Таблица 1 – Компоненты многомерной концепции цифровой грамотности в контексте развития предприятия.

Аспект (компонент)	Ключевые характеристики и навыки	Влияние на экономическую безопасность и устойчивость
Технический	Владение программным обеспечением, облачными сервисами, инструментами автоматизации и ИИ (искусственный интеллект).	Снижение технических сбоев, защита от кибератак на базовом уровне, высокая скорость обработки данных [2].
Когнитивный	Критическое мышление, способность находить, фильтровать и анализировать цифровую информацию.	Защита от манипуляций и дезинформации (социальная инженерия), принятие обоснованных управленческих решений [3].
Этический	Понимание норм защиты данных, конфиденциальности, авторского права и этики работы с ИИ.	Минимизация юридических рисков, предотвращение утечек инсайдерской информации и репутационных потерь [2].
Социальный	Навыки эффективной коммуникации и коллаборации в цифровой среде (дистанционная работа, сетевой этикет).	Обеспечение непрерывности бизнес-процессов в распределенных командах, сохранение кадрового потенциала [1].

Источник: *составлено автором*

Данный многомерный подход (представленный в таблице 1) лежит в основе международных стандартов, таких как европейская рамка DigComp, которая служит методологическим фундаментом для зарубежных программ развития персонала.

Современная зарубежная практика демонстрирует переход от фрагментарного обучения ИТ-навыкам к формированию комплексных экосистем непрерывного образования (Lifelong Learning). В качестве методологического эталона в странах Европейского союза выступает Рамка цифровых компетенций для граждан (DigComp 2.2), адаптируемая под нужды корпоративного сектора. Данный стандарт дифференцирует компетенции по пяти ключевым доменам: информационная грамотность, коммуникация, создание цифрового контента, информационная безопасность и решение проблем.

С позиций обеспечения экономической безопасности особый интерес представляет опыт регионов, представленных в таблице 2.

Таблица 2 – Характеристика региональных моделей повышения цифровой грамотности персонала в зарубежной практике.

Регион/Страна	Доминирующая концепция и акценты	Ключевые инструменты и механизмы	Влияние на экономическую безопасность и устойчивость
Страны ЕС (Германия, Финляндия)	Индустрия 4.0 и кибергигиена. Интеграция обучения в национальные стратегии безопасности.	Обучение методам противодействия социальной инженерии; защита интеллектуальной собственности.	Превентивная защита промышленных активов; минимизация рисков кибершпионажа.
США	Корпоративно-центричная модель. Доминирование стандартов технологических гигантов.	Внутренняя сертификация (BigTech); внедрение Data-driven культуры на всех уровнях.	Минимизация стратегических рисков за счет обоснованного анализа больших данных.
АТОР (Сингапур, Южная Корея)	Государственно-частное партнерство. Глубокая синергия бизнеса и госсектора.	Программа SkillsFuture; прямое субсидирование обучения сотрудников малых и средних предприятий.	Обеспечение национальной устойчивости; поддержка конкурентоспособности малого бизнеса.
Развивающиеся рынки (Индия, страны Африки)	Преодоление цифрового разрыва. Акцент на базовой цифровой и финансовой грамотности.	Инклюзивные образовательные программы; обучение использованию мобильных финансовых сервисов.	Стимулирование экономического роста через вовлечение населения в цифровую экономику.

Источник: составлено автором по данным [4-7]

Зарубежные исследователи [3, 6] (например, в рамках концепций ОЭСР) подчеркивают, что недостаточный уровень цифровой грамотности персонала коррелирует с ростом операционных издержек и уязвимостью бизнеса к трансграничным киберугрозам. Таким образом, западная и азиатская модели управления человеческим капиталом рассматривают цифровую грамотность не как вспомогательный навык, а как стратегический актив, обеспечивающий иммунитет организации к дестабилизирующим воздействиям внешней среды.

Зарубежный опыт свидетельствует о том, что повышение цифровой грамотности сотрудников предприятий – это многогранный и стратегически важный процесс. Эффективные подходы основаны на систематической оценке потребностей, использовании разнообразных и гибких методов обучения (e-learning, менторство, обучение на рабочем месте) и интеграции программ ЦГ в общую бизнес-стратегию. Инвестиции в человеческий капитал в условиях цифровой экономики обеспечивают предприятиям возможность поддерживать

конкурентоспособность, повышать производительность и успешно адаптироваться к быстро меняющимся условиям внешней среды.

Отечественный опыт развития цифровых компетенций персонала на современном этапе характеризуется переходом от общеобразовательного вектора к специализированному, обусловленному задачами достижения технологического суверенитета. В отличие от зарубежных моделей, ориентированных на глобальные экосистемы (Google, Microsoft), российский подход детерминирован необходимостью адаптации сотрудников к работе с национальным стеком программного обеспечения и оборудования.

В системе обеспечения экономической безопасности российских предприятий можно выделить несколько ключевых направлений реализации программ цифровой грамотности (представлены в таблице 3).

Таблица 3 – ключевые направления повышения цифровой грамотности в системе экономической безопасности предприятий РФ

Направление реализации	Содержание и инструменты реализации	Влияние на экономическую безопасность и устойчивость	Примеры реализации (кейсы)
Государственно-корпоративная синергия	Использование механизмов нацпрограммы «Цифровая экономика РФ» для субсидирования переподготовки кадров.	Минимизация издержек на обучение; повышение финансовой устойчивости за счет внешнего финансирования.	Проект «Цифровые профессии»; участие МСБ в программах РРИТ (Российский фонд развития информационных технологий).
Адаптация к импортонезависимым решениям	Обучение работе с отечественным системным (Astra Linux, Alt Linux) и прикладным ПО (МойОфис, 1С).	Обеспечение технологического суверенитета; исключение рисков остановки бизнес-процессов из-за санкций.	Переход на Astra Linux в госкорпорациях; программы переподготовки сотрудников в нефтегазовом секторе при миграции с SAP на 1С.
Киберустойчивость в рамках субъектов КИИ (критическая информационная инфраструктура)	Непрерывное тестирование на устойчивость к социальной инженерии и навыкам работы с ГИС.	Защита критической инфраструктуры; нейтрализация угроз, связанных с человеческим фактором.	Практики «Росатома», Сбера и «Газпром нефти» по регулярному проведению имитационных фишинг-атак на персонал.

Источник: составлено автором

Исследование отечественной практики позволяет выявить ряд дестабилизирующих факторов, препятствующих росту цифровой грамотности:

- высокий уровень инерции в сегменте малого и среднего предпринимательства, где инвестиции в обучение персонала часто рассматриваются как нецелевые расходы;
- региональный дисбаланс в доступе к качественным образовательным ресурсам и центрам компетенций;
- возрастной ценз – необходимость разработки специальных методик обучения для производственного персонала старших возрастных групп [8].

Таким образом, российский опыт демонстрирует трансформацию цифровой грамотности из общекультурного навыка в инструмент минимизации санкционных рисков. Устойчивость отечественных предприятий сегодня напрямую коррелирует со способностью персонала эффективно функционировать в суверенной цифровой среде, обеспечивая непрерывность бизнес-процессов при отказе от зарубежной технологической поддержки.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что при общности глобальной цели – обеспечении устойчивости бизнеса в цифровой среде – стратегии и механизмы ее достижения в российской и зарубежной практике имеют существенные различия. В таблице 4 представлены ключевые детерминанты развития цифровой грамотности в сравнительном аспекте.

Таблица 4 – Сравнительный анализ моделей повышения цифровой грамотности персонала

	Зарубежная модель (страны ОЭСР, ЕС)	Российская модель
Доминирующий вектор	Глобальная интеграция и развитие универсальных soft-skills в цифровой среде.	Обеспечение технологического суверенитета и освоение импортонезависимого ПО.
Роль государства	Косвенное регулирование, создание единых рамок компетенций (DigComp).	Прямое участие через национальные проекты и жесткие требования к субъектам критической информационной инфраструктуры (ФЗ №187 от 26.07.2017).
Драйвер развития	Рыночная конкуренция и стремление к максимизации операционной маржи.	Необходимость минимизации санкционных рисков и обеспечения непрерывности процессов.
Технологический стек	Ориентация на глобальные монополии (BigTech), использование облачных нативных решений.	Форсированный переход на суверенные экосистемы и открытый исходный код (Open Source).

Источник: *составлено автором*

Синтез зарубежного и отечественного опыта позволяет констатировать, что обеспечение экономической безопасности предприятия достигается за счет реализации превентивного характера обучения, трансформирующего цифровую грамотность из инструмента роста в механизм защиты от внешних технологических угроз, а также усиления корпоративной ответственности путем формирования внутренних центров компетенций для поддержания финансовой устойчивости в условиях неопределенности.

Проведенный сравнительный анализ позволяет сделать важный методологический вывод: эффективность программ повышения цифровой грамотности персонала детерминирована не столько объемом инвестиций, сколько степенью их интеграции в общую архитектуру риск-менеджмента предприятия. В то время как зарубежные корпорации делают ставку на развитие креативного потенциала в цифровой среде, российская специфика диктует необходимость концентрации на функциональной надежности персонала при работе с критически важными информационными системами. Данный дуализм подходов подчеркивает, что универсальной модели цифрового развития не существует, а наиболее устойчивыми оказываются те организации, которые способны гибко сочетать международные образовательные стандарты с национальными требованиями к технологической безопасности и суверенитету данных.

В рамках проведенного исследования была достигнута поставленная цель: на основе систематизации международного опыта теоретически обоснована значимость цифровых компетенций сотрудников для обеспечения устойчивости бизнес-систем и минимизации рисков экономической безопасности. Результаты работы позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, доказано, что в современных условиях цифровая грамотность персонала трансформировалась из факультативного навыка в базисный элемент системы экономической безопасности. Высокий уровень цифровых компетенций выступает эффективным фильтром против киберугроз, минимизирует вероятность реализации рисков «человеческого фактора» и обеспечивает бесперебойность операционных циклов предприятия.

Во-вторых, сопоставление российского и зарубежного опыта выявило конвергенцию методик обучения при сохранении принципиальных различий в целеполагании. Если западные модели сфокусированы на инновационной

активности, то российская практика демонстрирует уникальный вектор адаптационной устойчивости, направленный на сохранение функциональности бизнеса в условиях технологической изоляции и форсированного импортозамещения.

Подводя итог, следует отметить, что развитие цифрового потенциала персонала является стратегическим резервом устойчивого развития, гарантирующим экономическую безопасность организации в условиях глобальной неопределенности.

Список источников

1. Борисов С.А., Жогин А.О. Формирование цифровых компетенций сотрудников как элемент повышения конкурентоспособности фирмы // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 4-2. С. 148-154.
2. Панова Е.А., Тарасова Е.Ю. Развитие цифровых компетенций и цифровой грамотности государственных служащих в условиях цифровой модернизации государственного управления. Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 112. С. 64-77.
3. Raharjo, Kusdi & Afrianty, Tri & Prakasa, Yudha. (2024). Digital literacy and business transformation: social-cognitive learning perspectives in small business enterprises. Cogent Business & Management. DOI: 11. 10.1080/23311975.2024.2376282.
4. Иванов С.Л. Зарубежный опыт цифровизации предпринимательского сектора и возможности его применения в России. Экономика, предпринимательство и право. 2025. Т. 15, № 3. С. 1453-1474.
5. Jawad Kadhim, Mohammed. (2024). Digital Literacy and Its Importance in the Modern Workforce. 2. 44-50.
6. Khodor Shatila, Alba Yela Aránega, Lebene Richmond Soga, Ana Beatriz Hernández-Lara. Digital literacy, digital accessibility, human capital, and entrepreneurial resilience: a case for dynamic business ecosystems. Journal of Innovation & Knowledge. Volume 10, Issue 3, 2025, 100709.
7. Lazanyuk, I. V., Pugacheva, I. A., Semchuk, V. A., & Nevedomskaya, A.O. (2025). Reviewing digital inequality in the BRICS labor market. Russian Journal of Innovation Economics, 15(1), 69-90.
8. Экономическая безопасность в условиях цифровой экономики: коллективная монография / У. А. Алиев, Т. И. Безденежных, И. Ю. Благова [и др.]. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2019. – 196 с.

УДК: 659.4:330.142.211.4

Иванов Александр Павлович

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака
аспирант

РЕПУТАЦИОННЫЕ УГРОЗЫ И ИХ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация:

В работе систематизированы основные типы репутационных угроз, выделены каналы их возникновения и распространения в современных информационных средах, а также классифицированы экономические последствия их реализации.

Ключевые слова:

Деловая репутация, репутационная угроза, экономические показатели, рыночная капитализация, репутационный риск, антикризисное управление.

UDC: 659.4:330.142.211.4

Ivanov Alexander Pavlovich

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak

Postgraduate student

REPUTATIONAL THREATS AND THEIR IMPACT ON ENTERPRISE ECONOMIC PERFORMANCE

Abstract:

This paper systematizes the main types of reputational threats, identifies the channels through which they arise and spread in modern information environments, and classifies the economic consequences of their implementation.

Keywords:

Business reputation, reputational threat, economic performance, market capitalization, reputational risk, crisis management.

Современный этап экономического развития характеризуется усилением роли нематериальных факторов конкурентоспособности, среди которых

ключевое значение приобретает деловая репутация предприятия. Повышение информационной прозрачности, развитие социальных медиа и ужесточение требований стейкхолдеров к корпоративному поведению приводят к тому, что репутационные угрозы перестают быть периферийным фактором и начинают оказывать непосредственное влияние на финансовую устойчивость компаний. Репутация представляет собой коллективную оценку надёжности предприятия заинтересованными сторонами, которая материализуется в их поведенческих реакциях [1].

В научной литературе наблюдается смещение исследовательского фокуса от констатации значимости репутации к поиску инструментов количественной оценки её экономической отдачи. Основы теории репутационного менеджмента заложены в трудах Ч. Фомбруна, который обосновал наличие прямой взаимосвязи между корпоративной репутацией и финансовыми результатами [5]. В свою очередь, С. Хельм эмпирически подтвердила, что репутация выступает значимым предиктором лояльности потребителей и инвесторов [6]. Развивая данный подход в работе [8] исследовали механизмы обесценения гудвилла под воздействием информационных атак. В российской экономической науке проблематика репутационных рисков получила отражение в работах [2; 3].

Вместе с тем, несмотря на наличие солидного теоретического базиса, ряд существенных аспектов исследуемой проблемы остаётся недостаточно разработанным. Дискуссионный характер носит вопрос о классификации репутационных угроз и их отграничении от смежных категорий операционных, правовых и комплаенс-рисков. Отсутствует унифицированная методология количественной оценки влияния репутационных потерь на ключевые экономические показатели, адаптированная к отраслевой специфике и масштабу деятельности предприятий. Наконец, требуют дополнительного осмысления трансформации механизмов распространения репутационных угроз в цифровой среде, где скорость диссеминации негативной информации многократно возрастает. По данным [7], в социальных медиа репутационные кризисы развиваются до 7 раз быстрее, чем в традиционных средствах массовой информации.

Целью статьи является выявление и формализация причинно-следственных связей между реализацией репутационных угроз и изменением экономических показателей деятельности предприятия.

Исследование репутационных угроз требует предварительного уточнения содержания данной категории, поскольку в современной экономической науке наблюдается терминологическая неопределённость в разграничении понятий «репутационный риск», «репутационная угроза» и «репутационный ущерб». Проведённый анализ позволяет рассматривать репутационную угрозу как объективно существующую возможность ухудшения восприятия предприятия стейкхолдерами, репутационный риск – как вероятностную оценку реализации данной угрозы, а ущерб – как количественную меру наступивших последствий. Репутационные угрозы обладают свойством эмерджентности, то есть способностью возникать на стыке различных функциональных областей управления, что существенно затрудняет их своевременную идентификацию [5].

Классификация репутационных угроз может быть проведена по различным основаниям, однако в контексте задач экономического анализа наибольшей эвристической ценностью обладает типологизация по источнику генерации. Первую группу составляют угрозы, продуцируемые внутренней средой предприятия: нарушение технологических регламентов, выпуск некачественной продукции, корпоративное мошенничество, конфликты интересов руководства. Вторая группа включает угрозы, связанные с деятельностью контрагентов и партнёров, что в условиях углубления аутсорсинга приобретает критическое значение. Третью группу образуют угрозы, детерминированные внешней средой опосредованного взаимодействия: действия регуляторов, общественные кампании, целенаправленные информационные атаки конкурентов.

Цифровая трансформация экономики принципиально изменила параметры распространения репутационных угроз. В доинтернетовскую эпоху жизненный цикл репутации предприятия составлял в среднем 8–10 лет, тогда как в настоящее время репутация может быть существенно дискредитирована в течение 24–48 часов [7]. Механизм данной трансформации раскрывается через концепцию «вирусного распространения» негативного контента: незначительный инфоповод, попадая в высокочувствительную социальную среду, инициирует лавинообразное тиражирование негативных коннотаций.

Экономические последствия реализации репутационных угроз целесообразно рассматривать в рамках каскадной модели, включающей три взаимосвязанных уровня воздействия.

Первый уровень составляет прямое влияние на рыночную капитализацию предприятия [4]. При этом наблюдается эффект сверхреакции рынка: инвесторы склонны завышать серьёзность последствий в краткосрочном периоде и корректировать оценки лишь по прошествии нескольких месяцев.

Второй уровень воздействия представлен операционными последствиями, включающими отток клиентов, вынужденное снижение цен, увеличение маркетинговых расходов на восстановление имиджа, а также удорожание заёмного финансирования.

Третий уровень воздействия носит стратегический характер и выражается в девальвации человеческого капитала, утрате конкурентных позиций и снижении инвестиционной привлекательности в долгосрочной перспективе. Особую значимость здесь приобретает отток высококвалифицированных кадров: компании, столкнувшиеся с серьёзным репутационным кризисом, теряют ключевых сотрудников в течение первого года [7]. Дополнительным фактором выступает ужесточение регуляторного режима: репутационно неблагополучные предприятия становятся объектом пристального внимания контрольно-надзорных органов, что влечёт за собой дополнительные издержки комплаенс-характера.

В контексте российской экономики специфика реализации репутационных угроз определяется тремя основными факторами. Во-первых, в условиях высокой неопределённости институциональной среды репутационные механизмы зачастую замещают формальные контрактные отношения, что повышает цену репутации для отечественных предприятий, но одновременно усиливает её уязвимость перед деструктивными информационными воздействиями [3]. Во-вторых, существенную роль играет отраслевая структура: максимальному репутационному давлению подвержены предприятия финансового сектора и экспортно-ориентированные сырьевые компании. В-третьих, значимой особенностью выступает повышенная волатильность информационного поля и высокая степень концентрации медийных ресурсов, что создаёт предпосылки для быстрой монополизации повестки и затрудняет реализацию симметричных контрмер.

Соответственно, утрата репутации в отечественных условиях влечёт за собой не только рыночные потери, но и риски недружественного поглощения, оппортунистического поведения контрагентов и административного давления.

Данное обстоятельство многократно усиливает негативный экономический эффект от реализации репутационных угроз и требует разработки специализированных инструментов защиты, учитывающих институциональную специфику.

Методология количественной оценки воздействия репутационных угроз на экономические показатели предприятия базируется на сочетании двух основных подходов. Первый подход основан на анализе динамики гудвилла в структуре баланса; однако данный метод отражает уже свершившийся факт обесценения, но не позволяет осуществлять предиктивную оценку [5]. Второй подход реализуется в рамках событийного анализа, в ходе которого оценивается аномальная доходность акций в узком временном окне вокруг даты инцидента. Компромиссным решением выступает методология, в рамках которой репутационные издержки трактуются как капитализируемые потери будущих денежных потоков, дисконтированных по ставке, учитывающей репутационную премию за риск [8].

Управление репутационными угрозами предполагает выстраивание системы идентификации, оценки и митигации рисков на всех этапах их жизненного цикла. Это обосновывает необходимость перехода от реактивной к проактивной модели репутационного менеджмента, в рамках которой репутация рассматривается не как объект защиты, а как управленческий ресурс, требующий постоянного воспроизводства и развития [6]. Данный подход предполагает регулярный репутационный аудит, мониторинг информационного поля, формирование антикризисных коммуникационных протоколов и внедрение систем раннего оповещения.

Проведённое исследование репутационных угроз и их воздействия на экономические показатели предприятия позволяет сформулировать ряд теоретических и прикладных выводов, имеющих значение для развития концепции стратегического управления нематериальными активами. В условиях цифровизации экономики и усиления информационной прозрачности репутационный капитал трансформируется из вспомогательного корпоративного ресурса в базовый фактор конкурентоспособности, сопоставимый по значимости с технологическим развитием и финансовой устойчивостью. Выполненный анализ подтвердил исходную гипотезу о наличии устойчивой каузальной связи между реализацией репутационных угроз и

деструктивными изменениями операционных, инвестиционных и стратегических показателей деятельности предприятия, причём данная связь носит не линейный, а мультипликативный каскадный характер.

Систематизация теоретических подходов позволила уточнить понятийно-категориальный аппарат исследования и обосновать необходимость дифференциации репутационных угроз, рисков и ущерба как последовательных стадий единого процесса. Предложенная классификация репутационных угроз по источнику генерации на угрозы внутренней среды, угрозы со стороны контрагентов и угрозы внешней среды опосредованного взаимодействия создаёт методологическую основу для построения корпоративных реестров рисков, учитывающих отраслевую специфику и масштаб деятельности предприятий. Особого внимания заслуживает выделение цифровых каналов распространения репутационных угроз, которые демонстрируют устойчивую тенденцию к доминированию над традиционными медиа и требуют принципиально новых подходов к нейтрализации.

Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности их использования при построении корпоративных систем управления репутационными рисками. Предложенный подход позволяет перейти от констатации понесённых убытков к предиктивной оценке потенциального ущерба на этапе идентификации угрозы, что создаёт основу для обоснованного бюджетирования мероприятий по защите и развитию деловой репутации. Необходимость перехода от реактивной к проактивной модели репутационного менеджмента предполагает регулярный репутационный аудит, мониторинг информационного поля и формирование антикризисных коммуникационных протоколов как неотъемлемые элементы стратегического управления современным предприятием.

Список источников

1. Даулинг, Г. Репутация фирмы: создание, управление и оценка эффективности: пер. с англ. / Г. Даулинг. – Москва: ИМИДЖ-Контакт: ИНФРА-М, 2003. – 368 с. ISBN 5-94369-018-2
2. Чернов В.А. Фактор эффективности производства и оценка репутационного капитала предприятия // Учет. Анализ. Аудит. 2025. Т. 12. № 1. С. 74–82. <https://doi.org/10.26794/2408-9303-2025-12-1-74-82>

3. Якимова В.А. Формирование и оценка инвестиционно-репутационного капитала предприятия // Финансы: теория и практика. 2021. Т. 25. № 4. С. 64–81. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2021-25-4-64-81>
4. Cherkasova V., Zakharova D. Market Reaction to Environmental Disasters // Корпоративные финансы. 2024. Т. 18. № 1. С. 37–48. <https://doi.org/10.17323/j.jcfr.2073-0438.18.1.2024.37-48>
5. Fombrun C.J. The reputational landscape // Corporate Reputation Review. 1997. Vol. 1. No. 1. P. 1–16. <https://doi.org/10.1057/palgrave.crr.1540008>
6. Helm S. The role of corporate reputation in determining investor satisfaction and loyalty // Corporate Reputation Review. 2007. Vol. 10. No. 1. P. 22–37. <https://doi.org/10.1057/palgrave.crr.1550036>
7. Nuortimo K., Harkonen J., Breznik K. Exploring corporate reputation and crisis communication // Journal of Marketing Analytics. 2024. Vol. 12. P. 1–22. <https://doi.org/10.1057/s41270-024-00353-8>
8. Pfister B., Schwaiger M., Morath T. Corporate reputation and the future cost of equity // Business Research. 2020. Vol. 13. P. 343–384. <https://doi.org/10.1007/s40685-019-0092-8>

УДК: 338.2

Ильясов Анатолий Анатольевич

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака

преподаватель базовой кафедры ценных бумаг и инвестиций

АДАПТИВНЫЙ КОНТУР УКРЕПЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СУБЪЕКТОВ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация:

В статье обосновывается необходимость и предлагается концепция адаптивного контура укрепления экономической безопасности субъектов технологического развития (СТР) – организаций, реализующих полный или частичный цикл разработки и коммерциализации критических и сквозных технологий. Рассмотрены типология СТР и их роль в обеспечении технологического суверенитета России; систематизированы ключевые угрозы экономической безопасности СТР в современных условиях. Дано описание концептуальной модели мониторинга экономической безопасности СТР и предложен комплекс взаимосвязанных организационно-экономических и институциональных инструментов, объединенных в единый адаптивный контур, замыкающий результаты мониторинга на воздействия на укрепление экономической безопасности СТР с встроенным механизмом обратной связи. Показано, что предлагаемый подход принципиально отличается от фрагментарных практик поддержки и позволяет обеспечить адресность, системность и адаптивность государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности и стимулирования технологического развития.

Ключевые слова:

Субъекты технологического развития, экономическая безопасность, технологический суверенитет, мониторинг экономической безопасности, технологическая политика.

UDC: 338.2

Ilyasov Anatoly Anatolievich

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak

Lecturer of the Department of Securities and Investments

ADAPTIVE FRAMEWORK FOR STRENGTHENING THE ECONOMIC SECURITY OF TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT ENTITIES

Abstract:

This article substantiates the need for and proposes a concept for an adaptive framework for strengthening the economic security of technological development entities (TDEs) – organizations implementing a full or partial cycle of development and commercialization of critical and end-to-end technologies. The typology of TDEs and their role in ensuring Russia's technological sovereignty are examined; key threats to the economic security of TDEs in modern conditions are systematized. A description of a conceptual model for monitoring the economic security of TDEs is provided, and a set of interconnected organizational, economic, and institutional tools is proposed, combined into a single adaptive framework that connects the monitoring results to the impact on strengthening the economic security of TDEs with a built-in feedback mechanism. It is shown that the proposed approach differs fundamentally from fragmented support practices and allows for targeted, systematic, and adaptive public policy in the area of ensuring economic security and stimulating technological development.

Keywords:

Technological development entities, economic security, technological sovereignty, monitoring of economic security, technological policy.

Введение

В системе приоритетов государственной политики Российской Федерации центральное место занимает укрепление технологического суверенитета, которое, в свою очередь, выступает краеугольным камнем обеспечения национальной экономической безопасности (п. п. 1, 3, 6, 9, 12 ст. 12; п. 3 ст. 15, п. п. 6, 14 ст. 16, п. п. 1-3, 5, 11 ст. 17 и ст. 18 Стратегии безопасности Российской Федерации на период до 2030 года¹). В принятых в 2023–2024 годах Концепции технологического развития до 2030 года² и Федеральном законе от 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³ была сформирована принципиально новая рамка государственного регулирования организаций, участвующих в создании и промышленном освоении передовых технологий. В официальный оборот введено собирательное понятие субъекта технологического развития (СТР), под которым обозначена совокупность

¹ Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

² Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р (ред. от 21.10.2024) «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 22. Ст. 3964.

³ Федеральный закон РФ от 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 53 (Часть I). Ст. 8533.

разнородных структур от технологических холдингов и исследовательских консорциумов до малых технологических компаний и профессиональных технологических брокеров. Именно СТР призваны стать операциональными агентами устойчивой и, главное, результативной реализации национальной технологической повестки.

Важно учитывать, что реализация этой повестки сопряжена с системными угрозами. Совокупные затраты на инновационную деятельность в России в 2024 году составили 4,5 трлн рублей и выросли на 17,6% в постоянных ценах по сравнению с 2023 годом¹, в то время как доля расходов на НИОКР в ВВП остается на уровне 0,9², при целевых ориентирах, предполагающих ее существенное увеличение. Реестр малых технологических компаний (МТК), запущенный в 2023 году, к середине 2025 года достиг показателя в 5,5 тыс. организаций, хотя целевой показатель на 2030 год составляет 12 тыс.³ Значительный разрыв между амбициозными целями технологической политики и реальным потенциалом субъектов ее реализации с очевидностью указывает на наличие системных угроз для экономической безопасности как самих СТР, которые остаются слабо изученными и методологически неосвоенными в научной литературе, так и национальной безопасности Российского государства.

Цель настоящей статьи – обосновать концептуальную модель мониторинга и предложить комплекс организационно-экономических и институциональных инструментов укрепления экономической безопасности СТР, интегрированных в единый адаптивный контур.

Основная часть. В условиях противоречивой динамики показателей технологического развития, радикального обострения международной конкуренции в экономике знаний, стремительного прогресса цифровых трансформаций и одновременно непрекращающихся попыток негативного воздействия недружественных стран на технологическую самостоятельность нашей страны, отечественные власти справедливо делают ставку в технологической политике на СТР как на структуры, способные

¹ Фридлянова С. Ю. Ускорение инновационных процессов в российской экономике. М.: ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2025. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/1083755537.html> (дата обращения 12.03.2026).

² Развитие НИОКР в России. ИА Медиаток, 2025. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mediatalk.ru/news/rating/razvitie-niokr-v-rossii/> (дата обращения 12.03.2026).

³ Количество малых технологических компаний в России превысило пять тысяч. М.: Роспатент, 2025. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/08-06-2025-kolichestvo-malyh-tehnologicheskikh-kompaniy-v-rossii-prevysilo-pyat-tysyach> (дата обращения 12.03.2026).

концентрировать и воспроизводить критические и сквозные технологии – ключевой операциональный элемент обеспечения технологического суверенитета. Под последним в общем случае следует понимать наличие в стране, под национальным контролем, критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные цели развития [1; 2; 3].

Синтетическое определение понятия СТР в современном российском законодательстве отсутствует, документы стратегического развития ограничиваются перечислением типов и сфер деятельности таких субъектов. Для устранения пробела в доктрине и практике, в том числе в интересах фасилитации разработки политик обеспечения экономической безопасности СТР, и с учетом подходов, представленных в исследовательской литературе [4; 5; 6], нами предлагается следующее научное определение СТР. Субъекты технологического развития – это организации и их объединения, функционирование которых характеризуется совокупностью следующих сущностных признаков: интеграция функций в рамках полного или частичного технологического цикла, фокус на создании, освоении или трансфере критических и сквозных технологий, стратегическая значимость для достижения технологического суверенитета, высокая степень зависимости от государственной поддержки и регулирования, повышенная уязвимость к специфическим угрозам экономической безопасности.

Именно СТР являются ключевыми носителями потенциала обеспечения национального технологического суверенитета Российской Федерации – и одновременно точками наибольшей уязвимости в цепочке технологического воспроизводства.

К СТР относятся четыре типа организаций: 1) технологические объединения – компании и холдинги, интегрирующие образовательную, исследовательскую, конструкторскую и производственную базу; 2) исследовательские организации и научно-образовательные консорциумы, способные реализовывать крупномасштабные технологические проекты вплоть до создания коммерциализируемых образцов; 3) малые технологические компании, ориентированные как на встраивание в производственно-технологические цепочки крупного бизнеса, так и на

самостоятельное серийное производство; 4) профессиональные технологические брокеры и инфраструктурные организации, обеспечивающие инжиниринг, трансфер технологий и управление интеллектуальными правами. Каждый из этих типов организаций характеризуется специфическим профилем рисков и требует дифференцированных подходов к мониторингу и поддержке. При этом в совокупности СТР формируют технологические экосистемы, на основе которых и реализуется технологический суверенитет. Выручка МТК – лишь одного из четырех типов СТР – в 2024 году превысила 1 трлн рублей при росте на 32,3% к 2023 году¹. Масштаб и динамика сегмента убедительно указывают на системообразующую роль в экономике знаний и технологий.

Специфика угроз экономической безопасности СТР предопределена самой природой их деятельности. Они сочетают высокий технологический риск с ресурсной уязвимостью, зависят от уникальных компетентностных ядер и вписаны в экосистемные цепочки, обрыв каждого звена которых критичен для всего проекта. На Рисунке 1 представлена авторская разработка многоуровневой типологии угроз экономической безопасности субъектов технологического развития, применение которой позволяет обеспечивать мониторинг и оценку экономической безопасности СТР на микро-, мезо- и макроуровне.

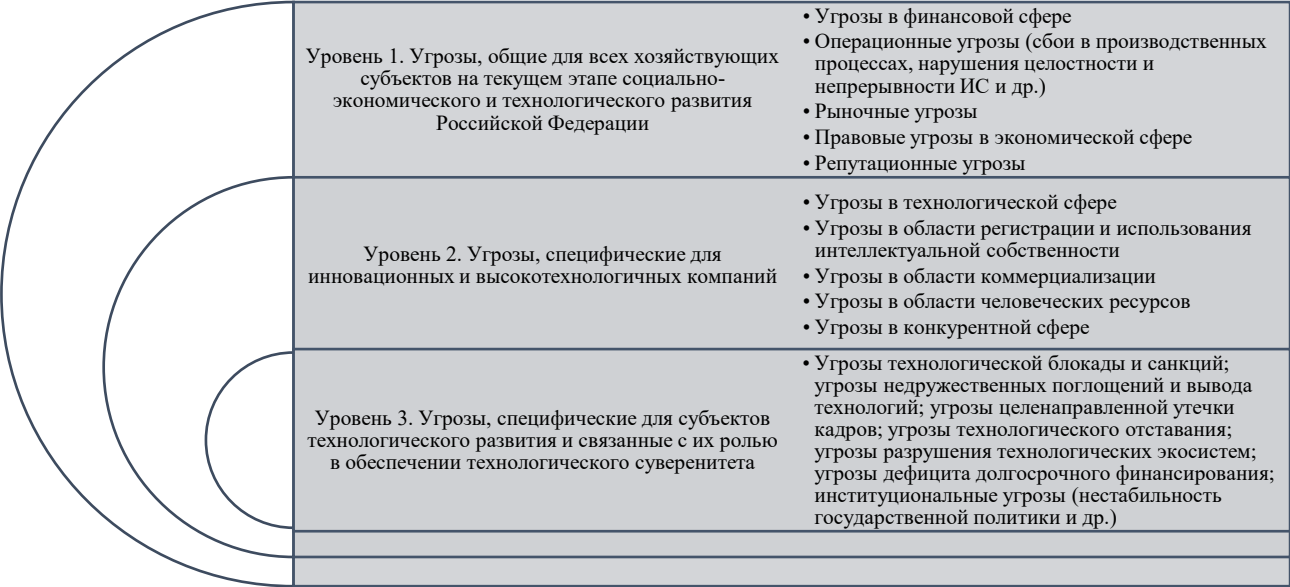

Рисунок 1 – Многоуровневая типология угроз экономической безопасности субъектов технологического развития.

Источник: *составлено автором*

¹ Крупанин Ф. Техника обгона рынка. Доходы малых технологических компаний перевалили за триллион // Коммерсантъ. 02.09.2025. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/8007074> (дата обращения 12.03.2026).

Ключевой предпосылкой для результативного противодействия угрозам и вызовам экономической безопасности СТР выступает создание системы мониторинга экономической безопасности СТР, основанной на следующих принципах: системности и иерархичности (охват уровней «отдельный СТР – экосистема – национальный контур»), риск-ориентированности, стадийности и типологической адаптивности, индикативности и измеримости, институциональной встраиваемости в действующую систему стратегического планирования.

Контуры предлагаемой мониторинговой системы экономической безопасности представлены на Рисунке 2.

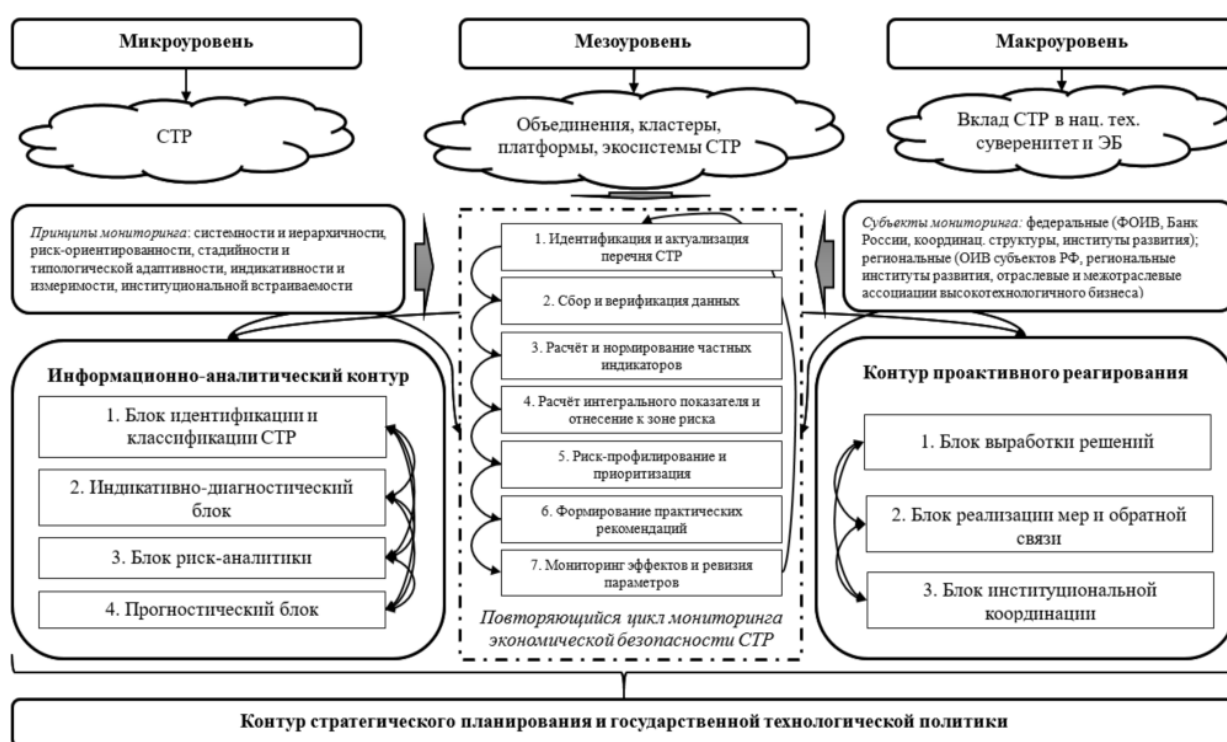

Рисунок 2 – Контуры организационной модели мониторинга экономической безопасности СТР

Источник: *составлено автором*

Операциональной основой мониторинга служит система из частных индикаторов, сгруппированных в четыре блока: финансово-инвестиционный (ликвидность, автономия, долгосрочные источники финансирования), технологико-инновационный (интенсивность НИОКР, доля нематериальных активов, выполнение технологической дорожной карты), кадрово-компетентностный (доля НИОКР-персонала, индекс сохранности ключевой

команды), рыночно-экосистемный (рыночная валидация, защищенность интеллектуальной собственности). На основе нормированных значений частных индикаторов вычисляется интегральный показатель экономической безопасности $E_k \in [0; 1]$, интерпретируемый по принципу «светофора» с учетом типа и стадии жизненного цикла СТР. Пороговые значения и весовые коэффициенты следует дифференцировать по матрице «тип СТР – стадия жизненного цикла» и верифицировать в ходе экспертного оценивания.

Система мониторинга должна быть реализована как на микроуровне (уровне самих СТР), так и на мезоуровне – в отношении их экосистем, а также на макроуровне – в контексте вклада СТР в обеспечение национальной экономической безопасности и технологического суверенитета Российской Федерации.

Результаты такого мониторинга призваны выступить отправной точкой для активации соответствующих организационно-экономических механизмов. В данной связи нами предлагается комплекс из взаимосвязанных инструментов, образующих адаптивный контур укрепления экономической безопасности СТР (Рисунок 3).

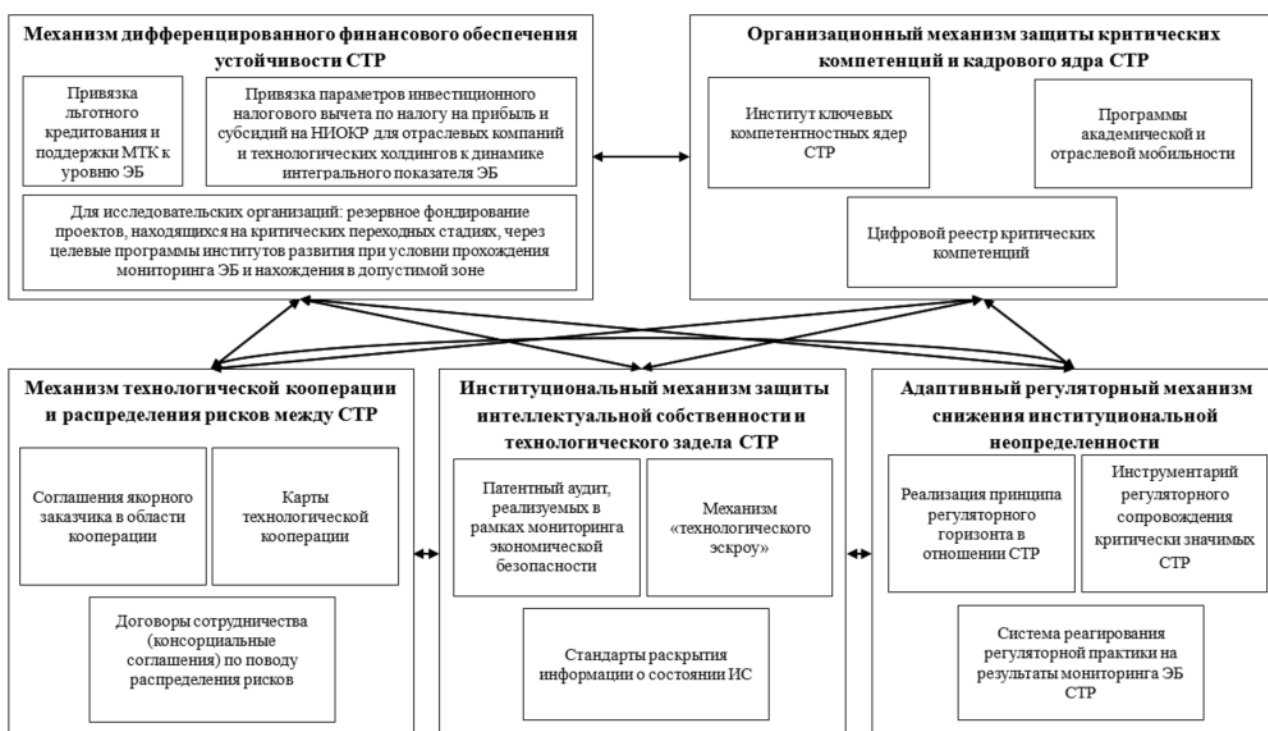

Рисунок 3 – Адаптивный контур укрепления экономической безопасности СТР

Источник: составлено автором

Механизм № 1. Дифференцированное финансовое обеспечение устойчивости. Связывает доступ к льготным кредитам, субсидиям и грантовой поддержке с результатами мониторинга экономической безопасности.

Механизм № 2. Защита критических компетенций и кадрового ядра. Включает формирование и регулярную актуализацию перечней ключевых специалистов для каждого СТР, создание программ академической и межотраслевой ротации при координации агентов развития технологий, а также национального реестра критических компетенций в области приоритетных технологий.

Механизм № 3. Структурированная технологическая кооперация. Предусматривает систему кооперационных контрактов «якорного заказчика» (крупные отраслевые компании обеспечивают гарантированный спрос для СТР ранних стадий), консорциальные соглашения о распределении рисков и интеграцию информации об уровне экономической безопасности в кооперационные карты, предусмотренные законодательством о технологической политике.

Механизм №4. Институциональная защита интеллектуальной собственности. Включает обязательный патентный аудит для СТР в предкритической зоне по соответствующему индикатору экономической безопасности, систему технологического эскроу для критически значимых СТР и единые стандарты отчетности о состоянии патентного портфеля и стратегии коммерциализации интеллектуальной собственности. Так, в частности, в рамках инструмента технологического эскроу для критически значимых СТР, участвующих в национальных проектах технологического лидерства, предлагается создание системы депонирования ключевых технологических активов (конструкторская документация, исходные коды, ноу-хау и др.) в специализированном государственном хранилище, доступ к которому будет открываться при наступлении событий-триггеров.

Механизм № 5. Адаптивное регуляторное сопровождение. Предполагает применение принципа регуляторного горизонта (нормативное закрепление срока стабильности ключевых параметров поддержки не менее пяти лет), режима индивидуального регуляторного сопровождения для СТР в составе национальных проектов технологического лидерства, а также использование

результатов мониторинга экономической безопасности СТР как основы для корректировки регуляторной политики.

Пять описанных механизмов образуют единый адаптивный контур, функционирующий как замкнутый цикл обеспечения экономической безопасности: мониторинг позволяет выделить СТР с критическими или предкритическими значениями показателей; с помощью декомпозиции интегрального показателя устанавливается доминирующий профиль угроз; профиль угроз определяет выбор и интенсивность активируемого механизма обеспечения экономической безопасности (или их комбинации); реализация мер сопровождается отслеживанием динамики показателей; полученные результаты служат основой для корректировки как параметров инструментов обеспечения экономической безопасности СТР, так и самой модели мониторинга.

Предлагаемое устройство контура укрепления экономической безопасности СТР призвано обеспечить три принципиальных свойства, отсутствующих в разрозненных практиках поддержки организаций, относимых к данной сфере: **адресность** (меры направляются на основе объективно диагностированных уязвимостей, а не формальных признаков), **системность** (охватываются все ключевые измерения безопасности – финансовое, кадровое, технологическое, экосистемное, институциональное) и **адаптивность** (контур самостоятельно корректируется на основе обратной связи, что не требует сплошной реструктуризации при изменении внешних условий).

Заключение

В работе предложена комплексная концептуальная архитектура обеспечения экономической безопасности субъектов технологического развития, объединяющая систему мониторинга на основе частных индикаторов, интегрального показателя и дифференциации по типам и стадиям жизненного цикла СТР с пятью организационно-экономическими и институциональными механизмами укрепления экономической безопасности, интегрированными в единый адаптивный контур.

Оригинальность и практическая ценность предложенного подхода определяются принципиальным отличием от фрагментарных моделей государственной поддержки СТР, ориентированных на отдельные функциональные области без взаимной увязки и без привязки к объективно измеренному уровню экономической безопасности. Адаптивный контур

обеспечивает переход от реактивного «тушения пожаров» к проактивному риск-ориентированному обеспечению экономической безопасности технологических компаний и экосистем, что представляется исключительно важным для достижения технологического суверенитета Российской Федерации в условиях дефицита ресурсов, высокой турбулентности среды и стратегической значимости СТР.

Список источников

1. Бабкин А.В., Балог М.М. Национальные подходы к обеспечению технологического суверенитета и экономической безопасности // Экономика и управление. 2025. Т. 31. № 10. С. 1261-1276. EDN: <https://elibrary.ru/hifark> <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2025-10-1261-1276>
2. Миэринь Л.А., Погодина В.В., Смирнов А.А. Технологический суверенитет как условие долгосрочной национальной экономической безопасности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2023. № 6-1 (144). С. 63-70. EDN: <https://elibrary.ru/fhpohn>
3. Сараджева О.В. Технологический суверенитет как условие и цель обеспечения экономической безопасности // Russian Journal of Management. – 2025. Т. 13. № 10. С. 47-64. EDN: <https://elibrary.ru/pobrhx> <https://doi.org/10.29039/2500-1469-2025-13-10-47-64>
4. Ильясов А.А. Аспекты вовлечения субъектов технологического развития в обеспечение национальной экономической безопасности Российской Федерации // Ученые записки Международного банковского института. 2024. № 4 (50). С. 68-87. EDN: <https://elibrary.ru/item.asp?id=79471387>
5. Литвин Г.В., Соколов А.П. Мониторинг результативности деятельности субъектов технологического развития // Прикладные экономические исследования. 2024. № S2. С. 48-53. EDN: <https://elibrary.ru/wyedio> <https://doi.org/10.47576/2949-1908.2024.95.71.006>
6. Москвитина Е.И. Управление развитием компетенций новых субъектов технологического развития (на примере профессиональных технологических посредников) // Креативная экономика. 2024. Т. 18. № 7. С. 1629-1642. EDN: <https://elibrary.ru/fdrolz> <https://doi.org/10.18334/ce.18.7.121389>

УДК: 346.1

Козловская Валерия Александровна

Республика Беларусь, Минск

Белорусский государственный университет
аспирант

Функ Ян Иосифович – научный руководитель

Республика Беларусь, Минск

Белорусский государственный университет
профессор Кафедры хозяйственного права юридического факультета
доктор юридических наук, профессор

РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ БРИКС

Аннотация:

В статье рассматривается значение экономической безопасности для развития стратегического экономического сотрудничества государств БРИКС в условиях геополитической нестабильности, санкционного давления, внутренних социально-экономических вызовов и расширения формата БРИКС.

Ключевые слова:

БРИКС, БРИКС+, экономическое партнерство, экономическая безопасность, субъективный фактор, объективный фактор, стратегические приоритеты БРИКС.

UDC: 346.1

Kozlovskaya Valeria Alexandrovna

Republic of Belarus, Minsk

Faculty of Law of the Belarusian State University
Postgraduate student

Funk Yan Iosifovich – scientific supervisor

Republic of Belarus, Minsk

Belarusian State University
Professor of the Department of Economic Law at the Faculty of Law
Doctor of Legal Sciences, Professor

THE ROLE OF ECONOMIC SECURITY IN ENSURING STRATEGIC ECONOMIC PARTNERSHIP OF BRICS MEMBER STATES

Abstract:

The article analyzes the importance of economic security for the development of strategic economic cooperation among BRICS states in the context of geopolitical instability, sanctions, internal socio-economic challenges, and the expansion of the BRICS framework.

Keywords:

BRICS, BRICS+, economic partnership, economic security, subjective element, objective element, BRICS strategic priorities.

The BRICS initiative was originally proposed by Russia. On September 20, 2006, following a proposal by Russian President Vladimir Putin, the first ministerial meeting in the BRIC format was held on the sidelines of the UN General Assembly session in New York. This event truly became the most significant geopolitical development of the early new century. Initially, the collaboration between Brazil, Russia, India, and China played a significant positive role in mitigating the 2007-2008 global financial crisis. At the stage of BRICS formation, many analysts viewed this association as a weak counterpart of the European Union in terms of its economic dimension [1, p. 38]. Today, the economic strength of BRICS is beyond doubt.

The emergence of BRICS rightly points to the formation of a multipolar system of international relations. One of the key priorities of the association is the attainment of positive changes in the economic sphere [2, p. 29]. This alliance's appeal is derived from its composition of growing economies located across different continents. Today, BRICS countries have a tangible opportunity to create a fundamentally new core of global development, complete with its own institutional system that provides them with a competitive advantage. The BRICS format is increasingly emerging as a platform for intercivilizational consensus [3, p. 13].

Dialogue within BRICS primarily represents a move away from "West-centricity" in the global agenda, as is often noted in numerous media reports and analytical articles. In this regard, it is pertinent to highlight the distinction made by the Prime Minister of India, who stated that BRICS is not an anti-Western bloc, but rather a "non-Western" one. This distinction is critically important and profoundly significant, as it underscores that BRICS does not position itself in opposition to any

other entity or alliance. This is an epochal shift, the full implications of which will be grasped by generations to come [4, p. 46].

According to President of the People's Republic of China Xi Jinping, regarding the key principles of further cooperation among BRICS member states: "First, we must uphold multilateralism and ensure international fairness and justice. <...> Second, we must safeguard the international economic and trade order. <...> Third, we must create synergy for the sake of common development."¹

The existence of favorable conditions for the implementation of BRICS strategic priorities is directly dependent on the minimization of external and internal threats to its economic security. In the context of BRICS, economic security should be understood as the protected state of the member states' national economies from threats. This state is ensured by the economic sovereignty of each individual state within the association, which allows for the satisfaction of the diverse needs of the member countries and ultimately leads to the competitiveness of the bloc's economic system. However, the existing BRICS economic space lacks specific indicators and assessment criteria to determine the level of its economic security. This deficiency is particularly concerning given that BRICS economies face a multitude of global challenges – not only political but also economic, legal, and social in nature. Under these conditions, defining a framework for ensuring economic security becomes critically important. In the context of geopolitical instability, the primary focus of cooperation among BRICS member states must be on strengthening economic security. This is a vital imperative for an association that accounts for over one-third of global gross domestic product (36.7%) and nearly half of the world's population (45%). Vladimir Putin noted at a summit with leaders of major media outlets from BRICS countries, "in some areas, humanity simply cannot function without the BRICS nations."²

The objectives of BRICS include strengthening economic, political, and social cooperation among its members, as well as increasing the influence of Global South countries in international governance³. Although the BRICS has three pillars in terms

¹ BRICS held an extraordinary online summit [Electronic resource]. – Mode of access: <https://tvbrics.com/news/v-briks-proveli-vneocherednoy-onlayn-sammit/> – Date of access: 10.09.2025.

² Vladimir Putin's answers to questions from BRICS media leaders. Key quotes [Electronic resource]. – Mode of access: <https://iz.ru/1776744/izvestiia/briks-uzhe-rasprostraniatsia-na-33-sushi-i-45-naseleniia-planety> – Date of access: 10.09.2025.

³ About the BRICS [Electronic resource]. – Mode of access: <https://brics.br/en/about-the-brics> – Date of access: 10.09.2025.

of economy, security, and society, its cooperation priorities are economy and development [5]. Against the backdrop of President Trump’s tariff policy, BRICS members agreed for the first time on a joint action plan for the development of small and medium-sized businesses in the community’s countries for 2025–2030. According to paragraph 13 of the Rio de Janeiro Declaration “Strengthening Global South Cooperation for a More Inclusive and Sustainable Governance” dated 6 July 2025, “the proliferation of trade-restrictive actions, whether in the form of indiscriminate rising of tariffs and nontariff measures, or protectionism under the guise of environmental objectives, threatens to further reduce global trade, disrupt global supply chains, and introduce uncertainty into international economic and trade activities, potentially exacerbating existing economic disparities and affecting prospects for global economic development.”

In recent decades, the state of international political and economic relations has been marked by turbulence and tension. Contradictions have deepened, including against the backdrop of interference by representatives of the global community in the internal affairs of certain BRICS member states [6, p. 71]. Under such conditions, secure development can be ensured through the implementation of new approaches to cooperation among the countries that have formed a rather “advantageous” coalition in terms of economic prospects, since by joining BRICS, member states have gained access to new markets. And this is only one of many examples.

Main body.

Thus, we deem it necessary to deconstruct the framework of BRICS economic security into the following two elements, outlined in the table 1.

Table 1 – Subjective and objective elements of BRICS economic security

The subjective element of BRICS economic security	The objective element of BRICS economic security
Here, a brief digression is warranted. Within a national economy, such as that of the Russian Federation, the subjective component falls within the purview of law enforcement and state security agencies. When discussing BRICS, however, <i>the subjective element of economic security</i> is defined as the totality of threats arising from the deliberate, willful targeting of the BRICS economies. This is manifested in <i>the collective perception by the member states of external threats and challenges that serve to undermine the strategic interests of the association</i> . Such threats may include, for	By analogy with the first column, a distinction must be drawn between the objective element of national economic security and the objective element of BRICS economic security. At the national level, the objective element is understood as the totality of threats arising from factors of an objective nature, such as deficiencies in the system of state regulation of the national economy, and violations of economic laws and principles by various business entities. Shifting to the plane of BRICS, <i>the objective component</i> consists of <i>a set of threats stemming</i>

instance, the imposition of unilateral sanctions, trade restriction measures, etc. The response to these actions consists of coordinated measures by the member states, such as the adoption of a corresponding action plan, which has been mentioned in the introduction of this article.	<i>from the absence of a unified regulatory mechanism for a range of processes.</i> Key issues in this regard include the lack of BRICS institutionalization, varying levels of economic development among member states, divergent prospects and specificities in trade and investment, the heterogeneous level of technological sovereignty across the membership, and so forth.

We may draw the following conclusion: the objective element prevails in the BRICS economic security system, and its role lies in forming a conditional “protective shell” for economic interaction within the association and for the social sphere within an “antivirus system” referred to as economic security. At the same time, the subjective component of BRICS economic security performs an auxiliary function within this “antivirus system” – preventing encroachments on the “protective shell”. If we apply the above criteria for identifying social relations arising in connection with the provision of economic security, a striking fact may be established: only within the framework of monetary or credit regulation is it possible to introduce minimum economic standards that simultaneously ensure the efficiency and security of two production processes – the process of “producing” money and the process of “using” money within the BRICS economic space. For this reason, this type of regulation should receive the utmost attention from the member states.

Paragraph 8 of the Joint Declaration of the 10th BRICS Parliamentary Forum highlights the significance of strengthening economic and financial security, achieving the national development objectives of the BRICS member states, and implementing the BRICS Economic Partnership Strategy up to 2025. This goal is expected to remain relevant in the foreseeable future. Nevertheless, the current strategy requires supplementation, or the development of a revised version, in which a clearly defined system of economic security for the association would be explicitly established.

The document identifies three principal areas of economic cooperation among the member states: trade, investment and finance; digital economy; and sustainable development. However, the strategy primarily delineates the scope of these areas without providing an explanation of their essence or the rationale for implementing policies aimed at ensuring economic security.

As is well known, BRICS is a non-institutionalized organization, as it lacks supranational bodies, a charter, and other formal attributes typical of intergovernmental

organizations. BRICS carries out its activities through the holding of various summits and forums. For instance, on July 6–7, 2025, the 17th BRICS Summit was held in Rio de Janeiro. At such summits, including the most recent one, the necessity of strengthening mutually beneficial cooperation among the member states in the fields of security and economics on the basis of multilateralism and the principles of international law enshrined in the United Nations is reaffirmed [6, p. 72]. An important step towards ensuring this security should be recognized in the establishment of the New Development Bank, which specializes in financing infrastructure projects. Following the 17th Summit, BRICS leaders emphasized its growing role as a reliable and strategic modernization institution for the countries of the Global South.

Nevertheless, these measures remain insufficient if we speak about the necessity of ensuring economic security. There arises a need to establish a Memorandum on Economic Security, the purpose of which would be:

1. To identify internal (e.g., unfavorable conditions for attracting investment and credit in the member states) and external sources (e.g., deterioration of foreign trade conditions) of threats to BRICS security;
2. To determine the main directions for neutralizing internal sources of threats to economic security (e.g., measures undertaken to maintain macroeconomic stability of member states' economies, and measures aimed at enhancing the competitiveness of economic entities and the goods, works, and services they produce);
3. To determine the main directions of protection against external threats to economic security (e.g., pursuing policies of non-discriminatory integration and seeking to reorient export flows towards the markets of friendly states);
4. To define the core economic interests of the member states;
5. To outline a system for preventing and neutralizing various threats to economic security;
6. To identify the goals, objectives, and principles of ensuring economic security;
7. To describe the system of ensuring economic security: to define the actors responsible for economic security and the instruments employed by these actors to protect and realize the interests of BRICS.

National economic security is a comprehensive and, first and foremost, legal institution. Its foundation lies not in law enforcement, but in the methodology of

constructing a society's economic system in such a way that its safe functioning is ensured by a system of legal barriers [7, p. 200].

In this sense, the economic relations evolving within the BRICS+ framework are relations whose underlying concept is the economic security of the populations residing in the territories of the member states of this association [8, p. 131].

Regarding economic security, it is important to note that within the framework of the association, discussions have emerged about the creation of a common currency, as such a currency could partially eliminate barriers to mutual trade. A potential response to this need was the launch of the BRICS Pay payment system in 2025. Overall, the establishment of a unified payment space and the development of banking infrastructure as part of the monetary system are essential steps toward defining a comprehensive economic security framework for BRICS.

Conclusion.

One of BRICS' primary priorities is to foster positive changes in the global economy. Reviewing the agenda of the ongoing summits, it becomes clear that the focus of discussions increasingly shifts toward addressing economic issues. It should not be overlooked that a structural economic challenge lies in the significant unevenness in the growth rates of the member states' economies. In this context, a well-developed economic security system would facilitate deeper economic integration within BRICS by minimizing the impact of adverse internal and external factors.

References

1. Klimov, A. BRICS: pluralism of business cultures / A. Klimov // *Mezhdunarodnaya zhizn'*. – Moscow, 2020. – No. 11. – P. 36–47. – (In Russ.).
2. BRICS as the core of the emerging multipolar world // *Vestnik Soveta Federatsii*. – 2024. – No. 4. – P. 18–39. – (In Russ.).
3. Semiryaga, V. BRICS: what's next? / V. Semiryaga // *Armeyskiy sbornik*. – 2023. – No. 11. – (In Russ.).
4. Economic cooperation of the BRICS countries as a basis for a multipolar world: collection of materials of the international scientific-practical conference (Moscow, April 2, 2015) / comp. by: V. V. Perskaya, I. V. Prokofiev, S. V. Karataev, E. A. Sharova; sci. ed. V. V. Perskaya; Russian Institute of Strategic Research; Financial University under the Government of the Russian Federation; Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. – Moscow: RISI, 2015. – 260, [14] p.: ill.
5. Niu, H. BRICS in a changing world: from adaptation, mitigation to shaping? / H. Niu // *CEBRI Journal*. – 2025. – Year 4, No. 13 (Jan.–Mar.). – P. 102–113.

6. Kocherhina, T. E. BRICS+ as a new format of international integration relations / T. E. Kocherhina // Problems of Modern Economy. – 2023. – No. 4 (88).

7. The nature of monetary regulation and the place of monetary law in the legal system / N. L. Bondarenko, Yu. G. Konanevich, E. N. Gladkaya, V. A. Kozlovskaya // Actual Problems of Civil Law. – 2023. – No. 2. – P. 195–212.

8. Kozlovskaya, V. A. Legal nature of monetary regulation / V. A. Kozlovskaya // Law of national economic security: problems of formation and ways of their solution: materials of the International scientific-practical round table, June 27, 2024 / Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Belarusian State University; ed. Board: E. N. Gladkaya [et al.]. – Minsk: Law and Economics, 2024. – P. 130–132.

УДК: 338.465.4

Котов Тимофей Михайлович

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Федеральный центр качества технических средств реабилитации ФГБУ
ФНОЦ МСЭ и Р им. Г.А. Альбрехта Минтруда России

заместитель директора

кандидат экономических наук

Пикалова Дарья Викторовна

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Федеральный центр качества технических средств реабилитации ФГБУ
ФНОЦ МСЭ и Р им. Г.А. Альбрехта Минтруда России

директор

Шарафанова Елена Евгеньевна

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака

профессор кафедры экономики, управления и предпринимательства

доктор экономических наук, профессор

**СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ ГРАЖДАН С ОГРАНИЧЕННЫМИ
ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ**

Аннотация:

Цель исследования заключается в научном обосновании использования механизма государственного социального заказа для повышения бюджетной эффективности при предоставлении гражданам с ограниченными возможностями технических средств реабилитации. **Задачи** исследования заключаются в характеристике влияния качества услуг протезирования и ортезирования на экономическую безопасность граждан, нуждающихся в протезировании, обзоре тенденций изменения качества протезно-ортопедических изделий, разработке предложений по использованию государственного социального заказа при обеспечении инвалидов техническими средствами реабилитации. В статье делается акцент на вовлеченности данной категории граждан в трудовую деятельность как фактора их личной экономической безопасности, а также прослеживается влияние качества услуг протезирования и ортезирования на региональную и национальную экономическую безопасность. В качестве **методов** исследования использовались нормативно-правовой и сравнительно-структурный анализ, метод классификации, а также экспертно-аналитический подход. **Результатами**

исследования стала характеристика действующих механизмов обеспечения инвалидов техническими средствами реабилитации, обоснование необходимости повышения эффективности расходования бюджетных средств за счет внедрения механизма предоставления технических средств реабилитации по социальному сертификату в рамках формирования государственного социального заказа. Основной **вывод** заключается в необходимости организации процедур отбора поставщиков технических средств реабилитации, в целях формирования соответствующего реестра исполнителей услуг по обеспечению инвалидов техническими средствами реабилитации на основе качественных характеристик изделий.

Ключевые слова:

Экономическая безопасность, реабилитация инвалидов, качество жизни, человеческий капитал.

UDC: 338.465.4

Kotov Timofey Mikhailovich

Russian Federation, Saint Petersburg

Federal Center for the Quality of Technical Rehabilitation Equipment, Federal Scientific Center for Medical and Social Expertise and the Russian Federation named after G.A. Albrecht, Ministry of Labor of the Russian Federation

Deputy Director

Candidate of Economic Sciences

Pikalova Daria Viktorovna

Russian Federation, Saint Petersburg

Federal Center for the Quality of Technical Rehabilitation Equipment, Federal Scientific Center for Medical and Social Expertise and the Russian Federation named after G.A. Albrecht, Ministry of Labor of the Russian Federation

Director

Sharafanova Elena Evgenyevna

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoly Sobchak

Professor of the Department of Economics, Management, and Entrepreneurship
Doctor of Economic Sciences, Professor

**SOCIAL ORDERING IN ENSURING ECONOMIC SECURITY FOR
CITIZENS WITH DISABILITIES**

Abstract:

The purpose of this study is to provide a scientific justification for using the state social procurement mechanism to improve budgetary efficiency in providing technical rehabilitation equipment to individuals with disabilities. The objectives of the study include characterizing the impact of the quality of prosthetic and orthotic services on the economic security of individuals in need of prosthetics, reviewing trends in the quality of prosthetic and orthotic products, and developing proposals for using the state social procurement mechanism to provide individuals with disabilities with technical rehabilitation equipment. The article emphasizes the involvement of this category of individuals in labor force participation as a factor in their personal economic security and examines the impact of the quality of prosthetic and orthotic services on regional and national economic security. The research methods used included regulatory and comparative structural analysis, classification, and an expert-analytical approach. The study's results characterized the current mechanisms for providing individuals with disabilities with technical rehabilitation equipment and substantiated the need to improve the efficiency of budget expenditures by introducing a mechanism for providing technical rehabilitation equipment with a social certificate as part of the state social procurement system. The main conclusion is the need to organize procedures for selecting suppliers of technical rehabilitation equipment, with the aim of creating a corresponding register of service providers providing people with disabilities with technical rehabilitation equipment based on the quality characteristics of the products.

Keywords:

Economic security, rehabilitation of people with disabilities, quality of life, human capital.

Введение

Экономическая безопасность инвалидов можно определить как состояние защищенности интересов граждан с ограниченными возможностями здоровья, обеспечивающее их экономическую независимость, социальную инклюзивность и достойное качество жизни, достигаемое за счет функционирования устойчивой системы государственной поддержки и институтов гражданского общества. Несмотря на высокое гуманитарное значение соответствующей проблематики в научных исследованиях ей уделяется мало внимания. Можно назвать работу О.А. Колесниковой и Ю.Фирсовой, посвященной вопросам социально-экономической безопасности инвалидов [1]. Не затрагивая прямо проблем экономической безопасности, Тимохин Д.В. рассматривает вопросы повышения эффективности инструментов интеграции инвалидов в систему трудовых отношений, тем самым внося вклад в нейтрализацию угроз недостаточности возможностей социальной адаптации [2]. Ряд авторов исследует проблематику обеспечения безопасности жизнедеятельности инвалидов, не акцентируя

внимания на их экономической безопасности (см., например, Коновалова К.А. [3], Рябцев М.В., Сокуров А.В., Ермоленко Т.В. [4]). В условиях дефицита трудовых ресурсов, наблюдающегося во всех экономических сферах ключевым вызовом, является вовлечение в трудовую деятельность всех слоев населения.

По данным Федеральной службы государственной статистики за 2024 г., в России живут 11,1 млн людей с инвалидностью. По данным Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации на октябрь 2024 года работают лишь 29,4% инвалидов¹. По независимым оценкам, реальный показатель не превышает 24%². За период с 2015 по 2024 годы количество трудоустроенных инвалидов сократилось с 2,4 млн до 1,6 млн человек³.

Недопроизводства ВВП неработающими инвалидами составляют до 11,3 трлн руб.^{4 5}. В связи с ростом численности инвалидов растут расходы на социальные выплаты при потерях бюджета в виде недополученную налогов, которые могли бы быть генерированы работающими инвалидами.

Одним из ключевых факторов влияющих на занятость инвалидов является качественное и своевременное обеспечение техническими средствами реабилитации, включая протезно-ортопедические изделия (далее – ТСР). По данным мониторинга уровня удовлетворенности инвалидов качеством обеспечения ТСР в период с сентября 2024 по март 2025 года поступило 1 569 обращений, связанных с проблемами качества и доступности ТСР. Обращения распределилась следующим образом:

38% - неудовлетворенность непосредственно качеством свойствами;

25% – несоответствие индивидуальным особенностям

12% не удовлетворены эргономикой и отмечают неудобства в использовании.

¹ Минтруд: Почти 30% инвалидов в России имеют работу. URL: <https://www.pnp.ru/social/v-mintrude-soobshhili-o-roste-urovnya-zanyatosti-invalidov.html> (дата обращения 22.02.2026).

² В России работает всего 24% людей с инвалидностью. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/12/04/1160378-v-rossii-rabotaet-vsego-24-lyudei-s-invalidnostyu>

³ Экономисты изучили проблемы инвалидов. URL: https://xn--h1ahgajha2if.xn--p1ai/portal/news/view/ekonomisty_izuchiliproblemy_invalidov_66738 (дата обращения 22.02.2026).

⁴ Топоев Е.В., Е.Л. Прокопьева. Интеграция людей с инвалидностью в трудовые отношения и ее влияние на социальн-экономическое развитие региона (на примере Республики Хакасия, Россия). URL: https://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/145600/12_Topoe.pdf;jsessionid=9CA2859E49342881C511E14C557662C6?sequence=1 (дата обращения 23.02.2026).

⁵ Нацун Л.Н., Шабунова А. А. К вопросу об экономической цене инвалидности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ekonomicheskoy-tsene-invalidnosti> (дата обращения: 24.02.2026).

Основными причинами неполучения ТСР или их получения в неполном объеме являются: низкое качество (17%), отсутствие необходимых функций и характеристик (12%), несоответствие по размеру, весу и другим антропометрическим, (9%), ухудшение состояния здоровья или аллергия на материалы (7%)¹.

Данная проблематика подтверждается уполномоченным по правам человека в Российской Федерации. За пятилетний период с 2020 по 2024 годы в его адрес поступило 194 обращения от инвалидов по вопросам обеспечения техническими средствами реабилитации, что составило 3,51% от всех обращений. Наибольший всплеск обращений зафиксирован в 2023 году – 63 ед., в то время как в остальные годы количество обращений по данной тематики составляло не более 36 ед. Несмотря на принимаемые государством меры, к сожалению, еще остаются проблемы, требующие незамедлительного разрешения. Так, Уполномоченному продолжают поступать жалобы на длительность ожидания инвалидами получения того или иного ТСР, ненадлежащее качество этих средств или неудобство в пользовании ими. Например, встречаются случаи необеспечения электронного сертификата денежными средствами, которые свидетельствуют о наличии такой проблемы, как несвоевременность поступления денежных средств на указанные цели из федерального бюджета.

По данным выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения отмечается, что из числа инвалидов, нуждающихся в повседневной жизни в каких-либо приспособлениях в полном объеме обеспечены 84,8% опрошенных, 10,1% - обеспечены не в полной мере, в то время как 5,2% совсем не обеспечены.

Из числа полностью или частично обеспеченными необходимыми приспособлениями полностью удовлетворены 83% опрошенных, не полностью удовлетворены – 15,9%, совершенно не удовлетворены 1,1%.

Среди причин необеспеченности отмечаются следующие факторы:

- отсутствие необходимых средств реабилитации – 27,2%;

¹ Минтруд установит требования к осуществляющим протезно-ортопедическую помощь организациям // Vademecum. URL: <https://vademec.ru/news/2026/03/04/mintrud-ustanovit-trebovaniya-k-osushchestvlyayushchim-protezhno-ortopedicheskuyu-pomoshch-organizats/>

- истечение срока назначения – 6,7%;
- отсутствие в продаже – 6,9%;
- неудовлетворительное качество или непригодность использования 12,1%.

Результаты исследования

Проблемные вопросы, связанные с длительностью оформления государственного контракта, невозможностью реализации электронных сертификатов в установленные сроки в связи с необеспечением их денежными средствами нашли свое отражение и в тематическом докладе Уполномоченного по правам человека в Самарской области «Проблемные вопросы в реализации инвалидами Самарской области права на бесплатное обеспечение техническими средствами реабилитации».

Как уже было упомянуто выше, основной причиной задержек обеспечения инвалидов ТСР, формирования электронных сертификатов на приобретение ТСР в большей степени является недостаточность выделенных денежных ассигнований из федерального бюджета на эти цели. При этом в настоящее время по результатам практики применения нового порядка определения предельной стоимости ТСР, приобретаемых с использованием электронного сертификата, в субъектах Российской Федерации наблюдается ощутимая разница в цене на одни и те же виды ТСР.

Например в соответствии с информацией о средневзвешенных ценах на технические средства реабилитации в разрезе федеральных округов Российской Федерации¹ стоимость «Протез кисти с микропроцессорным управлением, в том числе при вычленении и частичном вычленении кисти» в Дальневосточном Федеральном округе составляет 3 408 711,31 руб., а в Северо-Кавказском 2 539 280 руб. Разница на одно и то же изделие составляет 1,3 раза, или «Протез бедра модульный с микропроцессорным управлением» в Центральном Федеральном округе стоит 3 731 954,3 руб., а в Уральском Федеральном округе 3 259 494,55 (в 1,15 раз). При этом на отдельные виды изделий стоимость идентичная независимо от территориальной принадлежности. К примеру, «Аппарат на голеностопный и коленный суставы с коленным шарниром с

¹ Условия обеспечения граждан с инвалидностью техническими средствами реабилитации (ТСР) // Социальной фонд России. URL: https://sfr.gov.ru/grazhdanam/invalidam/tsr/usloviya_obespecheniya (дата обращения 06.03.2026).

микропроцессорным управлением» во всех Федеральных округах стоит 2 505 000,00 руб., или «Вспомогательное электронное средство ориентации с функциями определения расстояния до объектов, определения категорий объектов, лиц людей, с вибрационной индикацией и речевым выходом для детей-инвалидов» 170 000 руб. независимо от территориальной принадлежности.

Стоимость электронного сертификата (ЭС) на технические средства реабилитации (ТСР) приравнивается к цене последнего исполненного государственного контракта на данное изделие в конкретном регионе. Эта предельная сумма фиксируется на момент оформления сертификата и привязывается к карте «Мир».

Мониторинг ситуации с обеспечением инвалидов техническими средствами реабилитации указывает на устойчивую тенденцию нарастания претензий к качеству протезно-ортопедических изделий. В числе основных из них называются следующие претензии:

- непрозрачность конкурсных процедур, которые могли бы снизить цены на изделия,
- отсутствие возможности отбора наиболее качественных технических средств реабилитации для обеспечения инвалидов ввиду высокой значимости ценового критерия при проведении торгов,
- длительный срок, проходящий от момента получения инвалидом индивидуальной программы реабилитации с соответствующими рекомендациями до момента получения технического средства реабилитации,
- недостаточная индивидуализация подходов к предоставлению технических средств реабилитации в зависимости от состояния здоровья и потребностей инвалида,
- низкий размер возмещения расходов инвалида при выплате компенсации за самостоятельно приобретенное изделие [5]

При проведении Счетной палатой и Генпрокуратурой проверок обнаружены нарушения, связанные с задержкой в обеспечении инвалидов ТСР по причине неисполнения поставщиками (изготовителями протезно-ортопедических изделий) условий контрактов. Так, за 2023-2024 годы в отношении 70 закупок на сумму около 1,7 млрд рублей приняты решения о включении организаций в реестр недобросовестных поставщиков из-за отсутствия у них возможности исполнить контракты. Так как организации

зачастую непрофильные, у них нет достаточной материально-технической базы и кадров.

Мониторинг расходов бюджета Социального Фонда Российской Федерации на обеспечение людей с инвалидностью техническими средствами реабилитации по данным отчётности за период с 2022 года по 2024 год показывает двухкратный рост на указанное направление расходов, при увеличении численности инвалидов, обеспеченными техническими средствами реабилитации на 100 тыс. чел., и роста выданных изделий в 1,2 раза: (см. рисунок 1).

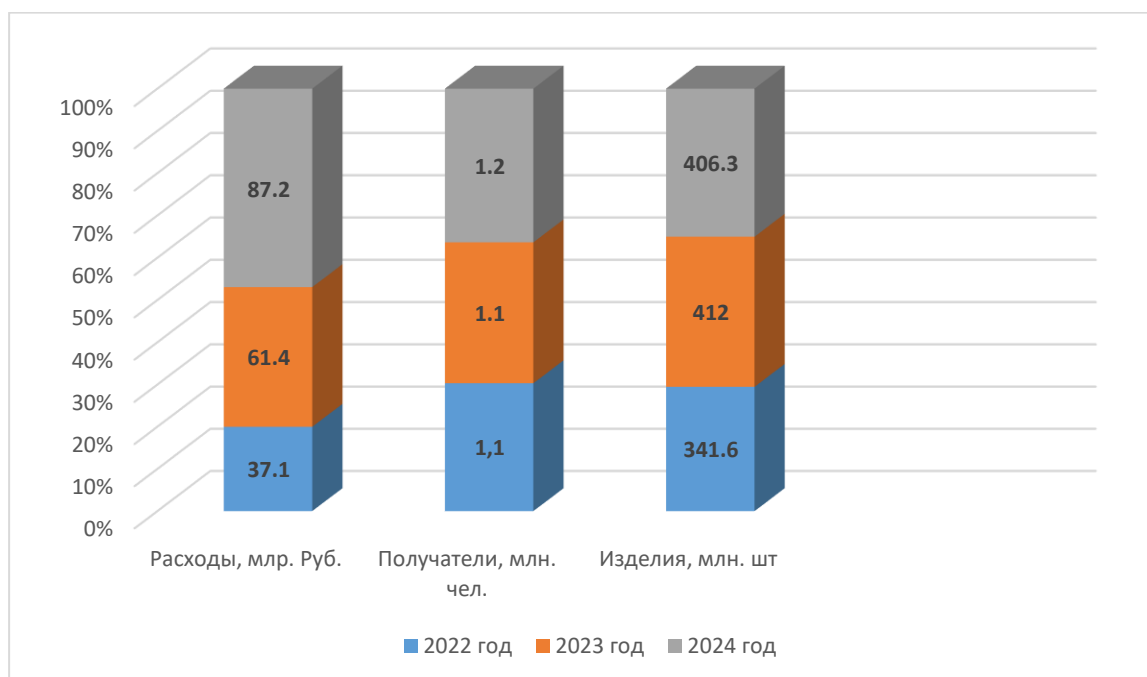

Рисунок 1 – Динамика расходов Социального Фонда РФ на обеспечение инвалидов техническими средствами реабилитации

Источник: составлен на основе годового отчёта Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации за 2024 год¹, годового отчёта Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации за 2023 год², годового отчёта Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации за 2022 год³

¹ Годовой отчёт Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации за 2024 год: https://sfr.gov.ru/files/id/press_center/godovoi_otchet/GodOtchet_2024_web.pdf

² Годовой отчёт Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации за 2023 год: https://sfr.gov.ru/files/id/press_center/godovoi_otchet/Godovoy_otchet_2023.pdf

³ Годовой отчёт Пенсионного Фонда пенсионного и Фонда социального страхования Российской Федерации за 2022 год: https://sfr.gov.ru/files/id/press_center/godovoi_otchet/GodOtchet_2022.pdf

Кратный рост расходов на обеспечение инвалидов техническими средствами реабилитации при незначительном увеличении численности инвалидов и количестве выданных изделий свидетельствуют о существенном удорожании стоимости протезно-ортопедических изделий, что вызвано изменением спросом на структуру выдаваемых технических средств реабилитации в стороны протезирования верхних и нижних конечностей, в том числе высокотехнологическое протезирование.

Основным механизмом выдачи технических средств реабилитации является их закупка через Социальный фонд Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ – доля выданных изделий составляет 83,2%, доля получателей составляет 67,7% от общего количества.

Вторым по популярности способом является покупка с помощью электронного сертификата, доля выданных изделий составляет 7,9%, доля получателей – 21,6%. По-прежнему востребованным остается способ самостоятельного приобретения изделий с последующей компенсацией затрат. Указанным способом воспользовались 10,6% получателей, доля выданных изделий составила 8,9%.

Данные исследований А. В. Максимова свидетельствуют о существующих проблемах качества технических средств реабилитации, среди которых выделяется приоритет стоимости изделий в ущерб качеству комплектующих, длительный срок обеспечения инвалидов техническими средствами реабилитации, низкая стоимость возмещаемых расходов и низкая стоимость электронного сертификата, а также непрозрачность конкурсных процедур [6].

По результатам принятых государством правовых и организационных мер в 2023-2024 гг. на 14% уменьшилось количество обращений по вопросам, связанным с начислением инвалидам компенсационных выплат за самостоятельно приобретенные ТСР (с 1 января 2025 г. данный вид выплат отменен), несвоевременностью обеспечения ТСР, сложностями при осуществлении их приобретения по электронным сертификатам.

Представляется, что принимаемые в настоящее время Минтрудом России меры, предусматривающие определение предельной стоимости электронного сертификата по средневзвешенной цене, которая будет рассчитываться по всем

государственным контрактам на закупку однородных ТСП, обеспечат объективное определение стоимости ТСП и способствуют установлению единообразного подхода к определению размера выплат, предоставляемых при формировании электронного сертификата.

В целях обеспечения качественного и своевременного оказания протезно-ортопедической помощи инвалидам в 2024 году Минтрудом России разработан проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», устанавливающий единые требования к протезно-ортопедическим организациям, каждая из которых подлежит включению в специальный реестр.

Согласно законопроекту, материально-техническая база организаций, предоставляющих услуги по протезированию и ортезированию, должна соответствовать определенным требованиям, включая санитарные правила и нормы, доступности помещений для маломобильных граждан. Среди работников должны быть специалисты с образованием и квалификацией, необходимыми для подготовки к протезированию, подгонки изделий, обучению граждан с инвалидностью безопасному пользованию протезно-ортопедическими изделиями. Кроме того, предусмотрено требование о наличии персонала, обеспечивающего техобслуживание, ремонт и замену таких изделий.

Создание на федеральном уровне реестра организаций, предоставляющих услуги по протезированию и ортезированию, представляется правильным шагом. Единого перечня компаний и предприятий, предлагающих такого рода услуги, не существует, что в настоящее время не позволяет оценивать качество их работы и добросовестность. Единственным механизмом для ограничения выхода на рынок недобросовестных исполнителей услуг является реестр недобросовестных поставщиков, формируемый ФАС России¹.

Для повышения качества обеспечения инвалидов протезно-ортопедическими изделиями предлагается усовершенствовать механизм выдачи

¹ Тематический доклад уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. «Защита прав инвалидов в Российской Федерации» Стр. 17, 52. Москва, 2025 год. // r1.nubex.ru. URL: https://r1.nubex.ru/s13674-133/f7968_b8/%D0%A2%D0%B5%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4_%D0%A3%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D0%97%D0%B0%D1%89%D0%B8%D1%82%D0%B0%20%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%20%D0%B8%D0%BD%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B4%D0%BE%D0%B2%20%D0%B2%20%D0%A0%D0%A4.pdf

данных изделий с использованием механизма формирования государственного социального заказа в рамках реализации Федерального закона от 13.07.2020 № 189-ФЗ «О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере», который предусматривает использование новых конкурентных способов определения исполнителей государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере. В соответствии с указанным Законом исполнение социального заказа осуществляется посредством соглашения о финансовом обеспечении выполнения государственного (муниципального) задания в рамках бюджетной политики. Социальные услуги в рамках реализации социальных заказов предоставляются физическим лицам.

Когда потребители самостоятельно выбирают организацию для получения услуги, то исполнители в результате конкуренции за потребителя мотивированы повышать качество оказываемых ими услуг в целях привлечения потребителей. Таким образом, происходит достижение клиентоцентричности, так как при оказании услуг исполнитель ориентируется на определенные потребности отдельного гражданина. При этом для всей номенклатуры протезно-ортопедических изделий устанавливаются нормативные затраты и указываются качественные характеристики изделий. Таким образом устраняется барьер ценовой политики, которая преобладает при осуществлении закупок в соответствии с законодательством о контрактной службе, а также потребителям становятся понятны технические характеристики, на которые следует обращать внимание при выборе изделий. В настоящее время при покупке технических средств реабилитации с использованием электронного сертификата покупатель вынужден самостоятельно ориентироваться при выборе изделий, что приводит к неправильным выборам аналогичных товаров, так как у покупателей зачастую не хватает специальных знаний для правильного выбора.

Для повышения бюджетной эффективности предлагается способ обеспечения инвалидов техническими средствами реабилитации, заменив процедуру приобретения с Федеральным законом «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ на Федерального закона от 13.07.2020 № 189-ФЗ «О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере».

Предлагаемая схема обеспечения инвалидов техническими средствами реабилитации представлена на рисунке 2.

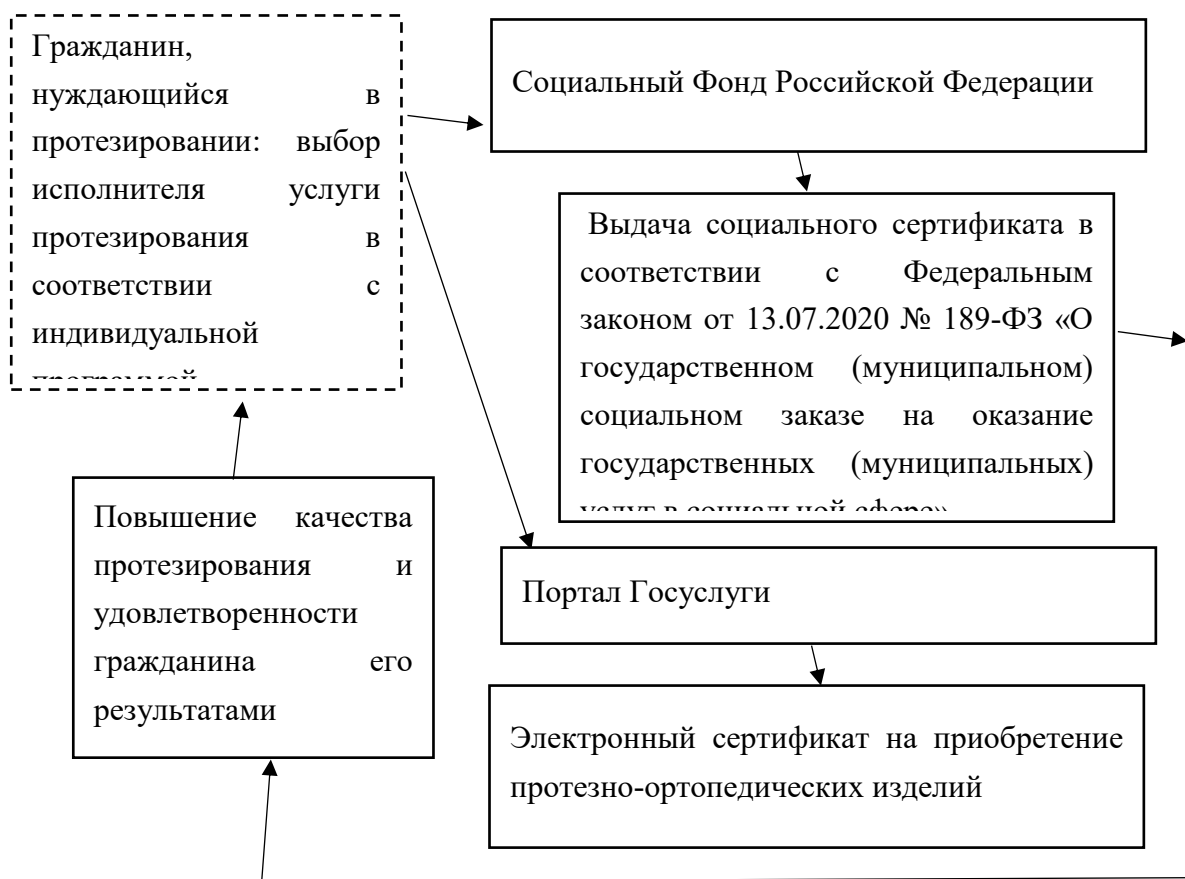

Рисунок 2 – Схема обеспечения инвалидов техническими средствами реабилитации

Источник: *разработано авторами*

Повышение удовлетворенности качеством протезирования является фактором экономии бюджетных расходов, поскольку снижаются риски необходимости повторного протезирования, длительного периода адаптации, растет вероятность успешной социальной адаптации, полного или частичного восстановления трудоспособности.

Выводы

Влияние качества услуг на экономическую безопасность личности инвалидов, нуждающихся в протезировании, поскольку качественное и своевременное протезирование и ортезирование будет способствовать занятости и профессиональной реализации. Однако она не решает до конца проблему, поскольку высокая стоимость современных протезов (например, бионическая рука – от 500 тыс. руб. до 3 млн руб.) вынуждает инвалида к выбору между

качеством жизни, обеспечиваемым высокотехнологичным протезом, и базовыми потребностями. На уровне региона возникают риски вынужденной миграции в регионы с более доступными услугами протезирования, рост социальной напряженности, исключения инвалидов из поля экономической активности, неполное использование человеческого потенциала региона и, вследствие этого, - недоиспользованные резервы роста валового регионального продукта.

На национальном уровне угрозы экономической безопасности в контексте данной проблематики связаны с ростом нагрузки на бюджет вследствие увеличения численности граждан, нуждающихся в протезировании, импортозависимостью в части материалов и микропроцессорных компонентов, эрозии доверия к системе социальной защиты и медицинской помощи при низком качестве протезирования.

Список источников

1. Колесникова, О. А. Социально-экономическая безопасность инвалидов / О. А. Колесникова, Ю. А. Фирсова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2014. – № 2. – С. 42-48. – EDN SKCNBP.
2. Тимохин, Д. В. Повышение эффективности экономических инструментов интеграции инвалидов в систему трудовых отношений (Модель «экономического креста») / Д. В. Тимохин // Вестник Национального Института Бизнеса. – 2024. – № 2(54). – С. 320-327. – EDN YEVXJQ.
3. Коновалова, К. А. Мероприятия по обеспечению пожарной безопасности домов престарелых и инвалидов / К. А. Коновалова // Надзорная деятельность и судебная экспертиза в системе безопасности. – 2023. – № 2. – С. 35-39. – EDN NCQFGZ.
4. Рябцев, М. В. Обеспечение безопасности инвалидов при чрезвычайных ситуациях: некоторые аспекты нормативного правового регулирования / М. В. Рябцев, А. В. Сокуров, Т. В. Ермоленко // Физическая и реабилитационная медицина. – 2022. – Т. 4, № 2. – С. 21-33. – DOI 10.26211/2658-4522-2022-4-2-21-33. – EDN TMVAII.
5. Божков И.А., Дикаев С.У., Максимов А.В., Севастьянов М.А. Анализ возможностей совершенствования правового регулирования действующего порядка обеспечения инвалидов техническими средствами реабилитации в связи с подписанием и ратификацией Российской Федерацией Международной конвенции о правах инвалидов // Научно-практический журнал «Юридическая мысль» № 1(75), 2013
6. Максимов А. В. Осуществление расходования средств федерального бюджета по предоставлению инвалидам технических средств реабилитации в Российской Федерации: правовые аспекты модернизации системы // Налоги и финансы. 2013. №4. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/osuschestvlenie-rashodovaniya-sredstv-federalnogo-byudzheta-po-predostavleniyu-invalidam-tehnicheskikh-sredstv-reabilitatsii-v> (дата обращения: 14.04.2026).

УДК: 338.14

Краснова Светлана Алексеевна

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М.
Буденного

старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-
экономических дисциплин

Краснов Сергей Васильевич

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

доцент Высшей школы бизнес-инжиниринга Института промышленного
менеджмента, экономики и торговли

кандидат технических наук, доцент

ИНТЕГРАЦИЯ ЦИФРОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В ПРОЦЕДУРЫ ВНУТРЕННЕГО АУДИТА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ОБОРОННО- ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Аннотация:

В статье проведен анализ теоретических подходов к организации внутреннего аудита. Обоснована необходимость перехода от традиционных методов анализа данных к использованию инструментов автоматизации. Предложен пошаговый алгоритм внедрения искусственного интеллекта в процесс внутреннего аудита на предприятиях ОПК.

Ключевые слова:

Внутренний аудит, оборонно-промышленный комплекс, искусственный интеллект, цифровая трансформация экономики.

UDC: 338.14

Krasnova Svetlana Alekseevna

Russian Federation, Saint Petersburg

Military Academy of Communications named after Marshal of the Soviet Union
S.M. Budyonny

Senior Lecturer at the Department of Humanities and Socio-Economic
Disciplines

Krasnov Sergey Vasilyevich

Russian Federation, Saint Petersburg

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Associate Professor at the Higher School of Business Engineering of the Institute of Industrial Management, Economics and Trade

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor

INTEGRATION OF DIGITAL TOOLS INTO INTERNAL AUDIT PROCEDURES AT ENTERPRISES OF THE MILITARY-INDUSTRIAL COMPLEX

Abstract:

The article analyzes theoretical approaches to the organization of internal audit. The necessity of transition from traditional methods of data analysis to the use of automation tools is substantiated. A step-by-step algorithm for introducing artificial intelligence into the internal audit process at defense industry enterprises is proposed.

Keywords:

Internal audit, military-industrial complex, artificial intelligence, digital transformation of the economy.

Предприятия оборонно-промышленного комплекса (ОПК) играют ключевую роль в обеспечении национальной безопасности страны. Современная геополитическая ситуация и внешнее экономическое давление стали катализатором возрождения отечественной элементной базы, технической модернизации производственных мощностей, осознания необходимости подготовки квалифицированных специалистов инженерных и IT профессий. В условиях санкционного давления, изменения логистических связей и импортозамещения, с переходом на отечественные комплектующие, появились риски несвоевременного выполнения государственных контрактов предприятиями ОПК на поставку военной продукции.

Проведение внутреннего аудита на предприятиях ОПК является необходимым и важным условием своевременного выполнения государственного оборонного заказа (ГОЗ).

Теоретическим проблемам организации внутреннего аудита в организациях посвящено достаточно много научных работ. Среди российских

ученых внесших вклад в развитие теории внутреннего аудита можно отметить труды К.К. Арабян [1, 2], Е.Н. Каламанова [3], Л.В. Сотникова [4] и др. К значимым исследованиям зарубежных авторов, внесших вклад в развитие теории внутреннего аудита, относятся труды Л. Сойера [5], Д. Ридли [6], Э. Чемберса [7] и др.

В соответствии с определением международного Института внутренних аудиторов (The Institute of Internal Auditors) «Внутренний аудит – это деятельность по предоставлению независимых и объективных гарантий и консультаций, направленных на совершенствование деятельности организации. Внутренний аудит помогает организации достичь поставленных целей, используя систематизированный и последовательный подход к оценке и повышению эффективности процессов управления рисками, контроля и корпоративного управления» [8].

Таким образом, организация внутреннего аудита на предприятиях ОПК, должна содействовать прежде всего организации эффективного и своевременного выполнения государственных контрактов на разработку и поставку продукции в рамках выполнения ГОЗ, особенно в условиях текущей геополитической ситуации.

Деятельность внутренних аудиторов делится как правило на 2 направления:

- аудиторская проверка;
- услуги по консультированию.

Аудиторские проверки и консультации отличаются друг от друга по направленности, но зачастую вместе присутствуют в задании по аудиту.

Задание на проведение аудита на предприятиях ОПК может соответствовать классическому заданию на проведение аудита на организационном, функциональном и операционном уровнях. «Аудиторские задания по предоставлению гарантий подразделяются на 3 основные категории:

1. Финансовый аудит – аудит финансово-экономической деятельности организации.

2. Аудит на соответствие требованиям (комплаенс) или подтверждение нормативного и/или правового соответствия – аудит соблюдения организацией требований нормативно-правовых актов, стандартов, норм регулирования и т.д.

3. Операционный аудит – это аудит, анализирующий процедуры и методы функционирования хозяйственной системы для оценки экономичности, продуктивности и результативности ее деятельности» [9].

В ходе проведения аудита проводится анализ и интерпретация данных. Сбор данных при проведении аудита может осуществляться различными способами путем анализа документов в бумажной и электронной форме, проведения опросов и собеседований и т.д. Анализ финансовых и управленческих документов, полученных из систем бухгалтерского учета и ERP-систем в организациях является достаточно трудоемким вследствие наличия больших массивов данных.

Цифровая трансформация во всех областях жизнедеятельности привела к переходу на новые инструменты анализа данных, в том числе и при проведении внутреннего аудита на предприятиях ОПК. Проблемы и внедрение цифровых инструментов в процедуры внутреннего аудита рассмотрены в работах Азарской М.А. [10], Булыги Р.П. [11], Залевской М.А. [12] и др.

Использование предприятиями информационных технологий побуждает аудиторские подразделения и внешних аудиторов применять цифровые инструменты сбора данных и анализа отчетности. Аудиторы используют информационные технологии при проведении процедур аудита и при проверке адекватности и надежности информационных технологий предприятия. Предвзятая, неточная информация приводит к неправильным аналитическим выводам и принятию неправильных управленческих решений.

Использование аудиторами на предприятиях ОПК информационных технологий развивалось практически одновременно с внедрением этих технологий в производственные и управленческие процессы. Наиболее востребованным и мощным инструментом для обработки данных и проведения анализа являются электронные таблицы. При умелом использовании мощного аналитического аппарата, встроенного в данное программное обеспечение, достаточно долго удавалось проводить аудиторские проверки надлежащего качества и достигать необходимого результата.

Вместе с тем, «в связи с увеличением объемов данных и ускорением потоков передачи информации, исследованиями Института внутренних аудиторов и международной сети аудиторских и консалтинговых фирм (KMPG) были определены современные тренды развития внутреннего аудита:

- изменение фокуса рисков с операционно-финансовых на стратегические и риски информационной безопасности;
- планирование в режиме реального времени;
- не только оценка сопутствующих рисков, но и внедрение современных технологий в аудиторскую деятельность;
- аналитическое и критическое мышление, работа с большими данными (bigdata), знания в области кибербезопасности, навыки убеждения и разрешения конфликтов» [13].

В настоящее время развитие информационных технологий во внутреннем аудите предприятий ОПК связано с использованием сквозных технологий: блокчейн (blockchain), интеллектуальный анализ данных (data mining), искусственный интеллект (AI – artificial intelligence) и др. Активно используется передовой опыт внедрения российскими компаниями во внутренний аудит технологий искусственного интеллекта (ИИ), фокусируясь на анализе данных, выявлении рисков и автоматизации рутинных проверок. Так, например, в декабре 2021 года в компании «Юнипро Мегаватт» запущен инструмент цифровой аналитики на базе QlikView с участием Deloitte Forensics. ИИ непрерывно анализирует закупки, выявляя риски и «красные флаги» мошенничества. Это повысило прозрачность процессов и вывело аудит на новый уровень, минимизируя ручной труд [14]. В Альфа-банке внедрена защищенная платформа MD Audit для внутреннего контроля кассовых операций и клиентского обслуживания. Система работает в корпоративной сети без «облаков», обеспечивая безопасность. Результат: рост клиентских отзывов на 22%, улучшение заполнения CRM на 16,6% [15].

Приведенный выше анализ позволяет спроектировать примерный алгоритм внедрения ИИ в процедуры внутреннего аудита на предприятиях ОПК. Процедура проведения внутреннего аудита в этом случае может быть представлена в виде выполнения следующей последовательности действий:

Шаг 1. Инициализация процесса анализа.

Планировщик задач запускает процедуру анализа данных. Определяется временной интервал обработки. После этого иницируется процесс извлечения данных из учетной системы.

Шаг 2. Извлечение данных из учетной системы.

Система устанавливает соединение с системой учета (например, CRM или 1С: Предприятие) и выполняет выгрузку новых или изменённых записей (в форматах JSON, XML, CSV). Извлекаются следующие типы данных:

- бухгалтерские проводки;
- платежные документы;
- счета и акты;
- справочники контрагентов;
- журналы действий пользователей;
- изменения документов.

Шаг 3. Предварительная обработка данных (ETL: выгрузка-преобразование-загрузка в хранилище).

На этом этапе выполняется подготовка данных к аналитической обработке:

- очистка данных (удаление дубликатов, проверка обязательных полей, нормализация форматов дат, проверка корректности сумм);
- нормализация (данные приводятся к единому формату);
- обогащение данных (вычисляются дополнительные аналитические параметры, формируется аналитический профиль транзакции).

Шаг 4. Подготовка контекста для RAG-модели (Retrieval-Augmented Generation или «генерация с поиском-дополнением»).

Перед отправкой запроса в модель формируется контекст анализа. Контекст включает:

- правила бухгалтерского учета;
- типовые признаки финансовых нарушений;
- исторические данные аналогичных операций;
- результаты предыдущих проверок.

Контекст извлекается из векторной базы знаний. Этот контекст добавляется к запросу, формируя RAG-архитектуру анализа.

Шаг 5. Формирование запроса к инструменту ИИ (на примере DeepSeek).

После подготовки данных формируется запрос к модели DeepSeek. Запрос включает: параметры транзакции, аналитические показатели, контекст из базы знаний.

Шаг 6. Анализ операции моделью ИИ.

Модель DeepSeek выполняет: анализ отклонений от нормы, сопоставление с контекстом, логический анализ операции, оценку уровня риска.

Шаг 7. Получение ответа от DeepSeek.

Система получает ответ от модели DeepSeek и выполняет его обработку. После получения ответа выполняется посредством: парсинга результата, преобразования ответа в структурированный формат, сохранения результатов анализа.

Шаг 8. Расчёт итогового уровня риска.

На основе ответа модели формируется итоговый риск-скоринг операции. При этом учитываются: уровень риска из ответа ИИ, статистические отклонения, правила аудиторского контроля.

Шаг 9. Агрегация результатов.

После анализа всех операций формируются: список транзакций повышенного риска, статистика активности пользователей, список новых контрагентов, динамика подозрительных операций.

Шаг 10. Формирование отчётов аудитора.

В результате выполнения обработки и анализа описанная система формирует:

- аналитические панели;
- список подозрительных операций;
- рекомендации по аудиторской проверке.

Аудитор получает не весь массив операций, а только операции с повышенным риском.

Таким образом, процедура проведения внутреннего аудита на предприятиях ОПК в настоящее время предполагает существенное изменение временных и качественных характеристик в связи с постоянно увеличивающимися объемами данных. Внедрение инструментов ИИ позволяет существенно упростить проведение внутреннего аудита и сократить время на его проведение, за счет автоматизации.

Список источников

1. Арабян К.К. «Аудит. Теория, организация, методика и практика» (изд-во «ЮНИТИ-ДАНА», 2020. – 479 с.
2. Арабян К.К. «Теория аудита и организация аудиторской проверки» (изд-во «ЮНИТИ-ДАНА», 2018. – 335 с.

3. Каламанова, Е. Н. Теория и практика внутреннего аудита: учебник для вузов / Е. Н. Каламанова, Н. А. Проданова. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 78 с.
4. Сотникова Л.В. Оценка состояния внутреннего аудита: практическое пособие / Л. В. Сотникова; под ред. В. И. Подольского. – Москва: ЮНИТИ, 2012. – 143 с.
5. Sawyer L.B. The Practice of Modern Internal Auditing; Appraising Operations for Management. Institute of Internal Auditors, 1973. URL: <https://search.worldcat.org/title/640501>
6. Ridley J., Chambers A. D. Leading edge internal auditing/ Chichester, England; Hoboken, NJ: Wiley, 2008. – 452 p.
7. Chambers A. D. Internal Auditing: Theory and Practice. Sweet & Maxwell Ltd., 1981. – 376 p.
8. Definition of Internal Auditing. URL: <https://www.theiia.org/en/standards/what-are-the-standards/definition-of-internal-audit/> (дата обращения: 01.03.2026).
9. Введение во внутренний аудит. Цикл статей / С. Уткин и др. URL: <https://www.iiaru.ru/upload/inner-auditor/articles/Цикл%20статей%20Введение%20в%20ВА.pdf> (дата обращения: 01.03.2026).
10. Азарская М.А. Развитие методического обеспечения аудита в условиях цифровой экономики // Цифровая экономика и современное общество: сборник материалов I Международной научно-практической конференции. – М., 2018. – С. 39-43.
11. Булыга Р.П., Сафонова И.В. Трансформация методологии аудита в связи с использованием технологий блокчейн и DLT // Учет. Анализ. Аудит. – 2021. – Т. 8. – № 5. – С. 6-13.
12. Залевская М.А. Цифровая трансформация внутреннего аудита // Управление экономическими системами. – 2018. – № 11 (117). – С. 39-48.
13. Чеботарева Е.Э. Научные исследования в контексте цифровой экономики // International Journal of Open Information Technologies. – 2017. – Т. 5. – № 11. – С. 36-41.
14. Как искусственный интеллект помогает аудиторам. URL: <https://mw.unipro.energy/rubric/proizvodstvo/kak-iskusstvennyy-intellekt-pomogaet-auditoram/> (дата обращения: 01.03.2026).
15. Примеры внедрения компании «fabricaONE.AI» URL: <https://f1ai.ru/examples/> (дата обращения: 01.03.2026).

УДК: 338.2

Круглова Инна Александровна

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака

профессор кафедры экономики, управления и предпринимательства

доктор экономических наук, кандидат юридических наук, доцент

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Аннотация:

С 2014 года против России введено более 31 500 неторговых санкционных ограничений, из которых около 92,5% приходится на период после февраля 2022 года. Наибольшее число ограничений вводят США (23,5%, или 7 411 санкций), Канада (12,6%), Швейцария (12,2%) и ЕС, принявший уже 19 пакетов санкций (10,2%). В отношении России действуеткратно больше рестрикций, чем против всех остальных стран мира вместе взятых. Более того, рассмотрение санкционного давления следует воспринимать как бизнес-риски в качестве долгосрочного условия.

Среди системных угроз экономической безопасности выделяются технологическое отставание, сокращение экспорта продукции обрабатывающего и высокотехнологичного секторов, а также ускорение инфляции издержек. Санкционное давление и высокая степень геэкономической турбулентности признаются исследователями основными внешними угрозами экономической безопасности России в 2025 году.

Несмотря на давление, российская экономика демонстрирует способность к адаптации. Промышленные предприятия прошли адаптацию к внешним ограничениям с различной интенсивностью, и к 2025 году проявляются позитивные системные изменения в деловой активности.

Статья направлена на рассмотрение и систематизацию подходов, которые существуют и практикуются в настоящее время в деятельности предприятий и направлены на минимизацию нивелирование угроз в условиях санкций

Ключевые слова:

Экономическая безопасность, предприятие, методический подход, санкции, вызовы.

UDC: 338.2

Kruglova Inna Aleksandrovna

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak

Professor of the Department of Economics, Management and Entrepreneurship
Doctor of Economic Sciences, Candidate of Juridical Sciences, Associate
Professor

METHODOLOGICAL APPROACHES TO ENSURING ECONOMIC SECURITY OF RUSSIAN ENTERPRISES UNDER SANCTIONS

Abstract:

Since 2014, more than 31,500 non-trade sanctions have been imposed against Russia, approximately 92.5% of which occurred after February 2022. The largest number of restrictions are imposed by the United States (23.5%, or 7,411 sanctions), Canada (12.6%), Switzerland (12.2%), and the EU, which has already adopted 19 sanctions packages (10.2%). Russia has many times more restrictions than all other countries combined. Moreover, businesses should view sanctions pressure as a long-term condition.

Systemic threats to economic security include technological lag, declining exports of manufacturing and high-tech products, and accelerating cost-push inflation. Researchers recognize sanctions pressure and a high degree of geoeconomic turbulence as the main external threats to Russia's economic security in 2025.

Despite this pressure, the Russian economy is demonstrating adaptability. Industrial enterprises have adapted to external constraints with varying degrees of intensity, and positive systemic changes in business activity are evident by 2025.

The article aims to examine and systematize approaches that currently exist and are practiced in the activities of enterprises and are aimed at minimizing and mitigating threats in the context of sanctions.

Keywords:

Economic security, enterprise, methodological approach, sanctions, challenges.

С 2022 года российская экономика столкнулась с беспрецедентным масштабом санкционного давления, которое затронуло подавляющее большинство отраслей. По данным исследования НИУ ВШЭ, к осени 2022 г. 69% фирм обрабатывающей промышленности ощутили влияние санкций, причём у 53% преобладали негативные эффекты. Ключевыми негативными последствиями стали рост цен на сырьё и комплектующие (42%), трудности импорта (30%), логистические проблемы (20%) и затруднения в импорте и обслуживании оборудования (17%). К 2026 году санкционное давление на российский бизнес достигло беспрецедентного масштаба: западными государствами было введено более 30000 ограничительных мер, Россия была

включена в число юрисдикций высокого риска по оценке Европейской комиссии, вступили в силу новые руководства ЕВА по санкционному скринингу, а требования OFAC к программам санкционного комплаенса продолжают ужесточаться. В ответ на данные вызовы с российской стороны был принят закон о продлении антисанкционного спецрегулирования на 2026 г, сохранив антикризисные полномочия Правительства, действующие с 2022 г. В этой связи обеспечение экономической безопасности и защита прав российского бизнеса остаются приоритетами в условиях жесткого санкционного давления.

Следует отметить, что российские предприятия нашли способы и стратегии адаптации к санкционным условиям. Эмпирическое исследование НИУ ВШЭ на основе опроса 1900 компаний обрабатывающей промышленности выявило 4 базовые стратегии адаптации компаний к санкционным условиям (таблица 1).

Таблица 1 – Базовые стратегии адаптации компаний к санкционному давлению.

Стратегия	Содержание стратегии	Специфика компаний
Рестрикционная стратегия	Исключительно ограничительные меры: сокращение издержек, инвестиций, персонала и ассортимента	Неинновационные компании. Экспортеры прибегали к ней реже остальных.
Стратегия перенаправления инвестиций и упрощения	Сохранение инвестиций с их перенаправлением, упрощение продукции, достаточно часто сочетается с освоением новых рынков реализации и реорганизацией управления и логистики	Компании среднего сегмента
Стратегия изменения цепочек поставок (логистическая)	Смена старых и поиск новых российских и иностранных поставщиков сырья, материалов, комплектующих, перестройка цепочек снабжения и логистики	Фирмы с иностранным участием
Инновационная стратегия	Внедрение цифровых решений, разработка новых продуктов и технологий, освоение новых рынков и привлечение кадров.	Экспортно ориентированные и технологические компании, конкурентноспособные на рынке и внедряющие инновационные технологии.

Источник: *составлено автором*

К весне 2023 г. доля пострадавших от санкций компаний практически не изменилась (61%), однако фирмы стали отдавать предпочтение активным мерам адаптации – поиску новых поставщиков и рынков, модернизации производства, снизив масштаб пассивных мер [1].

При более чем 31 500 действующих ограничениях, рекордных убытках бизнеса в 7,5 трлн руб. и замедлении экономического роста до 1% предприятия нуждаются в системной стратегии противодействия внешним угрозам. Одновременно достигнутые результаты импортозамещения – снижение импорта на 22%, рост машиностроения на 15%, запуск 52 крупных производств – свидетельствуют о наличии потенциала для построения устойчивой модели экономической безопасности, сочетающей технологический суверенитет, диверсификацию внешних связей и эффективную государственную поддержку.

В 2025-2026 гг. акцент смещается от «экстренных» мер к системной модели управления: продленное антисанкционное регулирование фактически закрепляет переход от ситуационных решений 2022 г. к устойчивой институциональной рамке.

Соответственно, необходимо рассмотреть какие новые методики обеспечения экономической безопасности были разработаны для российских предприятий, функционирующих в критических условиях, и оценить их значение.

В 2025 году учеными Пермского национального исследовательского политехнического университета была разработана комплексная методика оценки защищенности предприятий от потенциальных угроз. Модель представляет собой карту функционального анализа деятельности предприятия, включающую масштабную схему с полным набором взаимосвязанных критериев. В параметры модели входят 5 блоков [2]:

финансовые показатели: ликвидность, рентабельность, оборачиваемость запасов, уровень задолженности;

- производственная эффективность и технологические аспекты;
- информационная безопасность и защита от киберугроз;
- кадровый потенциал – квалификация, мотивация, оплата труда;
- экологические и политико-правовые факторы.

Отличие этой методики состоит в том, что все вышеуказанные блоки в ней связаны, что позволяет определить взаимовлияние всех составляющих областей деятельности организации. Расчеты выполняются по заранее введенным формулам, что позволяет проводить их достаточно быстро, вводя только фактические данные деятельности [2]

Основные характеристики современных классических методических подходов к оценке экономической безопасности предприятий заключаются в следующем [3]:

Индикативный подход предполагает сравнение фактических значений выбранных показателей с их нормативными (пороговыми) значениями. Отклонение от пороговых значений сигнализирует о нарастании угроз и снижении уровня защищённости. В условиях санкций этот метод требует адаптации системы индикаторов – в частности, включения показателей импортозависимости, устойчивости логистических цепочек и диверсификации контрагентов.

Комплексный подход основан на вычислении сводного коэффициента экономической безопасности на основе оценки финансовой, технической, технологической и кадровой составляющих. Этот подход учитывает производственные, рыночные и правовые факторы, контролирует все изменения в ходе деятельности компании и использует систему мониторинга для анализа.

Риск-ориентированный подход фокусируется на идентификации, оценке и прогнозировании рисков экономической безопасности с использованием методов математического моделирования и сценарного анализа.

В 2024-2025 гг. данные классические методики получили развитие через расширение набора составляющих. Более того, в условиях геоэкономической турбулентности наиболее эффективным признан подход, сочетающий элементы индикативного, функционального и риск-ориентированного методов, - интегрированный [4].

В рамках классических подходов были разработаны специальные показатели – для оценки устойчивости к санкционному давлению (таблица 2).

Таблица 2 – Показатели оценки устойчивости предприятия к санкционному давлению

	Индикатор	Назначение
1	Индекс внешнего давления	Количественная оценка влияния санкционного давления
2	Коэффициент устойчивости к внешним факторам	Оценка способности предприятия функционировать в условиях ограничений
3	Индекс внутренней эффективности	Анализ эффективности использования внутренних ресурсов
4	Коэффициент технологической эффективности	Доля отечественных технологий в общем числе применяемых (пороговое значение больше или равно 0,7)

5	Индекс цифрового суверенитета	Зависимость от зарубежных ИКТ и программного обеспечения
6	Индекс устойчивости к санкционному давлению	Комплексный показатель на основе структурных характеристик экономики

Источник: *составлено автором*

Санкционный комплаенс как инструмент безопасности представляет собой систему внутрифирменного управления рисками от рестрикций, которая базируется на официальных документах и одновременно предполагает разработку уникальной системы мер с учетом географической, отраслевой и иной специфики конкретной организации. Это не разовая процедура, а динамичный, глубоко интегрированный в бизнес-процессы механизм, позволяющий предвидеть потенциальные риски, адаптироваться к изменениям и демонстрировать регуляторам свою добросовестность. Ключевыми элементами системы комплаенса с 2025 г. стал рост требований к автоматизации санкционного комплаенса и интеграции проверок в бизнес-процессы. Современный санкционный анализ включает в себя:

- внедрение в организационную структуру предприятия для проведения комплаенс-исследований отдельной единицы (подразделения);
- разработка дорожной карты санкционных рисков с разделением по уровню тяжести последствий;
- организация проверки юридических и физических лиц по санкционным спискам (включая «правило 50%» - выявление подконтрольных и аффилированных лиц;
- внесение санкционных оговоров в действующие договоры;
- проверку товарных санкций и контроль рисков в соответствии с 115 ФЗ;
- идентификацию публичных должностных лиц и иностранных агентов;
- использование отечественного программного обеспечения для мониторинга санкционных списков;
- документирование всех действий для доказательства добросовестности при внешних проверках.

По данным исследования, проведенного НИУ ВШЭ, доля импорта в затратах на производство и реализацию продукции в России сократилась

фактически в 2 раза – с 14% до 7,6% в период с 2021 до 2024 гг. В производстве компьютеров, электроники и оптики потребление импорта сократилось в 3 раза. Это свидетельствует об активном импортозамещении: в подавляющем большинстве регионов рост индекса промышленного производства сопровождался снижением доли импорта в затратах [5].

Стратегическая задача состоит в переходе от импортозамещения к технологическому суверенитету [6]. Концепция технологического развития до 2030 г. предполагает обеспечение национального контроля над воспроизводством сквозных и критических технологий, а также переход к инновационно ориентированному экономическому росту. Здесь возможна реализация гибридной модели, которая может быть перспективна и эффективна: сочетание импортозамещения в критических технологиях, развития экспортно - ориентированных ниш и избирательного привлечения партнеров из стран Глобального Юга.

В части реализации параллельного импорта и поддержания товарного импорта следует отметить, что несмотря на то, что данная мера продлена на 2026 год, необходимо отметить его ключевые изменения, происходящие в 2025-2026 гг. – это сокращение перечня товаров ввиду налаживания ввозимых товаров внутри страны; переход от перечня товаров к списку конкретных брендов для минимизации ввоза контрафакта; обязательная маркировка товаров через систему «Честный знак». В целом механизм параллельного импорта предотвращает скачки цен в чувствительных сегментах. Однако, в качестве негативного эффекта следует отметить факт поставок по демпинговым ценам и и/или фальсификаты (до 25% объема), что снижает конкурентоспособность отечественных производителей.

Цифровая трансформация является в настоящее время одним из ведущих факторов безопасности. По данным Минэкономразвития РФ объемы инвестиций российских компаний всех отраслей в цифровые технологии за 4 последних года выросли более чем на 80% и достигли показателя в свыше 4 трлн рублей. Инвестиционный поток в развитие IT-инфраструктуры увеличился до 1,5 трлн рублей. Прогнозируется, что к 2030 г. 80% компаний будут использовать программные продукты отечественной разработки.

Необходимо отметить, что цифровое развитие компаний способствовало процессу адаптации к санкционному давлению, что подтверждается

следующими фактами. Компании, проводящие цифровую трансформацию, значимо чаще переключались на новых поставщиков, осваивали новые рынки, реорганизовали управление и логистические цепочки, инициировали разработку новых продуктов и технологий, чаще извлекали выгоду из санкционных ограничений [7].

В тоже самое время следует учитывать, что российская IT-отрасль была высоко интегрирована в мировые цепочки поставок (до 2022 г.) – около 84% импорта ИКТ-товаров приходилось на корпоративный и потребительский сектора экономики), что создало серьезные вызовы. Мерами противодействия этому стала стратегия технологической независимости, включающая импортозамещение программного обеспечения, развитие производства микроэлектроники и создание новых цепочек поставок.

Исходя из вышесказанного и опираясь на классические и новые подходы по обеспечению экономической безопасности предприятий в условиях санкционного давления, можно выделить в качестве рекомендаций следующие направления деятельности в рамках действующих предприятий:

- внедрение комплексной системы мониторинга деятельности – использование моделей оценки, охватывающие финансовые, технологические, кадровые и правовые области с автоматическим расчетом индикаторов;
- выстраивание автоматизированного санкционного комплаенса, представляющего интегрированную проверку контрагентов, товаров и связанных лиц в бизнес-процессы;
- ускорение импортозамещения критических технологий, то есть приоритетное замещение программного обеспечения параллельно с выстраиванием альтернативных цепочек поставок оборудования;
- развитие цифровой трансформации посредством внедрения систем на базе искусственного интеллекта, искусственных двойников и BI-панелей для управления рисками в реальном времени.

Система обеспечения экономической безопасности российских предприятий в условиях санкций трансформируется от реактивных мер к проактивным комплексным подходам. Наиболее результативными оказываются стратегии, сочетающие инновационную активность с цифровизацией и взаимодействием с государством. Интегрированные методики оценки, объединяющие индикативный, функциональный и риск-ориентированный

подходы, позволяют осуществлять мониторинг и прогнозирование уровня защищённости в условиях быстро меняющейся внешней среды. Санкционный комплаенс, импортозамещение и технологическая суверенизация формируют три опорных столпа новой парадигмы экономической безопасности российского бизнеса.

Список источников

1. Кузык, М. Г. Стратегии адаптации российских компаний к санкциям 2022 г / М. Г. Кузык, Ю. В. Симачев // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2023. – № 3(60). – С. 172-179. – DOI 10.31737/22212264_2023_3_172-180. – EDN SPDHBN.
2. Дидык, В. В. Методика расчета экономической безопасности промышленного предприятия/ В. В. Дидык, А. С. Мельникова, // <https://owncloud.pstu.ru/s/BHJ3m2kQSZEWPP2> - Электронный ресурс (дата обращения 02.03.2026)
3. Горина, М. С. Оценка рисков и угроз экономической безопасности предприятия / М. С. Горина // Естественно-гуманитарные исследования. – 2024. – № 3(53). – С. 113-119. – EDN OOKPKV.
4. Дергунов, А. В. Методические основы оценки экономической безопасности государства в условиях нарастания геэкономических противоречий / А. В. Дергунов // Вестник евразийской науки. – 2025. – Т. 17, № S2. – EDN BPQGJY
5. Никитина И.А., Борзунов А.А. Станкостроение в контексте обеспечения экономической безопасности российских предприятий // Ученые записки Международного банковского института. 2025. № 1 (51). С. 145-164.
6. Гришков, В. Ф. Приоритеты развития промышленности в условиях санкционных угроз экономической безопасности / В. Ф. Гришков // Ученые записки Международного банковского института. – 2025. – № 1(51). – С. 44-58. – EDN RVWKTU.
7. Кузык М. Г., Симачев Ю. В., Федюнина А. А., Сергеева К. П. Цифровизация компаний как фактор адаптации к коронавирусному и санкционному шокам / М. Г. Кузык, Ю. В. Симачев, А. А. Федюнина, К. П. Сергеева // Российский журнал менеджмента. – 2023. – Т. 21, № 4. – С. 481-513. – DOI 10.21638/spbu18.2023.402. – EDN EQGKWK.

УДК: 336

Липин Егор Андреевич

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака
аспирант

Шарафанова Елена Евгеньевна – научный руководитель

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака
профессор кафедры экономики, управления и предпринимательства
доктор экономических наук, профессор

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕТОДОВ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация:

Статья посвящена трансформации легализации преступных доходов в условиях цифровой экономики. Рассматриваются криптовалютные микшеры, P2P-обменники, ICO и NFT-активы как инструменты, используемые для легализации. Показана необходимость усиления мониторинга.

Ключевые слова:

Легализация преступных доходов, цифровая экономика, криптовалюты, финансовый мониторинг, P2P-обменники, NFT-активы, экономическая безопасность.

UDC: 336

Lipin Egor Andreevich

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak
Postgraduate student

Sharafanova Elena Evgenievna – scientific supervisor

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak
Professor of the Department of Economics, Management and Entrepreneurship
Doctor of Economic Sciences, Professor

TRANSFORMATION OF MONEY LAUNDERING METHODS IN THE DIGITAL ECONOMY

Abstract:

The article examines the transformation of money laundering methods in the context of the digital economy. Cryptocurrency mixers, P2P exchanges, ICO platforms, and NFT assets are considered as tools used for laundering illicit proceeds. The need to strengthen financial monitoring mechanisms is emphasized.

Keywords:

Money laundering, digital economy, cryptocurrencies, financial monitoring, P2P exchanges, NFT assets, economic security.

Современный этап социально-экономического развития характеризуется существенными изменениями в экономической парадигме. За последние десятилетия значительно изменилась структура экономики. Помимо уже традиционных отраслей, таких как промышленность и производство, добыча полезных ископаемых и сельскохозяйственная деятельность серьезную долю начали занимать отрасли, базирующиеся на цифровых технологиях.

В научной среде под цифровой экономикой принято понимать хозяйственную деятельность, ключевым фактором создания, распределения и потребления в которой выступают цифровые технологии. Данный феномен не сводится исключительно к сфере информационно-коммуникационных технологий, а представляет собой комплексную систему, пронизывающую все сегменты общественного воспроизводства, использующие цифровые технологии в своих бизнес-процессах [1, с.38].

Компоненты цифровой экономики представлены на рис 1.

Рисунок 1 – Компоненты цифровой экономики

Источник: [2, с.133].

Данная трансформация имеет ряд преимуществ, таких как рост эффективности операционных процессов, появление новых сфер экономической деятельности, повышение скорости взаимодействия и потребления. Однако при этом цифровая экономика породила и новые системные риски. Одним из наиболее значимых вызовов является использование криминальными структурами, специализирующимися на отмывании доходов, полученных преступным путем, преимуществ цифровой среды. Высокая степень анонимности, скорость проведения транзакций, трансграничный характер и зачастую непроработанная законодательная база создают новые возможности для легализации преступных капиталов. Таким образом, актуальность работы связана с исследованием современных тенденций и специфических методов отмывания денег в контексте цифровой экономики. Проведение исследований в данном направлении связано с необходимостью разработки адекватных мер противодействия со стороны государств и международных институтов [3, с.83]. Задачей исследования является систематизация имеющихся знаний о современных методах, используемых для легализации преступных доходов.

Традиционные методы легализации преступных доходов преимущественно предполагали их трансграничное перемещение. Это осуществлялось либо путем банковских переводов средств за рубеж, либо посредством физического вывоза ценностей с последующей интеграцией данных средств в легальную экономику третьих стран [6]. Данный процесс наглядно описан в четырехсекторной модели, предложенной швейцарским экономистом К. Мюллера.

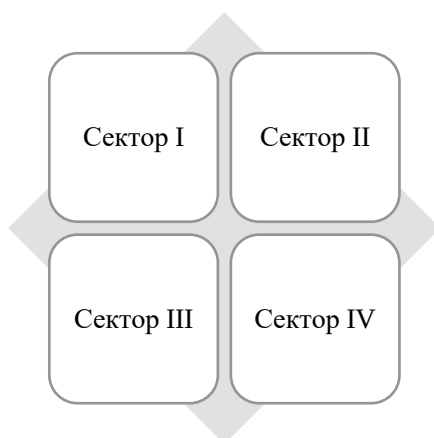

Рисунок 2 – Четырехсекторная модель К. Мюллера

Источник: [7, с.65].

В соответствии с предлагаемой четырехсекторной моделью, процедура легализации доходов, полученных незаконным путем, подразделяется на четыре обособленных этапа (сектора), каждый из которых характеризуется своей географической и функциональной спецификой.

Сектор I определяется как государство, на территории которого было совершено первоначальное правонарушение, и обозначается как Легальный сектор. В рамках данного этапа осуществляются первоначальные операции с денежными средствами. К таким операциям традиционно относится конвертация национальной валюты в иностранную, а также обмен банкнот на купюры большего номинала.

Сектор II представляет собой Нелегальный сектор в стране основного преступления. Его ключевая функция заключается в консолидации финансовых потоков, полученных из различных нелегальных источников.

Сектор III локализуется в стране отмыwania денег и сохраняет статус Нелегального сектора. Здесь проводятся предшествующие операции, необходимые для последующего введения средств в легальный экономический оборот.

Сектор IV функционирует в том же государстве, что и Сектор III, но переходит в категорию Легального сектора. Основной задачей является окончательное дистанцирование средств от их криминального источника, что придает им видимость легитимности.

Исследование, проведенное Мюллером, показывает, что государство, в котором осуществляется финальная легализация капитала, часто не совпадает со страной его криминального происхождения. На протяжении последних десятилетий для трансграничного перемещения ценностей преимущественно использовались институты банковской системы.

В условиях развития и повсеместного распространения цифровой экономики банковский сектор продолжает оставаться критически важной средой для осуществления операций по отмыванию денег. Тем не менее, цифровая трансформация формирует новые каналы и возможности для данных процессов. Одной из наиболее значимых современных тенденций в этой сфере является резко возросшая активность по использованию криптовалютных инструментов. Согласно данным аналитической компании Chainalysis, в 2022 году объем средств, отмытых через криптовалютные схемы, достиг 30 млрд. долларов США,

что демонстрирует увеличение на 68% по сравнению с предыдущим годом. Фундаментальной особенностью, которая делает криптовалюты крайне привлекательными для криминальных структур, является их высокая степень анонимности, создающая значительные препятствия для идентификации конечных бенефициаров операций [4].

В экспертной среде выделяется несколько устоявшихся методов легализации средств с использованием криптоактивов.

1. Криптовалютные миксеры.

Принцип работы данных сервисов базируется на разрыве транзакционной связи между отправителем и получателем путем объединения множества потоков криптовалют от разных пользователей. Подробнее схема работы криптовалютных миксеров представлена на рис. 3. Данный процесс во многом является цифровым аналогом классической схемы отмывания, при которой за счет многочисленных транзакций достигается разрыв связи между первоначально введенными и выводимыми активами [5, с. 296].

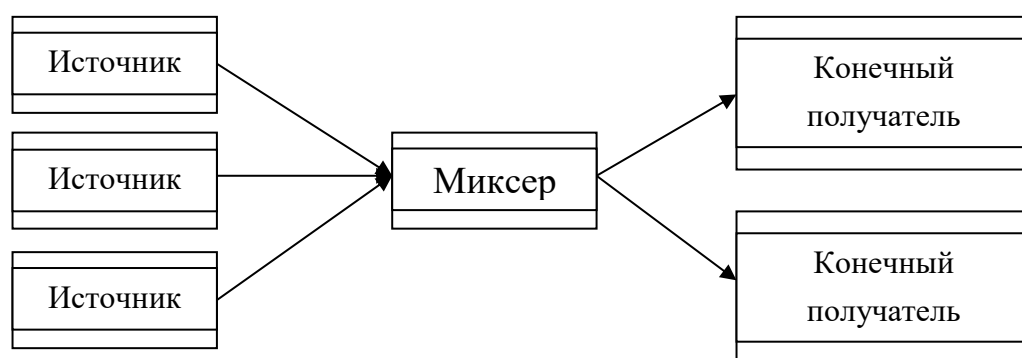

Рисунок 3 – Схема работы Криптовалютных миксеров

Источник: [9]

2. Децентрализованные P2P-обменники.

Данный метод предполагает прямой обмен криптовалютой на денежные средства между физическими лицами без прохождения процедур обязательной верификации личности (KYC). Ключевой особенностью этой технологии является вовлечение в противоправную деятельность других добросовестных участников рынка, которые не информированы о криминальном происхождении активов. Дополнительным фактором, который в значительной степени осложняет идентификацию, является использование преступными элементами счетов подставных лиц [5, с 297].

3. Децентрализованные финансовые платформы (ICO).

Использование ICO платформ является совершенно новой схемой легализации денежных средств, которая возникла с появлением криптовалюты и токенов. ICO (Initial Coin Offering) – это относительно новая форма инвестирования, появление которой связано со становлением криптовалют. ICO, представляя собой форму привлечения инвестиций для криптовалютных проектов, которая долгое время характеризовалась низким уровнем регулирования. Благодаря этому инициатором первичного монетного размещения может выступать любое юридическое и физическое лицо. При этом никаких аудитов и проверок проект не проходит [8, с. 40]. Дополнительную сложность в нейтрализации данного канала легализации обусловлена возможностью осуществления кросс-чейн транзакций, в процессе которых активы многократно переводятся между различными блокчейн-сетями (криптовалютами) [5, с 297].

Другим важным каналом, через которые происходит легализация преступных доходов, является NFT-активы и цифровые активы.

Схемы, применяемые для легализации средств с использованием NFT активов концептуально крайне схожи с методами, применяемыми при отмывании средств через криптовалюты. Классическая схема состоит из этапа приобретения NFT-актива на анонимных маркетплейсах и последующая перепродажа, что позволяет разорвать связь между первоначально введенными и полученными легализованными средствами.

Рисунок 4 – Инновационные цифровые инструменты легализации доходов, полученных преступным путем

Источник: *составлено автором*

На основе анализа рисунка 4 были выделены ключевые цифровые инструменты, используемые преступными структурами для легализации доходов, полученных незаконным путем. К ним относятся криптовалютные микшеры, децентрализованные P2P-обменники, ICO-платформы, а также операции с NFT-активами. Перечисленные инструменты формируют новую цифровую инфраструктуру финансовых операций, характеризующуюся высоким уровнем анонимности и сложностью отслеживания транзакций.

Для более детального анализа выявленных инструментов представляется целесообразным провести их сравнительную оценку с точки зрения уровня анонимности, сложности выявления противоправных операций и потенциальных рисков для систем финансового мониторинга. Систематизация данных характеристик представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика цифровых инструментов легализации преступных доходов

Инструмент	Уровень анонимности	Сложность выявления	Основной риск для системы Мониторинга
Микшеры	высокий	высокий	разрыв цепочки между отправителем и получателем актива
P2P	средний	средний	подставные лица, вовлеченные в процесс легализации
ICO	средний	высокий	Использование ICO в качестве нелегальных инвестиций
NFT	высокий	высокий	фиктивная перепродажа

Представленная сравнительная характеристика показывает, что наибольшую угрозу для систем противодействия легализации преступных доходов представляют инструменты, обеспечивающие высокий уровень анонимности и разрыв транзакционной цепочки между отправителем и получателем средств. В частности, криптовалютные микшеры и операции с NFT-активами значительно усложняют процесс идентификации источника происхождения средств.

В свою очередь, использование децентрализованных P2P-обменников и ICO-платформ позволяет маскировать противоправные финансовые потоки под обычные рыночные операции, что снижает эффективность традиционных механизмов финансового мониторинга.

Таким образом, проведенный анализ современных инструментов легализации преступных доходов в цифровой среде позволяет обобщить полученные результаты и сформулировать ключевые выводы исследования.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что процесс легализации доходов, полученных преступным путем, в условиях развития цифровой экономики претерпевает существенную трансформацию. Традиционные схемы отмыwania средств, основанные преимущественно на использовании банковских институтов и трансграничном перемещении капитала, постепенно дополняются и частично вытесняются высокотехнологичными механизмами, функционирующими в цифровой финансовой среде.

В ходе исследования были выявлены и систематизированы ключевые цифровые инструменты, используемые для легализации преступных доходов, среди которых особое место занимают криптовалютные микшеры, децентрализованные P2P-обменники, ICO-платформы и операции с NFT-активами. Анализ данных инструментов показывает, что их использование существенно усложняет идентификацию источников происхождения средств и снижает эффективность традиционных механизмов финансового мониторинга за счет высокой степени анонимности транзакций, трансграничного характера операций и технологической сложности отслеживания финансовых потоков.

В этих условиях минимизация криминальных рисков, связанных с использованием цифровых активов, требует формирования комплексной системы противодействия легализации преступных доходов. Такая система должна основываться на развитии международного правового сотрудничества, совершенствовании нормативного регулирования цифровых финансовых инструментов, а также внедрении современных технологических решений в сфере финансового мониторинга.

Таким образом, устойчивое развитие цифровой экономики и цифровых финансовых рынков возможно лишь при условии формирования адаптивной и технологически развитой системы регулирования, способной эффективно реагировать на новые формы финансовых преступлений и обеспечивать необходимый уровень экономической безопасности.

Список источников

1. Бердиева А., Шохратджанова А., Тачдурдыев Т. Цифровая экономика и развитие экономики // Вестник науки. – 2024. – №. 9 (78). – С. 37-39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-ekonomika-i-razvitie-ekonomiki> (дата обращения 05.12.2025).
2. Илмирадов А., Бердиев Б., Шагулыев Ш. Цифровая экономика: определение и значение // Вестник науки. – 2024. – №. 10 (79) – С. 132-134. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-ekonomika-opredelenie-i-znachenie> (дата обращения 05.12.2025).
3. Куницына Е.М., Харь Е.С. Современные тренды противодействия отмыванию преступных доходов в Российской Федерации // Сборнике трудов конференции. – М., Тюмень: филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, 2022. – С. 82-85. URL: https://elib.utmn.ru/jspui/bitstream/ru-tsu/19470/1/ebs_2022_82_85.pdf (дата обращения 05.03.2026).
4. Money Laundering and Cryptocurrency: Trends and new techniques for detection and investigation // Chainalysis.com. URL: <https://www.chainalysis.com/blog/money-laundering-cryptocurrency/> (дата обращения 05.03.2026).
5. Шагаров Р.А., Швецов К.В. Использование криптографической валюты с целью легализации доходов, полученных преступным путём // Фундаментальные и прикладные исследования в области управления, экономики и торговли. – 2022. –С. 294-298. URL:<https://elibrary.ru/item.asp?id=49565143> (дата обращения 05.03.2026).
6. Шелестинский Денис Григорьевич. Способы легализации доходов, полученных преступным путем: вчера, сегодня, завтра // Журнал экономических исследований Том 3 № 10, 2017 URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/18382/view?ysclid=mj4ffxs67d950304769> (дата обращения 05.03.2026).
7. Каратаев М.В. Участие банковского сектора в современных моделях отмывания преступных доходов. // Финансы и кредит – 2010. – №. 10 (394). – С. 61-71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-bankovskogo-sektora-v-sovremennyh-modelyah-otmyvaniya-prestupnyh-dohodov> (дата обращения 05.03.2026).
8. Гусева А.А. 8. Возможные пути решения проблемы легализации денежных средств через криптовалюту // Экономика. Право. Инновации. - 2018. - №5. - С. 36-45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnye-puti-resheniya-problemy-legalizatsii-denezhnyh-sredstv-cherez-kriptovalyutu> (дата обращения 05.03.2026).
9. Рясов А.А., Пономарева А.В. К вопросу о легализации доходов, добытых преступным путем, совершаемой с использованием криптовалюты // Философия права. - 2025. - №1. - С. 177-182. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-legalizatsii-dohodov-dobytyh-prestupnym-putem-sovershaemoy-s-ispolzovaniem-kriptovalyuty> (дата обращения 05.03.2026).

УДК: 338.24.01

Мачнев Михаил Сергеевич

Российская Федерация, Москва

Московский университет имени С.Ю. Витте

заместитель декана факультета управления по научно-практической работе, доцент кафедры менеджмента

кандидат социологических наук, доцент

МЕТАКОРПОРАТИВНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ КАК МЕХАНИЗМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация:

Метакорпоративный менеджмент обоснован как особый механизм экономической безопасности. Институциональный анализ раскрывает роль негосударственных структур в новых контурах управления. Безопасность понимается как распределенный эффект координации, а не иерархический контроль.

Ключевые слова:

Метакорпоративный менеджмент, экономическая безопасность, негосударственная система безопасности, устойчивость, негосударственные институты, институциональные контуры, управление рисками.

UDC: 338.24.01

Machnev Mikhail Sergeevich

Russian Federation, Moscow

Moscow Witte University

Deputy Dean of the Faculty of Management for Scientific and Practical Work,
Associate Professor of the Department of Management

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor

METACORPORATE MANAGEMENT AS AN ECONOMIC SECURITY MECHANISM

Abstract:

Metacorporate management is substantiated as a special mechanism of economic security. Institutional analysis reveals the role of non-state structures in new management contours. Security is understood as a distributed effect of coordination rather than hierarchical control.

Keywords:

Metacorporate management, economic security, sustainability, non-state institutions, institutional contours, risk management.

1. Экономическая безопасность вне привычных границ

Экономическая безопасность традиционно интерпретируется как состояние защищенности экономики от угроз, обеспечиваемое системой государственных и корпоративных механизмов. Такое понимание укоренено в литературе и практиках управления. Однако, наблюдая за реальными процессами последних лет, нельзя не заметить: устойчивость все чаще формируется не внутри отдельных организаций, а в пространстве их взаимодействия, которое оказывается сложнее классических управленческих моделей.

Цифровизация, рост сетевых структур, усиление межотраслевых связей – все это трансформирует природу экономической безопасности. Она перестает быть исключительной функцией государства или корпораций и приобретает характер распределенного институционального процесса. Система сохраняет целостность не потому, что кто-то сверху все контролирует, а потому, что участники взаимодействий способны воспроизводить устойчивые формы координации даже при постоянно меняющихся правилах.

Ситуация с параллельным импортом в 2022-2023 годах - наглядная иллюстрация. Государство легализовало ввоз товаров без согласия правообладателей, но физическое обеспечение сохранности грузов на маршрутах через третьи страны легло на плечи частных логистических операторов. Они выстраивали цепочки, нанимали местную охрану, договаривались с контрагентами в серых зонах. Безопасность возникла не как приказ из центра, а как результат сложной координации множества самостоятельных игроков.

Традиционные централизованные механизмы в таких условиях часто оказываются недостаточно гибкими. Они медленно реагируют на комплексные, межсекторные угрозы. Негосударственные структуры, напротив, демонстрируют способность к быстрой адаптации и постепенно встраиваются в процессы обеспечения устойчивости.

Как справедливо отмечается в некоторых работах, развитие теории экономической безопасности объективно связано с поиском новых форм и методов управления, способных адекватно реагировать на усложняющиеся вызовы [1]. В этом контексте концепция метакорпоративного менеджмента позволяет описать и объяснить процессы формирования устойчивости в пространстве межорганизационных и межинституциональных взаимодействий.

2. Метакорпоративный менеджмент: самоорганизация и координация в сфере безопасности

Под метакорпоративным менеджментом в данной работе понимается не абстрактная управленческая надстройка, а особая форма организации экономических процессов, возникающая на стыке корпоративного управления, государственного регулирования и негосударственных практик.

Его формирование закономерно для новых рыночных отраслей (не имевших аналогов в советской экономике в силу самой природы социалистического хозяйствования), развивающихся в условиях дефицита централизованного государственного управления. Объективная потребность в координации множества самостоятельных субъектов, сталкивающихся с типичными проблемами, решение которых выходит за пределы возможностей отдельной организации, запускает механизмы самоорганизации. Именно они приводят к возникновению метакорпоративного менеджмента как особого вида социального управления, обеспечивающего согласование интересов и реализацию задач, значимых для отрасли в целом [2].

Применительно к негосударственной системе безопасности (НСБ) эта логика проявляется особенно отчетливо. Возникнув как новая рыночная отрасль в условиях дефицита централизованного управления на начальном этапе, НСБ с неизбежностью столкнулась с необходимостью самоорганизации. Координация действий разрозненных субъектов рынка, выстраивание отношений с государственными структурами (прежде всего, с МВД), формирование профессиональных стандартов, работа над имиджем частного охранника - все эти задачи потребовали метакорпоративных решений, реализуемых через создание ассоциаций, союзов и иных интеграционных структур.

Специфика данного типа управления заключается в том, что он функционирует не внутри отдельных организаций, а в пространстве их взаимодействия, где формируются устойчивые модели координации, не

сводимые к чисто рыночным или иерархическим механизмам. В отличие от традиционных моделей, ориентированных на контроль и вертикальную интеграцию, метакорпоративный менеджмент основан на сетевой логике. Устойчивость здесь достигается не через директивное воздействие, а через распределение функций, согласование интересов и институциональное закрепление форм взаимодействия между разнородными субъектами. Неопределенность при этом не устраняется полностью - она становится структурным элементом системы, требующим специальных механизмов управления.

Экономическая безопасность в такой логике приобретает двойственный характер. С одной стороны, она выступает целью управленческих усилий. С другой – оказывается побочным эффектом сложных процессов координации, в ходе которых формируются устойчивые институциональные связи. Поэтому метакорпоративный менеджмент можно рассматривать и как инструмент управления безопасностью, и как среду, в которой безопасность становится возможной.

На практике метакорпоративный менеджмент нередко берет на себя функции, с которыми по отдельности не справляются ни рынок, ни государство. Рыночные механизмы плохо приспособлены для производства безопасности как общественного блага, а государственные структуры зачастую слишком бюрократизированы. Гибридные формы координации соединяют оперативность и гибкость частных структур с ресурсами и полномочиями государства, формируя адаптивные контуры безопасности.

3. Негосударственные институты безопасности как элементы метакорпоративных контуров

Рассмотренные в предыдущем разделе механизмы метакорпоративной координации в полной мере проявляют себя в деятельности негосударственных структур безопасности. Именно здесь самоорганизация отрасли обретает зримые организационные формы.

Роль негосударственных структур безопасности традиционно трактовалась достаточно узко - как деятельность частных охранных, детективных и консалтинговых предприятий, ориентированная на защиту имущества, информации и инфраструктуры. Однако сегодня их функции существенно расширяются, и прежние трактовки уже недостаточны.

Негосударственные структуры все активнее встраиваются в стратегическое управление рисками, комплаенс, защиту интеллектуальной собственности, анализ угроз. Их работа перестает быть чисто технической и приобретает институциональный вес, влияя на структуру экономических связей и уровень доверия между игроками.

В малом и среднем бизнесе такие структуры часто берут на себя функции, выходящие далеко за рамки охраны. По наблюдениям автора, в одном из московских ресторанных холдингов охранный холдинг не только обеспечивал физическую защиту, в т.ч. выезд ГБР по «тревожной кнопке», но и разработал систему внутреннего контроля, проводил обучение персонала по выявлению мошеннических схем с платежными терминалами, участвовал в аудите уязвимостей CRM-системы. Фактически речь шла о комплексном консалтинге по управлению рисками.

В крупном корпоративном секторе негосударственные структуры интегрируются в распределенные системы управления рисками, сохраняя определенную автономию. Это позволяет им работать в качестве посредников между бизнесом и внешней средой. То есть там, где корпоративным службам безопасности действовать официально затруднительно.

Особый интерес представляет роль негосударственных институтов на уровне отраслей и регионов. В ряде случаев именно они обеспечивают устойчивость экономических взаимодействий в условиях институциональной нестабильности, выполняя функции буферов между государственными структурами и бизнесом.

Рынок такси после регулирования 2023 года – характерный пример. Агрегаторы (по сути, негосударственные структуры) вынуждены были взять на себя проверку водителей, страхование ответственности, контроль технического состояния машин – функции, которые должно выполнять государство, но не может в силу ограниченности ресурсов. Возникла устойчивая экосистема, где безопасность поездок обеспечивается алгоритмами и службами поддержки агрегаторов.

Эволюция негосударственных институтов безопасности демонстрирует устойчивую тенденцию: от выполнения точечных охранных функций они переходят к комплексному сопровождению бизнес-процессов. Современное предприятие безопасности выступает не просто исполнителем договора на

физическую охрану, а партнером по управлению рисками, выстраиваясь в стратегический контур управления компанией.

О.В. Климочкин в своем исследовании справедливо отмечает: изначальная двойственность частной охранной деятельности - правоохранительная и коммерческая составляющие - предопределила ее сложную институциональную природу [3]. Эта внутренняя двойственность позволяет негосударственным структурам функционировать на пересечении интересов бизнеса, общества и государства, выступая элементом не только рынка, но и более широкой системы национальной безопасности.

4. Метакорпоративная логика устойчивости

Устойчивость социально-экономических систем традиционно связывается с макроэкономическими показателями, уровнем институционального развития и эффективностью государственного управления. Однако в условиях сетевой экономики эти критерии работают плохо: устойчивость все чаще формируется в пространстве межорганизационных взаимодействий и не сводится к результатам деятельности отдельных институтов.

В этом контексте метакорпоративный менеджмент выступает механизмом, обеспечивающим согласование разнонаправленных интересов и предотвращение системных разрывов. Его значение - не в устранении противоречий, а в их институционализации и переводе в управляемую форму.

Логистика крупных ретейлеров в 2021–2022 годах демонстрирует эту логику. В условиях сбоя поставок безопасность цепочек обеспечивалась не единым центром, а множеством субъектов: собственные службы безопасности ретейлера, нанятые ЧОО для охраны складов и транспорта, страховые компании, таможенные брокеры. Каждый выполнял свою функцию, и устойчивость возникала как сумма этих усилий.

В цифровых платформах типа VK наблюдаются аналогичные процессы. Безопасность экосистемы держится не только на внутренних отделах информационной безопасности, но и на внешних пентестерах, компаниях по анализу трафика, юристах, отслеживающих комплаенс, модераторах контента. Границы ответственности размыты, но система функционирует.

Однако такая модель несет не только преимущества, но и риски. Расширение числа субъектов безопасности может приводить к фрагментации управленческих функций и снижению эффективности контроля. Некоторые

исследователи (в частности, А.М. Воронов) в своем анализе подчеркивают: законодательство о частной охране, принятое более тридцати лет назад, уже не отвечает реалиям. Правовая и институциональная неопределенность, размытость границ ответственности между государственными и частными структурами требуют принципиально новых подходов к регулированию [4].

Соглашаясь в диагностике проблемы, замечу, что именно развитие новых форм координации – таких как метакорпоративный менеджмент – становится условием превращения потенциальных рисков фрагментации в преимущества адаптивной распределенной системы. Для негосударственной системы безопасности эта проблема стоит особенно остро: при размытости границ ответственности между государственными и частными структурами именно неформальные и полужформальные механизмы координации, описанные выше, удерживают систему от распада. Пока законодательство отстает от жизни, именно неформальные и полужформальные механизмы координации удерживают систему от распада.

5. Цифровизация и переосмысление границ безопасности

Цифровизация существенно трансформирует и спектр угроз, и способы работы с ними. Как показывают исследования последних лет, в цифровой среде старые риски не исчезают, а наслаиваются друг на друга: экономические сбои влекут информационные, информационные порождают социальные. Возникают гибридные угрозы, под которые традиционные управленческие модели не заточены [5]. Разделять такие риски по ведомственным или отраслевым границам становится бессмысленно – нужны комплексные решения с участием государства, бизнеса и профильных структур.

В этих условиях негосударственные институты безопасности трансформируются в акторов, способных влиять не только на уровень защищенности отдельных объектов, но и на архитектуру экономических взаимодействий в целом.

В сфере финансовых технологий это особенно заметно. При развитии системы быстрых платежей ЦБ РФ безопасность транзакций обеспечивалась не только госструктурами. Ряд компаний (в профессиональном сообществе назывались InfoWatch и Solar Security) участвовали в разработке систем антифрода, проводили аудит уязвимостей банковских приложений, помогали

формировать стандарты защиты данных. Доверие к цифровым финансовым инструментам сегодня строится во многом на их работе.

Расширение функций негосударственных институтов усиливает институциональную неопределенность. Возникает вопрос о границах их ответственности, о соотношении их деятельности с государственным регулированием, о формах институционального закрепления их роли в системе экономической безопасности.

Полагаю, именно метакорпоративный менеджмент станет той формой управления, в рамках которой будет происходить институциональное оформление новых контуров экономической безопасности. Это потребует как расширения теоретического фундамента [1], так и осмысления практического опыта, накопленного отраслью [3], и преодоления устаревших правовых конструкций [4].

Цифровизация добавляет в субъектное поле безопасности новых игроков. IT-корпорации, специализированные киберкомпании, платформенные структуры дополняют, а иногда и вытесняют традиционные предприятия негосударственной безопасности. Когда в 2024 году произошла серия DDoS-атак на российские государственные информационные системы, их отражением занимались не только специалисты госструктур. Частный бизнес работал в связке с государством, границы между корпоративной тайной, коммерческой услугой и стратегическим национальным интересом оказались несколько размыты. В этой связи способность к метакорпоративной координации становится критическим фактором сохранения устойчивости всей экономической системы.

Аналогичные процессы интеграции отдельных ЧОО и холдинговых структур наблюдаются и в «традиционных» сегментах негосударственной системы безопасности, где цифровизация постепенно меняет и спектр услуг, и характер угроз, требуя все более сложных форм метакорпоративного взаимодействия.

Заключение

Проведенный анализ, как представляется, позволяет говорить о метакорпоративном менеджменте не как о теоретической конструкции, а как о реально работающем механизме экономической безопасности. Его суть - не в иерархическом контроле, а в координации разнородных субъектов и институтов.

Негосударственные структуры безопасности при таком подходе оказываются не второстепенными игроками, а необходимыми элементами метакорпоративной архитектуры – без них устойчивость современной экономики вряд ли достижима.

Эмпирические наблюдения – от логистики параллельного импорта до обеспечения безопасности цифровых платформ – подтверждают: сегодня экономическая безопасность все реже возникает внутри отдельной организации или ведомства. Она складывается в пространстве взаимодействий, где устойчивость держится на способности участников (часто вопреки обстоятельствам) согласовывать интересы.

Если признать, что прежние представления о безопасности требуют пересмотра [1], но при этом не закрывать глаза на риски правовой неопределенности [4], то метакорпоративный менеджмент оказывается не альтернативой государству или рынку, а тем, что возникает там, где ни тот, ни другой по отдельности не справляются. И в этом смысле он скорее симптом усложнения экономической реальности, чем панацея.

Остаются открытые вопросы. Как оценивать эффективность распределенной системы, где нет единого центра ответственности? Где предел самоорганизации, за которым координация сменяется хаосом? Насколько легитимны неформальные механизмы, на которых часто держится метакорпоративное взаимодействие? Ответы на них требуют уже не теоретизирования, а конкретных эмпирических исследований. Возможно, это следующая задача.

Список источников:

1. Кузнецова Е.И. Стратегическое управление экономической безопасностью государства: монография. Москва: РУСАЙНС, 2017. 216 с.
2. Мачнев М.С. Этика метакорпоративного менеджмента // XXI век: духовно-нравственное и социальное здоровье человека: сборник трудов. Москва: МГУКИ, 2001. С. 205–207.
3. Климочкин О.В. Частная охранная деятельность в Российской Федерации: особенности экономического развития и нормативно-правового регламентирования: монография / Науч.-исслед. центр «Безопасность», Фин. ун-т при Правительстве Рос. Федерации. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2020. 260 с.
4. Воронов А.М. Негосударственная сфера обеспечения общественной безопасности: теоретико-правовые концепты // Вестник экономической безопасности. 2023. №

4. С. 34–38. URL: <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-4-34-38> (дата обращения: 20.01.2026).
5. Афанасьев А.А. Управление рисками в цифровой экономике: монография. Москва: Проспект, 2022. 180 с.

УДК: 338

Морозова Ольга Михайловна

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака
аспирант

Барабанова Марина Ивановна – научный руководитель

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака
проректор по учебно-методической работе
кандидат экономических наук, доцент

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО РЕЖИМА В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК ДЛЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Аннотация:

В условиях современной экономики национальный режим в государственных закупках становится ключевым фактором поддержки отечественных производителей, симулирующих технологический прогресс. Для совершенствования применения национального режима необходимо оптимизировать нормативно-правовую базу и расширить перечень товаров российского производства. Национальный режим играет одну из ключевых ролей в укреплении экономической безопасности в образовательном учреждении, региона и страны в целом. Важность данной темы актуальна для бюджетных организаций, работающих в Санкт-Петербурге, что иллюстрирует стремление властей к эффективному использованию бюджетных средств и минимизации рисков коррупции. Данная статья направлена на исследование проблематики применения национального режима, прозрачности закупок, ее значимости для экономической безопасности и рассмотрение существующих практик в бюджетных организациях.

Ключевые слова:

Национальный режим, государственные закупки, субъект малого предпринимательства, прозрачность закупок, экономическая безопасность.

UDC: 338

Morozova Olga Mikhailovna

Russian Federation, St. Petersburg

International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak

Postgraduate student

Barabanova Marina Ivanovna – scientific supervisor

Russian Federation, St. Petersburg International

Banking Institute named after Anatoly Sobchak,

Vice-Rector for Educational and Methodological Work

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC ASPECTS OF THE APPLICATION OF THE NATIONAL REGIME IN THE SPHERE OF PUBLIC PROCUREMENT FOR EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Abstract:

In today's economic climate, national treatment in public procurement is becoming a key factor in supporting domestic producers who are pursuing technological progress. To improve the application of national treatment, it is necessary to optimize the regulatory framework and expand the range of Russian-made goods. National regime plays a key role in strengthening economic security in educational institutions, regions, and the country as a whole. The importance of this topic is particularly relevant for public organizations operating in St. Petersburg, illustrating the authorities' commitment to the efficient use of budget funds and minimizing the risk of corruption. This article examines the application of national regime, procurement transparency, and its importance for economic security, as well as current practices in public organizations.

Keywords:

National regime, public procurement, small business entity, procurement transparency, economic security.

Санкт-Петербург является «передовиком» экономической цифровизации во многих отраслях. Одной из таких отраслей является и сфера государственных закупок. В динамично изменяющейся экономике, политике, нормативно-правовой базе, в сфере государственных закупок, заказчику необходимо обладать высокой компетентностью, глубокими знаниями и опытом. Национальный режим в государственных закупках – это серьезное испытание как для заказчиков, так и для бизнеса. Однако, автор считает, что при правильной подготовке и использовании новых возможностей компании смогут успешно адаптироваться к новым условиям и увеличить свою долю на рынке государственных закупок, государственные образовательные учреждения смогут наиболее эффективно расходовать бюджетные средства, поддерживая

предприятия Российской Федерации. Условия на рынке, к сожалению, нельзя охарактеризовать как стабильные и устойчивые. Экономика переживает сложную ситуацию. Данная проблематика обусловлена внутренними и внешними процессами и факторами, например, ухудшение отношений с зарубежными странами, санкциями, колебаниями курса валют, обострением финансовых рисков, отсутствием новых высокотехнологических производств, модернизацией, кадровым голодом, внедрением цифровизации и искусственного интеллекта, проведение специальной военной операции.

Автор считает, что необходимо разобрать понятие «национальный режим». Национальный режим – это система ограничений, запретов и преференций, установленная законодательством (ФЗ-44 и ФЗ-223) для приоритетной закупки товаров из РФ и стран ЕАЭС. Главная цель - поддержка отечественных производителей, импортозамещение и обеспечение технологического суверенитета.

Основные механизмы национального режима (согласно единому Постановлению Правительства РФ №1875 с 2025г.):

- Запрет. Заказчик обязан отклонить заявку с иностранным товаром, если есть хотя бы одна заявка с отечественным товаром.
- Ограничение допуска (правило «второй лишней»/ «третий лишней»): Импортную продукцию закупят, только если не предложено предложений из ЕАЭС).
- Преимущества: Ценовое предложение с российским товаром может быть приравнено к более выгодному при оценке заявок (например, ценовые преференции 15%).

С 1 января 2025 года правила унифицированы: действуют единые требования как для государственных, так и для корпоративных закупок, основанные на Постановлении Правительства РФ от 23.12.2024 №1875.

Национальный режим в закупках является фундаментальным механизмом, обеспечивает приоритет отечественных товаров в государственных закупках. Он формирует основу для поддержки национального производителя, что особенно важно в условиях глобальных экономических вызовов и санкций. Введение и закрепление национального режима способствует развитию локальной индустрии, защищая внутренний рынок от избыточной зависимости от

импортной продукции, и создает предпосылки для повышения качества и конкурентоспособности российских товаров на всех уровнях закупок.

Конечно, в практике встречаются и абсурдные ситуации. Например, в одном из ВУЗов РФ, Заказчиком было закуплено оборудование из российского промышленного реестра товаров, но ЧПУ для оборудования было из КНР. Заказчик пользовался оборудованием год. Но, при проверке, Заказчика оштрафовали и выдали предписание - вернуть оборудование Поставщику. Некорректно применен национальный режим, так как оборудование и ЧПУ должно быть все из реестра промышленного товара, но такое ЧПУ в РФ не производят и разрешения на закупку товара иностранного происхождения не удалось получить в короткие сроки.

С 2014 года, уже 12 лет, в РФ активно укрепляется законодательное поле, направленное на приоритет РФ товаров и производителей в сфере государственных и муниципальных закупок. Чтобы обеспечить стабильное развитие национальной экономики, правительство ввело ряд нормативных актов, которые усилили позицию отечественных поставщиков, особенно в стратегически важных секторах, таких как образование. Образовательные учреждения, являясь крупными потребителями товаров и услуг, поддерживают эту политику, способствуя развитию инфраструктуры отечественного производства и расширению ассортимента высококачественной продукции, отвечающей потребностям школ, вузов, и иных учебных учреждений.

В течении 2025 и 2026гг. неоднократно менялось законодательство. В Постановление Правительства РФ № 1875 от 23.12.2024г. внесли корректировки, касающиеся правил нацрежима и реестров Минпромторга.

Структура госзакупок и поддержка отечественных производителей регулируются точечными нормативными актами — Постановления Правительства № 102 и № 878 (ограничения на допуск импорта, защита внутреннего рынка и стимулирование импортозамещения). Дополнительным локальным актом выступает Приказ Минфина № 126н (обязательства участников подтверждать страну происхождения товаров сертификатами СТ-1). Это дает гарантию, что представленный товар относится к отечественной продукции.

Экономический эффект по нескольким направлениям дает изменение законодательства в рамках «национального режима»:

1. Оптимизация бюджетов. Экономия средств при закупках для образовательных учреждений позволяет эффективнее распределять государственное финансирование.

2. Развитие импортозамещения. Реальная поддержка локальных фабрик и заводов стимулирует разработку аналогов зарубежной продукции.

3. Укрепление промышленности. Размещение заказов на российских предприятиях усиливает производственно-техническую базу страны.

4. Надежное партнерство. Формируются долгосрочные и предсказуемые связи с пулом проверенных контрагентов.

5. Безопасность поставок. Минимизируются логистические риски, гарантируются строгое соблюдение сроков и стабильно высокое качество.

6. Здоровая конкуренция. Открытые и понятные правила игры стимулируют отечественных участников бороться за качество и снижать цены.

7. Финансовая устойчивость. Приоритет российских поставщиков стабилизирует внутренние экономические процессы.

За последние несколько лет существенно поднялся рост доли российских товаров в закупках образовательного сектора (рисунок 1) представлены Министерством финансов и Казначейства России.

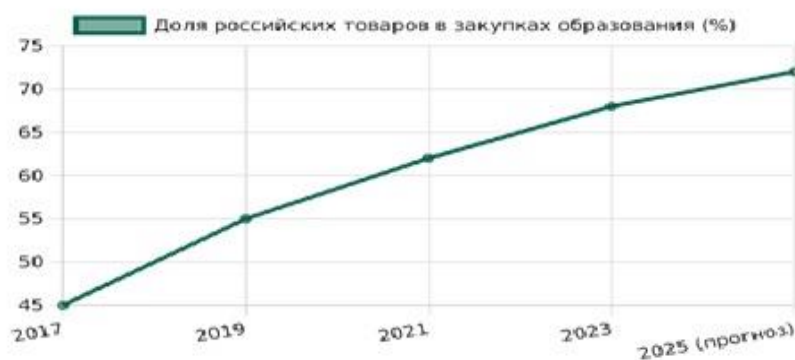

Рисунок 1 – Сравнительный анализ закупок отечественных товаров по годам

Внедрение инновационной продукции отечественных производителей положительно сказывается на качестве образования и инфраструктуры учреждений. Экономия бюджетных средств, обусловлена не только снижением закупочных цен, но и улучшением логистики, и снижением внешних рисков,

связанных с валютными колебаниями. Такая динамика подтверждает эффективность политики национального режима и необходимость дальнейшего ее развития (рисунок 2).

Год	Доля отечественных товаров	Экономия (млн руб)	Отеч. поставщики	Иностр. поставщики	Инновации (%)
2021	42%	120	85	40	18
2023	56%	210	110	30	35
2025	68%	350	150	20	50

Рисунок 2 –Динамика доли российских товаров в государственных закупках

Укрепление национального режима, из анализа данных Министерства финансов подтверждает, увеличение доли отечественной продукции. Способствует внедрению современных технологий и повышению качества закупок.

При внедрении национального режима в закупках используется алгоритм, который гарантирует соблюдение требований законодательства:

1 шаг – определение необходимости закупки (инициатор направляет руководителю служебную записку с обоснованием закупки подбирается код ОКПД2, и товар проверяется на соответствие критериям отечественного происхождения и другим нормам закупочного законодательства).

2 шаг – сбор коммерческих предложений (проверяются сертификаты страны происхождения и приоритет отдается российским производителям). Финальный выбор поставщика происходит только после комплексной оценки рисков.

Такой алгоритм делает закупки прозрачными, исключает коррупционные риски и гарантирует точное исполнение госконтрактов. Это критически важно для сферы образования, где от строгого соблюдения сроков и качества продукции напрямую зависит учебный процесс.

Но проведение процедуры закупок занимает большое количество времени и не всегда можно найти необходимый товар в реестре промышленных товаров, что в свою очередь, несет дополнительные трудовые затраты.

Автор дает рекомендации по улучшению применения национального режима:

- усиление анализа и мониторинга применения национального режима на всех этапах закупок;
- внедрение экономического моделирования для прогнозирования влияния решений;
- разработка адаптивных нормативных актов с учетом международного опыта;
- совмещение национальных интересов с принципами открытой конкуренции и прозрачности;
- повышение квалификации и ответственности государственных заказчиков.

Национальный режим в закупках становится ключевым фактором поддержки отечественных производителей и стимулирования технологического прогресса в образовательных организациях. Для дальнейшего совершенствования необходимо продолжать нормативную оптимизацию и расширять перечень российских товаров, включенных в приоритетные закупки. Внедрение современных информационных, аналитических систем и искусственного интеллекта обеспечивает прозрачность, повышает контроль и снижает риски злоупотреблений в закупочной деятельности. В результате реализуемых мер достигается более эффективное использование бюджетных средств, что способствует росту экономики в целом, развитию конкуренции и участию представителей малого и среднего предпринимательства, а также улучшению качества товаров и услуг в сфере образования.

Список источников

1. Федеральный закон от 05.04.2013 №44-ФЗ "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд".
2. Постановление Правительства РФ от 27.04.2015 №878 "О мерах по обеспечению приоритетного развития российского производства и технологического суверенитета".
3. Приказ Министерства финансов РФ от 15.07.2015 №126н "Об утверждении порядка подтверждения страны происхождения товаров посредством сертификата соответствия СТ-1".
4. Отчет Министерства финансов РФ "О состоянии и развитии системы государственных закупок", 2023.

5. Иванов С.В. Национальный режим в государственных закупках: правовые и экономические аспекты. – Москва: Юстицинформ, 2021.
6. Обзор практики рассмотрения жалоб на действия (бездействие) заказчика, уполномоченного органа (учреждения), специализированной организации, комиссии по осуществлению закупок, должностного лица контрактной службы, контрактного управляющего, оператора электронной площадки при проведении закупок в соответствии с положениями Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (декабрь 2025 года) // СПС КонсультантПлюс. 2025.
7. АИС ГЗ: Электронный магазин. URL: <http://estore.gz-spb.ru/> (дата обращения: 25.04.2026)
8. Зинин А.Л. Презентация. Совершенствование системы закупок // URL: <https://www.nrpz.ru/nrpz2024> (дата обращения 25.04.2026)

УДК: 332.146.2:338.24

Пышко Елена Валерьевна

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака
аспирант

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Аннотация:

Исследована роль социальной инфраструктуры национальных корпораций в обеспечении экономической безопасности и устойчивости регионов. Выделены базовые характеристики и функциональные блоки инфраструктуры, проанализированы механизмы снижения региональных рисков.

Ключевые слова:

Национальные корпорации, социальная инфраструктура, экономическая безопасность, устойчивое развитие, региональная экономика, социально-экономические системы.

UDC: 332.146.2:338.24

Pyshko Elena Valerevna

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak

Postgraduate student

THE ROLE OF NATIONAL CORPORATIONS' SOCIAL INFRASTRUCTURE IN ENSURING ECONOMIC SECURITY AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF REGIONS

Abstract:

The role of national corporations' social infrastructure in ensuring economic security and regional stability is studied. Basic characteristics and functional blocks are identified, and mechanisms for reducing regional risks are analyzed.

Keywords:

National corporations, social infrastructure, economic security, sustainable development, regional economy, socio-economic systems.

В условиях нарастающей геополитической нестабильности и волатильности мировых рынков вопросы обеспечения экономической безопасности и поддержания устойчивости региональных систем приобретают стратегическое значение для национальной экономики [1]. Особая роль в данных процессах отводится национальным корпорациям, которые выступают не только центрами промышленного роста, но и ключевыми субъектами формирования социальной среды в регионах присутствия [2].

Актуальность исследования обусловлена тем, что в современной парадигме устойчивого развития социальная инфраструктура корпоративного сектора перестает рассматриваться исключительно как сфера непроизводственных затрат. Напротив, она становится фундаментальным фактором воспроизводства человеческого капитала, минимизации социальных рисков и укрепления экономической безопасности территорий. Состояние объектов здравоохранения, образования, спорта и жилищно-коммунального хозяйства, находящихся на балансе или в сфере инвестиционных интересов крупных корпораций, напрямую детерминирует уровень социальной напряженности и инвестиционную привлекательность регионов.

В современной экономической литературе дискуссия о границах ответственности бизнеса смещается от концепции максимизации прибыли к теории заинтересованных сторон (стейкхолдеров). Для национальных корпораций, оперирующих в стратегически значимых отраслях, социальная инфраструктура становится инструментом согласования интересов государства, региональных властей и локальных сообществ. Важно отметить, что в условиях санкционного давления и необходимости импортозамещения, социальные инвестиции корпораций выполняют роль стабилизатора, поддерживающего воспроизводство трудовых ресурсов в условиях ограниченного доступа к внешним технологиям и капиталу [3,4].

В современной экономической науке понимание роли крупного бизнеса в развитии территорий претерпело существенную трансформацию. Переход от концепции «экономизма», где единственной целью корпорации провозглашалось извлечение прибыли, к парадигме социально ориентированного управления обусловлен усложнением связей внутри социально-экономических систем. В центре этого процесса стоит теория заинтересованных сторон (стейкхолдерский подход), согласно которой

устойчивое развитие корпорации невозможно без учета интересов широкого круга субъектов: от сотрудников и акционеров до региональных органов власти и местных сообществ [5].

Национальные корпорации, обладая колоссальными ресурсными возможностями, в рамках стейкхолдерского подхода рассматриваются как институциональные центры ответственности. В данном контексте их социальная инфраструктура выступает не как совокупность вспомогательных объектов, а как стратегический интерфейс взаимодействия с региональной средой. Для обеспечения экономической безопасности региона принципиально важно, чтобы интересы корпорации (получение квалифицированных кадров, лояльность населения, политическая поддержка) совпадали с целями регионального развития (рост благосостояния, социальная стабильность, демографическая устойчивость) [6].

Особую значимость приобретает концепция «создания общих ценностей», согласно которой, корпоративные инвестиции в социальную инфраструктуру (здравоохранение, образование и городскую среду) не являются благотворительностью в чистом виде, а являются инструментом повышения конкурентоспособности территории и самой компании, например, развитие качественной медицины в месте присутствия корпорации напрямую снижает производственные потери от заболеваемости персонала и текучести кадров, что укрепляет финансово-экономическую устойчивость системы [7].

В российских условиях данная теоретическая модель дополняется спецификой социального партнерства в условиях ограниченности бюджетного финансирования на уровне региона, когда национальные корпорации принимают на себя обязательства по поддержанию социальной сферы, которые традиционно относятся к функциям государства, в связи с чем социальная инфраструктура становится материальным воплощением социального контракта между государством, бизнесом и обществом, являясь ключевым условием минимизации рисков и обеспечения комплексной безопасности региональных социально-экономических систем [8].

Несмотря на наличие фундаментальных трудов в области региональной экономики, механизмы сопряжения корпоративной социальной политики с государственными приоритетами обеспечения экономической безопасности остаются недостаточно концептуализированными. Существует объективная

необходимость в уточнении базовых характеристик социальной инфраструктуры национальных корпораций и выявлении её функциональной роли в поддержании финансовой и социально-экономической устойчивости региональных систем.

Целью настоящей статьи является анализ влияния институциональных и инфраструктурных параметров национальных корпораций на формирование вектора устойчивого развития регионов, а также обоснование значимости социальной компоненты в системе обеспечения национальной экономической безопасности.

Базовые характеристики и функциональная структура социальной инфраструктуры национальных корпораций

Исследование природы социальной инфраструктуры в контуре национальных корпораций требует отхода от упрощенного понимания её как совокупности материальных объектов. В контексте обеспечения устойчивости региональных систем её следует рассматривать как многофункциональный комплекс, интегрированный в производственно-хозяйственную деятельность и направленный на минимизацию экстернальных рисков.

Систематизация базовых характеристик социальной инфраструктуры в контексте корпоративного управления представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Базовые характеристики социальной инфраструктуры национальных корпораций (далее СИ НК)

Характеристика	Содержание и специфика проявления	Влияние на развитие региона
Институциональная преемственность	Трансформация объектов, сформированных в период плановой экономики, из категории «социальных издержек» в стратегические активы.	Обеспечение стабильности социальной среды на базе исторически сложившихся инфраструктурных узлов.
Пространственная локализация	Концентрация объектов инфраструктуры в местах присутствия корпорации; частое выполнение градообразующих функций.	Формирование прямой зависимости безопасности региона от финансово-экономического состояния корпорации.
Инвестиционная дуальность	Двойственная природа затрат: текущие непроизводственные расходы одновременно являются вложениями в человеческий капитал.	Повышение производительности труда и инновационного потенциала региональной экономики в долгосрочной перспективе.

Источник: *составлено автором*

Данные таблицы позволяют сделать вывод о том, что социальная инфраструктура является связующим звеном между финансовой эффективностью корпорации и социально-экономической устойчивостью территории.

Для более детального изучения механизмов влияния корпоративного сектора на региональную устойчивость целесообразно классифицировать элементы инфраструктуры по их функциональному назначению (см. табл. 2).

Таблица 2 – функционально-блочная структура социальной инфраструктуры корпораций в системе обеспечения безопасности региона

Функциональный блок	Состав объектов	Целевая установка (роль в безопасности и устойчивости)
Витальный	Медицинские центры, профилактории, системы охраны труда и промышленной безопасности.	Физическое воспроизводство и сохранение трудового потенциала; минимизация демографических рисков в регионе.
Развивающий	Корпоративные университеты, R&D-центры, технические библиотеки, учебные полигоны.	Формирование инновационной составляющей безопасности; развитие интеллектуального капитала и технологический суверенитет.
Рекреационно-стабилизирующий	Спортивные комплексы, дворцы культуры, ведомственные базы отдыха, парковые зоны.	Снижение социальной напряженности; профилактика деструктивного поведения; удержание квалифицированных кадров на территории.

Источник: *составлено автором*

Распределение объектов по представленным блокам демонстрирует комплексный характер воздействия национальных корпораций на социально-экономическую систему, от обеспечения базовых физиологических потребностей работников до формирования высокотехнологичной образовательной среды.

Таким образом, специфика корпоративной социальной инфраструктуры заключается в её способности выступать медиатором между экономическими интересами бизнеса и социальными потребностями региона, что создает фундамент для формирования системы «безопасного развития», где корпоративные ресурсы дополняют государственные механизмы социальной защиты, создавая эффект синергии в управлении региональными рисками.

Взаимосвязь между состоянием социальной инфраструктуры национальных корпораций и уровнем экономической безопасности региона носит детерминированный характер. В условиях дефицита бюджетных ресурсов корпоративный сектор фактически берет на себя функции по поддержанию устойчивости региональной социально-экономической системы, выступая гарантом социальной стабильности в регионе присутствия, что превращает корпоративную инфраструктуру в значимый инструмент мезоэкономического регулирования.

В современных условиях функциональное наполнение социальной инфраструктуры национальных корпораций претерпевает качественную трансформацию под воздействием процессов цифровизации и необходимости обеспечения технологического суверенитета. Интеграция в структуру корпоративного социального сектора высокотехнологичных образовательных платформ и центров компетенций позволяет формировать гибкие образовательные траектории для персонала, что критически важно для адаптации региональных социально-экономических систем к меняющимся технологическим укладам, поэтому социальная инфраструктура начинает выполнять роль не просто поддерживающей системы, а активного драйвера инновационного воспроизводства, где объекты социальной инфраструктуры сращиваются с технологиями и знаниями, создавая уникальный адаптационный потенциал региона в условиях внешней изоляции.

Систематизация ключевых механизмов, посредством которых СИ НК детерминирует уровень региональной безопасности, представлена в таблице 3.

Таблица 3 – Механизмы влияния корпоративной социальной инфраструктуры на экономическую безопасность региона

Механизм влияния	Содержание и инструменты	Эффект для экономической безопасности (защита)	Эффект для устойчивого развития (развитие)
Амортизация структурных шоков	Корпоративные медцентры, программы социальной поддержки.	Предотвращение резкого падения качества жизни и социальных взрывов в периоды кризисов.	Сохранение базового уровня благополучия населения как фундамента для будущего роста.
Минимизация кадровых рисков	Корпоративные университеты, НИОКР-центры, учебные полигоны.	Ликвидация дефицита квалифицированных кадров и предотвращение технологической деградации.	Формирование интеллектуального потенциала для перехода к

			инновационному типу экономики.
Укрепление финансово-бюджетной устойчивости	Софинансирование проектов ГЧП, инвестиции в региональную среду.	Снижение рисков дефицита регионального бюджета при реализации социальных обязательств.	Повышение общей инвестиционной привлекательности территории и её долгосрочной финансовой автономности.

Источник: *составлено автором*

Представленные механизмы подтверждают, что в современных условиях корпоративная инфраструктура выполняет не только вспомогательную, но и стратегическую функцию в управлении региональными рисками. Несмотря на очевидный позитивный вклад социальной инфраструктуры корпораций в развитие территорий, научная объективность требует рассмотрения потенциальных рисков и структурных ограничений, возникающих в данной модели. Обеспечение экономической безопасности региона предполагает не только использование ресурсов крупного бизнеса, но и превентивное управление угрозами, связанными с чрезмерной зависимостью от корпоративного сектора.

Ключевым риском выступает моноотраслевая зависимость социальной сферы региона. В ситуациях, когда национальная корпорация является единственным или доминирующим субъектом, поддерживающим объекты здравоохранения, образования и ЖКХ, финансовая устойчивость региональной системы оказывается в прямой корреляции с волатильностью мировых товарных рынков. Резкое падение котировок на экспортируемое сырье или введение внешних торговых ограничений неизбежно ведут к секвестру корпоративных социальных программ. Для моногородов и удаленных промышленных узлов, что может означать деградацию жизненно важной инфраструктуры, рост социальной напряженности и, как следствие, подрыв основ региональной экономической безопасности.

Другим значимым аспектом является конфликт институциональных интересов. Национальные корпорации стремятся к оптимизации издержек и повышению операционной эффективности, что в ряде случаев входит в противоречие с потребностями территориального развития. Процессы вывода «непрофильных активов» (детских садов, баз отдыха, поликлиник) с баланса корпораций на баланс муниципалитетов часто не сопровождаются передачей

адекватного объема финансовых ресурсов для их содержания, что создает дополнительную нагрузку на и без того дефицитные региональные бюджеты, снижая их общую устойчивость.

Кроме того, существует риск «инфраструктурного неравенства» внутри самого региона. Концентрация качественных социальных объектов исключительно в местах присутствия корпорации может провоцировать миграционный отток населения из соседних районов, что ведет к усилению территориальных диспропорций и неравномерному распределению населения внутри региона.

Для минимизации указанных рисков и укрепления устойчивости социально-экономических систем необходимо внедрение механизмов диверсифицированного финансирования. Речь идет о переходе от модели прямого содержания объектов корпорациями к развитию инструментов государственно-частного партнерства (ГЧП) и созданию региональных фондов развития, так как такой подход позволит сохранить инфраструктурный каркас региона даже при изменении рыночной конъюнктуры, обеспечивая непрерывность процесса воспроизводства человеческого капитала и долгосрочную экономическую безопасность.

В современных условиях СИ НК трансформируется из вспомогательного элемента бизнес-процессов в базовый институт обеспечения региональной устойчивости, в связи с тем, что она создает «каркас безопасности», который позволяет социально-экономической системе региона сохранять целостность и адаптивность даже в условиях внешнего санкционного давления или макроэкономической нестабильности. Можно констатировать, что СИ НК является фундаментом устойчивого развития современных социально-экономических систем, а её базовые характеристики (институциональная преемственность, пространственная локализация и инвестиционная дуальность) определяют специфику регионального развития. Переход от модели «поддержания социальных объектов» к модели «стратегического управления социальными инвестициями» позволит национальным корпорациям и региональным властям эффективно противостоять внешним и внутренним угрозам экономической безопасности. Тем не менее, несмотря на положительное влияние социальной инфраструктуры, необходимо учитывать риски чрезмерной зависимости региональных систем от финансового благополучия национальных

корпораций, так как в случае ухудшения конъюнктуры на мировых рынках, сокращение корпоративных социальных программ может спровоцировать эффект «домино», подрывая устойчивость социальной сферы региона, поэтому механизмы экономической безопасности должны включать инструменты диверсификации источников финансирования инфраструктуры, где корпоративный сектор выступает ключевым, но не единственным драйвером развития.

Список источников

1. Пастухова К.И. Экономическая безопасность региона: подходы к определению / К. И. Пастухова // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – Т. 12, № 2-1. – С. 67-76. – DOI 10.34670/AR.2022.92.27.008. – EDN UDEARQ.
2. Транснациональные корпорации в глобализации экономики и их воздействие на экономическую безопасность страны / М. П. Посталюк, Г. С. Рахимова, О.А. Шипшова [и др.] // Вестник ТИСБИ. – 2020. – № 1. – С. 86-97.
3. Фесина Е.Л. Национальная и экономическая безопасность: социально-экономические аспекты / Е.Л. Фесина // Russian Journal of Management. – 2019. – Т. 7, № 1. – С. 31-35.
4. Экономическая безопасность в условиях цифровой экономики: коллективная монография / У.А. Алиев, Т.И. Безденежных, И.Ю. Благова [и др.]. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2019. – 196 с. – ISBN 978-5-7310-4529-2. – EDN KIGZON.
5. Печерица Е.В. Кластерный подход к изучению территориальных социально-экономических систем / Е.В. Печерица, Е.Е. Шарафанова // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2013. – № 3(17). – С. 144-150. – EDN RNIMNH.
6. Карпенко Е.М. Государственно-частное партнерство в системе обеспечения экономической безопасности региона / Е.М. Карпенко // Экономическая безопасность. – 2024. – Т. 7, № 10. – С. 2601-2616.
7. Арошидзе А.А. Социальная компонента устойчивого развития предприятий / А.А. Арошидзе // Креативная экономика. – 2020. – Т. 14, № 5. – С. 869-884.
8. Ревкуц А.В., Демченко С.К., Демченко О.С., Подопригора В.Г. Теоретические основы устойчивого развития социально-экономических систем и воспроизводственные процессы экономики // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 12-2. С. 304-308.

УДК: 336.7

Се Фэнци

Российская Федерация, Томск
Томский государственный университет
аспирант

Рыжкова Марина Вячеславовна – научный руководитель

Российская Федерация, Томск
Томский государственный университет
профессор кафедры экономики
кандидат экономических наук, доцент

ИССЛЕДОВАНИЕ САНКЦИОННОГО РИСКА И ОТВЕТНЫХ МЕР В СВЯЗИ С ТРАНСГРАНИЧНЫМИ ПЛАТЕЖАМИ МЕЖДУ КИТАЕМ И РОССИЕЙ

Аннотация:

Цель: изучить риски санкций в кросс-бордерных платежах между Китаем и Россией и разработать меры их преодоления. Задача: проанализировать эволюцию санкций и состояние платежных каналов. Методология: анализ документов, случаев и обобщение. Результаты: выявлены основные проблемы и альтернативные пути оплаты. Вывод: необходимо строить системы комплаенса и использовать диверсифицированные платежные решения.

Ключевые слова:

Трансграничные платежи между Китаем и Россией, санкционный риск, трансграничные расчеты, контроль соответствия требованиям, платежные каналы.

UDC: 336.7

Xie Fengqi

Russian Federation, Tomsk
Tomsk State University
Postgraduate student

Ryzhkova Marina Vyacheslavovna – scientific supervisor

Russian Federation, Tomsk
Tomsk State University
Professor of the Department of Economics
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

RESEARCH ON THE SANCTIONS RISK AND RESPONSE OF CROSS-BORDER PAYMENTS BETWEEN CHINA AND RUSSIA

Abstract:

Objective: to study the risks of sanctions in cross-border payments between China and Russia and to develop measures to overcome them. Task: to analyze the evolution of sanctions and the status of payment channels. Methodology: analysis of documents, cases and generalization. Results: the main problems and alternative payment methods have been identified. Conclusion: it is necessary to build compliance systems and use diversified payment solutions.

Keywords:

Cross-border payments between China and Russia, sanctions risk, cross-border settlements, compliance control, payment channels.

Introduction

After the outbreak of the Russia-Ukraine conflict in 2022, the United States and the European Union continued to expand sanctions on Russia in the fields of finance, energy, technology, and shipping, and used secondary sanctions to deter third-country institutions, and the global flow of Russian-related funds was severely restricted. As a comprehensive strategic cooperation partner in the new era, China and Russia have steadily increased the scale of bilateral trade, and the trade volume will hit a record high in 2024. However, the cross-border payment link has been significantly affected by sanctions: large banks have shrunk their business, border banks have insufficient capacity, transit routes in third countries are blocked, and core Russian banks such as VTB [1] have been included in the sanctions list, and Chinese regional banks such as Heihe Agricultural and Commercial Bank and Suifenhe Agricultural and Commercial Bank have also been sanctioned by the European Union. In this context, China and Russia have accelerated the construction of local currency settlement, payment system interconnection, and multilateral alternative clearing mechanisms. Enterprises urgently need to establish payment solutions and compliance systems adapted to the sanctions environment. Based on public policies and practical cases, this article analyzes the root causes and manifestations of Russian-related payment difficulties in the sanctions environment, and proposes a landing risk response and compliance management plan.

Research methods

1. Literature and policy Research method: Systematically comb through the sanctions against Russia issued by the U.S. Treasury Department OFAC, the Ministry

of Commerce BIS, and the Council of the European Union, list updates, compliance framework documents, and official announcements on bilateral financial cooperation and trade settlement between China and Russia.

2. Case analysis method: Combining practical cases of VTB Bank, Border Agricultural and Commercial Bank, Central Asian Transit Bank, Russian-related export enterprises, etc., to analyze the reasons for payment obstruction and practical pain points.

3. Summary method: Classify and summarize the trends of U.S. and European sanctions, the current situation of settlement between China and Russia, and the response path of enterprises, and refine the core points of compliance control and payment alternatives.

4. Practice-oriented analysis method: Based on the perspective of enterprise management, focus on key needs such as payment security, settlement efficiency, cost control, compliance and exemption from liability, and refine actionable countermeasures.

Results and Discussion

1. The escalation of sanctions against Russia by the United States and Europe and the tightening of settlement channels between China and Russia

(1) The US sanctions system continues to strengthen

With the SDN list, SSI list, and entity list as the core, Russian financial, energy, military, and scientific and technological entities have been frequently added. In 2024, Chinese Russian-related enterprises and border banks have been included in the scope of sanctions many times [2].

Issued Executive Order No. 14114 [3], authorizing the implementation of secondary sanctions on foreign financial institutions that provide services to specific industries in Russia, forming a “long-arm jurisdiction” deterrent.

Focus on sanctions on the Arctic LNG 2 project [4], the UAV industry chain, civilian software and IT services, and restrict Russia's access to key technologies and energy export capabilities.

(2) Extension and expansion of the eighteenth round of EU sanctions

Extend the scope of sanctions from local Russian institutions to third-country anti-avoidance entities, and crypto assets, oil traders, and trade financing companies are included in the supervision.

For the first time, Heihe Agricultural and Commercial Bank and Suifenhe Agricultural and Commercial Bank on the Sino-Russian border were sanctioned, and the grassroots financial settlement channels were under pressure.

(3) Comprehensive tightening of cross-border settlement between China and Russia

Large Chinese-funded banks took the initiative to shrink their Russian-related business, and border banks suspended some cross-border remittances due to old systems, insufficient positions, and lack of compliance models.

Transit routes in Central Asia such as Kazakhstan and Uzbekistan have been blocked, and the payment cycle has been extended to 2-3 weeks. Some banks have stopped transferring business from Russia to China.

The settlement entity has sunk from a large bank to a county-level border agricultural and commercial bank, relying on "small loopholes" to maintain capital flow, and its stability has decreased significantly.

2. The core impact of sanctions on Russian-related trade and payments

(1) Payment channels shrink, efficiency and cost deteriorate

SWIFT channels are limited, traditional remittances are delayed and refunds are frequent, and third-party payment fees have risen to more than 6% of the transaction amount.

Sanctioned bank accounts cannot be used normally, and companies are forced to switch to a high-risk collection and payment model.

(2) Compliance risks spill over to Chinese-funded institutions

The risk of secondary sanctions has forced banks to strengthen manual audits [5], and transaction limits, monitoring lists, and refund mechanisms have greatly increased corporate uncertainty.

The international business capabilities of small and medium-sized banks at the border are insufficient, making it difficult to support stable foreign exchange settlement and tax refund services.

(3) Force the diversification and transformation of the payment system between China and Russia

The bilateral local currency settlement rate exceeds 95%, the CIPS system has become the core support, and the process of RMB internationalization has been passively accelerated [6].

Russia promotes the legalization of digital ruble and virtual currency settlement, and China and Russia explore two-way exchange of payment instruments and barter trade models [9].

BRICS PAY in the BRICS countries has entered the testing phase, and it is expected to systematically solve the bottleneck of cross-border payment after it goes online in the second quarter of 2026.

3. The practical path for enterprises to deal with Russian-related payment difficulties and sanctions risks

(1) Accurately identify risks and control transactions in a hierarchical manner

Dynamically track the OFAC, BIS, and EU sanctions lists, focusing on avoiding cooperation in high-risk fields such as military industry, energy, and Arctic LNG 2.

Isolate U.S. dollar-related elements, reduce the use of U.S. dollar clearing paths, and reduce the probability of triggering secondary sanctions.

(2) Selection of multiple alternative payment solutions

Direct collection to the public: opening an account in a bank such as Russian Foreign trade in Russia, the funds are autonomous and controllable, and the handling fee is low, but the account opening is slow and subject to sanctions.

Third-party collection: time, fast payment return, suitable for small and medium-sized enterprises, but the risk of capital security and compliance is higher.

Border trade bank settlement: Directly open a ruble account, which is suitable for small border trade, but the system and service capabilities are limited.

Barter: Avoid the US dollar and the banking system, balance the local currency fund pool, and standardize the contract and tax refund process.

New payment tools: relying on the mutual visa exemption between China and Russia to promote Alipay/WeChat, strategic and business plans, and MIR card exchanges, payment in the "BRIC countries" has been implemented.

(3) Build a full-process compliance system

Benchmarking the five elements of OFAC compliance and the eight elements of BIS export compliance, establish management commitment, risk assessment, internal control, audit, and training mechanisms.

Improve contract compliance terms, distinguish between global business and Russian business risk appetite, and avoid defaults and joint sanctions.

Keep the documents of the whole process of the transaction, cooperate with supervision and verification, and establish a violation correction and emergency plan.

Conclusion

The US and European sanctions against Russia and secondary sanctions are the core reasons for the dilemma of cross-border payments between China and Russia. The “de-risking” of global finance has further compressed the settlement space, leading to the contraction of payment channels, rising costs, and increased compliance risks. China and Russia have taken the initiative to break the situation by increasing the proportion of local currency settlement, promoting the exchange of payment systems, and building multilateral alternative clearing mechanisms. BRICS PAY, mutual recognition of bilateral payment instruments, and mutual visa exemption policies provide support for long-term solutions. For Chinese companies, to deal with Russian-related payment and sanctions risks, they need to adhere to the principle of “controllable risks, diversified channels, and compliance”: on the one hand, they dynamically track sanctions policies and accurately avoid high-risk areas; on the other hand, they flexibly choose a combination of direct collection, collection, border trade settlement, and barter to ensure the safety and efficiency of collection; at the same time, establish a compliance system adapted to the regulatory requirements of the United States and Europe, balance business development and risk prevention and control, and steadily carry out economic and trade cooperation with Russia.

References

1. U.S. Department of the Treasury. SDN List Updates: Additions for VTB Shanghai and VTB Hong Kong, June 12, 2024. URL: <https://sanctionslist.ofac.treas.gov/Home/SdnList> (дата обращения: 03.03.2026).
2. U.S. Department of the Treasury. Expanded Sanctions on MOEX, NSD, NCC and Affiliates, June 12, 2024. URL: U.S. Sanctions Russian Financial Infrastructure (дата обращения: 04.03.2026).
3. U.S. Department of the Treasury. Executive Order 14114–Taking Additional Steps With Respect to the Russian Federation's Harmful Activities, December 22, 2023. URL: [DCPD-202301146.pdf](https://www.dcpd-202301146.pdf) (дата обращения: 04.03.2026).
4. U.S. Department of the Treasury. Sanctions on Chinese Entities Linked to Arctic LNG 2 and Advanced Manufacturing Transfers, May 1, 2024. URL: <https://sanctionssearch.ofac.treas.gov/> (дата обращения: 04.03.2026).
5. Ministry of Commerce of the PRC. “Joint Statement of the 29th Regular Prime Ministers’ Meeting between China and Russia”, August 21, 2024. URL: <https://www.tranalysis.com/news/news-detail/joint-communique-of-the-th-regular-meeting-between-the-prime-ministers-of-china-and-russia-full-text-2024-08-22> (дата обращения: 06.03.2026).

6. International Monetary Fund. IMF Executive Board Completes Review of SDR Currency Basket, May 2022. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2022/05/14/pr22159-imf-executive-board-completes-review-of-sdr-currency-basket> (дата обращения: 07.03.2026).

7. Президент России. Федеральный закон от 31.07.2024 №268-ФЗ "О международных расчетах с использованием цифровых активов", Официальный интернет-портал правовой информации (дата обращения: 07.03.2026).

УДК: 332.122

Соловьева Ольга Денисовна

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака
аспирант

Шарафанова Елена Евгеньевна – научный руководитель

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака
профессор кафедры экономики, управления и предпринимательства
доктор экономических наук, профессор

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Аннотация:

В статье рассматриваются особенности обеспечения экономической безопасности Арктической зоны Российской Федерации. Целью исследования является анализ экономической безопасности Арктической зоны Российской Федерации с позиций национального и регионального уровней. В рамках работы поставлены и решены следующие задачи: определение роли Арктической зоны Российской Федерации в системе национальной экономической безопасности, определение особенностей региональной экономической безопасности арктических субъектов, а также выявление ключевых угроз экономической безопасности и рассмотрение основных направлений ее обеспечения. Методологическую основу исследования составили анализ научной литературы, нормативно-правовых и стратегических документов Российской Федерации, а также методы сравнительного и системного анализа. В результате исследования установлено, что экономическая безопасность Арктической зоны Российской Федерации определяется ее ресурсным, транспортно-логистическим и геополитическим потенциалом, а также совокупностью природно-климатических и социально-экономических факторов. Обоснована необходимость анализа экономической безопасности Арктической зоны Российской Федерации одновременно с позиций национального и регионального уровней. Сделан вывод о том, что обеспечение экономической безопасности арктических территорий требует реализации комплексной государственной политики, направленной на развитие инфраструктуры, научно-технологического потенциала, международного сотрудничества и устойчивого социально-экономического развития арктических регионов.

Ключевые слова:

Арктическая зона Российской Федерации, национальная экономическая безопасность, региональная экономическая безопасность, угрозы экономической безопасности, социально-экономическое развитие.

UDC: 332.122

Solovyeva Olga Denisovna

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoly Sobchak

Postgraduate student

Sharafanova Elena Evgenevna – scientific supervisor

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoly Sobchak

Professor of the Department of Economics, Management and Entrepreneurship

Doctor of Economic Sciences, Professor

ECONOMIC SECURITY OF THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION: NATIONAL AND REGIONAL ASPECTS

Abstract:

The article examines the features of ensuring economic security in the Arctic zone of the Russian Federation. The purpose of the study is to analyze the economic security of the Arctic zone of the Russian Federation from the perspective of national and regional levels. The study addresses the following objectives: determining the role of the Arctic zone of the Russian Federation in the system of national economic security, identifying the specific features of regional economic security in Arctic regions, identifying key threats to economic security and considering the main directions for ensuring it. The methodological basis of the research includes the analysis of scientific literature, regulatory and strategic documents of the Russian Federation, comparative and systemic analysis methods. The results of the study indicate that the economic security of the Arctic zone of the Russian Federation is determined by its resource, transport and logistics, and geopolitical potential, as well as by a set of natural-climatic and socio-economic factors. The necessity of analyzing the economic security of the Arctic zone of the Russian Federation simultaneously from national and regional perspectives is substantiated. It is concluded that ensuring the economic security of Arctic territories requires the implementation of a comprehensive state policy aimed at the development of infrastructure, scientific and technological potential, international cooperation, and sustainable socio-economic development of Arctic regions.

Keywords:

Arctic zone of the Russian Federation, national economic security, regional economic security, economic security threats, socio-economic development.

Обеспечение экономической безопасности выделено в отдельное направление государственной политики, предполагающее разработку и реализацию мер экономического развития и национальной безопасности, нейтрализацию внутренних и внешних вызовов и угроз, а также оценку и мониторинг состояния экономической безопасности на основе стратегических документов. Основная работа по обеспечению экономической безопасности осуществляется преимущественно на федеральном уровне, тогда как на уровне субъектов Российской Федерации данные вопросы разработаны значительно слабее. При этом для отдельных групп территорий, обладающих стратегическим значением, вопросы обеспечения экономической безопасности приобретают не меньшую актуальность [1]. К таким территориям относится и Арктическая зона Российской Федерации, которая представляет собой совокупность субъектов Российской Федерации, что предопределяет необходимость ее рассмотрения одновременно с позиций национального и регионального уровней экономической безопасности.

Согласно Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года под экономической безопасностью понимается «состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации»¹.

Законодательно утвержденного понятия экономической безопасности региона нет, однако в научной литературе существуют различные трактовки данной категории. Анализ существующих подходов показывает, что исследователи рассматривают экономическую безопасность региона через развитие позитивных и сдерживание негативных тенденций, сохранение стабильности и устойчивости общества, системность диагностики и регулирования социально-экономических процессов, а также способность

¹ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. N 208

адаптироваться к внешним и внутренним угрозам [2; 3]. Так, экономическую безопасность региона можно рассматривать как результат реализации комплекса мер, направленных на поддержание устойчивости региональной экономики и обеспечение ее долгосрочного развития в условиях постоянного воздействия внешних и внутренних угроз.

Арктическая зона Российской Федерации является уникальной территорией, расположенной в северной части страны. В соответствии со Стратегией развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года она характеризуется рядом специфических особенностей, оказывающих существенное влияние на социально-экономическое развитие территории. К их числу относятся суровые природно-климатические условия, неравномерность социально-экономического развития и промышленно-хозяйственного освоения, недостаточный уровень развития транспортной и социальной инфраструктуры, высокая чувствительность экологических систем к внешним воздействиям, ресурсно-сырьевая направленность экономики¹. В состав Российской Арктики входят территории 10 субъектов Российской Федерации: полностью Мурманская область, Ненецкий, Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа, частично Республика Карелия, Республика Коми, Республика Саха (Якутия), Красноярский край, Архангельская область и Ханты-Мансийский автономный округ – Югра². Повышенный интерес к арктическим территориям обусловлен их значительным ресурсным, экономическим и транспортно-логистическим потенциалом, что определяет их стратегическую роль в обеспечении национальных интересов Российской Федерации.

Одним из ключевых факторов стратегической значимости российской Арктики является ее природно-ресурсный потенциал. На территории Арктической зоны сосредоточены значительные запасы углеводородных и минерально-сырьевых ресурсов, часть которых в настоящее время остается неосвоенной. С учетом существенной роли энергетического сектора в структуре российской экономики освоение арктических месторождений рассматривается как важное условие поддержания энергетической и экономической безопасности

¹ О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: Указ Президента РФ от 26.10.2020 N 645 (ред. от 27.02.2023)

² О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации: Федеральный закон от 13.07.2020 N 193-ФЗ (ред. от 21.04.2025)

страны. Помимо запасов полезных ископаемых российская Арктика обладает значительными биологическими ресурсами, прежде всего водными биоресурсами, которые формируют основу развития рыбохозяйственного комплекса.

Арктическая зона Российской Федерации также представляет большой интерес благодаря своему географическому положению и транспортно-логистическому потенциалу. В этих условиях особую роль играет развитие Северного морского пути. По мере изменения климатических условий его значение как международного транспортного коридора возрастает. Развитие Северного морского пути позволяет сократить сроки и расходы на транспортировку грузов, а также способствует развитию смежных отраслей экономики, модернизации инфраструктуры и повышению связанности арктических территорий.

Арктика имеет и военно-стратегическое значение для страны. На ее территории расположены объекты военной инфраструктуры, обеспечивающие функционирование морского флота и элементов ядерного потенциала, а также происходит наращивание военного присутствия России в регионе [4]. Контроль над арктическими акваториями и транспортными маршрутами имеет важное значение для обеспечения национальной безопасности государства и защиты его экономических интересов.

Несмотря на стратегическое значение Арктической зоны Российской Федерации, ее развитие сопровождается рядом проблемных аспектов, которые могут выступать угрозами экономической безопасности данной территории.

Одной из особенностей Арктической зоны Российской Федерации является сырьевая направленность ее экономики. В связи с этим устойчивость функционирования арктических территорий и реализация крупных инвестиционных проектов в значительной степени зависят от состояния мирового рынка энергоресурсов [5]. Колебания мировых цен на углеводороды, изменения структуры глобального энергетического рынка и ограничения на экспорт российской энергетической продукции могут оказывать существенное влияние на экономические результаты освоения арктических месторождений и, как следствие, на обеспечение экономической безопасности страны.

Кроме того, в нефтегазовом секторе Арктической зоны наблюдается высокая зависимость от импортных технологий и техники [6]. Международные

санкции ограничили доступ к ряду современных технологий и специализированного оборудования, что усложняет проведение геологоразведочных работ и добычу углеводородов. Ограничение доступа к таким технологиям может замедлять темпы освоения арктических ресурсов и снижать эффективность реализации стратегических энергетических проектов.

Арктика имеет стратегическое значение с экономической, энергетической, транспортной и военной точек зрения, в связи с чем интерес к региону возрастает со стороны циркумполярных государств и стран-наблюдателей. Рост международной конкуренции за ресурсы и транспортные маршруты Арктики может усиливать геополитическую напряженность, что также рассматривается как потенциальная угроза экономической безопасности арктических территорий [7].

Отдельное значение имеют экологические риски. Уязвимость арктических экосистем обусловлена как природными особенностями региона, так и активным развитием добывающих отраслей. Интенсивное освоение природных ресурсов повышает вероятность возникновения техногенных аварий и экологических инцидентов, способных оказать существенное негативное воздействие на окружающую среду. Кроме того, природные и гидрометеорологические процессы могут вызывать чрезвычайные ситуации природного характера, оказывающие влияние на население, хозяйственную деятельность и инфраструктуру. Глобальное изменение климата также оказывает значительное влияние на развитие арктических территорий. С одной стороны, таяние льдов увеличивает проходимость Северного морского пути и расширяет транспортные возможности региона, с другой стороны – создает дополнительные риски для устойчивости инфраструктуры арктических территорий.

Существенное значение для обеспечения экономической безопасности Арктической зоны Российской Федерации имеет уровень развития транспортной и производственной инфраструктуры. В условиях значительной пространственной удаленности населенных пунктов и низкой плотности населения транспортные коммуникации обеспечивают связность территорий, снабжение населенных пунктов и функционирование хозяйственной деятельности. Недостаточное развитие инфраструктуры приводит к росту транспортных издержек и ограничивает возможности социально-экономического развития арктических территорий, оказывая влияние как на

экономическую безопасность Арктической зоны в целом, так и на устойчивость развития отдельных регионов.

На региональном уровне экономическая безопасность арктических территорий во многом определяется особенностями их социально-экономического развития. Для данных регионов характерны низкая плотность населения, значительная территориальная разобщенность населенных пунктов, а также высокая зависимость обеспечения населения и предприятий от поставок товаров и ресурсов из других регионов страны [8]. Существенное влияние на развитие территорий оказывают суровые природно-климатические условия, усложняющие ведение хозяйственной деятельности и повышающие издержки функционирования экономики [9].

Снижение уровня социально-экономического развития является одной из угроз экономической безопасности Арктической зоны Российской Федерации. Данная угроза включает сокращение численности населения, что обусловлено как естественными демографическими процессами, так и миграционным оттоком населения в более благоприятные регионы, высокую стоимость жизни и ограниченность социальной инфраструктуры [5]. Демографические проблемы и отток трудоспособного населения приводят к сокращению кадрового потенциала и усложняют реализацию крупных проектов в арктических регионах.

Еще одной особенностью экономического развития арктических регионов является высокая зависимость локальных рынков труда от деятельности отдельных крупных предприятий. Для ряда населенных пунктов характерна монопрофильная структура экономики, при которой основным работодателем выступает одно градообразующее предприятие. В случае сокращения или прекращения его деятельности возникает риск резкого роста безработицы и ухудшения социально-экономической ситуации [10].

Дополнительным фактором, сдерживающим развитие арктических регионов, является относительно низкий уровень наукоемкости и технологичности региональной экономики. Ограниченное развитие инновационной инфраструктуры и научно-технологического потенциала снижает возможности диверсификации экономики и усиливает зависимость территорий от добывающих отраслей.

Обеспечение экономической безопасности Арктической зоны Российской Федерации требует реализации согласованной государственной политики,

направленной на устойчивое развитие данного макрорегиона. В научной литературе подчеркивается, что ключевая роль в решении задач развития арктических территорий принадлежит государственному управлению и стратегическому планированию на федеральном уровне. В этой связи важным направлением является формирование системы управления обеспечением экономической безопасности, включающей мониторинг социально-экономических процессов, оценку угроз и разработку комплекса мер по их предотвращению и снижению.

На национальном уровне обеспечение экономической безопасности Арктической зоны Российской Федерации связано с реализацией комплекса стратегических направлений развития. К их числу относятся развитие транспортной инфраструктуры и сети арктических территорий, поддержка научно-технологического и инновационного развития, направленного на создание отечественных технологий освоения природных ресурсов и снижение зависимости от импортного оборудования, а также обеспечение экологической безопасности в условиях активного освоения Арктики. Дополнительное значение имеет международное сотрудничество, обусловленное тем, что российская Арктика является частью международного арктического пространства, в котором пересекаются экономические и политические интересы различных государств.

На региональном уровне обеспечение экономической безопасности арктических территорий предполагает реализацию мер, направленных на повышение устойчивости социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, входящих в состав Арктической зоны. Среди таких мер можно выделить модернизацию производственной базы, стимулирование промышленной и инвестиционной активности, внедрение ресурсосберегающих технологий [10].

Таким образом, экономическая безопасность Арктической зоны Российской Федерации формируется под воздействием комплекса факторов как национального, так и регионального уровня. Стратегическая значимость арктических территорий обусловлена их ресурсным, транспортно-логистическим и геополитическим потенциалом, однако развитие макрорегиона сопровождается рядом экономических, инфраструктурных, технологических и социально-демографических угроз. В этих условиях обеспечение экономической

безопасности Арктической зоны Российской Федерации требует реализации комплексной государственной политики, учитывающей как стратегические интересы государства, так и особенности социально-экономического развития арктических регионов.

Список источников

1. Бадылевич Р. В. Оценка уровня экономической безопасности регионов арктической зоны РФ на основе использования индикаторов стратегии экономической безопасности РФ // Фундаментальные исследования. 2020. № 6. С. 7-15. EDN: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43090094>. <https://doi.org/10.17513/fr.42769>.
2. Манушин Д. В, Еникеев Ш. И, Таишева Г. Р. Экономическая безопасность региона и государства и управление ими: понятие, структура, условия кризиса // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2023. Т. 19. № 7(424). С. 1206-1234. EDN: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54167070>. <https://doi.org/10.24891/ni.19.7.1206>.
3. Каранина Е. В., Кызыуров М. С. Основные понятия и категории экономической безопасности региона // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. Т. 2. № 7. С. 3-10. EDN: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41716412>.
4. Лютиков Д. А. Национальные интересы и приоритеты России в Арктическом регионе // Международное гуманитарное сотрудничество: новые вызовы и возможности. V Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2021. С. 182-188. EDN: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48424997>.
5. Ильина Л. А, Ахунова Л. Р., Маямсина Е. С. Обеспечение экономической безопасности арктических территорий России // Экономика. Экология. Безопасность. Международная научно-практическая конференция. Уфа: Уфимский государственный авиационный технический университет, 2020. С. 107-112. EDN: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43086950>.
6. Измайлов М. К, Арбенина Е. А. Укрепление экономической безопасности Российской Федерации в Арктическом регионе // Вестник Сибирского университета потребительской кооперации. 2023. № 2(44). С. 58-68. EDN: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=65312629>. <https://doi.org/10.48642/7346.2023.51.72.005>.
7. Иванова О. Д. Экономическое развитие арктических регионов России: стратегические направления и перспективы // Современные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации. XI Международная научно-практическая конференция. Пенза: "Наука и Просвещение" (ИП Гуляев Г.Ю.), 2020. С. 126-129. EDN: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42724201>.
8. Ульченко М. В, Пономарев Н. В. Разработка подходов и механизма обеспечения экономической безопасности прибрежного арктического региона // Экономика и управление:

проблемы, решения. 2021. Т. 1. № 11(119). С. 67-74. EDN: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47173151>. <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2021.11.01.009>.

9. Кондратович Д. Л. Особенности анализа и оценки уровня экономической безопасности российских арктических прибрежных регионов // Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. Т. 2. № 12(108). С. 77-85. EDN: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44645319>. <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2020.12.02.013>.

10. Атлыгина В. А. Формирование системы основных показателей для оценки состояния экономической безопасности в регионах Арктической зоны // Научный вестник Арктики. 2020. № 9. С. 90-96. EDN: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44213013>.

УДК: 338

Сонина Анастасия Александровна

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака

старший преподаватель кафедры экономики, управления и предпринимательства

кандидат экономических наук

Смирнов Александр Александрович

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П. Ф. Лесгафта

доктор экономических наук, профессор

ИСККУСТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация:

В статье проведен анализ воздействия ИИ на экономическую безопасность, обобщает его положительное влияние и потенциальные угрозы. В завершение предлагаются меры для эффективного управления рисками, которые возникают в процессе применения ИИ.

Методологической базой для написания статьи послужили методы системного анализа, обобщения, сравнения и аналогии.

Ключевые слова:

Искусственный интеллект, экономическая безопасность, угроза экономической безопасности, риски.

UDC: 338

Sonina Anastasia Alexandrovna

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak

Senior Lecturer of the Department of Economics, Management and Entrepreneurship

Candidate of Economic Sciences

Smirnov Alexander Alexandrovich

Russian Federation, Saint Petersburg

National State University of Physical Culture, Sports and Health named after
P.F. Lesgaft
Doctor of Economic Sciences, Professor

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A TOOL FOR IMPROVING ECONOMIC SECURITY

Abstract:

In a modern economy characterized by a high degree of digitalization, artificial intelligence (AI) is becoming a key factor in ensuring economic security. The article analyzes the impact of AI on economic security, summarizes its positive impact and potential threats. Finally, measures are proposed to effectively manage the risks that arise in the process of applying AI.

The methodological basis for writing the article was the methods of systemic analysis, generalization, comparison and analogy.

Keywords:

Artificial intelligence, economic security, threat to economic security, risks.

Цифровая трансформация экономики создала новые каналы для реализации киберугроз и финансовых манипуляций. Технологическая интеграция финансовых систем повысила их уязвимость перед сложными схемами мошенничества. Эволюция угроз проявляется в росте изощрённости атакующих методик, использующих уязвимости распределённых сетей и облачных сервисов. Особую опасность представляют кроссплатформенные атаки, способные парализовать целые сегменты экономической инфраструктуры.

Финансовые манипуляции приобрели новые формы благодаря алгоритмической торговле и криптовалютным платформам. Злоумышленники активно используют технологии больших данных для анализа рыночных паттернов и манипулирования котировками. Распространение децентрализованных финансовых инструментов усложнило отслеживание незаконных операций. Эти тенденции требуют принципиально новых подходов к обеспечению экономической безопасности в сфере использования ИИ.

ИИ является одной из самых популярных и востребованных технологий, которая трансформирует мир вокруг. Его воздействие на экономику становится

все более очевидным. Не зря ИИ считают двигателем экономического роста и производительности [1].

К плюсам применения ИИ относится отказ от влияния человеческой ошибки, обнаружение скрытых решений, недоступных для восприятия человека, снижение вероятности рисков (в том числе при ликвидации последствий стихийных бедствий), устойчивость к внешним отвлекающим факторам (настроение, эмоции, условия окружающей среды), отсутствие необходимости в перерывах и способность принимать решения значительно быстрее человека. Поэтому человек уступает ИИ в скорости и точности, используя его для рутинной работы, чтобы освободить время на более творческие и важные задачи [2].

ИИ в настоящих реалиях больше не является инструментом или дополнительной опцией. Он становится полноценным исполнителем-партнёром для решения сложных задач, ускорением решений и повышение эффективности в различных сферах экономики.

На основании проведенного анализа данных и теоретической информации можно сделать вывод, что внедрение и применение технологий ИИ в систему обеспечения экономической безопасности обладает значительным потенциалом и способствует генерации положительных результатов:

- системы искусственного интеллекта способны применяться при создании тактик снижения выявленных угроз экономической безопасности государства (например, с использованием алгоритмов машинного обучения ИИ может порекомендовать шаги по снижению вероятности рисков на основе анализа прошлых данных и возможных сценариев развития событий) [3];

- банки активно внедряют ИИ для оценки заёмщиков и анализ транзакций;

- методы машинного обучения позволяют прогнозировать валютные кризисы и внутридневные колебания рынка в реальном времени за счёт обработки больших объёмов экономических, финансовых и альтернативных данных.

- внедрение нейросетевых моделей в систему финансового мониторинга Банк России повышает способность выявлять аномалии в платежных процессах, которые могут свидетельствовать о мошенничестве или отмывании денежных средств;

– использование предиктивной аналитики на базе методов ИИ в деятельности таможенных органов способствует раннему прогнозированию рисков незаконного вывоза капитала и связанных с этим схем уклонения от уплаты таможенных платежей;

– искусственный интеллект может широко использоваться в различных коммерческих проектах, увеличивая эффективность ведения бизнеса и помогая фирмам повышать свою конкурентоспособность, тем самым обеспечивая экономическую безопасность предприятия [4];

– в области электронной коммерции ИИ используется для персонализации веб-сайтов для клиентов, показывая им то, что они хотят и могут приобрести, подбирая продукты, отвечающие запрашиваемым характеристикам [5];

– использование продуктов на основе ИИ позволяет выявлять латентные закономерности в значительных по объему массивах количественных и качественных данных, что способствует внедрению в управление экономической безопасностью концепции «слабых сигналов» [6].

Появляется вероятность выявлять признаки вызовов и угроз экономической безопасности на этапе их формирования, не дожидаясь превращения в риски, что позволяет принимать активные меры по защите экономических интересов и предотвращению резкого падения уровня экономической безопасности [6].

Экономическая безопасность понимается как состояние экономической системы, обеспечивающее защиту жизненно важных интересов общества и государства от внутренних и внешних угроз¹. В составе экономической безопасности выделяются компоненты политико-экономической, финансово-бюджетной, ресурсно-энергетической и социальной стабильности, каждый из которых вносит определённый вклад в общую устойчивость.

Основные направления, в которых искусственный интеллект применяется в рамках обеспечения экономической безопасности представлены на рисунке 1.

¹ Гундорова, М. А. Экономическая безопасность: учеб. пособие / М. А. Гундорова; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2020. – 207 с. – ISBN 978-5-9984-1260-8. С.154

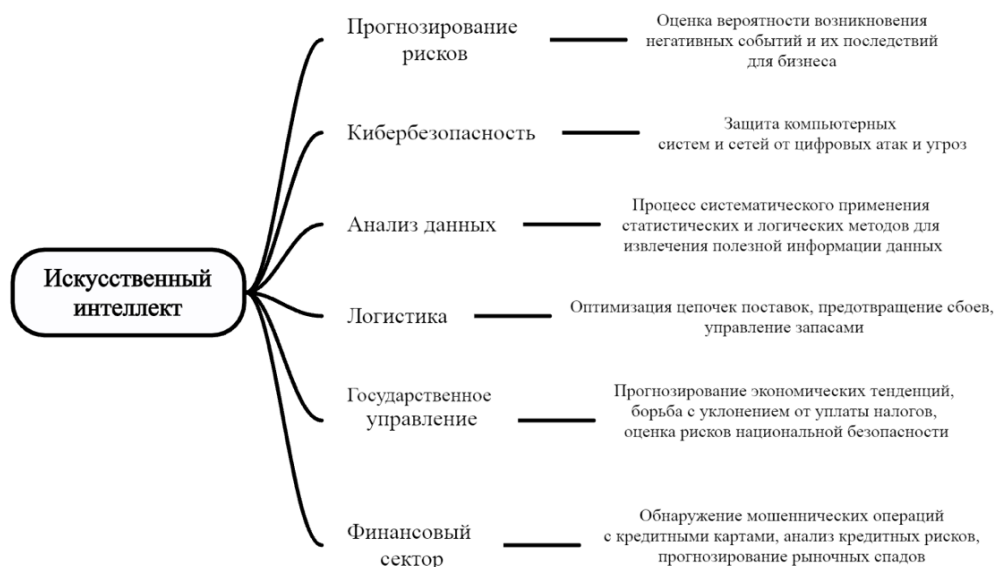

Рисунок 1 – Применение ИИ в рамках обеспечения экономической безопасности

Источник: *составлено автором*

На основании выше представленной схемы можно сделать вывод, что искусственный интеллект является универсальным инструментом, применение которого охватывает широкий спектр задач, направленных на повышение эффективности, безопасности, оптимизацию процессов и принятие более обоснованных решений в различных секторах экономики и управления.

С одной стороны, искусственный интеллект открывает новые возможности для экономического роста, повышает эффективность производства и управления, способствует развитию новых технологий и создает новые рабочие места. С другой стороны, он несет в себе определенные риски, которые требуют пристального внимания и своевременных мер по предотвращению потенциальных угроз [7].

На рис. 2 представлены преимущества ИИ для экономической безопасности и риски использования технологии ИИ.

Рисунок 2 – Преимущества и риски искусственного интеллекта для экономической безопасности

Источник: [8]

Преимущества, связанные с повышением эффективности, улучшением прогнозирования и управлением рисками, очевидны. Однако нельзя игнорировать риски: потерю рабочих мест, усиление киберугроз, возможность монополизации, этические дилеммы и потенциальную зависимость. Многие государства пытаются активно интегрировать системы ИИ в экономику, но на данном этапе возникает много хаоса и неопределенности, что требует особого контроля и принятия целенаправленных мер. В современных реалиях на государственном уровне еще нельзя всецело доверить обеспечение экономической безопасности технологиям ИИ, так как в конечном счёте за итоги этого применения отвечает человеческий ресурс. Технологии ИИ на этапе интеграции в экономику страны должны внедряться постепенно.

Для эффективной минимизации рисков и обеспечения экономической безопасности государству необходимо применять комплексный подход, включающий следующие основные меры:

Меры	Цель
1. Развитие отечественного потенциала в области ИИ в обеспечении технологического суверенитета	Снизить зависимость от иностранных разработок и технологий в использовании ИИ, обеспечить контроль над критически важными технологическими системами. • Поддержка отечественных научных центров, университетов и компаний, занимающихся разработкой передовых технологий в развитии ИИ. • Создание условий для эффективного внедрения отечественных технологий ИИ в ключевых отраслях экономики. • Разработка ИИ-систем для обнаружения и нейтрализации киберугроз.
2. Развитие системы противодействия экономическим преступлениям с использованием ИИ технологий.	Предотвратить использование ИИ технологий для совершения масштабных финансовых преступлений, манипуляций на финансовых рынках и для формирования преступных схем. • Использование алгоритмов машинного обучения для обнаружения финансовых пирамид, мошеннических схем, незаконной торговли. • Введение новых норм уголовного законодательства, касающихся преступлений, совершенных с использованием ИИ. • Подготовка сотрудников правоохранительных органов к распознаванию и расследованию преступлений, связанных с ИИ.
3. Разработка и внедрение этических принципов и стандартов для ИИ в экономике.	Обязательное проведение этической экспертизы для ИИ-систем, используемых в критически важных социально-экономических сферах. • Требования к прозрачности внедрения и контроля ИИ-систем. • Независимые структуры для рассмотрения жалоб и проведение проверок. • Компании должны иметь четкие алгоритмы действия в процессе применения ИИ.
4. Разработка системы мониторинга и прогнозирования экономических последствий внедрения ИИ.	Анализировать текущие результаты и прогнозировать развитие экономики с использованием ИИ-систем. • Создание специализированных аналитических центров. • Анализ и прогнозирование показателей макроэкономики (ВВП, инфляции, уровень безработицы и пр.). • Формирование системы взаимодействия и координации специализированных аналитических центров с органами государственной власти со всеми уровнями.
5. Разработка международных договоров и соглашений	Выработка правил ответственного поведения государств в информационной среде, частью которой являются и технологии ИИ. • Заключение международных договоренностей, запрещающих или ограничивающих применение ИИ в

	целях, представляющих угрозу международной безопасности • Разработка единых технических и этических стандартов для разработки и использования ИИ, которые будут приняты всеми странами. • Платформы для оперативного обмена данными об обнаруженных кибератаках, связанных с ИИ, уязвимостях и новых угрозах.

Представленные меры требуют тесного взаимодействия государства, бизнеса, научного сообщества и гражданского общества. Комплексный подход позволит максимально использовать потенциал ИИ для экономического развития, одновременно минимизируя сопутствующие риски.

Список источников

1. Свирина, М. В. Роль искусственного интеллекта в системе обеспечения экономической безопасности страны / М. В. Свирина // Современная наука. – 2021. – № 6. – С. 55-56.
2. Татаринцева Е. Е. Роль искусственного интеллекта в обеспечении экономической безопасности // Актуальные исследования. 2023. №37 (167). Ч.II. С. 49-51. URL: <https://apni.ru/article/6968-rol-iskusstvennogo-intellekta-v-obespechenii>_(дата обращения: 27.02.2026).
3. Дятлова А. Ф., Свирина М. В. Технологии искусственного интеллекта в сфере экономической безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 227–232. UPL: <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-227-232>. EDN: SVRPND (дата обращения: 27.02.2026).
4. Брикач Г. Е., Строков А. А. Повышение экономической безопасности коммерческой организации при использовании возможностей искусственного интеллекта // На страже экономики. 2024. № 4 (31). С. 24–31. UPL: <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2024-4-24-31> (дата обращения: 27.02.2026).
5. Свирина М.В. Роль искусственного интеллекта в системе обеспечения экономической безопасности страны // Современная наука. 2021. № 6. С. 55-56. DOI 10.53039/2079-4401.2021.8.6.012.
6. Плотников В. А., Смирнов А. А., Юсуфова А. М. Экономическая безопасность: специфика обеспечения в контексте внедрения технологий искусственного интеллекта // Экономика и управление. 2025. Т. 31. № 6. С. 718–727. UPL: <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2025-6-718-72> (дата обращения: 01.03.2026).
7. Балашов, А. А. Развитие искусственного интеллекта: угрозы и возможности для экономической безопасности России / А. А. Балашов // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – № 10(136).

8. Приходченко О.С., Чефранова С.А. Искусственный интеллект и его влияния на экономическую безопасность // Вестник академии знаний №5(64), 2024 стр.332. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-ego-vliyanie-na-ekonomicheskuyu-bezopasnost?ysclid=mmjjdk3vjo620529280> (дата обращения: 10.03.2026).

УДК: 332.1

Ткаченко Юрий Геннадьевич

Российская Федерация, Санкт–Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака
аспирант

Шарафанова Елена Евгеньевна – научный руководитель

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака
профессор кафедры экономики, управления и предпринимательства
доктор экономических наук, профессор

НЕСЫРЬЕВОЙ НЕЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ЭКСПОРТ ВЕРХНИХ ПЕРЕДЕЛОВ КАК ФАКТОР РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация:

Актуальность объясняется отсутствием чёткой идентификации характера и силы связи между факторами экономической безопасности на мезо– и макроуровнях. Цель работы – определить тесноту связи между объёмами экспорта продукции машиностроения и выпуском соответствующей отрасли в регионах России. Для определения значимости связи использовался коэффициент корреляции Пирсона. В результате проведённого исследования было установлено, что связь между переменными является прямой, а сила связи – высокой. Кроме того, выявлено, что увеличение суммарного регионального экспорта по совокупности товарных номенклатур 84–90 на 1% ведёт к увеличению суммарного выпуска отрасли машиностроения в регионах–специалистах на 0,51%. Таким образом, связь между переменными как факторами региональной экономической безопасности признаётся значимой.

Ключевые слова:

Несырьевой неэнергетический экспорт, высокотехнологичная продукция, машиностроение, промышленное производство, регионы России, экономическая безопасность, факторы экономической безопасности.

UDC: 332.1

Tkachenko Yuriy Gennadievich

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak

Postgraduate student

Sharafanova Elena Evgenevna – scientific supervisor

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoly Sobchak

Professor of the Department of Economics, Management and Entrepreneurship

Doctor of Economic Sciences, Professor

NON-RESOURCE NON-ENERGY EXPORT OF UPPER PROCESSING STAGES AS A FACTOR OF REGIONAL ECONOMIC SECURITY

Abstract:

The lack of a clear understanding of the strength of correlation between economic security factors at both regional and national levels highlights the relevance of this research. The aim is to define the correlation between the export volumes of machinery products and the output of the corresponding industry in Russian regions. The Pearson correlation coefficient was used to determine the significance of the strengths between the above-mentioned variables. Our results indicate that the correlation between the variables is positive, and its strength is high. Moreover, it was revealed that an increase of 1% in regional machinery exports leads to an increase of 0.51% in mechanical engineering industry output in Russian regions which specialise in that industry. Thus, the link between variables as factors of regional economic security is recognized as significant.

Key words:

Non-resource non-energy exports, high-tech products, mechanical engineering, manufacturing, Russian regions, economic security, economic security factors.

Введение

Согласно Указу Президента Российской Федерации №309 от 2024 г. одной из задач, выполнение которой характеризует достижение национальной цели «Устойчивая и динамичная экономика» является увеличение к 2030 г. несырьевого неэнергетического экспорта не менее чем на две трети по сравнению с уровнем 2023 г.¹ Кроме того, Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. закрепляет экспорт как один из факторов, влияющих на состояние экономической безопасности страны².

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2024 №309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (дата обращения: 02.03.2026).

² Показатели для оценки состояния экономической безопасности России // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/econSafety> (дата обращения: 02.03.2026).

Тем не менее, результаты исследований, проведённых российскими авторами, являются неоднородными в контексте оценки значимости экспорта как фактора, способствующего повышению конкурентоспособности отечественной экономики, выражаемую через региональную производительность труда (далее – РПТ). Так, Л.Е. Басовским и соавторами была установлена прямая связь между долей экспорта в ВРП, т.е. экспортной квотой, и РПТ, а сила данной связи по шкале Чеддока – заметная [1, с. 14].

Рассматривая связь между теми же переменными, но на существенно более протяжённом временном периоде (с 2001 по 2021 гг.), К.А. Филиппов и В.С. Царьков, в свою очередь, выявили, что, начиная с 2014 г. сила связи устойчиво снижается до слабой (коэффициент корреляции Пирсона по итогам 2021 г. – 0,25) [5, с. 8371]. Кроме того, были получены и неожиданные результаты, указывающие на обратный характер связи между экспортной квотой и РПТ, очищенные от энергетического экспорта и добычи полезных ископаемых в структуре экономики соответственно [5, с. 8373]. Выявленная закономерность объясняется авторами через призму ограниченной конкурентоспособности отечественной неэнергетической продукции на зарубежных рынках [5, с. 8374].

Однако результаты исследования автора настоящего труда [3, с. 250], а также его совместная работа с К.А. Филипповым [4, с. 341], указывают на постепенный рост конкурентоспособности отечественного несырьевого неэнергетического экспорта на макро– и мезоуровнях. При этом, данная тенденция, согласно подходу «*learning-by-exporting*» [7, с. 130], ведёт к увеличению производительности труда в результате деятельности в более конкурентной международной среде.

Приведённый пример неоднородной связи между факторами экономической безопасности (производительностью труда и экспортом), актуализирует проблему определения характера и силы связи между иными факторами региональной экономической безопасности, в частности между региональными объёмами промышленного производства и несырьевым неэнергетическим экспортом верхних переделов.

Обозначенная проблемная область позволила сформулировать гипотезу настоящего исследования: «Экспорт продукции отрасли машиностроения является значимым фактором в повышении объёмов производства соответствующей отрасли в регионах России».

Методы и материалы

Критериями подтверждения представленной выше гипотезы будут выступать прямая связь и высокая степень корреляции Пирсона между реальным суммарным выпуском отрасли машиностроения в регионах–специалистах и суммарным региональным экспортом по укрупнённой товарной категории (далее – УТК) «машины, оборудование и транспортные средства» (товарные номенклатуры внешнеэкономической деятельности: 84–90). Коэффициент корреляции Пирсона выбран в качестве основного инструмента для оценки тесноты связи между переменными, поскольку является одновременно простым и базовым при проведении корреляционного анализа.

Далее целесообразно описать, какие подвиды экономической деятельности (далее – ПЭД) формируют отрасль машиностроения в регионах России. Поскольку Федеральная служба государственной статистики (далее – Росстат) дважды меняла форму предоставления данных по структуре вида экономической деятельности (далее – ВЭД) «обрабатывающие производства», то под отраслью машиностроения в разные годы следует понимать разную совокупность ПЭД. Таким образом, доля отрасли машиностроения в структуре ВЭД «обрабатывающие производства» определялась как сумма долей следующих ПЭД:

1. С 2005 по 2012 гг.: производство машин и оборудования; производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования; производство транспортных средств и оборудования.

2. С 2013 по 2016 гг.: производство машин, транспортных средств и оборудования; производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования.

3. С 2017 по 2021 гг.: производство компьютеров, электронных и оптических изделий, производство электрического оборудования; производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки, производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов, производство прочих транспортных средств и оборудования.

Определение реальных объёмов выпуска отрасли машиностроения в регионах России осуществлялось следующих образом:

1. Устанавливались объёмы выпуска в денежном выражении по ВЭД «обрабатывающие производства» за базисный период, исходя из данных Росстата.

2. Определялись реальные значения объёмов выпуска по ВЭД «обрабатывающие производства» за последующие годы рассматриваемого временного периода, для чего использовался индекс физического объема валовой добавленной стоимости по соответствующему ВЭД.

3. Суммировалась доля представленных выше ПЭД в структуре ВЭД «обрабатывающие производства» за каждый год анализируемого периода.

4. Проводилось произведение между суммарной долей указанных выше ПЭД в структуре ВЭД «обрабатывающие производства» (в диапазоне от 0 до 1) региона i за период t и реальным объёмом выпуска по ВЭД «обрабатывающие производства» в регионе i за период t .

Выбор УТК «машины, оборудование и транспортные средства», в свою очередь, обусловлен спецификой предоставления данных Росстатом по структуре регионального экспорта. Так, рассматриваемая УТК является единственной, которая состоит исключительно из товарных номенклатур, относящихся к несырьевому неэнергетическому экспорту верхних переделов. Перевод экспорта по обозначенной УТК в национальную валюту России и очищение полученных значений от инфляции проводились следующим образом:

1. Значения экспорта по УТК в рублёвом эквиваленте определялись посредством произведения экспорта в долл. США на среднегодовой курс рубля к соответствующей иностранной валюте.

2. Определялось частное от отношения экспорта по УТК в рублёвом выражении к ВРП региона в текущих ценах за каждый год анализируемого периода.

3. Устанавливались базисные значения ВРП регионов России. Далее объёмы ВРП за последующие годы приводились к реальному выражению, т.е. очищались от инфляции посредством индекса физического объема ВРП.

4. Экспорт по УТК в реальном рублёвом выражении определялся посредством произведения доли УТК в ВРП (в диапазоне от 0 до 1) региона i за период t на реальный объём ВРП региона i за аналогичный период.

После проведения всех представленных выше вычислений, осуществлялся отбор регионов России для формирования анализируемой совокупности. Отбор проводился по следующим критериям:

1. Определялось наличие сравнительных преимуществ в международной торговле по анализируемой УТК у регионов России, для чего определялось значение индекса Балаши (RCA) [6]:

$$RCA = \frac{E_{p,r,t}}{\sum E_{p,r,t}} / \frac{E_{p,w,t}}{\sum E_{p,w,t}}, \quad (1)$$

где, RCA – значение индекса Балаши; $E_{p,r,t}$ – объём экспорта товара p регионом r за период t ; $E_{p,w,t}$ – мировой объём экспорта (w) товара p за период t . Регион проходил отбор по данному критерию, если значение индекса RCA было равно или больше 1 на протяжении всего временного ряда.

2. Определялось наличие у региона соответствующей промышленной специализации посредством расчёта коэффициента специализации по следующей формуле [2, с. 149]:

$$SC = \frac{O_{s,r,t}}{\sum O_{s,r,t}} / \frac{O_{i,r,t}}{\sum O_{i,r,t}}, \quad (2)$$

где, SC – значение коэффициента специализации, пороговым критерием которого, указывающим на наличие отраслевой специализации, является 1; $O_{s,r,t}$ – реальный объём выпуска подотраслью s региона r за период t ; $O_{i,r,t}$ – реальный объём выпуска отраслью i региона r за период t . Регион проходил отбор по данному критерию, если среднее значение коэффициента специализации за анализируемый период было равно или больше 1. Использование среднего значения направлено на нивелирование производственных шоков в отдельно взятые годы, т.е. среднее значение коэффициента иллюстрирует наличие у региона соответствующей производственной специализации на протяжении длительного периода времени, несмотря на возможные краткосрочные отклонения.

В результате проведённых расчётов анализируемую совокупность составили 11 регионов России, при этом по второму критерию были исключены два региона (таблица 1).

Таблица 1 – регионы России, сформировавшие анализируемую совокупность.

Регион РФ	Среднее значение коэффициента специализации, ед.	Отношение реального выпуска отрасли машиностроения за 2021 г. к 2005 г., %	Среднее значение RCA, ед.	Отношение реального экспорта по УТК «машины, оборудование и транспортные средства» за 2021 г. к 2005 г., %
Регионы, исключённые по второму критерию				
Ивановская обл.	0,8	54	2,2	71
Пермский край	0,8	204	2,5	127
Регионы, сформировавшие анализируемую совокупность				
Владимирская обл.	1,3	94	2,2	92
Калужская обл.	2,5	829	2,5	578
Московская обл.	1,1	338	1,9	233
Орловская обл.	1,4	119	2,8	84
Рязанская обл.	1,4	147	2,6	788
Тверская обл.	1,9	92	2,3	627
Ярославская обл.	2,0	169	2,4	226
Р–ка Мордовия	1,7	182	2,2	274
Чувашская Р–ка	2,2	147	2,0	95
Ульяновская обл.	2,6	157	3,8	95
Курганская обл.	1,7	134	2,8	43

Источник: *рассчитано и составлено автором по данным Росстата¹, ЦБ РФ² и TradeMap³*

Временной период исследования: 2005–2021 гг. Левая граница временного ряда объясняется началом предоставления данных Росстатом по структуре ВЭД «обрабатывающие производства», что необходимо для определения доли и масштабов производства анализируемой подотрасли. Правая граница ряда, в

¹ Регионы России. Социально–экономические показатели // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 02.03.2026).

² Динамика официального курса заданной валюты // Официальный сайт Центрального Банка России. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/currency_base/dynamics (дата обращения: 02.03.2026).

³ List of exported products for the selected product // TradeMap. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3SHZa6> (дата обращения: 02.03.2026).

свою очередь, объясняется отсутствием официальных сведений о региональном экспорте за последующие годы.

Информационную основу исследования составили данные Росстата о ВРП, индексах физического объёма ВРП и ВЭД, структуре регионального экспорта¹. Для определения среднегодового курса рубля к доллару США использовались данные ЦБ РФ², а для расчёта индекса *RCA* применялись данные платформы TradeMap³.

Результаты исследования

По итогам проведённых расчётов было выявлено, что связь между рассматриваемыми переменными является прямой, а её сила составляет 71% (по шкале Чеддока – высокая). Следовательно, полученные результаты подтверждают гипотезу настоящего исследования. Тем не менее, для определения значимости экспорта по анализируемой УТК в контексте увеличения выпуска машиностроительной отрасли в регионах России является целесообразным построить однофакторную линейную модель (табл. 2), в которой отраслевой выпуск является зависимой переменной (y), а экспорт по УТК «машины, оборудование и транспортные средства» – независимой (x).

Таблица 2 – Регрессионная статистика однофакторной модели зависимости отраслевого выпуска от экспорта по УТК «машины, оборудование и транспортные средства»

Модель	Нестандартизованные коэффициенты		t-stat	p-value
	β	Стандартная ошибка		
Константа	94146	18817	5,00	0,000
Экспорт УТК «машины, оборудование и транспортные средства» в ценах 2005 г., млн. руб.	1,32	0,33	3,95	0,001

Источник: рассчитано и составлено автором

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 02.03.2026).

² Динамика официального курса заданной валюты // Официальный сайт Центрального Банка России. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/currency_base/dynamics (дата обращения: 02.03.2026).

³ List of exported products for the selected product // TradeMap. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3SHZa6> (дата обращения: 02.03.2026).

Полученный коэффициент регрессии (β_1) признается значимым, поскольку значение «t-stat» больше критического значения t-критерия Стьюдента, которое составляет для анализируемой модели: 2,12. Отобранная независимая переменная, в свою очередь, также признаётся статистически значимой, поскольку фактическое значение «p-value» меньше уровня значимости (α), равного 0,05. Следовательно, вероятность того, что связь между переменными обусловлена случайной флуктуацией данных, ничтожно мала. Коэффициент детерминации (R^2) данной модели составил 0,51. Таким образом, совокупный региональный экспорт по анализируемой УТК объясняет 51% вариации реального совокупного выпуска отрасли машиностроения в регионах России. Несмотря на значимость модели, к её недостаткам следует отнести значение средней ошибки аппроксимации, составившее 10,11%, при максимальной ошибке в 56,32%.

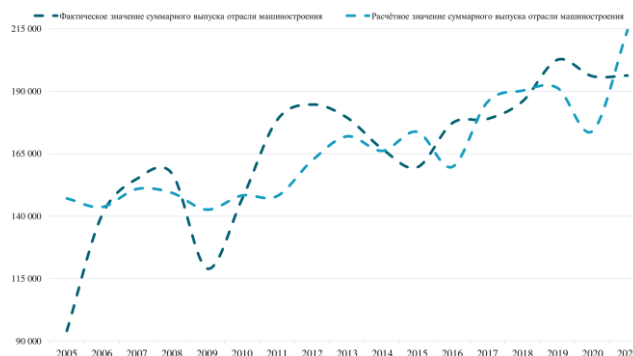

Рисунок 1 – Соотношение фактического и расчётного суммарных объёмов выпуска отрасли машиностроения в анализируемых регионах, млн. руб. в ценах 2005 г.

Источник: *рассчитано и составлено автором*

Для определения коэффициента эластичности выпуска рассматриваемой отрасли (*Output*) по экспорту УТК «машины, оборудование и транспортные средства» (*Export*) преобразуем линейную модель в логарифмическую, принимающую следующий вид:

$$\ln Output = \beta_0 + \beta_1 \ln Export + \varepsilon \quad (3)$$

Коэффициент β_1 после преобразования модели в логарифмическую составил 0,51. Следовательно, увеличение суммарного регионального экспорта по совокупности товарных номенклатур 84–90 на 1% ведёт к увеличению

суммарного выпуска машиностроительной отраслью в регионах–специалистах на 0,51%.

Заключение

В результате проведенного исследования выявлена прямая связь между реальным суммарным выпуском отрасли машиностроения в регионах–специалистах и суммарным региональным экспортом по УТК «машины, оборудование и транспортные средства». При этом сила данной связи составляет 71% (по шкале Чеддока – высокая). Построенная однофакторная линейная модель также признана значимой ($F_{\text{фактическое}}(15,63) > F_{\text{табл.}}(4,54)$). Установленные закономерности, в свою очередь, указывают на наличие существенной взаимосвязи между рассмотренными факторами региональной экономической безопасности, а также свидетельствуют о высокой значимости экспорта по обозначенной УТК для наращивания выпуска отраслью машиностроения в российских регионах–специалистах. Таким образом, наращивание несырьевого неэнергетического экспорта верхних переделов способствует повышению уровня как региональной, так и национальной экономической безопасности, учитывая, что темпы развития территориальных подсистем формируют динамику развития системы в целом.

Полученные результаты также позволяют сформулировать актуальные направления для дальнейших исследований:

1. Верификация полученных результатов на иных отраслях экономики.
2. Определение характера и силы связи между экспортом и иными факторами экономической безопасности.
3. Разработка методики оценки экспорта как фактора экономической безопасности.

Список источников

1. Басовский Л.Е., Басовская Е.Н., Шишкин А.Н., Коржов В.А. Об основных факторах производительности труда в регионах России // Журнал экономических исследований. 2019. Т. 5. №5. С. 3–17. EDN: VSVACE.
2. Белоглазова С.А. Выявление хозяйственной специализации регионов ЮФО в контексте кластеризации: развитие методики и актуальные результаты // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2018. Т. 8. № 11А. С. 148–157. EDN: VVYXSC.

3. Ткаченко Ю.Г. Конкурентоспособность российского несырьевого неэнергетического экспорта верхних переделов в страны ЕАЭС // Проблемы экономики и юридической практики. 2025. Т. 21. №3. С. 246–253. DOI: 10.33693/2541-8025-2025-21-3-246-253.

4. Филиппов К.А., Ткаченко Ю.Г. Оценка конкурентоспособности регионального экспорта в условиях санкций (на примере регионов Приволжского федерального округа) // Экономические отношения. 2025. Т. 15. № 2. С. 329–346. DOI: 10.18334/eo.15.2.122880.

5. Филиппов К.А., Царьков В.С. Оценка значимости экспорта как фактора влияния на производительность труда в регионах России // Экономика, предпринимательство и право. 2025. Т. 15. № 12. С. 8361–8380. DOI: 10.18334/epp.15.12.124262.

6. Balassa B. Trade Liberalisation and «Revealed» Comparative Advantage // The Manchester School. 1965. Vol. 33. Iss. 2. P. 99–123. DOI: 10.1111/j.1467-9957.1965.tb00050.x.

7. Bigsten A., Collier P., Dercon S. [et al.] Do African Manufacturing Firms Learn from Exporting? // The Journal of Development Studies. 2004. Vol. 40. Iss. 3. P. 115–141. DOI: 10.1080/0022038042000213229.

УДК: 338.242.2

Филатова Татьяна Александровна

Российская Федерация, Санкт-Петербург
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
профессор кафедры Экономическая безопасность
доктор экономических наук, доцент

Колца Эдуард Эдуардович

Российская Федерация, Санкт-Петербург
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
аспирант

Кондратюк Анастасия Евгеньевна

Российская Федерация, Санкт-Петербург
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
аспирант

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ РИСКОВ ПРИ АУТСОРСИНГЕ БУХГАЛТЕРСКИХ УСЛУГ ДЛЯ МАЛОГО БИЗНЕСА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Аннотация:

В статье представлена актуализированная методика выявления признаков недобросовестности при выборе аутсорсинговой бухгалтерской компании для малого бизнеса. Предложена модифицированная система индикаторов риска с обновленными весовыми коэффициентами, учитывающая современные тенденции цифровизации бухгалтерского учета. Практическая значимость работы заключается в создании инструмента для минимизации налоговых и операционных рисков при выборе контрагента.

Ключевые слова:

Экономическая безопасность, аутсорсинг бухгалтерских услуг, цифровая трансформация, оценка рисков, малый бизнес, налоговые риски, проверка контрагентов, индикаторы риска.

UDC: 338.242.2

Filatova Tatyana Aleksandrovna

Russian Federation, Saint Petersburg
St. Petersburg State University of Economics
Professor of the Department of Economic Security

Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

Colta Eduard Eduardovich

Russian Federation, Saint Petersburg

St. Petersburg State University of Economics

Postgraduate student

Kondratiuk Anastasia Evgenievna

Russian Federation, Saint Petersburg

St. Petersburg State University of Economics

Postgraduate student

METHOD OF RISK ASSESSMENT IN ACCOUNTING OUTSOURCING FOR SMALL BUSINESS IN THE CONTEXT OF DIGITAL ECONOMY TRANSFORMATION

Abstract:

The article presents an updated methodology for identifying signs of unscrupulousness when choosing an outsourcing accounting company for small businesses. A modified system of risk indicators with updated weight coefficients is proposed, taking into account current trends in accounting digitalization. The practical significance of the work lies in creating a tool to minimize tax and operational risks when selecting a contractor.

Keywords:

Economic security, accounting outsourcing, digital transformation, risk assessment, small business, tax risks, counterparty verification, risk indicators.

В современных условиях цифровизации экономики актуальность темы аутсорсинга бухгалтерских услуг возрастает, поскольку доля компаний, передающих бухгалтерские функции на аутсорсинг, достигла 72% в сегменте малого бизнеса. При этом 34% предпринимателей сталкивались с недобросовестными аутсорсерами, что привело к налоговым претензиям и финансовым потерям. Согласно отраслевым исследованиям, в 2025 году спрос на услуги бухгалтеров в России вырос на 15% по сравнению с предыдущим годом, а количество аутсорсинговых компаний и индивидуальных предпринимателей увеличилось на 40% за последние два года. Эксперты связывают данную динамику с возросшей регуляторной нагрузкой и изменениями в налоговом законодательстве, включая введение ставки НДС для

компаний на упрощенной системе налогообложения и отмену патента для ряда видов деятельности.

Налоговые органы вправе отказать в признании расходов и налоговых вычетов, Недобросовестность *контрагента* может быть причиной отказа в *вычете* НДС и *признания расходов*. Новая *ст. 54.1 НК РФ* закрепила способы и последствия выявления факта получения *необоснованной налоговой* выгоды плательщиками *налогов*. [2]

Показательным является дело франчайзи сети ресторанов ООО «Сити Ресторантс» (франчайзи бывших ресторанов KFC, IL Patio и Osteria Mario), которому изначально были начислены налоговые обязательства на сумму 1,09 млрд рублей по причине, по мнению инспекции, фиктивного привлечения персонала на условиях аутсорсинга. В рамках разбирательства налоговый орган указывал на минимальную численность сотрудников контрагентов и отсутствие у них основных средств. Впоследствии Федеральная налоговая служба частично отменила начисления, однако судебные тяжбы подтверждают, что формальный подход к проверке контрагентов создает для заказчика финансовые риски. [5]

С 1 января 2025 года вступили в силу изменения в Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ, согласно которым бухгалтерские аутсорсинговые компании признаны субъектами финансового мониторинга. На них возложены обязанности по разработке правил внутреннего контроля, назначению специального должностного лица и проведению идентификации клиентов. Данное обстоятельство требует от малого бизнеса более тщательного подхода к выбору аутсорсера, поскольку недобросовестный исполнитель может нести репутационные и регуляторные риски, способные отразиться на деятельности заказчика. [3]

На основе анализа статистических данных 2025-2026гг. проведена актуализация системы индикаторов риска. [4,6] Предложены следующие изменения:

- увеличены веса индикаторов, связанных с цифровыми технологиями;
- добавлены новые индикаторы, связанные с кибербезопасностью;
- скорректированы пороговые значения.

Под сомнительными операциями в контексте бухгалтерского аутсорсинга понимаются действия аутсорсера (или сделки с его участием), создающие

налоговые риски для заказчика: искажение отчётности, вывод денежных средств, получение необоснованной налоговой выгоды.

Бухгалтерский аутсорсинг имеет отраслевую специфику, влияющую на методику проверки. В отличие от поставки товаров, где можно проверить наличие складов и транспорта, оказание бухгалтерских услуг не требует значительных материальных активов. Основными направлениями контроля являются: наличие у сотрудников действующих сертификатов профессиональных бухгалтеров, профессиональный опыт в специфике малого бизнеса, легальность используемого программного обеспечения, наличие реального офиса.

Предлагаемая методика включает четыре блока индикаторов, каждый из которых оценивается по системе «красных флагов» с присвоением весовых коэффициентов. Веса определены экспертным методом на основе анализа судебной практики и рекомендаций ФНС. Наиболее значимыми считаются индикаторы, прямо указывающие на невозможность реального ведения деятельности.

С учётом рекомендаций ФНС России (2025) и анализа 45 судебных дел за 2024–2025гг. выделено 4 блока индикаторов. Каждому индикатору присвоен весовой коэффициент (от 4 до 10 баллов), определённый экспертным методом на основе частоты встречаемости в судебных спорах. [1]

Блок 1. Формально-юридические индикаторы (максимальный вес – 10 баллов):

- отсутствие/недостоверность регистрации в ЕГРЮЛ – 10 баллов;
- дисквалификация руководителя – 10 баллов;
- массовый адрес (>10 юр. лиц) – 7 баллов;
- массовый руководитель (>5 организаций) – 6 баллов;
- срок деятельности менее 12 месяцев – 5 баллов.

Блок 2. Финансово-хозяйственные индикаторы (максимальный вес – 10 баллов):

- непредставление отчётности более года – 10 баллов;
- отсутствие расчётного счёта – 9 баллов;
- налоговая задолженность – 8 баллов;
- штат 1 человек – 7 баллов.

Блок 3. Репутационные и поведенческие индикаторы (максимальный вес – 9 балл):

- отсутствие письменного договора – 9 балл;
- отказ предоставить учредительные документы – 8 балл;
- наличие системных негативных отзывов – 7 балл.

Блок 4. Отраслевые индикаторы (максимальный вес – 9 балл):

- отказ включить штрафные санкции за налоговые ошибки – 9 балл;
- отсутствие сертифицированных бухгалтеров – 8 балл;
- нелицензионное ПО – 7 балл.

Для количественной оценки риска предлагается использовать формулу:

$$R = \sum_{i=1}^n w_i \times I_i, \quad (1)$$

где R – интегральный показатель риска (баллы); w_i – весовой коэффициент i -го индикатора (от 4 до 10); I_i – бинарная переменная (1 – присутствует, 0 – отсутствует).

Пороговая шкала риска для формулы 1 (обоснована эмпирически на основе 45 судебных кейсов 2024–2025 гг.):

- 0–15 баллов (зелёный) – низкий риск, сотрудничество возможно;
- 16–35 баллов (жёлтый) – средний риск, требуется дополнительный анализ;
- 36–55 баллов (оранжевый) – высокий риск, рекомендуется отказ;
- ≥ 56 баллов (красный) – критический риск, категорический отказ.

Разработанная четырёхблочная балловая система и модель интегральной оценки риска позволяют малому бизнесу количественно оценить надёжность аутсорсера.

В результате систематизации индикаторов риска выделены пороги, объединённые в четыре блока: формально-юридические, финансово-хозяйственные, репутационно-поведенческие и отраслевые. Каждому индикатору присвоен весовой коэффициент, на основе математической модели интегральной оценки риска предложена пороговая шкала. Разработанный трёхэтапный алгоритм проверки позволяет малому предприятию, не имеющему штатной службы экономической безопасности, провести комплексную оценку потенциального аутсорсера с минимальными затратами.

Актуальность темы обусловлена динамичным ростом рынка бухгалтерских услуг (количество аутсорсинговых компаний увеличилось на 40% за два года), ужесточением налогового контроля в рамках действия статьи 54.1 НК РФ и расширением регулирования в сфере ПОД/ФТ с 2025 года. Перспективы дальнейших исследований: автоматизация методики в виде веб-приложения с API-доступом к открытым источникам ФНС и судебным базам, а также эмпирическая валидация пороговых значений на реальных кейсах 2026 г.

Список источников

1. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ № 307-ЭС19-27597 от 14.05.2020. – Текст: непосредственный // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2020. – № 9. – С. 12-18.
2. ФНС России. Сервис «Риски бизнеса: проверь себя и контрагента»: официальный сайт Федеральной налоговой службы. – Москва. – URL: <https://rmsp.nalog.ru> (дата обращения: 19.02.2026). – Текст: электронный.
3. ФНС России. Сервис «Бухгалтерская (финансовая) отчётность»: официальный сайт Федеральной налоговой службы. – Москва. – URL: <https://bo.nalog.ru> (дата обращения: 19.02.2026). – Текст: электронный.
4. Рекомендации по выбору бухгалтерского аутсорсинга: официальный сайт компании «Фингуру». – URL: <https://www.klerk.ru> (дата обращения: 19.02.2026). – Текст: электронный.
5. Ошибки при проверке контрагентов, которые могут привести к убыткам: официальный сайт компании PravoTech. – URL: <https://pravo.tech> (дата обращения: 19.02.2026). – Текст: электронный.
6. Особенности проверки контрагентов с точки зрения налоговых рисков: официальный сайт компании Scloud.ru. – URL: <https://scloud.ru> (дата обращения: 19.02.2026). – Текст: электронный.

СЕКЦИЯ 4. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВЫХ РЫНКОВ: ИНСТРУМЕНТЫ, ТЕХНОЛОГИИ, МЕТОДЫ ОЦЕНКИ

УДК: 347.73

Аграновская Мария Алексеевна

Российская Федерация, Москва

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака
аспирант

Смирнов Александр Александрович – научный руководитель

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака
доктор экономических наук, профессор

ЦИФРОВЫЕ АКТИВЫ КАК ПУБЛИЧНО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: ВИДЫ И КЛАССИФИКАЦИЯ

Аннотация:

Статья анализирует тенденции и проблемы регулирования цифровых активов, важность понимания их сущности, а также подходы к их классификации с учетом отличительных черт разных видов цифровых активов в России и за рубежом. Цель статьи – выявить пробелы в законодательстве РФ и дать рекомендации по их устранению. Основные задачи – сравнение и анализ закрепления понятийного аппарата цифровых активов в законодательстве, их классификации для системного совершенствования нормативной базы. Результат работы – выводы о состоянии действующего законодательства РФ и рекомендации по его доработке. В числе используемых автором методов исследования: анализ и синтез, сравнение, структурирование, а также, собственно, классификация.

Ключевые слова:

Виртуальные активы, цифровые права, цифровая валюта, криптовалюта, токенизация, стейблкоин, блокчейн.

UDC: 347.73

Agranovskaya Maria Alekseevna

Russian Federation, Moscow

International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak
Postgraduate student

Smirnov Alexander Alexandrovich – scientific supervisor

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak

Professor of the Department of Law

Doctor of Economic Sciences, Professor

DIGITAL ASSETS AS A PUBLIC LAW CATEGORY: TYPES AND CLASSIFICATION

Abstract:

The article analyses the tendencies and problems of digital assets regulation, the importance of their essence understanding, as well as approaches to classification with regard to specific features of various kinds of digital assets in Russia and abroad. The purpose of the article – to expose the Russian legislation lacunae and provide recommendations for the elimination of such. The main objectives are to compare and analyze the establishment of the conceptual framework for digital assets in legislation, and their classification, aimed at a systematic improvement of the regulatory framework. The result of the work – the conclusions on the status of the legislation in Russia and recommendations as to its enhancement. The research methods employed include analysis and synthesis, comparison, structuring, and classification itself.

Keywords:

Digital assets, digital rights, digital currency, cryptocurrency, tokenization, stablecoin, blockchain.

В российском законодательстве существует ряд определений, отражающих новые правовые институты: «цифровые права»¹, «цифровые валюты»², «цифровые финансовые активы»³, «утилитарные цифровые права»⁴. Однако, для отражения всего многообразия цифровых активов указанных выше понятий недостаточно. Россия, следуя мировым тенденциям, активно развивает

¹ Ст. 141. 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). 1994. N 32. Ст. 3301.

² Ст. 1 ч. 3 Федерального закона от 31 июля 2020 г. N 259-ФЗ "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // СЗ РФ. 2020. N 31 (часть I). Ст. 5018.

³ Там же. Ст. 1 ч. 2.

⁴ Ст. 8 Федерального закона от 2 августа 2019 г. N 259-ФЗ "О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // СЗ РФ. 2019. N 31. Ст. 4418.

«цифровое государство», что неизбежно ведет и к развитию норм права в данной области¹.

Для того, чтобы выявить пробелы и системно усовершенствовать российское законодательство в соответствии с требованиями экономики в сложившейся международной ситуации, для начала необходимо выявить сходство и различия характеристик разных цифровых активов², имея в виду их функционал, экономическое содержание и то, как они используются в обороте.

Большое значение также имеет изучение зарубежного опыта с учетом развития регулирования по мере усложнения технологии блокчейн (распределенных реестров), на основе которой создаются цифровые активы. К, примеру, Швейцария одной из первых ввела регулирование, основанное на изучении научных трудов юристов и анализе того, как нормы об инновационных технологиях можно интегрировать в гражданское право, законодательство о ценных бумагах и другие смежные области.

Роль международных организаций и институций, именуемых «standard-setting bodies» или «agenda-setting bodies»³, в классификации цифровых активов, гармонизации и развитии права в данной области также велика. Подобные институции оказывают огромное влияние на формирование законодательства и практики многих стран, в том числе государств, не являющихся их членами (яркий пример – Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег или ФАТФ).

1. Эволюция регулирования цифровых активов

Первое регулирование цифровых активов и их использования появилось как естественная реакция регуляторов на риски, связанные с волной публичных размещений токенов (известных как «первоначальное публичное размещение» - initial public offering, или IPO). Первый цифровой актив получил название «биткоин» (Bitcoin или BTC). По мнению Д. Фокса, биткоин в 2009 году выпускался для того, чтобы служить эквивалентом иных средств платежа⁴. При

¹ См. подробнее: Писаревский Е.Л. Тенденции развития государства и права в условиях цифровой среды // Хозяйство и право. 2023. № 12. С. 56-77. <https://doi.org/10.18572/0134-2398-2023-12-56-77>.

² Понятие «цифровые активы» используется автором собирательно, - данного термина в российском праве нет.

³ О роли органов, устанавливающих стандарты в международной финансовой системе, см., например: Лифшиц И.М. Феномен standard-setting bodies в международном финансовом правопорядке // Sumus Ubi Sumus. Международное право XXI века: мир и безопасность, сотрудничество, права человека: Liber Amicorum в честь проф. Л. П. Ануфриевой. М., 2016. С. 393–400 ; Brummer Ch. How International Financial Law Works (and How it Doesn't) // The Georgetown Law Journal. 2011. Vol. 99. Pp. 257–327.

⁴ См.: Fox D. Digital Assets in Scots Private Law. Edinburgh School of Law Research Paper No. 2021/17 // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3914228 (дата обращения: 08.03.2026).

этом в современных исследованиях используется общий термин «цифровой (виртуальный) актив (digital (virtual) asset). В рамках данного термина «криптоактивы» - лишь один из видов всего многообразия. Термин этот, как справедливо отмечает Д. Фокс, «охватывает многие функциональные черты, которые применимы с правовой точки зрения к представлению передаваемых активов в том виде, как они записаны в системах распределенных реестров, вне зависимости от использования конкретного вида технологии»¹. Регулирование в разных странах при этом развивалось разными путями, в различных формах (от прямого запрета (как в КНР, в Египте) до формирования полноценной системы (ЕС, Швейцария, ОАЭ, Гонконг). Небольшое количество стран вообще не решилось вводить регулирование (при этом, ограничив нерегулируемую деятельность (например, Белиз)).

Терминологический аппарат – основополагающий элемент регулирования – также сложился не сразу, и до сих пор может отличаться в различных юрисдикциях. Так, понятия «криптовалюта» и «криптоактивы» встречаются, например, в Регламенте ЕС 2023/1114 Европейского парламента и Совета от 31 мая 2023 года о рынках криптоактивов (Регламент MiCA)². Регламент классифицирует криптоактивы так: (1) **утилитарные токены (utility tokens)**³; (2) **токены, привязанные к активам (ARTs)**⁴; (3) **токены электронных денег (EMTs)**⁵; а также (4) **прочие криптоактивы** – не подпадающие под традиционные финансовые инструменты. Важно отметить, что Регламент MiCA не регулирует токены-ценные бумаги (это финансовые инструменты по MiFID II⁶) – для них существует отдельный режим или/и уникальные невзаимозаменяемые токены (НФТ или NFT)⁷.

¹ Fox D. Digital Assets in Scots Private Law. P. 1.

² См.: Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1114/oj/eng> (дата обращения: 08.03.2026).

³ Такие токены дают доступ к продуктам или услугам внутри экосистемы токена.

⁴ ARTs обеспечены стоимостью фиатных валют, активов или их корзины (например, стейблкоины на основе корзины валют).

⁵ EMTs привязаны к одной фиатной валюте (например, USDC, USDT).

⁶ См.: Directive 2014/65/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 on markets in financial instruments (MiFID II) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2014/65/oj/eng> (дата обращения: 08.03.2026).

⁷ Подробнее см., например: Zetzsche D., Annunziata F., Sinnig J. Digital Assets, MiCA and EU Investment Fund Law. Future FinTech Working Paper Series // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4637019 (дата обращения: 09.03.2026).

В Руководстве ФАТФ «О применении риск-ориентированного подхода при использовании виртуальных валют» упоминается термин «цифровая (виртуальная) валюта» (далее – Руководство 2015 г.)¹.

Под «виртуальной валютой» подразумевается виртуальная валюта, которая обладает эквивалентной стоимостью в фиатной валюте и может обмениваться на фиатную валюту и обратно.

Причем ФАТФ акцентирует внимание, что виртуальная валюта представляет собой цифровое выражение стоимости, которое может быть цифровым способом обмениваемым и функционирует в качестве (1) средства обмена; и/или (2) единицы учёта; и/или (3) средства сохранения стоимости, но не является законным платёжным средством и не выпускается и не гарантируется какой-либо юрисдикцией, а выполняет указанные функции только по соглашению внутри сообщества пользователей². Руководство 2015 г., будучи одним из первых документов в области регулирования криптоактивов, оказало существенное влияние на развитие регулирования во многих странах, что в последствии способствовало и выработке единого терминологического аппарата.

Европейская комиссия предлагала ввести следующую классификацию крипто активов, по целевому использованию и экономико-правовой природе: (1) токены электронных денег (токенизированные электронные деньги); (2) токены, привязанные к активу; (3) токены – финансовые инструменты и (4) утилитарные токены³. Токены электронных денег и токены, привязанные к активу, предназначены прежде всего для платежей (фактически стейблкоины), в то время как токены – финансовые инструменты и утилитарные токены служат инвестиционным и прикладным целям соответственно. Недостаток этой классификации, как справедливо отмечает Д.А. Кочергин, - «состоит в том, что она не включает в свой состав децентрализованные активы, такие как криптовалюты, а также не учитывает в своей структуре гибридные токены, к числу которых относятся токены проектов децентрализованного

¹ См. подробнее: Руководство ФАТФ 2015 г. на официальном сайте Банка РФ. URL: <https://www.cbr.ru/Content/Document/File/124265/Guidance-RBA-Virtual-Currencies.pdf> (дата обращения: 09.03.2026).

² Руководство ФАТФ 2015 г. С. 26.

³ Подробнее см.: Кочергин Д.А. Криптоактивы: экономическая природа, классификация и регулирование оборота // Вестник международных организаций. 2022. № 3 (17). С. 85. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-03-04>.

финансирования (DeFi-токены)»¹. Можно предположить, что децентрализованные активы исключаются из предложенной классификации в силу отсутствия у таких активов четко идентифицируемых эмитентов, которые ответственны по обязательствам и деятельность которых можно регулировать.

Хотя изначально регулирование виртуальных (крипто) активов, среди прочего, во многом было реакцией на злоупотребления – выпуск токенов для обхода законов о ценных бумагах и связанные с этим риски, – позже акцент сместился на поддержку технологии и её конструктивное использование, а не только на противодействие незаконным практикам. При этом, если изначально речь шла только о биткойне, децентрализованной «валюте» - цифровом представлении стоимости (digital representation of value) – появление которого стало реакцией на банковский кризис 2008–2009 гг., в последующем стало появляться больше различных активов, как этериум (Ethereum) и прочие, а также появились крипто-токены. Они не только служат альтернативой деньгам или представлением стоимости, но и выполняют встроенные в них функции (с точки зрения использования цифровых технологий).

Сложно не согласиться при этом с М.И. Иноземцевым в том, что «зарубежные регуляторы при разграничении новых «цифровых» объектов и услуг от давно привычных миру «электронных» акцентируют внимание на технологии распределенного реестра (DLT) как на базовом критерии»². Так, например, происходило в Шотландии³, на Мальте и в ряде других юрисдикций. При этом, в процессе становления современной концепции регулирования в большинстве стран утвердился принцип технологической нейтральности, когда сущность превалирует над формой. Так, использование блокчейн-технологии не исключает «токен» из сферы действия законодательства о ценных бумагах и правил их выпуска, если имеются установленные законом признаки ценных бумаг (например, предоставление права голоса, участия в капитале).

Ряд стран допускает использование токенов в качестве платежного средства (legal tender), иные же запрещают таковое, однако, иногда позволяют варианты возможного использования в ограниченном ряде случаев и только

¹ Там же. С. 85.

² Inozemtsev M. Digital Rights and Digital Assets: Formation of the Russian Civil Law Doctrine // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3762989 (дата обращения: 10.03.2026).

³ См.: Fox D. Digital Assets in Scots Private Law. P. 4.

некоторых из таких активов (например, для внешнеэкономической деятельности).

2. *Регулирование цифровых активов и прав в России*

Зачастую в научной литературе не отражается и не учитывается, что понятия «цифровой финансовый актив»¹ или «утилитарное цифровое право»² - исключительно внутрироссийские, так как они могут выпускаться и обращаться только на российской специализированной площадке.

При этом нельзя слепо соотносить этот термин с определениями схожих правовых институтов, закрепленными в зарубежных нормативных актах и источниках. Можно предположить, что одни и те же институты и явления в данном случае носят территориальный характер и в силу особых задач Банка России закрепляются в законодательстве иначе – что с точки зрения науки может трактоваться не так, как это понимается на практике. Законодательное закрепление термина может не вполне соответствовать сущности и истинной природе явления. Практика и подход Банка России является очень показательным в этом отношении. Так, Банк России совместно с Министерством финансов РФ разработали концепцию токенизации активов реального мира³. В течение 2026 г. планируется также существенно уточнение терминологического аппарата. Но в настоящий момент понятия «токен», «криптовалюта», «виртуальный актив», «стейблкоин» и прочие в законодательстве не закреплены⁴.

Важно заметить, что в результате работы в рамках экспериментального правового режима (ЭПР), запущенного в декабре 2024 г., возможно внесение изменений в отношении «стейблкоинов» - и их квалификации, соответствующей их правовой природе (например, в качестве валютной ценности, что позволило бы банкам проводить операции с ними в качестве банковской деятельности, а

¹ Ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. N 259-ФЗ "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // СЗ РФ. 2020. N 31 (часть I). Ст. 5018.

² Ст. 8 Федерального закон от 2 августа 2019 г. N 259-ФЗ "О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // СЗ РФ. 2019. N 31. Ст. 4418.

³ См. Пресс-релиз Минфина РФ от 11.02.2026 // URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=40191-utverzhdена_kontseptsiya_tokenizatsii_aktivov_realnogo_sektora_rossiiskoi_ekonomiki (дата обращения: 10.03.2026).

⁴ Следует отметить, что термин «цифровые финансовые активы», используемый в России, является более узким, чем «криптоактивы», и не включает в свой состав активы, выпускаемые децентрализованно.

также использовать их потенциально как средство платежа в рамках внешней экономической деятельности, ВЭД).

Указание Банка России №7036 от 01.04.2025 г¹. уже содержит ряд норм, направленных на определение «иностранных цифровых прав», однако, по-прежнему «вне закона» находятся USDT, например, которые чаще всего используются для платежей по ВЭД. Отсутствие четкого режима использования таких цифровых активов создает препятствия российским участникам рынка ВЭД и влечет риски и издержки.

Банк России изначально стал принимать активное участие в регулировании крипто активов, заняв очень жесткую позицию, стремясь к полному запрету. Но со временем законодательство, как и позиция регулятора, эволюционировали. Были внесены поправки в Гражданский кодекс РФ, признавшие записи в электронной форме и сделки с ними объектами гражданских прав. Принят Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах» (закон о ЦФА), признавший цифровую валюту имуществом, а также внедрен экспериментальный правовой режим (ЭПР) в сфере крипто платежей. В 2026 г. совместно с Минфином, как мы уже упоминали, обсуждается Концепция токенизации активов реального сектора. Согласно концепции, цифровые валюты и стейблкоины признаются валютными ценностями, их можно покупать и продавать, но ими нельзя расплачиваться внутри страны. Совершать операции с криптовалютами будет возможно через текущую инфраструктуру: биржи, брокеры и доверительные управляющие смогут действовать на основании имеющихся лицензий. Отдельные требования будут установлены только для специальных депозитариев и обменников, которые будут работать с криптовалютами.

Вопросы организации выпуска и обращения цифровой валюты в России законодательно также не урегулированы. Это означает, что криптообменники, криптобиржи, P2P-платформы и прочие операторы криптовалютного рынка находятся вне правового поля. При этом закон о ЦФА запрещает использование цифровых валют в качестве средства платежа на территории Российской

¹ См.: Указание Банка России от 1 апреля 2025 г. N 7036-У "О дополнительных требованиях к иностранным цифровым правам, которые могут быть квалифицированы в качестве цифровых прав" // Вестник Банка России, 28 мая 2025 г. N 22.

Федерации. Банк России в своем докладе «Криптовалюты: тренды, риски, меры»¹ приводит классификацию активов, которая имеет определенные недостатки. Так, приведенная классификация (1) исключает NFT (невзаимозаменяемые токены) и DeFi-токены; (2) не учитывает эволюцию крипто рынка, где акцент делается на токены, привязанные к реальным активам; (3) в некотором смысле противоречит закону о ЦФА (в частности, определение «цифровой валюты» не включает активы с эмитентом, вводя путаницу с международными терминами (stablecoins)); а также (4) не учитывает цифровые финансовые активы, которые могут использоваться в иностранной юрисдикции для платежей (денежные суррогаты).

3. *Выводы (рекомендации)*

На тему классификации, и особенно квалификации криптоактивов, существует множество аспектов для глубокого анализа (сравнение с практикой международных финансовых организаций, т.н. standard-setting bodies), однако в рамках одной научной статьи для конференции невозможно охватить все – в настоящей статье сделан акцент на ключевых пробелах российского регулирования. В частности, учитывая изложенное выше, автор полагает следующее.

Во-первых, необходимо ввести четкое определение стейблкоинов как обеспеченных цифровых активов с эмитентом (в отличие от необеспеченных криптовалют). Разрешить их использование как платежного средства во внешнеэкономической деятельности, не только через признание ЦФА операторами ИС, но напрямую как иностранных цифровых прав – с учетом квалификации в стране эмиссии. Во-вторых, перестать ограничивать оборот и использование стейблкоинов/ЦФА в рамках тех критериев, что описаны в Указании ЦБ № 7036-У, чтобы избежать узких рамок и стимулировать инновации (прежде всего – речь о токенизации активов, привязанных к реальным активам, RWA). В-третьих, проработать вопрос о включении токенизированных ценных бумаг в категорию ЦФА; иначе могут возникнуть суррогаты (например, утилитарные токены вместо акций), размывающие защиту инвесторов.

В-четвертых, важно разработать четкие стандарты и рекомендации для участников крипто рынка (смарт-контракты, аудит), интегрировав их с

¹ См.: Доклад Банка России «Криптовалюты: тренды, риски, меры». 2022. С. 7 (Таб. 1) // URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 11.03.2026).

механизмами надзора по закону "О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем"¹. Это обеспечит контроль без избыточного регулирования. В-пятых, рекомендуется ввести специализированные типы участников (токен-платформы, кастодианы) с учетом зарубежной практики, четко разграничив рынок ценных бумаг и цифровых активов, который может отличаться и технологически, и по сути.

Конечно же необходимо устранить терминологические несоответствия (прежде всего, в части определения УЦП и функциональных токенов). Наконец, рекомендуется признать NFT легальными через простые разъяснения ЦБ – как передачу прав по ГК РФ (ст. 128: исключительные права), без отдельного статуса ЦФА.

Список источников

1. Кочергин Д.А. Криптоактивы: экономическая природа, классификация и регулирование оборота // Вестник международных организаций. 2022. № 3 (17). С. 75-130. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-03-04>.
2. Лифшиц И.М. Феномен standard-setting bodies в международном финансовом правопорядке // Sumus Ubi Sumus. Международное право XXI века: мир и безопасность, сотрудничество, права человека: Liber Amicorum в честь проф. Л. П. Ануфриевой. М., 2016. С. 393–400.
3. Писаревский Е.Л. Тенденции развития государства и права в условиях цифровой среды // Хозяйство и право. 2023. № 12. С. 56-77. <https://doi.org/10.18572/0134-2398-2023-12-56-77>.
4. Brummer Ch. How International Financial Law Works (and How it Doesn't) // The Georgetown Law Journal. 2011. Vol. 99. Pp. 257–327.
5. Inozemtsev M. Digital Rights and Digital Assets: Formation of the Russian Civil Law Doctrine // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3762989 (дата обращения: 10.03.2026).
6. Fox D. Digital Assets in Scots Private Law. Edinburgh School of Law Paper No. 2021/17 // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3914228 (дата обращения: 08.03.2026).
7. Zetsche D., Annunziata F., Sinnig J. Digital Assets, MiCA and EU Investment Fund Law. Future FinTech Working Paper Series // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4637019 (дата обращения: 09.03.2026).

¹ Федеральный закон от 7 августа 2001 г. N 115-ФЗ "О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма" // СЗ РФ от 13 августа 2001 г. N 33 (Часть I) ст. 3418.

УДК: 336.7:502.131.1

Аманкелді Нәзігүл Аманкелдіқызы

Республика Казахстан, Алматы

Каспийский общественный общественный университет

декан Высшей школы экономики и управления

PhD, ассоциированный профессор

Ибраева Виктория Маратовна

Республика Казахстан, Алматы

Каспийский общественный общественный университет

магистр математики

Отарбаева Айжан Базарбаевна

Республика Казахстан, Алматы

Каспийский общественный общественный университет

докторант

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ КАЗАХСТАНА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ESG: СТРАТЕГИИ, ИНСТРУМЕНТЫ И КОРПОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ

Аннотация:

Исследование посвящено развитию ESG-принципов в Казахстане. В статье рассматриваются государственные инициативы, формирование инфраструктуры устойчивых финансов, роль МФЦА и участие крупных компаний. Выделяются проблемы отчетности и направления совершенствования регулирования.

Ключевые слова:

ESG-инвестирование, зеленая экономика, устойчивое финансирование (Sustainable Finance), зеленые облигации, инвестиционная привлекательность.

UDC: 336.7:502.131.1

Amankeldi Nazigul Amankeldikyzy

Republic of Kazakhstan, Almaty

Caspian University

Dean of the Higher School of Economics and Management

PhD, associate professor

Ibraeva Victoria Maratovna

Republic of Kazakhstan, Almaty

Caspian University

Master of Mathematics

Otarbayeva Aizhan Bazarbayevna

Republic of Kazakhstan, Almaty

Caspian University

PhD student

THE TRANSFORMATION OF KAZAKHSTAN'S FINANCIAL SYSTEM THROUGH ESG: STRATEGIES, INSTRUMENTS, AND CORPORATE PRACTICES

Abstract:

The research is devoted to the advancement of ESG principles in Kazakhstan. The article examines government initiatives, the formation of a sustainable finance infrastructure, the role of the Astana International Financial Centre, and the participation of large companies. It highlights the challenges of reporting and the directions for improving regulation.

Keywords:

ESG-investment, green economy, sustainable finance, green bonds, investment attractiveness

За последние годы внедрение принципов ESG в Республике Казахстан претерпело существенную эволюцию. Если на начальном этапе данные подходы рассматривались преимущественно как добровольные инициативы отдельных компаний, ориентированных на повышение своей репутации и соответствие международным стандартам устойчивого развития, то в настоящее время ESG постепенно превращается в важный системный инструмент формирования долгосрочной стратегии развития бизнеса и государственного сектора. Интеграция принципов устойчивого развития становится частью институциональной политики, а также элементом стратегического управления на уровне национальной экономики [1, 2].

Концепция ESG предполагает включение нефинансовых критериев устойчивости в систему инвестиционного и управленческого анализа. Речь идет о комплексной оценке экологического воздействия деятельности компаний, их социальной ответственности перед обществом и сотрудниками, а также

эффективности корпоративного управления. Использование подобных критериев позволяет инвесторам, государственным институтам и самим компаниям более объективно оценивать не только текущие экономические показатели, но и долгосрочные риски и возможности развития. Особенно актуальным это становится в условиях усиления глобальной климатической повестки, роста требований к экологической прозрачности бизнеса и повышения значимости принципов устойчивого развития в мировой экономике [3, 4].

Для Республики Казахстан внедрение ESG-подхода приобретает стратегическое значение. Применение международных стандартов устойчивого развития способствует повышению инвестиционной привлекательности национальных компаний, укреплению доверия со стороны иностранных инвесторов и расширению доступа к глобальным рынкам капитала. Кроме того, интеграция ESG-принципов способствует формированию более устойчивой и сбалансированной экономической модели, ориентированной на долгосрочное развитие, рациональное использование природных ресурсов и повышение социальной ответственности бизнеса. В совокупности это формирует условия для повышения конкурентоспособности национальной экономики и её гармоничного включения в современные мировые экономические процессы [2].

1. Сущность и теоретические основы ESG-инвестирования

Концепция ESG-инвестирования базируется на трех ключевых столпах:

- Экологический компонент (Environmental): фокусируется на воздействии деятельности на окружающую среду, включая сокращение выбросов парниковых газов, рациональное использование ресурсов и развитие «зеленых» технологий.
- Социальный компонент (Social): отражает взаимодействие с персоналом и обществом, соблюдение трудовых прав и развитие человеческого капитала.
- Управленческий компонент (Governance): характеризует эффективность корпоративного управления, прозрачность процессов и защиту прав инвесторов.

Методологической основой внедрения данных принципов выступают международные стандарты, такие как Принципы ответственного инвестирования ООН (UN PRI), стандарты отчетности GRI и рекомендации TCFD. Развитие этого направления тесно связано с формированием системы

устойчивых финансов (Sustainable Finance), ориентированной на решение глобальных экологических и социальных задач [3, 5, 6].

2. Государственное регулирование и институциональная база в Казахстане

В последние годы в Республике Казахстан последовательно формируется комплексная нормативно-правовая и институциональная основа, направленная на переход национальной экономики к модели устойчивого и экологически ориентированного развития. Государственная политика в данной сфере ориентирована на интеграцию принципов устойчивого роста, снижение углеродной нагрузки на экономику и повышение эффективности использования природных ресурсов. Важную роль в этом процессе играют стратегические документы и долгосрочные программы развития, которые определяют ключевые направления трансформации экономической системы страны.

Одним из центральных стратегических документов выступает Стратегия достижения углеродной нейтральности Республики Казахстан до 2060 года. Данный документ предусматривает масштабную трансформацию энергетического и промышленного секторов, направленную на снижение выбросов парниковых газов, модернизацию производственных процессов и постепенный переход к низкоуглеродной модели развития. Не менее важным программным ориентиром является Концепция перехода Республики Казахстан к «зеленой» экономике, которая определяет долгосрочную траекторию экологически устойчивого развития. Конечная цель данной стратегии – переход к новой технологической модели развития, часто обозначаемой как «третья промышленная революция». Данная концепция предусматривает поэтапную трансформацию экономической системы: от повышения эффективности использования природных ресурсов и оптимизации экологической политики до активного развития возобновляемой энергетики и формирования инновационной модели экономики, основанной на принципах устойчивости и ресурсосбережения.

Дополнительным элементом климатической и энергетической политики государства стала Концепция развития водородной энергетики до 2030 года. Реализация данного направления предполагает создание новых технологических решений в области производства и использования водорода как экологически чистого источника энергии. Существенные изменения происходят и в сфере

финансового регулирования и корпоративной отчетности. Важным шагом стало введение с 2024 года требований со стороны Агентства Республики Казахстан по регулированию и развитию финансового рынка о необходимости раскрытия финансовыми организациями информации, связанной с ESG-факторами.

Значительную роль в формировании инфраструктуры устойчивого финансирования играет Международный финансовый центр «Астана» (МФЦА). В рамках центра функционирует специализированная структура – Центр зеленых финансов, который активно участвует в развитии инструментов устойчивого финансирования. Основными направлениями его деятельности являются методологическая поддержка проектов в сфере устойчивого развития, верификация «зеленых» и устойчивых облигаций, а также разработка рекомендаций по внедрению международных стандартов ESG-финансирования. Благодаря данной инфраструктуре Казахстан постепенно формирует собственную экосистему устойчивого финансирования, интегрированную в глобальные финансовые рынки [6, 7, 8].

3. Рынок устойчивого финансирования: динамика и инструменты

2024 год стал знаковым для казахстанского рынка ESG-облигаций: на KASE было зарегистрировано рекордных 10 выпусков на сумму 549 млрд тенге. Основными инструментами выступают:

- Зеленые облигации: направлены на финансирование экологических проектов (энергоэффективность, ВИЭ).
- Социальные облигации: предназначены для реализации программ социальной направленности.
- Облигации, связанные с устойчивым развитием (SLB): привязаны к достижению конкретных целей в области устойчивости.

Лидерами эмиссии выступили ключевые институты развития и банки:

- Фонд «Даму» разместил первые в стране «зеленые» облигации на бирже AIX.
- Halyk Bank осуществил дебютный выпуск «зеленых» облигаций на 20 млрд тенге для энергоэффективных проектов.
- Банк Развития Казахстана выпустил первые в СНГ устойчивые еврооблигации в локальной валюте на сумму 100 млрд тенге [9, 10, 11].

4. ESG в корпоративном секторе: лидеры и операционные результаты

Крупнейшие национальные компании интегрируют ESG в свои долгосрочные стратегии, демонстрируя конкретные результаты.

АО «Национальная компания «КазМунайГаз» (КМГ): реализует программу низкоуглеродного развития до 2031 года с целью снижения выбросов на 15%. Компания достигла уровня полезного использования попутного газа в 98,9% и переработала 4,5 млн тонн нефтеотходов с 2018 года. КМГ также развивает проекты по улавливанию углерода (CCUS) и строительству ВЭС мощностью 1 ГВт в Жамбылской области.

АО «Фонд национального благосостояния «Самрук-Қазына»: как крупнейший госхолдинг, фонд внедряет принципы устойчивого управления во всех портфельных компаниях, формируя стандарты для целых секторов экономики.

АО «Народный Банк Казахстана» (Halyk Bank): выступает ключевым каналом распределения устойчивого капитала, внедряя ESG-принципы в систему риск-менеджмента и кредитную политику.

АО «Национальная атомная компания «Казатомпром»: демонстрирует высокий уровень раскрытия информации и внедряет международные стандарты корпоративного управления в горнодобывающем секторе.

Признание усилий бизнеса подтверждается международными рейтингами. Так, КМГ и Halyk Bank получили рейтинг «BBB» от MSCI, а КМГ занял первое место в рейтинге PwC по раскрытию нефинансовой информации [12, 13, 14].

5. Значение ESG для малого и среднего бизнеса (МСБ)

В последние годы концепция ESG постепенно выходит за рамки практики исключительно крупных корпораций и все активнее распространяется на предприятия малого и среднего бизнеса. Если ранее внедрение принципов устойчивого развития рассматривалось преимущественно как элемент стратегического управления крупных международных компаний, обладающих значительными ресурсами и доступом к глобальным рынкам капитала, то в современных условиях ESG-подход становится важным фактором функционирования всей предпринимательской среды. Расширение требований устойчивости формирует новую систему деловых отношений, в рамках которой соответствие экологическим, социальным и управленческим стандартам становится одним из ключевых критериев конкурентоспособности компаний.

Особенно заметные изменения происходят в системе корпоративных цепочек поставок. Крупные компании и международные корпорации все чаще пересматривают состав своих поставщиков и партнеров, оценивая их деятельность не только по экономическим показателям, но и по степени соответствия принципам устойчивого развития. В результате предприятия малого и среднего бизнеса, выступающие поставщиками товаров, услуг или компонентов для крупных организаций, вынуждены адаптироваться к новым требованиям. Для таких компаний внедрение ESG-практик становится не просто дополнительным конкурентным преимуществом, а фактически необходимым условием для сохранения и расширения своего участия в производственно-логистических цепочках.

Следование принципам устойчивого развития открывает для предприятий малого и среднего бизнеса ряд дополнительных возможностей. Помимо повышения репутационной привлекательности и укрепления доверия со стороны партнеров, инвесторов и потребителей, внедрение ESG-подходов способствует оптимизации внутренних бизнес-процессов. В частности, использование энергоэффективных технологий, рациональное управление ресурсами, снижение отходов производства и внедрение современных управленческих практик позволяют компаниям сокращать издержки и повышать общую эффективность деятельности.

Не менее важным преимуществом является расширение доступа к финансовым ресурсам, ориентированным на устойчивое развитие. В последние годы в мировой и национальной финансовой системе активно формируются инструменты «зеленого» финансирования, включая специальные кредитные программы, устойчивые облигации и инвестиционные фонды, ориентированные на поддержку экологически и социально ответственного бизнеса. Для малых и средних предприятий соответствие ESG-стандартам становится важным фактором при получении таких финансовых ресурсов, поскольку финансовые институты все чаще учитывают нефинансовые показатели устойчивости при принятии инвестиционных и кредитных решений [15].

6. Проблемы и барьеры развития

Несмотря на прогресс, рынок ESG-инвестиций в Казахстане находится на стадии формирования и сталкивается с рядом факторов, сдерживающих развитие (рисунок 1).

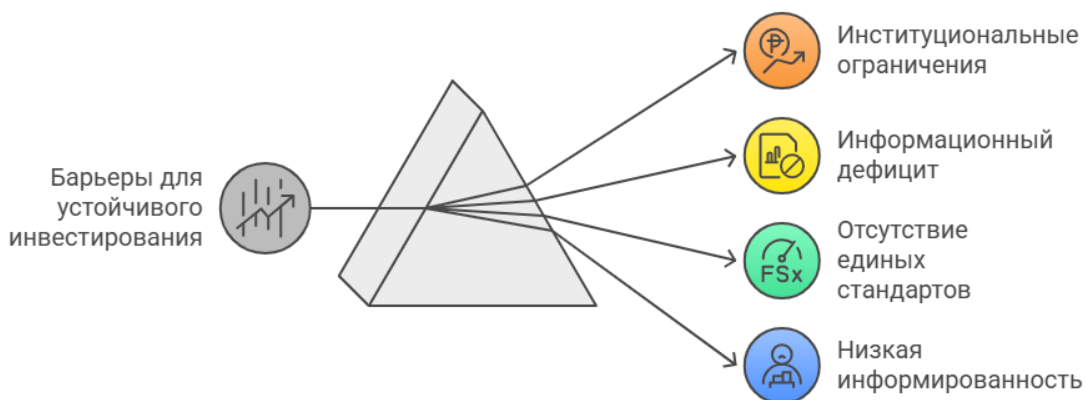

Рисунок – 1 Раскрытие барьеров для устойчивого инвестирования

Источник: [13, 16, 21]

Как видно из рисунка 1, к существенными барьерами являются следующие сдерживающие факторы.

1. Институциональные ограничения: недостаток финансовых инструментов и сравнительно низкий объем инвестиций в сравнении с мировыми рынками.

2. Информационный дефицит: лишь ограниченное число компаний публикует качественную нефинансовую отчетность.

3. Отсутствие единых стандартов: различия в методиках ESG-оценки и рейтингования затрудняют сопоставимость данных для инвесторов.

4. Низкая информированность: инвесторы не всегда в полной мере осознают долгосрочные экономические преимущества устойчивого инвестирования.

7. Перспективы и направления совершенствования

Для дальнейшего роста сектора необходимо сосредоточиться на нескольких приоритетах:

- Совершенствование регулирования: разработка национальных стандартов ESG-отчетности и внедрение мер господдержки (налоговые льготы, субсидии для экологических проектов).

- Развитие инфраструктуры: расширение деятельности МФЦА по внедрению международных практик и развитию рынка «зеленых» облигаций.

- Повышение прозрачности: стимулирование компаний к более активному раскрытию информации и получению независимых ESG-рейтингов [18, 19, 20].

Таким образом, ESG-инвестирование стало неотъемлемым элементом трансформации финансовой системы Казахстана. Формирование необходимой инфраструктуры, активность национальных компаний и государственная поддержка создают условия для интеграции страны в глобальный рынок устойчивых финансов. В долгосрочной перспективе преодоление текущих барьеров позволит повысить инвестиционную привлекательность национальной экономики и обеспечить переход к экологически и социально ориентированной модели развития.

Список источников

1. Управление природных ресурсов и регулирования природопользования акимата Северо-Казахстанской области, ESG-подход: от рационального использования ресурсов к устойчивому развитию, 22 августа 2025 г. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/skotabigat/press/article/details/211483?lang=ru> (дата обращения: 10.03.2026).
2. Крючкова О. М. Устойчивое инвестирование в контексте мировых финансовых рынков // Концепт. – 2015. – Спецвыпуск № 03. – ART 75066. – 0,4 п. л. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/75066.htm>. – Гос. рег. Эл № ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X.
3. Eila Kreivi, What is sustainable finance? 3 April 2023, URL: <https://www.eib.org/en/stories/what-is-sustainable-finance> (дата обращения: 10.03.2026).
4. Eilidh Wagstaff, Toby Belsom, AN INTRODUCTION TO RESPONSIBLE INVESTMENT, 31 January 2023, URL: <https://www.unpri.org/responsible-investment/intro-guides/what-is-responsible-investment> (дата обращения: 10.03.2026).
5. Ситник А. А. «Зеленые» финансы: понятие и система // Актуальные проблемы россий-ского права. – 2022. – Т. 17. – № 2. – С. 63–80. – DOI: 10.17803/1994-1471.2022.135.2.063-080.
6. Sarah Wire, What is green finance? 31 May 2024, URL: <https://www.lloydsbankinggroup.com/insights/green-finance.html#:~:text=Green%20finance%20is%20essentially%20a,incl%20incentives%20to%20do%20so> (дата обращения: 10.03.2026).
7. Shantala Hickey, How Can ESG Affect Investments and Funding for Your Business? Does ESG affect investments and funding of my business? URL: <https://esg.gpsi-intl.com/blog/how-can-esg-impact-investments-and-funding-of-your-business/#:~:text=ESG%20investing%20requires%20specific%20environmental,risk%20and%20identify%20growth%20opportunities> (дата обращения: 10.03.2026).
8. Ковалев, М. А. Роль ESG в привлечении инвестиций / М. А. Ковалев, П. С. Щербаченко // Вестник евразийской науки. – 2025. – Т. 17. – № 5. – URL: <https://esj.today/PDF/81ECVN525.pdf>

9. ESG Investing Market, February 23, 2026, URL: <https://www.fortunebusinessinsights.com/esg-investing-market-113824> (дата обращения: 10.03.2026).

10. Казбеков А., Сунгат К., Калабин В., ESG: ключевые события 2024 года и перспективы на 2025, 14.01.2025 URL: <https://kapital.kz/economic/133286/esg-klyuchevyye-sobytiya-2024-goda-i-perspektivy-na-2025.html> (дата обращения: 10.03.2026).

11. АО «Самрук-Қазына» Годовой отчет 2024, URL: https://sk.kz/upload/iblock/000/SK_go2024_rus.pdf (дата обращения: 10.03.2026).

12. Кельбетов Д., Кусалиева А., Таханова М., Облигации, связанные с устойчивым развитием: перспективный инструмент финансирования ESG-трансформации, ноябрь 2023, URL: <https://aifc.kz/wp-content/uploads/2024/07/2.2-obligaczii-svyazannye-s-ustojchivym-razvitiem-perspektivnyj-instrument-finansirovaniya-esg.pdf> (дата обращения: 10.03.2026).

13. Инвестиции в будущее, Отчет об устойчивом развитии АО НК «Казмунайгаз» за 2023 год, URL: https://www.kmg.kz/upload/iblock/c49/ed33ku5b87ehmkym3b3v2e3zujk439jk/KMG_2024_OUR_2805.pdf (дата обращения: 10.03.2026).

14. Кодекс этики и профессионального поведения AIFC Green Finance Centre Ltd, URL: https://aifc.kz/wp-content/uploads/2024/07/gfc_code-of-ethics-and-professional-conduct-rus.pdf (дата обращения: 10.03.2026).

15. Принципы облигаций, связанных с устойчивым развитием. Добровольные процедурные рекомендации, Июнь 2020, URL: <https://www.icmagroup.org/assets/documents/Regulatory/Green-Bonds/Translations/2020/Russian-SLBP2020-06-221020.pdf> (дата обращения: 10.03.2026).

16. АО «НАРОДНЫЙ БАНК КАЗАХСТАНА», Отчет об устойчивом развитии 2024, URL: https://halykfinance.kz/download/files/fin-reports/esg_report_2023.pdf (дата обращения: 10.03.2026).

17. АО «Нурбанк», Отчет об устойчивом развитии 2024 г., URL: <https://nurbank.kz/ru/bank/about/growth/?ds&id=11140> (дата обращения: 10.03.2026).

18. ТОО «Black Biotechnology (Блэк Биотехнолоджи)», ОТЧЕТ В ОБЛАСТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ 2024, URL: https://kase.kz/files/emitters/ВКБТ/bkbtf6_2024_rus.pdf (дата обращения: 10.03.2026).

19. Бережная Е. В., Крючкова О. М., Гузенко А. Д. Устойчивое инвестирование как концепция инновационной модели финансирования // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – Т. 14. – С. 46–50. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/95141.htm>.

20. Крючкова О.М., Устойчивые инвестиции - новое направление в развитии финансовых рынков // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. №5-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustoychivye-investitsii-novoe-napravlenie-v-razviti-finansovyh-rynkov>.

УДК: 336.767

Богатырев Семен Юрьевич

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака

профессор кафедры экономики, управления и предпринимательства

доктор экономических наук, доцент

Никонова Ирина Александровна

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака

доктор экономических наук, профессор

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ РЫНОЧНОЙ СТОИМОСТИ КОМПАНИЙ В СДЕЛКАХ СЛИЯНИЙ И ПОГЛОЩЕНИЙ 2023–2026 ГОДЫ

Аннотация:

В статье рассматриваются закономерности изменения рыночной стоимости публичных компаний при объявлениях о сделках слияний и поглощений (M&A), а также при срыве или блокировке сделок. На материале ряда кейсов 2023–2026 гг. показано типовое распределение ценовых эффектов: снижение котировок компании-покупателя и рост котировок компании-цели в момент объявления сделки, а также разрушение рыночной стоимости компании цели при прекращении переговоров по сделке.

Предлагается методика стоимостной оценки рыночной стоимости на основе доходного подхода, а также краткий алгоритм event study для выделения аномальной доходности.

Результаты подтверждают применимость базовых положений теории корпоративных финансов к наблюдаемым реакциям рынков и демонстрируют важность разграничения сделок M&A, слухов и стратегических инвестиций.

Ключевые слова:

Слияния и поглощения, рыночная стоимость собственного капитала, стоимость компании, аномальная доходность, корпоративные финансы.

UDC: 336.767

Bogatyrev Semyon Yurievich

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoly Sobchak

Professor of the Department of Economics, Management and Entrepreneurship

Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

Nikonova Irina Alexandrovna

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoly Sobchak

Doctor of Economic Sciences, Professor

METHODOLOGY FOR ASSESSING THE MARKET VALUE OF COMPANIES IN MERGERS AND ACQUISITIONS 2023-2026

Abstract:

The article examines the patterns of changes in the market value of public companies when announcing mergers and acquisitions (M&A), as well as when transactions are disrupted or blocked. Based on a number of cases from 2023-2026, a typical distribution of price effects is shown: a decrease in the quotes of the buyer company and an increase in the quotes of the target company at the time of the announcement of the transaction, as well as the destruction of the target company's market value upon termination of negotiations on the transaction.

A methodology for estimating market value based on a profitable approach is proposed, as well as a short event study algorithm for identifying abnormal returns.

The results confirm the applicability of the basic principles of corporate finance theory to the observed market reactions and demonstrate the importance of distinguishing between M&A transactions, rumors and strategic investments.

Keywords:

Mergers and acquisitions, market value of equity, company value, abnormal profitability, corporate finance.

Введение

Эмпирическая литература устойчиво фиксирует эффект объявления M&A: акции компании-цели растут вследствие ожидаемой премии за контроль, тогда как акции компании-покупателя часто снижаются из-за риска переплаты, интеграционных затрат и неопределенности в отношении синергий [1; 2; 5]. Дополнительно значимое влияние оказывают регуляторные ограничения: антимонопольные вмешательства и иные регуляторные барьеры повышают вероятность срыва сделки и могут приводить к переоценке компании-цели и покупателя [4].

Цель настоящей статьи – на основе актуальных кейсов 2023–2026 гг. продемонстрировать типологию реакций рынка на M&A-события и

сформулировать прикладную методику измерения рыночной стоимости компании до и после события.

Задачи исследования: (1) систематизировать кейсы (объявление сделки, слухи, срыв/блокировка, покупка непубличного актива); (2) изложить методику оценки рыночной стоимости доходным подходом; (3) показать интерпретацию наблюдаемых движений цен в логике теории корпоративных финансов.

Материалы и методы

Информационная база. Эмпирическая часть опирается на наблюдение динамики котировок публичных компаний в периоды объявлений сделок, слухов, опровержений и сообщений об отмене/блокировке сделок. Для интерпретации реакций рынка используются выводы современной литературы о доходностях вокруг объявлений M&A, факторах отмены сделок и роли регуляторных ограничений [1–5]. Для выделения эффекта события от рыночного фона применяется методология event study [6].

Методика стоимостной оценки рыночной стоимости.

1) Рыночная капитализация (Market Cap) рассчитывается как:

$$\text{Market Cap} = P \times N \quad (1)$$

где Market Cap – рыночная капитализация компании;

P – цена одной акции (как правило, цена закрытия торгов);

N – количество акций в обращении (shares outstanding).

Для сопоставимости по времени целесообразно использовать скорректированные цены (adjusted close) с учётом корпоративных действий и корректно выбирать окно события [6].

2) Стоимость бизнеса (Enterprise Value, EV) применяется для сопоставления компаний с разной структурой капитала:

$$\text{EV} = \text{Market Cap} + \text{Debt} - \text{Cash} + \quad (2)$$

Minority Interest – Non-operating Assets

где EV – стоимость бизнеса;

Debt – совокупный долг;

Cash – денежные средства и эквиваленты;

Minority Interest – доли неконтролирующих акционеров;

Non-operating Assets – непрофильные активы/корректировки.

Показатель EV важен для M&A-анализа, поскольку премия и цена сделки отражают стоимость контроля и структуру финансирования; детерминанты премий по сделкам изучаются на выборках M&A [7].

3) Контур event study. Для разделения эффекта события от рыночных факторов рассчитывается аномальная доходность:

$$AR_{\{i,t\}} = R_{\{i,t\}} - (\alpha_i + \beta_i$$

$R_{\{m,t\}})$

где $AR_{\{i,t\}}$ – аномальная доходность;

$R_{\{i,t\}}$ – доходность акции i в момент t ;

$R_{\{m,t\}}$ – доходность рынка (индекса);

α_i и β_i – параметры рыночной модели.

На практике применяются окна $[-1; +1]$ или $[-2; +2]$ торговых дней вокруг объявления, а итоговый эффект оценивается через кумулятивную аномальную доходность (CAR) [6].

Результаты

1) Объявление сделки: ExxonMobil – Pioneer Natural Resources. Сделка ExxonMobil по приобретению Pioneer в форме обмена акциями была объявлена как крупное стратегическое расширение в сегменте сланцевой добычи. В соответствии с теорией рынок отреагировал ростом котировок компании-цели и снижением котировок покупателя в день новости, что интерпретируется как капитализация премии за контроль у цели и дисконт за риск переплаты/интеграции у покупателя [1]. Для расчета рыночной стоимости до/после применяются значения капитализации на закрытии $T-1$ и T ; для углубления сопоставления – EV с учетом долговых параметров на ближайшую отчетную дату.

2) Срыв сделки и разрушение стоимости цели: Amazon – iRobot. Сделка Amazon по покупке iRobot была прекращена на фоне антимонопольных рисков. Рынок отразил снятие ожиданий премии: акции iRobot существенно снизились, когда вероятность завершения сделки стала минимальной, и затем при окончательном расторжении [4]. Кейс демонстрирует механизм: в период ожиданий цена цели приближается к цене сделки с дисконтом на риск, а при прекращении – возвращается к фундаментальной оценке с учетом пересмотра перспектив [4].

3) Слухи и опровержение: Shell – BP. Публикации о потенциальной консолидации привели к росту котировок предполагаемой цели (BP) и снижению котировок возможного покупателя (Shell), что согласуется с гипотезой о перераспределении стоимости в ожидании премии и рисков сделки. Затем официальное опровержение и регуляторный по-bid период скорректировали ожидания участников рынка [5].

4) Регуляторная блокировка: U.S. Steel – Nippon Steel. Блокировка сделки прекращает вероятность реализации премии за контроль и приводит к отрицательной переоценке цели, а также к изменению оценок сторон в зависимости от ожидаемых альтернативных сценариев [3]. Для измерения эффекта целесообразно анализировать точки: до объявления сделки, после объявления и после блокировки; изменения оценивать как по капитализации, так и по EV [2; 3].

5) IPO как альтернатива M&A: Arm. После отмены сделки купли-продажи актив был монетизирован через IPO, что сформировало наблюдаемую рыночную оценку (market cap) и позволило рынку соотнести стоимость с мультипликаторами сопоставимых компаний, что соответствует логике относительной оценки [6]. Методически важно, что до IPO рыночной капитализации не существовало, и сравнение до/после требует использования оценок в сделочных терминах (equity value) либо внутренних оценок владельца.

6) Консолидация медиа-активов: Warner Bros – Paramount. Параметры сделки и оценка масштаба транзакции активно обсуждались в деловых источниках, что подчеркивает значение информационного канала как драйвера переоценки [7]. В таких кейсах чистый эффект сложнее из-за чувствительности отрасли к макро- и технологическим факторам, поэтому желательно применение event study и моделей контроля [2; 7].

Описание методологии

Рассмотренные кейсы подтверждают три устойчивые закономерности. Во-первых, при объявлении сделки рынок капитализирует премию за контроль в цене компании-цели, отражая вероятность закрытия сделки и ожидаемую цену предложения [1; 2]. Во-вторых, покупатель сталкивается с риском переплаты, интеграционных издержек и неопределенности синергий, что может приводить к краткосрочному снижению котировок [1; 2]. В-третьих, в случае прекращения или блокировки сделки исчезает премия, и цена цели часто корректируется вниз,

иногда ниже предсобытийных уровней из-за пересмотра ожиданий и ухудшения сценариев [3; 4].

Методически ключевым является разграничение: (1) M&A и слухов, где причинная интерпретация требует контроля факторов [5]; (2) публичной цели и непубличного актива, где рыночной капитализации цели нет и используется сделочная оценка; (3) стоимости акционерного капитала и стоимости бизнеса (EV), особенно при существенной долговой нагрузке [2].

Выводы

На материале кейсов 2023–2026 гг. показано, что краткосрочная реакция фондового рынка на M&A-события в целом соответствует теории корпоративных финансов: акции компании-цели растут на ожиданиях премии, акции покупателя часто снижаются из-за рисков переплаты и интеграции. Срывы и регуляторные блокировки сопровождаются разрушением стоимости цели, поскольку премия исчезает и пересматриваются сценарии будущих потоков. Предложенная методика оценки рыночной стоимости (Market Cap и EV) и контур event study обеспечивают воспроизводимый инструментарий для количественной оценки эффекта M&A-событий и сопоставимости результатов между кейсами.

Список источников

1. Otto F., Sampaio J.O., Silva V.A.B. Domestic and cross-border effect of acquisition announcements: a short-term study for developed and emerging countries // Finance Research Letters. 2021. Vol. 38. Art. 101501. DOI: 10.1016/j.frl.2020.101501.
2. Kellner T. The impact of M&A announcements on stock returns in the European Union // International Review of Economics & Finance. 2024. Vol. 89(Part B). P. 843–862. DOI: 10.1016/j.iref.2023.10.034.
3. Herve F., Rouine I., Thraya M.F., Zouaoui M. Investor sentiment and M&A withdrawal: International evidence // International Review of Financial Analysis. 2024. Vol. 96(Part B). Art. 103728. DOI: 10.1016/j.irfa.2024.103728.
4. Chung C.Y., et al. The Effects of Antitrust Laws on Horizontal Mergers: International Evidence // Journal of Financial and Quantitative Analysis. 2024. Vol. 59. Issue 7. P. 3267–3298. DOI: 10.1017/S0022109023000467.
5. Quariguasi Frota Neto J., Bozos K., Dutordoir M., Nikolopoulos K. Are acquirer stock price reactions to M&A announcements in any way predictable? A machine-learning analysis // Journal of the Operational Research Society. 2025. Published online 16 Oct 2025. DOI: 10.1080/01605682.2025.2562956.

6. El Ghouli S., Guedhami O., Mansi S.A., Sy O. Event studies in international finance research // Journal of International Business Studies. 2023. Vol. 54. No. 2. P. 344–364. DOI: 10.1057/s41267-022-00534-6.

7. Brixius M., Perret J.K., Schröder J., Taujanskaitė K. Determinants of M&A Acquisition Premiums on the European Market in the Period of 2009 to 2022 // International Journal of Financial Studies. 2025. Vol. 13. No. 4. Art. 204. DOI: 10.3390/ijfs13040204.

УДК: 336.71

Дельнова Наталья Андреевна

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака
аспирант

РОЛЬ БАНКОВ В РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ПОВЫШЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ И РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОЙ КУЛЬТУРЫ В РФ

Аннотация:

В статье анализируется участие банков в проведении политики в области повышения финансовой грамотности и развития финансовой культуры в РФ, в соответствии со Стратегией Правительства РФ. Рассмотрено, как организован процесс финансового образования взрослого населения, мероприятия в этой сфере инициированные Банком России, их эффективность. Аргументирована значимость участия коммерческих банков страны в реализации Стратегии. Автором разработана и предложена матрица взаимодействия со взрослым населением для достижения цели по развитию финансовой культуры.

Ключевые слова:

Финансовая грамотность, финансовая культура, личные финансы, банки, финансовое образование, финансовое планирование, сбережения, долг, инвестиции, финансовые услуги.

UDC: 336.71

Delnova Natalia Andreevna

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak

Postgraduate student

THE ROLE OF BANKS IN IMPLEMENTING THE STRATEGY FOR IMPROVING FINANCIAL LITERACY AND DEVELOPING FINANCIAL CULTURE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract:

The article analyzes the participation of banks in implementing policies aimed at improving financial literacy and developing financial culture in the Russian Federation, in accordance with the Strategy of the Government of the Russian Federation. The organization of financial education for

adults, the activities initiated by the Bank of Russia in this area, and their effectiveness are examined. The article argues for the importance of the participation of commercial banks in the implementation of the Strategy. A matrix for interacting with adults in order to achieve the goal of developing financial culture is developed and proposed by the author.

Keywords:

Financial literacy, financial culture, personal finances, banks, financial education, financial planning, savings, debt, investments, and financial services.

Введение

Повышение уровня финансовой грамотности и развитие финансовой культуры уже почти десятилетие обозначены на уровне важной стратегической цели РФ. Значительном шагом в нормативном закреплении данной повестки стало издание Распоряжения Правительства РФ от 25 сентября 2017 г. № 2039-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017 - 2023 гг.». В настоящее время, в стране действует Стратегия не только повышения финансовой грамотности, что важно, но и формирования финансовой культуры, рассчитанная до 2030 года. На фоне геополитической неопределенности, экономических кризисов, и, как следствие, стремительно меняющихся возможностях и развитии финансовых рынков, появлении новых финансовых инструментов в результате цифровизации финансовых сервисов и услуг, актуальность необходимости повышения финансовой грамотности населения, получения финансового образования и развития новых поведенческих привычек и установок, - финансовой культуры, ежегодно возрастает. Широкий выбор финансовых продуктов и услуг открывают перед гражданами огромные возможности для грамотного управления личными финансами, минимизации долгов (кредитов), формированию накоплений и инвестиций для преумножения средств. Вместе с тем, финансовые продукты, доступные для современных граждан имеют сильную дифференциацию по сложности для понимания, а также по уровню связанных рисков. В этой связи, важно обеспечить единое информационное поле и доступность информации о тех или иных финансовых продуктах и услугах для всех групп населения, а также внедрить систему финансового образования, т.е. определить через какие институты будут реализованы мероприятия по развитию финансовой культуры и финансовой грамотности населения.

Основная часть

С учетом мирового опыта, в России источником и контролером политики в сфере финансовой грамотности и финансовой культуры является государство, которое задействует для проведения мероприятий органы исполнительной власти, образовательные учреждения, частные организации и, конечно, финансовые институты и банки. В рамках взаимодействия с финансовыми организациями, в Стратегии делается акцент на качество предоставления финансовых услуг, ответственное поведение в отношении клиентов, достоверность распространяемой информации [10]. Если мы обратимся к дорожной карте по реализации Стратегии, то практически не увидим коммерческие банки среди исполнителей мероприятий. Однако, банки и банковский бизнес в целом, давно перестали отождествляться исключительно со сберегательной кассой, особенно у активного и молодого поколения, начиная с поколения Y¹ и дальше. Банк сегодня – это универсальная финансовая структура, которая фактически знает о нас все: банк аккумулирует огромные массивы данных о личных финансах, финансовых привычках, тратах, как часто мы пьем кофе по утрам, покупаем цветы, спортивную одежду или образовательные курсы и т.д. Банки фактически становятся не только агрегаторами этих данных, но и уже частью образа жизни человека. Философия банковского бизнеса сегодня, особенно если говорить про частный банкинг, строится вокруг соответствия ценностям людей, а, точнее, круга ценностей, отличающегося для каждого сегмента. И если мы доверили банкам такую функцию, как функция lifestyle партнера по жизни, экосистема которого закрывает фактически наши ежедневные заботы практически по всем сферам жизни: начиная с вопроса финансового планирования и размещения денег, страхования, инвестиций, наследования капитала, его юридической защищенности и ипотеки, заканчивая сервисами доставки, покупки зарубежной недвижимости, бизнес-лаунжем в аэропорту и тд., то почему далеко не все банки участвуют в нашем финансовом образовании? И если вопрос финансового образования детей, подростков реализуется в рамках внедренных в ФГОС² ряда предметов, и, таким образом, элементы финансовой грамотности преподаются в школах, колледжах, то давайте посмотрим, как обстоит ситуация с финансовым образованием взрослого

¹ Люди, рожденные с начала 1980-х гг. до середины 1990-х

² Федеральный государственный образовательный стандарт

населения. Для этого, была сделана выборка образовательных программ, предлагаемых ведущими финансовыми и образовательными институтами РФ (табл.1).

Таблица 1 – Сравнительная таблица программ дополнительного финансового образования в РФ.

	Проект	Уровень	Целевая аудитория	Формат	Структура программы/навыки
<i>Банк России</i>	Онлайн-уроки по финансовой грамотности	Начинающий	Школьники 5-11 классов, студенты техникумов и колледжей	Онлайн	Разумное обращение с деньгами, распознавать риски, понимать современные финансовые инструменты.
<i>Банк России</i>	Онлайн-занятия по финансовой грамотности для старшего поколения	Начинающий	Граждане пенсионного и предпенсионного возраста	Онлайн	Выработать установки грамотного, финансового поведения, распознавать мошеннические схемы, знакомство с надежными финансовыми продуктами и инвестиционными возможностями
<i>Банк России</i>	Финансовая культура, просветительский ресурс	Начинающий	Для широкой аудитории, преподавателей финансовой грамотности	Онлайн	Статьи, сервисы, игры, методические рекомендации, презентации для уроков
<i>Альфа-Банк</i>	«Цифровая и финансовая грамотность. 500 малых городов»	Начинающий	Школьники с 1 по 11 класс в малых городах	Очно	Кейсы по финансовому планированию, цифровой безопасности и защите от мошенников
<i>Альфа-Банк</i>	«Финансовое долголетие»	Начинающий	Пенсионеры	Гибрид	Навыки финансовой безопасности и управления личным бюджетом
<i>Сбер (при участии Минфина и ВШЭ)</i>	«ИнвестВышка»	Начинающий	учащиеся 9-11 классов школ и 1-2 курсов ссузов по всей России от 14 до 18 лет	Онлайн	Отличать финансовые инструменты (акции, облигации, фонды), кейсы по базовым стратегиям на фондовом рынке
<i>Сбер, СберУниверситет</i>	Школа финансов	Продвинутый	Руководители финансовых подразделений, собственники бизнеса, специалисты	Гибрид	Практические кейсы для встраивания в текущую деятельность по направлениям: цифровая трансформация финансов, управление активами и пассивами банка, моделирование, оценка инвестиций и др.
<i>Сбер</i>	Академия благосостояния	Начинающий	молодёжь, семьи, родители, пенсионеры	Онлайн	Видеоролики, статьи, подкасты по основам финансового планирования, инвестирования, формирования пенсии, налогам и тд., блок оценки уровня финансовой и инвестиционной

					грамотности на основе теста
<i>РСХБ</i>	«Школа фермера»	Начинающий, продвинутый	Субъекты МСП - фермеры	Гибрид	Поддержка развития фермерства в регионах, повышение финансовой грамотности фермеров, экспертная отраслевая поддержка фермеров
<i>Национальный центр финансовой грамотности (НЦФГ)</i>	Клуб «ФинЗдоровье»	Начинающий	Дети, взрослые	Онлайн, закрытый телеграм-чат	Практические уроки и задания по модулям: жизненные и финансовые цели, денежное мышление, семейный бюджет, кредитная нагрузка, полезные финансовые привычки, инвестиции, финансовая защита и т.д.
<i>ВШЭ</i>	Программы повышения квалификации по финансовой грамотности [10]	Начинающий продвинутый	Педагоги дошкольного, образования, средней и старшей школы, преподаватели СПО, старшие школьники, студенты СПО	Очно-заочная/заочная	Для школьников, студентов СПО навыки: анализа тенденций на финансовых рынках, совершения сделок с ценными бумагами, сравнительного анализа депозитов и облигаций, выбора финансовых инструментов. Для педагогов: знания основных понятий финансовой грамотности, входящих в предметные области Рамки компетенций финансовой грамотности, умения анализировать финансовую информацию, вести финансовые расчеты, сравнительного анализа финансовых решений для конкретной ситуации, решения финансовых задач и др.

Источник: составлено автором по данным [1], [3], [6], [7], [9], [12], [14]

Стоит отметить, что участниками рынка и образовательными учреждениями проделана серьезная работа, разработан огромный массив курсов и образовательных продуктов, различных по направлению обучения, формату, практической направленности, уровню подготовки обучающихся, и др. Нельзя не выделить проекты, направленные на повышение финансовой грамотности субъектов предпринимательства и бизнеса - фермеров, разработанный Россельхозбанком [6], а также образовательные программы НИУ ВШЭ, направленные как на подготовку кадров в области финансовой грамотности, так и просвещения детей, а также линейку образовательных продуктов Сбера для

широкой аудитории: от начинающего уровня до продвинутого. Вместе с тем, стоит отметить, что большинство программ преимущественно направлено на развитие финансовой грамотности и финансовой культуры молодежи, как в рамках предметов общего образования, так и в рамках дополнительных образовательных программ, предоставляющих возможность участия в конкурсах, олимпиадах по финансовой грамотности, льготные условия поступления в ВУЗы, что создает дополнительную мотивацию для школьников. Финансовое образование взрослого населения осуществляется на добровольной основе, и, преимущественно, в онлайн формате. В своей статье А.Назарова, В.Петров и Ю.Чуманов, ссылаясь на исследование J.L. Murphy, констатируют, что высокий уровень финансовой грамотности тесно связан с уровнем образования, также отмечаются корреляции с возрастом, достатком, состоянием отчаяния (чем ниже образование, тем более выражено отчаяние) и финансовой удовлетворенностью [5].

Существенная роль и миссия банков, по мнению автора, – просветительская, простыми словами, как можно больше показывать, рассказывать, учить, знакомить население с возможностями, благами, которые несут в себе различные финансовые решения, реализуемые в современном банкинге. Ведь лучше банков, как непосредственных поставщиков финансовых продуктов и услуг, о банковских продуктах никто не расскажет лучше самих банкиров. И чем выше будет доля финансово «просвещенных» граждан, тем здоровее будет общество в целом, а, следовательно, будет создаваться больше блага, что, в результате, окажет поддержку развитию устойчивости экономики страны за счет использования внутренних ресурсов. Так, Д. Маслакова, к элементам, формирующим финансовую грамотность относит финансовое образование, экономическую культуру и финансовую культуру [4].

Концептуально, процесс финансового образования населения и роль банков в его проведении, можно иллюстрировать в виде блок-схемы, как логическую взаимосвязь компонентов, представленную на рис.1. Таким образом, роль современного банкинга можно сформулировать как: формирование финансового здоровья нации – залог развития экономических благ и повышения устойчивости экономики страны.

Нельзя не отметить, что специфика текущей ситуации финансового образования в РФ можно охарактеризовать явлением, о котором еще в 2021 году

говорил в интервью Вениамин Каганов¹. Суть специфики заключается в том, что определенный пул знаний у населения в сфере финансовой грамотности сформирован, однако, мы видим более низкий уровень по сравнению с другими странами перехода этих знаний в установки, а «сформированные установки не всегда способствуют формированию правильных навыков при использовании финансовых услуг» [8].

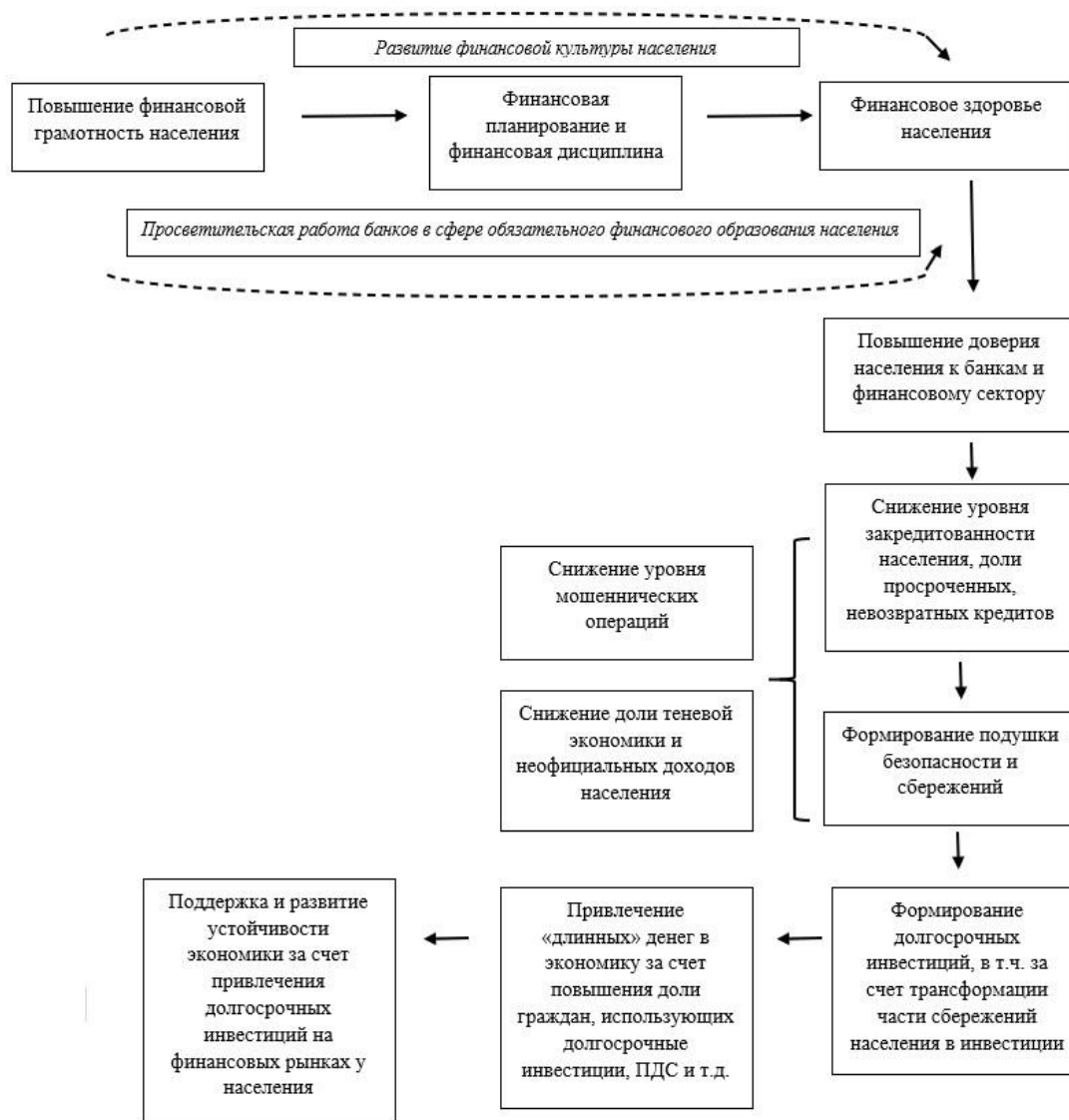

Рисунок 1 – Роль банков в процессе развития финансовой грамотности и культуры населения

Источник: составлено автором

¹ Вениамин Шаяевич Каганов, д.э.н., президент Ассоциации развития финансовой грамотности (АРФГ).

А. Тюриков и Д. Кужина в своем исследовании подтверждают и обосновывают факт того, что основополагающими в оценке финансово грамотного поведения должны стать критерии в виде уровня сформированности финансовой культуры и способности разумно распоряжаться обстоятельствами собственной жизни в финансовых ситуациях [11]. Кроме того, важной тенденцией в современном обществе является смещение доверительных каналов и источников информации о финансовых продуктах, услугах, инвестициях от традиционных финансовых учреждений в сторону каналов в социальных сетях, блогах, иных медиа, анализ данной ситуации приводится в докладе Банка России [13]. На рис.2 представлены источники получения финансовой информации, формирующие знания и решения населения.

Рисунок 2 – Источники знаний населения об инвестициях, %

Источник: *данные Банка России*

Как мы видим, профильное образование (11%) или профильная работа (7%), а также консультации с экспертами области (18%) имеют наименьшее влияние на формирование знаний и решений населения о финансовых услугах, в основном, такие знания и решения формируются под влиянием медиа и блогеров (37%), иными словами, финансовых инфлюенсеров. Для достижения целей Стратегии, автором предлагается матрица взаимодействия банков с населением в сфере финансового образования, представленная на рис.3.

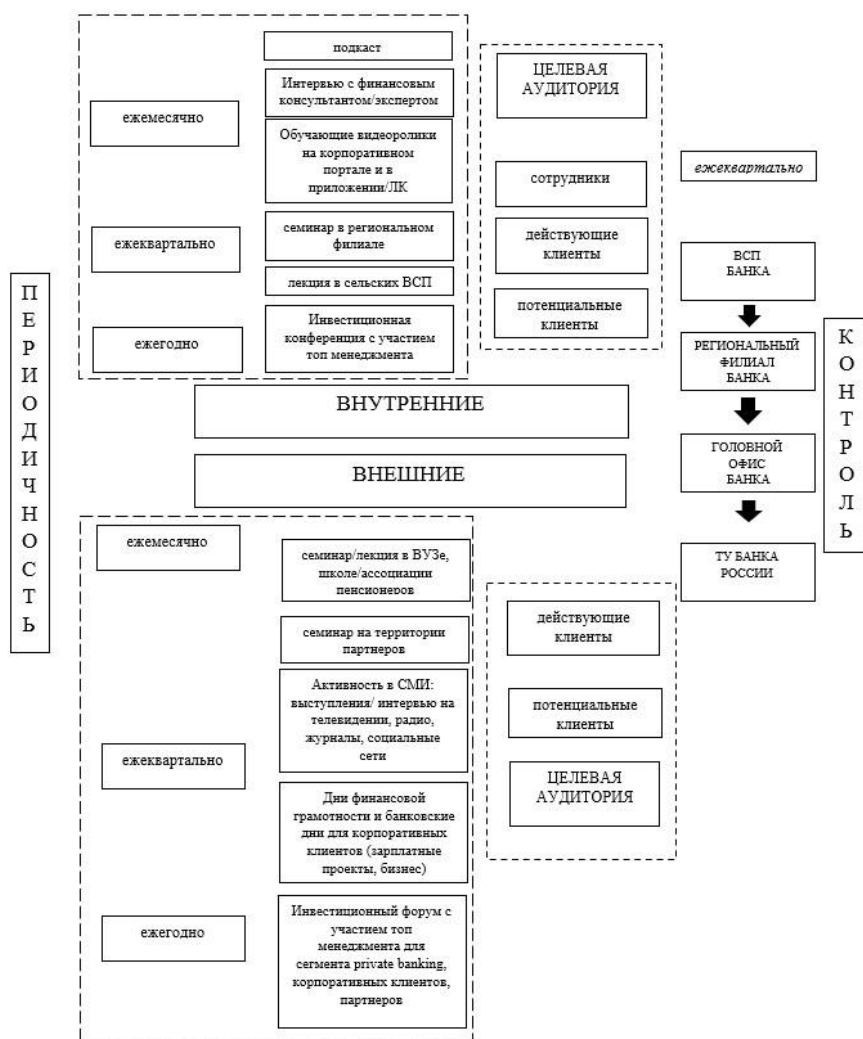

Рисунок 3 – Матрица взаимодействия банков с населением для достижения цели по развитию финансовой культуры

А. Ильченко отмечает, что отношение населения к личным финансам определяется личностными особенностями, а также социокультурной средой и экономическим статусом [2]. Неравное распределение сил влияние на потребителей финансовых услуг говорит о низком уровне доверия населения к традиционным финансовым институтам, и в то же время, несет большие риски для потенциальных инвесторов, использующих данные источники для принятия решений, т.к. нередко информация, транслируемая в подобных источниках создает ошибочное, иллюзорное мнение у граждан, не имеющих глубоких знаний в области инвестиций и финансовых рынков, о легкости получения прибыли за счет использования по своей сути сложно-структурированных финансовых продуктах.

Заключение

На основании вышеизложенного автором сформулированы следующие выводы и рекомендации для повышения роли банков для повышения финансовой грамотности и развития финансовой культуры в РФ:

1. В процессе повышения финансовой грамотности и развития финансовой культуры населения важно уделять должное внимание не только образованию молодежи, но и трудоспособного активного взрослого населения и пенсионеров.

2. Для достижения результата, а именно, формирования финансовой культуры, прививания во взрослом обществе грамотных финансовых установок, поведенческих привычек и финансовой дисциплины важно использовать доверительный канал работы с конкретной группой населения.

3. Для минимизации рисков и формирования негативного представления о работе финансовых рынков у населения, а также недопущения формирования у граждан ошибочного представления о возможности легкого получения заработка с использованием сложных финансовых инструментов рекомендуется проработать мероприятия по повышению уровня доверия к традиционным финансовым институтам, включая коммерческие банки, в т.ч. с помощью реализации матрицы взаимодействия банков с населением и повышение доли очных мероприятий в сфере финансового просвещения для граждан.

4. Равно как и с молодым поколением, так и для взрослого поколения важна обязательность и регулярность финансового образования.

5. Для достижения обязательности и регулярности финансового образования взрослых граждан предлагается реализовать механизм финансового образования населения при участии банков, иллюстрированный в предложенной автором матрице взаимодействия с населением.

6. Для реализации и контроля процессов и мероприятий, представленных в матрице взаимодействия банков с населением, рекомендуется:

6.1. Разработать и внедрить методические указания о реализации обязательного финансового просвещения банками населения;

6.2. Создать критерии и формат отчетности банков о результатах проведенных мероприятий в области финансового просвещения на регулярной основе с обязательным предоставлением такой отчетности в Банк России.

6.3. Реализовать проект в пятилетний срок. Оценить эффективность реализации механизма обязательного финансового просвещения банками населения ежегодно и по итогам пяти лет работы механизма.

Список источников

1. Альфа-Банк получил признание за проект по финансовой и цифровой грамотности [Электронный ресурс] URL: <https://globalmsk.ru/firmnews/id/36997> (дата обращения 05.03.2026 год).
2. Ильченко А.А. Финансовая грамотность как фактор повышения уровня жизни населения. Кандидатская диссертация. К.э.н. 5.2.4. Финансы. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского». 2024. 266 с. URL: <https://donnuet.ru/attachments/pdf/dissovet/ilchenko/I'lchenko-dissertaciya.pdf> EDN: EMEDIQ
3. Клуб «ФинЗдоровье». Автономная Некоммерческая Организация «Национальный центр финансовой грамотности» (АНО «НЦФГ»), официальный сайт [Электронный ресурс] URL: <https://ncfg.ru/> (дата обращения 01.03.2026 год).
4. Маслакова Д.О. Развитие финансовой грамотности в России: методика оценки и инструменты измерения. Кандидатская диссертация. К.э.н. 5.2.4. Финансы. ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет». 2025. 203 с. URL: https://si.sseu.ru/sites/default/files/dissertaciya_-_maslakova_d.o.pdf
5. Назарова А.Ю., Петров В.Е., Чуманов Ю.В. Психологическая детерминация финансовой грамотности населения в современных зарубежных исследованиях // Вестник Московского университета МБД России. Психологические науки. 2020. №4. С.291-296. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-determinatsiya-finansovoy-gramotnosti-naseleniya-v-sovremennyh-zarubezhnyh-issledovaniyah> EDN: 44047145; DOI: 10.24411/2073-0454-2020-10248
6. Названы победители конкурса программ и проектов банков по финансовой грамотности для МСП [Электронный ресурс] URL: <https://fincubator.ru/news/nazvany-pobediteli-vserossiyskogo-konkursa-obrazovatelnykh-programm-i-prosvetitskikh-proektov-kred/>
7. Онлайн-уроки по финансовой грамотности – просветительский проект Банка России [Электронный ресурс] URL: <https://dni-fg.ru/>
8. «Предмета «Финансовая грамотность» в школах не будет...». Интервью с В. Кагановым [Электронный ресурс] URL: <https://direktoria.org/journals/direktor-shkoly/7-260-2021/predmeta-finansovaya-gramotnost-v-shkolakh-ne-budet-intervyu-s-v-kaganovym/>
9. Программы повышения квалификации по финансовой грамотности [Электронный ресурс] URL: <https://fmc.hse.ru/study-programmes>

10. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.10.2023 № 2958-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года» [Электронный ресурс] URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=304737-rasporyazhenie_pravitelstva_rossiiskoi_federatsii_ot_24.10.2023__2958-r_ob_utverzhdenii_strategii_povysheniya_finansovoi_gramotnosti_i_formirovaniya_finansovoi_kul_tury_do_2030_goda (дата обращения 02.03.2026 год).
11. Тюриков А.Г., Кунижева Д.А. Оценка финансово грамотного поведения: от повышения финансовой грамотности к формированию финансовой культуры // Общество и экономика. 2024. №9. С.27-37. URL: <https://journals.rcsi.science/0207-3676/issue/view/17527>; EDN: AMVLKB; DOI: 10.31857/S0207367624090029
12. Финансовое долголетие [Электронный ресурс] URL: https://nko-aar.ru/fin_dolgolet/ (дата обращения 01.03.2026 год).
13. О подходах к регулированию деятельности финансовых инфлюенсеров [Электронный ресурс] URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/187191/Consultation_Paper_17022026.pdf (дата обращения 28.02.2026 год).
14. Школа финансов СберУниверситет [Электронный ресурс] URL: <https://sberuniversity.ru/learning/financial-school/> (дата обращения 01.03.2026 год).

УДК: 339.72; 34:330.322

Кокушкина Ирина Владимировна

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский государственный университет

кандидат экономических наук, доцент

Круглова Инна Александровна

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака

профессор кафедры экономики, управления и предпринимательства

доктор экономических наук, кандидат юридических наук, доцент

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ СИСТЕМНОГО УПРАВЛЕНИЯ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация:

Статья посвящена теоретическому исследованию места международных инвестиционных отношений (МИО) в системе международных экономических отношений с точки зрения системного подхода, используемого при изучении и анализа экономических процессов. Также на основании анализа российской и зарубежных систем правового регулирования в сфере инвестиционных отношений выделяются его особенности во взаимосвязи с управлением и его принципами. Приведена сравнительная характеристика МИО конца XX в и начала 2020-х гг.

Ключевые слова:

Международные экономические отношения, международные инвестиционные отношения, системное управление, правовое регулирование, инвестиционная деятельность.

UDC: 339.72; 34:330.322

Kokushkina Irina Vladimirovna

Russian Federation, Saint Petersburg

Saint Petersburg State University

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

Kruglova Inna Aleksandrovna

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak

Professor of the Department of Economics, Management and Entrepreneurship

Doctor of Economic Sciences, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor

INTERNATIONAL INVESTMENT RELATIONS AS AN OBJECT OF SYSTEMIC MANAGEMENT AND LEGAL REGULATION

Abstract:

This article is devoted to a theoretical study of the place of international investment relations (IIR) in the system of international economic relations from the perspective of a systems approach used in the study and analysis of economic processes. Based on an analysis of Russian and international legal regulation systems in the field of investment relations, its specific features are highlighted in relation to governance and its principles. A comparative analysis of IIR in the late 20th century and early 2020s is provided.

Keywords:

International economic relations, international investment relations, systemic management, legal regulation, investment activities.

Исследования теории и практики международных отношений демонстрируют тот факт, что они охватывают все явления и процессы, составляющие специфику и сущность общественных связей в международном масштабе. Прежде всего, это можно отнести к международным экономическим отношениям, поскольку они являются стержнем, основой возникновения, становления и развития международных отношений в целом.

Международные, в том числе экономические, отношения весьма динамично развиваются как вширь, так и вглубь. Еще в 1969 г. в ходе дискуссии, проведенной журналом «Мировая экономика и международные отношения», был принят за аксиому тот бесспорный факт, что изучение и научная разработка всего комплекса явлений международной жизни требует исходного признания международных отношений в качестве «динамично развивающейся системы» [1].

Следует подчеркнуть, что для изучения международной реальности системный подход признан как наиболее конструктивный путь. Этот подход дает возможность изучить отдельное явление с позиций общей системы, частью которой выступает это явление, а также рассмотреть его во взаимодействии с другими частями данной системы. «Принцип системности, – пишет русский

философ советского периода В.П. Кузьмин, – если его охарактеризовать в самом общем виде, означает, что явление объективной действительности, рассмотренное с позиций закономерностей системного целого и взаимодействия составляющих его частей, образует особую гносеологическую призму, или особое «измерение» действительности» [2].

Понятия «система» и «системный подход» получили большое распространение с середины 60-х годов XX в. На это были объективные причины: бурное развитие науки и техники, внедрение в производство сложного автоматизированного оборудования. Новые материальные условия общественного воспроизводства потребовали и соответствующих научных подходов к разработке адекватных принципов организации и управления народнохозяйственными процессами.

Системный подход характеризуется тем, что:

- относит исследуемые явления и процессы (связи, свойства, отношения) к целостной структуре;
- представляет исследуемый объект (явление, процесс) как сложную систему входных и выходных сигналов, т.е. определенную способность приема и адаптации информации;
- конкретизирует образ исследуемого объекта как системы, организованной внутренне определенными связями между элементами, служащими также объектами исследований [3].

Концепция системного подхода предусматривает научное познание специфических особенностей сложных объектов, в том числе высокоорганизованных систем, таких как системы международных отношений или мирового хозяйства.

Основываясь на концепции системного подхода, можно сделать вывод, что развитие – это процесс организации систем. При этом организационные задачи в условиях поступательного развития цивилизации постоянно растут и усложняются.

Организационные системы находятся в процессе постоянных преобразований, которые происходят под действием объективных законов развития.

В общественных науках одним из первых примеров применения метода системного познания сложных объектов явился проведенный К. Марксом в

«Нищете философии», «Экономических рукописях» и в «Капитале» анализ структуры социально-экономической системы современного ему общества, а также взаимодействия элементов этой структуры. С позиций системного подхода каждая область общественной деятельности может быть рассмотрена как сложное целое, система, которая подчиняется законам непрерывных внутренних изменений (хотя может сохранять элементы постоянные, исполняющие функции опоры системы) и непрерывных обменов с внешней средой (продукцией, энергией, информацией и т.д.) [4].

В основе системного подхода лежит понятие «система» (systema, греческ. – целостность; целое, составленное из частей).

Для всех систем свойственно: 1) принципиальная невозможность сведения свойств целостности к сумме свойств элементов и невозможность выведения свойств целостности из свойств элементов; 2) иерархичность объекта как системы, в рамках которой каждый элемент может рассматриваться как система (подсистема), а сам объект может трактоваться как элемент более широкой системы (подсистемы) [5]. Обе особенности, называемые также парадоксами иерархичности и завершенности систем, можно рассматривать как критерии вычленения общественных систем и подсистем различных ступеней.

В российской (советской) экономической литературе впервые о применении данного подхода к исследованию международных отношений говорится в монографии Э.А. Позднякова «Системный подход в международных отношениях» [6].

Эффективность системного подхода при изучении и анализе экономических процессов неоднократно подчеркивалась в дальнейшем и другими российскими и зарубежными учеными, например, А.А. Богдановым [7], который в своей работе «Тектология» (1912 г.) предпринял первую попытку осуществить системный анализ функционирования и управления социальными структурами; А.С. Кравецем [8], П. Фишером [9], Ю.В. Кузнецовым [10], и др. [11]. В частности, Ю.В. Кузнецов пишет о необходимости дальнейшей разработки системного подхода на диалектической основе, что открывает новые возможности для более глубокого анализа сложных экономических систем и соответствует наиболее общим тенденциям в развитии методологии науки [12]. Это положение в полной мере применимо и крайне важно для такой

относительно недавно сформировавшейся области науки, как наука о международных отношениях.

В рамках системного подхода в отношении исследуемой тематики достигается цель – обнаружение конкретных системных закономерностей и движущих сил развития и функционирования системы международных экономических отношений.

Таким образом, в процессе развития и видоизменения мирохозяйственных связей возникающий любой новый вид взаимоотношений между субъектами мирового хозяйства может быть выделен в структурный элемент системы международных экономических отношений. Это произойдет в случае, если возникшая совокупность отношений будет обладать рядом существенных признаков, свойственных структурным подсистемам МЭО. Этот тезис мы можем применить и к инвестиционным отношениям.

Эволюционный подход, который применяется для анализа и исследования МЭО, позволяет дать описание развития и взаимодействия их различных видов в исторической ретроспективе. Он позволяет отразить изменения и смещение роли каждого из видов МЭО в исторической ретроспективе (например, смена доминирующих на протяжении многих веков торговых отношений и переход возрастающей роли движения капитала или трансфера технологий).

Применительно к данному исследованию международные инвестиционные отношения (МИО) в качестве вложения капитала в предпринимательскую деятельность существовали еще в Древнем мире и в Средневековье. В качестве новой формы МЭО инвестиционные отношения стали оформляться к середине XX в. Это можно подтвердить следующими тезисами:

- МИО возникают в процессе трансформации одной из форм МЭО – вывоза капитала, то есть они генетически связаны с системой МЭО;
- МИО тесно связаны со всеми другими формами (элементами системы) МЭО и эти взаимосвязи четко прослеживаются в процессе осуществления мирохозяйственных связей.

Наиболее тесная зависимость существует между МИО и международной торговлей.

Так, говоря о международной торговле и инвестициях, необходимо отметить следующие аспекты их взаимодействия:

- и торговля, и инвестиции испытывают влияние одних и тех же факторов общехозяйственной и рыночной конъюнктуры;
- прямые иностранные инвестиции (ПИИ) часто выступают катализатором развития экспортного производства и таким образом способствуют увеличению доходов от внешней торговли;
- государственная политика в области регулирования внешней торговли сильно воздействует на привлечение ПИИ, и наоборот (либеральная торговая политика снижает барьеры на пути перемещения факторов производства и готовой продукции); и др.

Обладая всеми характеристиками международных экономических отношений, с вышеуказанных позиций теории систем, МИО выступают как подсистема (элемент) системы МЭО, которые в свою очередь являются элементом надсистемы международных отношений (МО).

Современные МИО отличаются сложной иерархической структурой и формируются под воздействием широкого круга разнообразных экономических, политических, социальных и множества других факторов, что позволяет рассматривать их в качестве большой системы с относительно самостоятельным поведением ее элементов (субъектов, подсистем), способных к адаптации к быстро меняющимся условиям их функционирования и находящихся в постоянном взаимодействии.

Выделение МИО как системного объекта подразумевает, что они и их элементы выступают объектом регулирования и управления.

По своей сути инвестиционные отношения представляют собой, как уже отмечалось, обособленные экономические (предпринимательские) отношения, неразрывно связанные с институтом собственности. Отсюда вытекает, что главным и ключевым методом в определении правовых норм и управленческих методов регулирования инвестиционных отношений является их выделение из общей совокупности общественных, экономических отношений. При этом следует подчеркнуть, что сфера и методы правового регулирования являются производными, поскольку они не автономны в государственной системе управления, а зависимы от конкретных, объективных экономических условий, которые определяются господствующими экономическими отношениями и соответствующими институтами власти, их стратегическим и текущими целями и задачами.

Очевидно, что в настоящее время, когда господствующими в мире являются рыночные отношения, основным объектом экономического и политического регулирования выступают отношения собственности, как их центральный элемент. При этом сущность регулирования этих многообразных, в силу огромного количества и видов собственников, отношений, состоит в согласовании соответствующих интересов – общих и общественных с частными и индивидуальными. То есть с позиций установления баланса интересов собственников должна строиться любая политика в странах и в мире в целом, в том числе инвестиционная политика и регулирование.

В данном случае целесообразно выделить характерные черты правового регулирования инвестиционных отношений, присутствующих в законодательствах большинства стран мира:

1. В основе систем правового регулирования инвестиционных отношений лежат нормы не только национального гражданского (в том числе финансового, торгового) законодательства, но и нормы международных соглашений, а также торговых обычаев;
2. Объектом регулирования выступают имущественные интересы как отечественных, так и иностранных собственников-инвесторов;
3. Некоторые нормы регулирования распространяются только на иностранные инвестиции;
4. Регулирование иностранных частных инвестиций является более сложным, чем регулирование государственного инвестирования, так как осуществляется путем норм национального и международного регулирования;
5. Специфические нормы регулирования часто применяются для ПИИ, когда инвесторы осуществляют их путем создания совместных предприятий, фирм со стопроцентным иностранным капиталом, филиалов фирм;
6. Регулирование инвестиционных отношений с портфельными и прочими инвесторами (кредиторами) подразумевает использование норм финансового права и др. [13].

Управление, в самом общем, виде представляет собой осознанную целенаправленную деятельность, с помощью которой человек упорядочивает и подчиняет своим интересам элементы окружающей природной среды, внешней социально-экономической среды, различные объекты и их совокупности, а также разнообразные процессы, системы отношений и др. Управление многообразно и

существует в самых различных видах: техническое, государственное, идеологическое, правовое, хозяйственное и др.

При этом, необходимо отметить, что категория *управление* весьма тесно связана с категорией *регулирования*. В разном контексте эти термины употребляются почти как синонимы. Так, например, Лопатников Л.И. пишет: «Регулирование (*regulation*) – вид управления, процесс, посредством которого характеристики управляемой системы удерживаются на заданной траектории» [14].

Практическая управленческая деятельность рассматривается в двух аспектах: управление обособленным объектом (процессом, системой и др.) как целым на основе общих принципов и управление, учитывающее особенности данного объекта и специфические принципы.

Управление, как известно, включает три характеризующих его специфику аспекта:

- институциональный (кто управляет объектом);
- функциональный (как управляют, по каким направлениям);
- инструментальный (какими методами осуществляется управление).

В рассматриваемой сфере эти аспекты реализуются, как было отмечено в настоящем исследовании, на трех уровнях: межгосударственном, региональном, национальном.

Сущность управления и регулирования в инвестиционной так же, как и в других сферах экономических отношений, состоит в достижении поставленных целей, что можно осуществить, выполнив следующие базисные задачи:

- сопоставить существующее положение в данной сфере с желаемым (путем составления конъюнктурных обзоров, прогнозирования);
- выявить важнейшие критерии принятия решений;
- определить систему принципов и методов управления;
- выбрать подходящие принципы, формы и методы контроля (в том числе промежуточного) за исполнением поставленных задач.

При этом, в сфере международных отношений, в силу объективных причин, мы не можем говорить об абсолютной управляемости этих систем, т.е. с помощью управляющих воздействий невозможно обеспечить конкретные заданные выходные параметры функционирования системы МИО. Поэтому в данном контексте авторы используют термин *регулирование*.

Управление в инвестиционной сфере приобретает ярко выраженные особенности, которые позволили выделить его специфику: направленность на решение многоцелевых задач и установление баланса многоуровневых разнонаправленных интересов национальных и зарубежных участников МИО.

Успешная инвестиционная деятельность возможна, как и в других сферах, лишь при правильной организации *управления*. При этом необходимо подчеркнуть, что три важнейших аспекта управления (институциональный, функциональный и инструментальный) имеют здесь свою специфику, которая определяется системным характером МИО.

В условиях глобализации МИО к.ХХ – н.ХХI в. становится объектом системного управления, то есть на любом уровне (международном, региональном, национальном) формируются соответствующие системы институтов и мер по регулированию этих отношений. В известной степени эти системы уже сложились, хотя и постоянно совершенствуются в соответствии с целями и стратегиями субъектов МИО. В современных условиях после того, как система МИО претерпела фундаментальную трансформацию от принципов либерализма и «Вашингтонского консенсуса» до геополитической фрагментации, проведения активной промышленной политики государствами и сдвигом инвестиций в высокотехнологичные отрасли экономики, принципы системного управления остаются в силе (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Сравнение развития МИО конца ХХ в и начала 2020-х гг.

Показатель	конец ХХ в.	н. 2020-х гг.
Идеология	Вашингтонский консенсус. Либерализация, дерегуляция, приватизация	Промышленная политика, «дерискинг», Технологический суверенитет
Геополитика	Однополярный мир. Инвестиции по направлению «Север – Юг»	Фрагментация Фрэндшоринг Нирошоринг Снижение ПИИ в Китай
Ключевые отрасли инвестирования	Финансовый сектор, телекоммуникации, нефтегазовые отрасли	AI/дата-центры, полупроводники, возобновляемая энергетика
Роль ТНК	Формирование ГЦСС	Геополитическое перемещение, цифровые ТНК из США и Китая
Развивающиеся страны	Рост доли ПИИ, концентрация в Азии, Латинской Америке	Снижение ПИИ в развивающиеся страны, 80% цифровых проектов – 10 стран

ESG/устойчивое развитие	Минимальное влияние международных инвестиционных отношения	Рост зеленых ПИИ, ESG как фактор привлечения инвестиций
Торговые ограничения	Снижение барьеров	3000+ ограничений в год

Источник: *составлено авторами*

Системное управление – обобщающий термин, под которым автор понимает взаимодействие двух многоуровневых систем: самих МИО и системы управления ими.

Учитывая вышеизложенное, можно выделить *принципы и особенности* управления в инвестиционной сфере.

К особенностям можно отнести:

- взаимосвязи между участниками инвестиционных отношений (принимающее государство, отечественные и зарубежные инвесторы) не сводятся только к рыночным – между ними, кроме правовых, организационных и финансовых отношений, разворачивается более тесное взаимодействие в социальной, межкультурной, научно-технической и психологической областях;
- управление в данной сфере нацелено на реализацию многоцелевых задач и установление баланса многоуровневых разнонаправленных интересов национальных и зарубежных участников МИО;
- при принятии решений в инвестиционной сфере необходимо проведение комплексного анализа глобальной бизнес-среды с позиции оценки разных уровней инвестиционного климата и риска;
- необходимым элементом стратегического управления в инвестиционной сфере является прогнозирование, дающее возможность сравнения различных вариантов развития инвестиционного процесса и выбора оптимального из них в определенных условиях;
- в настоящее время сформировались системы регулирования МИО как на межгосударственном, так и региональном и национальном уровнях; безусловно их роль изменяется под действием различных факторов в последнее время, но сама система остается неизменной.

Специфическими принципами в сфере управления инвестиционными отношениями являются:

- системность;

- учет большого количества факторов (в том числе социальных, а также национальных особенностей страны-реципиента капитала);
- формирование базовой стратегии и ее альтернатив;
- идентификация, количественная и качественная оценка всех видов коммерческих и некоммерческих рисков инвестиций;
- комплексность; и др.

Методология системного управления, разработки и реализации стратегий в инвестиционной сфере включает системный инвестиционный анализ, инвестиционное прогнозирование, выбор средств и методов осуществления вариантов стратегического управления инвестициями.

Из изложенного можно сделать следующие выводы:

- к концу XX в. инвестиционные отношения стали неотъемлемой частью развивающейся и совершенствующейся системы МЭО;
- в настоящее время, в условиях геополитической фрагментации, происходит изменение инвестиционных процессов: речь идет о смене общих тенденций либерализации, открытости, и переходе к геополитической фрагментации, заключающейся в геополитических расчетах, промышленной политике и стратегической конкуренции.
- возникновение и развитие международных инвестиционных отношений (МИО) – объективный, закономерный процесс, который имеет свою довольно долгую историю. Он теснейшим образом связан и развивается в русле действующей тенденции развития мировой экономики и отражает их изменение;
- МИО являются относительно недавно (во второй половине XX в.) оформившейся структурной частью системы МЭО, тем не менее им присущи все отличительные черты таких отношений;
- Международные инвестиционные отношения в системе МЭО выступают с одной стороны, как фактор усиления интернационализации, расширения и углубления экономических связей между группами стран и отдельными странами, с другой стороны, как фактор усиления неравенства и технологического разрыва между странами в эпоху цифрового и технологического развития;
- МИО являются специфическим элементом современной системы международных связей в том смысле, что практически все другие ее элементы пересекаются по линии инвестиционных отношений;

– Анализ масштабов и географического распределения потоков капитала в мировом хозяйстве, а также многообразие проявлений инвестиционной деятельности показывают, что участие в МИО – неотъемлемый элемент системы внешнеэкономических отношений подавляющего большинства стран мирового сообщества;

– МИО представляют собой сложный объект системного управления, т.е. на любом уровне мирового хозяйства (международном, региональном, национальном) формируются соответствующие системы институтов и мер по регулированию этих отношений.

Таким образом, формирование МИО свидетельствует о том, что система МЭО постоянно развивается как вширь, так и вглубь, совершенствуются организационные структуры, формы и методы управления, и процесс этот еще далеко не завершен и претерпевает изменения под действием современных тенденций развития мировой экономики.

Список источников

1. Кокушкина И. В. Международные инвестиционные отношения в системе мирохозяйственных связей. СПб.: Наука, 2005
2. Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1976. С. 10.
3. Клир Г. Абстрактное понятие системы как методологическое средство. – В кн.: Исследования по общей теории систем. М., 1969;
4. Юдин Е. Становление и характер системной организации. – Системные исследования. Ежегодник. 1971–1972. С. 18–30, и др.
5. Аверьянов А.Н. Категория «система» в диалектическом материализме. М., 1974. С. 7–20.
6. Поздняков Э.А. Системный подход в международных отношениях. М., 1976.
7. Богданов А.А. Тектология – всеобщая организационная наука. М., 1989.
8. Кравец А.С. Методология науки. М., 1991.
9. Fisher P. System Advice for Russian Statistics. 1994–1995. Proposal for Goskomstat of the RF. – Eurostat. 1994. January.
10. Кузнецов Ю.В. Развитие методологии менеджмента. – Проблемы теории и практики управления. 1997. № 4.
11. Фельдман Д.О. О системном исследовании международных отношений. – В сб.: Вопросы развития и сотрудничества социалистических стран. М., 1974. Ч. II.
12. Кузнецов Ю.В. Методологические основы теории организации. Препринт научного доклада на семинаре ИРЭ РАН. СПб., 2000. С. 6–7.

13. Кокушкина, И. В. Управление инвестиционным процессом в России: правовые аспекты / И. В. Кокушкина // Юридическая мысль. – 2010. – № 2(58). – С. 66-74. – EDN MSSWEF.

14. Лопатников Л.И. Экономико-математический словарь. Словарь современной экономической науки. – 5-е изд., перераб. И доп. – М.: Дело, 2003. Электронная версия словаря.

УДК: 657.9

Комаров Антон Анатольевич

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака
аспирант

Пирогова Оксана Евгеньевна – научный руководитель

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
профессор Высшей школы сервиса и торговли
доктор экономических наук, доцент

ДВУХКОНТУРНЫЙ МЕТОД ОЦЕНКИ РЫНОЧНОЙ СТОИМОСТИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ КОМПАНИИ

Аннотация:

В работе формализована двухконтурная модель, разделяющая рыночную оценку портфеля прав и рыночную оценку бизнеса в целом. Предложен алгоритм применения метода, описаны требования к исходным данным и направления оптимизации инвестиционного процесса. Результаты могут быть использованы финансовыми аналитиками и оценщиками для повышения обоснованности инвестиционных решений.

Ключевые слова:

Оценка бизнеса, права на активы, инвестиционная стоимость, дисконтирование денежных потоков, двухконтурная модель, ставка дисконтирования.

UDC: 657.9

Komarov Anton Anatolyevich

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak
Postgraduate student

Pirogova Oksana Evgenevna – scientific supervisor

Russian Federation, Saint Petersburg

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
Professor of the Higher School of Service and Trade
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

TWO-CIRCUIT MARKET EVALUATION METHOD AN INVESTMENT COMPANY

Abstract:

The purpose of the article is to develop an applied methodology for market valuing an investor company whose activities are based on the ownership of rights to assets. The paper formalizes a two-circuit model separating the valuation of the rights portfolio and the valuation of the business as a whole. An algorithm for applying the method is proposed, the requirements for input data and directions for optimizing the investment process. The results can be used by financial analysts and appraisers to increase the validity of investment decisions.

Keywords:

Business valuation, rights to assets, investment value, discounted cash flow, two-circuit model, discount rate.

В современной экономике все большее значение приобретают инвестиции, направленные на приобретение материальных активов или долей в капитале с целью получения контроля над будущими денежными потоками через оформление различных прав на активы. К таким сделкам также относятся приобретение лицензий, франшиз, заключение концессионных соглашений, договоров аренды (право пользования) и уступка прав требования. Целью исследования является разработка прикладной методики оценки рыночной стоимости компании-инвестора, чья деятельность основана на приобретении прав на активы. Традиционные подходы к оценке бизнеса (доходный, сравнительный, затратный) обладают ограничениями в условиях высокой волатильности и дефицита рыночных данных, что особенно актуально для непубличных компаний и специфической институциональной среды¹.

В данной статье предлагается методика, учитывающая двойственную природу таких инвестиций: с одной стороны, право на актив выступает самостоятельным объектом, генерирующим денежные потоки; с другой – оно интегрировано в действующий бизнес, изменяя его общий риск-профиль и стоимость. Методика базируется на развитии математического аппарата дисконтирования денежных потоков и формализации входных параметров, что позволяет получать результаты, пригодные как для управленческих решений, так и для подготовки отчетности в соответствии с российскими и международными стандартами².

1. Концепция «прав на активы» как объекта оценки

Для целей разрабатываемой методики права на активы определяются как совокупность договорных или иных юридических прав, предоставляющих компании возможность получать экономические выгоды (денежные притоки или экономию затрат) от использования, контроля или монетизации базового актива в течение срока действия права. Данная трактовка согласуется с положениями международных стандартов финансовой отчетности:

- Согласно IAS 38 «Нематериальные активы», нематериальный актив является идентифицируемым, если он возникает из договорных или иных юридических прав; среди примеров прямо названы лицензии и другие аналогичные права³.
- IFRS 16 «Аренда» вводит понятие актива в форме права пользования (right-of-use), что подчеркивает экономическую сущность такого права как самостоятельного носителя будущих выгод и связанных с ним обязательств⁴.

В оценочной практике ключевым остается принцип, согласно которому стоимость определяется приведенной стоимостью ожидаемых будущих денежных потоков, а корректность результата зависит от качества прогноза и ставки дисконтирования [1, с. 145].

2. Двухконтурная модель оценки

Предлагаемая методика представляет собой **двухконтурную модель**:

- **Контур А** – оценка портфеля прав на активы как совокупности инвестиционных проектов, каждый из которых генерирует специфические денежные потоки и несет присущие ему риски.
- **Контур В** – оценка стоимости компании-инвестора (бизнеса в целом) с учетом влияния прав на свободные денежные потоки и общий риск-профиль.

Такой подход позволяет получить следующие выходные результаты:

- EV_0 – стоимость бизнеса (enterprise value) на дату оценки.
- EqV_0 – стоимость собственного капитала (equity value) с учётом чистого долга и/или корректировок на неоперационные активы/обязательства.
- $PV(Rights)$ – приведённая стоимость портфеля прав (как самостоятельного набора потоков/рисков).
- ΔV – добавленная стоимость для компании-инвестора от приобретения прав: разница между стоимостью компании «с правами» и «без прав» при согласованной базе оценки.

- p^{max} – максимально допустимая цена сделки (или диапазон) по приобретению прав при заданной доходности/риске (используется в переговорах и инвестиционном комитете).

3. Формализация входных параметров и логика расчета

Методика предполагает фиксацию базы стоимости в зависимости от цели оценки⁵. Далее задаются пять групп входных параметров.

3.1. Параметры группы 1: описание портфеля прав

Для каждого права i (контракт/лицензия/концессия/право пользования/право требования и т.д.) фиксируются:

- срок действия T_i , условия пролонгации, опции досрочного прекращения/выкупа;
- схема платежей: аванс/паушальный платёж, роялти, минимальные гарантии, CAPEX-обязательства, условные платежи (earn-out), штрафы;
- правовые ограничения: территория/эксклюзивность/сублицензирование/уступка прав, требования комплаенса и регуляторные ограничения;
- контрагентский риск: кредитное качество партнёра, условия обеспечения, ковенанты;

3.2. Параметры группы 2: модель операционных потоков, связанных с правами

Для каждого права строится прогноз свободных денежных потоков, которые возникают «только из-за» приобретения права (это снижает риск двойного счёта относительно базовой модели бизнеса).

Обозначим свободный поток по праву i в период t как $FCF_t^{(i)}$. Тогда приведенная стоимость права определяется по формуле:

$$PV(Right_i) = \sum_{t=1}^{T_i} \frac{FCF_t^{(i)}}{(1+r_i)^t} + \frac{RV_i}{(1+r_i)^{T_i}}$$

где:

- r_i – ставка дисконтирования, отражающая риск потока по праву i ;
- RV_i – остаточная стоимость права (возможная продажа/сублицензия/ликвидационная стоимость) на момент T_i ; при отсутствии остаточной стоимости $RV_i = 0$.

На практике $FCF_t^{(i)}$ рекомендуется определять через операционные драйверы (объем, цена, маржа, CAPEX, оборотный капитал), а также через «контрактные» элементы (роялти, гарантии, лицензионные сборы). В DCF-логике корректность модели определяется тем, что свободный денежный поток отражает денежные притоки/оттоки после налогов и необходимых инвестиций.

3.3. Параметры группы 3: ставка дисконтирования и риск-премии

Применяется интеграционный принцип расчета ставки: базовая ставка для бизнеса дополняется корректировками под специфические риски прав. Базовая ставка (средневзвешенная стоимость капитала) для оценки свободных денежных потоков фирмы (FCFF) имеет вид:

$$WACC = w_e \cdot r_e + w_d \cdot r_d \cdot (1 - T)$$

где w_e, w_d – доли собственного и заемного капитала; r_e – стоимость собственного капитала; r_d – стоимость долга; T – ставка налога на прибыль.

Стоимость собственного капитала может оцениваться по расширенной модели CAPM с учетом страновых и специфических рисков [2, с. 210]:

$$r_e = r_f + \beta \cdot (ERP) + CRP + Size + Specific$$

где r_f – безрисковая ставка; ERP – премия за рыночный риск; CRP – страновая премия за риск; $Size$ – премия за размер; $Specific$ – премии за специфические риски (контрагентские, правовые, технологические и др.).

Для учета рисков конкретного права возможны два режима:

- **Режим 1 (предпочтительный):** дисконтирование потоков по ставке $WACC$ бизнеса, но с корректировкой самих потоков на вероятности неблагоприятных событий.
- **Режим 2 (при неполных данных):** $r_i = WACC + \pi_i$, где π_i – экспертная надбавка за риск права.

3.4. Параметры группы 4: базовая модель бизнеса «без прав» и консолидация эффектов

Оценка стоимости компании-инвестора строится на свободных потоках к фирме (FCFF) или к капиталу (FCFE). Для цели оценки предприятия целесообразно использовать FCFF с дисконтированием по $WACC$, получая enterprise value.

Базовая формула для стоимости бизнеса:

$$EV_0 = \sum_{t=1}^n \frac{FCFF_t}{(1 + WACC)^t} + \frac{TV_n}{(1 + WACC)^n}$$

где TV_n – терминальная стоимость. [8]

Если компания и портфель прав после явного прогнозного горизонта переходят в устойчивый режим роста, терминальная стоимость может быть рассчитана по модели постоянного роста:

$$TV_n = \frac{FCFF_{n+1}}{WACC - g}$$

где g – устойчивый темп роста.

Для прав с конечным сроком терминальная стоимость часто принимается равной нулю или остаточной стоимости перепродажи, чтобы избежать методологической ошибки «вечного» дохода по истекающему контракту.

Консолидация эффектов прав в FCFF может выполняться двумя способами:

- Прямой способ: $FCFF_t = FCFF_t^{base} + \sum_i FCFF_t^{(i)}$, где $FCFF_t^{base}$ – потоки бизнеса в сценарии «без приобретения прав». [10]
- Разностный способ (для инвестиционных решений): сначала оценивается EV_0^{with} и $EV_0^{without}$, затем добавленная стоимость $\Delta V = EV_0^{with} - EV_0^{without}$. Этот способ удобен для инвестиционного комитета и верификации «инкрементальности» эффектов.

3.5. Параметры группы 5: опциональность и управленческая гибкость

Многие договоры содержат встроенные опционы (продление, расширение, досрочное прекращение, выкуп).

Для учёта таких возможностей предлагается применять концепцию «расширенного NPV»:

$$ENPV = NPV + OV$$

где OV – стоимость встроенной опции (option value), оценённая, например, биномиальной моделью/деревом решений или подходами реальных опционов. [4, р. 56]. Практически реальные опционы целесообразно применять избирательно – только по тем правам, где гибкость существенно меняет экономику (концессии с правом пролонгации, лицензии с возможностью расширения рынков и т.п.).

4. Алгоритм применения методики

Предложенный формализованный алгоритм включает следующие шаги:

1. **Фиксация базы стоимости и даты оценки** в зависимости от цели (сделка, отчетность, внутреннее управление).
2. **Инвентаризация портфеля прав:** сбор и верификация данных по каждому праву (сроки, платежи, ограничения, опционы).
3. **Построение базового прогноза бизнеса** без учета новых прав $FCFF_t^{base}$.
4. **Прогнозирование инкрементальных потоков** по каждому праву i : $FCF_t^{(i)}$ с учетом транзакционных и интеграционных издержек.
5. **Расчет ставки дисконтирования** $WACC$ для бизнеса и/или r_i для потоков отдельных прав согласно выбранному режиму).
6. **Оценка стоимости:** EV_0 , EqV_0 , $PV(Rights)$, ΔV ; при наличии существенной опциональности – корректировка через $ENPV$.
7. **Проверка устойчивости результата** (сценарный анализ, анализ чувствительности по ключевым драйверам).
8. **Формирование управленческого вывода:** допустимая цена P^{max} , рекомендации по структуре сделки, меры по снижению риска.

5. Практические рекомендации по применению

5.1. Требования к данным и их источники

Для успешного применения методики необходима систематизация данных по четырем блокам:

- **Блок А** (финансовая отчетность): бухгалтерская и управленческая отчетность, данные о CAPEX, оборотном капитале, долговой нагрузке, налоговой ставке.
- **Блок Б** (договорная экономика прав): тексты контрактов, графики платежей, формулы роялти, условия минимальных гарантий, опционы, штрафы, требования к инвестициям.
- **Блок В** (рыночные и макроэкономические параметры): безрисковая ставка, рыночная премия, страновые риск-премии, отраслевые бета-коэффициенты и мультипликаторы.
- **Блок Г** (правовой и операционный риск-профиль): результаты юридической проверки, оценка операционных рисков, ESG-факторы.

5.2. Оптимизация инвестиционного процесса

Повышение эффективности инвестиционной деятельности может достигаться за счет:

- **Стандартизации и «stage-gate» управления** – внедрения регламента с контрольными точками для раннего отсека слабых проектов.
- **Приоритизации прав по экономической материальности** – для небольших прав применяются упрощенные модели, для крупных и сложных – расширенные с использованием реальных опционов.
- **Управления рисками через структуру сделки** – использование отложенных платежей, роялти вместо крупного аванса, ковенантов, обеспечений [5, с. 312].

Заключение

Предложенная двухконтурная методика оценки рыночной стоимости компании-инвестора, осуществляющей вложения в права на активы, развивает традиционный DCF-подход за счет формализации портфеля прав как самостоятельного источника будущих выгод и обязательств. Методика содержит четкий алгоритм расчета, требования к исходным данным и рекомендации по оптимизации инвестиционного процесса с использованием цифровых инструментов. Ее применение позволяет повысить обоснованность управленческих решений при приобретении лицензий, концессий, франшиз и других прав, а также снизить транзакционные затраты без потери методологической строгости.

Список источников

1. Дамодаран А. Инвестиционная оценка: инструменты и методы оценки любых активов / пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2018. – 1316 с.
2. Брейли Р., Майерс С. Принципы корпоративных финансов / пер. с англ. – М.: Олимп-Бизнес, 2015. – 1008 с.
3. Коупленд Т., Коллер Т., Муррин Д. Стоимость компаний: оценка и управление / пер. с англ. – М.: Олимп-Бизнес, 2008. – 576 с.
4. Trigeorgis L., Reuer J.J. Real options theory in strategic management // Strategic Management Journal. – 2017. – Vol. 38, No. 1. – P. 42-63. – DOI: 10.1002/smj.2593.
5. Медведева О.Е., Шипулина Е.С. Оценка нематериальных активов: проблемы и перспективы // Вопросы оценки. – 2020. – № 4. – С. 2-11.

УДК: 338.984, 338.27, 336.648

Красюк Татьяна Николаевна

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

доцент кафедры менеджмента в строительстве

кандидат экономических наук

ВОЗМОЖНОСТИ ГРАФОВОГО И СТОХАСТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В РАЗРАБОТКЕ ФИНАНСОВЫХ МОДЕЛЕЙ СТОИМОСТИ

Аннотация:

Цель работы – разработать и апробировать концептуальную графовую модель, позволяющую на её основе конструировать модели принятия решений нового типа с использованием причинных связей и стохастических расширений. Задачи: продемонстрировать целесообразность использования гибких гибридных систем моделирования, объединяющих графовое моделирование, вероятностные методы, сценарный анализ для принятия инвестиционных решений, спектр получаемых результатов и их интерпретацию, а также их преимущество в волатильной среде в сравнении со статическими детерминированными моделями. Методология: методы инвестиционного анализа, стохастического моделирования, имитационные методы (метод Монте-Карло), байесовские графовые модели. Результаты: в разработанной модели NPV интерпретируется как распределение инвестиционной стоимости проекта, отражающее спектр возможных экономических результатов. При среднем положительном результате, дана оценка вероятности убыточного сценария, оценена глубина возможного риска. Результаты визуализированы в виде графовой модели с совокупным вероятностным распределением, представлены диаграммы рассеяния. Выводы: использование интегрированной графовой стохастической модели позволяет учитывать и визуализировать сложные зависимости между параметрами инвестиционного проекта, формировать более реалистичное представление о вероятностной структуре его стоимости.

Ключевые слова:

Стохастический фактор, графовая модель, моделирование стоимости, финансовая модель, NPV, управление рисками, метод Монте-Карло.

Благодарность: автор благодарит Манякина И.Н., PhD, Генерального Директора ООО МСистемы (г. Санкт-Петербург), за предоставленную возможность разработки модели на

платформе математического моделирования и интерпретируемого искусственного интеллекта на основе вероятностных графовых моделей Mbayes (внесена в Реестр российского ПО).

UDC: 338.984, 338.27, 336.648

Krasyuk Tatiana Nikolaevna

Russian Federation, Saint Petersburg

Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

Associate Professor of the Department of Management in Construction

Candidate of Economic Sciences

GRAPH AND STOCHASTIC MODELING CAPABILITIES IN THE DEVELOPMENT OF FINANCIAL VALUE MODELS

Abstract:

The purpose of the work is to develop and test a conceptual graph model, which makes it possible to construct a new type of decision-making models using causal relationships and stochastic extensions. Objectives: to demonstrate the feasibility of using flexible hybrid modeling systems that combine graph modeling, probabilistic methods, scenario analysis for making investment decisions, the range of results obtained and their interpretation. as well as their advantage in a volatile environment compared to static deterministic models. Methodology: methods of investment analysis, stochastic modeling, simulation methods (Monte Carlo method), Bayesian graph models. Results: in the developed model, NPV is interpreted as the distribution of the investment cost of the project, reflecting the range of possible economic results. With an average positive result, the probability of a loss-making scenario is assessed, and the depth of possible risk is assessed. The results are visualized as a graph model with cumulative probability distributions, scatterplots are presented. Conclusions: the use of an integrated graph stochastic model allows you to take into account and visualize complex dependencies between the parameters of an investment project, to form a more realistic idea of the probabilistic structure of its value.

Keywords:

Stochastic factor, graph model, value modeling, financial model, NPV, Monte-Carlo method, risk management.

Acknowledgements: the author thanks Manyakin I.N., PhD, General Director of MSystems LLC (St. Petersburg), for the ability to develop an enlarged value model on the platform of mathematical modeling and interpretable artificial intelligence based on probabilistic graph models Mbayes (included in the Register of Russian Software).

Введение

В условиях высокой неопределённости экономической среды традиционные методы оценки инвестиционных проектов, основанные на детерминированных финансовых моделях, всё чаще сталкиваются с ограничениями в части учета сложных взаимосвязей между факторами стоимости и рисками проекта. Особенно это проявляется в капиталоемких отраслях, таких как строительство, где параметры денежных потоков, сроков реализации и стоимости ресурсов подвержены значительным стохастическим колебаниям. В связи с этим актуальным направлением исследований становится разработка финансовых моделей, способных учитывать многомерную неопределённость и структуру зависимостей между экономическими переменными.

Целью настоящего исследования является апробация концептуального модельного прогноза стоимости инвестиционного проекта. Модель представлена в виде графовой структуры и основана на стохастическом моделировании параметров денежных потоков с последующей оценкой совокупного распределения результирующих финансовых показателей. В качестве эмпирической иллюстрации рассматривается условный инвестиционный проект в сфере строительства, для которого осуществляется расчет распределения чистой приведённой стоимости (NPV).

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: формализация графовой структуры финансовой модели инвестиционного проекта; задание вероятностных распределений ключевых параметров; генерация сценариев; проведение стохастического моделирования совокупного распределения денежных потоков и показателя NPV; анализ чувствительности результатов к изменениям исходных параметров.

Научная новизна исследования заключается в интеграции графового представления финансовой модели инвестиционного проекта со стохастическим моделированием отдельных и совокупного распределений показателей эффективности, что позволяет учитывать структурные зависимости между параметрами проекта и получать вероятностную оценку его стоимости. Такого рода риск-ориентированный подход расширяет возможности традиционного анализа NPV и может быть использован для более обоснованной оценки инвестиционных решений в условиях неопределенности.

Методология исследования. Основным методологическим подходом, апробированным в данной работе, является применение графовых представлений финансовых моделей в сочетании со стохастическим моделированием. Графовая структура позволяет формализовать взаимосвязи между ключевыми параметрами проекта (инвестициями, операционными потоками, макроэкономическими факторами), а вероятностные методы – учитывать распределения параметров и получать совокупное распределение результирующих финансовых показателей, включая чистую приведённую стоимость (Net Present Value, далее - NPV). Подобные подходы развиваются в рамках современной финансовой эконометрики и теории вероятностных моделей. В частности, исследования D. Ahelegbey [1], M. West [2] и соавторов демонстрируют потенциал графовых и байесовских моделей для анализа финансовых зависимостей и сетевых структур риска. В то же время в работах G. Коор, D. Korobilis [3, 4] и других авторов Bayesian-подход применяется преимущественно к макроэкономическому прогнозированию и VAR-моделям, тогда как задачи инвестиционной оценки рассматриваются значительно реже. В российской научной литературе стохастические методы активно используются также в макроэкономическом моделировании и прогнозировании (О. Коротких, А. Полбин, С. Айвазян и др.) [5, 6, 7], однако применение графовых моделей в задачах оценки инвестиционных проектов пока остается ограниченным, что также подтверждается в работе Т. Красюк [8]. Финансовая модель является управленческим инструментом, встроенным в структуру бизнес-модели и обеспечивающим аналитическую поддержку принятия решений. Для принятия инвестиционного решения базовым показателем успешности инвестиций является формирование положительной текущей стоимости инвестиций (NPV). Метод дисконтированных денежных потоков сформирован и получил развитие в теории инвестиционного анализа и корпоративных финансов, начиная с работ И. Фишера и Д. Уильямса в 20-го века. Требования к финансовой модели сегодняшнего дня: адаптивность, гибридность и мультисценарность [8] .

Результаты и обсуждение. Определим основные узлы графа проекта-факторы, формирующие NPV инвестиционно-строительного проекта: уровень процентной ставки (n32), инфляции (n24, n33), цена реализации (n2, n16, n27), объем реализации (n8, n9, n17, n29, n18, n28 n10, , n31), стоимость строительства 1 единицы площади (n6, n13, n26),

административные и общехозяйственные расходы (n7, n15, n25), фактор дисконтирования (n3, n5, n22), дисконтированный операционный результат (n4, n11, n23), номера периодов (n12, n19, n30), начальные инвестиции (n21), NPV (n20), (см. Рис. 1).

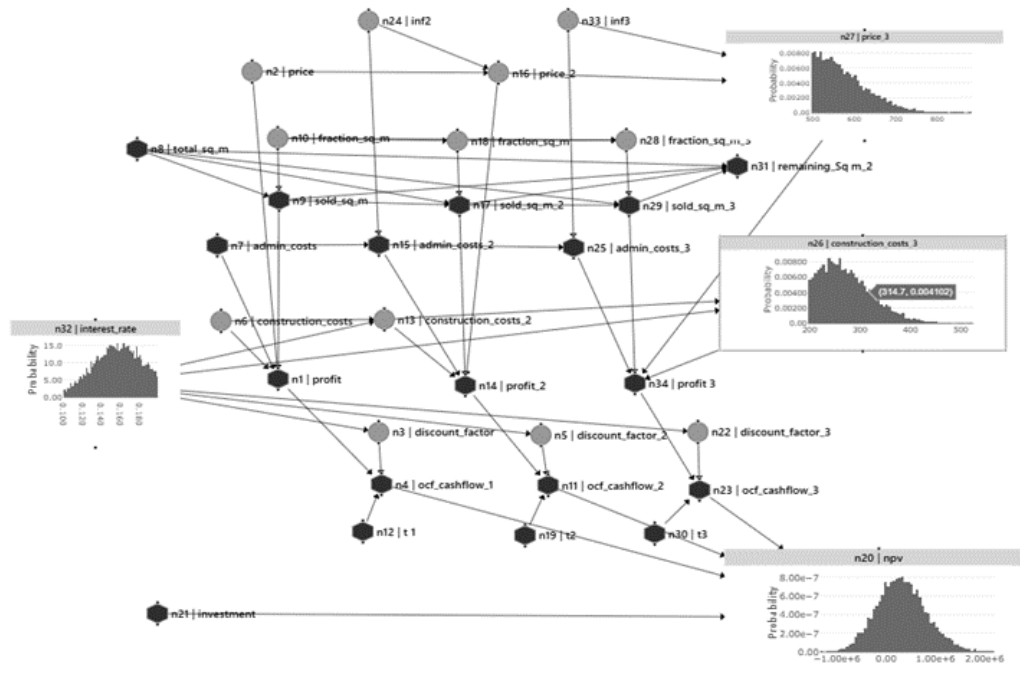

Рисунок 1 – Графовая модель с оценкой отдельных и совместного распределений узлов-факторов и NPV

Источник: составлено автором с использованием платформы Mbayes

Для узлов определены категория (непрерывный, категориальный, дискретный, детерминированный), заданы параметры условной вероятности, родительские узлы, формулы связей и расчетов. Проведена серия симуляций методом Монте-Карло. Результаты стохастического моделирования: NPV имеет положительное математическое ожидание ~348 млн. руб, при стандартном отклонении ~505,2 млн.руб., что указывает на общую экономическую целесообразность проекта при среднем сценарии. Коэффициент вариации - 1,45 свидетельствует о высокой возможной волатильности результатов. Согласно результатам симуляции, 90% значений NPV находятся в интервале от -455 млн. до 1,21 млрд., при доверительном интервале 95% диапазон расширяется до значений от -606 млн. до 1,36 млрд. При этом вероятность отрицательного значения NPV составляет примерно 29% случаев, что свидетельствует о наличии умеренного инвестиционного риска (рис.2). Значение VaR на уровне 95% ~-455

млн. характеризует средний масштаб убытков в наиболее неблагоприятных 5% случаев, в то время как глубина рисков сценариев (Expected Shortfall) ~ -611 млн. руб. показывает нижнюю границу неблагоприятных сценариев. Влияние факторов на формирование NPV и оценка рассеяния значений приведены на рис. 3.

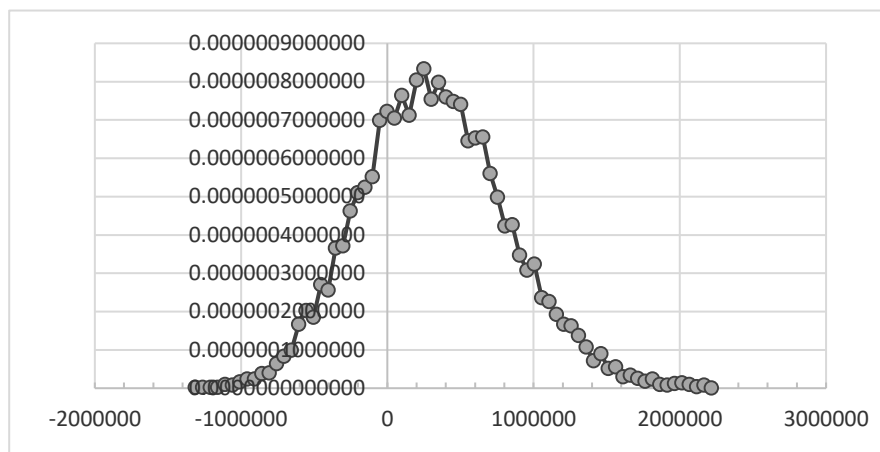

Рисунок 2 – Результаты распределения NPV и плотности вероятности
Источник: *составлено автором*

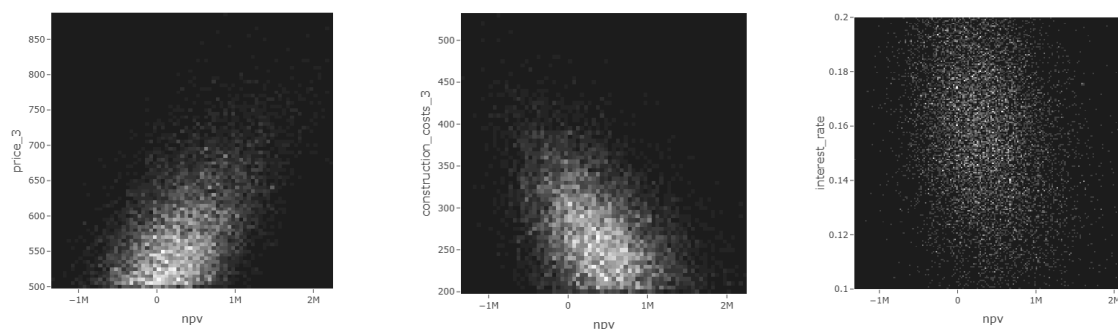

Рисунок 3 – Диаграммы рассеяния NPV и влияющих факторов (цены, стоимости строительства, процентной ставки)

Источник: *составлено автором на основе имитационного моделирования с использованием платформы Mbayes*

Выводы

Полученное в результате имитационного моделирования распределение NPV демонстрирует правостороннюю асимметрию, что означает наличие значительного потенциала положительных результатов при ограниченном масштабе неблагоприятных исходов. Использование интегрированной графовой

и стохастической методологии позволяет визуализировать факторные зависимости, оценить вероятности рисков и благоприятных сценариев, получить более реалистичный результат в сравнении с детерминированными финансовыми моделями, тем самым обеспечить резильентность инвестиционного решения.

Список источников

1. Ahelegbey D. The Econometrics of Bayesian Graphical Models: A Review With Financial Application // MPRA Paper 92634. -: University Library of Munich. 2015. URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/92634/> (дата обращения: 01.03.2026)
2. Gurtuev A., Derkach, E., Makhosheva, S., Ivanov, Z. A Bayesian approach to investment in innovation projects with the presence of fake innovators// Heliyon. - 2020 г.
3. Koop G., Korobilis, D. Bayesian dynamic variable selection in high dimensions //International Economic Review. –2023. V. 64. - P. 1047-1074. <https://doi.org/10.1111/iere.12623>
4. Koop G., Korobilis D., Pettenuzzo, D. Bayesian compressed vector autoregressions // Journal of Econometrics. – 2019. - V. 210. №1. - P. 135-154.
5. Korotkikh O. A Multi-Country BVAR Model for the External Sector // Деньги и Кредит. - 2020.- V. 79. №4. - P. 98-112. doi: 10.31477/rjmf.202004.98
6. West M. Harris J. Bayesian Forecasting and Dynamic Models. - Springer New York, NY: Springer New York, NY, 1997. <https://doi.org/10.1007/b98971>
7. Айвазян С. А. Байесовский подход в эконометрическом анализе // Прикладная эконометрика. - 2008 г.- Т. 1. №9. С. 93-130.
8. Красюк Т. Н. Особенности финансового моделирования как инструмента адаптивности в условиях резильентности // Устойчивое развитие интеллектуальной экономики и промышленности в условиях резильентности. - Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2025. С. 640-666. doi:10.18720/IEP/2025.5/33
9. Полбин А.В. Шумилов А.В. Прогнозирование основных российских макроэкономических показателей с помощью TVP-модели с байесовским сжатием параметров // Вопросы статистики. – 2023. – Т. 30. – № 4 С. 22-32.

УДК: 336.011

Лалиев Никита Алексеевич

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака
аспирант

Богатырев Семен Юрьевич – научный руководитель

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака
профессор кафедры экономики, управления и предпринимательства
доктор экономических наук, доцент

ИНСАЙДЕРСКАЯ ТОРГОВЛЯ КАК НАРУШЕНИЕ СИЛЬНОЙ ФОРМЫ ГИПОТЕЗЫ ЭФФЕКТИВНОГО РЫНКА

Аннотация:

В статье рассматривается, как инсайдерская торговля опровергает сильную форму гипотезы эффективного рынка: внутренняя информация позволяет получать избыточную доходность до её публичного раскрытия.

Ключевые слова:

Инсайдерская торговля; гипотеза эффективного рынка; поведенческие финансы; фондовый рынок; информационная асимметрия.

UDC: 336.011

Laliev Nikita Alekseevich

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak

Postgraduate student

Bogatyrev Semyon Yurievich – scientific supervisor

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoly Sobchak

Professor of the Department of Economics, Management and Entrepreneurship

Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

INSIDER TRADING AS A VIOLATION OF THE STRONG FORM OF THE EFFICIENT MARKET HYPOTHESIS

Abstract:

The article examines how insider trading refutes the strong form of the efficient market hypothesis: non-public information allows market participants to earn excess returns before it is publicly disclosed.

Keywords:

Insider trading; efficient market hypothesis; behavioral finance; stock market; information asymmetry.

Введение

Гипотеза эффективного рынка занимает ключевое место в финансовой теории, поскольку объясняет, насколько цены ценных бумаг отражают информацию. В классической трактовке эффективный рынок – это рынок, на котором цены полностью учитывают доступную информацию, а получение устойчивой избыточной доходности за счёт информационного преимущества невозможно. В рамках данной концепции выделяются слабая, полусильная и сильная формы эффективности; сильная форма предполагает, что цены отражают даже закрытую информацию, доступную лишь ограниченному кругу лиц [1].

Если лица, обладающие существенной непубличной информацией, систематически извлекают прибыль из сделок, это означает, что цена не содержит всей релевантной информации в момент сделки. Для поведенческих финансов это особенно важно, поскольку проблема связана не только со скоростью включения информации в цену, но и с информационной асимметрией и ограничениями реального рынка [2].

Цель статьи – рассмотреть инсайдерскую торговлю как эмпирическое свидетельство нарушения сильной формы гипотезы эффективного рынка. Рабочая гипотеза состоит в том, что систематическая избыточная доходность обладателей непубличной информации противоречит предпосылке полного отражения всей информации в цене.

Слабая форма гипотезы эффективного рынка означает отражение в ценах прошлых рыночных данных, полусильная – всей публичной информации, а

сильная – всей релевантной информации, включая закрытую. Поэтому сильная форма задаёт максимально строгий критерий информационной эффективности.

Если слабая и полусильная формы проверяются через динамику цен и реакцию на публичные новости, то сильная форма проверяется через наличие преимущества у обладателей закрытой информации. Иными словами, её тест связан с вопросом, способен ли внутренне информированный участник получать сверхнормальную доходность за счёт своего информационного преимущества. В научной литературе поведенческий подход рассматривается как направление, объясняющее расхождения между рациональными моделями и фактическим поведением участников рынка. С данной точки зрения, сильная форма гипотезы эффективного рынка выступает скорее нормативным ориентиром, чем точным описанием реального рынка [2].

Инсайдерская торговля представляет собой сделки лиц, обладающих существенной непубличной информацией о компании. Для финансовой теории важен не столько юридический аспект, сколько сам факт наличия информационного преимущества. Если такая информация позволяет получать прибыль, значит рыночная цена в момент сделки не является полностью информационно насыщенной [3].

Для проверки сильной формы гипотезы эффективного рынка важно именно то, получают ли сами инсайдеры систематическую избыточную доходность. Даже если внешние инвесторы не могут воспроизвести их стратегию из-за транзакционных издержек или задержки раскрытия сведений, сама прибыль инсайдеров уже свидетельствует о неполном отражении информации в цене. Следовательно, существование инсайдерской торговли является противоречием сильной формы гипотезы эффективного рынка: она показывает, что закрытая информация имеет рыночную ценность до момента её официального раскрытия [4]. Ранние исследования по данной теме показали, что специальная внутренняя информация и сделки инсайдеров могут рассматриваться как фактор будущей динамики цен [3]. В дальнейшем эта линия получила развитие в работах, основанных на анализе крупных массивов инсайдерских сделок.

В одном из крупных эмпирических исследований анализируются около 60 тыс. инсайдерских покупок и продаж за 1975–1981 годы. Полученные результаты показывают, что инсайдеры способны получать сверхнормальные

доходы, а значит, вопрос об инсайдерской торговле следует рассматривать как систематический тест рыночной эффективности, а не как совокупность единичных наблюдений [4]. Дальнейшие исследования инсайдерской активности компаний на крупнейших американских биржах показывают, что наибольшая информативность связана именно с инсайдерскими покупками, особенно в сегменте небольших компаний. Установлено, что компании с интенсивными инсайдерскими покупками опережают компании с интенсивными инсайдерскими продажами на 7,8% в следующие 12 месяцев, а после введения контрольных поправок – на 4,8% [5].

Тем самым, в научной литературе показывается устойчивое информационное преимущество инсайдеров, несовместимое со строгой трактовкой сильной формы гипотезы эффективного рынка.

Российский рынок представляет особый интерес для проверки сильной формы гипотезы эффективного рынка, поскольку на развивающихся рынках эффекты неравномерного доступа к информации обычно выражены сильнее. Исследования показывают, что на таких рынках инсайдеры получают более высокую аномальную доходность перед важными корпоративными событиями, а масштаб нарушений связан в том числе с жёсткостью регулирования инсайдерской торговли. В этом смысле российский рынок является частным случаем общей закономерности. Особенно показательны данные по сделкам слияний и поглощений, то есть по событиям с высокой ценовой значимостью. На выборке из 36 сделок M&A на российском рынке за 2006–2013 годы зафиксированы положительные кумулятивные аномальные доходности ещё до официального объявления, причём ACAR достигает 15% к дате объявления или первого слуха. Статистически значимый эффект появляется уже с дня –12. Важен и временной профиль реакции: около двух третей кумулятивной аномальной доходности реализуются до официального объявления сделки. Это означает, что значимая информация начинает отражаться в ценах раньше её формального раскрытия. Дополнительным подтверждением служит аномальный торговый объём: его рост начинается примерно за пять дней до объявления, а к моменту публикации новости достигает 382% от стандартного уровня. Такое сочетание аномальной доходности и объёма указывает на вероятное преждевременное распространение информации [6]. Тем самым - условиях более высокой

информационной асимметрии нарушение сильной формы ЕМН проявляется ещё более отчётливо.

С точки зрения поведенческих финансов инсайдерская торговля показывает, что рынок не является пространством полной информационной симметрии. Поведенческий подход исходит из того, что фактическое ценообразование зависит не только от самой информации, но и от различий в доступе к ней, в способности её интерпретировать и в скорости реакции участников [2]. Поэтому сильная форма гипотезы эффективного рынка выступает скорее как предельная абстракция, чем как реалистичное описание рынка. Интерпретация со стороны поведенческих финансов не отрицает полезность идеи гипотезы рыночной эффективности, но ограничивает сферу её применимости. Рынок может достаточно быстро учитывать публичную информацию и при этом оставаться неэффективным в сильной форме, если отдельные участники систематически извлекают выгоду из непубличного знания. В таком случае инсайдерская торговля выступает не частным отклонением, а индикатором структурной неоднородности информационной среды [2].

Заключение

Проведённый анализ показывает, что инсайдерская торговля является одним из наиболее убедительных аргументов против сильной формы гипотезы эффективного рынка. В её классической трактовке цена должна полностью отражать всю релевантную информацию, включая внутреннюю. Однако в научной литературе описано, что сделки инсайдеров обладают прогностической силой и связаны с получением избыточной доходности. Это означает, что внутренняя информация не полностью включена в цену в момент совершения сделки. С позиции поведенческих финансов данный результат имеет более широкий смысл. Он показывает, что рыночное ценообразование определяется не только формальным наличием информации, но и структурой доступа к ней, скоростью её переработки и институциональной организацией рынка. Поэтому сильная форма гипотезы эффективного рынка сохраняет значение как теоретический подход, но не подтверждается как реалистичное описание функционирования реального фондового рынка. Инсайдерская торговля, таким образом, выступает не частным случаем, а эмпирическим проявлением пределов полной информационной эффективности.

Список источников

1. Fama E. F. Efficient Capital Markets: A Review of Theory and Empirical Work // The Journal of Finance. 1970. Vol. 25, no. 2. P. 383–417.
2. Богатырев С. Ю. Поведенческие финансы в России: теория и практика // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2016. № 4 (175). С. 32–45.
3. Jaffe J. F. Special Information and Insider Trading // The Journal of Business. 1974. Vol. 47, no. 3. P. 410–428.
4. Seyhun H. N. Insiders' Profits, Costs of Trading, and Market Efficiency // Journal of Financial Economics. 1986. Vol. 16, no. 2. P. 189–212.
5. Lakonishok J., Lee I. Are Insider Trades Informative? // The Review of Financial Studies. 2001. Vol. 14, no. 1. P. 79–111.
6. Chirkova E., Agamian G. Insider Trading in the Russian Stock Market before the Announcements of Mergers and Acquisitions Deals // HSE Economic Journal. 2015. Vol. 19, no. 3. P. 395–422.

УДК: 336.763

Малышевская-Чуклинова Наталья Романовна

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака
аспирант

Шашина Ирина Александровна – научный руководитель

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака
доцент кафедры ценных бумаг и инвестиций
кандидат экономических наук

ФИЛОСОФИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ РЕШЕНИЙ РОЗНИЧНЫХ ИНВЕСТОРОВ НА ФОНДОВОМ РЫНКЕ: ОТ РАЦИОНАЛЬНОСТИ К КОГНИТИВНЫМ ИСКАЖЕНИЯМ

Аннотация:

Эффективность инвестиционной деятельности розничных инвесторов на фондовом рынке существенным образом зависит от наличия и степени проработанности индивидуальной инвестиционной философии, формирующей дисциплину принятия решений. Целью исследования является анализ философии инвестиционных решений розничных инвесторов с переходом от классических рациональных моделей к моделям, учитывающим когнитивные искажения и поведенческие факторы. Для достижения цели, в работе были решены задачи, связанные с изучением концепции философии инвестирования, систематизацией философий инвестирования зарубежных инвесторов, оценки влияния когнитивных искажений (непринятия потерь, чрезмерной самоуверенности) на устойчивость инвестиционных стратегий розничных инвесторов в условиях высокой волатильности и информационной насыщенности рынка. В заключении сделан вывод о том, что осознание когнитивных искажений и разработка механизмов их нейтрализации служат фундаментом для формирования устойчивой философии инвестирования розничных инвесторов на фондовом рынке.

Ключевые слова

Философия инвестирования, розничный инвестор, когнитивные искажения, инвестиционные решения, фондовый рынок, инвестиционные стратегии, дисциплина инвестирования.

UDC: 336.763

Malyshevskaya- Chuklinova Natalia Romanovna

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak
Postgraduate student

Shashina Irina Alexandrovna – scientific supervisor

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak

Associate Professor of the Department of Securities and Investments

Candidate of Economic Sciences

THE PHILOSOPHY OF RETAIL INVESTORS' INVESTMENT DECISIONS IN THE STOCK MARKET: FROM RATIONALITY TO COGNITIVE DISTORTION PHILOSOPHY OF RETAIL INVESTORS' INVESTMENT DECISIONS IN THE STOCK MARKET: FROM RATIONALITY TO COGNITIVE DISTORTION

Abstract:

The effectiveness of retail investors' investment activities in the stock market significantly depends on the availability and degree of elaboration of an individual investment philosophy that forms the discipline of decision-making. The aim of the study is to analyze the philosophy of investment decisions of retail investors with a transition from classical rational models to models that take into account cognitive distortions and behavioral factors. To achieve this goal, the work solved tasks related to the study of the concept of investment philosophy, the systematization of investment philosophies of foreign investors, and the assessment of the impact of cognitive distortions (non-acceptance of losses, excessive self-confidence) on the sustainability of investment strategies of retail investors in conditions of high volatility and information saturation of the market. In conclusion, it is concluded that awareness of cognitive distortions and the development of mechanisms for their neutralization serve as the foundation for the formation of a sustainable investment philosophy for retail investors in the stock market.

Keywords:

Investment philosophy, retail investor, cognitive biases, investment decisions, stock market, investment strategies, investment discipline.

Философия инвестирования представляет собой целостную систему принципов, определяющих восприятие рыночных закономерностей, оценку поведения участников рынка и учёт когнитивных искажений при принятии инвестиционных решений.

Стоит отметить, что такой подход для розничного инвестора обеспечивает систему управления капиталом, исключая влияние эмоциональных факторов при принятии инвестиционных решений. Иными словами, строгая логическая

структура философии инвестирования предотвращает импульсивные действия в условиях волатильности рынка.

Инвестиционная философия формирует методологическую базу принятия решений, обеспечивает согласованность инвестиционного портфеля долгосрочным финансовым целям, риск-профилю и т.д. В качестве фильтра информационного шума она позволяет инвестору определить критерии отбора инвестиционных возможностей. Результатом такого похода для инвестора становится минимизация транзакционных издержек (за счет сокращения числа избыточных сделок) и устойчивость инвестиционного портфеля к экзогенным шокам. [1]

Далее рассмотрим концептуальные основы инвестиционной философии выдающихся зарубежных инвесторов, систематизируя их подходы к формированию инвестиционных убеждений и стратегий управления инвестиционным портфелем, таблица 1.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика инвестиционных философий зарубежных инвесторов

Инвестор	Основная концепция (подход)	Восприятие рыночной эффективности	Горизонт инвестирования
Бенджамин Грэм (Грэхем)	Стоимостное инвестирование, акцент: внутренняя стоимость компаний выше текущей рыночной оценки	Рынок иррационален в краткосрочной перспективе, но в долгосрочной отражает внутреннюю стоимость активов	Долгосрочный, но с готовностью продавать при переоценке
Уоррен Эдвард Баффет	Стоимостное инвестирование, акцент на фундаментальный анализ и стратегию долгосрочного удержания активов	Рынок часто ошибается, но долгосрочная стоимость ценных бумаг определяется фундаментальным анализом эмитента	Долгосрочный
Кеннет Лоуренс Фишер	Методичный подход к управлению инвестиционным портфелем, основанный на исследованиях и нестандартном мышлении (поиск информации, поведенческих факторов, которые могут повлиять на цену акции)	Рынок можно обыграть, используя уникальные методы анализа и обращая внимание на игнорируемые факторы (геополитические риски, качество управления и корпоративная культура, регуляторные и институциональные изменения и т.д.)	Долгосрочный, перспектива – выявление недооцененных активов

Источник: составлено на основе [2, 3, 4]

Исходя из таблицы 1, отметим следующее. Инвестиционные философии рассмотренных инвесторов характеризуются концептуальным единством: приоритетностью фундаментального анализа финансовых показателей, ориентацией на долгосрочный горизонт инвестирования, дисциплиной соблюдения собственной методологии и выявлением ценных бумаг, рыночная стоимость которых существенно ниже их внутренней стоимости. Но, несмотря на различия в подходах и акцентах, всех инвесторов объединяет приверженность к рациональному анализу и системному использованию рыночных неэффективностей как источнику избыточной доходности.

Анализ подходов выдающихся инвесторов показывает, что без осознания фундаментальной значимости философии инвестирования розничным инвесторам сложно обеспечить рациональность инвестиционных решений и минимизировать влияние когнитивных искажений на процесс формирования инвестиционного портфеля на фондовом рынке.

Стоит отметить, что инвесторам следует четко разграничить понятия «инвестиционной философии» и «инвестиционной стратегии». Инвестиционная стратегия определяет конкретные действия, например, покупка недооцененной акции (низкий коэффициент «цена/прибыль» (P/E), в то время как инвестиционная философия представляет собой концепцию для инвестора, которая может обосновать и определить эти действия. Другими словами, философия принятия инвестиционных решений формирует взгляды инвестора на рынки и инвестирование в целом.

В условиях цифровизации финансовых рынков розничные инвесторы сталкиваются с гиперинформационной средой инвестиционных рекомендаций (через Telegram-каналы аналитиков, автоследование в мобильных приложениях брокеров, публикации финансовых блогеров в социальных сетях и т. д.), что формирует предпосылки для следования краткосрочным рыночным трендам. [5]

Отсутствие четко сформулированной инвестиционной философии, определяющей фундаментальные принципы ценообразования и динамики фондового рынка, приводит к нестабильности инвестиционных решений, снижению эффективности инвестиционного портфеля и увеличению транзакционных издержек, связанных с импульсивной сменой стратегий под влиянием информационного шума.

Формирование собственной философии инвестирования для розничного инвестора является первоочередной задачей перед использованием инвестиционных стратегий. Наличие основы принятия решений обеспечивает дисциплину инвестиционного процесса и минимизирует вероятность когнитивных ошибок (например, вызванных эмоциональными реакциями на волатильность рынка), позволяя инвесторам поддерживать стабильность в их решениях на фондовом рынке.

Ниже на рисунке 1 представлены ключевые вопросы, на которые инвестор должен дать ответ, формируя свою инвестиционную философию.

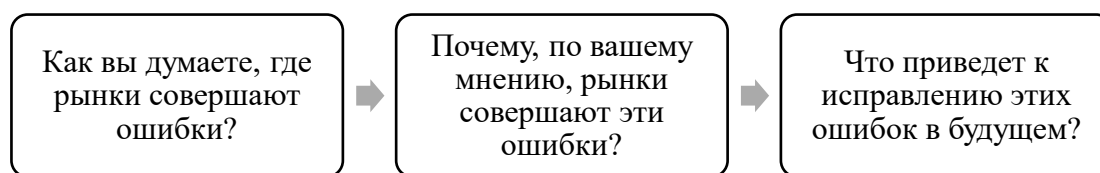

Рисунок 1 – Ключевые вопросы при формировании инвестиционной философии розничного инвестора

Источник: *составлено автором*

Формирование философии инвестирования розничного инвестора предполагает последовательные ответы на вопросы, представленные выше. Отвечая на первый вопрос, инвестору необходимо сформировать системное представление о механизмах функционирования финансовых рынков и определить условия возникновения отклонений рынков – это представляет собой основу при формировании инвестиционной философии розничным инвестором. На следующем этапе инвестору необходимо выявить факторы и временные рамки коррекции рынка, при этом прибыль инвестора будет зависеть не от их выявления, а от того, как рынок их исправит. На финальном этапе розничному инвестору необходимо на основе сформированных представлений о рынке разработать стратегию управления инвестиционным портфелем, которая будет соответствовать ключевым инвестиционным убеждениям (на данном этапе фундаментальный взгляд инвестора преобразуется в практический алгоритм инвестирования).

Стоит подчеркнуть, что философия инвестирования не гарантирует высокую доходность, но ускоряет принятие решений, в которых потенциальный инвестор уверен благодаря пониманию их обоснования.

Подводя итог, отметим следующее. Философия в принятии инвестиционных решений представляет собой совокупность фундаментальных представлений о поведении инвесторов и функционировании рынков. Успех розничного инвестора в инвестиционной деятельности – это не только комплексный анализ рынка (макроэкономических индикаторов, финансовых показателей эмитентов и т. д.), но и оценка личных когнитивных сильных и слабых сторон инвестора. Самоанализ личных качеств и склонностей к когнитивным искажениям служит фундаментом для формирования собственной философии инвестирования.

Импульсная смена стратегий инвесторов зачастую приводит к росту транзакционных издержек и подверженности когнитивным искажениям (непринятие потерь – готовность удерживать убыточные позиции в надежде на восстановление, чрезмерная самоуверенность – завышении точности собственных прогнозов и др.). Понимание инвестором когнитивных искажений позволяет адаптировать философию инвестирования, повышая при этом устойчивость инвестиционного портфеля. [6, 7]

Розничным инвесторам важно формулировать философию инвестирования, поскольку она обеспечивает дисциплинированность в принятии решений, их рациональность и устойчивость к изменениям на фондовом рынке.

Список источников

1. О философии инвестирования // Официальный сайт Finam.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.finam.ru/publications/item/o-filosofii-investirovaniya-20240720-1200/> (дата обращения: 02.03.2026 г.);
2. История одного инвестора: Бенджамин Грэм // Официальный сайт gazprombank.investments [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://gazprombank.investments/blog/market/benjamin-graham/?ysclid=mmm6ufu3sr961563559> (дата обращения: 04.03.2026 г.);
3. Правила инвестирования Уоррена Баффета: каких принципов придерживается знаменитый инвестор // Официальный сайт gazprombank.investments [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://gazprombank.investments/blog/market/baffet-rules/> (дата обращения: 04.03.2026 г.);

4. Работал на стройке и сделал миллиарды на бирже: история Кена Фишера // Официальный сайт rbc.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/60b5deed9a79470bc35088b6> (дата обращения: 04.03.2026 г.);
5. Стратегия на 2026 год. Геополитика, ключевая ставка, рынки: к чему готовится инвесторам // Официальный сайт tbank.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.tbank.ru/invest/research/strategy/2026/> (дата обращения: 05.03.2026 г.);
6. Мозг несовершенный: как ошибки мышления влияют на инвестиционное поведение // Официальный сайт bcs-express.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/mozg-nesovershennyyi-kak-oshibki-myshleniia-vliiaiut-na-investitsionnoe-povedenie> (дата обращения: 06.03.2026 г.);
7. Типичные поведенческие ошибки инвестора и как их избежать // Официальный сайт finuslugi.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://finuslugi.ru/navigator/investirovat/stat_tipichnye-povedencheskie-oshibki-investora-i-kak-ih-izbezhat (дата обращения: 06.03.2026 г.).

УДК: 330.161, 330.163

Шокин Ян Вячеславович

Российская Федерация, Дубна

Государственный университет «Дубна»

заведующий кафедрой цифровой экономики и управления

доктор экономических наук, доцент

Назаров Анатолий Иосифович

Российская Федерация, Дубна

Государственный университет «Дубна»

заведующий лабораторией экспериментальной психологии

кандидат психологических наук, доцент

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПРОВЕРКА ГИПОТЕЗЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ПОДКРЕПЛЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ВЫБОРА

Аннотация:

В докладе приводится описание результатов междисциплинарного экспериментального исследования, проведенного в Лаборатории экспериментальной психологии Государственного университета «Дубна» в 2024-2025 гг., основной задачей которого была проверка гипотезы «эмоционального подкрепления» принимаемого потребителем решения. Эта гипотеза имеет две ветви: 1) Итоговое решение относительно предлагаемой сделки (покупки) принимается потребителем с учётом сопоставления ожидаемых от реализации сделки положительных и отрицательных перспектив, которые так или иначе связаны с произвольной эмоциональной реакцией на эти перспективы; 2) Решение принимается в пользу покупки в том случае, если интенсивность сопряжённых с ней ожидаемых эмоций положительной валентности перевешивает интенсивность ожидаемых эмоций отрицательной валентности.

В процессе исследования было проведено 2 отдельных эксперимента, в каждом из которых испытуемым предлагались изображения разных знакомых им объектов, которые они должны были оценить с точки зрения либо общего впечатления об объекте, либо возможной его покупки, либо положительной и отрицательной перспектив владения этим объектом. В первом эксперименте испытуемые давали оценки по 7-балльной шкале (психофизический метод субъективного шкалирования), и параллельно с выполнением ими проб регистрировались их электро-кожные реакции (психофизиологический метод); Во втором эксперименте, процедура которого была идентична первому, регистрация электро-кожных реакций не применялась (психофизический метод).

По результатам первого эксперимента, какое-либо значимое соответствие между величинами балльных оценок и интенсивностями общих эмоциональных реакций не наблюдалось. Во втором эксперименте были определены 4 условия верификации гипотезы, основанные на сравнении величин средней балльной оценки и разности средних балльных оценок для положительной и отрицательной перспектив. По результатам сравнения гипотеза об эмоциональном подкреплении была убедительно подтверждена.

Ключевые слова:

Эмоциональная оптимизация, гипотеза эмоционального подкрепления, мотивационные начала человеческого выбора, экспериментальная психология, экспериментальная экономика.

UDC: 330.161, 330.163

Shokin Yan Vyacheslavovich

Russian Federation, Dubna

Dubna State University

Head of the Department of Digital Economics and Management

Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

Nazarov Anatoly Iosifovich

Russian Federation, Dubna

Dubna State University

Head of the Laboratory of Experimental Psychology

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor

EXPERIMENTAL VERIFICATION OF THE HYPOTHESIS OF EMOTIONAL REINFORCEMENT OF CONSUMER CHOICE

Abstract:

The report describes the results of an interdisciplinary experimental study conducted in the Laboratory of Experimental Psychology at Dubna State University in 2024-2025, the main task of which was to test the hypothesis of "emotional reinforcement" of the consumer's decision. This hypothesis has two branches: 1) The final decision regarding the proposed transaction (purchase) is made by the consumer, taking into account the comparison of the positive and negative prospects expected from the implementation of the transaction, which in one way or another are associated with an involuntary emotional reaction to these prospects.; 2) The decision is made in favor of the purchase if the intensity of the expected positive valence emotions associated with it outweighs the intensity of the expected negative valence emotions.

In the course of the study, two separate experiments were conducted, in each of which the subjects were offered images of different objects they were familiar with, which they had to evaluate

in terms of either a general impression of the object, or its possible purchase, or the positive and negative prospects of owning this object. In the first experiment, the subjects were evaluated on a 7-point scale (the psychophysical method of subjective scaling), and in parallel with their samples, their electro-skin reactions (the psychophysiological method) were recorded; In the second experiment, the procedure of which was identical to the first, registration of electro-skin reactions was not used (the psychophysical method).

According to the results of the first experiment, there was no significant correspondence between the values of the scores and the intensity of general emotional reactions. In the second experiment, 4 hypothesis verification conditions were determined based on comparing the values of the average score and the difference in average scores for positive and negative prospects. According to the results of the comparison, the hypothesis of emotional reinforcement was convincingly confirmed.

Keywords:

Emotional optimization, hypothesis of emotional reinforcement, motivational principles of human choice, experimental psychology, experimental economics.

Введение

Актуальность исследований в данном направлении определяется тем обстоятельством, что во многих известных авторам работах в области поведенческой экономики гипотеза об эмоциональном подкреплении принимаемого решения содержится в неявном виде, и подобным или чрезвычайно похожим тезисом по умолчанию руководствуются в настоящее время многие исследователи. В частности, можно отметить несколько специализированных направлений, затрагивающих проблему механизма принятия решений (к примеру, нейрофизиология принятия решений; когнитивная психология; математическое моделирование эмоциональных процессов и др.), и ни одному из них предлагаемая гипотеза не противоречит; при этом, не удалось найти описания экспериментальных исследований, ориентированных на проверку подобной или очень близко сформулированной гипотезы.

Последние несколько десятилетий в поведенческой экономике ознаменованы массовой критикой неоклассического подхода к пониманию принятия экономических решений. Это обусловлено накоплением, начиная с середины XX века, большого числа эмпирических свидетельств несовершенства указанного подхода, в котором преобладает рационалистическая методология. На основе исследований М. Алле [1], Д. Канемана [2], Н. Simon [3], позднее – D.

Kahneman и А. Tversky [4], V. Smith [5], А. Damasio [6; 7] сформировалась новая устойчивая тенденция к поиску адекватного места эмоций в механизмах принятия экономических решений. Но поскольку пока не удастся выделить специфические особенности таких решений в общепсихологических принципах принятия решений человеком, то поиск экспериментального и теоретического обоснования роли эмоциональных функций до сих пор ведётся в основном вслепую. В результате упомянутые авторы, как и многие другие, по существу воспроизводят (возможно, сами того не подозревая) давно известный в отечественной психологии принцип единства интеллекта и аффекта (Л.С. Выготский сформулировал его ещё в 30-х годах XIX-го века [8, с. 22, 105], или допускают в своих исследованиях методологические ошибки. Поэтому мы особое внимание уделили «техническим» аспектам эксперимента, ориентированного на исследования в области поведенческой экономики.

Основной задачей экспериментального исследования была проверка гипотезы «эмоционального подкрепления» принимаемого потребителем решения. Эта гипотеза имеет две ветви:

1) Итоговое решение относительно предлагаемой сделки (покупки) принимается потребителем с учётом сопоставления *ожидаемых* от реализации сделки положительных и отрицательных перспектив, которые так или иначе связаны с непроизвольной эмоциональной реакцией на эти перспективы.

2) Решение принимается в пользу покупки в том случае, если интенсивность сопряжённых с ней ожидаемых эмоций положительной валентности перевешивает интенсивность ожидаемых эмоций отрицательной валентности.

В обоих случаях подразумевается, что решение подкрепляется не только теми эмоциями, которые потребитель испытывает в момент выбора альтернатив, но и теми, которые представляются им в определенном будущем, в процессе эксплуатации товара, в целом за весь период эксплуатации.

Некоторые предпосылки формирования гипотезы

Во многих известных авторам работах в области поведенческой экономики гипотеза об эмоциональном подкреплении принимаемого решения содержится в неявном виде, и подобным или чрезвычайно похожим тезисом по умолчанию руководствуются в настоящее время многие исследователи. Можно отметить несколько специализированных направлений, затрагивающих проблему

механизма принятия решений, и ни одному из них предлагаемая гипотеза не противоречит; при этом, не удалось найти описания экспериментальных исследований, ориентированных на проверку подобной или очень близко сформулированной гипотезы. К числу вышеуказанных направлений можно отнести следующие:

1) *Нейрофизиология принятия решений.* Из наиболее известных на международном уровне авторов, работающих в этом направлении, следует отметить А. Damasio [9], который проводил многолетние клинические исследования на пациентах с травмированными участками *vmPFC* (вентромедиальной префронтальной коры). Он предложил ряд гипотез о процессе принятия решений с нейрофизиологической точки зрения, из которых самой примечательной является «гипотеза соматических маркеров». Из российских исследователей заслуживают упоминания работы В.А. Дубынина [10], досконально изучающего воздействие гормональных факторов на поведение. Правда, подавляющее большинство его работ построено на экспериментах по изучению поведения крыс, а не человека.

2) *Когнитивная психология.* Здесь недавно появились экспериментальные работы по редко затрагиваемой теме аффективно-когнитивного взаимодействия. В частности, в свете настоящего исследования созвучными представляются работы нашего безвременно ушедшего коллеги Б.Г. Мещерякова с соавторами [11; 12; 13], который впервые предпринял сравнение психофизического и психофизиологического методов в контексте проблемы выбора условным потребителем среди нескольких конкурирующих альтернатив. R.J. Compton [14] предложил модель интерфейса «эмоции-внимание», желая, по-видимому, сохранить традиционную автономность этих двух понятий и в то же время подчеркнуть важность учёта их взаимодействия. W.F. Van Raaij [15] и R.G.M. Pieters [16] пришли к выводу, что реально наблюдаемое принятие решений индивидом не может быть описано при помощи раздельного представления когнитивных процессов, с одной стороны, и аффективных – с другой; они считают, что индивид всегда стремится либо к переживанию определенных аффективных состояний, либо, напротив, к нейтральному состоянию.

3) В эту же группу можно отнести работы Т.В. Черниговской [17; 18], предлагающей конвергентный подход к исследованию механизмов принятия

решений, основанный на взаимном переплетении методов когнитивной психологии, лингвистики и нейрофизиологии, а также многочисленные труды представителей поведенческой экономической теории, в частности, авторов «теории перспектив» Д. Канемана и А. Тверски [4] и «теории подталкивания» Р. Талера [19].

4) *Математическое моделирование эмоциональных процессов*, включённых в принятие решения. Это наименее разработанное направление представлено в недавних публикациях А.Л. Венгера [20; 21]. Они имеют особую практическую значимость с точки зрения совершенствования экономической теории (в первую очередь – такого ее раздела, как теория потребительского поведения), поскольку он оперирует понятиями «полезность», «функция полезности» и т.п., придавая полученной в итоге модели принятия решений формализованный вид в строгом соответствии с психологической терминологией; это позволило существенно скорректировать модель ожидаемой полезности Дж. фон Неймана и О. Моргенштерна, к которой у поведенческих экономистов на протяжении последних примерно 50 лет накопилось множество вопросов.

Представители каждого из перечисленных направлений считают бесспорным эмпирическим фактом существование таких фундаментальных мотивационных начал человеческого выбора, как стремление к максимизации собственного удовольствия (полезности, радости, положительно окрашенных переживаний, причем как в ближайший период времени, так и на перспективу) и, одновременно – стремление к минимизации возможных отрицательных последствий принятого решения (огорчений, негативно окрашенных переживаний, также в текущий момент и на перспективу). Тем не менее, не удалось до сих пор обнаружить ни одной непротиворечивой теоретической модели принятия решений, обладающей одновременно и высокой дескриптивной ценностью, и возможностью экспериментального подтверждения.

Описание эксперимента и его результатов

Как уже упоминалось выше, описываемый эксперимент проводился в двух вариантах – психофизиологическом (с регистрацией низкочастотной части показателя суммарного кожного потенциала) и психофизическом (без оной), с предъявлением в обоих вариантах одного и того же стимульного материала.

Поскольку в ходе психофизиологического эксперимента не удалось обнаружить устойчивой корреляции между балльными оценками испытуемых и значениями регистрируемого показателя, с учетом ограниченного объема доклада описание данного варианта эксперимента и его детальных результатов опускается.

Стимульный материал. Испытуемым предъявлялись на цветном телевизионном экране с диагональю около 60 см одиночные изображения разных объектов (винтажная настольная лампа, кольцо с бриллиантом, спортивные лыжи, легковые автомобили (подержанный и новый), комнатный диван, туристическая палатка, дорожный велосипед, коттедж (перечислены в порядке предъявления)). Длительности экспозиции каждого объекта равнялись 5 или 10 с. Первая, более короткая экспозиция предназначалась для ознакомления испытуемого с объектом, остальные 4 – для ответов испытуемых на вопросы, сформулированные непосредственно под изображением. Вопросы были идентичными для каждого блока. Каждый товар предъявлялся испытуемому по 5 раз: первое предъявление имело своей целью ознакомить испытуемого с товаром, дать возможность рассмотреть изображение и составить о нем общее впечатление, и не требовало от испытуемого каких-либо действий (показатель X_0). При втором предъявлении внизу слайда появлялся запрос: «Оцените свое отношение к этому товару» и предлагалась шкала от 1 (самая низкая оценка) до 7 (наиболее высокая оценка), ответ вводился через клавиатуру и записывался в отдельный файл (показатель X_1). При третьем предъявлении товара внизу слайда задавался вопрос «Вы согласились бы купить этот товар?», ответ вводился через клавиатуру буквами «Д» (да) либо «Н» (нет) (показатель X_2). При четвертом предъявлении внизу слайда появлялся вопрос «Представьте себе и оцените положительные перспективы владения этим товаром», и предлагалась аналогичная шкала от 1 до 7 (показатель X_3). Наконец, при пятом предъявлении предлагалось оценить по той же шкале отрицательные перспективы владения этим товаром (показатель X_4).

Таким образом, по каждому из 9 товаров были получены по 3 балльные оценки по шкале от 1 до 7, и по одной бинарной (да/нет). На всех пяти слайдах блока экспонировалось одно и то же изображение объекта.

В эксперименте участвовали 23 добровольца (из них 12 мужского пола и 11 женского) из числа студентов кафедры цифровой экономики университета «Дубна». Средний возраст участников – 22 года.

Ключевым для психофизического эксперимента был вопрос «Как вы оцениваете ... перспективу владения этим товаром?» (На месте троеточия стояло определение валентности перспективы – «положительную» либо «отрицательную»). Существенным было то, что вопрос о готовности купить данный товар (с обязательной предварительной оговоркой в инструкции: «При наличии у вас соответствующих финансовых возможностей») задавался ДО пары вопросов о перспективах владения товаром, то есть X_3 предшествовало X_4 и X_5 .

Полученные в эксперименте данные представляли собой список ответов в виде балльных оценок, указанных испытуемыми для каждой из 4 проб в 9 стимульных блоках. Общее число таких ответов составило $23 \times 36 = 828$.

В целях проверки выдвинутой гипотезы об эмоциональном подкреплении результаты интерпретировались по критерию совпадения действительного решения испытуемого о покупке с предсказанием, которое можно сделать ретроспективно на основе сопоставления величин балльных оценок для положительных (X_3) и отрицательных (X_4) перспектив. Для проверки прогноза вычислялось общее число совпадений по следующему правилу:

Условие 1: если $X_3 > X_4$ и при этом $X_2 = \text{«Да»}$ → прогноз верен.

Условие 2: если $X_3 > X_4$ и при этом $X_2 = \text{«Нет»}$ → прогноз ошибочен.

Условие 3: если $X_3 < X_4$ и при этом $X_2 = \text{«Да»}$ → прогноз ошибочен.

Условие 4: если $X_3 < X_4$ и при этом $X_2 = \text{«Нет»}$ → прогноз верен.

В случае равенства X_3 и X_4 прогноз расценивался как верный. Доля таких случаев составила 3,7%.

В Табл. 1 представлено общее число совпадений и несовпадений решений о покупке с соотношениями балльных оценок положительных и отрицательных перспектив в двух экспериментах.

Таблица 1 – Совпадения и несовпадения выбора испытуемыми решения о покупке с ретроспективным предсказанием в двух экспериментах.

Эксперименты	Совпадения (условия 1 и 4)		Несовпадения (условия 2 и 3)	
	N	%	N	%
1-й (психофизиологический)	80	88,9	10	11,1
2-й (психофизический)	176	85,0	31	14,9

Полученные результаты являются убедительным свидетельством в пользу подтверждения гипотезы о совпадении итогового решения о покупке с прогнозом, который можно сделать на основе сопоставления оценок положительных и отрицательных перспектив.

Заслуживает внимания ещё один факт, обнаруженный при сравнении второй (преимущественно эмоциональной) и двух последних проб (скорее рациональных): балльные оценки во второй пробе стимульного блока (X_1), когда респонденты давали общую оценку блага по субъективному впечатлению, очень часто оказывались полностью идентичными или минимально отличающимися от балльных оценок в 4-й и 5-й пробах (X_3 и X_4), когда они оценивали ожидаемые перспективы владения благом. Это подтвердилось после дополнительного сопоставления двух вышеуказанных оценок по всем анкетам ($N = 23 \times 9 = 207$) респондентов и рассчитано среднее отклонение показателя X_1 от показателя X_3 ; значение данного отклонения составило всего 0,044 балла. Наиболее интересным в данной ситуации является то, что имела место достаточно большая (2,0) дисперсия данного показателя, и тем не менее его среднее значение оказалось весьма близким к 0.

Для проверки наличия связи между двумя указанными показателями было рассчитано значение коэффициента их парной корреляции r , которая оказалась довольно сильной: $r = 0,629$. Однако в результате расчета t -статистики полученный коэффициент оказался не значим на уровне $\alpha = 0,05$. Несмотря на это, само по себе наличие столь близкой к 0 величины среднего отклонения показателя X_1 от показателя X_3 наводит на мысль о необходимости более пристального изучения зафиксированного явления.

Выводы

1. Полученные результаты являются убедительным свидетельством в пользу подтверждения гипотезы о совпадении итогового решения о покупке с прогнозом, который можно сделать на основе сопоставления оценок положительных и отрицательных перспектив. Заметим, что решение о покупке принимается интуитивно, на основе первого эмоционального впечатления о товаре, тогда как оценка перспективы рациональна, поскольку в ней учитываются соображения, привлечённые из знания респондента о функциональных свойствах покупаемого товара. Это означает, что ранее принятое положительное эмоциональное решение *подкрепляет* положительный

рациональный вывод, так же как отрицательное решение подкрепляет отрицательный вывод. Другими словами, чувственное подкрепляет рациональное и находится преимущественно в согласии с ним.

2. Выявленные многочисленные совпадения общих (эмоциональных) оценок благ с оценками ожидаемых положительных перспектив можно объяснить тем, что для респондентов намного легче представить себе положительные перспективы использования блага, нежели отрицательные, поскольку первые более очевидны, наглядны, и в какой-то степени воспринимаются непосредственно в процессе ознакомления с объектом как неотъемлемые его свойства. Например, автомобиль во многом оценивается по его дизайну, внешней привлекательности¹, которые налицо в момент предъявления стимульного материала, в то время как потенциальные отрицательные эффекты – поломки, повышенный расход топлива, дороговизна эксплуатации и ремонта, – далеко не так очевидны и лишь предполагаются в уме; на предъявляемом изображении почти ничего о них не говорится.

Заключение

Однозначное подтверждение гипотезы эмоционального подкрепления было получено только во втором, психофизическом эксперименте. В первом, психофизиологическом, гипотеза подтвердилась частично, только в отношении балльных оценок. Ожидания относительно положительной связи между интенсивностью электро-кожной реакции и величиной балльной оценки не оправдались. Такие ожидания разделяются многими, кто пытается применять психофизиологические показатели в исследованиях по поведенческой экономике. В многочисленных лабораторных экспериментах, проводившихся на протяжении многих лет, подтверждалась связь между интенсивностью КГР и эмоциональностью стимульного воздействия, что послужило поводом по умолчанию считать этот показатель надёжным индикатором эмоциональных переживаний. Но специфика лабораторных условий существенно отличается от условий, в которых проводится более или менее экологический эксперимент в поведенческой экономике, где исследователь имеет дело со сложными психическими процессами и их динамикой. В таких условиях далеко не всегда

¹ Такой подход представляется на первый взгляд нерациональным; однако нужно отметить, что существует множество работ представителей поведенческой экономической теории, в которых убедительно показано, что именно подобный способ оценки благ преобладает для большинства потребителей, в том числе (и особенно) – на авторынке [13; 22; 23].

возможно контролировать, по крайней мере, наиболее важные субъектные переменные, которые меняются в ходе эксперимента, например, – отношение испытуемого к принципиально разным объектам, уровень его активности в разные моменты экспериментального сеанса, уровень его мотивации и степень добросовестности в выполнении инструкции экспериментатора, и так далее.

Список источников

1. Алле, М. Условия эффективности в экономике. Пер. с фр. М.: Науч.-изд. центр “Наука для общества”, 1998, 299 с.
2. Канеман, Д. Думай медленно... решай быстро. Пер. с англ. М.: Изд-во АСТ, 2019, 653 с.
3. Simon, H.A. Theories of Decision-Making in Economics and Behavioral Science. The American Economic Review, 1959, Vol. 49, N 3, 253>283.
4. Kahneman, D., Tversky, A. Prospect theory: An analysis of decision under risk / D. Kahneman, A. Tversky. Econometrica, 1979, V. 47, No. 2, PP. 263>291.
5. Smith, V.L. Economics in the Laboratory. The Journal of Economic Perspectives. Winter, 1994, Vol. 8, N 1, pp. 113>131.
6. Damasio, António The Feeling of What Happens. Harcourt, 1999, 386.
7. Damasio, A. Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain. London: Vintage Books, 2006, 352.
8. Выготский, Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 2. Проблемы общей психологии. Под ред. В.В. Давыдова. М: Педагогика, 1982, 504 с.
9. Damasio, A; Carvalho, G.B. The nature of feelings: Evolutionary and neurobiological origins. Nature Reviews. Neuroscience, 2013, 14 (2), 143–52. doi: 10.1038/nrn3403.
10. Дубынин, В.А. Мозг и его потребности: от питания до признания. М.: Альпина нон-фикшн, 2023, 572 с.
11. Мещеряков, Б.Г., Назаров, А.И., Рычагова, Н.В., Рычагов, С.Н. Соотношение осознаваемых и неосознаваемых реакций в ситуации ранговой оценки предпочтений среди нескольких альтернатив. Экспериментальная психология, 2020, Т. 13, № 4, 25-35. (In Russ.).
12. Волкова, А.А., Мещеряков, Б.Г., Назаров, А.И., Шокин, Я.В. Экспериментальный анализ потребительского выбора на основе сопоставления глобальных и аналитических оценок. В.: Педагогика, психология, общество: новая реальность. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2021, с. 57-63. Чебоксары: БУ ЧР ДПО «Чувашский республиканский институт образования» Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики.
13. Мещеряков, Б.Г., Назаров, А.И., Шокин, Я.В. Соотношение аналитических и аффективных оценок при виртуальном выборе товара потребителем. Экспериментальная психология, 2022, Т. 15, №. 4, 68-83. DOI: 10.17759/exppsy.2022150404

14. Compton, R. J. The interface between emotion and attention: a review of evidence from psychology and neuroscience. *Behavioral and Cognitive Neuroscience Reviews*, 2003, 2 (2), 115–129. doi: 10.1177/1534582303255278.
15. Van Raaij, W.F. Information Processing and Decision making: Cognitive Aspects of Economic Behaviour. In: Van Raaij W.F., van Veldhoven G.M., Wärneryd K.E. (Eds) *Handbook of Economic Psychology*. Springer, Dordrecht, 1988, pp.74-106.
16. Pieters, R.G.M., van Raaij, W.F. The Role of Affect in Economic Behavior. In: van Raaij, W.F., van Veldhoven, G.M., Wärneryd, K.E. (eds) *Handbook of Economic Psychology*. Springer, Dordrecht, 1988, pp. 108-142. https://doi.org/10.1007/978-94-015-7791-5_4
17. Черниговская, Т.В. Нейрофизиология в поисках смыслов. *Журнал эволюционной биохимии и физиологии*, 2020, Т. 56, Вып. 7, 833-834. DOI: 10.31857/S0044452920071638
18. Черниговская, Т.В., Аллахвердов, В.М., Коротков, А.Д., Гершкович, В.А., Киреев, М.В., Прокопья, В.К. Мозг человека и многозначность когнитивной информации: конвергентный подход. *Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология*, 2020, Т. 36, Вып. 4, 675-686. DOI: 10.21638/spbu17.2020.406
19. Талер, Р. Новая поведенческая экономика: почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать. Пер. с англ. М.: Эксмо, 2023, 384 с.
20. Венгер, А.Л. Математическое моделирование эмоциональных процессов. *Автоматизация в промышленности*, 2013, №7, С. 59-63.
21. Венгер, А.Л. Математическая модель принятия решений в экстремальной ситуации. *Автоматизация в промышленности*, 2018, №6, С. 24-31.
22. Зеляк А.А., Ступнева И.М., Шокин Я.В., Колесникова Н.А. Факторы рациональности принятия управленческих решений: экосистемно-поведенческий подход // *РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция*. 2013. № 1. С. 323-327.
23. Шокин, Я.В. Методика исследования поведенческих сценариев потребителей с применением игровых инструментов. В: *Сборник материалов XXIII Международной научно-практической конференции «Смирновские чтения – 2024»*. Санкт-Петербург, 2024, с. 70-75.

СЕКЦИЯ 5. РЕГИОНАЛЬНЫЕ, ОТРАСЛЕВЫЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

УДК: 332.1

Арсамакова Лимда Ахмедовна

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака

аспирант

Белоусова Наталья Валерьевна – научный руководитель

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака

профессор кафедры экономики, управления и предпринимательства

доктор экономических наук, доцент

РАЗВИТИЕ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ: ОТ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО УПРАВЛЕНИЯ К СТРАТЕГИИ «ФАРМА 2030»

Аннотация:

На протяжении XX и XXI веков отечественный рынок претерпевал множество кризисов, в том числе санкции. Здравоохранение, будучи одной из основных приоритетов в существовании государства, должно непрерывно развиваться и обеспечивать национальные интересы по защите здоровья и экономическую безопасность страны. Цель работы заключается в анализе исторического развития отечественной фармацевтической отрасли и выявлении современной картины рынка по количеству действующих организаций на примере городов Москва и Санкт-Петербург.

Ключевые слова:

Национальные приоритеты, национальные интересы, экономическая безопасность, фармацевтический рынок, фармацевтическая отрасль, здравоохранение.

UDC: 332.1

Arsamakova Limda Ahmedovna

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak

Postgraduate student

Belousova Natalia Valerievna – scientific supervisor

Russian Federation, Saint Petersburg
International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak
Professor of the Department of Economics, Management and Entrepreneurship
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

THE DEVELOPMENT OF THE PHARMACEUTICAL INDUSTRY: FROM CENTRALIZED MANAGEMENT TO THE PHARMA 2030 STRATEGY

Abstract:

Throughout the 20th and 21st centuries, the domestic market has endured numerous crises, including sanctions. Healthcare, as a key priority for the state, must continually develop and ensure national interests in protecting health and the country's economic security. The aim of this work is to analyse the historical development of the domestic pharmaceutical industry and to identify the current market picture based on the number of operating organizations using the cities of Moscow and St. Petersburg as examples.

Keywords:

National priorities, national interests, economic security, pharmaceutical market, pharmaceutical industry, healthcare.

Определение государства варьируется в зависимости от источников, представляя собой особую общественную структуру верховной власти, контролирующую ограниченную территорию, исполняющую следующие функции на внутригосударственном уровне: защита прав и свободы граждан, управление политическими, экономическими и экологическими процессами [1].

Национальные интересы таким образом определяют задачи и задают направление деятельности государства из формирующихся из них национальных приоритетов.

Стратегия развития и процветания страны напрямую зависит от формулирования государственных интересов, которые отражают нужды и ценности большинства населения. Неизменной целью государства остается поддержание суверенитета для страны.

Таким образом, базовыми приоритетами государства для населения являются суверенитет и безопасность, которые определяются как политическая независимость и территориальная целостность соответственно [2].

Национальная безопасность – это один из фундаментальных элементов государственной политики России, и в последние годы вопрос совершенствования здравоохранения стоит особенно остро. На одном уровне со здравоохранением также стоит международная безопасность, так как оба отвечают за сохранение жизни и здоровья граждан [3].

В ежегодном послании Федеральному Собранию 21 февраля 2023 года Президент России В. В. Путин отметил, что для страны крайне важно обеспечить устойчивое, самодостаточное и независимое развитие. По его мнению, этого можно добиться через развитие внутреннего производства, экономическую реструктуризацию и мобилизацию ресурсов в отраслях, позволяющих снизить зависимость России от зарубежных поставок [4].

Учитывая данный акцент, развитие отечественной фармацевтической промышленности приобретает особую значимость, так как от ее прогресса зависит обеспечение граждан необходимыми лекарственными препаратами и средствами, и состояния общественного здоровья. Также стоит отметить обеспечение страны способностью самостоятельно противостоять эпидемиям и масштабным инфекционным вспышкам, вопрос которых стоял остро за прошедшие 7 лет.

Хотя в СССР фармацевтическая отрасль не пользовалась преимущественной финансовой поддержкой со стороны государства, все же была выстроена специальная система производства, дистрибуции и контроля качества лекарственных препаратов и средств, что обеспечивало население жизненно важными лекарствами.

Правительство приняло стратегию централизованного контроля за сектором, установило строгие нормы процедур и ввело инновационные методы управления и обращения лекарственных средств и препаратов. Целью этих действий было создание финансовых ресурсов для модернизации сектора и решения вопросов общественного здравоохранения [5].

С середины 1930-х годов фармацевтическая промышленность перешла на работу по конторской практике. В 1931 году согласно решению Экономсовета было учреждено государственное аптечное объединение РАПО – Российское аптечное производственное объединение, функционирующее по принципам хозрасчета и объединившее такие структуры, как Аптеkbюро при Народном комиссариате здравоохранения СССР, предприятие «Аптечная упаковка», а

также производственные мощности Института ОХМАТМЛАДА («Общество охраны материнства и младенчества») при Наркомздраве и другие объекты.

С 1935 года производство лекарственных препаратов и средств было объединено и перешло под полный государственный надзор. Стоимость продукции определялась одним источником, а часть доходов, полученных с продаж, была направлена на благоустройство родильных домов, расширение аптечной сети и увеличение заработной платы медицинских и фармацевтических работников. Однако в этот период также наблюдался значительный дефицит лекарств. Спрос на лекарства и антидепрессанты удовлетворялся лишь частично, так как предприятия, производящие лекарственные препараты и средства, а также медицинское оборудование, не были включены в систему Наркомата, управлялись промышленными конгломератами отрасли.

Эта централизация, хотя и была направлена на совершенствование сектора и противостояние задач, но стала причиной возникновения парадокса – одновременно со стремлением контролировать и оптимизировать фармацию, отсутствовала интеграция между производством и системой управления, что привело к дефициту лекарственных препаратов и средств. Отдельное управление компаниями, производящими фармацевтические препараты и оборудование не позволило эффективно работать цепочке расходных материалов даже при концентрации продаж и централизованном определении цен.

Опыт 1930-х годов с введением бухгалтерского учета и концентрацией общественного контроля над продажей лекарств демонстрирует попытку рационализации и контроля сектора. Создание государственных объединений и унификация продаж под общественным контролем в теории были направлены на обеспечение эффективности и ресурсов на социальные цели. Однако сохраняющаяся нехватка лекарственных средств и препаратов указывает на сложности реализации централизованной политики.

Начиная с 1937 года, новые фармацевтические препараты требовали разрешения от Наркомздрава СССР перед их внедрением и продажей. Чтобы получить это одобрение, компании должны были предоставить подробную информацию о названии препарата, его рецептуре, производственных процессах, предполагаемом использовании и методах контроля качества. Этот документ также был подкреплён химическим анализом, научными испытаниями, клиническими наблюдениями и образцами упаковки и маркировки, а также с

указанием предложенных цен. Одно лишь создание данного документа занимало годы исследований и проверок, и лишь затем вся эта информация передавалась в Научный медицинский совет Советского Союза. Далее получившие одобрение от совета препараты официально документировались в реестре [6].

Во второй половине двадцатого века производство фармацевтических препаратов и средств, а также обработка сырья росли до распада СССР. Проблема заключалась в том, что производство лекарственных препаратов и средств производились за пределами РСФСР, и после распада страна располагала только сырьем. В результате Российская Федерация испытала спад в своей фармацевтической промышленности.

Из-за сложившихся обстоятельств роль государства на рынке только увеличилась, и только к середине 2000-х годов российский фармацевтический рынок стал более привлекательным для зарубежных инвесторов.

Кризис и последующий санкции западных стран в 2014 году сопровождались значительным повышением цен на импортные лекарственные препараты, фармацевтические средства, что вызвало необходимость оперативно принять стратегию по усилению отечественного рынка через поддержку научного сегмента фармрынка, а также добычи сырья для производства дженериков. В ходе данной стратегии государство приняло активную роль в поддержке рынка, следуя примеру опыта Индии и Китая. Помимо прочего, были реализованы меры по поддержке производств фарм субстанций.

Стратегия по усилению отечественного фарм рынка и обеспечению населения необходимым медицинскими средствами в итоге обрела форму официально утвержденной стратегии «PHARMA 2030», что постепенно сокращает долю западного импорта.

Стратегия «PHARMA 2030» нацелена не только на внутреннее производство дженериков, лекарственных средств, но и на фармацевтические исследования в области создания собственных лекарственных препаратов. Возможность содержания населения производством собственных препаратов снижает нагрузку западного рынка и обеспечивает сохранение и поддержание здравоохранения страны и населения.

Общее сотрудничество государства, промышленного производство и научно-исследовательских институтов имеют основное и решающее значение для поддержания высокого уровня независимости от импорта и поддержания

здравоохранения, таким образом отвечая необходимости национальных интересов. Международное сотрудничество с дружественными странами, поддерживающими стратегию, обуславливает путь к технологическому прогрессу и расширению рынка.

Стоит также отметить, что современное стремление к большей автономии в ключевых отраслях определяется тем, что государство ориентировалось на независимость и самодостаточность в секторе фармацевтики еще в советский период.

Таким образом, приведенные выше стратегии и направления развития страны отвечают национальным приоритетам в вопросе обеспечения здравоохранения и поддержки здоровья населения, а, значит, национальной безопасности.

По данным, взятым из Росстата, за исключением периоды санкций 2018 года, а также внешнеполитической обстановки в 2022 году, среднегодовая численность занятого населения в области здравоохранения и социальных услуг увеличилась, что отображено на Графике 1 [7].

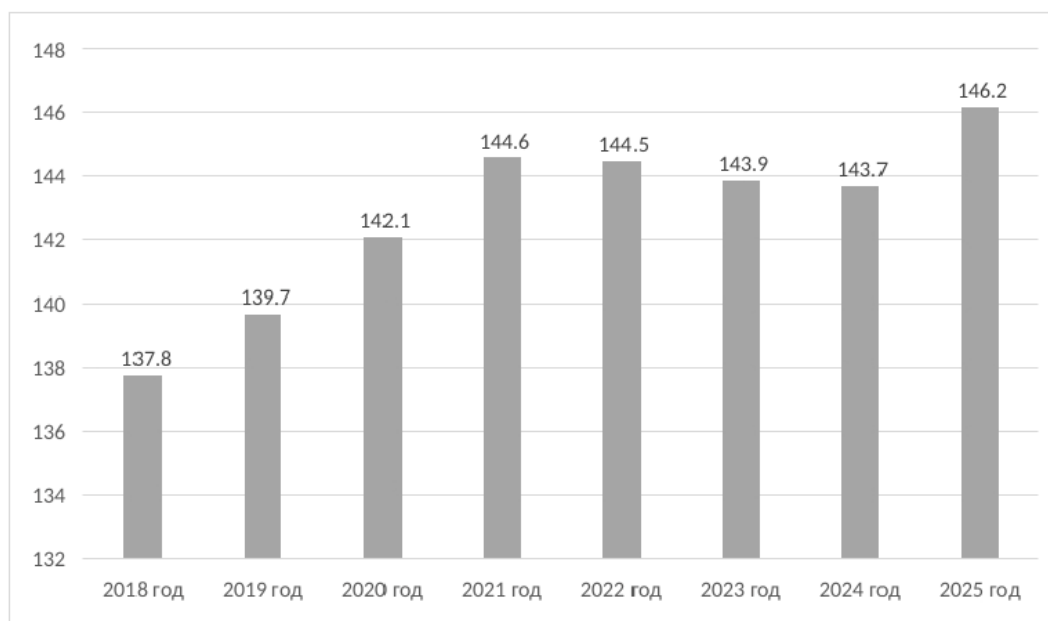

График 1 – Среднегодовая численность занятого населения в области здравоохранения и социальных услуг (в тыс. чел.)

Источник: *составлено автором по данным Росстата*¹

¹ Рынок труда и занятость населения // Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. URL: <https://78.rosstat.gov.ru/folder/27832>

Также по данным ФНС России, только на территории Москвы (код 77) и Санкт-Петербурга (код 78) находится 18 971 организаций, занимающихся медицинской деятельностью со следующим списком ОКВЭД [8]:

- 21 – Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях и ветеринарии;
- 21.1 – Производство фармацевтических субстанций;
- 21.2 – Производство лекарственных препаратов и материалов, применяемых в медицинских целях и ветеринарии (со всеми нижестоящими ОКВЭД, такие как: 21.20.1, 21.20.2, 21.20.3, 21.20.4);
- 23.19.5 – Производство посуды для лабораторных, фармацевтических и гигиенических целей из стекла; производство ампул и прочих изделий из медицинского стекла;
- 26.60 – Производство облучающего и электротерапевтического оборудования, применяемого в медицинских целях (со всеми нижестоящими ОКВЭД, такие как: 26.60.1, 26.60.2, 26.60.3, 26.60.4, 26.60.5, 26.60.6, 26.60.7, 26.60.9);
- 32.5 – Производство медицинских инструментов и оборудования (в том числе 32.50);
- 46.18.1 – Деятельность агентов, специализирующихся на оптовой торговле фармацевтической продукцией, изделиями, применяемыми в медицинских целях, парфюмерными и косметическими товарами, включая мыло, и чистящими средствами (в том числе 46.18.11, 46.18.12, 46.18.13, 46.18.14, 46.18.3);
- 46.46 – Торговля оптовая фармацевтической продукцией (в том числе 46.46.1, 46.46.2);
- 46.69.8 – Торговля оптовая техникой, оборудованием и инструментами, применяемыми в медицинских целях;
- 47.74 – Торговля розничная изделиями, применяемыми в медицинских целях, ортопедическими изделиями в специализированных магазинах (в том числе 47.74.1, 47.74.2);
- 65.12.1 – Страхование медицинское;
- 65.12.4 – Страхование от несчастных случаев и болезней;

– 77.39.26 – Аренда и лизинг приборов, аппаратов и прочего оборудования, применяемого в медицинских целях;

– 86 – Деятельность в области здравоохранения (со всеми нижестоящими ОКВЭД, такие как: 86.1, 86.10, 86.2, 86.21, 86.22, 86.22.1, 86.22.9, 86.23, 86.9, 86.90, 86.90.1, 86.90.2, 86.90.3, 86.90.4, 86.90.5, 86.90.9);

– 87.1 – Деятельность по медицинскому уходу с обеспечением проживания (в том числе 87.10).

– Всего направлений деятельности организаций, относящихся к фармацевтической отрасли, опираясь на ОКВЭД, насчитывается в количестве 54 наименований.

Из них в г. Москва находятся 13 718 организаций и 5 253 в г. Санкт-Петербург.

Многие из организаций были открыты в последнее десятилетие, что отражает развитие российской фармацевтической отрасли и постепенный отказ от импорта в пользу отечественного производства и разработки.

Фармацевтическая отрасль – это сложная, комплексная сфера, включающая в себя лекарственные препараты, в том числе ветеринарные, медицинские изделия, медицинское оборудование, средства защиты, обучение мед и фарм персонала, разработка новых лекарственных форм, добыча субстанций, международные отношения в сфере здравоохранения и так далее.

Список источников

1. Архипкин И.В. Функции государства как ключевые направления его деятельности. *ЭКОНОМИКА. ПРАВО. ОБЩЕСТВО*. 2025;10(1):17-22. <https://doi.org/10.21686/2411-118X-2025-1-17-22> (дата обращения: 02.03.2026).

2. Кулакова Н. Н. Национальные интересы как вектор развития государства. *Гуманитарные науки*. 2023;13(3):27-31. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-27-31 (дата обращения: 02.03.2026).

3. Черемисина Н.В. и др. Здравоохранение России как фактор национальной безопасности // Социально-экономические явления и процессы. - [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 02.03.2026).

4. Послание Президента РФ Федеральному Собранию // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70565> (дата обращения: 02.03.2026)

5. Натрадзе А. Г. Очерк развития химико-фармацевтической промышленности СССР. М.: Медицина, 1977. 328 с. (дата обращения: 02.03.2026)

6. Павлюк О. М., Савченко Т. Д. История фармации: учебно-методическое пособие для самостоятельной работы. Пятигорск: ПМФИ, 2013. 77 с. (дата обращения: 02.03.2026)
7. Информационный ресурс Росстат. URL: <https://78.rosstat.gov.ru/folder/27832> (дата обращения 02.03.2026)
8. Информационный ресурс ФНС России. URL: <https://pb.nalog.ru/> (дата обращения 02.03.2026)

УДК: 338.45

Зуенкова Юлия Александровна

Российская Федерация, Москва

Российский государственный гуманитарный университет

доцент кафедры брендинга и визуальных коммуникаций

кандидат медицинских наук, DBA

МАРКЕТИНГОВЫЕ АСПЕКТЫ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ТУРИЗМА НА ПРИМЕРЕ МЕДИЦИНСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Аннотация:

В статье актуализируется роль развития индустриального туризма в сфере медицинской промышленности. Подчеркивает слабое развитие данного направления активностей в сегменте промышленных предприятий, производящих медицинские изделия, что связано с высокой степенью наукоемкости и специфичности отрасли. В рамках исследования выделены мотивы развития промышленного туризма по типу стейкхолдеров с особым акцентом на предприятия медицинской промышленности. Выделены маркетинговые и коммерческие выгоды более активной реализации программ индустриальных экскурсий. Предложена типовая модель индустриальной экскурсии на предприятие по производству медицинских изделий, которая содержит четыре базовых блока и учитывает отраслевые особенности. Показано, что организация экскурсий помогает демонстрировать клиентам и партнерам высокие стандарты качества, инновационность производственных процессов и соблюдение санитарно-гигиенических требований. Такие мероприятия повышают доверие к брендам, увеличивают продажи и привлекают дополнительное внимание к продукции завода.

Ключевые слова:

Медицинские изделия, медицинская промышленность, промышленный туризм, маркетинг промышленности.

UDC: 338.45

Zuenkova Yuliia Alexandrovna

Russian Federation, Moscow

Russian State University of the Humanities

Associate Professor of the Department of Branding and Visual Communications

Candidate of Medical Sciences, DBA

MARKETING BENEFITS OF INDUSTRIAL TOURISM AT THE CASE OF MEDICAL DEVICE MANUFACTURING

Abstract:

The article highlights the role of industrial tourism development in the medical industry. It emphasizes the underdeveloped nature of this activity in the segment of industrial enterprises producing medical devices, which is due to the high degree of science-intensive and specific nature of the industry. The study identifies the motives for the development of industrial tourism based on the type of stakeholders, with a particular focus on medical industry enterprises. The paper highlights the marketing and commercial benefits of more actively implementing industrial tour programs. It proposes a typical model of an industrial tour at a medical device manufacturing enterprise, which consists of four basic blocks and takes into account the industry-specific features. It has been shown that organizing excursions helps to demonstrate high quality standards, innovative production processes, and compliance with sanitary and hygienic requirements to customers and partners. Such events increase brand credibility, increase sales, and attract additional attention to the factory's products.

Keywords:

Medical devices, medical industry, industrial tourism, industrial marketing.

Введение

В соответствии с ключевыми стратегическими документами Российской Федерации и Содружества Независимых Государств, промышленный туризм признан одним из ведущих и наиболее многообещающих векторов развития туристической отрасли [1]. Промышленный сектор является ключевым элементом российской экономической системы, обеспечивая свыше половины общего объема производства. Под промышленным туризмом понимается форма туризма, охватывающая посещение широкого спектра промышленных объектов. Это могут быть как бывшие промышленные предприятия, утратившие свою первоначальную функцию, так и активно работающие заводы, а также места, где планируется создание будущих производств. К промышленному туризму относятся визиты в тематические локации, такие как промышленные музеи, технологические парки, специализированные маршруты, учебные заведения и лаборатории.

Промышленный туризм развивается в рамках федеральной инициативы по продвижению кадрового и технологического потенциала «Открытая промышленность». Важность поддержки промышленного туризма

способствуют как национальные проекты, так и новые вызовы, стоящие перед государством в виде геополитического давления, необходимости формирования кадрового резерва, преодоления санкционное давление. На сегодняшний более 2038 заводов организуют профориентационные мероприятия для учащихся, на 2644 предприятиях запущены программы стажировок для молодых специалистов. Всего в 2024 году было организовано более 20 тысяч экскурсий, в рамках которых российские заводы посетили более 1083662 посетителей.

Сегодня объектами промышленного туризма становятся как действующие предприятия и заводы, так неактивные (закрытые) объекты, а также музеефицированные заводы [2]. В рамках промышленного туризма организуются маршруты по местам промышленного наследия, создаются парки и музеи промышленных брендов [3]. В России наибольший потенциал промышленного туризма имеют исторически индустриальные регионы – Урал, Сибирь, Дальний Восток, однако интерес к направлению растет и в других регионах [4][5].

Несмотря на активное развитие индустриального туризма в разных отраслях, потенциал этого направления в медицинской промышленности остается не до конца раскрытым в виду специфичности и высокой технологичности отрасли, а также ее сравнительно недавним прогрессом.

Цель исследования – оценить потенциал индустриального туризма в медицинской промышленности, определив отраслевые особенности и возможности, а также разработать рекомендации по созданию эффективной модели экскурсионных туров на предприятиях медицинской промышленности.

Материалы и методы. Основу исследования составляют методы анализа и синтеза. Для проведения работы были привлечены научные публикации отечественных и зарубежных исследователей. В рамках поставленной цели проводился обзор литературы по промышленному туризму в России, оценивался опыт зарубежных стран по развитию индустриального туризма в медицине, анализировались текущие практики российских предприятий.

Результаты

Промышленный туризм способствует развитию разных аспектов – отраслевых, корпоративных, региональных. Промышленный туризм – еще одна возможность для экономического развития региона, давая дополнительный приток туристов, способствуя росту занятости, налаживанию межотраслевых

связей. Для системы образования промышленный туризм – значимый элемент образовательного процесса и профориентации. Производственные отрасли также становятся бенефициарами промышленного туризма за счет потенциальной возможности привлечения новых кадров и формирования кадрового резерва.

Выявлены следующие мотивы развития промышленного туризма по типу стейкхолдеров (Таблица 1).

Рисунок 1 – Потенциальные бенефициары индустриального туризма

Источник: составлено автором [4][5]

Для промышленного предприятия индустриальный туризм несет целый ряд маркетинговых преимуществ. Как было показано в статье [6], от мероприятий в формате «День открытых дверей на производстве» можно ожидать следующих преимуществ:

- роста продаж компании и рентабельности. Так, по данным авторов [6] в результате посещения завода клиентами общая рентабельность продаж увеличилась с 40% до 60%;
- увеличение лояльности клиентов, переход "пассивных" пользователей в сегмент «адвокаты бренда». По сравнению с предыдущими стратегиями продвижения, данная программа позволила значительно повысить воспринимаемую ценность продукции в глазах различных целевых аудиторий,

укрепить лояльность клиентов и запустить эффект «сарафанного радио» среди пассивных сегментов;

- возможность эффективно доносить до клиентов отличительные особенности и позиционирование в условиях ограничения рекламного воздействия конкурентов;
- расширение возможностей для перекрестных продаж и убедила потребителей выбирать более дорогие продукты.

Можно выделить следующие блоки активностей в рамках посещения завода медицинских изделий, представленных в виде отраслевой модели индустриальной экскурсии (Рисунок 1).

Рисунок 2 – Модель индустриальной экскурсии на предприятие медицинской промышленности

Источник: составлено автором на основе анализа литературы [6][7]

Такая модель позволяет производственным компаниям не только планировать свои производственные туры, но и дает понимание того, в каких производственных сферах находятся ее сильные стороны и компетенции – исследовательские, комплектующие, производственные, клинические.

Заключение

В рамках национальной стратегии по развитие отечественной медицинской промышленности возрастает роль индустриального туризма в этой отрасли. Индустриальный туризм вносит вклад в формирование кадрового

резерва, повышение привлекательности регионов и укрепление позиций предприятий на рынке.

Промышленный туризм не только способствует развитию отрасли и регионов, но и приносит ощутимую пользу отдельным компаниям, укрепляя их репутацию. Предприятия в ходе промышленных туров могут продемонстрировать клиентам и партнерам высокие стандарты качества, передовые технологии и строгое соблюдение санитарных норм.

Список источников

1. Коптелина Е.С., Ментусов А.В. Промышленный туризм на примере ПАО «ТМК»: вызовы, перспективы и возможности. Современная наука: вызовы, перспективы и возможности. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна; 2024:241–242.
2. Сарафанова, А. Г. Промышленный туризм как стратегия развития территории / А. Г. Сарафанова, А. А. Сарафанов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. – 2025. – № 3. – С. 69-75. – DOI 10.17308/geo/1609-0683/2025/3/69-75. – EDN VRUGBP.
3. Власова, Н. Ю. Индустриальный туризм в продвижении старопромышленных регионов / Н. Ю. Власова, О. Ю. Голубчиков, Е. В. Курилова // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2017. – № 4(72). – С. 19-31. – DOI 10.29141/2073-1019-2017-16-4-2. – EDN ZTWQVB.
4. Питухина, М. А. Потенциал объектов промышленного туризма в карельской Арктике / М. А. Питухина, К. А. Чумак, А. Д. Белых // Арктика и Север. – 2025. – № 61. – С. 222-236. – DOI 10.37482/issn2221-2698.2025.61.222. – EDN SNCDFZ.
5. Кайдашова, А. К. Формирование концептуальных основ развития туристского бренда в сфере легкой промышленности / А. К. Кайдашова, Е. Ю. Сизганова, А. А. Ашин // Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. – 2023. – № 2(404). – С. 50-57. – DOI 10.47367/0021-3497_2023_2_50. – EDN VQYZRN.
6. Зуенкова Ю.А., Киселев В.Д. День открытых дверей как инструмент управления продажами (на примере кейкиса) // Управление продажами. – 2015. – No2. – С.114–125. URL: <https://grebennikon.ru/article-sp3b.html>
7. Otgaar A. Towards a common agenda for the development of industrial tourism // Tourism Management Perspectives, 2012, vol. 4, pp. 86-91.

УДК: 332.1

Каширин Сергей Владимирович

Российская Федерация, Москва

Финансовый университет при Правительстве РФ

доцент кафедры операционного и отраслевого менеджмента

кандидат исторических наук, доцент

ОТРАСЛЕВЫЕ ТРУДОВЫЕ КЛАСТЕРЫ: СУЩНОСТЬ И ХАРАКТЕРИСТИКА

Аннотация:

В статье рассмотрен вопрос формирования отраслевого трудового кластера. Дается сравнение различных подходов в его трактовке. Отмечены существенные характеристики для его определения.

Ключевые слова:

Кластер, отрасль экономики, концепция трудовых кластеров.

UDC: 332.1

Kashirin Sergey Vladimirovich

Russian Federation, Moscow

Financial University under the Government of the Russian Federation

Associate Professor of the Department of Operational and Industry Management

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

SECTORAL LABOR CLUSTERS: ESSENCE AND CHARACTERISTICS

Abstract:

The article considers the issue of the formation of an industrial labor cluster. A comparison of different approaches in its interpretation is given. The essential characteristics for its definition are noted.

Keywords:

Cluster, economic sector, concept of labor clusters.

В современной экономике России особое значение отводится процессу формирования трудовых кадров и дальнейшему развитию компетенций молодых специалистов. Решением проблем на рынке труда и нехватки рабочих кадров в

ключевых отраслях экономики порождает не только производственные проблемы, но и снижает темпы роста экономики. Данная проблема связана не только с демографическими процессами, и с перекосами в сфере образования, а с отсутствием институциональных изменений в трудовых образованиях и начавшихся цифровых и платформенных трансформаций в экономике, одним из решений вопроса может служить создание на территории России отраслевых трудовых кластеров.

Президент РФ В.В. Путин на пленарном заседании XXI ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» указал на нехватку рабочей силы в стране¹. Поэтому кардинальное улучшение качества человеческого капитала, формирование притягательной рабочей среды и использование необходимых компетенций требуются для обеспечения технологического суверенитета и научно-технологических заделов формируемых на основе функционирования эффективных трудовых кластеров в субъектах РФ.

Формирование трудовых кластеров – один из самых насущных и обсуждаемых вопросов среди отечественных и зарубежных ученых. Следует отметить, что они дают противоречивые трактовки категории «трудовой кластер» (ТРК). Однако практически все они сходятся во мнении что он представляет общую форму объединения, систему отношений, а также форму кооперации или некие сообщества, которые обеспечивают диффузию знаний на основе трудовой мобильности. Трудовой кластер имеют общую рабочую силу с определенными или специфическими и схожими навыками благодаря географической и отраслевой концентрации. Основоположником кластерной теории признанно считается профессор Гарвардской школы Майкл Портер. Согласно теории М. Портера, кластер – это группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний (поставщики, производители и др.) и связанных с ними организаций (образовательные заведения, органы государственного управления, инфраструктурные компании)². Е.А. Исланкина с точки зрения раскрытия дефиниции «трудовой кластер» акцентирует внимание на географической концентрации, которая включает совместное использование

¹ Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай». /Putin pointed to the shortage of labor in the country. URL: https://eng.business-magazine.online/fn_1571973.html (дата обращения: 27.01.2026).

² Поттер, М. Конкуренция. – Москва: Вильямс, 2003. – С. 14.

трудовых ресурсов и обмен знаниями на что ранее указывал также М. Портер¹. А. Маршалл, по сути, использовал экономико-географический подход и указывал на особенности разделения труда и квалификации. Он обратил внимание на то, что разделение труда ведёт к росту специализации и повышению квалификации работников. Так, специализация и использование машин изменяет структуру труда в результате чего меняются потребности экономики благодаря спросу на квалифицированных рабочих. Подобным образом объективная необходимость в объединении работников в одном месте (например, на фабрике) способствует обмену знаниями и ускорению обучения. Как правило отрасли концентрируются в определённых регионах (например, текстильная промышленность), при этом важной составной частью которого является общий рынок труда с высокой концентрацией специалистов. Наряду с этим рост концентрации производства у А. Маршалла обуславливает увеличение эффекта отдачи от масштаба, что возможно только при наличии квалифицированных и организованных работников. Экономисты Д. Гордон, Р. Эдвардс, М. Райх рассматривали трудовые кластеры с точки зрения институционально-исторического подхода. В основе этого подхода, который основан на сегментации труда ключевыми фигурами становятся не рыночные силы, а институты – государство, корпорации, профсоюзы. Следует заметить, что социальная структура накопления (система контроля над трудом, например, сегментация), по их мнению, определяется последовательно реализуемой институциональной средой, и именно институциональные факторы являются движущей силой изменения трудового кластера. Социальный капитал, похоже, является достаточно важным фактором, который способствует появлению, росту и развитию эффективных кластеров, но стоит отметить, что существование кластеров, в свою очередь, также влияет на уровень социального капитала в регионе, и обычно изменения происходят в сторону его укрепления.

Формирование социально ориентированных кластеров способствует развитию социального капитала и увеличению его удельного веса в экономике страны. Конкурентные преимущества, которые вытекают из наличия кластеров, тесно связаны с ценностью информации и знаний, которой компании готовы делиться. Сети и связи, а также степень доверия составляют социальный

¹ Исланкина Е. А. Кластерный подход в экономике: концептуальные основы, история и современность // Высшая школа экономики. – 2016. – №. 12. – С. 1-11.

фундамент кластера. Идентификация фирмы как часть кластера и ее членство в данном обществе являются важнейшими составляющими социального капитала. Анализ социального капитала в отношении кластеров представляет собой ценный механизм для изучения того, как структура сетей в заданной географической зоне создает конкретные выгоды для отдельных компаний. Повышение прочности и качества связей внутри кластера часто является побочным продуктом развития отношений в рамках кластера. Кластер – это больше, чем просто сеть компаний, предоставляющих узкоспециализированные бизнес-услуги, которые поддерживают быстрое создание новых компаний. В равной степени ценностью кластера являются вспомогательные инфраструктуры соответствующих институтов: сети поставщиков, в том числе специализированных контрактных производителей, близость к исследовательским учреждениям, как государственным, так и частным, высокая мобильности рабочей силы¹.

Прочность кластера может стать важным стимулом для государственных инвестиций в специализированные инфраструктуры, такие как сети связи, совместные тренинги для персонала, организация исследовательских институтов, специализированных центров для тестирования, расширение общественных лабораторий и специальных профессиональных учебных заведений. Методика формирования социально-трудовых кластеров предложена в работе С.В.Каширина Н.А. Тукмановой, которые отмечают особенности социально-трудовых кластеров в зависимости от конкурентоспособности отрасли и трудового потенциала региональных сил в производственной и непроизводственной сфере².

Таблица 1 – Эволюция подходов к концепции «трудовых кластеров».

Наименование подхода / концепции	Недостатки подхода	Преимущества подхода
Экономико-географический (конец XIX века, 1890 г.)	Игнорируются институты, социальная структура и неравенство из-за признаков однородности труда	Выявление общих закономерностей и наличие эффектов агломерации. Ведущая роль формирования общего рынка труда, специализации и географической концентрации
Сегментация рынка труда	Не учитывается при формировании кластеров	Анализ внутренних рынков труда, кластеров

¹ Bahrami, Mansou and Stuart Evans. Flexible Recycling and High-Technology Entrepreneurship, ed. Martin Kenney. In Understanding Silicon Valley: The Anatomy of an Entrepreneurial Region. Stanford: Stanford University Press, 2000

² С.В.Каширин, Н.А. Тукманова Формирование отраслевых социально-трудовых кластеров. М: КНОРУС, 2026.

(начало 1970-х гг.)	влияние технологических и др. инноваций	низкоквалифицированной занятости, неравенства и бедности. Выделение первичного и вторичного рынка труда (сегментов)
Социолого-управленческий (1973 г.)	Существуют макроэкономические и отраслевые ограничения	Обоснование и возможность субъективного благополучия, повышения качества жизни
Институционально-исторический (конец 1970-х – начало 1980-х гг.)	Концентрация внимания на излишнем контроле, установления правил и норм при формировании кластеров	Развитие концепции трансформации систем труда, политэкономия труда и учет роли профсоюзов при формировании кластеров
Новая экономическая география (начало 1990-х гг.)	Модели формирования кластера сильно упрощают социальные и институциональные реалии	Самоусиливающийся характер агломерации из-за появления эффекта масштаба и влияние мобильности труда. Региональное экономическое развитие и анализ влияния миграции.
Человеческий капитал и инновации (середина 1990-х гг.)	Проблемы сложной адаптации корпоративной культуры в подсистемы других компаний	Информационно-сетевая культура и мобильность человеческого капитала
Стратегический кластерный подход (конец 1990-х – 2000-е гг.)	Риски формального подхода к разработке кластерной политики, проектирования взаимодействия	Четкая стратегия формирования кластеров для сферы бизнеса и политической системы, формирования кластерной политики
Подход, основанный на пулах знаний (середина 2000-х гг.)	Неявные знания проявляются через один канал передачи знаний, без учета институтов и других условий	Акцент на процессе циркуляции неявных знаний. Кластер функционирует как целостная система обучения, а также формирует профессиональные сообщества и сети. Применимо к высокотехнологичным отраслям и инновационным предприятиям
Профессионально-отраслевой и институционально-управленческий (2000-е – 2010-е гг.)	Система вертикального управления может сформировать угрозы рыночной самоорганизации и воздействия на деятельность субъектов бизнеса	Учет роли государства и концепции отраслевой структуры в разработке государственных и региональных программ по развитию кластеров
Эмпирико-социологический и инновационно-географический (конец 2010-х – начало 2020-х гг.)	Сложность оценки системных изменений, осуществление диагностики	Организация системы с позиции качества трудовой жизни, использование. Кластер рассматривается как инновационно-географическая система, основанная на пространственно-локализованном человеческом капитале

Обобщая рассматриваемые подходы, нужно учитывать, что многие исследователи противоречиво рассматривают трудовые кластеры (табл.1). Так, концентрация и специализация труда способствуют решению проблемы комплексного воздействия на рост инноваций, однако, с другой стороны, не определяют лучшие условия труда поскольку создаются новые барьеры из-за сегментации рынка труда. Концепция кластера вышла за пределы академической науки, породив социально-трудовой феномен в виде интереса общественных и государственных органов к этой теории, а также создав новые типы социальной мобильности, когда люди в поисках «лучшей» работы переезжают в другие регионы и объединяются вокруг секторов экономического потенциала или прибыльности, что мы видим форме текущей миграции в Москву и Санкт-Петербург. Отметим важность проблемы развития отраслевых трудовых кластеров и дальнейшее его изучение с целью повышения конкурентоспособности отечественной экономики.

Список источников

1. Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай». /Putin pointed to the shortage of labor in the country. URL: https://eng.business-magazine.online/fn_1571973.html (дата обращения: 27.01.2026).
2. Bahrami, Mansou and Stuart Evans. Flexible Recycling and High-Technology Entrepreneurship, ed. Martin Kenney. In Understanding Silicon Valley: The Anatomy of an Entrepreneurial Region. Stanford: Stanford University Press, 2000
3. Исланкина Е. А. Кластерный подход в экономике: концептуальные основы, история и современность //Высшая школа экономики. – 2016. – №. 12. – С. 1-11
4. Каширин С.В., Тукманова Н.А. Формирование отраслевых социально-трудовых кластеров. М.:КНОРУС,2026.-С.224.
5. Потрер, М. Конкуренция. – Москва: Вильямс, 2003.

УДК: 338.1

Козюра Ольга Петровна

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
аспирант

Харламов Андрей Викторович

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

заведующий кафедрой общей экономической теории и истории
экономической мысли

доктор экономических наук, профессор

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ РФ НА ПУТИ ПОСТРОЕНИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация:

В статье выявлена взаимосвязь между устойчивым и постиндустриальным развитием. Достижение идеалов постиндустриального общества зачастую тормозится неравномерностью развития регионов с конфликтующими интересами их хозяйствующих субъектов. Анализ инновационной активности и научного потенциала регионов России позволил выявить неравномерность субъектов РФ. Построение институциональной инфраструктуры страны способно согласовать интересы субъектов, сгладить различия и ускорить трансформацию общества.

Ключевые слова:

Устойчивое развитие, постиндустриальная экономика, интересы регионов.

UDC: 338.1

Koziura Olga Petrovna

Russian Federation, Saint Petersburg

St. Petersburg State University of Economics

Postgraduate student

Kharlamov Andrey Viktorovich

Russian Federation, Saint Petersburg

St. Petersburg State University of Economics

Head of the Department of General Economic Theory and History of Economic Thought
Doctor of Economic Sciences, Professor

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION'S REGIONS ON THE PATH TO A POST-INDUSTRIAL ECONOMY

Abstract:

The article reveals the relationship between sustainable and post-industrial development. The achievement of the ideals of a post-industrial society is often hindered by the uneven development of regions with conflicting interests of their economic entities. The analysis of the innovation activity and scientific potential of Russia's regions has revealed the unevenness of the Russian Federation's constituent entities. The construction of the country's institutional infrastructure can align the interests of its entities, mitigate differences, and accelerate the transformation of society.

Key words:

Sustainable development, post-industrial economy, and regional interests.

Построение постиндустриальной экономики в современном понимании ассоциируется с инновациями, ростом значимости теоретического знания и общей образованности, высокой технологичности применяемой продукции, повышением благосостояния граждан. Именно поэтому достижение идеалов постиндустриального общества (или общества знаний) является целевой установкой большинства стран, включая Россию. И оно успешнее реализуется через устойчивое развитие, поскольку достижение благосостояния народа неотделимо от соблюдения принципов и решения задач устойчивого развития страны. В свою очередь, теоретическое научное знание, как главный атрибут формирования постиндустриальной экономики, характеризуется зарубежными авторами как главная движущая сила устойчивого экономического роста [8]. Последний невозможен без учета остальных составляющих устойчивого развития: социальной и экологической. Устойчивое развитие в современных научных источниках описывается как способность потребителей удовлетворять свои потребности без ущерба для будущих поколений удовлетворять их потребности [4]. Таким образом, процессы устойчивого и постиндустриального развития являются однонаправленными и взаимосвязанными.

Достижение устойчивого развития страны с динамичным экономическим ростом, повышением социального благополучия при сохранении и приумножении природного богатства считается залогом обеспечения конкурентоспособного положения в мире [7]. Для России, столкнувшейся с серьезными геополитическими проблемами, находящейся под давлением санкций, крайне важно повысить свою конкурентоспособность, что позволит обеспечить безопасность. Российские ученые подчеркивают необходимость сохранения макроэкономического равновесия в условиях кризиса и деструкции, когда наблюдается разрыв совокупного спроса и совокупного предложения, и предлагают выявлять причины нарушения агрегированных величин, что позволит выработать способы согласования экономических интересов [5]. Российские ученые подчеркивают взаимосвязь интересов национальной безопасности и устойчивости развития страны [6].

Размеры и мощь страны, а также высокая военная оснащенность, отчасти, способствуют укреплению национальной безопасности, но ее долгосрочность зависит от устойчивого экономического роста, высокого конкурентоспособного положения страны. Однако, значительная протяженность России является ее силой и слабостью одновременно. Последнее объясняется разобщенностью субъектов, различием целей, неравномерностью развития регионов. Устранение этого негативного аспекта позволит РФ достичь идеалов постиндустриального общества.

Прежде всего, необходимо отметить, что современное понимание постиндустриального общества не ограничивается только лишь положительными его сторонами. Современные авторы подвергают критике излишний оптимизм основателя концепции постиндустриального общества Д. Белла и игнорирование негативных аспектов данного общества, таких как экономическое неравенство и социальные потрясения [8]. Нельзя не отметить парадоксальность инновационных технологий современного общества, повышающих уровень жизни людей, но вместе с этим усиливающих их неравенство из-за разного доступа и умения их применять.

Разный уровень доступа к ресурсам, особенно, к информации и инновационным технологиям, разобщает регионы Российской Федерации. Особенности регионов определяют размеры и направленность инвестиций. В итоге одни регионы оттягивают на себя основные потоки инвестиций, оставляя

другие регионы далеко позади в развитии. Если сопоставить разные регионы внутри одной страны по социально-экономическим показателям Росстат раздела 19 «Наука, Технологии, Инновации», можно выявить лидеров, наиболее близких к идеалам постиндустриальной экономики, и аутсайдеров, находящихся на более низких этапах.

Уровень инновационной активности организаций регионов РФ представлен в динамике за 2022-2024 гг. в таблице 1. Для наглядности приведены данные лидеров и аутсайдеров внутри каждого федерального округа.

Таблица 1 – Уровень инновационной активности организаций регионов РФ

РФ/Федеральный округ (ФО)/Субъекты федерации	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Российская Федерация	11,0	11,3	12,5
Центральный ЦФО (18 субъектов)	11,0	12,0	13,9
- Белгородская область (1 место в 2024)	15,1	15,4	17,9
- Тульская область	14,5	15,4	16,6
- Костромская область	5,2	5,7	5,8
- Тамбовская область (18 место)	8,5	9,1	5,6
Северо-Западный СЗФО (10 субъектов)	10,6	10,9	11,9
- Санкт-Петербург (1 место в 2024)	15,0	15,0	17,1
- Псковская область	9,9	10,4	12,8
- Архангельская область (10 место)	4,6	7,0	5,1
Южный ФО (8 субъектов)	10,8	11,3	13,0
- Ростовская область (1 место в 2024)	26,4	26,6	26,3
- Астраханская область	6,1	6,2	17,2
- Республика Калмыкия (8 место)	2,7	3,1	3,5
Северо-Кавказский ФО (7 субъектов)	4,0	3,6	4,9
- Ставропольский край (1 место в 2024)	6,8	7,0	7,6
- Республика Ингушетия	1,1	1,4	2,1
- Чеченская Республика	2,0	1,7	2,1
Приволжский ФО (14 субъектов)	15,9	16,7	17,5
- Республика Татарстан (1 место в 2024)	32,0	33,6	34,1
- Самарская область	17,9	18,8	21,8
- Оренбургская область (14 место)	7,0	7,1	8,2
Уральский ФО (4 субъекта)	9,9	9,8	10,2
- Челябинская область (1 место в 2024)	12,1	12,6	14,2
- Тюменская область (4 место)	7,3	6,5	6,7
Сибирский ФО (10 субъектов)	9,2	9,4	10,1
- Алтайский край (1 место в 2024)	14,0	14,9	16,7
- Томская область	15,2	16,2	16,4
- Республика Алтай (10 место)	5,3	4,4	3,9
Дальневосточный ФО (11 субъектов)	7,4	6,4	6,5
- Хабаровский край (1 место в 2024)	7,7	8,0	8,1
- Камчатский край	9,4	8,3	8,0
- Еврейская автономная область (11 место)	4,0	4,5	3,8

Источник: составлено автором на основании данных Росстата¹

По данным таблицы 1 можно сделать следующие выводы:

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2025. 1035.

– уровень инновационной активности организаций в РФ и ее округах растет из года в год в динамике за три года, но ряд округов (Уральский и Северо-Кавказский) демонстрируют колебания;

– наиболее высокий уровень инновационной активности (17,5) в 2024 году продемонстрировал Приволжский федеральный округ, а самый низкий – Северо-Кавказский федеральный округ (4,9);

– наблюдаются значительные отличия среди субъектов РФ по уровню инновационной активности организаций в 2024 году. Топ-3 среди лидеров: Татарстан (34,1 с ростом в динамике), Ростовская область (26,3 с отрицательной динамикой по сравнению с 2023 г.) и Самарская область (21,8 с ростом в динамике). Две нижние строчки заняли Чеченская Республика и Ингушетия (обе со значением показателя 2,1 в 2024 г. и обе внутри наиболее отстающего округа).

Примечательно то, что в лидирующем по уровню инновационной активности в 2024 году Приморском федеральном округе отмечается самый высокий удельный вес организаций, которые осуществляют технологические инновации, равный 29,1%, что на 15,1 п.п. выше, чем в отстающем Северо-Кавказском ФО.

Наибольший объем инновационных товаров, работ и услуг в денежном выражении в 2024 году поставлен Москвой (1 628 525,4 млн руб., что составляет 16,6% от общего объема в РФ). Но это лишь 4,8% от общего объема товаров, работ и услуг, в отличие от 20,4% Татарстана. Наиболее инновационной территорией по данному показателю является Мордовия (21,9%), хотя в денежном выражении ее вклад довольно мал (1,3% от объема РФ).¹

По уровню затрат на инновационную деятельность в 2024 году лидирующий и отстающий округа те же самые, с той лишь разницей, что в ТОП-2 лидеров с одинаковым значением затрат в 3,7% от общего объема товаров и услуг вошел также Южный округ. Самые высокие инвестиции в процентах к объему товаров и услуг были в 2024 г. в Татарстане (6,9%), Нижегородской и Иркутской областях (по 6,5%). Примечательно, что самые крупные города России Москва и Санкт-Петербург не вошли в число лидеров по инвестиционной активности и по инвестициям в процентном отношении к отгружаемым товарам и выполненным услугам в 2024 году. При этом, в денежном выражении самый

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2025. 1035.

большой объем инвестиций на инновации отмечен в Москве и составил 1628038,2 млн руб. или 36% от объема инвестиций в РФ в целом.

В таблице 2 представлен уровень научного потенциала регионов по их активности в исследовательской деятельности. Научный потенциал необходим для создания высокотехнологичной продукции и услуг в условиях постиндустриальной экономики.

Таблица 2 – Уровень участия регионов в исследовательской деятельности.

Показатель	Лидеры	Отстающие
Организации, выполнявшие в 2024 г. исследования и разработки	1 место ЦФО (лидеры Москва и Московская область) 2 место Приволжский ФО (Татарстан) 3 место СЗФО (лидер Санкт-Петербург)	Северо-Кавказский ФО
Число сотрудников, занятых исследованиями и разработками в 2024	1 место ЦФО (лидеры Москва и Московская область) 2 место Приволжский ФО 3 место СЗФО (лидер Санкт-Петербург)	Северо-Кавказский ФО
Число исследователей в 2024 г.	1 место ЦФО (лидеры Москва и Московская область) 2 место Приволжский ФО (Нижегородская область) 3 место СЗФО (лидер Санкт-Петербург)	Северо-Кавказский ФО

Источник: составлено автором на основании данных Росстата¹

Оценивая уровень научного потенциала регионов по активности в исследовательской деятельности, можно объединить в тройку лидеров Москву, Московскую область и Санкт-Петербург. При этом Приволжский округ опережает СЗФО. Растут затраты на исследования и разработки в РФ и регионах в динамике за 2022-2024 гг., что оценивается с положительной стороны.

Отрицательная тенденция отмечается в России в целом и в отдельных регионах по количеству исследователей с учеными степенями: их число убывает из года в год, за небольшим исключением (Южный ФО).

Анализ показал значительное отставание Северо-Кавказского федерального округа от других регионов РФ по показателям инновационной активности и научного потенциала, что отдаляет его от идеалов постиндустриального общества. Примечательно, что данный регион демонстрирует и наиболее низкий валовой региональный продукт на душу населения в 2020-2023 гг.

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2025. 1035.

Отечественные авторы полагают, что эффективность и сбалансированность регионального развития напрямую зависит от согласованности интересов основных субъектов экономического, экологического и социального процессов [2]. В развитых регионах, как правило, отмечается стремление к сбалансированности, формируется общественное сознание, учитывающие глобальные проблемы.

Необходимо достичь согласованности интересов субъектов хозяйственной деятельности на разных уровнях иерархии: государство, регионы, бизнес, домохозяйства. Понимание двойственной природы, изменчивости интересов и их зависимости от системы ценностей расширяет коридор возможностей их согласования [3]. Считается, что для успешной координации интересов фирмы и работников следует добиться соответствия их системы ценностей с корпоративными ценностями [3]. В научных источниках предлагается использование моделей государственно-частного партнерства без дублирования существующих элементов государственной поддержки, что сблизит интересы государства и бизнеса, поможет осуществить переход от конкуренции к партнерству путем разграничения сфер деятельности [1].

Построение институциональной инфраструктуры страны способно согласовать интересы субъектов, сгладить различия и ускорить трансформацию общества. Модели государственно-частного партнерства хорошо вписываются в современную тенденцию усиления государственного регулирования экономики.

Список источников

1. Алибий Ф.М., Сабанчиев А.Х. Методы институционального стимулирования модели государственно-частного партнерства в условиях территорий опережающего социально-экономического развития // Региональные проблемы преобразования экономики. 2024. № 8. С 43-51.
2. Баширова А.А. Экономические интересы как фактор управления сбалансированным развитием регионов // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 9-1(67). С. 51-53. DOI 10.24411/2411-0450-2020-10689.
3. Бирюков Е.В. Экономические интересы и механизмы координации бизнес-процессов: поиск альтернативного направления исследования // Прогрессивная экономика. 2024. № 4. С. 130-142.
4. Карпова С.В. Финансово-экономическое поведение потребителей и его влияние на достижение целей устойчивого развития в России // Финансы: теория и практика. 2024. Т. 28, № 1. С. 109-121.

5. Туманян Ю.Р. Механизм согласования и реализации экономических интересов как способ достижения макроэкономического равновесия // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 12, № 9-1. С. 59-65.
6. Харламов А.В. Обеспечение устойчивого развития на основе реализации национальных экономических интересов // Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 05 апреля 2024 года. СПб.: Изд-во СПбУМВДРФ, 2024. С. 328-332.
7. Харламов А.В. Устойчивое развитие национальной экономики как условие ее конкурентоспособности // Устойчивое развитие: экологические, экономические и социальные аспекты: сборник научных статей по результатам международной конференции. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2021. С. 230-235.
8. Mills M. Anthony. The Arrival of Post-industrial Society // National Affairs. 2024. P. 149-168 [Электронный ресурс]. URL.: <https://prod.nationalaffairs.com/publications/detail/the-arrival-of-post-industrial-society> (дата обращения: 15.02.2026).

УДК: 911.3

Кравченко Валерия Игоревна

Российская Федерация, Калининград

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта
магистрант

Дьяченко Александр Анатольевич

Российская Федерация, Калининград

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта
магистрант

**УПРАВЛЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЯМИ ПРИ РАЗРАБОТКЕ НАРРАТИВНОГО
МАРШРУТА: СИНТЕЗ ПСИХО ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ МОДЕЛИ,
ЭМПАТИЧЕСКОГО КАРТОГРАФИРОВАНИЯ И ТЕРАПЕВТИЧЕСКИХ
ПРАКТИК (НА ПРИМЕРЕ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Аннотация:

Предложена модель управления изменениями для депрессивных сельских территорий на основе подхода прочитатель – применить – понять и эмпатического картографирования. Введен коэффициент тревожности среды. Апробация – усадьба фон Заукхоф (Калининградская область).

Ключевые слова:

Управление изменениями, выученная беспомощность, эмпатическое картографирование, AlpineQuest, слоу тревел, иппотерапия, усадебное наследие, Калининградская область.

UDC: 911.3

Kravchenko Valeria Igorevna

Russian Federation, Kaliningrad

Immanuel Kant Baltic Federal University

Master's student

Dyachenko Alexander Anatolievich

Russian Federation, Kaliningrad

Immanuel Kant Baltic Federal University

Master's student

CHANGE MANAGEMENT IN DEVELOPING A NARRATIVE ROUTE: A SYNTHESIS OF PSYCHO-BEHAVIORAL MODEL, EMPATHIC MAPPING AND THERAPEUTIC PRACTICES (CASE STUDY OF THE KALININGRAD REGION)

Abstract:

A change management model for depressed rural areas based on the read-apply-understand approach and empathic mapping is proposed. Environmental anxiety coefficient is introduced. Approbation – Fon Zaukenhof estate (Kaliningrad region).

Keywords:

Change management, learned helplessness, empathic mapping, AlpineQuest, Slow Travel, hippotherapy, estate heritage, Kaliningrad region.

Введение

Современное состояние туристической Калининградской области характеризуется выраженным пространственным дисбалансом: при избыточной концентрации рекреационной нагрузки в прибрежной зоне, значительный историко-культурный потенциал внутренних сельских территорий, в частности уникальных усадебных комплексов, остается невостребованным. Деградация архитектурного наследия в сельской местности сопровождается социальной стагнацией: локальные сообщества демонстрируют крайне низкий уровень субъектности и психологическую неготовность к реализации социокультурных инициатив. Данная апатия детерминирована не только инфраструктурным дефицитом, но и устойчивыми когнитивными барьерами, которые в рамках фундаментальной психологии интерпретируются как феномен «выученной беспомощности» [1].

Классические парадигмы менеджмента изменений, представленные в трудах К. Левина и Дж. Коттера, базируются на презумпции рациональности акторов, способных к осознанной трансформации на начальных этапах процесса [2, 3]. Однако в условиях депопуляции и эрозии территориальной идентичности, характерных для депрессивных сельских районов, данные модели утрачивают свою релевантность. Острое противоречие между объективным ресурсным потенциалом локаций и субъективной ригидностью местного населения диктует необходимость разработки альтернативного инструментария управления.

Настоящее исследование направлено на теоретическое обоснование и апробацию авторской концепции управления изменениями, адаптированной к специфике «замороженных» социальных систем (на примере кейса усадьбы фон Заукенхоф в Озерском районе). Научная новизна предлагаемого подхода заключается в междисциплинарной конвергенции психо-поведенческой модели «прочитать – применить – понять» [4], методов военной топографии и технологий эмпатического картографирования. В качестве инструмента объективизации социального дисбаланса вводится авторский количественный индикатор – «коэффициент тревожности среды» (КТС), позволяющий проводить прецизионную диагностику состояния локального сообщества перед проектированием нарративных маршрутов.

Теоретико-методологические основы исследования

Фундаментальные парадигмы управления трансформационными процессами традиционно служат базисом для детерминации механизмов развития социальных систем. В частности, триадическая концепция К. Левина («размораживание – движение – кристаллизация») интерпретирует процесс перехода системы из одного гомеостатического состояния в иное. Детализированный восьмишаговый алгоритм Дж. Коттера расширяет этот подход, акцентируя внимание на аффективной составляющей, роли стратегического лидерства и формировании телеологического образа будущего. В свою очередь, модель ADKAR ориентирована на микроуровневый анализ преобразований через призму индивидуальных когнитивных и поведенческих установок [5].

Тем не менее, критический анализ данных теоретических конструктов позволяет выявить их общую аксиоматическую основу – презумпцию «рационального актора», обладающего способностью к осознанию на входной фазе изменений. Однако в депрессивных социальных средах, где диагностирован феномен «выученной беспомощности» (согласно М. Селигману), данная установка теряет свою эвристическую ценность. Дефицит контроля над негативными событиями в прошлом формирует у субъектов устойчивое убеждение в инфертильности любых проактивных действий, блокируя саму возможность рациональной рефлексии на входе.

В качестве альтернативной методологии в данном исследовании предлагается экстраполяция психотерапевтических практик. В частности,

концепция В. Лихача постулирует инверсию классической когнитивной последовательности, предлагая цикл «прочитать – применить – понять». В рамках этой логики гносеологический акт (понимание) выступает не прекурсором, а результатом апостериорного осмысления прожитого опыта. Инициирование деятельности в безопасном, «тестовом» режиме минимизирует когнитивную нагрузку и уровень социальной тревожности, создавая почву для последующей интеграции смыслов. Данный подход коррелирует с теорией «воплощенного познания», постулирующей неразрывность ментальных процессов, телесного опыта и эмоциональных реакций [6,7].

Традиционная картография в сфере туризма преимущественно сфокусирована на объективизации пространственных аттракций и логистических цепочек [8]. Однако современная эволюция геоинформационных систем (ГИС) позволяет интегрировать в анализ качественные и эстетические характеристики ландшафтных комплексов [9]. Развивая данные тенденции, авторы вводят дефиницию «эмпатическое картографирование». Данный метод предполагает фиксацию не только физико-географических координат, но и психоэмоциональных маркеров субъекта в конкретных пространственных точках. Технологическим инструментарием реализации данного метода выбрана платформа AlpineQuest: ее военно-топографический генезис обеспечивает высокую точность оперирования пространственными данными, трансформируя карту из статичной схемы в динамический реестр коллективных переживаний и инструмент глубокой социальной рефлексии¹.

Эмпирическая верификация социально-экономического состояния озерского муниципального образования

Объектом исследования выступает архитектурный ансамбль усадьбы фон Заукенхоф, локализованный в границах населенного пункта Лужки. Генезис и эволюция данного комплекса охватывают несколько исторических этапов:

- 1848 г. – возведение основного объема в эстетике позднего классицизма;
- 1903–1904 гг. – масштабная реконструкция с привнесением эклектичных элементов необарокко и инсталляцией передовых инженерных коммуникаций (электрификация, водоснабжение);

¹ О применении AlpineQuest в тактических подразделениях материалы профильных Telegram-каналов (2026)

- Специализация: функционирование в качестве центра тракененского коневодства и его ассоциативная связь с творческим наследием Э. фон Заукена;
- Советский период: функциональная трансформация объекта в образовательное учреждение (эксплуатация до 1980-х гг.);
- 2015 г. – настоящее время: деградация физического состояния памятника вследствие несостоявшейся приватизации коммерческим сектором¹.

Для объективизации социально-территориального контекста был реализован многофакторный анализ демографических показателей Озерского округа (по данным Калининградстата за период 2022–2025 гг.) на рисунке 1 и осуществлено полевое картирование структуры розничного ритейла (февраль–март 2026 г.) в таблице 1.

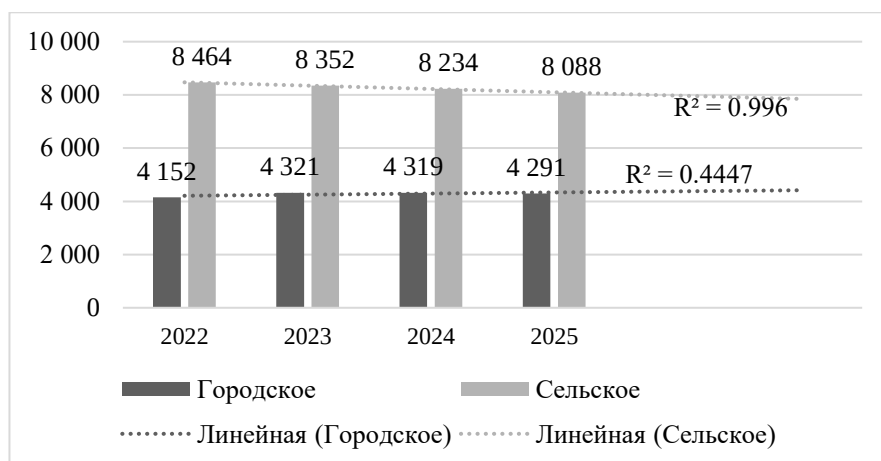

Рисунок 1 – Динамика численности населения Озерского городского округа (2022–2025 гг.)

Источник: составлено авторами по данным Калининградстата²

В сегменте городского населения коэффициент детерминации составляет $R^2 = 0,996$, что верифицирует прецизионную точность линейной аппроксимации и подтверждает высокую прогностическую релевантность модели на краткосрочном горизонте планирования. Линия тренда эксплицирует латентную, но устойчивую депопуляционную динамику.

Для сельских территорий показатель $R^2 = 0,4447$ указывает на существенную стохастичность процессов. Низкая надежность линейной модели

¹ Подробная история усадьбы изложена в краеведческих публикациях А.В. Соловьёва (https://www.klgd.ru/city/history/almanac/a9_30.php?print=Y)

² Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области. (<https://39.rosstat.gov.ru/population>)

детерминирована сложностью миграционных паттернов и «эффектом малых величин», провоцирующим высокую волатильность относительных показателей. Тем не менее, графическая интерпретация данных подтверждает системное сокращение сельского населения (с 8464 до 8088 чел.), что коррелирует с общероссийскими тенденциями депопуляции жителей из аграрных районов.

При анализе структуры потребительского рынка наблюдение охватило совокупность всех продовольственных магазинов г. Озерска.

Таблица 1 – Структура продовольственной торговли г. Озерска (2026 г.)

Категория торговых объектов	Количественный показатель
Общая совокупность продовольственных магазинов	26
Реализующие алкогольную продукцию	24
В т.ч. узкоспециализированные алкомаркеты	
Специализированные мясные лавки	1
Специализированные молочные отделы	1

Источник: *полевые наблюдения автора*

Для комплексной оценки деформации социокультурной среды автором предложен «коэффициент тревожности среды» (КТС), рассчитываемый как производная доли алкогольного ритейла и удельной плотности специализированных точек продаж на душу населения:

$$\text{КТС} = \frac{M_{\text{alc}}}{M_{\text{tot}}} \times \frac{S_{\text{alc}}}{P \times 1000} \quad (1)$$

где M_{alc} – алкосодержащий ритейл, M_{tot} – общий объем рынка, S_{alc} – количество алкомаркетов, P – численность населения (тыс. чел.).

Предложенный автором коэффициент тревожности среды (КТС) базируется на бинарном анализе институционального каркаса потребительского рынка. Индикатор интегрирует два ключевых параметра:

1. Степень инфильтрации: уровень проникновения алкогольной продукции в общую морфологию ритейла (доля торговых объектов с алкогольной лицензией).

2. Удельная концентрация: плотность специализированных дистрибьюторов (алкомаркетов) на 1000 единиц населения.

Математическая прогрессия КТС прямо пропорциональна уровню «социальной деструктивности» локальной среды. Высокие значения коэффициента маркируют трансформацию потребительской архитектуры в сторону аддиктивных практик, что ведет к вытеснению конструктивных форм социокультурной рекреации и замещению их суррогатными моделями досуга.

Для верификации полученных данных автором разработана прогностическая шкала состояний потребительской среды (см. Таблицу 2).

Таблица 2 – Интерпретационная шкала значений КТС и детерминация состояний среды.

Диапазон КТС	Категория состояния	Качественная интерпретация и условия
0,0	Абсолютная гомеостатическая устойчивость	Полная элиминация алкогольного предложения из структуры легальной торговли в границах населенного пункта
0,0 – 0,5	Низкий уровень латентной тревожности	Алкогольная продукция представлена в ритейле как сопутствующий товар; специализированные точки дистрибуции носят единичный характер
0,5 – 1,0	Средний уровень институциональной тревожности	Значительная доля торговых объектов включает алкоголь в ассортиментную матрицу; присутствие алкомаркетов становится визуально доминантным
1,0 – 1,5	Повышенный уровень структурной деформации	Алкогольная повестка начинает доминировать в морфологии торговли, формируя специфический ландшафт потребления
> 1,5	Высокий / Критический уровень деградации	КТС = 1,72 (Озерск) – среда выступает агрессивным катализатором деструктивных паттернов поведения, фактически институализируя алкоголизацию как базовую форму досуга

Источник: *разработано автором (2026)*

Расчетные данные:

1. Долевой показатель алкогольного предложения: 0,923.
2. Плотность специализированных точек: 1,86 на 1000 жителей.
3. Итоговый КТС = 1,72.

Значение 1,72 квалифицируется как критический порог структурной тревожности. Данный показатель свидетельствует о формировании деструктивной потребительской среды, в которой алкоголизация выступает

доминирующим паттерном досугового поведения, замещающим конструктивные социальные практики.

В ходе проведения глубинных интервью были идентифицированы ключевые институциональные и когнитивные барьеры:

1. Информационная асимметрия: тотальная неосведомленность локальных акторов о механизмах грантовой поддержки (фонды Росмолодёжи, ПФКИ, ФПГ).

2. Психологическая ригидность: устойчивая установка на неуспех («паралич инициативы»), индуцированный негативным опытом реставрации Усадьбы в 2015 году.¹

3. Структурный образовательный дисбаланс: отсутствие в профильном колледже (КАТиП) направлений, ориентированных на сервисную экономику и девелопмент территорий, при наличии не востребуемых в текущем контексте строительных компетенций².

Проектная стратегия: конструирование нарративного маршрута и ревитализация культурного ландшафта

В основу проектного решения заложена методика эмпатического картографирования и создания пространственного нарратива. Объект исследования – усадьба Тартпушен (ныне Лужки), родовое имение дворянского рода фон Заукен, представляющее собой уникальный образец восточнопрусской усадебной архитектуры XIX века. Маршрут ревитализации спроектирован как последовательность «точек аффекта», зафиксированных с помощью навигационного инструментария AlpineQuest (табл.3).

Технологический стек: Использование AlpineQuest позволяет интегрировать оффлайн-карты высокого разрешения с наложением исторических пластов (карт верстки XIX в.), что обеспечивает точность позиционирования и возможность «наслоения» эпох для туриста.

¹О попытке выкупа 2015 г. и последующем изъятии объекта см.: «Большая надежда дома фон Заукенов» // NewKaliningrad, 28.08.2015

²Колледж агротехнологий и природообустройства: официальный сайт. – Гусев, 2026. – URL: <https://katip39.ru/>

Таблица 3 – Матрица нарративного маршрута: архитектурно-смысловые доминанты.

Локация (Точка)	Визуальный ряд (Объективация)	Психоэмоциональный отклик	Нарративный фокус	Эффективный маркер (AlpineQuest)
1. Дистальная точка	Перспектива на усадебный ансамбль, сельский ландшафт	Предвосхищение, любопытство	Генезис ландшафта; логика «скрытой усадьбы», типичная для прусского дворянства	Предвкушение
2. Парадная рецепция	Руинированный портик, остатки массивной лестницы	Амбивалентность: величие и энтропия	Про генерала Дитриха фон Заукена; этика прусского офицерства и ритуал гостеприимства	Надежда
3. Западная инверсия	Оригинальные дверные проемы, элементы рустовки	Сакральность, защищенность	Трансформация объекта: от дворянского гнезда до сельской школы (советский период)	Покой
4. Вертикальный вектор	Сохранившаяся деревянная лестница (артефакт аутентичности)	Когнитивный подъем, интенция исследования	Частная жизнь семьи; интерьеры как отражение вкусов эпохи бидермайера	Восхождение
5. Пространство залов	Анфиладность комнат, следы изразцовых печей, фрагменты лепнины	Феноменология «эха», тишина	Повседневность: от балов до школьных уроков; материальная память места	Смирение
6. Зона критической деструкции	Обрушение конструкций, гнездовые аистов на аттике	Тревога и витальность (жизнь на руинах)	Драматические события 2015 года (попытка сноса); борьба за статус ОКН; аист как символ регенерации	Резонанс
7. Панорамная перспектива	Вид на пойму реки, поля, соседнее имение фон Беловых	Чувство суверенности, масштаб	Трансцендентность: усадьба как узел сети культурного ландшафта округа	Свобода

Интеграция терапевтических и социокультурных практик

Инновационность стратегии заключается в переходе от пассивного созерцания к активному соучастию.

1. Сенсорная регенерация (Иппотерапия). Род фон Зауцен исторически связан с коневодством и Тракененским заводом. Создание на базе усадьбы площадки для иппотерапии не просто медицинская практика, а восстановление исторической функции территории. Методическая база опирается на исследования, подтверждающие корреляцию между контактом с лошадьми и снижением уровня кортизола у лиц в состоянии стресса [10].

2. Эстетическая сублимация (Арт-терапия). Фигура Эрнста фон Заукена – известного художника-анималиста – позволяет обосновать проведение в Лужках пленэров и сессий арт-терапии. Работа с цветом и формой в пространстве «живой руины» способствует проработке личных травм через метафору восстановления памятника.

3. Перформативная реконструкция (Живая история). Костюмированные балы и театрализованные экскурсии позволяют «расколдовать» заброшенное пространство, превращая руину в живую декорацию. Это метод реанимации культурной памяти через личный телесный опыт участника.

4. Экзистенциальный туризм (Психологические туры). Концепция маршрута соотносится с методологией документального проекта «Русский культурный код. Муки»¹. Путешествие в Лужки позиционируется как паломничество к истокам, где физическое разрушение здания становится зеркалом для внутренней рефлексии туриста, помогая ему найти смыслы в условиях неопределенности.

Обсуждение результатов: парадигмальный сдвиг в управлении изменениями

Предложенная в работе модель управления изменениями представляет собой методологическую альтернативу классическим линейным подходам. В отличие от традиционных стратегий, требующих высокого уровня «осознанности» стейкхолдеров на пре-проектном этапе, данная модель базируется на эмерджентном принципе: осознание ценности наследия не предшествует действию, а кристаллизуется в процессе пробного соучастия.

1. Инверсия когнитивного цикла. Психо-поведенческий алгоритм «прочитать – применить – понять» переносит акцент с теоретического обучения на эмпирическое освоение пространства. Это коррелирует с теорией

¹ Русский культурный код. Муки: видеопроjekt // Rutube. – 2024
(<https://rutube.ru/video/83dfce54eda0bc3aad93ab0c160a36e9/>)

«социального научения» и подтверждается актуальными исследованиями в области [11,12]. Сообщество Озерского района, находящееся в состоянии длительной социально-экономической стагнации, получает инструмент восстановления собственной субъектности через микро-успехи (организация локальных событий, арт-терапия, иппотерапия).

2. Диагностический потенциал КТС. Введение «коэффициента тревожности среды» (КТС) как количественного дескриптора позволяет объективировать интуитивно ощущаемый упадок территории. Показатель КТС = 1.72, выявленный в ходе исследования, свидетельствует о критическом дисбалансе: среда транслирует больше угроз и «шума», чем возможностей для созидательной деятельности. Данный коэффициент становится инструментом мониторинга эффективности вмешательств: снижение КТС в долгосрочной перспективе будет служить маркером успешной ревитализации «гения места».

3. Сетевой масштаб. Перспектива создания структуры «Союз усадеб Озерского района» переводит проект из плоскости точечной реставрации одного объекта (усадьбы фон Заукен) в формат регионального культурного кластера. Сетевое взаимодействие позволит сформировать единый туристический коридор, объединяющий ресурсы Лужков и сопредельных территорий, что обеспечит экономическую устойчивость модели.

Заключение: от памяти руин к архитектуре будущего

В ходе проведенного исследования разработана и теоретически верифицирована комплексная модель управления изменениями для сельских депрессивных территорий. Исследование показало, что традиционные методы сохранения наследия в условиях калининградского эксклава требуют дополнения психологическими и навигационными инструментами.

Ключевые итоги работы:

- Обоснована эффективность нарративного маршрута как способа преодоления отчужденности локального сообщества от исторического наследия.
- На примере усадьбы фон Заукенхоф продемонстрирована механика «разморозки» социальной активности через терапевтические и перформативные практики (иппотерапия, арт-терапия, историческая реконструкция в авторских костюмах).

– Математически подтвержден дисбаланс потребительской и эстетической среды Озерского округа, что диктует необходимость перехода к стратегии «эмпатического картографирования».

Разработанный проект не просто реставрирует здание – он реконструирует человеческий капитал. Трансформация усадьбы в «точку сборки» смыслов позволяет интегрировать прусское наследие в современный российский культурный код, превращая «травму руин» в ресурс для развития. Дальнейшая апробация модели в полевых условиях позволит уточнить социально-экономические коэффициенты эффективности и масштабировать опыт на другие исторические ландшафты России.

Список источников

1. Seligman M. E. Helplessness: On Depression, Development, and Death. – San Francisco: W. H. Freeman, 1975. – 250 p.
2. Lewin K. Frontiers in Group Dynamics: II. Channels of Group Life; Social Planning and Action Research // Human Relations. – 1947. – Vol. 1, No. 2. – P. 143–153.
3. Kotter J. P. Leading Change. – Boston: Harvard Business School Press, 1996. – 187 p.
4. Лихач В. Проработка тревожности, депрессии, апатии. – Москва: АСТ, 2023. – 224 с.
5. Hiatt J. M. ADKAR: A Model for Change in Business, Government and Our Community. – Loveland: Prosci Learning Center Publications, 2006. – 140 p.
6. Varela F. J., Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience. – Cambridge: MIT Press, 1991. – 328 p.
7. Ван дер Колк Б. Тело помнит все. – Москва: Эксмо, 2020. – 560 с.
8. Хацаева Ф. М. Картографо-информационное обеспечение как средство оптимизации туристских маршрутов (на примере курортного района Кавказских Минеральных Вод) // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2019. – Т. 13, № 4. – С. 107–116.
9. Лозбенева Н. А., Калуцкова С. В. Использование ГИС-технологий для оценки эстетических свойств ландшафтов // Вестник Московского университета. Серия 5: География. – 2023. – № 2. – С. 112–121.
10. Куликов Л. М., Румянцева Э. Р. Иппотерапия как инновационная технология адаптивной физической культуры // Адаптивная физическая культура. – 2020. – № 1. – С. 34–37.
11. Mertha I. W., Yunita P. I., Tirtawati N. M. Creating Quality Tourism Destinations: The Crucial Role of Community Participation and Government Support in Batur UNESCO Global

Geopark – Bali // ASEAN Journal on Hospitality and Tourism. – 2025. – Vol. 23, No. 2. – P. 168–182.

12. Baswarani D. T., Novianto U. Community Participation in Sustainable Cultural Heritage Tourism in The Braga Tourism Village // ASEAN Journal on Hospitality and Tourism. – 2025. – Vol. 23, No. 2. – P. 168–182.

УДК: 347.4

Круглова Инна Александровна

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака

профессор кафедры экономики, управления и предпринимательства

доктор экономических наук, кандидат юридических наук, доцент

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СМАРТ-КОНТРАКТОВ

Аннотация:

В статье представлен обзор правовых пробелов в российском законодательстве, касающихся правового статуса и правового регулирования смарт-контрактов, приведены подходы к юридической интерпретации смарт-контрактов в России и зарубежных юрисдикциях, сформулированы направления законодательных инициатив по устранению выявленных пробелов.

Ключевые слова:

Смарт-контракт, правовое регулирование смарт-контрактов, блокчейн, электронная сделка, исполнение обязательств.

UDC: 347.4

Kruglova Inna Aleksandrovna

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak

Professor of the Department of Economics, Management and Entrepreneurship

Doctor of Economic Sciences, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor

LEGAL REGULATION OF SMART CONTRACTS

Abstract:

The article presents an overview of legal gaps in Russian legislation concerning the legal status and legal regulation of smart contracts, provides approaches to the legal interpretation of smart contracts in Russia and foreign jurisdictions, and formulates directions for legislative initiatives to eliminate the identified gaps.

Keywords:

Smart contract, legal regulation of smart contracts, blockchain, electronic transaction, fulfillment of obligations

Правовая инфраструктура электронных сделок в России строится на комплексе нормативных актов, центральным из которых является Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ) [1]. С 2019 года идет процесс последовательного расширения возможности для заключения сделок в цифровой форме – от введения понятия цифровых прав до закрепления смарт-контрактов. Единого закона, регулирующего все аспекты электронных сделок, в РФ не существует: правовое поле формируется совокупностью гражданского законодательства, специальных федеральных законов и подзаконных актов.

Смарт-контракты – компьютерные алгоритмы, автоматически исполняющие условия соглашения при наступлении заданных обстоятельств без дополнительного волеизъявления сторон, – всё активнее используются в российском гражданском обороте. Однако российское законодательство не содержит ни легального определения смарт-контракта, ни специального правового режима для него. Действующие нормы ГК РФ (ст. 160, 309, 434) косвенно допускают автоматизированное исполнение обязательств, но не создают полноценной правовой основы, что порождает целый ряд системных лагун.

Правовую основу для применения смарт-контрактов формируют три статьи ГК РФ, измененные Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»:

- Ст. 160 ГК РФ – допускает правомочность сделки, если она совершается с помощью электронных или иных технических средств при условии возможности воспроизвести содержание сделки на материальном носителе в неизменном виде и достоверно определить лицо, выразившее волю [1];

- Ст. 309 ГК РФ - предусматривает, что условиями сделки может быть установлено исполнение обязательств при наступлении определённых обстоятельств «без направленного на исполнение обязательства отдельно

выраженного дополнительного волеизъявления» путём применения информационных технологий [1].

– Ст. 434 ГК РФ - допускает заключение договора путём составления электронного документа или обмена электронными документами.

Эти нормы фактически приравнивают смарт-контракт к электронной форме договора, не выделяя никаких особенностей для сделок с автоматическим исполнением. Как справедливо отмечает Ассоциация юристов России, смарт-контракт в российском праве рассматривается не как новый договорный тип, а как технологически обусловленный способ исполнения обязательств [2].

Статьи вступившего в силу в 2021 году ФЗ № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах» [3] определяют понятия «цифровой финансовый актив» (ЦФА) и «цифровая валюта», допускают использование автоматизированных алгоритмов при совершении сделок с ЦФА. Однако сам термин «смарт-контракт» в законе не определен и не используется. Закон ограничен сферой ЦФА и не распространяется на общегражданский оборот.

Следует отметить, что в первоначальной редакции законопроекта «О цифровых финансовых активах» определение смарт-контракта было предусмотрено, однако из итогового текста закона (ФЗ № 259-ФЗ) оно было исключено. Отсутствие определения создаёт «жуткую неразбериху», по выражению члена Совета Федеральной палаты адвокатов Елены Авакян: «одни тащат в смарт-контракты все электронные сделки, другие говорят, что смарт-контракт – это только исполнение» [4].

Проблема правовой квалификации, то есть вопрос о правовой природе смарт-контракта остаётся открытым и подвергается дискуссии в правовых кругах. В таблице 1 систематизированы несколько подходов к толкованию правовой природе смарт-контрактов.

Таблица 1 – Правовая природа смарт-контракта в соответствии с разными подходами

	подход	позиция	аргументация
1.	Смарт-контракт = договор	Самостоятельный вид сделки	Содержит все элементы: волю сторон, предмет, условия
2.	Смарт-контракт = способ исполнения	Условие автоматического исполнения в рамках традиционного договора	Соответствует ст. 309 ГК РФ, не создает нового вида обязательств
3.	Смарт-контракт = компьютерная программа	Объект интеллектуальной собственности, не тождественный договору	Программный код не равен тексту договора; программа сохраняется по ст.1261 ГК РФ

Источник: составлено автором

Третий подход подкрепляется судебной практикой: в российских судах термин «смарт-контракт» чаще всего встречается в контексте споров о разработке программного обеспечения – как объект интеллектуальных прав на программный код.

Неизменяемость блокчейна – технологии, на основе которой создаются и действуют смарт-контракты создаёт, фундаментальное противоречие с нормами ГК РФ об изменении и расторжении договоров. Возникают ключевые коллизии:

- Существенное изменение обстоятельств (ст. 451 ГК РФ). Если обстоятельства изменились настолько, что стороны не заключили бы договор, закон допускает его изменение или расторжение. Однако развёрнутый в блокчейне смарт-контракт не может быть изменён, если механизм модификации не был заложен в код изначально;

- Форс-мажор (ст. 401, 416 ГК РФ). Программный код включает только тот вариант исполнения, который был первоначально согласован сторонами, и не предусматривает возможности прекращения обязательств невозможностью исполнения. Автоматическое исполнение произойдёт вне зависимости от наступления форс-мажорных обстоятельств;

- Односторонний отказ (ст. 310 ГК РФ). При автоматическом списании средств заказчик лишается права на удержание денежных средств до момента получения надлежащего исполнения, а также фактического права на односторонний отказ от договора.

Автоматический характер исполнения смарт-контрактов существенно затрудняет применение традиционных институтов оспаривания:

- Признание сделки недействительной. Основания недействительности (обман, заблуждение – ст. 168, 178, 179 ГК РФ) трудно доказуемы, когда сделка исполнена автоматически и обе стороны формально ничего не нарушали;

- Толкование условий (ст. 431 ГК РФ). В отличие от текстуального договора, допускающего систематическое толкование, программный код требует специальных познаний, а его интерпретация может быть неоднозначной. Как отмечается в доктрине, расхождение между «буквой кода» и истинной волей сторон способно привести к убыткам;

- Презумпция осведомлённости. Верховный Суд РФ указал, что автоматическое исполнение обязательства не является препятствием для

последующего оспаривания его оснований, однако бремя доказывания ложится на заявителя. В научной литературе высказывается позиция, что если кредитная организация включает несправедливые условия в договор с использованием смарт-контракта, должна действовать презумпция признания такого договора недействительным полностью, а не в части, поскольку технически невозможно разделить код и изменить часть кода смарт-контракта.

Одна из наиболее острых лакун – отсутствие нормативного регулирования ответственности за ошибки (баги) в программном коде смарт-контракта. Законодательно не определено, кто несёт ответственность – разработчик, пользователь или обслуживающая платформа. В соответствии со ст. 1261 ГК разработчик программного кода является автором программы, но при этом не несет ответственности как сторона договора. Здесь невозможно применить правовые категории «ненадлежащее исполнение обязательства». Соответственно, возникает необходимость определения юридической ответственности между сторонами договора и автором программного кода, определение его пределов ответственности за разработку кода, создание механизма страхования рисков на случай, если смарт-контракт не обеспечил выполнение предусмотренных договором действий.

Блокчейн по своей природе предполагает псевдонимность (или анонимность) участников, тогда как российские нормы обязывают чётко идентифицировать стороны сделки. Действующий ФЗ № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [5] не учитывает всех нюансов, связанных с технологией блокчейн: криптографический ключ кошелька не тождественен электронной подписи в смысле закона. Это создаёт противоречия с требованиями Федерального закона от 7 августа 2001 г. N 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» о противодействии отмыванию денег (ФЗ № 115-ФЗ) [6].

Следует отметить еще одну проблему, связанную с трансграничным характером осуществления сделок. Смарт-контракты чаще, чем традиционные договоры, носят трансграничный характер: стороны могут находиться в разных юрисдикциях, электронная платформа – в третьей стране, а разработчик кода – в четвёртой. Применимое право и юрисдикция для разрешения споров нередко остаются неопределёнными, если стороны не зафиксировали соответствующие

положения заранее. Отсутствие международных актов, посвящённых непосредственно смарт-контрактам, усугубляет проблему.

Зарубежные юрисдикции демонстрируют различные подходы, некоторые из которых могут стать ориентиром для российского законодателя (таблица 2):

Таблица 2 – Подходы к правовой природе смарт-контрактов в разных юрисдикциях

	юрисдикция	подход	особенности
1.	США (штаты Аризона, Теннесси)	Технико ориентированный	Смарт-контракты прямо признаются юридически значимыми; договор не может быть лишен силы лишь потому, что содержит условие смарт-контракта
2.	Беларусь	Декретный	Декрет № 8 «О развитии цифровой экономики» (2017) [7] даёт легальное определение смарт-контракта: «программный код в блокчейне для автоматизированного совершения и/или исполнения сделок». Введена презумпция осведомленности об условиях договора.
3.	Великобритания	Общего права	Действующая правовая база признана достаточной без реформы; код подлежит толкованию наряду с иными доказательствами условий сделки
4.	Китай	Государственно ориентированный	Нет определения; смарт-контракты интегрируются в платформу цифрового юаня; суды принимают блокчейн-данные как доказательства
5.	ЕС	Технологически нейтральный	Смарт-контракты не выделены в отдельную категорию, но есть регламент, устанавливающий единые стандарты для электронной идентификации и доверительных услуг (электронные подписи, печати, штампы времени регулируются через eIDAS (electronic IDentification, Authentication and trust Services) – это регламент Европейского Союза (№ 910/2014), [8]; акцент на защите потребителей и судебном контроле

Источник: *составлено автором*

Для устранения выявленных правовых лакун в определении правового статуса смарт-контракта в российском законодательстве можно предложить инициативы, включающие закрепление легального определения смарт-контракта и понятия «распределённый реестр транзакций» в ГК РФ – по образцу исключённой из итогового текста ФЗ-259 формулировки; разработку специальных норм об ответственности за ошибки в программном коде, включая распределение рисков между сторонами и разработчиком, пределы

ответственности и обязательное страхование; урегулирование порядка оспаривания автоматически исполненных обязательств – с учётом особенностей неизменяемости блокчейна и невозможности возврата к исходному состоянию; стандартизацию цифровой идентификации участников смарт-контрактов с привязкой к механизмам ФЗ № 63-ФЗ и созданием «мостов» между блокчейн-ключами и квалифицированной электронной подписью; создание регуляторных песочниц для тестирования смарт-контрактов в контролируемой среде до принятия постоянного законодательного регулирования; развитие «гибридной» модели, при которой смарт-контракт дополняется традиционным письменным договором, определяющим применимое право, порядок разрешения споров и ответственность сторон.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации № 51-ФЗ от 30.11.1994 г. / СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 04.03.2026).
2. Понятие и правовая природа смарт-контрактов. [Электронный ресурс]. URL: <https://alrf.ru/articles/ponyatie-i-pravovaya-priroda-smart-kontraktov/>. (Дата обращения: 04.03.2026).
3. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 N 259-ФЗ СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 01.03.2026).
4. Сделка с последствием: перспективы и риски применения смарт-контрактов в России. [Электронный ресурс]. URL: <https://ipquorum.ru/news/117-sdelka-s-posledstviem-perspektivy-i-riski-primeneniya-smart-kontraktov-v-rossii>. (Дата обращения: 01.03.2026).
5. Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ/ СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 04.03.2026).
6. Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» о противодействии отмыванию денег от 7 августа 2001 г. N 115-ФЗ
7. Декрет № 8 «О развитии цифровой экономики» от 21 декабря 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrya-2017-g-17716>. (Дата обращения: 04.03.2026).
8. Регламент (ЕС) 910/2014 от 23 июля 2014 г. об электронной идентификации и трастовых услугах для электронных транзакций на внутреннем рынке (eIDAS (electronic IDentification, Authentication and trust Services)). [Электронный ресурс].

URL:<https://4people.grfc.ru/analytics-and-legislation/international-and-foreign-acts/international-acts/reglament-es--9102014-evropeyskogo-parlamenta-i-soveta/> (Дата обращения: 04.03.2026).

УДК: 347.4

Круглова Инна Александровна

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака

профессор кафедры экономики, управления и предпринимательства

доктор экономических наук, кандидат юридических наук, доцент

Бродский Михаил Наумович

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака

профессор кафедры правоведения

доктор юридических наук, профессор

Щербаковский Григорий Зиновьевич

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака

профессор кафедры правоведения

доктор юридических наук, профессор

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЭЛЕКТРОННОЙ СДЕЛКИ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация:

В настоящей статье исследуются правовая природа электронной сделки, особенности ее заключения. В результате проведенного анализа установлено, что электронная сделка представляет собой разновидность сделки, совершаемой в письменной форме, юридическая значимость которой обусловлена возможностью достоверной идентификации волеизъявителя и воспроизведения содержания сделки в неизменном виде.

Ключевые слова:

Электронные сделки, письменная форма сделки, электронный документ, электронный образ документа.

UDC: 347.4

Kruglova Inna Alexandrovna

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak

Professor of the Department of Economics, Management and Entrepreneurship

Doctor of Economic Sciences, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor

Brodskii Mikhail Naumovich

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak

Professor of the Department of Law

Doctor of Juridical Sciences, Professor

Shcherbakovskii Grigorii Zinovievich

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak

Professor of the Department of Law

Doctor of Juridical Sciences, Professor

LEGAL NATURE OF ELECTRONIC TRAS ACTIONS AND ITS REGULATORY FEATURES

Abstract:

This article examines the legal nature of electronic transactions, the specific features of their conclusion. As a result of the analysis, it was established that an electronic transaction is a type of transaction carried out in written form, the legal significance of which is determined by the possibility of reliably identifying the will of the declarant and reproducing the content of the transaction unchanged.

Keywords:

Written form of a transaction, electronic transactions, electronic document, electronic image of a document.

Развитие технологий электронной коммуникации значительным образом видоизменило формы и способы совершения гражданско-правовых сделок, а цифровизация гражданского оборота привела к тому, что электронные сделки в настоящее время стали одной из основных форм реализации договорных и иных обязательственных правоотношений имущественного характера [4; 5; 6; 7; 8; 9]. При этом цифровые процессы превратились в неотъемлемый элемент функционирования гражданских правоотношений, а ускорение социально-экономического развития обусловило необходимость более оперативных и экономически эффективных способов взаимодействия контрагентов [8].

Широкое распространение маркетплейсов, сервисов и агрегаторов товаров и услуг в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее – Интернет, или сеть Интернет) объективно трансформировало традиционные модели заключения и исполнения сделок, существенно сократив временные и транзакционные издержки.

Сеть Интернет стала не только пространством для коммерции в узком смысле, но и универсальной средой для передачи прав, исполнения обязательств и оформления соглашений в электронном формате. Адекватное осмысление и правовая оценка условий заключения и исполнения электронных сделок невозможны без применения комплексного подхода, которые предполагает одновременное применение нормативно-правового анализа, учета технологических особенностей электронного документооборота и механизмов подписания документов.

В то же время, несмотря на активное развитие российского законодательства в сфере регулирования цифровых технологий, в актуальной редакции Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и других источников договорного регулирования отсутствует легальное определение понятия и признаков «электронной сделки», что существенным образом осложняет квалификацию данного понятия на практике [7; 8]. Действующие редакции Главы 9 и Главы 28 ГК РФ о сделках и заключении договора оперируют категориями устной и письменной формы сделки. Следует отметить, что новая редакция закона допускает возможность использования электронных и иных технических средств при совершении электронной сделки. Тем не менее он не выделяет электронную сделку в качестве самостоятельной нормативной конструкции. Допустимость электронной формы сделки в российском гражданском праве вытекает из сочетания общего принципа свободы договора, закрепленного в ст. 421 ГК РФ [1], и специальных норм, регламентирующих способы соблюдения письменной формы сделки. Так, п. 2 ст. 434 ГК РФ прямо предусматривает возможность заключения письменного договора как путем составления электронного документа, так и посредством обмена письмами, телеграммами и иными электронными документами с использованием электронных и технических средств связи, при условии, что такие средства позволяют достоверно установить принадлежность соответствующего документа стороне по договору. Указанные положения

формируют нормативную основу для признания электронной формы сделки равнозначной традиционной письменной форме при соблюдении установленных законом критериев достоверности. [1; 4].

Для определения понятия «электронного документа» характерен процесс постоянного законодательного реформирования и уточнения данной категории [8]. История законодательного закрепления категории «электронного документа» в российском праве характеризуется непоследовательностью и изменчивостью подходов законодателя. Так, первоначально легальное определение электронного документа было введено в текст ГК РФ в 2015 г., однако уже в 2019 г. в ходе очередной редакции соответствующих положений данная дефиниция была исключена из кодекса. Вместе с тем в настоящее время правовая неопределенность в указанной части преодолена посредством закрепления понятия электронного документа в п. 11.1 ст. 2 Федерального закона №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 г. (далее – ФЗ №149 «Об информации»). Согласно указанной норме, под электронным документом понимается документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах, что придает данной категории межотраслевой и технологически нейтральный характер [2].

Одним из первых последовательных шагов законодателя, направленных на адаптацию классического института сделки к условиям цифровизации гражданского оборота и формирование системного подхода к регулированию электронных способов заключения и исполнения сделок, стало принятие Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» №34-ФЗ от 18.03.2019 г. (далее – ФЗ №34 «О цифровых правах») [3]. Указанный нормативный акт закрепил ряд принципиально новых положений, ориентированных на учет цифровых форм выражения воли и оборота имущественных прав, тем самым существенно трансформировав традиционные источники российского гражданского права и заложил основу для дальнейшего развития правового регулирования электронных сделок [5]. Как указывает В. В. Кузнецов, основной целью данного закона являлось закрепление возможности

заключения договоров в письменной форме в электронном формате с одновременным установлением минимальных критериев юридической достоверности такого способа волеизъявления [7]. В частности, именно с принятием ФЗ № 34 «О цифровых правах» [3] ст. 160 ГК РФ [1] была изложена в редакции, позволяющей использование электронных и иных технических средств - при условии воспроизведения содержания сделки в неизменном виде на материальном носителе и применения такого способа подписания, который позволяет без затруднений определить лицо, выразившее волю на заключение электронной сделки.

Следует отметить, изменения, внесенные ФЗ № 34 «О цифровых правах» в ст. 160 ГК РФ, привели к формированию расширенной модели требований к соблюдению письменной формы электронной сделки. В новой редакции данной нормы письменная форма признается соблюденной при условии одновременного соответствия трем взаимосвязанным критериям:

- техническому, предполагающему совершение сделки с использованием электронных или иных технических средств. Следует отметить, что при этом Законодатель и правоприменитель не должны устанавливать требования к конкретным технологиям или носителям. ГК РФ соответствует этому принципу, используя формулировку «с помощью электронных либо иных технических средств» без уточнения их вида.

- критерию верификации, выражающемуся в возможности воспроизведения содержания сделки в неизменном виде на материальном носителе. Электронная форма должна выполнять те же функции, что и традиционная письменная: фиксировать и сохранять волеизъявление, идентифицировать его автора и обеспечивать неизменность содержания. Этот принцип служит инструментом адаптации норм ГК РФ к новым технологиям: суды вправе применять правила о письменной форме к электронным сделкам методом функциональной равнозначности, не ограничиваясь аналогией закона;

- критерию идентификации личности, который заключается в наличии подписи, выполненной любым способом, позволяющим достоверно определить лицо, выразившее волю на совершение сделки [1]. Это ключевое и наиболее дискуссионное требование (критерий). ГК РФ намеренно избегает указания на конкретный вид подписи, допуская «любой способ». В то же время последнее предложение абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ допускает установление специального

способа идентификации законом, НПА или соглашением сторон, что потенциально создаёт коллизию с ФЗ от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи».

В качестве заключения следует отметить, что по мнению авторов, указанные новеллы не только развили ранее сформированный в ГК РФ подход к письменной форме сделки, но и придали ему технологически нейтральный характер, допустив использование как электронной подписи, так и иных допустимых законом способов установления личности подписанта. Тем самым была создана нормативная основа для признания юридической силы за широким спектром электронных сделок, совершаемых в рамках современного цифрового оборота.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации №51-ФЗ от 30.11.1994 г. (Последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 20.01.2026).
2. Федеральный закон №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 г. // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 01.01.2026).
3. Федеральный закон №34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18.03.2019 г. (Последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 20.01.2026).
4. Инсапова К. А. К вопросу об особенностях совершения сделок в сети «Интернет» // Вестник науки. – 2025. – Т. 4, № 11 (92). – С. 257–262.
5. Костикова Г. В. К вопросу о заключении электронных сделок: проблемы правоприменения // Актуальные вопросы частного и публичного права: сб. тр. науч. конф. – М., 2022. – С. 67–73.
6. Костикова Г. В. Электронные сделки: новеллы законодательства // Вестник Российского государственного университета правосудия. – 2022. – № 2. – С. 49–59.
7. Кузнецов В. В. Цифровизация и её влияние на формы сделок // Вопросы российской юстиции. – 2025. – № 35. – С. 171–181.
8. Летягина Е. А. Электронная форма сделки: теоретические и практические аспекты // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 8 (236). – С. 251–253.

УДК: 34.06

Ладенков Никита Евгеньевич

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Северо-Западный институт управления РАНХиГС

старший преподаватель кафедры Теории и истории права и государства

Юридического факультета

СПРАВОЧНО-ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ КАК СРЕДСТВО ПРАВОВОГО ИНФОРМИРОВАНИЯ

Аннотация:

Рассматривается понятие правовой информации, её взаимосвязь со справочно-правовыми системами в контексте информированности субъектов экономической деятельности. Сделан вывод об избыточности правовой информации в настоящее время.

Ключевые слова:

Правовая информация, справочно-правовые системы, официальное опубликование, электронные картотеки, автоматизированная обработка.

UDC: 34.06

Ladenkov Nikita Evgenievich

Russian Federation, Saint Petersburg

North-West Institute of Management of RANEPA

Senior Lecturer of the Department of Theory of State and Law of Faculty of Law

LEGAL REFERENCE SYSTEMS AS A MEANS OF LEGAL INFORMATION

Abstract:

The article discusses the concept of legal information and its relationship with legal reference systems in the context of economic entities' awareness. The author concludes that legal information is currently redundant.

Keywords:

Legal information, legal reference systems, official publication, electronic filing cabinets, automated processing.

Стабильность выступает одним из важнейших факторов для устойчивого развития экономики. Отчасти стабильность обеспечивается

информированностью бизнес-структур. В рамках данного исследования уделено внимание правовой информированности. Правовая информация выступает отправной точкой при принятии решений. Она позволяет уменьшить риски при принятии решений субъектами экономической деятельности, устраняя противоречия между законодательством, правоприменительной практикой и разъяснениями [1].

Однако начать необходимо с понятия правовой информации. В учебной литературе по теории государства и права оно обычно не раскрывается^{1, 2}.

В доктрине обсуждение правовой информации началось с конца 60-х гг. XX в. Тем не менее нужно учитывать, что исследования советского периода основывались на марксистско-ленинской философии и на уровне информационных технологий того времени [2, с. 247]. Например, А. Ф. Шебанов предлагал следующее определение: «Правовая информация – это совокупность сведений о праве и всех процессах и явлениях, с ним связанных» [3, с. 7]. А. Б. Венгеров сформулировал более развёрнутое определение термина правовая информация: «... нормативные акты, сведения о различных юридических и околоюридических явлениях, содержание норм права, та часть информации, которая имеет предписывающий, командный характер, и многое другое» [4, с. 73]. С. С. Москвин обратил внимание на прикладной аспект в определении правовой информации: «... используемые в общественной практике знания, сообщения, сведения о правовой сфере жизни общества, о явлениях и процессах, происходящих в этой сфере»³. Можно заметить, что авторы данного периода ориентированы в большей степени на объективные признаки правовой информации и не затрагивают субъективные аспекты.

Ситуация несколько изменилась с начала перестройки. Появившиеся подходы более актуальны в контексте экономического развития в условиях рыночной экономики. Кроме того, во второй половине 90-х гг. XX в. также произошёл существенный скачок в развитии компьютерных технологий, а электронно-вычислительные машины получили относительно широкое распространение среди субъектов экономической деятельности. В совокупности

¹ Протасов, В. Н. Теория государства и права: учебник для вузов / В. Н. Протасов. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 237 с. – (Высшее образование).

² Теория государства и прав: учебник / В. В. Елистратова, В. А. Затонский, А. А. Зелепукин [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2025. – 304 с.– EDN DGVBJC.

³ Москвин С.С. Теоретические проблемы системы правовой информации в СССР: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1977. – 38 с.

это привело к появлению коммерческих справочно-правовых систем, наметив проблему избыточности правовой информации.

В доктрине в фокус внимания исследователей начинают попадать субъективные аспекты правовой информации. Так Т. С. Соловьев обращает внимание на них: «Под правовой информацией понимается информация, которая содержится в нормах права ... правовой информации соответствует не вся правовая область, а только область действующего права; информация о недействующем праве к правовой информации отношения не имеет» [5, с. 6].

Отдельно нужно отметить, что правовая информация может содержаться и в иных источниках, так как зачастую содержание регулирования невозможно в полной мере выявить исключительно из нормы. Требуется обращение к правоприменительной практике, разъяснениям от государственных органов, доктринальным воззрениям и т.п. Таким образом, правовая информация может передаваться через различные источники. Это влияет и на характер такой информации. В связи с этим Р. Ф. Азизов выделяет информацию историко-теоретического характера и информацию инструментального характера [6].

В современных условиях основным способом передачи правовой информации стали компьютерные технологии. Данное направление развивается с 1950-х гг. с электронных картотек. Исторически первой функционирующей электронной картотекой стала бельгийская система в 1967 г. [7, с. 148]. По мере наращивания вычислительных мощностей и объёмов хранимой в электронном виде информации электронные картотеки стали широкодоступны, но они могли предоставлять только незначительный объём правовой информации.

Параллельно начали разрабатываться и полнотекстовые справочно-правовые системы. Первой успешно функционирующей программой стала американская LEXIS [7, с. 148]. Однако ввиду требовательности к объёмам хранимой в электронном виде информации, относительно широкое распространение они стали получать только к концу 80-х г.

Отечественные разработчики не отставали от зарубежных. В 1975 г. при Министерстве юстиции был создан Научный центр правовой информации, который разработал справочно-правовую систему, ориентированную на ведомственное использование [7, с. 149]. Системы, ориентированные на частных лиц, начали разрабатываться в период перестройки и в 90-е г. появились широко известные представители данных систем: «Консультант Плюс», «Гарант»,

«Кодекс» и другие. Соответствующие системы уже доказали свою эффективность в передаче правовой информации.

Развитие сети Интернет отразилось также и на официальной передаче правовой информации, а именно на электронном опубликовании. Основным отличием официального опубликования от иных способов передачи правовой информации выступает то, что оно, ко всему прочему, имеет удостоверяющий характер [8].

А. В. Горохова выделяет недостатки традиционного опубликования как способа передачи правовой информации:

- основным адресатом выступают государственные структуры;
- низкие темпы распространения;
- существенные издержки на изготовление;
- технические ошибки при печати отдельных экземпляров;
- требуется пространство для хранения;
- временные издержки на поиск экземпляра [9, с. 32].

Данные недостатки в значительной степени преодолеваются посредством официального электронного опубликования, введённого в России Федеральным законом от 21.10.2011 № 289-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания», допускающим официальное опубликование на «Официальном интернет-портале правовой информации».

Необходимо отметить, что упрощение передачи правовой информации посредством электронных систем также создаёт её избыточность. Так А. Н. Коршунов 10 лет назад отмечал: «... наблюдается уровень избыточности правовой информации как на федеральном, так и на региональном уровне» [2, с. 250]. Сейчас проблема усугубилась. Во-первых, это связано с тем, что справочно-правовые системы стали более распространёнными, заняв уверенное положение на рынке. Во-вторых, средний уровень компьютерной грамотности как у всего общества в целом, так и у представителей бизнес-структур, значительно возрос. В-третьих, распространители справочно-правовых систем, стремясь увеличить прибыль, встраивают «рекламные алгоритмы», предлагающие дополнительную смежную информацию из других «пакетов»

потенциальному покупателю. Таким образом, у пользователей справочно-правовых систем возникает проблема избыточности правовой информации.

В связи с этим на передний план встаёт проблема обработки правовой информации. Развитие технологий уже позволяет в автоматизированном режиме проводить систематизацию собранной информации, реализовать поисковые, логические или другие аналитические процедуры [10, с. 147]. Прежде всего они основываются на реквизитах документов, например, позволяют сортировать по юридической силе. Данная технологическая возможность, пусть и кажущаяся простейшей для профессионального юриста, оказывает существенную помощь непрофессионалу для ориентации в иерархии нормативно-правовых актов.

Кроме того, программные аналитические процедуры позволяют составить результат поискового запроса в соответствии с критерием предмета, выведя исключительно результаты, релевантные для определённой отрасли права или конкретного института, тем самым кратно сократив объём правовой информации. При этом возможно направить процедуры обработки запроса и в обратную сторону, выйдя за пределы отраслевого регулирования на смежные институты права.

Технологии нейросетей, встраиваемые в справочно-правовые системы, позволяют проводить и лингвосемантический анализ. В контексте поиска нормативно-правовых актов проблема скорее не актуальна для частного сектора, а имеет значение прежде всего в области правотворчества. Как справедливо отмечает В. Н. Шельменков: «Вряд ли может возникнуть реальная потребность искать документ, похожий на Налоговый кодекс или Закон о рекламе.» [10, с. 151].

Однако в контексте правоприменительной практики ситуация меняется. Для начала отметим очевидную вещь – её объём многократно превосходит объём законодательства. Кроме того, правоприменитель имеет дело с конкретными ситуациями, для чего и требуется поиск по схожести текста. На основании собранных материалов также возможно автоматизированное обобщение. Таким образом, бизнес может спрогнозировать риски, связанные с потенциальным юридическим спором.

Таким образом, в современном мире благодаря распространённости справочно-правовых систем и расширению их функциональных возможностей возникла проблема избыточности правовой информации. Соответствующая

ситуация не так критично отображается на возможности обеспечивать стабильность, как дефицит правовой информации. Однако из-за сложностей в обработке всего массива правовой информации может возникать проблема с прогнозированием правовых рисков даже по тривиальным задачам без привлечения профессионального юриста. Несмотря на то, что существуют технологические возможности выдержать баланс в распространении и обработке правовой информации, можно констатировать, что проблема не может быть полностью преодолена в рамках рыночной системы. Тем не менее, проблема избыточности правовой информации не так сильно отражается на экономическом развитии, как дефицит правовой информации.

Список источников

1. Трусев А.И., Судебное доказывание в свете идей кибернетики // Вопросы кибернетики и право. 1967. С. 20-35.
2. Коршунов А.Н., Содержание понятия "Правовая информация" и его значение для теории государства и права // Вестник университета. 2014. № 3. С. 247-252. EDN RZPCYB.
3. Шебанов А.Ф., Содержание и цели правовой информации // сборник Правовая информация. 1974. С. 7–16.
4. Венгеров А.Б., Категория «информация» в понятийном аппарате юридической науки // Советское государство и право. 1977. № 10. С. 70–76.
5. Соловьев Т.С., Понятие правовой информации // Право и государство: теория и практика. 2008. № 5(41). С. 6-8. EDN IUNBLL.
6. Азизов Р.Ф., Правовая информация: теоретические аспекты понимания и особенности законодательного закрепления // История государства и права. 2007. № 4. С. 3-5. EDN JXDJJV.
7. Макаренко С.Н., История и перспективы развития справочно-правовых систем в России // Известия ЮФУ. Технические науки. 2010. № 4(105). С. 148-153. EDN MGVZQT.
8. Пиголкин А.С., Официальное оглашение нормативных актов - самостоятельная стадия правотворческого процесса // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1976. № 6. С. 16-23. EDN UDZRNL.
9. Горохова А.В., Официальное электронное опубликование как способ обеспечения доступа к правовой информации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 2(91). С. 31-36. EDN RSBRL.
10. Шельменков В.Н., Основные принципы обработки правовой информации в информационных правовых системах // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 2(102). С. 146-152. DOI 10.17803/2311-5998.2023.102.2.146-152. EDN WTFNYX.

УДК: 338.486

Михайлов Илья Владимирович

Российская Федерация, Москва

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
аспирант

Зевеке Ольга Юрьевна

Российская Федерация, Москва

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
заместитель директора по стратегическим проектам в сфере туризма и
сервиса ВШУ РУДН
кандидат экономических наук, доцент

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ФЛОТА В ОТРАСЛИ РЕЧНОГО КРУИЗНОГО ТУРИЗМА РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация:

В настоящее время отрасль речных круизов в России сталкивается с рядом вызовов и проблем, связанных прежде всего со старением флота. В данной статье произведен анализ текущего состояния речного туристического флота России и пути его развития.

Ключевые слова:

Речные круизы, рынок круизов, проблемы речного круизного туризма, модернизация круизного флота.

UDC: 338.486

Mikhailov Ilya Vladimirovich

Russian Federation, Moscow

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
Postgraduate student

Zeveke Olga Yuryevna

Russian Federation, Moscow

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
Deputy Director for Strategic Projects in Tourism and Service at the Higher
School of Management of RUDN
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

CURRENT ISSUES OF FLEET MODERNIZATION IN THE RIVER CRUISE TOURISM INDUSTRY IN RUSSIA AT THE PRESENT STAGE

Abstract:

The river cruise industry in Russia currently faces a number of challenges and problems, primarily related to the aging fleet. This article analyzes the current state of Russia's river cruise fleet and its development path.

Keywords:

River cruises, cruise market, problems of river cruise tourism, renovation of the cruise fleet.

Рост интереса со стороны российских туристов к речному круизному туризму на современном этапе обусловлен складывающейся геополитической обстановкой и последствиями пандемии COVID-19. Нарушение логистики прямых международных авиаперевозок, санкции европейских государств, закрытие границ в период пандемии и одновременно стимулирование развития внутреннего туризма на государственном уровне – все эти факторы внесли свой вклад в рост показателей круизного туризма в России в последние годы. Рассмотрим динамику пассажироперевозок на внутреннем водном транспорте России на рисунке 1.

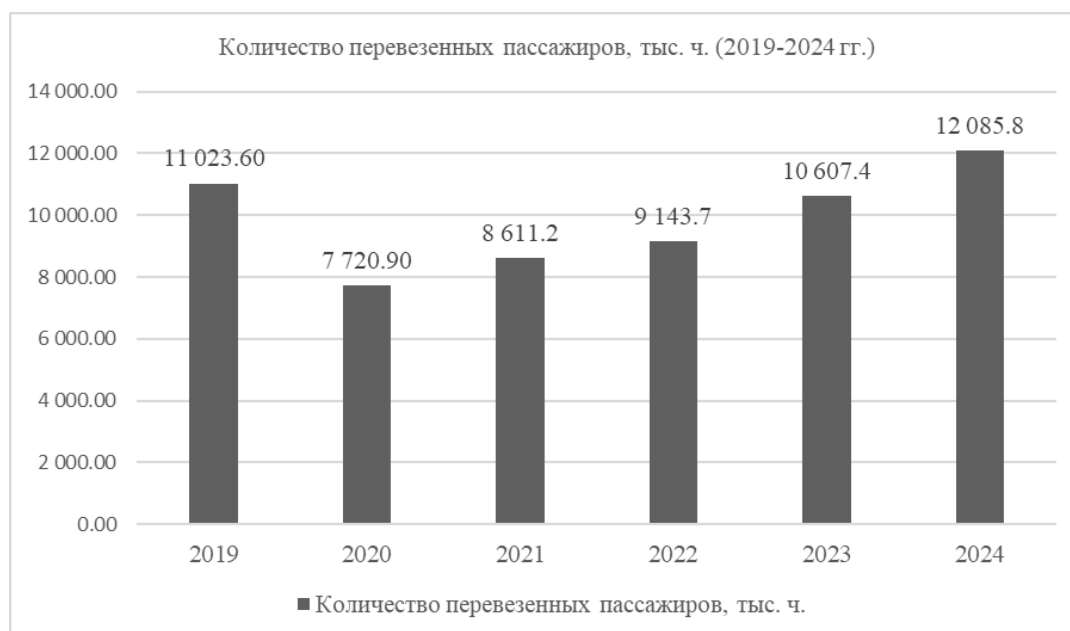

Рисунок 1 – Количество перевезенных пассажиров на внутреннем водном транспорте за 2019-2024 гг. (составлено по данным Росморречфлота¹)

¹ Перевозки грузов и пассажиров. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росморречфлота. URL: https://morflot.gov.ru/deyatelnost/napravleniya_deyatelnosti/rechnoy_flot/vvt/perevozki_gruzov_i_passajirov/ (дата обращения 07.03.2026)

Динамика пассажироперевозок внутренним водным транспортом отчетливо показывает рост объема перевозок и достаточно быстрое восстановление отрасли после пандемии COVID-19. Немаловажную роль в этом сыграла программа туристического кэшбека от Ростуризма, наиболее активно развернувшаяся в 2022 году и предлагавшая возврат до 20% стоимости путевок при оплате туров российскими картами «Мир».

Однако увеличение пассажиропотока обостряет целый ряд системных проблем в речной круизной отрасли России, ставит перед речными туроператорами и судовладельцами новые вызовы.

Ключевая проблема отрасли на современном этапе – старение эксплуатируемого туристического флота и медленные темпы замещения устаревших судов новыми теплоходами. Исследование генерального директора Морского инженерного бюро, профессора Егорова Г.В. в 2017 году указывало, что на учете Российского Речного Регистра стояло 144 круизных теплохода, при этом только 58 из них могли быть использованы для комфортных многодневных круизов. В исследовании отмечалась почти стопроцентная загрузка основы российского туристического флота – теплоходов проектов 301 и 302, и указывалась невозможность увеличения пассажиропотока без ввода новых судов [1].

Актуальные данные отраслевого исследования, проведенного РБК¹, свидетельствуют о том, что в 2025 году общее количество теплоходов в эксплуатации у ведущих судоходных компаний и туроператоров России составляло около 90 единиц, при этом средняя загрузка судов в пик навигации летом была на уровне 94-95%. При этом общий круизный флот России составляет 111 судов, и в ближайший год к этому количеству прибавится только 3 новых теплохода, а планы по удвоению емкости рынка за счет строительства новых судов по оценке ГТЛК могут быть выполнены не ранее 2035 года с учетом продолжения государственной программы лизинга водного транспорта.

Лизинговая программа предусматривает заказ судов на верфях с использованием средств государственного бюджета, средств Фонда национального благосостояния и привлеченных инвестиций с последующей передачей построенных судов операторам в лизинг по льготным ставкам.

¹ Красиво плывем: почему России нужны новые теплоходы для круизов. [Электронный ресурс] // Официальный сайт РБК. URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/67c949589a7947ffb2c1c63f> (дата обращения 07.03.2026)

Благодаря программе лизинга за последние 10 лет было успешно профинансировано строительство нескольких новых судов. В 2019 году на воду был спущен теплоход «Мустай Карим» проекта PV300 с возможностью совершения круизов формата «река-море» (передан в эксплуатацию туроператору «ВодоходЪ»), на верфи «Лотос» в Астраханской области были построены суда «Золотое кольцо» и «Аурум» на 180 пассажиров каждый. Эти суда в 2023 и 2024 гг. были переданы туроператору «Гамма» и совершают круизы по р. Оке.

Высокая стоимость строительства даже одного круизного судна, в некоторых случаях сопоставимая с годовой выручкой туроператора является лимитирующим фактором обновления российского речного флота. Как пример, по некоторым оценкам, стоимость строительства судов «Золотое кольцо» и «Аурум» составило около 1 млрд. рублей за каждое, а на строительства теплохода «Мустай Карим» было потрачено около 3,2 млрд. рублей. При том, что в 2019 году выручка туроператора «ВодоходЪ» составила 4,6 млрд. рублей, «Мостуфлота» - 2,5 млрд. рублей, «Инфофлота-Созвездие» - 1 млрд. рублей. В это же время Стратегия развития внутреннего водного транспорта РФ до 2030 года предполагает строительство 55 судов для туристических маршрутов и меры поддержки круизной отрасли, что с учетом текущих темпов строительства представляется по крайней мере трудновыполнимой задачей [2].

Таким образом, программа лизинга является ключевым механизмом обновления и совершенствования российского речного круизного флота в настоящее время.

Необходимо отметить общее направление модернизации круизного флота в России, где предпочтение при строительстве и вводе в эксплуатацию новых судов отдается теплоходам класса «люкс», в то время как наиболее массовый сегмент (представленный на рынке теплоходами проектов 301, 302, 305, 92-016) в основном рассчитывает на косметический ремонт и модернизацию при необходимости раз в несколько лет. В целом такой тренд легко объясним и складывается из-за вышеописанной высокой стоимости строительства новых судов и невозможности российских туроператоров финансировать масштабное серийное производство новых проектов.

В 2019 году был спущен на воду и начал навигацию теплоход класса «люкс» проекта PV300 «Мустай Карим», ориентировочно в 2026 году ожидается

выход в навигацию «Владимира Жириновского» (бывший «Петр Великий») – теплоход проекта PV300VD был заложен ещё в 2016 году, но столкнулся со сложностями при постройке. Также в 2026 году ожидается начало навигации головного судна проекта «Карелия» - «Николая Жаркова» туроператора «ВодоходЪ», планируется спуск на воду ещё 2 судов данного проекта.

Проекты PV300, PV300VD, «Карелия» - это суда класса «река-море» с возможностью совершения круизов в смешанном формате. В будущем суда этих проектов смогут полноценные рейсы с выходом в Белое, Черное, Каспийское моря. Это откроет перспективные возможности для российских туроператоров по созданию новых маршрутов и турпродуктов.

Следует отметить, что российские компании в настоящее время предлагают туристам морские круизы преимущественно на иностранных лайнерах. Популярными среди российских туристов являются направления круизов в ОАЭ, Средиземное море, Юго-Восточную Азию. В 2013 году морской порт Сочи прошел крупную модернизацию, с 2017 года единственный туристический морской круизный лайнер России «Князь Владимир», принадлежащий компании ООО «Черноморские круизы», совершает рейсы по маршруту Сочи-Сухум (Абхазия)-Сочи. Нестабильная политическая обстановка в мире, экономические и политические санкции, безусловно негативно сказываются на морском круизном туризме в России [3]. Отсутствие полноценного морского круизного флота в России компенсируются строительством новых теплоходов «река-море». Так, туроператор «ВодоходЪ» уже для навигации 2026 года анонсировал круиз на новом теплоходе «Николай Жарков» с заходом в порты Махачкалы и Дербента в Каспийском море.¹

Текущая динамика постепенного обновления круизного флота позволяет сделать вывод, что многие проблемы, описанные в научных публикациях в последние несколько лет, находят своё решение. Например, работа Галимовой Л.И. и Галимова Ш.Ш. в 2021 году подчеркивала проблемы морских круизов в России, связанные с отсутствием новых круизных лайнеров, необходимостью модернизации морских портов, ориентацию рынка на продажу туров на иностранных лайнерах [4]. Несмотря на то, что на момент написания данной статьи планов по строительству морских лайнеров в России нет, в отрасли

¹ Круиз «Легенды Кавказа». [Электронный ресурс] // Официальный сайт туроператора «ВодоходЪ». URL: <https://vodohod.com/cruises/2026/teplohod-nikolaj-zarkov-19-sep-28-sep-2026/> (дата обращения 08.03.2026)

отчетлива видна тенденция на строительство проектов теплоходов класса «река-море», которые смогут предложить как морские, так и речные круизы.

Инновационные разработки в проектировании судов, описанные в научных работах Егорова Александра Геннадьевича, генерального директора Морского Инженерного Бюро, успешно находят своё применение в практике строительства новых судов. В своей работе Александр Геннадьевич описывает принципы строительства конверсионных судов, модульные принципы планировки теплоходов, использование гребного колеса на малых судах, гибридных двигателей с электроустановками [5]. Принцип производства конверсионного судна был применен при строительстве теплохода нового проекта PV08 «Александр Грин», когда от судна проекта Q-065 «Александр Блок» использовались отдельные элементы корпуса, а надстройки и внутреннее оснащение было совершенно новым. Для навигации по р. Оке с учетом малой глубины реки были созданы теплоходы «Золотое Кольцо» и «Аурум» проекта ПКС-180, ключевой конструктивной особенностью которых стало использование колесного движительно-рулевого устройства, что позволяет этим теплоходам проходить участки рек с глубиной до 1,2 м. Модульная планировка, а также использование гибридных силовых установок в проектах теплоходов PV300 («Мустай Карим»), PV300VD («Владимир Жириновский»), «Карелия» позволили создать более безопасную и комфортабельную внутреннюю планировку, сделать теплоходы более экологичными.

В заключение можно отметить, что проблема старения флота, выбытия из эксплуатации теплоходов и медленная их замена новыми образцами является ключевым системным вызовом в отрасли речных туристических круизов в России. Строительство новых судов фактически невозможно без государственной поддержки и программы лизинга, а сами новые теплоходы в связи с высокой себестоимостью ориентируются на премиальные сегменты, в то время как в массовом сегменте внедрение современных технологических решений и проектов затруднено из-за финансовой составляющей и отсутствия массового серийного производства. Тем не менее, перспективы новых теплоходов класса «река-море» можно оценить как благоприятные, а новые маршруты и турпродукты с высокой долей вероятности будут пользоваться высоким спросом.

Список источников

1. Устинов В.В., Андреев С.В. Концепция восстановления и совершенствования круизных линий в России // Транспортное дело России. 2017. №4. С. 93-95.
2. Смирнов С.Н. Круизный туризм в синей экономике: проблемы и перспективы// Экономические и социальные проблемы России. 2022. №2 (50). С. 57-79.
3. Салеева Т.В., Бугаец Н.А., Тихонова Е.В. Перспективы, проблемы и значимость круизного сообщения для развития черноморских туристских центров Российской Федерации // Сервис в России и за рубежом. 2023. №3 (105). С. 114-128.
4. Галимова Л.И., Галимов Ш.Ш., Морские круизы в Росси: современное состояние и проблемы развития // Современные проблемы сервиса и туризма. 2021. №3. С. 30-38.
5. Егоров А.Е. Анализ возможности реализации инновационных решений на модернизированных и конверсионных речных круизных пассажирских судах // Труды Крыловского государственного научного центра. 2019. Спецвыпуск № 1. С. 240-246.

УДК: 338.242:640.45:005.334

Сосницкая Снежанна Валерьевна

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт

имени Анатолия Собчака

аспирант

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ
КОРПОРАТИВНОГО ПИТАНИЯ ЧЕРЕЗ ТРАНСФОРМАЦИЮ
ФАКТОРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ
ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО
ОБОРУДОВАНИЯ И ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ**

Аннотация:

В статье исследуются механизмы трансформации системы экономической безопасности предприятий корпоративного питания в условиях необходимости форсированного импортозамещения специализированного оборудования и программного обеспечения. Предложена авторская классификация факторов безопасности, переориентированная на технологический суверенитет. В работе представлен детализированный алгоритм адаптации бизнес-процессов, включающий этапы диагностического аудита и когнитивной трансформации персонала. Особое внимание уделено синергии между внедрением отечественных программных продуктов (ERP-систем) и обеспечением непрерывности производственных циклов. Сформулированные практические рекомендации позволяют предприятиям корпоративного питания минимизировать санкционные риски и сформировать независимую базу для долгосрочного роста в условиях макроэкономической нестабильности.

Ключевые слова:

Корпоративное питание, экономическая безопасность, устойчивое развитие, импортозамещение, технологический суверенитет, цифровая трансформация, специализированное оборудование, программное обеспечение, ERP-системы, управление рисками, промышленная инфраструктура, технологическая зависимость, алгоритм адаптации, продовольственная безопасность, операционная устойчивость.

UDC: 338.242:640.45:005.334

Sosnitskaia Sneghanna Valerievna

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak

DIGITAL LITERACY OF PERSONNEL AS A FACTOR IN THE RESILIENCE AND ECONOMIC SECURITY OF AN ENTERPRISE: RUSSIAN AND INTERNATIONAL EXPERIENCE

Abstract:

The article examines the mechanisms for transforming the economic security system of corporate catering enterprises in the context of the urgent need for forced import substitution of specialized equipment and software. The author proposes an original classification of security factors refocused on achieving technological sovereignty. The study presents a detailed algorithm for business process adaptation, incorporating stages of diagnostic auditing and cognitive transformation of personnel. Particular attention is paid to the synergy between the implementation of domestic software products (ERP systems) and ensuring the continuity of production cycles. The formulated practical recommendations enable enterprises to minimize sanction-related risks and establish an independent foundation for long-term growth amidst macroeconomic instability.

Keywords:

Corporate catering, economic security, sustainable development, import substitution, technological sovereignty, digital transformation, specialized equipment, software, ERP systems, risk management, industrial infrastructure, technological dependence, adaptation algorithm, food security, operational resilience.

В современных условиях геополитической нестабильности экономическая безопасность предприятий корпоративного питания перестает рассматриваться как исключительно локальная задача управления. Являясь важным элементом обеспечения жизнедеятельности крупных индустриальных и социальных систем, сектор корпоративного питания столкнулся с беспрецедентными вызовами. Основным дестабилизирующим фактором стал критический износ и риск прекращения поддержки специализированного оборудования и программного обеспечения (ERP-систем, систем автоматизации учета и контроля доступа) западного производства.

Более того, под влиянием макроэкономической нестабильности и санкционного давления концепция устойчивого развития предприятий общественного питания, интегрированных в корпоративный сектор, претерпевает фундаментальные изменения. Традиционные подходы к обеспечению экономической безопасности, базирующиеся на минимизации

операционных рисков, сегодня оказываются недостаточными. Трансформация факторов экономической безопасности в данном контексте требует перехода от модели «поддержания текущей деятельности» к модели устойчивого развития на базе технологического суверенитета. Импортозамещение в данной сфере - это не просто механическая замена импортных аналогов российскими, а стратегический процесс адаптации бизнес-моделей, направленный на минимизацию финансовых и операционных рисков. Таким образом, исследование механизмов обеспечения устойчивости через обновление материально-технической и цифровой базы становится приоритетным для обеспечения долгосрочной стабильности социально-экономических систем.

Теоретической базой работы послужили концепции ресурсной зависимости и риск-ориентированного менеджмента. В процессе исследования использовались методы системного анализа и классификации факторов угроз.

Целью работы является теоретическое обоснование и разработка практических рекомендаций по трансформации факторов экономической безопасности предприятий корпоративного питания, обеспечивающих их устойчивое развитие в условиях необходимости ускоренного импортозамещения специализированного оборудования и программных продуктов.

Объект исследования – экономическая безопасность предприятий корпоративного питания.

Предмет исследования – процессы и факторы обеспечения устойчивого развития в условиях технологической трансформации и импортозамещения.

Проблема трансформации факторов экономической безопасности через призму импортозамещения в секторе корпоративного питания является междисциплинарной и вызывает активные дискуссии в научной среде. Сопоставление российского опыта с практиками стран БРИКС позволяет выделить уникальные и универсальные паттерны обеспечения устойчивости.

В отличие от российского сценария, который носит характер «форсированной адаптации» в ответ на внешние шоки, опыт Китайской Народной Республики демонстрирует модель «планового вытеснения». Китай на протяжении десятилетий стимулировал создание национальных экосистем в сфере профессионального кухонного оборудования и ИТ-решений (например, через поддержку локальных систем управления производством, альтернативных SAP (локальные системы управления производством SAP (MES

- Manufacturing Execution System) — это программные решения (например, SAP MES, SAP Digital Manufacturing), устанавливаемые на серверах компании (On-Premise) для автоматизации цеховых процессов, сбора данных в реальном времени, контроля качества, учета загрузки мощностей и интеграции с ERP-системой SAP)). Основное отличие заключается в том, что китайские предприятия корпоративного питания переходили на внутренние решения не из-за риска блокировок, а по причине экономической целесообразности и глубокой интеграции с национальными платежными системами [1,2,3].

В свою очередь, опыт Индии акцентирует внимание на «цифровой инклюзивности». Индийская модель устойчивости в HoReCa базируется на широком использовании ПО с открытым исходным кодом (Open Source), что минимизирует зависимость от конкретных вендоров. Для России данный путь представляется перспективным в части разработки ERP-систем для столовых, однако он требует формирования развитого сообщества разработчиков внутри страны, что детерминирует необходимость инвестиций в человеческий капитал [4,5].

Ряд исследователей [6,7] справедливо указывают на то, что резкое изменение технико-технологического фактора может нести временные угрозы устойчивости. Можно выделить две ключевые точки научной дискуссии.

Проблема «технологического разрыва». Существует мнение, что отечественные аналоги (например, в сегменте высокоточного индукционного оборудования или автоматизированных линий с элементами ИИ) пока уступают продукции брендов Rational или Electrolux по параметрам энергоэффективности. Однако в рамках обеспечения экономической безопасности данный риск признается допустимым, так как «выживаемость» системы в условиях санкций имеет приоритет над краткосрочной операционной эффективностью.

Риск «ложной локализации». Дискуссионным остается вопрос о реальной глубине импортозамещения. Использование отечественного корпуса оборудования при сохранении импортной компонентной базы (контроллеров, плат управления) лишь маскирует уязвимость. Трансформация фактора безопасности должна подразумевать переход к полному циклу производства, что требует синхронизации усилий предприятий питания и пищевого машиностроения.

Ранее экономическая безопасность сектора корпоративного питания рассматривалась преимущественно через призму продовольственной логистики и контроля издержек. Однако в условиях ограничения доступа к западным технологиям (Rational, Electrolux Professional, системы iiko/R-Keeper с облачной поддержкой на базе зарубежных серверов) на первый план выходят технологический и информационный компоненты.

Трансформация экономической безопасности включает в себя факторы, представленные в таблице 1.

Таблица 1 – факторы трансформации экономической безопасности предприятий корпоративного питания

Фактор	Характеристики трансформации	Влияние на экономическую безопасность и устойчивость (защитная функция)	Влияние на устойчивость (развивающая функция)
Технико-технологический	Переход на оборудование отечественных брендов (Abat, Торгмаш) и решения из дружественных стран.	Минимизация риска внезапной остановки производственного цикла из-за отсутствия импортных комплектующих или сервисной поддержки.	Снижение капитальных затрат на обновление фондов и сокращение сроков окупаемости (ROI) за счет более доступной стоимости владения.
Цифровой фактор	Переход на отечественное ПО, соответствующее требованиям безопасности данных и обеспечивающее непрерывность транзакционных циклов (российские ERP-системы: 1С:Общепит, Трактирь) и локальные серверные мощности.	Защита от киберугроз и исключение риска удаленного отключения облачных сервисов западными провайдерами.	Цифровизация сквозных процессов: интеграция с ГИС (Меркурий, Честный знак) «из коробки», что повышает прозрачность учета.
Финансово-инвестиционный фактор	Перераспределение капитальных затрат (CAPEX) с закупки премиального импорта на НИОКР и внедрение локальных инноваций.	Снижение валютных рисков и зависимости от волатильности курса при планировании долгосрочных инвестиций	Повышение инвестиционной привлекательности предприятия за счет формирования независимого от санкций технологического стека.

Источник: составлено автором на основе анализа рыночных трендов 2024-2025 гг.

Разделение влияния на «безопасность» и «устойчивость» в Таблице 1 позволяет выявить стратегическую синергию. Если экономическая безопасность в условиях импортозамещения обеспечивает прежде всего непрерывность деятельности (survivability), то устойчивость формирует конкурентные преимущества в долгосрочном периоде.

Например, внедрение отечественного ПО для автоматизации столовых не только купирует риски блокировки (фактор безопасности), но и позволяет глубже анализировать потребительское поведение сотрудников предприятий через кастомизированные модули лояльности, которые легче адаптировать под российские реалии (фактор устойчивости).

Аналогично, замена пароконвектоматов на технику российского производства требует пересмотра технологических карт. Несмотря на трудоемкость процесса на начальном этапе, в долгосрочной перспективе это ведет к унификации парка оборудования, упрощению обучения персонала и созданию единого стандарта качества, что является фундаментом устойчивого масштабирования корпоративной сети питания.

Экономическая безопасность в данном контексте обеспечивается за счет: снижения рисков простоя из-за отсутствия оригинальных запчастей, унификации ремонтной базы, сокращения логистического плеча при поставках оборудования. Однако существует риск временного снижения энергоэффективности, что требует от менеджмента разработки программ компенсации операционных расходов.

Информационная безопасность становится ядром устойчивого развития. Зависимость от зарубежных облачных сервисов создает угрозу мгновенной блокировки операционной деятельности. Трансформация фактора информационной безопасности требует перехода на ПО с открытым кодом или российские разработки (например, «Трактирь», «1С:Общепит»).

Системная устойчивость достигается через интеграцию учетных систем с государственными сервисами (Меркурий, Честный знак) на базе локальных серверов, что нивелирует риски внешнего отключения.

Трансформация системы управления требует поэтапного внедрения изменений. Для достижения целевого состояния устойчивости предприятиям корпоративного питания необходимо реализовать алгоритм адаптации, который

позволяет последовательно нивелировать технологические угрозы и формировать новые точки роста (См. Табл. 2).

Таблица 2 – Алгоритм адаптации факторов экономической безопасности и устойчивого развития при переходе на отечественные решения

Этап	Содержание мероприятий	Результат для экономической безопасности (защищенность)	Результат для устойчивого развития (стабильный рост)
Диагностический аудит	Инвентаризация критических узлов (печи, холодильное оборудование) и аудит лицензий зарубежного ПО.	Карта технологической уязвимости: определение зон максимального риска внезапной остановки процессов.	Оптимизация ресурсной базы: выявление избыточных мощностей и неэффективного софта для сокращения издержек.
Селекция и контрактация	Анализ рынка РФ (бренды Abat, Торгмаш) и выбор ИТ-решений (1С, Трактирь) с высоким уровнем локализации.	Минимизация санкционных рисков: переход на поставщиков, чья логистика и поддержка не зависят от внешних границ.	Укрепление партнерской сети: формирование долгосрочных связей с отечественными производителями на льготных условиях.
Техническая интеграция	Инсталляция оборудования, миграция баз данных (контролируемый процесс изменения структуры (схемы) БД или переноса данных из одной системы в другую) и настройка интеграции с государственными системами (ГИС).	Технологический суверенитет: создание замкнутого контура управления, защищенного от внешнего отключения.	Повышение операционной гибкости: возможность оперативной кастомизации оборудования и ПО под меняющиеся нужды предприятий корпоративного питания.
Когнитивная адаптация	Профильное обучение персонала работе на новом оборудовании и освоение функционала российских ERP-систем.	Снижение рисков «человеческого фактора»: предотвращение поломок техники и ошибок в учете из-за некомпетентности.	Рост кадрового потенциала: формирование культуры непрерывного обучения и цифровой грамотности сотрудников.

Источник: составлено автором

Анализ представленного в Таблице 2 алгоритма позволяет сделать вывод о том, что процесс импортозамещения в секторе корпоративного питания носит двухуровневый характер.

С одной стороны, на уровнях аудита и селекции решаются тактические задачи обеспечения безопасности - устраняется прямая зависимость от западных правообладателей и производителей, что является «гигиеническим минимумом», который позволяет предприятию функционировать в условиях изоляции.

С другой стороны, этапы интеграции и когнитивной адаптации закладывают фундамент долгосрочной устойчивости. Переход на отечественное специализированное оборудование и программное обеспечение в конечном итоге приводит к:

- унификации стандартов, так как упрощается масштабирование сетей предприятий корпоративного питания за счет использования единого технологического стека;
- снижению стоимости владения, так как затраты на обслуживание российских пароконвектоматов или ежегодные подписки на отечественный софт существенно ниже импортных аналогов в долгосрочной перспективе;
- цифровой синергии, так как интеграция с российскими сервисами прослеживаемости (например, «Честный знак») происходит бесшовно, что минимизирует штрафные риски и повышает прозрачность бизнеса для стейкхолдеров.

Таким образом, трансформация факторов из «кризисного реагирования» в «стратегическое планирование» позволяет предприятиям корпоративного питания не просто выживать, но и формировать новые стандарты эффективности, независимые от волатильности внешней геополитической среды.

На основе проведенного исследования и разработанного алгоритма адаптации (см. Табл. 2), можно сформулировать следующие практические рекомендации для менеджмента предприятий корпоративного питания.

Формирование «Матрицы технологической устойчивости». Предприятиям рекомендуется провести ранжирование всего парка оборудования и программных модулей по степени критичности для бизнеса. В первую очередь замещению подлежат узлы с «закрытым» исходным кодом и проприетарными

комплектующими, доступ к которым может быть ограничен в краткосрочной перспективе.

Переход на сервисную модель «Отечественный вендор - Предприятие». Рекомендуется заключать прямые долгосрочные контракты на сервисное обслуживание с российскими производителями (например, заводами «Чувашторгтехника», «Рада» или «Гриль Мастер»), что гарантирует наличие запчастей и исключает риски простоев из-за сбоев в международной логистике.

Гибридная цифровизация. Внедрение российских ERP-систем (1С:Общепит и др.) следует проводить параллельно с обучением персонала работе в модулях автоматической отчетности перед государственными регуляторами (ГИС), что позволит автоматизировать комплаенс-риски и повысить прозрачность экономики предприятия.

Инвестиционный маневр. Целесообразно перенаправить высвобождающиеся средства от экономии на лицензионных платежах зарубежному софту на программы повышения квалификации персонала («когнитивная адаптация»), что обеспечит гибкость производства при дальнейшей смене технологических циклов.

Заключение

Трансформация факторов экономической безопасности из пассивного наблюдения за рисками в активное управление технологическим суверенитетом является обязательным условием выживания предприятий корпоративного питания. Импортозамещение оборудования и программного обеспечения не должно рассматриваться как вынужденная временная мера.

Проведенный анализ позволяет дополнить классическую теорию экономической безопасности новым тезисом: в условиях глобальной фрагментации рынков «технологический суверенитет» становится не вспомогательным, а доминирующим фактором устойчивого развития. Если ранее устойчивость трактовалась как способность сохранять темпы роста, то сегодня это, прежде всего, способность сохранять автономность критических бизнес-процессов.

Таким образом, предложенный в данной работе алгоритм адаптации (Таблица 2) коррелирует с общемировыми трендами на регионализацию экономик, но учитывает специфику российского правового поля (интеграция с

ГИС «Меркурий» и «Честный знак»), что делает его практически применимым для отечественного менеджмента.

Список источников

1. Xu, Jingfeng. (2025). Analysis of the Digital Transformation Strategy in the Catering Industry: A Case Study of Hong Kong. 10.2991/978-94-6463-874-5_78.
2. Cai, Jing & Neszmelyi, Gyorgy Ivan & Wei, Ziji. (2023). Evaluation of Digital Economy Development in 31 Chinese Provinces and Cities. 10.29180/978-615-6342-67-6_1.
3. Zhang, X., Wang, Y., Bao, J., Wei, T., & Xu, S. (2022). A Research on the Evaluation of China's Food Security under the Perspective of Sustainable Development—Based on an Entropy Weight TOPSIS Model. *Agriculture*, 12(11), 1926. <https://doi.org/10.3390/agriculture12111926>.
4. Vasudevan, Ranjith & Massand, Ajay. (2021). Role Of Atmanirbhar Bharat In Revitalisation Of Supply Chain In India. *Journal of Contemporary Issues in Business and Government*. 27. 2021.
5. Erumban (2025) Productivity and policies in post -independence India: From planning to liberalisation. Productivity Insights Paper No. 071, The Productivity Institute.
6. Экономическая безопасность в условиях цифровой экономики: коллективная монография / У. А. Алиев, Т. И. Безденежных, И. Ю. Благова [и др.]. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2019. – 196 с.
7. Кучумов, А. В. Цифровая трансформация предпринимательской деятельности: национальные и международные исследования / А. В. Кучумов, Е. В. Печерица // *Экономический вектор*. – 2023. – № 1(32). – С. 103-108.

УДК: 338.984

Чернов Роман Михайлович

Российская Федерация, Сыктывкар

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина
аспирант

Чужмарова Светлана Ивановна

Российская Федерация, Сыктывкар

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина
заведующий кафедрой банковского дела
доктор экономических наук, доцент

БЕРЕЖЛИВЫЙ КОНТУР УПРАВЛЕНЧЕСКОГО УЧЁТА ОТХОДОВ В ДЕРЕВООБРАБОТКЕ: КРІ, ВНУТРЕННИЙ КОНТРОЛЬ И КЛИМАТИЧЕСКИ РЕЛЕВАНТНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Аннотация:

Предложен lean-контур управленческого учёта отходов. Синтетический кейс показывает, что повышение наблюдаемости потока формирует информационную базу и для управленческих решений, и для последующей углеродно-ориентированной интерпретации результатов.

Ключевые слова:

Управленческий учёт, древесные отходы, lean accounting, материальный баланс, КРІ, менеджмент, деревообработка.

UDC: 338.984

Chernov Roman Mikhailovich

Russian Federation, Syktyvkar

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Postgraduate student

Chuzhmarova Svetlana Ivanovna

Syktyvkar, Russian Federation

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Head of the Department of Banking

Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

A LEAN MANAGEMENT ACCOUNTING FRAMEWORK FOR WASTE IN WOODWORKING: KPIs, INTERNAL CONTROL AND A CLIMATE-RELEVANT INTERPRETATION

Abstract:

A lean framework for management accounting of waste is proposed. A synthetic case demonstrates that improved flow visibility creates an information base both for managerial decision-making and for the subsequent carbon-oriented interpretation of results.

Keywords:

Management accounting; wood waste; lean accounting; material balance; KPIs; management; woodworking.

Для деревообрабатывающего предприятия отходы значимы не только как технологический и экологический результат, но и как объект управленческого наблюдения. Литература по деревообработке чаще рассматривает отходы как технологическую и экологическую проблему, тогда как исследования по бережливому учёту (lean accounting) и учёту материальных потоков и затрат (MFCA) акцентируют наблюдаемость потока и его экономическую интерпретацию. Применительно к деревообработке связь этих линий разработана ограниченно [1, 2, 3, 4].

В работе внимание сосредоточено не на декларативной климатической риторике, а на предпосылке любой последующей экологической оценки – надёжном внутреннем учёте материального потока. Именно качество этой информации определяет, можно ли интерпретировать изменения в структуре отходов как результат управленческого воздействия.

Цель статьи состоит в разработке бережливого контура (lean-контура) управленческого учёта отходов в деревообработке и в демонстрации его аналитической логики на синтетическом практическом примере. Дополнительная задача состоит в определении того, какие элементы предложенного контура могут использоваться как исходная информационная база для последующей экологической интерпретации, без заявлений о фактической углеродной нейтральности предприятия [3, 5].

Обзор литературы по бережливому учёту (lean accounting) показывает смещение внимания от агрегированной стоимостной отчётности к показателям, поддерживающим поток создания ценности и оперативные решения. Для

настоящей статьи это важно, как основание рассматривать систему учёта отходов не только как описательный, но и как сигнальный элемент управленческого цикла [2, 4].

Учёт материальных потоков и затрат (MFCA) используется как рамка для прослеживания материальных потоков и связанных с ними затрат. Для целей статьи особенно важно различие факторов, повышающих материалоёмкость, и факторов, связанных с возвратом и полезным использованием вторичных потоков, поскольку именно это позволяет управленчески интерпретировать побочную биомассу [3, 6, 7].

Для внутреннего контроля в статье принципиальна его связь с качеством информации. Рекомендации Вагановой, Зимаковой и Гайворонского позволяют рассматривать внутренний контроль как механизм распределения ответственности, документирования процедур и проверки корректности данных, а публикации по ЛПК и учёту материальных потоков и затрат (MFCA) - как основание для более строгой сверки материального баланса и регистрационных данных [1, 5, 8].

В рамках статьи бережливый контур (lean-контур) управленческого учёта отходов понимается как аналитическая система наблюдения и контроля, связывающая данные о потоках с управленческой реакцией. Её основу образуют материальный баланс, ограниченный набор KPI, процедуры внутреннего контроля и регламент корректирующих действий. Такой контур связывает данные о потоках с управленческой реакцией и создаёт основу для более строгой интерпретации не только экономических, но и климатически значимых эффектов, возникающих вследствие изменения структуры отрицательного потока и маршрутизации вторичных ресурсов.

Контур не сводится к простой «витрине показателей»: каждый индикатор связан с местом фиксации, периодичностью контроля и пороговым действием. Поэтому в статье используется ограниченный набор метрик, позволяющий сделать видимыми именно те изменения, которые затем получают объяснение в синтетическом кейсе. Состав KPI lean-контура и соответствующие контрольные действия представлены в таблице 1.

Таблица 1 – KPI lean-контура и соответствующие контрольные действия.

Показатель	Содержательный смысл	Источник данных	Пороговая реакция
Коэффициент полноты регистрации отходов, Kreg	Показывает, какая часть отрицательного потока отражена без неидентифицированного расхождения.	Регистр отходов + сверка материального баланса периода	При снижении ниже 0,85 – внеплановая сверка и проверка классификации потоков.
Доля неидентифицированного расхождения, Rimb	Фиксирует долю потока, которая не нашла объяснения в выпуске и отходах.	Баланс входа и выхода сырья	При превышении 5% – аудит первичных записей и контрольных точек участка.
Доля полезного использования вторичных потоков, Uuse	Показывает, какая часть щепы, опилок и коры переведена в полезные каналы использования.	Складские документы, регистр маршрутизации отходов	При снижении ниже планового уровня – пересмотр маршрутов и договорных каналов использования.
Время управленческой реакции на критическое отклонение, Treast	Характеризует скорость перехода от фиксации отклонения к действию.	Журнал отклонений и корректирующих мероприятий	При превышении регламента – эскалация на уровень начальника производства.

В такой конфигурации контур выполняет двойную функцию: повышает наблюдаемость процесса и превращает отклонение из простой констатации в основание для корректировки маршрутизации, проверки классификации и изменения производственных настроек.

Для демонстрации аналитической логики модели практический пример выстроен как трёхсценарный кейс одного и того же условного участка деревообрабатывающего предприятия. Аналитическая единица наблюдения - один месяц работы участка распила и последующей сортировки побочных потоков при входе 1 000 м³ древесного сырья. В кейсе используется среднеотраслевой выход основной продукции для лесопиления (sawmilling) - 50,8% от объёма входного сырья. Такое нормирование используется для того, чтобы приблизить исходное состояние кейса к отраслевому диапазону и сделать базовый уровень (baseline) более сопоставимым с данными литературы. Дальнейшие расчёты выполнены на синтетическом кейсе и служат для демонстрации аналитической логики модели, а не для описания результатов её эмпирической апробации на действующем предприятии.

Сценарий S0 задаёт исходное состояние агрегированного учёта неосновного выхода. Подобный подход типичен для оценок остатков лесопиления (sawmill residues) через объёмные и весовые коэффициенты (volume and weight factors) и позволяет видеть общий масштаб неосновного потока, но не раскрывает его внутреннюю структуру [9, 10, 11]. Дополнительно отраслевые обзоры показывают, что для коэффициентов выхода в лесопилении (sawmilling recovery rates) характерен диапазон 42-60% при среднем уровне 50,8%, что делает такой базовый уровень приемлемым для синтетического кейса.

Для целей кейса это означает, что при $Q_{in} = 1\,000\text{ м}^3$ и базовом выпуске основной продукции $Q_{main} = 508\text{ м}^3$ предприятие в сценарии S0 видит агрегированный неосновной выход $Q_{non} = 492\text{ м}^3$, не разделяя его на коммерческие побочные потоки, потери и неидентифицированное расхождение. Такой базовый уровень достаточен для фиксации общего масштаба потока, но недостаточен для управленческого решения [9, 10, 11].

В кейсе различаются три состояния системы. Сценарий S0 описывает исходное состояние агрегированного учёта, S1 - результат учётно-контрольной настройки без изменения технологии, S2 - фазу, в которой эта настройка дополнена операционными корректировками, инициированными данными контура.

Такое построение позволяет развести два типа эффекта: информационно-учётный, возникающий при переходе скрытого потока в наблюдаемое состояние, и операционный, возникающий тогда, когда данные запускают управленческое действие и меняют фактическую конфигурацию выхода [5]. Система переменных синтетического кейса и их аналитическая роль приведены в таблице 2.

Таблица 2 – Переменные синтетического кейса и их аналитическая роль.

Обозначение	Экономический смысл	Единица	Аналитическая роль
Q_{in}	Вход древесного сырья в анализируемом периоде	м^3	База материального баланса
Q_{main}	Объём основной продукции	м^3	Характеризует основной полезный выпуск
Q_{chip} , Q_{sawd} , Q_{bark}	Побочные потоки: щепы, опилки, кора	м^3	Материальная база вторичного использования и утилизации
Q_{loss}	Технологически признанные потери и брак	м^3	Показывает отрицательный поток, признанный системой

Qimb	Неидентифицированное расхождение материального баланса	м ³	Индикатор неполной регистрации или несогласованности данных
Kreg	Коэффициент полноты регистрации отрицательного потока	доля	Показывает, насколько система наблюдает собственные потери
Uuse	Доля полезного использования вторичных потоков	доля	Показывает качество маршрутизации побочных потоков
Eroute	Маршрутизационный эффект	тыс. руб.	Экономическая интерпретация полезного использования и снижения удаления при фиксированных условных ценовых параметрах кейса

В кейсе используются следующие расчётные зависимости.

$$(1) \quad Q_{in} = Q_{main} + Q_{chip} + Q_{sawd} + Q_{bark} + Q_{loss} + Q_{imb}$$

$$(2) \quad R_{imb} = Q_{imb} / Q_{in} \times 100\%$$

$$(3) \quad K_{reg} = 1 - Q_{imb} / (Q_{in} - Q_{main})$$

$$(4) \quad U_{use} = (Q_{chip}(u) + Q_{sawd}(u) + Q_{bark}(u)) / (Q_{chip} + Q_{sawd} + Q_{bark})$$

$$(5) \quad E_{route} = P_{sale} \times Q_{sale} + S_{energy} \times Q_{energy} + S_{fuel} \times Q_{fuel} - C_{disp} \times Q_{disp}$$

Формулы (1)-(4) задают материальный баланс, долю неидентифицированного расхождения, полноту регистрации отрицательного потока и долю полезного использования вторичных потоков. Формула (5) служит для интерпретации маршрутизационного эффекта и не включает монетизацию Q_{imb} , чтобы не завышать выводы синтетического кейса [3, 5].

В рамках синтетического кейса неидентифицированное расхождение аналитически представлено как совокупность трёх возможных источников: задержанной регистрации потока, ошибок классификации и остаточной измерительной погрешности. Такая декомпозиция используется как объяснительная модель перехода от S_0 к S_1 [5, 8].

Первый результат кейса связан с материальным балансом и объясняющей способностью системы наблюдения. Переход от S_0 к S_1 не изменяет основной выпуск продукции, поэтому на этом этапе эффект имеет не физический, а информационно-учётный характер: сокращается неидентифицированное расхождение и повышается полнота регистрации отрицательного потока [5].

Сопоставление материального баланса по сценариям S0, S1 и S2 представлено в таблице 3.

Таблица 3 – Материальный баланс по сценариям S0, S1 и S2, м³.

Поток	S0: фрагментарный учёт	S1: учётно-контрольная настройка	S2: настройка + операционные корректировки
Вход сырья Q_{in}	1000,0	1000,0	1000,0
Основная продукция Q_{main}	508,0	508,0	528,0
Щепа Q_{chip}	116,5	155,4	150,8
Опилки Q_{sawd}	90,6	123,0	111,4
Кора Q_{bark}	77,7	90,6	91,8
Признанные технологические потери Q_{loss}	25,9	64,7	72,1
Неидентифицированное расхождение Q_{imb}	181,3	58,3	45,9
Отрицательный поток ($Q_{in} - Q_{main}$)	492,0	492,0	472,0

Сценарий S2 отражает аналитически заданный управленческий отклик на выявленные отклонения: рост Q_{main} с 508,0 до 528,0 м³ рассматривается как расчётный результат сокращения механических потерь и уменьшения неидентифицированного расхождения при более строгой верификации баланса. Декомпозиция результата по основным каналам эффекта приведена в таблице 4.

Таблица 4 – Декомпозиция результата по каналам эффекта.

Канал эффекта	Что меняется	Измеритель	Изменение	Интерпретация
Информационно-учётный (S0 → S1)	Классификация и регистрация потока	Q_{imb} , K_{reg}	Q_{imb} : 181,3 → 58,3; K_{reg} : 63,2% → 88,2%	Система перестаёт терять значительную часть отрицательного потока в зоне неопределённости.
Информационно-учётный (S0 → S1)	Наблюдаемость вторичных потоков	Q_{chip} , Q_{sawd} , Q_{bark}	Щепа: +38,9; опилки: +32,4; кора: +12,9	Часть ранее скрытого потока становится аналитически различимой и пригодной для маршрутизации.

Операционный (S1 → S2)	Сокращение механических потерь распила	Qchip + Qsawd	278,4 → 262,2	Корректировка режима распила снижает объём мелкой фракции и повышает основной выход.
Операционный (S1 → S2)	Сокращение неидентифициро ванного расхождения	Qimb	58,3 → 45,9	Ежедневная сверка, раздельная регистрация и исключение задержек ввода снижают остаточное расхождение без искусственного приписывания его основному выпуску.
Смешанный	Рост основного выпуска	Qmain	508,0 → 528,0	Чистый прирост формируется как результат сокращения механических потерь и вывода части потока из зоны неидентифицированного остатка при более строгом признании технологических потерь.

Второй результат связан с маршрутизацией вторичных потоков: доля их полезного использования возрастает с 31,8% в S0 до 42,1% в S1 и до 55,6% в S2, а маршрутизационный эффект - с 12,8 до 30,0 и 43,1 тыс. руб. соответственно. Это означает, что положительный результат связан не только с сокращением части отрицательного потока, но и с переводом большей доли щепы, опилок и коры в полезные каналы использования; при этом Qimb не монетизируется, чтобы не завышать выводы синтетического кейса [3, 5].

Полученные результаты имеют значение не только в рамках управленческого учёта отходов, но и в контексте более широкой климатической повестки. Для деревообрабатывающего предприятия корректная интерпретация углеродных эффектов невозможна без надёжного учёта материального потока, поскольку величина валового выпуска, объём побочных потоков, признанные потери, неидентифицированное расхождение и направления дальнейшего использования древесной биомассы образуют исходную информационную основу для любой более строгой оценки углеродоёмкости продукции и климатической результативности управленческих решений.

Практический пример использует синтетические данные и потому не может интерпретироваться как реальная апробация модели на действующем

предприятии. Его назначение состоит в демонстрации аналитической логики контура. Дополнительными ограничениями выступают однопериодная конструкция кейса, условность ценовых параметров маршрутизационного эффекта и отсутствие эмпирической калибровки модели на данных действующего предприятия.

В статье предложен бережливый контур (lean-контур) управленческого учёта отходов в деревообработке, объединяющий материальный баланс, KPI и внутренний контроль. Синтетический кейс показывает, что эффект модели проявляется последовательно: сначала повышается наблюдаемость потока, затем улучшается его маршрутизация, после чего усиливается полезный результат использования вторичных ресурсов [2, 5].

Существенно, что такая логика имеет не только экономико-управленческое, но и климатически релевантное значение: повышение полноты регистрации потока, сокращение неидентифицированного расхождения и более контролируемое использование побочной древесной биомассы формируют информационную основу для последующей оценки углеродоёмкости и для более строгой постановки задач низкоуглеродной трансформации предприятия. Следовательно, предложенный контур следует рассматривать не как доказательство достигнутой углеродной нейтральности, а как инструмент подготовки предприятия к более зрелому соединению управленческого учёта отходов и климатически ориентированного анализа.

Список источников

1. Бадьянов А.О. Инструменты митигации рисков управления отходами предприятий лесопромышленного комплекса // Управленческий учёт. 2024. № 9. С. 21–27. URL: <https://uprav-uchet.ru/index.php/journal/article/view/4709> (дата обращения: 11.03.2026).
2. Alves R.F., Vieira Neto J., Nascimento D.L. de M., Andrade F.E. de, Tortorella G.L., Garza-Reyes J.A. Lean accounting: a structured literature review // The TQM Journal. 2022. Vol. 34. No. 6. P. 1547–1571. <https://doi.org/10.1108/TQM-06-2021-0185>
3. Christ K.L., Burritt R.L. Material flow cost accounting: a review and agenda for future research // Journal of Cleaner Production. 2015. Vol. 108. P. 1378–1389. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2014.09.005>
4. Maskell B.H., Baggaley B., Grasso L. Practical Lean Accounting: A Proven System for Measuring and Managing the Lean Enterprise. 2nd ed. Boca Raton: Productivity Press, 2011. 475 p.

5. Behnami A., Zoroufchi Benis K., Shakerkhatibi M., Fatehifar E., Derafshi S., Chavoshbashi M.M. Integrating data reconciliation into material flow cost accounting: the case of a petrochemical wastewater treatment plant // *Journal of Cleaner Production*. 2019. Vol. 218. P. 616–628. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.01.218>
6. Chompu-Inwai R., Jaimjit B., Premsurayanunt P. A combination of Material Flow Cost Accounting and design of experiments techniques in an SME: the case of a wood products manufacturing company in northern Thailand // *Journal of Cleaner Production*. 2015. Vol. 108. P. 1352–1364. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2014.08.039>
7. Dierkes S., Siepelmeyer D. Material Flow Cost Accounting with Multiple Inefficiency Factors and Recycling // *Schmalenbach Journal of Business Research*. 2025. Vol. 77. No. 1. P. 57–93. <https://doi.org/10.1007/s41471-024-00197-z>
8. Ваганова О.В., Зимакова Л.А., Гайворонский А.Д. Рекомендации по организации внутреннего контроля в субъектах малого предпринимательства // *Управленческий учёт*. 2020. № 5. С. 32–40. <https://doi.org/10.25806/uu5202032-40>
9. Woo H., Acuna M., Cho S., Park J. Assessment Techniques in Forest Biomass along the Timber Supply Chain // *Forests*. 2019. Vol. 10. No. 11. Art. 1018. <https://doi.org/10.3390/f10111018>
10. Yang P., Jenkins B.M. Wood residues from sawmills in California // *Biomass and Bioenergy*. 2008. Vol. 32. No. 2. P. 101–108. <https://doi.org/10.1016/j.biombioe.2007.09.001>
11. Blatner K.A., Keegan C.E. III, Daniels J.M., Morgan T.A. Trends in Lumber Processing in the Western United States. Part III: Residue Recovered versus Lumber Produced // *Forest Products Journal*. 2012. Vol. 62. No. 6. P. 429–433. <https://doi.org/10.13073/FPJ-D-12-00024.1>

УДК: 338.2:004

Шитов Егор Александрович

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака
аспирант

ТРАНСФОРМАЦИЯ БИЗНЕС-МОДЕЛЕЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу трансформации бизнес-моделей железнодорожных организаций под влиянием цифровизации. Выявлены ключевые направления изменений, определены эффекты и предложены рекомендации по повышению эффективности деятельности.

Ключевые слова:

Цифровизация, железнодорожный транспорт, бизнес-модель, транспортно-логистические услуги, цифровые платформы, инновации.

UDC: 338.2:004

Shitov Egor Alexandrovich

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak
Postgraduate student

TRANSFORMATION OF BUSINESS MODELS OF RAILWAY ORGANIZATIONS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Abstract:

The article examines the transformation of business models of railway organizations under the influence of digitalization. Key directions of change are identified, effects are determined, and recommendations for improving efficiency are proposed.

Keywords:

Digitalization, railway transport, business model, logistics services, digital platforms, innovation.

ВВЕДЕНИЕ

Традиционно железнодорожный транспорт рассматривался как капиталоемкая и инерционная отрасль, в которой изменения происходят медленно и требуют значительных инвестиций. Однако внедрение цифровых технологий, таких как большие данные, искусственный интеллект, интернет вещей и цифровые платформы, приводит к формированию новых подходов к управлению и организации деятельности.

В условиях усиливающейся конкуренции на рынке транспортно-логистических услуг эффективность внедрения цифровых технологий и систем является основополагающим фактором, предопределяющим уровень конкурентоспособности железнодорожных организаций. Выигрывают те компании, которые комплексно управляют повесткой цифровой трансформации: внедряют цифровые решения в основные производственные процессы, а также адаптируют свою бизнес-модель, в первую очередь внедряя принципы принятия решений на основе данных. На практике большинство компаний ограничиваются исключительно внедрением цифровых технологий в основные процессы, что не позволяет им извлечь весь потенциал цифровой трансформации.

Цель настоящей статьи – определение подходов к адаптации бизнес-моделей железнодорожных организаций в условиях активной цифровизации.

На практике цифровая трансформация для большинства компаний характеризуется повсеместным внедрением цифровых технологий, включая искусственный интеллект, большие данные, промышленный интернет, цифровые двойники и другие. Однако в условиях повсеместно усиливающейся конкуренции со стороны альтернативных видов транспортных средств и повышении требований к качеству и скорости оказываемых услуг со стороны клиентов, организации также вынуждены адаптировать бизнес-модели, ориентируясь на повышение гибкости и клиентоориентированности, а также внедрение принципов принятия решений, основанных на объективных данных.

Институциональные факторы также оказывают существенное влияние, поскольку железнодорожная отрасль характеризуется высокой степенью государственного регулирования. Это определяет особенности внедрения цифровых решений и трансформации бизнес-процессов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Бизнес-модель организации представляет собой систему формирования ценности, включающую способы создания, доставки и монетизации продукта или услуги. В транспортной отрасли бизнес-модель традиционно основывается на управлении инфраструктурой, организации перевозочного процесса и формировании тарифной политики.

Железнодорожная отрасль обладает рядом специфических особенностей, определяющих структуру бизнес-модели:

- высокая капиталоемкость инфраструктуры;
- длительные сроки окупаемости инвестиций;
- высокая степень государственного регулирования;
- вертикальная интеграция функций управления и эксплуатации.

Цифровизация оказывает системное воздействие на бизнес-модель, изменяя ключевые элементы: структуру издержек, способы взаимодействия с клиентами, процессы принятия решений и формирование конкурентных преимуществ. В отличие от традиционных инноваций, цифровые технологии обеспечивают не только оптимизацию отдельных процессов, но и формируют основу для перехода к новым моделям функционирования организаций.

Традиционная бизнес-модель железнодорожных организаций характеризуется инфраструктурно-ориентированным подходом, при котором основное внимание уделяется эксплуатации подвижного состава, управлению путевой инфраструктурой и обеспечению перевозочного процесса.

Ключевыми характеристиками данной модели являются:

- ориентация на перевозочный процесс как основной источник создания ценности;
- доминирование тарифной модели формирования доходов;
- ограниченная гибкость в предоставлении услуг;
- низкий уровень персонализации клиентских сервисов;
- разрозненность информационных систем и слабая интеграция данных.

Такая модель обеспечивает устойчивость функционирования отрасли, однако в условиях цифровой экономики она становится недостаточно эффективной. Рост требований со стороны клиентов, развитие мультимодальных

перевозок и усиление конкуренции со стороны альтернативных видов транспорта требуют перехода к более гибким и адаптивным бизнес-моделям.

Цифровизация формирует предпосылки для перехода железнодорожных организаций к новым бизнес-моделям, ориентированным на повышение эффективности, гибкости и клиентоориентированности.

Основные направления трансформации представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Направления трансформации бизнес-моделей железнодорожных организаций.

Тип модели	Основные характеристики	Цифровые инструменты	Эффект
Платформенная модель	Интеграция участников логистической цепи	Цифровые платформы	Снижение транзакционных издержек
Принятие решений, основанное на данных	Управление на основе данных	Большие данные, искусственный интеллект	Повышение качества принятия решений
Сервисная модель	Ориентация на клиента	Мобильные приложения, CRM	Повышение качества обслуживания
Интегрированная логистика	Мультимодальные и интермодальные перевозки	ERP, WMS, системы «Мобильность как услуга»	Повышение уровня конкурентоспособности

Источник: *составлено автором*

Платформенная модель предполагает переход от изолированного функционирования железнодорожной организации к интеграции в цифровые экосистемы. В рамках данной модели компания выступает не только как перевозчик, но и как координатор взаимодействия между участниками логистической цепи. Использование цифровых платформ позволяет обеспечить прозрачность операций, сократить временные затраты на согласование процессов и повысить эффективность взаимодействия с партнерами. В то же время реализация данной модели требует решения задач стандартизации данных и обеспечения информационной безопасности.

Модель управления, основанная на данных, характеризуется активным использованием аналитических инструментов для поддержки управленческих решений. Применение технологий анализа больших данных и искусственного интеллекта позволяет прогнозировать спрос, оптимизировать маршруты и снижать эксплуатационные издержки. В результате происходит переход от

реактивного управления к проактивному, что повышает устойчивость функционирования организации.

Сервисная модель ориентирована на повышение качества взаимодействия с клиентами за счет внедрения цифровых сервисов. Это включает развитие мобильных приложений, систем отслеживания грузов и персонализированных предложений. Сервисная модель позволяет компаниям сформировать дополнительные источники ценности для пользователей.

Модель интегрированной логистики подразумевает формирование единого информационного и транспортного каркаса, объединяющего различные категории транспорта в единую систему. Идея данной модели направлена на обеспечение непрерывности, бесшовности логистических перевозок. В основе подхода лежат интеллектуальные цифровые системы, обеспечивающие координацию всех процессов на всех этапах логистического процесса.

Каждая из представленных моделей направлена на максимизацию практического эффекта от цифровой трансформации, а именно на повышение конкурентоспособности железнодорожных организаций. К основным эффектам цифровизации относят:

- повышение операционной эффективности (за счет автоматизации и роботизации бизнес-процессов);
- повышение производительности труда;
- ускорение и повышение объективности процессов по принятию управленческих решений.

Таким образом, трансформация бизнес-моделей выступает важным фактором повышения эффективности функционирования железнодорожных организаций в условиях цифровой экономики.

ВЫВОДЫ

Для повышения эффективности цифровой трансформации железнодорожных организаций целесообразно реализовать следующие направления:

- внедрение цифровых платформ для взаимодействия участников транспортного процесса;
- развитие аналитических систем управления на основе данных;
- интеграция клиентских сервисов и повышение их доступности;

- поэтапная трансформация бизнес-процессов с учетом отраслевой специфики;
- повышение квалификации персонала в области цифровых технологий.

Реализация данных мероприятий позволит обеспечить комплексный характер трансформации и повысить результативность внедрения цифровых решений.

Цифровизация железнодорожной отрасли приводит к необходимости пересмотра традиционных бизнес-моделей и перехода к новым подходам, основанным на использовании цифровых технологий. В современных условиях конкурентоспособность организаций определяется не только уровнем технологического развития, но и способностью адаптировать бизнес-модель к изменяющимся условиям рынка.

Проведенный анализ показал, что трансформация бизнес-моделей осуществляется по нескольким ключевым направлениям, включая платформизацию, переход к управлению на основе данных, развитие сервисной составляющей и интеграцию логистических процессов.

Практическая значимость исследования заключается в предложенных рекомендациях, направленных на повышение эффективности деятельности железнодорожных организаций. Их реализация позволит обеспечить устойчивое развитие отрасли и усилить ее позиции на рынке транспортно-логистических услуг.

Следует отметить, что цифровизация трансформирует не только технологическую основу деятельности железнодорожных организаций, но и экономическую логику их функционирования. В этих условиях ключевым фактором успеха становится способность компаний адаптировать бизнес-модель к новым требованиям цифровой экономики.

Список источников

1. Анохов И. В., Римская О. Н., Хомов А. В. Влияние цифровизации железных дорог на развитие национальной экономики //Иновационные транспортные системы и технологии. – 2022. – Т. 8. – №. 2. – С. 135-148.
2. Бубнова Г. В., Борейко А. Е. Концептуальные и организационно-технологические решения по формированию цифровых платформ управления перевозками по

международным транспортным коридорам //Мир транспорта. – 2023. – Т. 20. – №. 4. – С. 86-97.

3. Maltseva E. A. Digitalization as a factor of economic development of rail transport //E3S Web of Conferences. – EDP Sciences, 2023. – Т. 460. – С. 06036.

4. Schindler C. Rail transport technology 4.0 //Handbook Industry 4.0: Law, Technology, Society. – Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, 2022. – С. 601-641.

5. Ciarli T. et al. Digital technologies, innovation, and skills: Emerging trajectories and challenges //Research Policy. – 2021. – Т. 50. – №. 7. – С. 104289.

УДК: 330

Юдина Ольга Николаевна

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака
старший преподаватель

ПРОЕКТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Аннотация:

В статье исследуется влияние современных условий импортозамещения и неопределенности на проектное управление, проведен анализ статистических данных по валютному балансу и инвестициям в основной капитал, приведены предложения по проектному управлению на каждом из этапов жизненного цикла проекта.

Ключевые слова:

Проектное управление, импортозамещение, неопределенность, предприниматель, инвестор, принятие решения.

UDC: 330

Iudina Olga Nikolaevna

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoly Sobchak
Senior lecturer

PROJECT MANAGEMENT IN CONDITIONS OF IMPORT SUBSTITUTION AND UNCERTAINTY

Abstract:

The article examines the impact of current conditions of import substitution and uncertainty on project management, analyzes statistical data on the foreign exchange balance and investments in fixed assets, presented proposals for project management at each stage of the project life cycle.

Keywords:

Project management, import substitution, uncertainty, entrepreneur, investor, decision making.

Введение

В последние несколько лет Российская Федерация сталкивается с многочисленными санкциями, стимулирующими реализацию политики импортозамещения, снижающей объем импортных и способствующей развитию отечественных проектов. В проектном управлении в современных условиях наблюдается ряд изменений. Предпринимателям приходится принимать управленческие решения в условиях то одной, то другой неопределенности.

Цель исследования заключается в описании особенностей проектного управления в условиях импортозамещения и неопределенности.

Материалы, методы и объекты исследования. Проанализированы работы отечественных и зарубежных ученых, занимающихся вопросами проектного управления и импортозамещения. Использованы научные методы: обобщение, анализ, синтез и дедукция. Объектом исследования являются российские предприятия.

Обзор литературы

Проектное управление подразумевает реализацию функций учета, контроля, регулирования, организации и планирования в отношении проекта и применение их к подсистемам проекта: ресурсам, качеству, рискам, времени, работам, стоимости, команде проекта.

Использование проектного финансирования представляет собой инвестирование в проект с целью увеличения собственных средств. Когда инвестор не ставит перед собой цель извлечения прибыли, – это можно назвать спонсорством или меценатством. Проектное же финансирование предполагает получение прибыли после завершения периода окупаемости проекта [1].

Разработка схемы проектного финансирования зависит от вида проекта. В каком соотношении использовать для финансирования проекта собственные, заемные и привлеченные средства, и в какой последовательности, определяется, исходя из финансовых потоков, планируемых на прединвестиционной стадии жизненного цикла проекта [2].

Политика импортозамещения способствует созданию для бизнеса позиции протекционизма его со стороны правительства, сохраняются налоговые льготы, отдаются преференции при выборе поставщика в пользу отечественных.

О принятии государством решений по обеспечению финансовой безопасности при восполнении средств пишут ученые М.И. Барабанова, Г.А.

Карпова и Т.М. Редькина, называя эти меры инвестиционным маневром, инструментом, позволяющим осуществлять инвестиции, дающим к определенному моменту времени возможность финансировать проекты [3].

Выбору инструментов проектного управления посвящены работы Н.Н. Вертиль и Е.О. Кравец [4].

В исследованных работах отсутствует описание особенностей проектного управления российскими предприятиями в условиях импортозамещения и неопределенности, что делает дальнейшее проведение исследования актуальным.

Результаты исследования

Несмотря на осложнения в международных отношениях, государство продолжает финансирование экономически важных проектов [5].

Приведенная в таблице 1 статистическая информация отражает объемы инвестирования России в проекты.

Таблица 1 – Доля инвестиций в основной капитал Российской Федерации, % к итогу года.

Год	Номинальный объем ВВП, млрд руб.	Доля инвестиций в основной капитал в ВВП
2021	130795,3	19,2
2022	151455,6	19,7
2023	171041	21,9
2024	200039,5	22,6
2025	213515,8	23,2

Источник: составлено автором на основе данных Росстат, 2025.¹

Наблюдаемый рост доли инвестиций в основной капитал связан с ростом ВВП. Так в 2025 году номинальный объем ВВП вырос на 6,7 % по сравнению с 2024 годом, в 2024 году на 17 % по сравнению с 2023 годом, в 2023 году на 13 % по сравнению с 2022 годом, в 2022 году на 15,8 % по сравнению с 2021 годом. Доля инвестиций в основной капитал в ВВП в 2025 году выросла на 2,7 % по сравнению с 2024 годом, в 2024 году на 3 % по сравнению с 2023 годом, в 2023 году на 11 % по сравнению с 2022 годом, в 2022 году на 2,6 % по сравнению с 2021 годом.

¹Доля инвестиций в основной капитал Российской Федерации / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения 03.03.2026).

Росту ВВП способствует политика импортозамещения. Анализ внешнеторгового оборота 2021-2025 годов в России (рисунок 2) показывает, что в 2022 году экспорт достигал максимального значения, в последующие два года снижался из-за санкций и в 2025 году снова стал расти.

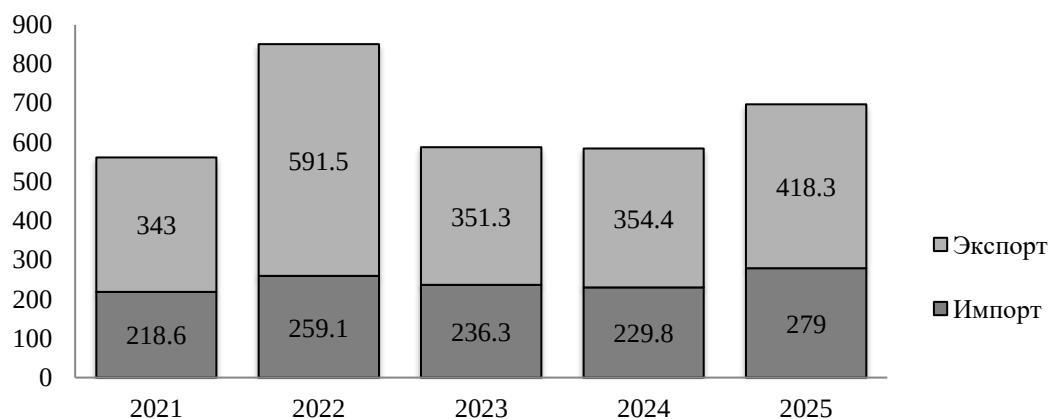

Рисунок 2 – Внешнеторговый оборот России 2021-2025 гг., млрд долл.

Источник: *Росстат, ФТС. РБК, 2026* ¹

В 2024 году наблюдается снижение объема импорта, в 2025 году он стал расти, но соотношение импорта к экспорту существенно не изменилось, поскольку экспорт тоже вырос, что способствует росту ВВП.

Развивая экономику, необходимо уделять внимание развитию логистических путей, по которым будет возможно транспортировать продукцию. Зачастую, строительство дорог осуществляется через государственно-частное партнерство, в котором помимо государственных средств задействованы средства частных инвесторов.

Современные проекты реализуются в условиях ограничений со стороны иностранных государств, в результате чего возникает необходимость замены импортных комплектующих и технологий отечественными.

Внешние риски способствуют тому, что инвесторы влияют на ускорение реализации проектов. У тех проектов, что несколько лет назад осуществлялись бы пять лет, сокращают продолжительность до трех лет. В настоящее время инвесторы торопятся реализовать планы, поскольку окружение проекта постоянно изменяется и нужно успевать подстраиваться не только к изменениям в геополитике, но и в отечественном законодательстве.

¹Внешняя торговля РФ. / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения 04.03.2026).

Перенаправление имеющихся путей из-за санкций зачастую ведет к увеличению расходов на логистику в накладных расходах и удорожанию проектов.

Важно на этапе планирования проектов включать в их обоснование прогноз финансовых показателей, учитывающий различные варианты событий, что позволит предпринимателям быстрее принимать управленческие решения.

На этапе реализации проекта важно следить за внешним окружением проекта, чтобы вовремя сориентироваться и, применяя диверсификацию, инвестировать в более эффективные на тот момент направления, нивелируя недополучение планируемой прибыли от ставших менее эффективными проектов.

В эксплуатационный период жизненного цикла проекта нужно следить за появлением иностранных конкурентов, и стараться к этому моменту зарекомендовать свою продукцию на отечественном рынке через ее высокое качество.

Выводы. Условия импортозамещения и неопределенности стимулируют инвесторов ускорять бизнес-процессы и гибко принимать управленческие решения в сжатые сроки. Долгосрочные инвестиции становятся менее привлекательными из-за сложностей прогнозирования. Чтобы не терять прибыль от реализуемых проектов, следует составлять прогнозы на этапе планирования проектов, использовать своевременные инвестиции в другие, более эффективные проекты, для покрытия убытков неэффективных проектов и постоянно повышать качество продукции отечественных проектов, чтобы как можно дольше оставаться на рынке.

Список источников

1. Бороздина Н.М. Основы и специфика управления проектами в России // Вестник науки. 2023. Т. 3. № 11 (68). С. 247–251.
2. Yescombe E.R. Public-Private Partnerships for Infrastructure: Principles of Policy and Finance. Amsterdam: Butterworth-Heinemann. 2022. 710 p.
3. Барабанова М.И., Карпова Г.А., Редькина Т.М. Инвестиционный маневр для обеспечения финансовой безопасности значимых инфраструктурных и отраслевых проектов // Ученые записки Международного банковского института. 2025. № 2 (52). С. 134-147.
4. Вертиль Н.Н., Кравец Е.О. Дефиниция понятий «управление проектами» и «проектное управление» // Вестник Института экономических исследований. 2021. № 3 (23). С. 105-110.

5. Чараева М.В. Рост инвестиционной активности российских компаний: оценка финансовых условий и перспектив до 2030 г. // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2025. № 72. С. 179-193.

**ПОСТОЯННО ДЕЙСТВУЮЩИЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР
«ФИНАНСИРОВАНИЕ УГЛЕРОДНОЙ НЕЙТРАЛЬНОСТИ: МОДЕЛИ,
ИНСТИТУТЫ И РЕЖИМЫ ТОРГОВЛИ УГЛЕРОДНЫМИ
ЕДИНИЦАМИ В РОССИИ (РЕГУЛИРУЕМЫЕ И НЕРЕГУЛИРУЕМЫЕ
РЫНКИ)»**

УДК: 339.9

Авдеева Анастасия Игоревна

Российская Федерация, Москва

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

преподаватель кафедры международного бизнеса

Минчичова Валерия Сергеевна

Российская Федерация, Москва

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

доцент кафедры международного бизнеса Факультета международных
экономических отношений

кандидат экономических наук, доцент

**СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕДПОСЫЛОК ФОРМИРОВАНИЯ
СОВРЕМЕННЫХ УГЛЕРОДНЫХ РЫНКОВ**

Аннотация:

Статья посвящена системному анализу предпосылок формирования современных углеродных рынков с предложением авторской их систематизации. Для этого проведен анализ научной литературы и применены методы теоретического обобщения и сравнительного анализа.

Ключевые слова:

Углеродные рынки, предпосылки становления углеродных рынков, углеродное регулирование, декарбонизация экономики, регулирование выбросов, Парижское Соглашение.

UDC: 339.9

Avdeeva Anastasia Igorevna

Russian Federation, Moscow

Financial University under the Government of the Russian Federation

Lecturer of the Department of International Business

Minchichova Valeria Sergeevna

Russian Federation, Moscow

Financial University under the Government of the Russian Federation

Associate Professor of the Department of International Business

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

SYSTEMIC ANALYSIS OF THE PREREQUISITES FOR THE FORMATION OF MODERN CARBON MARKETS

Abstract:

The article is devoted to a systematic analysis of the prerequisites for the formation of modern carbon markets with a proposal for their systematisation by the author. To this end, an analysis of scientific literature was conducted and methods of theoretical generalisation and comparative analysis were applied.

Keywords:

Carbon markets, prerequisites for the formation of carbon markets, carbon regulation, decarbonisation of the economy, emissions regulation, Paris Agreement.

Современный этап развития мировой экономики характеризуется глубокими структурными трансформациями, которые обусловлены актуализацией климатической повестки, технологическими изменениями и трансформацией архитектуры международных экономических отношений. В условиях нарастающих процессов геоэкономической конкуренции, фрагментации глобальных рынков и тенденций деглобализации, экологическая и климатическая повестка приобретает новое значение и становится одним из факторов перераспределения экономического влияния и формирования новых механизмов международного экономического регулирования. Современные углеродные рынки являются центральным элементом климатической политики крупнейших стран мира. Они выступают не только инструментом климатической политики, но и фактором, определяющим направление инвестиционных потоков в формирующейся низкоуглеродной экономике.

Объектом исследования являются современные углеродные рынки как формирующийся экономический институт в системе мировой экономики.

Предметом исследования является совокупность теоретических, экономических, институциональных, технологических и политико-регуляторных предпосылок формирования углеродных рынков, а также взаимосвязи между ними.

Целью исследования является выявление и систематизация ключевых предпосылок формирования современных углеродных рынков на основе анализа научной литературы и разработка авторской системы предпосылок, отражающей экономическую, технологическую и институциональную логику их становления.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

1. Проанализировать основные теоретические подходы к объяснению предпосылок формирования углеродных рынков в отечественной и зарубежной научной литературе;
2. Выявить ограничения и фрагментарность существующих систематизаций предпосылок;
3. Обосновать необходимость системного подхода к анализу предпосылок формирования углеродных рынков;
4. Сформировать авторскую систему предпосылок с выделением ключевых групп факторов.

В исследовании были использованы методы анализа и обобщения научной литературы, сравнительного и системного анализа, а также структурно-логический метод. Их применение позволило выявить и систематизировать основные предпосылки становления углеродных рынков, представленные в научной литературе, а также разработать авторскую систему предпосылок формирования и становления углеродных рынков в условиях трансформации мировой экономики и международных экономических отношений.

Вопросы предпосылок возникновения углеродного регулирования и углеродных рынков в Российской Федерации изучались в работах В. В. Соколенко [6], И. Г. Сангадиевой [5], Н. В. Горбачевой [2, с. 45-72], Н.А. Пискуловой [3], а также авторами из Китая Kaile Zhou, Yiwen Li [15, с. 536-549], Yu Min, Bai Jia-Mei [14].

При анализе литературы, связанной с предпосылками формирования углеродных рынков, можно сделать вывод о том, что разные авторы в своих исследованиях останавливаются на определённых предпосылках, исходя из поставленных задач исследования. Наиболее частотными фундаментальными

предпосылками является климатическая предпосылка, которая заключается в признании антропогенного характера парникового эффекта как следствия выбросов парниковых газов, и технологическая предпосылка, которая обусловлена возникновением различных новых технологий возобновляемых источников энергии и систем улавливания и мониторинга объемов выбросов CO₂. Данная предпосылка является основой возможности снижения углеродного следа и создания климатических проектов для получения углеродных единиц, необходимых для функционирования углеродного рынка.

Кроме этого, стоит отметить и предпосылку экономического ущерба, которая состоит в том, что вследствие климатических изменений и усиления экстремальных природных явлений на сегодняшний день появляется все больше исследований, посвященных оценке потенциального ущерба для экономики и населения [10, с.1519-1522].

В связи с тем, что проблема климатических изменений является общемировой и требует координации усилий всех стран, выделяется международно-институциональная предпосылка, которая заключается в формировании международных климатических соглашений и обязательств, таких как РКИК ООН, Киотский протокол, Парижское соглашение.

Ещё одной важной предпосылкой формирования национальных углеродных рынков является предпосылка национальных особенностей, которая обусловлена тем, что в разных странах наблюдается различная степень развитости и преобладания углеродоемких и энергоемких секторов экономики, а также различная поглощающая экологических систем. Все это определяет степень возможности для стран участвовать в углеродном рынке. Так, стоит отметить, что Российская Федерация, располагает значительным потенциалом для развития углеродных рынков, что по мнению Н. К. Куричева и соавторов, связано с возможностью «реализации потенциала поглощения парниковых газов управляемыми экосистемами» [4, с. 620]. Кроме того, важным аспектом в предпосылке национальных особенностей является уровень экспортной ориентированности экономик, который приобретает значимость в условиях внедрения механизмов трансграничного углеродного регулирования, прежде всего механизма СВМ [1, с.45-48].

Однако, в исследованиях, посвященных предпосылкам возникновения углеродных рынков, отсутствует важный этап теоретико-экономического

обоснования самого возникновения рыночного подхода к управлению снижением выбросов вредных веществ, который позволяет сформулировать теоретико-экономическую предпосылку. Так, теоретико-экономическая предпосылка является еще одним ключевым фактором при формировании углеродных рынков, поскольку к 1960 годам классическими работами А. Пигу [11] и Р. Коуза [7, с. 20–44] была обоснована эффективность применения рыночных механизмов торговли загрязняющими веществами. Данная модель была апробирована и доказала свою эффективность для снижения уровня загрязнителей в период действия программы по Кислотным дождям в США. Дальнейшее развитие теоретико-экономического обоснования эффективности рыночных механизмов сокращения выбросов вредных веществ нашло свое отражение в работах Г. Демсеца [9, с.654-670], Д. Дейлса [12, с. 386–387], Т. Крокера [8], У. Нордхауса [10, с.1519-1522] и Дж.Стиглица [13].

Таким образом, формирование углеродных рынков является следствием совокупного воздействия глобальных климатических вызовов, развития низкоуглеродных технологий и трансформации экономических механизмов регулирования выбросов вредных веществ. Проведенный анализ научной литературы позволил выявить и систематизировать ключевые предпосылки становления углеродных рынков: климатическую предпосылку, технологическую предпосылку, международно-институциональную предпосылку, предпосылку экономического ущерба, предпосылку национальных особенностей. Мы выделяем также теоретико-экономическую предпосылку, сформировавшую теоретический базис для дальнейшего развития инструментов экономического регулирования выбросов парниковых газов.

Список источников

1. Абанина И.Н., Минчичова В.С., Оглоблина Е.В. Эндогенные и экзогенные противоречия введения пограничного корректирующего углеродного механизма в Европейском союзе // *Modern Economy Success*. 2023. № 2. С. 42–50.
2. Горбачева Н.В. Динамика развития углеродных рынков в России и Юго-Восточной Азии: роль природно-климатических проектов // *Современная мировая экономика*. 2025. Т. 3. № 1 (9). С. 45–72. URL: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2025-3-1-45-72> (дата обращения: 01.12.2025).
3. Грязнова В.А., Пискулова Н.А. Глобализация углеродного рынка: возможности и ограничения // *Мировое и национальное хозяйство*. 2023. № 2 (62). URL: <https://mirec.mgimo.ru/2023/2023-02/carbon-market-globalization?> (дата обращения: 01.12.2025).

4. Куричев Н.К., Птичников А.В., Шварц Е.А., Кренке А.Н. Природно-климатические проекты в России: ключевые проблемы и условия успеха // Известия РАН. Серия географическая. 2023. Т. 87. № 4. С. 619–636. URL: <https://sciencejournals.ru/view-article/?j=izvgeo&y=2023&v=87&n=4&a=IzvGeo2304004Kurichev> (дата обращения: 01.12.2025).
5. Сангадиева И.Г., Терютина М.М., Буянтуев Р.Ц., Рюмкина И.Н. Эволюция рынка углеродных единиц: ключевые этапы и перспективы развития // ЕГИ. 2024. № 3 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-rynka-uglerodnyh-edinit-klyuchevye-etapy-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 26.12.2025).
6. Соколенко В., Дьяченко Ю., Тюрина Е. Углеродные рынки в мире: механизмы и трансформация концепций // Вестник ТГЭУ. 2018. № 4 (88). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uglerodnye-rynki-v-mire-mehanizmy-i-transformatsiya-kontseptsii> (дата обращения: 01.12.2025).
7. Coase R.H. The Problem of Social Cost // Journal of Law and Economics. 1960. Vol. 3. P. 1–44. URL: <https://www.jstor.org/stable/724810> (дата обращения: 01.12.2025).
8. Crocker T. The Structuring of Atmospheric Pollution Control Systems // The Economics of Air Pollution. 1966.
9. Demsetz H. Toward a Theory of Property Rights II: The Competition between Private and Collective Ownership // The Journal of Legal Studies. 2002. Vol. 31. P. 653–672.
10. Nordhaus W.D. Revisiting the Social Cost of Carbon // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2017. Vol. 114. No. 7. P. 1518–1523.
11. Pigou A.C. The Economics of Welfare. London: MacMillan & Co, 1932.
12. Sewell W.R.D. J.H. Dales, Pollution, Property & Prices: An Essay in Policy-making and Economics // Canadian Journal of Political Science. 1969. Vol. 2. No. 3. P. 386–387.
13. Stiglitz J., Stern N. et al. Report of the High-Level Commission on Carbon Prices. 2017.
14. Yu M., Bai J.-M., Qiu Y., Lin Y., Liu S. Legal Regulation of China's Carbon Emissions Trading Market // Frontiers in Environmental Science. 2025. Vol. 13. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/environmentalscience/articles/10.3389/fenvs.2025.1604038> (дата обращения: 01.12.2025).
15. Zhou K., Li Y. Carbon Finance and Carbon Market in China: Progress and Challenges // Journal of Cleaner Production. 2019. Vol. 214. P. 536–549. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0959652618340290> (дата обращения: 1.11. 2025)

УДК: 339.92

Виноградова Татьяна Ивановна

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

доцент кафедры менеджмента и государственного и муниципального управления

кандидат политических наук

УЧАСТИЕ РОССИИ В УГЛЕРОДНЫХ РЫНКАХ БРИКС+ И ПРОБЛЕМЫ ЗЕЛЕННОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ

Аннотация:

Анализируется участие РФ в углеродных рынках БРИКС+. Исследован опыт Сахалинского эксперимента и проблемы зеленого финансирования. Выявлено преобладание формального подхода к ESG-трансформации и дефицит технологических климатических проектов.

Ключевые слова:

Углеродный рынок, БРИКС+, Сахалинский эксперимент, зеленое финансирование, ESG-трансформация, климатические проекты.

UDC: 339.92

Vinogradova Tatiana Ivanovna

Russian Federation, Saint Petersburg

Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics

Associate Professor of the Department of Management and Public Administration

Candidate of Political Science

RUSSIA'S PARTICIPATION IN BRICS+ CARBON MARKETS AND CHALLENGES OF GREEN FINANCE

Abstract:

The article analyzes Russia's role in BRICS+ carbon markets. The Sakhalin experiment and green finance challenges are examined. The study reveals a formal ESG approach and a lack of technological climate projects in Russia.

Keywords:

Carbon market, BRICS+, Sakhalin experiment, green finance, ESG transformation, climate projects.

Введение

Глобальные климатические изменения и необходимость перехода к низкоуглеродной экономике ставят перед странами мира, включая Россию, задачи по разработке и внедрению эффективных механизмов сокращения выбросов парниковых газов. Одним из таких механизмов является углеродный рынок, позволяющий компаниям и государствам выполнять свои климатические обязательства. Влияние объединения БРИКС+ на глобальную климатическую повестку устойчиво растёт, и Россия заявляет о намерении участвовать в формировании общего углеродного рынка в рамках этой группы. В России запущен «Сахалинский климатический эксперимент», продвигается повестка ESG-трансформации, однако сектор зеленого финансирования в России сталкивается с рядом проблем. Цель настоящей работы - проанализировать формат участия РФ в формирующихся углеродных рынках стран БРИКС+, рассмотреть итоги и ограничения эксперимента на Сахалине, а также определить барьеры, которые тормозят технологическую декарбонизацию российской экономики.

Методы исследования

В основе исследования – качественные методы: сравнительный и документальный анализ. По состоянию на I квартал 2026 года изучены данные национальных реестров углеродных единиц и торговых систем стран БРИКС+. Проанализирован массив нормативных документов: Федеральный закон о Сахалинском эксперименте, Казанская декларация БРИКС, меморандум о Партнерстве по углеродным рынкам, материалы Минэкономразвития РФ и Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), а также научные публикации 2023–2025 гг.

Результаты**Россия и углеродный рынок БРИКС**

Углеродные рынки стран БРИКС+ складывались в разных институциональных условиях, поэтому подходы к регулированию, верификации и торговле углеродными единицами у каждого из участников объединения существенно различаются. В то время как Китай уже оперирует крупнейшим в

мире национальным рынком углеродных квот, а другие страны БРИКС+ обладают глубокой экспертизой в секторе добровольных углеродных единиц, Россия в настоящее время завершает формирование базовой инфраструктуры и переходит к масштабированию своего рынка

Анализ текущего состояния углеродных рынков в странах БРИКС+ выявляет разнородность подходов к регулированию и верификации углеродных единиц. Результаты сопоставления национальных систем представлены в Таблице 1. В то время как Китай оперирует крупнейшим в мире рынком квот, а Индия завершает переход к обязательным торгам в октябре 2026 года, другие участники объединения демонстрируют специфические отраслевые приоритеты.

Таблица 1 – Состояние национальных систем регулирования углеродных рынков стран БРИКС+ (по состоянию на I кв. 2026 г.)

Страна	Национальный реестр / Система	Кол-во проектов	Объем единиц (млн т CO ₂ -экв.)	Приоритет текущего этапа развития национального рынка
Россия	Реестр углеродных единиц (АО «Контур»)	101	102,5 (план), 36,5 (в обор.)	Масштабирование инфраструктуры и реализация региональных климатических экспериментов (Сахалин).
Китай	Реестр CCER (NCSC)	33	17,76 (план), 9,22 (торги 2025)	Функционирование крупнейшей в мире системы торговли квотами (ETS), расширение охвата отраслей.
Индия	CCTS / ICM	>1800 проектов	Нет данных	Охват 800+ предприятий. Переход от добровольных механизмов к обязательной системе торговли углеродными кредитами (октябрь 2026)..
Бразилия	SBCE (Минфин)	>50 (прогноз)	>120 (к 2030 г.)	Развитие сектора лесных проектов (NBS) и интеграция с налоговой системой.
Индонезия	SRN PPI / SRUK	>40	~90 (план), 11,4 (выпущено)	11 проектов полностью завершили цикл верификации и получили сертификаты SPE-GRK. Полная сертификация проектов и развитие системы национальных регистрационных номеров (SRN).
ЮАР	COAS	>45	>15 (в обор.)	Использование углеродных офсетов для снижения налоговой нагрузки компаний (лимит зачета до 15%).

ОАЭ	NRCC	Нет данных	Нет данных	Введение обязательных целевых показателей компенсации для крупных эмитентов >0,5 млн т CO ₂ -экв. Введение обязательной отчетности и отраслевых целей по компенсации выбросов.
Египет	FRA / EGCX	34	Нет данных	Обязательное раскрытие углеродного следа финансовыми организациями и развитие биржевой торговли (EGCX); обязательство финансовых организаций покрывать 20% своего углеродного следа через покупку единиц в национальном реестре.
Иран	NCCO / IRENEX	Нет данных	Нет данных	Интеграция углеродных активов в структуру национальной энергетической биржи (IRENEX).
Эфиопия	CRGE Registry	Нет данных	Нет данных	Привлечение внешнего финансирования и подготовка к международной передаче единиц (ст. 6 Парижского соглашения).

Источник: составлено автором на основе данных официальных реестров и порталов ведомств стран БРИКС¹

Российская Федерация к марту 2026 года завершила формирование базовой инфраструктуры: в национальном Реестре зарегистрирован 101 климатический проект с совокупным плановым объемом выпуска более 102,5 млн единиц. Масштабирование рынка подтверждается наличием в обращении 36,5 млн единиц.

Схожая динамика наблюдается в Индонезии (реестр SRN PPI), где потенциал выпуска 40 проектов оценивается в 90 млн тонн CO₂-экв. Латиноамериканский сектор представлен Бразилией, которая интегрировала национальный реестр с системой налогового администрирования, сделав ставку

¹ Реестр углеродных единиц РФ (<https://carbonreg.ru>); Реестр CCER КНР (<https://www.ccer.org.cn>); Система SRN PPI Индонезии (<https://srn.menlhk.go.id>); India Carbon Market (<https://beeindia.gov.in>); Регулируемый рынок Бразилии (<https://www.gov.br/fazenda>); Реестр COAS ЮАР (<https://www.dffe.gov.za>); Реестр NRCC ОАЭ (<https://www.moccae.gov.ae>); EGCX Египта (<https://www.egcx.com.eg>); NCCO Ирана (<http://www.climate-change.ir>); Реестр CRGE Эфиопии (<https://www.mofed.gov.et>). (Дата обращения: 09.03.2026).

на лесные климатические проекты (NBS) с потенциалом выпуска 120 млн единиц к 2030 году.

В регионах Африки и Ближнего Востока доминируют регуляторные механизмы:

- ЮАР использует углеродные офсеты для снижения налоговой нагрузки компаний (до 15% обязательств);
- ОАЭ и Египет ввели обязательную отчетность и целевые показатели по компенсации выбросов для крупного бизнеса и финансовых организаций;
- Иран развивает торговлю активами через внутренние биржевые площадки;
- Эфиопия фокусируется на создании систем мониторинга (MRV) для участия в международных механизмах передачи углеродных единиц для привлечения внешнего «зеленого» финансирования.

Разнородность национальных систем не мешает общему курсу, и страны БРИКС+ последовательно идут к тому, чтобы их базы данных по климатическим проектам стали совместимы. На ПМЭФ-2024 в июне 2024 года российская сторона представила проект Партнерства БРИКС по углеродным рынкам. С подписанием в августе того же года Меморандума о взаимопонимании¹ работа вышла за рамки обсуждения идей и перешла к созданию конкретных механизмов взаимодействия. Задача – сблизить методики валидации и установить единые правила для сделок с углеродными единицами. Без такой «притирки» регламентов будет сложно и привлекать инвестиции, и выполнять государственные планы по снижению выбросов.

При этом разрыв в стандартах верификации до сих пор не преодолен, что мешает запускать полноценные трансграничные сделки. Чжан фиксирует очевидный риск того, что без общей нормативной базы деньги просто уйдут туда, где контроль слабее [1]. В такой ситуации реального снижения нагрузки на экологию не произойдет, а участие в совместных проектах рискует превратиться в простую отчетность. В таких условиях инвестиции направляются в проекты, обеспечивающие лишь номинальное соблюдение экологических требований при отсутствии фактического снижения антропогенной нагрузки. На примере

¹ Казанская декларация XVI саммита БРИКС «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности» (Казань, 23 октября 2024 года). - Текст: электронный // Официальный сайт Президента России. - URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf> (дата обращения: 09.03.2026).)

российско-китайского сотрудничества видно, что подобная методическая разобщенность снижает экологическую результативность совместных инициатив [2, с. 3873]. Для БРИКС+ это актуализирует необходимость гармонизации технических параметров проектов и формализации многостороннего климатического взаимодействия

Обсуждение

Сахалинский климатический эксперимент: опыт и проблемы

«Сахалинский климатический эксперимент»¹, стартовавший в 2022 году и рассчитанный до конца 2028 года, стал первой в России попыткой достичь углеродной нейтральности на региональном уровне к концу 2025 года. Эксперимент предполагал сокращение выбросов парниковых газов на 1,2 миллиона тонн CO₂-эквивалента и создание системы торговли углеродными единицами.

К концу 2025 года Сахалинская область заявила о достижении углеродной нейтральности². Однако Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) выразил сомнения в реальной эффективности эксперимента. По мнению комитета РСПП по климатической политике и углеродному регулированию, углеродная нейтральность была достигнута не благодаря квотированию выбросов, а за счет совершенствования регионального кадастра выбросов. Заместитель председателя комитета Сергей Твердохлеб отметил, что, несмотря на введение квот с 2024 года, выбросы в промышленности и энергетике на острове продолжили расти, увеличившись совокупно примерно на 11%, и это ставит под вопрос целесообразность тиражирования сахалинского опыта на другие регионы России без учета их специфики³.

В академической среде Сахалинский эксперимент также рассматривается дихотомично - как инновационный полигон для отработки механизмов квотирования и как потенциальный инструмент имитации климатической

¹ Сахалинский климатический эксперимент: углеродная нейтральность. Carbon Platform. URL: <https://carbonplatform.ru/sakhalinskij-klimaticheskij-eksperiment-uglerodnaya-nejtralnost> (дата обращения: 08.03.2026).

² Сахалин достиг углеродной нейтральности. Economy.gov.ru. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/sahalin_dostig_uglerodnoy_nejtralnosti.html (дата обращения: 08.03.2026).

³ Состоялось заседание Комитета РСПП по климатической политике под председательством Андрея Мельниченко // Российский союз промышленников и предпринимателей. 22.12.2025. URL: <https://rsp.ru/events/news/sostoyalos-zasedanie-komiteta-rspp-po-klimaticheskoy-politike-i-uglerodnomu-regulirovaniyu-pod-predsedatelstvom-andreya-melnichenko-6949218176d03/> (дата обращения: 08.03.2026).

активности. Бейерле [3] указывает на риск превращения региона в «климатическую витрину», где достижение нейтральности обеспечивается пересчетом кадастра поглощения, а не радикальной декарбонизацией энергетического сектора. Это актуализирует задачу гармонизации региональных методик учета с международными стандартами, без которой конвертируемость сахалинских единиц и их признание партнерами по БРИКС+ останутся невозможными.

Проблемы «зеленого» финансирования в России

Текущий этап перехода к низкоуглеродной экономике в России характеризуется незавершенностью формирования институциональной среды и отсутствием системных механизмов финансирования климатических проектов. На данном этапе основная роль в создании устойчивого сегмента национального финансового рынка принадлежит государству, чьи бюджетные расходы выступают инструментом аккумуляции климатических финансов [4].

В практике внедрения ESG-принципов сложилась практика, при которой предприятия, занимающие лидерские позиции в национальных ESG-рейтингах, зачастую остаются крупнейшими источниками негативного воздействия на окружающую среду и обладают высоким износом основных фондов [5]. Подобная ситуация свидетельствует о преобладании формального, фрагментарного подхода к трансформации, при котором публичная отчетность не коррелирует с реальным обновлением производственных мощностей. Структурная инертность российской экономики, характеризующаяся консервацией технологического уровня конца XX века, ограничивает влияние существующих объемов «зеленого» финансирования на промышленный сектор. Концентрация трудовых ресурсов в традиционных отраслях обрабатывающей промышленности, отличающихся наиболее низким уровнем оплаты труда, усугубляет социальные диспропорции и препятствует переходу к новой модели роста. Ключевым индикатором эффективности «зеленых» финансов выступает технологическая модернизация. Однако, как демонстрируют результаты исследования Кабир Л.С. и др., в современных условиях ощутимое воздействие устойчивых финансовых инструментов на реальный сектор экономики отсутствует [5, с. 170].

Специфика национального углеродного рынка отражает неравномерность распределения инвестиций. Исследования Т. Невзоровой подтверждают

преобладание природных решений (nature-based solutions) при дефиците технологических офсетных проектов (проектов по компенсации выбросов) [6]. Текущая конфигурация рынка позволяет компаниям использовать поглощающий потенциал экосистем для зачета углеродного следа без модернизации производственных мощностей. В итоге поддержка экологического капитала не трансформируется в технологическое обновление, что затрудняет достижение целей углеродной нейтральности.

Заключение

Участие России в формировании углеродного рынка БРИКС+ является важным шагом на пути к выполнению климатических обязательств и интеграции в глобальные низкоуглеродные инициативы. Однако эффективность этого процесса напрямую зависит от решения внутренних проблем, связанных с качеством зеленого финансирования и ESG-трансформации. Опыт «Сахалинского климатического эксперимента» показал, что достижение углеродной нейтральности может обеспечиваться методологическими корректировками, которые не всегда приводят к сокращению выбросов в промышленном секторе.

Аналитические выводы экспертов НИФИ Минфина РФ подтверждают, что текущие подходы к зеленому финансированию в России носят преимущественно формальный характер и не оказывают существенного влияния на технологическое обновление в экономике.

Для получения практических результатов необходимо пересмотреть подходы к ESG-трансформации, сместив акцент с природных компенсационных механизмов на технологические проекты, обеспечивающие модернизацию промышленных активов. При этом гармонизация правил углеродных рынков в рамках БРИКС+ станет возможной только при условии обеспечения верифицируемости результатов климатических проектов, прозрачности зеленого финансирования и данных о снижении интенсивности выбросов.

Список источников

1. Chan K.J.D., Mok L.W., Lau P.C.C. Leakage in the Common Ground: How Misalignment in Sustainable Finance Taxonomies Impacts Cross-Border Capital Flow // SSRN Electronic Journal. 2023. March 31. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4398664>
2. Чжан Я. Формализация экономического партнерства и сотрудничества России и Китая в области «климатической» экономики // Экономика, предпринимательство и право.

2025. T. 15. № 6. С. 3863-3884. EDN: <https://elibrary.ru/AGXOJJ>.
<https://doi.org/10.18334/epp.15.6.123152>

3. Beuerle, B. (2024). The Sakhalin Climate Experiment: Greenwashing or an actual chance to become a game changer for Russian climate policy? *Zeitschrift für Vergleichende Politikwissenschaft*. 18, 251-272 (2024). <https://doi.org/10.1007/s12286-024-00606-x>

4. Кабир Л.С., Яковлев И.А., Раков И.Д. Финансирование низкоуглеродного развития России: подходы и приоритеты текущего этапа // *Экономика. Налоги. Право*. 2023. Т. 16. № 6. С. 6-17. EDN: <https://elibrary.ru/WIJVAE>. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2023-16-6-6-17>

5. Kabir L.S., Mingaleva Z.A., Rakov I.D. Technological modernization of the national economy as an indicator of green finance: Data analysis on the example of Russia // *Green Finance*. 2025. Vol. 7. Iss. 1. P. 146-174. EDN: <https://elibrary.ru/IWIMLW>.
<https://doi.org/10.3934/GF.2025006>

6. Nevzorova T. Carbon Market for Climate Projects in Russia: An Overview of Nature-Based and Technological Carbon Offsets // *Gases*. 2024. Vol. 4. Iss. 3. P. 153-173. EDN: <https://elibrary.ru/HUQCQC>. <https://doi.org/10.3390/gases4030009>.

УДК: 330.341

Гирич Мария Георгиевна

Российская Федерация, Москва

Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития России
научный сотрудник Центра международных практик Института
международной экономики и финансов

Левашенко Антонина Давидовна

Российская Федерация, Москва

Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара
старший научный сотрудник, и.о. заведующего лабораторией анализа
лучших международных практик

КАК МОЖНО РАСШИРИТЬ ЭКСПЕРИМЕНТ ПО ТОРГОВЛИ КВОТАМИ НА ВЫБРОСЫ, ЧТОБЫ СТИМУЛИРОВАТЬ РЫНОК УГЛЕРОДНЫХ ЕДИНИЦ В РОССИИ?

Аннотация:

В статье рассматривается развитие рынка углеродных единиц в России и перспективы расширения эксперимента по торговле квотами на выбросы на новые регионы. Предлагается использовать географические ограничения и приоритет отдельных типов климатических проектов для повышения ликвидности рынка.

Ключевые слова:

Углеродные единицы, торговля квотами на выбросы, климатические проекты, климат, качество воздуха.

UDC: 330.341

Girich Maria Georgievna

Russian Federation, Moscow

Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of
the Russian Federation

Researcher at the Center for International Practices of the Institute of
International Economics and Finance

Levashenko Antonina Davidovna

Russian Federation, Moscow

Gaidar Institute for Economic Policy

Senior researcher, Acting Head of the Laboratory for Best International Practices Analysis

HOW CAN THE EMISSIONS TRADING QUOTA EXPERIMENT BE EXPANDED TO STIMULATE THE CARBON CREDIT MARKET IN RUSSIA?

Abstract:

The article examines the development of the carbon unit (credits) market in Russia and the prospects for expanding the emissions trading experiment to additional regions. It proposes introducing geographic restrictions and prioritizing certain types of climate projects in order to increase market liquidity.

Keywords:

Carbon units (credits), emissions trading, climate projects, climate, air quality.

С середины прошлого века в мире ведется дискуссия о последствиях глобального потепления для общества и экономики, в том числе о роли антропогенных факторов в изменении климата, с начала 1990-х годов она усилилась. Так, существуют подходы, объясняющие потепление преимущественно естественными причинами, например, окончанием Малого ледникового периода (термин введен Ф. Э. Маттесом в 1939 г. [1]), а также колебаниями параметров земной орбиты и изменением прозрачности атмосферы из-за пылевых выбросов (М. И. Будыко, 1970 [2]). Вместе с тем ряд исследований указывает также на антропогенный вклад, прежде всего из-за роста сжигания ископаемого топлива: по оценкам Будыко, при увеличении энергопотребления на 4–10% в год через 100–200 лет выделение тепла от человеческой деятельности может стать сопоставимым с потоком солнечной энергии, поступающим на земную поверхность.

На фоне этой повестки большинство стран внедряют климатическую политику: от стратегий и целевых показателей по сокращению выбросов до конкретных рыночных инструментов, как углеродное ценообразование и системы торговли квотами, которые создают новые обязательства для компаний, влияют на цены товаров. За почти 30 лет (с начала Киотского протокола) климатические обязательства стали частью правил международной торговли, превращаясь при наличии соответствующей политической воли в торговый

барьер, ограничивающий работу иностранных участников рынка (как Механизм трансграничного углеродного регулирования в ЕС СВМ).

В связи с этим, относиться к таким правилам стоит исключительно с прагматической точки зрения, стараясь, с одной стороны, минимизировать соответствующие барьеры в международной торговле для отечественных компаний, с другой – получить максимальный эффект от работы подобных инструментов для развития национальной экономики.

Если посмотреть на Россию, то развитие здесь климатических инструментов также происходит, но на сегодняшний день не столь интенсивно, чтобы эффективно удовлетворить два запроса, обозначенных выше. Рассмотрим один из них – углеродные единицы. С 2021 г. в нашей стране запущен такой рынок, как добровольный рынок углеродных единиц (далее – УЕ). Это верифицированные (подтвержденные) результаты сокращения выбросов парниковых газов (ПГ) (в тоннах выбросов CO₂-е) в результате проведения климатического проекта.

С 2022 г. был начат эксперимент по торговле квотами на выбросы на Сахалине для 35 организаций (а с 2026 г. – для 50), который продлится до 2028 г. Квота – это установленный государством лимит выбросов для предприятия, превысить который нельзя. Если компания снижает фактические выбросы ПГ ниже квоты (например, за счет модернизации производства), возникает «излишек» квот, т.н. «единица выполнения квоты» - верифицированная разница между квотой и реальными выбросами. Именно такие излишки могут обращаться на рынке. Квоты выдает государство, а УЕ формируются в результате добровольных климатических проектов и выпускаются инвестором проекта. При превышении лимита по квотами предприятие на Сахалине может закрыть превышение путем зачета купленных на добровольном рынке УЕ или выкупленных единиц выполнения квоты у компаний на Сахалине, у которых образовался излишек. В итоге квоты и УЕ становятся инструментом перераспределения расходов предприятий на соответствие климатическим требованиям. Предприятие загрязнитель может инвестировать в климатические меры, а если такие меры являются дорогостоящими – компенсировать выбросы за счет покупки УЕ или единиц выполнения квоты, далее учитывая их на своем углеродном балансе.

Если говорить о торговле УЕ в России, данный рынок только формируется: на конец 2025 г. проведено 90 климатических проектов и выпущено более 36,5 млн. УЕ, еще более 100 млн. готовятся к выпуску. При этом единственный значительный канал сбыта УЕ на данный момент – это продажа участникам системы торговли квотами на Сахалине. Так, по данным Минэкономразвития, в 2025 г. было зачтено 131 тыс. УЕ для покрытия превышения квот, однако всего на рынке в России выпущено более 36,5 млн. УЕ. То есть реально удалось использовать для эксперимента только 0,36% выпущенных УЕ. Таким образом, рынок УЕ в России имеет низкую ликвидность и нуждается в дополнительных каналах сбыта.

При этом уже несколько лет ведется диалог о расширении Сахалинского эксперимента на другие регионы. Еще в 2021 г. заинтересованность во введении системы торговли квотами на выбросы выражали Калининградская и Иркутская области, Хабаровский край, Башкортостан.¹ Сегодня введение углеродного регулирования обсуждают Якутия, Коми, Татарстан, Иркутская и Архангельская области, Ставропольский край. Поэтому в ближайшие несколько лет будет актуален вопрос, необходимо ли расширение эксперимента по торговле квотами на другие регионы, в частности, на Дальнем Востоке? Хотя в Минэкономразвития не раз разумно обсуждалась идея масштабирования платы за выбросы ПГ на территории всей страны.

Расширение эксперимента – это также возможность создания нового канала сбыта УЕ. Рынок УЕ сейчас добровольный, но для стимулирования продаж УЕ требуется связка инструмента с обязательствами компаний в виде квот, чтобы расширить круг покупателей и повысить эффективность инструмента: полностью добровольный рынок работает слабее, а углеродная единица стоит недостаточно дорого, чтобы быть интересной потенциальным инвесторам. Так, в России цена УЕ варьируется от 300 до 800 руб. В целом в мире наблюдается тренд на снижение стоимости УЕ: по данным Всемирного банка в 2025 г., цена УЕ упала от 15,5 долл. США на УЕ от лесоклиматических проектов до 1,4 долл. от проектов в сфере промышленности или 1 долл. от проектов в сфере ВИЭ [2]. Если говорить об отдельных странах, в Китае цена составила

¹ТАСС (08.12.2021): Калининградская область и Башкирия могут присоединиться углеродному эксперименту
URL: <https://tass.ru/ekonomika/13145285>

около 15 долл. за тонну CO₂[4], в Индии – около 10 долл.¹ При этом для сравнения цена за единицу выполнения квоты в рамках систем торговли квотами высокая: до 65 долл. США в Канаде², до 90 евро в ЕС³ и пр.

Важно подчеркнуть, что вокруг УЕ и квот сохраняется спор: действительно ли подобная компенсация выбросов обеспечивает сокращение выбросов или же это всего лишь торговля «горячим воздухом», когда выполнение требований достигается формально, а фактический климатический эффект оказывается ограниченным, особенно в условиях споров вокруг методик проведения климатически проектов, непостоянства результата (например, рисков пожаров при реализации лесоклиматических проектов или реверсии углерода проектах по улавливанию и хранению CO₂).

В данном случае один из возможных сценариев стимулирования рынка углеродных единиц – расширение эксперимента по торговле квотами на выбросы на новые регионы, но с введением дополнительных географических ограничений для торговли квотами и УЕ.

УЕ и квоты – это климатические инструменты, их непосредственной целью является сокращение (или компенсация) выбросов ПГ, а экологический эффект (например, снижение локального загрязнения воздуха, почвы, воды) проявляется косвенно. Идея сценария в том, чтобы охватить системой торговли квотами не все регионы, а *регионы с наихудшим качеством воздуха*, стимулируя за счет климатических мер сокращение выбросов других вредных веществ, предельно допустимые концентрации (ПДК) которых превышены. В 2023 г. в 116 городах России (47% населения городов) фиксировалось превышение ПДК загрязняющих веществ в 10 раз по бензапирену, сероводороду, диоксиду серы и др., а основные источники выбросов – предприятия топливно-энергетического

¹ IETA Business Brief. India's carbon credit trading system scheme (CCTS). July 2025. URL: https://www.ieta.org/uploads/wp-content/Resources/Business-briefs/2025/IETA_Business_Brief-India_July_final-one.pdf

²Department of Finance Canada, Removing the consumer carbon price, effective April 1, 2025. URL: <https://www.canada.ca/en/department-finance/news/2025/03/removing-the-consumer-carbon-price-effective-april-1-2025.html>

³TRADING ECONOMICS (2026). URL: <https://tradingeconomics.com/commodity/carbon>

комплекса¹. При этом на сектор производства энергии приходится также 79% выбросов ПГ².

Таким образом, при расширении эксперимента по торговле квотами на новые регионы возможно охватить регионы с наибольшими выбросами загрязняющих веществ, чтобы за счет климатических проектов стимулировать снижение загрязняющих веществ, влияющих на здоровье населения в регионе. Например, климатический проект по переходу с угля на газ снижает CO₂ на 50 – 60%, а также снижает SO₂ на 90 %, NO_x до 60 %, твердых частиц и пр.³ [5].

Сопоставив данные Росстата⁴ и Росгидромета⁵ о городах с превышениями ПДК с суммарными выбросами ПГ от сжигания топлива в регионах, были выделены 7 наиболее грязных регионов [6] – Красноярский край, Вологодская, Свердловская, Липецкая, Кемеровская, Челябинская области и Иркутская область (по данным СМИ⁶, выражала заинтересованность в эксперименте по торговле квотами).

При этом эти же регионы признаны одними из самых лесистых, например, Иркутская область (82,2% территории охвачено лесами), Свердловская область (68,4%), Вологодская область (68,3%)⁷ – леса снижают влияние выбросов ПГ, но практически не способны поглощать выбросы вредных веществ. Так, деревья поглощают до трети выбросов CO₂ от использования ископаемого топлива в мире, однако в части загрязняющих веществ - всего до 1% выбросов в основном озона (O₃), диоксида серы (SO₂), диоксида азота, PM_{2,5}.⁸

При расширении эксперимента предлагается установить географические ограничения: торговля УЕ и квотами может происходить только между соседствующими территориально регионами, на которые деятельность

¹Росгидромет. Обзор состояния и загрязнения окружающей среды в Российской Федерации за 2023 год. URL: <https://www.meteorf.gov.ru/product/infomaterials/90/?ID=90&year=2023>

²Национальный доклад России о кадастре антропогенных выбросов парниковых газов из источников и их абсорбции поглотителями за 1990 – 2022гг. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/RUS_NIR_2024_v1_2024-11-08.pdf

³ EPA USA. Natural Gas Combustion. URL: https://www.epa.gov/sites/default/files/2020-09/documents/1.4_natural_gas_combustion.pdf

⁴"Эко-Архитектура". Рейтинг самых загрязненных городов России URL: https://eko-a.ru/news/rejting_samyh_zagryaznennih_gorodov_rossii

⁵ Росгидромет, Обзор состояния и загрязнения окружающей среды в Российской Федерации за 2024 год. URL: https://www.meteorf.gov.ru/upload/iblock/88f/Обзор%20за%202024%20год_300625.pdf

⁶ РБК (07.12.2021). Четыре региона стали претендентами на торговлю парниковыми квотами. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/61aeea2d9a7947a1d8a9738a>

⁷ Рослесхоз. Топ-10 самых лесистых регионов России. URL: <https://rosleshoz.gov.ru/news/federal/top-10-samykh-lesistykh-regionov-rossii-n10590/>

⁸Everimpact. 5 интересных фактов о поглощении углерода лесами. URL: <https://www.everimpact.com/post/5-interesting-facts-about-forest-carbon-sequestration>

загрязнителей субъекта оказывает влияние. Сегодня отсутствуют какие-либо территориальные ограничения: предприятие производит выбросы на Сахалине, но может зачесть УЕ от лесоклиматического проекта в Тверской области. Такой подход оправдан тем, что ПГ (особенно CO_2) мигрируют по всему миру. При этом загрязнители как свинец, кадмий и др. распространяются у источника (в радиусе 1–5 км), некоторые вещества (как как SO_2 , NO_x , ЛОС, РМ) мигрируют на дальние расстояния до 1 тыс. км в зависимости от рассеивания, погодных условий и пр., создавая региональное загрязнение. Таким образом, предприятие выбрасывает в одном регионе, а сокращение делает в другом, где качество воздуха может соответствовать всем допустимым стандартам выбросов, тогда как в регионе деятельности загрязнителя выбросы не снижаются, и качество воздуха не улучшается. Введение географических ограничений снизит риски миграции загрязнений: поскольку климатические проекты будут реализовываться там, где работает загрязнитель, или там, куда фактически переносятся его выбросы (в соседний регион). Кроме того, инструмент торговли углеродными единицами и квотами исторически впервые стал использоваться в США в 1970-х гг. как способ бороться с локальными / региональными загрязнителями (сера, твердые частицы, свинец), а уже позднее (с развитием Киотского протокола) был встроен в углеродное регулирование.

Дополнительно можно ограничить типы климатических проектов, УЕ от которых будет допустимо засчитывать при превышении квот. Отсутствие каких-либо ограничений стимулирует проведении более дешевых проектов (например, по снижению утечек метана при нефте- и газодобыче). Однако существуют отрасли, которые могут наибольшим образом нуждаются в инвестициях, модернизации и снижении выбросов (как угольная промышленность или ЖКХ), поэтому правила допуска к зачету УЕ от проектов можно настроить так, чтобы направлять финансирование именно в эти сектора. Таким образом, на региональном уровне можно установить типы приоритетных проектов или ограничить какие-либо проекты, например, запрет климатических проектов в регионе, где нет деградации лесов, приоритет проектов по переходу с одного вида топлива на другое в сфере металлургии, внедрение низкотемпературных тепловых сетей в сфере ЖКХ и пр.

Немаловажным аспектом являются будущие затраты предприятий на участие в системе торговли квотами и УЕ. При условии стоимости квоты / УЕ в

800 руб., по проведенным подсчетам, в среднем компания должна потратить до 2х млн¹ руб./год на покупку квоты УЕ, если не снизила выбросы, установленные квотированием. Важно отметить, что данные расчеты трат компаний являются приблизительными, т.к. расчеты проводились на основе сведений о сахалинском эксперименте, однако отсутствуют общедоступные сведения о размере выделенных каждой компании квот.

Траты в размере 2 млн. рублей в год представляются умеренной для крупных эмитентов, однако это может представлять значительную нагрузку для отдельных секторов, как угольный сектор (ввиду банкротств шахт), коммунальный сектор (согласно сведениям Реестра УЕ именно предприятия данного сектора на Сахалине чаще всего приобретали УЕ и единицы выполнения квот). Поэтому требуется дополнительная поддержка предприятий, например, в форме налоговых льгот – может быть предоставлен инвестиционный налоговый вычет в отношении расходов на реализацию климатических проектов.

Список источников

1. Collet, D., S. White, S. Bremer, et al. “ The Little Ice Age: The History and Future of a Traveling Concept.” // Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change 16, no. 5: e70023. <https://doi.org/10.1002/wcc.70023>. URL: <https://doi.org/10.1002/wcc.70023>.
2. Будыко М. И. Избранные работы. – Санкт-Петербург: ООО «Америт»: Главная геофизическая обсерватория им. А. И. Воейкова. 2020. – 206 с.: ил. ISBN 978-5-9500883-7-7. URL: <https://www.epaalumni.org/userdata/pdf/History%20of%20NAAQS.pdf>.
3. Sylvera, The Carbon Data Platform. Carbon Offset Pricing Trends: What Buyers Should Budget for in 2026. URL: <https://www.sylvera.com/blog/carbon-offset-price>
4. Saptakee S. // China Revives Its Carbon Credit Market: Price Swings & Future Outlook// CarbonCredits.Com (2025). URL: <https://carboncredits.com/china-revives-its-carbon-credit-market-price-swings-future-outlook/>
5. Joost de Gouw, David D Parrish. Reduced Emissions of CO₂, NO_x and SO₂ from U.S. Power Plants Due to the Switch from Coal to Natural Gas with Combined Cycle Technology. Earth's Future. 2014. URL: [https://www.researchgate.net/publication/260305932_Reduced_Emissions_of_CO2_NOx_and_SO](https://www.researchgate.net/publication/260305932_Reduced_Emissions_of_CO2_NOx_and_SO2)

¹ 35 компаний на Сахалине в 2024 г. (50 компаний в 2025 г.) должны совокупно сократить 160 тыс. т. (или 80 тыс. т. в год). В среднем – 1 компания должна условно сократить от 1 600 т. до 2 285 т. выбросов ПГ. Если исходить из того, что средняя цена на рынке УЕ – 800 руб., итого в среднем компания должна потратить 1,8 млн (2 285 т. х 800 руб.) или 1,28 млн. (1 600 т. х 800 руб.). При масштабе обязательств (около 1,6–2,3 тыс. т CO₂-экв. на компанию) даже при умеренной цене 800 руб./т речь идёт о затратах порядка 1,3–1,8 млн руб. в год. Поэтому в обобщенном виде можно говорить, что потенциальные расходы компании на покупку УЕ, если собственное сокращение не достигнуто, составят до 2 млн руб. в год.

2_from_US_Power_Plants_Due_to_the_Switch_from_Coal_to_Natural_Gas_with_Combined_Cycle_Technology

6. И.А. Башмаков и А.Д. Мышак. Ранжирование субъектов РФ по энергоемкости ВПП, суммарным и удельным выбросам парниковых газов от сжигания топлива. URL: [https://cenef-](https://cenef-xxi.ru/uploads/Ranzhirovanie_subektov_RF_EVRP_vybrosy_Cz_ENEF_XXI_7d18cbc577.pdf)

[xxi.ru/uploads/Ranzhirovanie_subektov_RF_EVRP_vybrosy_Cz_ENEF_XXI_7d18cbc577.pdf](https://cenef-xxi.ru/uploads/Ranzhirovanie_subektov_RF_EVRP_vybrosy_Cz_ENEF_XXI_7d18cbc577.pdf)

УДК: 330.15

Ранцева Елена Михайловна

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака
аспирант

ЭЛЕКТРОННЫЕ ОТХОДЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ВЫЗОЫ УГЛЕРОДНОЙ НЕЙТРАЛЬНОСТИ: ФИНАНСИРОВАНИЕ ПЕРЕРАБОТКИ И РЫНКИ УГЛЕРОДА

Аннотация:

В статье рассматривается проблема электронных отходов в РФ как одного из факторов, препятствующих достижению углеродной нейтральности. Показано, что рост объемов электронных отходов усиливает экологическую нагрузку и приводит к потерям вторичного сырья, которое могло бы быть вовлечено во вторичном обороте и ускорило бы процесс перехода к экономике замкнутого цикла, в соответствии с целями «Национальных проектов», посвященных обращению с отходами [1-3]. Особое внимание уделено механизмам финансирования переработки электронных отходов, включая расширенную ответственность производителей, государственную поддержку, частные инвестиции и возможную увязку с климатическими инструментами [1-4]. Сделан вывод о необходимости согласования экологической, промышленной и климатической политики для формирования устойчивой системы обращения с электронными отходами.

Ключевые слова:

Электронные отходы, углеродная нейтральность, углеродные единицы, климатические проекты.

UDC: 330.15

Ranceva Elena Mikhailovna

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak

Postgraduate student

ELECTRONIC WASTE IN THE RUSSIAN FEDERATION AS A CHALLENGE TO CARBON NEUTRALITY: FINANCING OF RECYCLING AND CARBON MARKETS

Abstract:

The article examines the problem of electronic waste in the Russian Federation as one of the factors hindering the achievement of carbon neutrality. It is shown that the growing volumes of e-waste increase environmental pressure and lead to losses of secondary raw materials that could be involved in secondary turnover, thus accelerating the transition to a circular economy in line with the objectives of the “National Projects” on waste management [1–3]. Particular attention is paid to financing mechanisms for electronic waste recycling, including extended producer responsibility, government support, private investments, and potential linkages with climate-related instruments [1–4]. The study concludes that there is a need to align environmental, industrial, and climate policy in order to build a sustainable system for managing electronic waste.

Keywords:

Electronic waste, carbon neutrality, carbon units, climate projects.

Введение

Электронные отходы представляют собой одну из наиболее сложных категорий отходов, поскольку они объединяют высокую материальную ценность, технологическую сложность переработки и значительные экологические риски. В РФ проблема обращения с электронными отходами остается актуальной из-за недостаточной инфраструктуры сбора, ограниченных мощностей переработки и слабой вовлеченности бизнеса и населения в организованный возврат техники. Это приводит к тому, что значительная часть таких отходов теряет потенциал повторного использования и часто попадает в состав смешанных отходов.

Электронные отходы – это группа отходов, включающая вышедшие из эксплуатации электрические и электронные устройства, а также их составные части, которые больше не пригодны для использования в изначально предусмотренных целях и требуют утилизации, переработки или безопасного хранения. Электронные отходы можно разделить на несколько категорий:

- Крупная бытовая техника: среди наиболее тяжелых источников загрязнения окружающей среды выделяются такие устройства, как кондиционеры и холодильники содержащие, например, фреон;
- Мелкая бытовая техника: в эту категорию входят небольшие приборы, например, пылесосы и электрические чайники;
- Оборудование для информационно-коммуникационных технологий (ИКТ): К этой группе относятся компьютеры, ноутбуки, мобильные телефоны и маршрутизаторы.

- Бытовая электроника: телевизоры, фотоаппараты и аудиоустройства;
- Осветительное оборудование: люминесцентные и светодиодные лампы;
- Специализированные приборы: медицинские инструменты и научное оборудование [9].

Электронные отходы представляют собой значимый антропогенный источник парниковых газов в Российской Федерации, объем которых достигает 1,7-2 млн тонн ежегодно. Цифровизация бизнес-процессов выступает катализатором их роста (20-30%) в год, усугубляя вызовы углеродной нейтральности. В структуре этих отходов 67% приходится на бытовую технику, 22% – на климатическое и холодильное оборудование, и лишь 9% – на IT- и офисную технику (рисунок 1).

Рисунок 1 – Структура электронных отходов в РФ [13]

Российский экологический оператор сообщает, что по состоянию на 2022 г. объем электронных отходов составил 1,7 млн т, в перерасчете на душу населения – 11 кг в год. К 2023 г. количество центров, принимающих отходы электрического оборудования, достигло 1400. Всего на данный момент перерабатывается не более 6% от общего объема принятых отходов [12].

С позиции климатической политики электронные отходы важны не только, как источник загрязнения, но и как резерв снижения выбросов парниковых газов. Переработка техники и извлечение вторичных материалов сокращают потребность в первичной добыче сырья, а значит снижают нагрузку

соответствующих отраслей. В этой связи электронные отходы следует рассматривать как часть повестки углеродной нейтральности.

Цель статьи – обосновать, что электронные отходы в России являются не только экологической проблемой, но и важным резервом для достижения углеродной нейтральности, а также показать, как финансирование их переработки и участие в рынках углерода могут усилить низкоуглеродное развитие.

Главный барьер переработки электронных отходов связан с высокой капиталоемкостью инфраструктуры и отсутствием устойчивой модели для переработчиков [1-3]. Создание системы приема, сортировки, демонтажа и переработки требует значительных вложений, которые не окупаются без долгосрочных стимулов. Поэтому финансирование отрасли обращения с электронными отходами должно строиться на сочетании нескольких инструментов: расширенной ответственности производителей, бюджетного софинансирования, льготного кредитования и частных инвестиций [1-4]. С ростом нормативов расширенной ответственности производителей (25% в 2024 г., 100% к 2027 г.) и экспериментов углеродных рынков (2025-2026 гг.) перед переработчиками возникают финансовые вызовы: дефицит мощностей, насчитывающий 354 завода, капиталоемкость [10,11]. Исследование финансирования и привлечения кредитов становится ключом к устойчивости и нейтральности.

Переработка электронных отходов может стать частью рынка углеродных единиц, если проект даёт измеримое сокращение выбросов относительно базового сценария [5–7]. В России уже реализованы климатические проекты и применяется практика использования углеродных единиц – это подтверждает институциональную возможность такого механизма. Вместе с тем внутренний рынок пока страдает от низкой ликвидности и слабого спроса на углеродные единицы.

Создание эффективной системы обращения с электронными отходами требует согласования экологического, промышленного и климатического регулирования [2–4]. На экологическом уровне приоритет – наращивание организованного сбора и сокращение несанкционированной утилизации. На промышленном уровне необходимо стимулировать создание перерабатывающих мощностей и формирование спроса на вторичное сырьё. На климатическом

уровне важно признать переработку электронных отходов источником предотвращённых выбросов.

Ключевое значение имеет нормативное закрепление методик учёта климатического эффекта. Без прозрачных расчетов жизненного цикла и процедур верификации проекты по переработке электроники не смогут полноценно интегрироваться в рынок углеродных единиц [5-7]. Следовательно, развитие отрасли зависит не только от технологий и инвестиций, но и от качества институциональной среды.

Для достижения целевых показателей нацпроекта «Экология» потребуется дальнейшее масштабное развитие инфраструктуры переработки электронных отходов во всех субъектах Российской Федерации, а также повышение экологической осознанности населения и бизнеса.

За последние пять лет в России наблюдается значительный рост инфраструктуры переработки электронных отходов: количество предприятий увеличилось в 4,4 раза, производственные мощности – в 3,5 раза, сбор – в 2,5 раза. Однако низкая доля переработки (5–10% от общего объема образования) и накопление электронных отходов в домашних условиях (более 40% граждан) создают серьезные экологические и экономические риски [14].

С 1 марта 2022 года вступил в силу приказ Минприроды России № 399, который запретил захоронение отходов электронного и электрического оборудования на полигонах. Утилизировать такую технику теперь можно только на предприятиях, имеющих лицензию на обращение с отходами I–IV классов опасности [14].

Контроль за соблюдением этих требований осуществляет Росприроднадзор – выдаёт лицензии утилизаторам, проводит проверки и применяет административные меры по статье 8.2 КоАП РФ (штрафы для юрлиц – до 250 тыс. рублей). Именно Росприроднадзор с 2024 года ведёт государственный реестр утилизаторов отходов от использования товаров. Включение в этот реестр является обязательным для компаний, чья утилизация засчитывается производителям и импортёрам по расширенной ответственности [14].

ППК РЭО при этом выступает в роли технического оператора: разрабатывает единую информационную систему (ЕФГИС УОИТ), собирает заявки от утилизаторов, проводит выездные проверки предприятий и готовит

заклучения для Росприроднадзора. Окончательное решение о включении в реестр принимает надзорное ведомство. Сейчас в реестре 144 компании из 46 регионов, совокупные мощности которых позволяют перерабатывать, в частности, 1 млн тонн электротехники в год [14].

В заключении следует отметить, что электронные отходы в РФ являются одновременно экологической проблемой, источником вторичных ресурсов и потенциальным элементом климатической политики [2-4]. Их переработка способна вносить существенный вклад в углеродную нейтральность за счет сокращения выбросов в сырьевых и производственных цепочках, однако для этого необходимы финансовые стимулы, инфраструктурная поддержка и развитый рынок климатических инструментов.

Список источников

1. К вопросу о теневой утилизации электронных отходов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ecology-kalvis.ru/jour/article/viewFile/1776/1442> (дата обращения: 15.05.2026).
2. Казатенков Я. С. Понятие "электронные отходы" и правовые основы обращения с электронными отходами в российской федерации // Право и государство: теория и практика. 2023. №5 (221). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-elektronnyye-othody-i-pravovyye-osnovy-obrascheniya-s-elektronnymi-othodami-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 16.05.2026).
3. Электронные отходы: воздействие на окружающую среду и подходы к устойчивому управлению [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnyye-othody-vozdeystvie-na-okruzhayushuyu-sredu-i-podhody-k-ustoychivomu-upravleniyu> (дата обращения: 15.05.2026).
4. К вопросу выбора технологии для переработки электронных отходов [Электронный ресурс]. URL: <https://applied-research.ru/article/view?id=13559> (дата обращения: 15.05.2026).
5. Россия на траектории углеродной нейтральности [Электронный ресурс]. URL: https://sk.skolkovo.ru/storage/file_storage/c46bfc36-e5d1-4ad8-9c8c-cd3fd8410d7d/SKOLKOVO_EneC_RU_Russia_on_the_trajectory_of_ca... (дата обращения: 15.05.2026).
6. СИБУР-ПЭТФ: первым углеродно-нейтральным заводом в России стал... [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sibur.ru/ru/press-center/news-and-press/pervym-uglerodno-neutralnym-zavodom-v-rossii-stal-sibur-petf/> (дата обращения: 15.05.2026).
7. Российские углеродные единицы не интересны на внутреннем рынке [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/amp/2026/03/11/issledovanie-rossijskie-uglerodnye-edinicy-ne-interesny-na-vnutrennem-rynke.html> (дата обращения: 15.05.2026).

8. Климатический рынок РФ: 107 проектов и проблемы ликвидности [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8605650> (дата обращения: 15.05.2026).
9. Некоторые аспекты по проблеме электронных отходов // Ведомости. 2025. 17 сент. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/09/18/nekotorie-aspekti-po-probleme-elektronnih-othodov (дата обращения: 16.05.2026).
10. Переработка электроники в России увеличилась в 3,5 раза [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.sберегаем-vmeste.ru/news/pererabotka-elektroniki-v-rossii-uvlechilas-v-35-raza> (дата обращения: 16.05.2026).
11. Расширенная ответственность производителей [Электронный ресурс]. — URL: https://rpn.gov.ru/regions/24/for_users/management/extended-responsibility/ (дата обращения: 15.05.2026).
12. Число пунктов по приему отходов электротехники в России превысило 1400. Официальный сайт Российского экологического оператора. URL: <https://reo.ru> (Дата обращения 30.04.2026).
13. Как в России утилизируют отходы электроники [Электронный ресурс]. URL: https://rosutilization.ru/news-rop/?ELEMENT_ID=311 (дата обращения: 01.04.2026).
14. Переработка электроники в России увеличилась в 3,5 раза [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sберегаем-vmeste.ru/publications/pererabotka-elektroniki-v-rossii-uvlechilas-v-35-raza> (дата обращения: 31.05.2026).

УДК: 339.92

Шаш Наталия Николаевна

Российская Федерация, Москва

РЭУ им. Г.В. Плеханова

профессор кафедры финансов устойчивого развития

доктор экономических наук, профессор

Афанасьев Мстислав Платонович

Российская Федерация, Москва

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

профессор-исследователь департамента политики и управления

доктор экономических наук, профессор

РЫНОК УГЛЕРОДНЫХ ЕДИНИЦ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ФИНАНСИРОВАНИЯ УГЛЕРОДНОЙ НЕЙТРАЛЬНОСТИ

Аннотация:

Рассматривается рынок углеродных единиц как один из важных компонентов концепции устойчивого развития. Выявлены мотивирующие факторы увеличения спроса на разные типы устойчивых финансовых инструментов на российском финансовом рынке. Выявлены факторы синергетического взаимодействия традиционных и новых концепций бизнес-развития, образующие фундамент современной концепции устойчивых финансов. Дана характеристика углеродным единицам, как одного из биржевых финансовых инструментов долевого устойчивого развития. Раскрыт потенциал выпусков углеродных единиц в среднесрочной и долгосрочной перспективе в контексте инициации зеленых и адаптационных проектов в рамках реализации Стратегии низкоуглеродного развития России до 2050 года.

Ключевые слова:

Концепция устойчивых финансов, стейкхолдерская стоимость, модель четырех видов капитала, теория устойчивого развития бизнеса, инструменты финансирования устойчивого развития, рынок углеродных единиц, финансирование углеродной нейтральности, трансформация портфелей зеленых и адаптационных проектов.

UDC: 339.92

Shash Natalia Nikolaevna

Russian Federation, Moscow

Plekhanov Russian University of Economics

Professor of the Department of Finance for Sustainable Development
Doctor of Economic Sciences, Professor

Afanasyev Mstislav Platonovich

Russian Federation, Moscow

National Research University Higher School of Economics

Research Professor at the Department of Politics and Management

Doctor of Economic Sciences, Professor

THE MARKET OF CARBON UNITS IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF CARBON NEUTRALITY FINANCING

Abstract:

The article examines the carbon unit market as an important component of the sustainable development concept. It identifies the motivating factors for increasing demand for various types of sustainable financial instruments in the Russian financial market. The article also explores the factors of synergistic interaction between traditional and new business development concepts, which form the foundation of the modern sustainable finance concept. The article provides a description of carbon units as one of the exchange-traded financial instruments for sustainable development. The potential of carbon unit emissions in the medium and long term has been revealed in the context of initiating green and adaptation projects as part of the implementation of Russia's Low-Carbon Development Strategy until 2050.

Keywords:

Sustainable finance concept, stakeholder value, four-capital model, business sustainability theory, sustainable finance instruments, carbon unit market, carbon neutrality finance, transformation of green and adaptation project portfolios.

Мировая повестка устойчивого развития требует от России соблюдения правил и стандартов в сфере ESG. В сложившихся условиях переориентации российского бизнеса на рынки Азии и Востока, введённые против России ограничения, привели к росту стоимости проектов «зелёной» энергетики.

Это требует, в будущем, непосредственного вмешательства государственных институтов в разработку финансовых механизмов поддержки ESG - проектов российских компаний за рубежом. Текущая неблагоприятная для российского корпоративного сектора макроэкономическая ситуация обуславливает необходимость уточнения целевых ориентиров устойчивого развития, актуализации реализуемых ESG-стратегий и качественной

трансформации портфелей зеленых проектов ведущих компаний приоритетных отраслей экономики.

Практика использования инструментов финансирования устойчивого развития в России показывает, что банки – это основной драйвер внедрения ESG-повестки у российских компаний. Введение ESG-метрик, углеродных налогов, штрафов за превышение уровня выброса парниковых газов приводит к тому, что российские компании испытывают процессы ESG-трансформации, в том числе и на внешних рынках

Особенностью концепции устойчивых финансов является автономность, характеризующаяся более опережающим развитием ответственного финансирования, чем реализация самих ЦУР, в том числе развития механизма торговли углеродными единицами [1; 2].

Основным мотивирующим фактором выступает увеличение инвестиционного спроса на российском финансовом рынке со стороны мелких и институциональных участников на разные типы устойчивых финансовых инструментов, что становится ключевым параметром роста их доли в инвестиционных портфелях и активизацию интереса к концепции устойчивых финансов в целом [3].

Выделяют два наиболее распространённых варианта толкования современных определений данной концепции.

Первый вариант характеризует взаимосвязь финансовой и экономической составляющей с необходимостью решения приоритетных задач экологического и социального развития.

Второй вариант обусловлен подходом к реализации принципов ESG по всем проекциям (экологической, социальной, управленческой) при принятии стратегических и тактических решений, касающихся приоритетных целей и направлений развития бизнеса в долгосрочной и среднесрочной перспективе [4; 5].

Основной причиной научного продвижения концепции устойчивых финансов является не только рост объёмов ответственного инвестирования по всему миру, включая приоритетные рынки тихо азиатского региона, за последние 10 – 15 лет, но и сложность сочетания традиционных экономических показателей и результатов с экологическими и социальными задачами при

планировании ответственных инвестиций, особенно в странах с формирующимися (неустойчивыми) рынками.

В отличие от устаревшей парадигмы устойчивых финансов, новая концепция устойчивых финансов включает следующие дополнительные элементы:

- подхода Э. Фримана к оценке стоимости компании с точки зрения агентов влияния, так называемых «стейкхолдеров» – стейкхолдерской стоимости (stakeholder value) и теории стейкхолдеров (stakeholder theory). Теория «стейкхолдерской стоимости» подразумевает заинтересованность сотрудников, клиентов, поставщиков и прочих участников в создании ценности добавленной стоимости продукции и услуг вместо максимизации прибыли;

- модели «четырёх (типов) капитала», сформулированной П. Экинсом. Модель или концепция «четырёх капиталов» помимо традиционной финансовой составляющей включает физический капитал (активы и инфраструктура), интеллектуальный (знания, патенты и бренд), человеческий (мотивация, навыки и здоровье), а также природные факторы (ресурсы, экосистемы и климат);

- теории устойчивого развития бизнеса Дж. Элкингтона или модели «тройной нижней линии» (triple bottom line). Теория «тройной нижней линии» производит оценку компании не только по финансовым показателям, но и по вкладу в человеческий капитал (социальная поддержка и ответственность сотрудников), планету (минимизация вреда окружающей среде), прибыль.

Обновлённая теория устойчивых финансов основывается не только на получении финансовой прибыли для акционеров и повышении стоимости в корпоративном секторе, но и на активном внедрении в бизнес-модель ESG-принципов по всем аспектам устойчивого развития (социальным, экологическим, управленческим). Синергетическое взаимодействие традиционных и новых концепций бизнес-развития становится фундаментом современной теории устойчивых финансов в контексте следующих основных факторов:

- объединении нефинансовых и финансовых подходов, реализуемых частными и институциональными инвесторами, воплощаемых в бизнес-моделях и корпоративных стратегиях;

- новое видение финансовых активов, финансовых инструментов на фондовом и долговом рынках [6];
- ориентация на долгосрочные инвестиции, долговые инструменты с длинной дюрацией и формирование долгосрочной устойчивой корпоративной стоимости;
- трансформация понятия эффективности рынков в контексте устойчивого развития.

В последнее время, экспертное бизнес – сообщество в консалтинге отмечает, что инвестиционный опыт освоения митигации (сокращение выбросов углекислого газа) по – прежнему пользуется большей популярностью, в то время как ситуация с адаптацией к изменениям климата является более рискованной, так как допускает в своей модели пересечение прямых и косвенных эффектов. Сравнивая два подхода, при финансировании митигации наибольшее количество денежных средств вливается в проекты углеродоёмкой отрасли, в то время как при использовании концепции адаптации происходит комплексное финансирование отраслей проектов устойчивого развития (зеленых, социальных, адаптационных).

В рамках сформированной международными институтами, такими как Совет по глобальным стандартам устойчивого развития, одной из рабочих групп, деятельность которой напрямую связана с важнейшим аспектом «Модернизация глобальной инициативы в сфере построения корпоративной отчетности», была подготовлена программа адаптации. Данная программа помимо адаптационных мероприятий, предполагает достижение целевых ориентиров по снижению уровня выбросов парниковых газов, развитие механизма углеродного кредитования, активизацию процесса разработки и имплементации инструментария, направленного на нейтрализацию негативных последствий климатических изменений в том числе за пределами глобальных цепочек ценности / движения корпоративных товаров и услуг.

Реализация мероприятий, предусмотренных данной программой, будет стимулировать в процессе подготовки корпоративной отчетности к повышению прозрачности и публичному раскрытию информации, касающейся направления и степени влияния деятельности компаний на климатическую ситуацию в регионах присутствия.

Появление новых программных документов в рамках реализации

международных инициатив перехода к зеленому экономическому росту и концепции формирования устойчивого финансового сектора придет к дальнейшей дифференциации услуг финансового рынка, повышению на нем доли устойчивых финансовых инструментов путем дальнейшей стандартизации норм и практик зеленого финансирования и ответственного инвестирования.

Вышеперечисленные тренды формируют комплекс объективных предпосылок для увеличения выпуска и обращения на финансовых рынках различных финансовых инструментов зеленого финансирования и ответственного инвестирования.

В рамках стимулирования активности финансового рынка устойчивого развития автор предлагает к рассмотрению углеродные единицы.

Выпуск углеродных единиц является ещё одним биржевым финансовым инструментом долевого устойчивого инвестирования [1]. Участники рынка имеют права, связанные с регистрацией различного рода зеленых проектов в сфере климатического развития, продуцировать углеродные единицы, инициировать и осуществлять, связанные с углеродными единицами, сделки по их купле / продаже¹.

Отправной точкой функционирования торговли углеродными единицами в Российской Федерации можно считать начало действия соответствующего реестра с 1 сентября 2022 года, который на текущий момент насчитывает 48 зарегистрированных климатических проектов разнопрофильных компаний. При этом, в 2026 г., 100,2 млн углеродных ед. планируется к выпуску, 36,5 млн углеродных ед. находится в обращении и 165,6 тыс. углеродных ед. зачтено в целях углеродного следа.²

Углеродная единица – масса выпущенных парниковых газов в атмосферу, что равна 1 тонне углекислого газа. А под климатическими проектами традиционно подразумевается комплекс мероприятий, нацеленных на уменьшение выбросов парниковых газов. К такого рода проектам относятся программы устойчивого развития.

Согласно публикуемой статистике Реестра углеродных единиц, потенциал выпуска углеродных единиц в среднесрочной и долгосрочной перспективе будет оставаться высоким, но будет требовать развития необходимой инфраструктуры.

¹ <https://carbonreg.ru/ru/news/1-sentyabrya-2022-v-rossii-zapustilsya-reestr-uglerodnykh-edinic/>

² <https://carbonreg.ru/ru/>

Приоритетными направлениями являются зеленые и адаптационные проекты по лесоразведению, устойчивому лесопользованию и возобновляемой энергетике в рамках реализации Стратегии низкоуглеродного развития России до 2050 года. Наиболее крупные проекты устойчивого развития, выявленные на основе контент-анализа, приведены в табл. 1.

Таблица 1 – Лидирующие российские климатические проекты устойчивого развития, предполагающие выпуск углеродных единиц, период реализации 2018-2033 гг.

№	Оператор инициатор проекта устойчивого развития	Содержание (краткая характеристика) проекта	Количество углеродных единиц, предусмотренных к выпуску	Период реализации проекта
1	АО «ДЕЛФИН ГРУП»	Снижение уровня выбросов парниковых газов за счёт разработки и внедрения экологической технологии регенерации отработанного смазочного масла	6,2 млн	2022 – 2031 гг.
2	ПАО «НИЖНЕКАМСК - НЕФТЕХИМ»	Энергоэффективная реорганизация и модернизация инфраструктурных объектов на основе использования передового ПО и оптимизации технологических и бизнес-процессов	5,6 млн	2022 – 2032 гг.
3	АО «РУСАЛ КРАСНОЯРСК»	Переход к авиационным охранам мероприятиям противопожарной опасности лесных массивов на Авиационная охрана Нижне - Енисейского лесничества	5,2 млн	2019 - 2033 гг.
4	ООО «ГАЗПРОМ МКС»	Использование мобильных компрессорных станций для ликвидации выбросов парниковых газов	49,9 млн	2019 – 2029 гг.
5	АО «ПОЛЮС КРАСНОЯРСК»	Использование для корпоративных нужд устойчивых энергоисточников в части замещения выработки электроэнергии от угольных и нефтяных электростанций	4,1 млн	2018 – 2028 гг.

Источник: составлено авторами на основе открытых данных на корпоративных сайтах российских компаний

Российский рынок углеродных единиц находится в стадии формирования, однако уже функционируют нормы Налогового кодекса, предусматривающие освобождение от НДС операций с углеродным следом, получаемым по результатам реализации проектов в рамках актуальной климатической повестки.

В совокупности, по прогнозным оценкам Минэкономразвития России, это позволит существенным образом сократить издержки участников рынка.

Наибольшим потенциалом обладают зеленые и адаптационные проекты по устойчивому лесопользованию и техническому оснащению поддержки¹. Горизонт планирования достижения первых результатов подобных климатических проектов составляет порядка 10 лет. При этом, крупные энергохолдинги, такие как ООО «ГАЗПРОМ МКС» располагают достаточными мощностями для выпуска порядка 50 млн тонн CO₂.

По мнению большинства отраслевых экспертов, РУСАЛ, действуя в рамках выполнения условий Парижского соглашения по охране лесов от пожаров, аккумулирует на своем балансе более 85% углеродных единиц от всего российского рынка. Это свидетельствует о стремлении крупных компаний снизить антропогенную нагрузку на климат и стимулировать развитие защиты климата в России. Более того, предприятие ООО «ГАЗПРОМ МКС» в период до 2030 года планирует выпустить около 50 млн углеродных единиц, а компания «СИБУР» уже в 2024 году располагала в активе баланса 3,3 млн единиц и прогнозирует получить дополнительные 10,8 млн тонн в течение последующих 10 лет (2025-2035 гг.)². За последние 2 года (в период 2024-2025 гг.) Компания также реализовала 15 сделок купли – продажи углеродных единиц, чтобы погасить углеродный след своей основной деятельности.

Выпуск и оборот углеродных единиц даёт возможность флагманским российским компаниям приоритетных отраслей и секторов экономики применять адаптивную теорию устойчивых финансов к своей стратегии развития, а также регулировать издержки производства с целью улучшения выстроенной экосистемы устойчивого развития в процессе ESG-трансформации

¹ <https://carbonreg.ru/ru/news/operatsii-s-uglerodnimi-edinitami-ot-klimaticheskikh-proektov-osvobodyat-ot-nds/>

² <https://www.sibur.ru/ru/press-center/news-and-press/sibur-pogasit-uglerodnyy-sled-uchastiya-rossiyskoy-delegatsii-na-sor29/>

своих бизнес-моделей в рамках текущей климатической повестки.

Список источников

1. Афанасьев М.П., Шаш Н.Н. Процессы развития рынка устойчивых финансовых инструментов стран БРИКС+ (на примере России и Китая) // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2025. Т. 23. № 1. С. 36-49.
2. Брилль Г., Келл Г., Раше А. Устойчивое развитие: Навигатор по миру ESG. М.: ООО «Альпина ПРО», 2024. 658 с.
3. Шаш Н.Н., Афанасьев М.П. Финансы устойчивости: «зеленый переход» и перспективы устойчивого развития (научно-исследовательский семинар НИФИ Минфина России и НИУ ВШЭ «Модернизация государственных финансов») // Вопросы экономики. 2025. № 8. С. 147-152.
4. Afanasiev M.P., Shash N. N. New Information in Financial Disclosures Related to Sustainable Development in the Concept of ESG (Version IFRS). Studies on Russian Economic Development, 2023, Vol. 34, No. 5, pp. 696–703.
5. Boffo R., Patalano R. ESG Investing: Practices, Progress and Challenges. 2020. OECD Paris, 88p.
6. Borodin, A., Zaitsev, V., Shash, N., Chibisov, K. Features of Stimulating the Issue of Green Bonds in the Modern Economy. International Journal of Energy Economics and Policy, 2023, 13 (5), pp, 281-288.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ТУРИЗМ И РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ В РОССИИ»

УДК: 338.48:338.2

Арабаджян Инга Рубеновна

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака

специалист Центра организации научно-исследовательской работы

ВНУТРЕННИЙ ТУРИЗМ КАК НАПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация:

В статье рассматривается роль внутреннего туризма в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации и его влияние на национальную экономическую безопасность. На основе анализа статистических данных и результатов исследований выявлены основные тренды, проблемы и перспективы отрасли. Показано, что внутренний туризм выступает мультипликатором регионального роста, но его потенциал реализовывается не в полной мере. Обоснована необходимость смены парадигмы управления туристической сферой в сторону долгосрочного социально-ориентированного развития.

Ключевые слова:

Внутренний туризм, национальная экономическая безопасность, социально-экономическое развитие регионов, региональное развитие, региональная экономика, туристско-рекреационный потенциал.

UDC: 338.48:338.2

Arabadzhian Inga Rubenovna

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak

Scientific Research Work Organization Center specialist

DOMESTIC TOURISM AS A DIRECTION OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF REGIONS AND ENSURING NATIONAL ECONOMIC SECURITY

Abstract:

The article examines the role of domestic tourism in the socio-economic development of the regions of the Russian Federation and its impact on national economic security. Based on the analysis of statistical data and research results, the main trends, problems and prospects of the industry have been identified. It is shown that domestic tourism acts as a multiplier of regional growth, but its potential is not fully realized. The necessity of changing the paradigm of tourism management towards long-term socially oriented development is substantiated.

Keywords:

Domestic tourism, national economic security, socio-economic development of regions, regional development, regional economy, tourism and recreational potential.

В последние годы внутренний туризм в России приобрел особое значение, став ответом на целый ряд экономических и геополитических угроз. Закрытие границ, санкционное давление, ограничение авиасообщения и необходимость укрепления экономического суверенитета существенно изменили структуру туристского потока. Развитие внутреннего туризма представляется стратегической задачей социально-экономического и политического развития страны, роста культуры, духовности и нравственности, решения проблем демографического порядка [1]. Российская Федерация обладает большим туристско-рекреационным потенциалом, включающим разнообразие природных ландшафтом, богатое историко-культурное наследие, множество климатических зон. По данным Министерства экономического развития РФ, в 2024 году объем ВДС туристкой отрасли составил 5,33 трлн руб., что составляет 2,9% ВДС в ВВП¹. Тем не менее, долгое время туристский потенциал реализовывался лишь частично, уступая по эффективности выездному туризму, который ежегодно выводил из национальной экономики значительный объем капитала. Сложившееся положение требует переосмысления роли внутреннего туризма не просто как сектора сферы услуг, а как инструмента регионального социально-экономического развития и важного элемента в обеспечении национальной экономической безопасности. Цель статьи – изучить, каким образом внутренний туризм способен выравнивать региональные диспропорции и укреплять экономическую устойчивость государства.

¹ Туризм в России. Итоги 2024 года. // Министерство экономического развития Российской Федерации – 2025. – 116 с. – URL: https://economy.gov.ru/material/file/e0c9ed6e75a854d11b301a27834b0aba/turizm_v_rossii_itogi_2024_goda.pdf

Определим, что под экономической безопасностью понимается способность национальной экономики обеспечивать устойчивый рост, защищенность от внешних и внутренних угроз. В рамках обеспечения экономической безопасности в туристской отрасли, мы можем рассмотреть, как граждане, путешествующие внутри страны, приобретают отечественный турпродукт, сокращая спрос на зарубежные поездки и, соответственно, отток валюты за рубеж, что прямо укрепляет платежный баланс. Далее, развитие туристской инфраструктуры способствует продовольственной безопасности, поскольку стимулирует местное фермерство и пищевую переработку для нужд гостинично-ресторанного сектора. Немаловажно и то, что качественная среда для жизни и отдыха закрепляет экономически активное население на стратегически важных территориях, включая приграничные и дальневосточные районы, что имеет прямое геостратегическое значение. Таким образом, внутренний туризм перестает быть лишь отраслью досуга, превращаясь в интегрированный элемент защиты национальных интересов.

Внутренний туризм представляем из себя мощный мультипликатор, экономический эффект от которого выходит далеко за пределы индустрии гостеприимства. Расходы туристов на проживание, питание, транспорт, развлечения и сувениры приносят прибыль отелям, ресторанам, музеям и перевозчикам. Эти организации, в свою очередь, дают возможность наращивать производство поставщикам продукции, строительным компаниям, частным предпринимателям. Средства, потраченные туристами, порождают еще большее приращение валового регионального продукта, что делает туризм одним из самых эффективных драйверов экономического роста [2].

Обратим внимание на такую важную деталь, как то, что экономическая функция туризма проявляется не только в притоке финансов, но и в перераспределении доходов в пользу регионов, специализирующихся на отдыхе. В условиях, когда разрыв между богатыми нефтегазовыми субъектами и остальными регионами продолжает расти, туризм может стать одним из немногих реальных механизмов выравнивания.

На региональном уровне мультипликативный эффект туризма приобретает особую ценность благодаря его способности сглаживать территориальные диспропорции. Внутренний туризм, опираясь на уникальные природные и культурные ресурсы, способен создавать новые точки роста без масштабных

капиталовложений в тяжелую промышленность. Стратегия развития туризма до 2035 года предполагает комплексное обустройство территорий, при котором туристский поток стимулирует развитие транспорта, энергетики, связи, жилищного строительства и сферы бытовых услуг¹. При данном подходе туризм не только диверсифицирует региональную экономику, но и удерживает население в родных малых городах и селах. Но этим роль отрасли не ограничивается, ведь она напрямую воздействует на человеческий капитал территорий. Развитие туризма создает не просто рабочие места, а среду, которая удерживает молодежь от переезда в мегаполисы. Развитая туристская инфраструктура повышает индекс человеческого развития территории, способствуя росту не только доходов, но и уровня образования, культурного обмена. В контексте национальной безопасности это означает формирование более качественного, мобильно настроенного и ориентированного на развитие внутри страны человеческого потенциала, являющегося фундаментом устойчивости государства.

Практическая реализация потенциала внутреннего туризма в региональном развитии наиболее наглядно проявляется в инфраструктурном обустройстве территорий. Приток туристов формирует устойчивый спрос на качественные дороги, аэропорты, инженерные сети и цифровую связь, что напрямую улучшает условия жизни местного населения [3]. Федеральные инструменты поддержки обеспечивают льготное кредитование строительства гостиниц, выделение субсидий на создание обеспечивающей инфраструктуры и развитие особых экономических зон туристско-рекреационного типа. Объем платных туристских услуг стабильно увеличивается, как и число занятых в отрасли, причем часть новых рабочих мест создается в малых городах и сельской местности, где альтернативы занятости зачастую отсутствуют [4].

Социальные эффекты развития туризма не менее значимы, чем экономические. Для открытия небольшого гостевого дома, кафе или сувенирной мастерской не требуется крупных инвестиций, что способствует развитию малого и среднего бизнеса. Кроме того, туризм дает мощный импульс самозанятости: частные гиды, мастера народных художественных промыслов,

¹ Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 N 2129-р (ред. от 29.05.2025) «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-20092019-n-2129-r/> (дата обращения: 25.02.2026)

производители фермерских продуктов получают стабильный рынок сбыта и мотивацию, регистрируя свой статус. Нельзя и не отметить, что происходит популяризация традиционных ремесел и промыслов. Можно сделать вывод, что происходит повышение доходов населения, расширение налоговой базы региональных бюджетов, а экономика впечатлений монетизирует культурный код территории, превращая историю, фольклор и гастрономию в рыночный продукт.

Стоит также упомянуть, что развивается и экологический аспект. Концепция устойчивого развития туризма предполагает достижение баланса между экономическими результатами туристской деятельности и необходимостью сохранения природного и культурного наследия. При эффективной организации туристской сферы поступления от туристов могут служить важным источником финансирования особо охраняемых природных территорий, объектов историко-культурного значения и мероприятий по охране окружающей среды. Одновременно с этим расширение практик экологического туризма способствует формированию экологически ответственного поведения как среди населения, так и среди представителей бизнеса, создавая дополнительные экономические стимулы для рационального использования природных ресурсов.

Существенное значение имеет также влияние туризма на технологическое развитие территорий. Рост внутреннего туристского спроса способствует расширению рынка отечественных цифровых решений, включая сервисы бронирования, навигационные платформы, геоинформационные системы и технологии управления городской инфраструктурой. В процессе формирования «умных» туристских дестинаций регионы внедряют современные инструменты регулирования туристских потоков, цифровые платежные сервисы, технологии интернета вещей, а также решения, направленные на повышение энергоэффективности и уровня безопасности. Практика показывает, что подобные технологические разработки впоследствии могут применяться и в других сферах городской жизни, способствуя совершенствованию транспортного комплекса и системы жилищно-коммунального хозяйства. В результате туристская отрасль становится одним из факторов развития отечественных информационных технологий и укрепления независимости критически важной цифровой инфраструктуры.

Следовательно, внутренний туризм в современных условиях выходит за рамки исключительно рекреационной деятельности и приобретает стратегическое значение для социально-экономического развития страны. На региональном уровне его влияние проявляется в увеличении валового регионального продукта, расширении занятости населения, диверсификации структуры экономики и сохранении человеческого потенциала. На общегосударственном уровне развитие внутреннего туризма способствует снижению зависимости от импорта, ограничению оттока финансовых ресурсов за рубеж, укреплению устойчивости финансовой системы и стимулированию внедрения отечественных технологических решений. Реализация указанных возможностей требует перехода от количественного наращивания туристских потоков к повышению качества туристского продукта, обеспечению круглогодичного спроса и достижению долгосрочной устойчивости развития отрасли. В этих условиях создание комфортной и доступной среды для путешествий внутри страны становится важным направлением укрепления экономического суверенитета, а устойчивое развитие регионов выступает одним из ключевых условий обеспечения национальной безопасности.

Список источников

1. Делия В. П. Развитие внутреннего туризма – драйвер социально-экономического роста страны и регионов / В. П. Делия, И. П. Кульгачев // Вестник Академии права и управления. – 2021. – № 4(65). – С. 116-121. – DOI 10.47629/2074-9201_2021_4_116_121. – EDN DSEJVR.
2. Элипханов М. У. Значение внутреннего туризма для развития региональной экономики / М. У. Элипханов, Д. В. Басиев // Актуальные проблемы совершенствования системы непрерывного физкультурного образования: Материалы IV международной научно-практической конференции, Грозный, 24 сентября 2020 года. – Грозный: Чеченский государственный педагогический университет, 2020. – С. 365-370. – EDN DZYUZR.
3. Аргун Г. Р. Туристическая отрасль как драйвер развития регионов России / Г. Р. Аргун // Управленческий учет. – 2024. – № 1. – С. 273-280. – DOI 10.25806/uu12024273-280. – EDN MDXBCV.
4. Коломыца В. А. Туристическая отрасль как важный фактор экономики регионов России / В. А. Коломыца, Е. С. Деменкова // Экономические и социальные проблемы регионального развития в современных условиях: Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Курск, 06 февраля 2025 года. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2025. – С. 297-301. – EDN NGLBMW.

5. Моровова, И. М. Развитие внутреннего туризма как фактор обеспечения экономической безопасности региона / И. М. Моровова // На страже экономики. – 2025. – № 3(34). – С. 27-38. – EDN ZBBNYJ.

УДК: 004.8 : 338.48

Балев Никола Николаев

Российская Федерация, Москва

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

специалист отдела молодежной научной политики научного управления

РУДН

Зевеке Ольга Юрьевна

Российская Федерация, Москва

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

заместитель директора по стратегическим планам в сфере туризма и
сервиса ВШУ РУДН

кандидат экономических наук, доцент

ЦИФРОВЫЕ ТУРИСТСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИНДУСТРИИ ЭКОНОМИКИ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

Аннотация:

Исследование анализирует роль цифровых технологий в экономике впечатлений туризма. Цель – изучить создание ценности через эмоциональный опыт. Методология системного анализа показала трансформацию сферы услуг в сферу переживаний. Выявлено повышение лояльности и готовности платить за впечатления. Перспективы в персонализации и инновациях.

Ключевые слова:

Цифровые платформы, экономика впечатлений, сфера туризма, бизнес-процессы, эмоциональный опыт.

UDC: 004.8 : 338.48

Balev Nikola Nikolaev

Russian Federation, Moscow

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Specialist of the Department of Youth Scientific Policy of the RUDN University
Scientific Administration

Zeveke Olga Yurievna

Russian Federation, Moscow

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Deputy Director for Strategic Plans in the Field of Tourism and Service at the
Higher School of Economics, RUDN University
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

DIGITAL TOURISM TECHNOLOGIES IN THE EXPERIENCE ECONOMY INDUSTRY

Abstract:

The study analyzes the role of digital technologies in the economy of tourism impressions. The goal is to explore value creation through emotional experience. The methodology of system analysis has shown the transformation of the service sector into the sphere of experiences. An increase in loyalty and willingness to pay for impressions has been revealed. Perspectives in personalization and innovation.

Keywords:

Digital platforms, the economy of impressions, tourism, business processes, emotional experience.

Концепция экономики впечатлений (Experience Economy) представляет собой качественно новый этап в эволюции экономических отношений, который пришёл на смену экономике товаров, услуг и, в определённой степени, информации. Её суть заключается в том, что потребитель готов платить не просто за продукт или услугу, а за комплексный эмоциональный опыт, который он получает в процессе их потребления.

Экономика впечатлений в туризме – это модель создания ценности, где основной продукт – не услуга, а эмоции и переживания гостя. [4] Разберём ключевые элементы её построения, описанные в рис.1.

Ключевые элементы экономики впечатлений

Рисунок 1 – Ключевые элементы экономики впечатлений

Источник: *составлено автором*

Экономика впечатлений в туризме строится на системном подходе – от диагностики и сегментации до измерения результатов. Ключевое – не отдельные «вау-эффекты», а продуманная последовательность эмоциональных моментов, создающих целостную историю путешествия. Успех достигается, когда каждое касание с брендом вызывает эмоцию, а весь опыт гостя превращается в запоминающуюся историю, за которую он готов платить и которую хочет повторить.

Для формирования впечатлений компании применяют разнообразные инструменты [3]. Сценирование превращает процесс предоставления услуги в спектакль, где каждый элемент имеет свою роль – например, тематический отель может воссоздать атмосферу определённого исторического периода. Сторителлинг делает впечатления более глубокими и осмысленными: экскурсии с увлекательными рассказами о местах запоминаются лучше, чем сухие факты. Сенсорное воздействие усиливает эффект за счёт задействования всех органов чувств – в ресторане это может быть сочетание визуальной подачи блюд, ароматов, фоновой музыки и тактильных ощущений от посуды. Современный турист, это человек, который не хочет платить только за то, что его подведут к объекту и прочитают статью из Википедии, но большая часть целевой аудитории готова заплатить, в том числе, за цифровые носители, формирующие чувства

сопричастности и «активного» погружения в экскурсионные программы – будь то квесты, иммерсионные шоу, игровые туристские маршруты. Причем такие разработки не обязательно должны быть дешевыми, они могут быть гораздо дороже традиционных форматов. Креативные подходы пропитывают экономику впечатлений [5]. Можно предложить несколько, уже сложившихся трендов в этом векторе:

- Усиление материальной сферы эмоциями. Это не новость, это уже используется в ресторанной сфере, гости платят не за блюда, а эффектную подачу, за атмосферу. Это надо использовать в других сегментах сервисной экономики и в цифровом формате.
- Персонализированные и нишевые предложения. Ощущение уникальности - товар «только для тебя».
- Товарный избыток (overchoice syndrome) заставляет бренды бороться не за кошелёк, а за секунды внимания.

Целевая аудитория постоянно черпает информацию из цифрового пространства, начиная с пост ковидного периода происходит изменение ментальности потребителей в сторону цифровой трансформации сервисных услуг в целом и досуга, в частности. Но и цифровые продукты, также должны проходить все стадии завоевания внимания и адаптации к потребностям потребителей.

В целом, к формированию узнаваемости бренда цифровой туристской платформы следует подходить как к комплексному процессу, который выстраивается поэтапно. Разберём каждый этап с конкретными механизмами реализации (в рис. 2). Этапы формирования элементов бренда цифровой туристской платформы.

Рисунок 2 – Этапы формирования элементов бренда цифровой туристской платформы

Источник: *составлено автором*

Дальше рассмотрели элементы формирования бренда цифровой туристской платформы, описанные в таблицы 1.

Таблица 1 – Элементы формирования бренда цифровой туристской платформы

Элемент	Механизмы реализации
Анализ конкурентов	выявление прямых и косвенных конкурентов, оценка их сильных и слабых сторон, изучение позиционирования, УТП, ценовой политики, анализ пользовательского опыта (UX/UI) и функционала
Сегментация аудитории	демографические параметры (возраст, доход, география), поведенческие факторы (частота путешествий, предпочитаемые направления), психографические характеристики (мотивы путешествий, ценности)
Выявление потребностей и ожиданий	опросы и интервью с потенциальными пользователями, фокус-группы для тестирования концепций, анализ поисковых запросов и тематических форумов, мониторинг отзывов на существующих платформах
Создание фундаментальной основы бренда	определение миссии и ценностей: формулировка смысла существования, платформы, её вклада в индустрию и жизнь пользователей, формирование уникального торгового предложения (УТП)
Создание визуальной идентичности	разработка логотипа и фирменного стиля, подбор цветовой палитры и шрифтов, создание брендбука с правилами использования элементов.
Создание интуитивно эмоционально интерфейса	разработка коммуникационного стиля, исследование пользовательских сценариев, прототипирование, дизайн интерфейса (UI): Оптимизация точек, контакта: обеспечение

	бесшовного перехода между этапами взаимодействия, сайт → мобильное приложение → чат-поддержка, поиск → выбор → бронирование → оплата → подтверждение
Внедрение персонализации	рекомендации на основе истории поисков, сохранение избранных вариантов, настройка уведомлений по интересам, визуализация прототипов с учётом брендбука и UX-принципов
План продвижения бренда	Выбор каналов продвижения, SEO-оптимизация сайта, контекстная и таргетированная реклама, SMM (социальные сети), email-маркетинг, партнёрские программы с блогерами и СМИ
Контент-маркетинг	блог о путешествиях с практическими советами, видеогиды и обзоры направлений, тематические подборки («Куда поехать с детьми», «Бюджетные выходные»), пользовательский контент (отзывы, фотоотчёты)
Партнёрства	сотрудничество с туроператорами и отелями, интеграция с платёжными системами и банками, совместные акции с авиакомпаниями и сервисами аренды авто
PR-активности	пресс-релизы о запуске и обновлениях, участие в туристических выставках, экспертные комментарии в СМИ
Бета-тестирование	привлечение фокус-группы (50–100 пользователей), тестирование основных сценариев (поиск, бронирование, оплата), сбор обратной связи через анкеты и интервью
Сбор обратной связи	встроенные опросы на платформе, рейтинги и оценки функционала, мониторинг социальных сетей и тематических форумов
Корректировка	исправление технических ошибок, оптимизация UX/UI на основе данных, доработка контента и коммуникаций
Расширение ассортимента услуг	добавление новых категорий (глэмпинги, агротуризм), запуск эксклюзивных предложений, внедрение дополнительных сервисов (страхование, трансферы)
Программы лояльности	накопительные баллы за бронирования, многоуровневые статусы с привилегиями, реферальные программы.
Отслеживание KPI	конверсия в бронирование (CR), стоимость привлечения клиента (CAC), пожизненная ценность клиента (LTV), индекс потребительской лояльности (NPS), удержание пользователей (Retention)
Регулярный аудит пользовательского опыта	А/В-тестирование элементов интерфейса, юзабилити-исследования, анализ тепловых карт (Hotjar, Crazy Egg)
Адаптация к изменениям рынка	мониторинг трендов в туризме и технологиях, обновление стратегии на основе данных аналитики, реагирование на обратную связь пользователей

Таким образом, делаем вывод, что для эффективного формирования бренда цифровой туристской платформы критически важны:

- согласованность всех элементов бренда (от логотипа до тональности общения);
- ориентация на пользователя – приоритет удобства и ценности для клиента;

- гибкость – способность быстро адаптироваться к изменениям;
- технологичность – использование современных инструментов и решений;
- эмоциональная связь – создание позитивных ассоциаций и впечатлений.

Бизнес-процесс формирования бренда – это не разовое мероприятие, а непрерывный цикл исследований, разработок, тестирований и улучшений. Успешный бренд цифровой туристской платформы строится на глубоком понимании потребностей аудитории, чётком позиционировании и постоянном совершенствовании пользовательского опыта, что в конечном итоге способствует росту лояльности клиентов и укреплению рыночных позиций.

Цифровые туристические платформы стали ключевым элементом экономики впечатлений и драйвером трансформации всей туристической отрасли. Из простых инструментов бронирования они превратились в комплексные экосистемы, формирующие целостный опыт путешественника на всех этапах – от планирования до постпоездочных коммуникаций.

В основе современного туристического опыта лежит персонализация. [5]. Благодаря применению искусственного интеллекта, анализу больших данных и рекомендательным системам платформы способны:

- точно адаптировать предложения под интересы конкретного пользователя;
- прогнозировать потребности на основе анализа поведения;
- применять динамическое ценообразование с учётом индивидуальных предпочтений;
- создавать тематические маршруты и пакеты услуг.

Современные технологии играют ключевую роль в обогащении туристического опыта [1]. Виртуальная и дополненная реальность (VR/AR) позволяют «примерить» путешествие ещё до его начала, а на месте предоставляют интерактивные гиды и квесты, делая знакомство с достопримечательностями более увлекательным. Сегодня путешественники всё чаще управляют поездкой через мобильные приложения: те дают доступ к цифровым ключам, QR-кодам и картам, работающим без интернета. Благодаря этому логистика становится заметно проще и быстрее. Круглосуточную помощь обеспечивают чат-боты и голосовые ассистенты – они отвечают моментально и

не требуют ожидания оператора. А технологии будущего вроде метавселенных и биометрии меняют сам подход к взаимодействию туриста с сервисами: можно заранее «побывать» в отеле или осмотреть достопримечательности, ещё находясь дома.

Отдельного внимания заслуживает локальная составляющая. Именно она делает впечатления по-настоящему живыми и аутентичными. Платформы помогают туристам выходить на местных гидов, ремесленников и фермеров, поддерживают малый бизнес и уникальные форматы отдыха, популяризируют малоизвестные направления и вовлекают путешественников в культурные и экологические инициативы.

Благодаря этому путешественники получают подлинный опыт, который по эмоциональной ценности превосходит стандартные туристические пакеты и позволяет глубже прочувствовать атмосферу места.

Интерактивность и вовлечённость туристов дополнительно повышают ценность впечатлений. Механизмы геймификации, пользовательского контента и социальных коммуникаций превращают путешествие из пассивного потребления услуг в активное участие. Туристы становятся соавторами маршрутов, делятся опытом через отзывы, фото и видео, участвуют в квестах и программах достижений, находят попутчиков и формируют сообщества. Такой подход не только усиливает эмоциональную связь с брендом платформы, но и превращает полученные впечатления в часть социальной идентичности путешественника – истории, которыми хочется делиться и которые формируют новые социальные связи.

Экономические эффекты от внедрения этих подходов носят системный характер:

- растёт добавленная стоимость услуг за счёт персонализации и эксклюзивности предложений;
- повышается лояльность клиентов благодаря программам лояльности и постпоездочным коммуникациям;
- оптимизируются бизнес-процессы через автоматизацию и аналитику;
- снижаются барьеры входа для новых путешественников;
- стимулируется развитие регионов за счёт продвижения малых городов и локального туризма.

Российский рынок успешно адаптирует глобальные тренды с учётом национальной специфики. Они уже не просто переводят интерфейс на русский. Они встраиваются в нашу реальность: принимают карты «Мир», работают через СБП, подсказывают маршруты по России и учитывают, что в Сочи и в Мурманске туристы хотят совершенно разного. Сезонность, местный колорит, привычки людей – всё это теперь не дополнение, а основа, на которой строятся продукты. Мы уходим от глобализации к аутентичности территорий и услуг.

Но проблем хватает. Импортные технологии уходят – надо что-то своё, надёжное. Данные пользователей текут в разные стороны, и непонятно, кто и как их охраняет. В маленьких городах и посёлках интернет есть не везде, а инфраструктура оставляет желать лучшего. И качество услуг – оно прыгает от восторга до разочарования, потому что единых стандартов никто толком не ввёл.

Что будет дальше? Скорее всего, нас ждёт ещё более умная персонализация. Искусственный интеллект научится предугадывать желания почти безошибочно. Дополненная реальность и виртуальные миры перестанут быть игрушками и станут рабочими инструментами для туризма. Банковские приложения, «Госуслуги», билеты на поезд – всё это срастётся в одну экосистему, где не нужно прыгать между десятком сайтов. И отдельная тема – устойчивый туризм. Не ради моды, а потому что люди действительно хотят путешествовать осознанно, не вредить природе и помогать местным жителям, а не безликим сетям.

Если подумать, то главное, что происходит сейчас, – это смена самой сути туризма. Раньше поездка была набором услуг: билет, отель, экскурсия. Сегодня это про впечатления, про эмоции, про истории, которые остаются с путешественниками. Платформы перестают быть просто посредниками, они становятся сценаристами путешествий. И чем лучше они понимают человека, тем выше шанс, что он вернётся, не в приложение, а в ту самую страну, регион или город, который его эмоционально затронул, но срежиссировал это ИИ.

Список источников

1. Рей, И. Ю. Зарубежный опыт и направления инновационного туризма / И. Ю. Рей, М. А. Эскиев, И. В. Ярдякова // Журнал монетарной экономики и менеджмента. – 2023. – № 2. – С. 14-21. – DOI 10.47576/2782-4586_2023_2_14. – EDN BNACDS. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-i-napravleniya-innovatsionnogo-turizma>

2. Туменова, С. А. Инновационная динамика индустрии туризма: тенденции, ориентиры, механизмы / С. А. Туменова // Вопросы инновационной экономики. – 2024. – Т. 14, № 1. – С. 291-306. – DOI 10.18334/vines.14.1.120644. – EDN NKWAON. URL: <https://1economic.ru/lib/120644>
3. Хаванова, Н. В. Использование инструментария маркетинга впечатлений в индустрии туризма / Н. В. Хаванова, Т. М. Кривошеева, В. М. Осокин // Сервис в России и за рубежом. – 2014. – № 3(50). – С. 3-14. – DOI 10.12737/4092. – EDN SEAFGV. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-instrumentariya-marketinga-vpechatleniy-v-industrii-turizma>
4. Христофорова, И. В. Экономика впечатлений в России: тенденции развития, методологические основы и инструменты поддержки / И. В. Христофорова, Л. И. Черникова, Е. А. Эльканова // Сервис в России и за рубежом. – 2023. – Т. 17, № 3(105). – С. 31-47. – DOI 10.5281/zenodo.8105978. – EDN EWOMNX. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-vpechatleniy-v-rossii-tendentsii-razvitiya-metodologicheskie-osnovy-i-instrumenty-podderzhki>
5. Щурина, С. В. Экономика впечатлений как способ реагирования на вызовы современного мира / С. В. Щурина // Экономика. Налоги. Право. – 2022. – Т. 15, № 2. – С. 25-37. – DOI 10.26794/1999-849X-2022-15-2-25-37. – EDN RNDRQM. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-vpechatleniy-kak-sposob-reagirovaniya-na-vyzovy-sovremennogo-mira>

УДК: 338.48:339.9

Бобкова Анна Казимировна

Республика Беларусь, Новополоцк

Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой
аспирант

Шарафанова Елена Евгеньевна – научный руководитель

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака

профессор кафедры экономики, управления и предпринимательства

доктор экономических наук, профессор

ТРАНСГРАНИЧНЫЙ ПРОМЫШЛЕННЫЙ ТУРИЗМ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация:

Обоснован трансграничный промышленный туризм как инструмент экономической интеграции России и Беларуси; выявлены барьеры его развития. На основе сравнительного и системного анализа предложены меры координации, стандартизации и продвижения совместных маршрутов.

Ключевые слова:

Промышленный туризм, Союзное государство, экономическая интеграция, трансграничное сотрудничество, региональное развитие.

UDC: 338.48:339.9

Bobkova Anna Kazimirovna

Republic of Belarus, Novopolotsk

Euphrosyne of Polotsk State University

Postgraduate Student

Sharafanova Elena Evgenevna – scientific supervisor

Russian Federation, Saint Petersburg

International Banking Institute named after Anatoly Sobchak

Professor of the Department of Economics, Management and Entrepreneurship

Doctor of Economic Sciences, Professor

CROSS-BORDER INDUSTRIAL TOURISM AS A FACTOR OF ECONOMIC INTEGRATION OF THE UNION STATE COUNTRIES

Abstract:

Cross-border industrial tourism is substantiated as a tool for the economic integration of Russia and Belarus; key development barriers are identified. Based on comparative and system analysis, measures for the coordination, standardization and promotion of joint routes are proposed.

Keywords:

Industrial tourism, Union State, economic integration, transboundary cooperation, regional development.

Введение

В современных условиях усиления интеграционных процессов между Российской Федерацией и Республикой Беларусь особую актуальность приобретает развитие совместных проектов в сфере туризма. Туризм рассматривается как важный фактор социально-экономического развития территорий, способствующий росту занятости, развитию малого и среднего бизнеса и увеличению доходов региональных бюджетов. В рамках Союзного государства туризм выполняет не только сервисную, но и связующую функцию: через совместные маршруты формируются повторяемые межрегиональные взаимодействия бизнеса и органов управления, повышается “видимость” интеграции для местных сообществ и предпринимателей.

Одним из наиболее перспективных направлений является промышленный туризм. Данный вид туризма предполагает посещение действующих предприятий, объектов индустриального наследия, технопарков и производственных комплексов. Промышленный туризм способствует популяризации национальных брендов, формированию положительного имиджа территорий и развитию новых туристских продуктов. В приграничных регионах этот эффект усиливается за счёт транзитности и плотных хозяйственных связей, что делает актуальным анализ именно трансграничных маршрутов.

Особое значение развитие промышленного туризма приобретает в рамках Союзного государства России и Беларуси. Приграничные регионы двух стран обладают значительным промышленным потенциалом, развитой транспортной инфраструктурой и исторически сложившимися экономическими связями. В российско-белорусском приграничье туризм рассматривается как ресурс

развития и одновременно как инструмент укрепления туристских связей в рамках Союзного государства. Показано, что российско-белорусское приграничье представляет собой «трансграничный регион», в рамках которого формируется «особая трансграничная туристско-рекреационная система», а выгодное географическое положение описывается через «транзитность, периферийность и межстоличность» [1, с. 116]. Трансграничный промышленный туризм целесообразно трактовать как «интеграцию через практику»: совместный маршрут формирует повторяемые экономические связи (предприятия-туроператоры - транспорт - размещение - сервисы), а также повышает видимость интеграции для местных сообществ. При этом дефицит информационного сопровождения и слабая вовлечённость региональных акторов могут снижать эффект интеграционных инициатив [2, с. 25–26]. В отличие от многих видов туризма промышленный туризм напрямую связан с реальным сектором: он вовлекает предприятия в туристскую экономику и создаёт эффекты, которые выходят за пределы гостеприимства (имидж, кадры, кооперация, инвестиционные контакты).

Цель статьи - обосновать трансграничный промышленный туризм как инструмент экономической интеграции и предложить управленческие меры для его развития в приграничных регионах России и Беларуси. Объект - трансграничные промышленные маршруты и участники их формирования (предприятия, туроператоры, органы управления). Результатом является структурирование барьеров и пакет решений (стандарты, цифровая платформа, кластерные маршруты, меры поддержки).

Свод выводов литературы (основание подхода)

Промышленный туризм является одним из перспективных направлений развития современной туристской индустрии. В работах по промышленному туризму подчёркивается его роль в диверсификации региональной экономики и формировании мультипликативных эффектов. Указывается, что «брендируемость региона... является ключевым фактором активизации промышленного туризма», а сам промышленный туризм способствует формированию мультипликативного эффекта [3, с. 330]. Промышленный туризм также описывается как фактор межкультурной и социально-экономической интеграции, что расширяет интерпретацию его эффектов за пределы узкоотраслевых задач [4, с. 182–185].

Сопоставление потенциала РФ и РБ (условия для трансграничного продукта)

Для сопоставления условий развития промышленного туризма в России и Беларуси выделены ключевые показатели отрасли и инфраструктуры (табл. 1).

Таблица 1 – Сравнительный анализ потенциала промышленного туризма России и Беларуси.

Показатель	Российская Федерация	Республика Беларусь
Потенциал по регионам	18 /30 регионов	6 областей + г. Минск
Количество предприятий, принимающих туристов	Более 500	Около 150
Ключевые отрасли	ВПК, автопром, добывающая промышленность	Машиностроение, пищевая промышленность, IT
Нормативная база развития туризма	Нацпроект «Туризм и индустрия гостеприимства»	Госпрограмма «Туризм и гостеприимство» на 2021–2025 гг.
Транспортная доступность	Варьируется по регионам	Компактная территория
Наличие трансграничных маршрутов	Единичные случаи	Отсутствуют

Источник: составлено автором по данным [3], [5]

Данные таблицы 1 показывают асимметрию: при наличии значимой промышленной базы и предприятий, готовых принимать посетителей, трансграничный формат практически не институционализирован. Следовательно, проблема заключается не столько в ресурсах, сколько в координации, продуктовой упаковке и межрегиональном продвижении, что подтверждается практиками России и Беларуси.

В Российской Федерации промышленный туризм активно развивается в ряде регионов. Экскурсии на предприятия, индустриальные музеи и тематические маршруты становятся популярными как среди внутренних, так и иностранных туристов. Развитие промышленного туризма поддерживается государственными программами развития туризма и региональными стратегиями социально-экономического развития.

В Республике Беларусь промышленный туризм также имеет значительный потенциал. Крупные предприятия, такие как БелАЗ, МАЗ и МТЗ, уже принимают туристов и используются для продвижения национальных брендов. Такие экскурсии позволяют познакомиться с технологическими процессами производства и формируют интерес к промышленной культуре страны.

В России промышленные экскурсии становятся частью региональных туристских маршрутов, а в Беларуси крупные предприятия используют промышленный туризм для продвижения национальных брендов, что создаёт основу для формирования совместных трансграничных маршрутов [5]. Взаимные поездки между РФ и РБ демонстрируют положительную динамику, что создаёт базу спроса для расширения специализированных промышленных маршрутов (см. сноску)¹.

В таблице 2 приведён шаблон экспресс-оценки готовности маршрута по шести критериям (0/1).

Таблица 2 – Матрица готовности трансграничного маршрута «Пищевая индустрия» (0/1).

Критерий	0/1	Практический индикатор (минимум для «1»)
Доступ (логистика)		Есть согласованный маршрут «точка сбора - граница - объекты - возврат», подтверждены время в пути и «окна» посещения, предусмотрены остановки/парковки для автобуса
Безопасность и санитарные требования		Описаны зоны допуска (где можно/нельзя), организованы СИЗ/инструктаж, разведены туристский и производственный потоки, утверждён порядок фото/видео, назначен ответственный за безопасность
Интерпретация и программа посещения		Есть сценарий экскурсии (30–60 мин): «сырьё-технология - контроль качества - упаковка - логистика», предусмотрена дегустация/демонстрация, подготовлены материалы (стенд/видео/макеты)
Персонал и сервис		Назначены экскурсовод/сопровождающий от предприятия, есть график групп, прописаны роли (кто встречает, кто проводит, кто отвечает за дегустацию), есть «замена» на случай отсутствия
Инфраструктура приема		Есть зона ожидания, санузел, навигация, место для дегустации/покупок, устойчивый канал связи; группа не задерживается на проходной
Продвижение и продажа		Готова «карточка маршрута» (цена, длительность, ограничения, возраст, языки, контакты), есть календарь дат, понятен канал записи (туроператор/платформа/телефон), есть фото/описание и «сувенирный пакет»

Примечание: 1 - критерий выполнен; 0 - требуется доработка. Оценка проводится для маршрута в целом, при необходимости - отдельно по каждому объекту маршрута.

¹ БелТА (со ссылкой на Белстат). «Белстат: в 2025 году 2,2 млн белорусов путешествовали по турам в пределах страны...» (в тексте: выезд – 736,4 тыс.; въезд – 579,2 тыс
URL: <http://belta.by/society/view/belstat-v-2025-godu-22-mln-belorusov-puteshestvovali-po-turam-v-predelah-strany-767598-2026/>

Матрица готовности (табл. 2) позволяет перейти от общей SWOT-оценки к проверке запускаемости конкретного маршрута: фиксируются условия допуска, качество программы, сервис и наличие устойчивого канала продаж. Результаты оценки используются для постановки задач участникам маршрута и выбора режима запуска (пилот/регулярный продукт).

Практическую основу для пилотных трансграничных маршрутов могут составить уже действующие индустриальные объекты показа: опыт Беларуси показывает, что крупные предприятия способны выступать ядром туристского продукта, объединяющего экскурсию, демонстрацию технологии и фирменную коммуникацию с посетителем. Поэтому в качестве пилотной модели целесообразно рассматривать маршрут-конструктор, сочетающий машиностроительный объект и предприятие пищевой промышленности, что соответствует логике предложенной матрицы готовности маршрута¹.

В таблице 3 представлена дорожная карта доведения маршрута до готовности при наличии дефицитов, выявленных по матрице готовности.

Таблица 3 – Дорожная карта доведения маршрута до готовности (если в табл. 2 стоит «0»).

Критерий	Доработка до 2 недель (пилот)	Доработка 1–2 месяца (регулярно)	Ответственный
Доступ	2 пилотные даты; тайминг; подтверждение «окон»	Регулярный календарь; стыковки/трансферы	Туроператор + регион
Безопасность/санитария	Маршрут по объекту; инструктаж; правила фото/видео; СИЗ	Типовой регламент допуска; организационное/инфраструктурное разведение потоков	Предприятие
Интерпретация	Сценарий; 3 точки показа; материалы (стенд/видео)	Расширение экспозиции/демонстрации; единый стандарт экскурсии	Предприятие + туроператор
Персонал	Назначение ответственных; памятка ролей; график	Обучение 2–3 сотрудников; SOP обслуживания группы	Предприятие
Инфраструктура	Место ожидания; санузел; навигация; место дегустации	Мини-модернизация зоны приема; фирменная точка продаж	Предприятие (+ ГЧП/регион)
Продвижение/продажа	Карточка+прайс; запись; 5–10 фото; «сувенирный пакет»	Подключение к витрине/реестру; партнёры продаж; совместный бренд	Туроператор + регион

¹ Две страны, тысячи заводов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minprom.gov.by/wp-content/uploads/2025/10/Russian_copy.pdf (дата обращения: 06.03.2026)

Дорожная карта (табл. 3) фиксирует набор минимальных действий для пилотирования и последующего перехода к регулярному продукту, распределяя ответственность между предприятием, туроператором и региональными структурами.

Маршрут считается готовым к регулярному запуску при значении 6/6 по табл. 2; при 5/6 допускается пилотирование ограниченными группами с одновременным устранением дефицита; при значении 4/6 и ниже маршрут переводится в стадию подготовки по табл. 3.

Барьеры и узкие места трансграничной координации

Несмотря на высокий потенциал, развитие трансграничного промышленного туризма сталкивается с рядом проблем:

- институциональные (нет координационного контура/единой рамки);
- коммуникационные (инфосопровождение, интеграционный маркетинг, слабые каналы);
- инфраструктурные/логистические (доступность, размещение, связность);
- продуктовые/маркетинговые (упаковка маршрутов, единый бренд, продвижение).

Перечисленные ограничения носят системный характер и проявляются одновременно на уровне институтов, инфраструктуры и продукта. Это подтверждает необходимость перехода от разовых экскурсий к координируемой модели, где задачи «допуска/сервиса/продаж» фиксируются через матрицу готовности (табл. 2) и дорожную карту (табл. 3).

Также следует отметить ограниченное участие предприятий в развитии промышленного туризма. Многие предприятия не обладают необходимой инфраструктурой для приема туристов и проведения экскурсионных программ.

Для перехода от разрозненных инициатив к устойчивому трансграничному продукту ключевые меры целесообразно сгруппировать по направлениям:

- усилить межрегиональную координацию: сформировать контур управления (план работ, календарь мероприятий, KPI, единый коммуникационный канал) и обеспечить регулярное информационное сопровождение на региональном уровне [1,2];

- упаковать продукт: разработать типовые маршруты «две страны - единый индустриальный сюжет» и связать их с территориальным/корпоративным брендингом [3,5];
- перейти от «разовых экскурсий» к портфелю проектов: закрепить промтуризм в стратегических документах и вести мониторинг по сопоставимым индикаторам (спрос, посещения, сервисная инфраструктура) [1,5];
- создать цифровую основу кооперации: запустить реестр/витрину объектов с минимальным стандартом данных и механизмом обмена практиками (шаблоны программ, требования безопасности, сервисные решения) [6];
- закрыть кадрово-коммуникационные дефициты: внедрить сетевые образовательные модули и компетенции интеграционного маркетинга, вовлекая предприятия в проектирование и реализацию турпродукта;
- учесть риски внешних ограничений: предусмотреть сценарии устойчивости (фокус на взаимный туризм РФ-РБ, резервные логистические решения, стандарты информирования туристов) и приоритизировать транспортную доступность маршрутов [7];
- явно зафиксировать интеграционные эффекты: включить социально-экономические и социокультурные результаты (занятость, вовлечённость сообществ, межкультурные связи) в цели и KPI маршрутов и отражать их в позиционировании продукта [4].

Перечисленные меры дополняют друг друга: институциональная координация и стандартизация создают условия, цифровая витрина и «упаковка» обеспечивают масштабирование, а кадрово-коммуникационный блок формирует устойчивый спрос и повторяемость маршрутов.

Рекомендации и управленческие решения

Для повышения эффективности развития трансграничного промышленного туризма предлагается реализовать комплекс мер. Создание трансграничных туристских кластеров, объединяющих промышленные предприятия и туристскую инфраструктуру приграничных регионов.

1. Разработка совместных туристских маршрутов, включающих промышленные предприятия и объекты индустриального наследия России и Беларуси;

2. Создание единой цифровой платформы промышленного туризма Союзного государства, которая будет включать информацию о предприятиях, экскурсионных программах и туристских маршрутах;

3. Развитие механизмов государственно-частного партнерства для привлечения инвестиций в развитие туристской инфраструктуры;

4. Формирование единой программы продвижения промышленного туризма на международных туристских рынках.

Наконец, сетевую основу развития индустриального наследия целесообразно рассматривать через обмен практиками и открытые инновации. Показано, что рекомендации от уже прошедших путь трансформации объектов могут быть ценны для регионов, а сами площадки демонстрируют готовность делиться опытом трансформации и бизнес-моделями [6, с. 1–2].

Инструменты реализации можно описать по модели «институты - продукт - цифра - кадры»:

- межрегиональная проектная группа и регламенты координации;
- типовые маршруты и стандарты экскурсионных программ;
- цифровая витрина/реестр и информационный центр;
- сетевые образовательные модули и стажировки.

В числе рекомендаций для приграничья предлагаются, в частности, «создание единого туристского информационного центра» и «разработка цифровой платформы... с каталогом туристских ресурсов... и функцией конструктора туристских маршрутов» [1, с. 136].

Выводы

Промышленный туризм обладает значительным потенциалом как практический инструмент экономической интеграции России и Беларуси, поскольку развитие трансграничных маршрутов укрепляет межрегиональные хозяйственные связи, повышает инвестиционную привлекательность территорий и стимулирует малый и средний бизнес. Проведённый анализ показал, что приграничные регионы располагают необходимыми ресурсами для формирования таких продуктов, однако их использование остаётся недостаточно эффективным и носит фрагментарный характер.

Ключевой результат исследования – выявленное противоречие между высоким потенциалом промышленного туризма в России и Беларуси и недостаточным уровнем трансграничной координации. Для перехода от

разрозненных инициатив к устойчивому росту требуется согласование туристской политики двух государств, развитие инфраструктурной базы и более активное вовлечение предприятий, а также формирование единой системы управления, обеспечивающей стандартизацию подходов и совместное продвижение.

В целом развитие трансграничного промышленного туризма может рассматриваться как значимый фактор социально-экономического развития Союзного государства и повышения конкурентоспособности его туристской отрасли.

Список источников

1. Щербакова С. А., Швец Е. А. Туризм в российско-белорусском приграничье: современное состояние и новые точки развития // Географическая среда и живые системы. 2024. № 4. С. 113–138. <https://doi.org/10.18384/2712-7621-2024-4-113-138>
2. Бахлова О. В., Слугина А. Н. Межрегиональное сотрудничество и интеграция в рамках Союзного государства Беларуси и России: специфика сопряжения и информационного сопровождения // Регионология. 2022. Т. 30, № 1. С. 10–30. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.010-030>
3. Тимакова Р. Т., Пьянкова С. Г. Промышленный туризм как инструмент устойчивого развития Уральского макрорегиона // Научные труды ВЭО России. 2022. Т. 236. С. 329–344. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2022-236-4-329-344>
4. Баязитова Д. В. Промышленный туризм как фактор межкультурной и социально-экономической интеграции / Д. В. Баязитова, И. Н. Ридецкая // Беларусь в современном мире : Материалы XVII Международной научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых: в 2 ч., Гомель, 23–24 мая 2024 года. Гомель: Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого», 2024. С. 182–185. EDN: <https://elibrary.ru/DMYRPH>
5. Власюк Л. И. Промышленный туризм как стратегический приоритет развития туризма в регионах России / Л. И. Власюк, И. З. Чхотуа // Теория и практика стратегирования: V Международная научно-практическая конференция. Московский университариум стратега: сборник избранных научных статей: в 2 книгах, Москва, 17–18 февраля 2022 года. Москва: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова Издательский Дом (типография), 2022. С. 97–102. EDN: <https://elibrary.ru/PXRBOL>
6. Naramski M., Herman K., Szromek A. R. The Transformation Process of a Former Industrial Plant into an Industrial Heritage Tourist Site as Open Innovation // Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity. 2022. Vol. 8. Art. 74. <https://doi.org/10.3390/joitmc8020074>

7. Ismail S., Sumartias S., Komalasari H., Puri Maharani A. E., Amri K., Prayogi Alimuddin A., Mangilep M. A., Burhanuddin B. The Impact of Security on the Tourism Sector: A Case Study of Belarus // Proceedings of the Asia Pacific Sociological Association Conference APSA 2024 / eds. A. R. Cangara, S. Muhammad. Atlantis Highlights in Social Sciences, Education and Humanities. 2025. Vol. 35. P. 228–234. https://doi.org/10.2991/978-94-6463-680-2_19.

УДК: 338.48:640.4

Булынина Анастасия Валерьевна

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
магистрант

Пирогова Оксана Евгеньевна – научный руководитель

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
профессор Высшей школы сервиса и торговли
доктор экономических наук, доцент

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ОБЪЕМОВ ВВОДА ГОСТИНИЧНОГО ФОНДА НА РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА В РЕГИОНАХ

Аннотация:

Статья посвящена анализу влияния динамики ввода гостиничного фонда на развитие внутреннего туризма в субъектах Российской Федерации. Автором выявлены ключевые факторы, определяющие силу воздействия: соотношение ввода к существующему фонду, категорийная структура новых объектов. Полученные выводы позволяют сформулировать рекомендации по оптимизации региональных стратегий гостиничного девелопмента, направленные на сбалансированное развитие туризма.

Ключевые слова:

Гостиничный фонд, ввод номерного фонда, региональное развитие туризма, турпоток, инфраструктура размещения, российские регионы.

UDC: 338.48:640.4

Bulynina Anastasia Valeryevna

Russian Federation, Saint Petersburg

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University

Master's student

Pirogova Oksana Evgenevna – scientific supervisor

Russian Federation, Saint Petersburg

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Professor of the Higher School of Service and Trade

Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

STUDY OF THE IMPACT OF HOTEL FACILITY INTRODUCTION ON TOURISM DEVELOPMENT IN THE REGIONS

Abstract:

This article analyzes the impact of hotel commissioning dynamics on the development of domestic tourism in the constituent entities of the Russian Federation. The author identifies key factors determining the magnitude of this impact: the ratio of new hotel accommodation to the existing stock and the category structure of new facilities. The findings allow us to formulate recommendations for optimizing regional hotel development strategies aimed at balanced tourism development.

Keywords:

Hotel inventory, room additions, regional tourism development, tourist flow, accommodation infrastructure, Russian regions.

Введение

В последние годы внутренний туризм в России переживает заметный подъём, во многом благодаря целенаправленным усилиям государства по преодолению давнего дефицита современной инфраструктуры размещения. Национальный проект «Туризм и гостеприимство», запущенный в обновлённом виде с 2025 года, вместе с программами льготного кредитования и субсидирования модульных объектов, создал условия для ускоренного строительства гостиниц [1]. По оценкам аналитиков (в частности, NF Group), именно 2025 год принёс рекордный ввод качественного номерного фонда – порядка 10,5 тысяч новых номеров, что на 17 % больше, чем годом ранее, и стало наивысшим показателем за последнее десятилетие.

В результате общий объём качественного предложения приблизился к 160 тысячам номеров, продемонстрировав прирост около 7 % за год. В регионах с пока слабой базовой инфраструктурой, напротив, даже заметное пополнение номерного фонда может не дать ожидаемого всплеска турпотока – из-за проблем с дорогами, авиа- и ж/д-сообщением, недостаточной продвижения территории или отсутствия разнообразных аттракций [2].

Настоящая статья ставит задачу разобраться в реальном влиянии объёмов и структуры ввода номерного фонда на основные показатели развития туризма в субъектах Российской Федерации за период 2021–2026 годов.

Полученные выводы должны помочь точнее настраивать региональные планы гостиничного строительства, избегать перекосов и добиваться более равномерного распределения туристских потоков по стране.

Методология исследования. включает в себя аналитический подход, с использованием официальной статистики Ростуризма и региональных данных за 2021–2025 гг.; сравнительный анализ по федеральным округам и типам регионов.

Результаты и обсуждение. Современный этап развития внутреннего туризма в Российской Федерации характеризуется беспрецедентным по масштабам и темпам расширением гостиничной инфраструктуры. Реализация национального проекта «Туризм и гостеприимство», действие программ льготного кредитования и повышенный инвестиционный интерес к отрасли привели к тому, что в 2025 году был достигнут исторический максимум ввода качественного номерного фонда – по разным оценкам, от 8,4 до 10,5 тыс. новых номеров за один год. Этот показатель в 1,2–2 раза превысил среднегодовые значения предыдущего десятилетия и стал наиболее ярким проявлением государственной политики по преодолению инфраструктурного дефицита в сфере туризма.

Влияние нового гостиничного фонда на ключевые индикаторы регионального туризма – объём турпотока, уровень загрузки объектов размещения, продолжительность пребывания, долю повторных посещений и средний чек – оказывается существенно дифференцированным в зависимости от типа дестинации, исходного уровня инфраструктурной обеспеченности, транспортной доступности и маркетинговой активности региона [3].

Завершение основных этапов льготного финансирования в конце 2025 года и переход к преимущественно рыночным механизмам инвестирования в 2026 году делают особенно актуальным вопрос: при каких условиях и в каких типах регионов расширение гостиничного фонда действительно выступает эффективным драйвером устойчивого развития туризма, а в каких случаях оно рискует остаться «инфраструктурой без потока» [4].

В таблице 1 отражена динамика ввода качественного номерного фонда в России за период последних пяти лет.

Таблица 1 – Динамика ввода качественного номерного фонда в России (2021–2025 гг., тыс. номеров).

Год	Ввод новых качественных номеров (тыс.)	Прирост к предыдущему году (%)	Общий фонд качественных номеров (на конец года, тыс.)
2021	3-4	-(постпандемийный период)	130-150
2022	4-5	20-30	135-140
2023	5-6	10-20	140-145
2024	8-9	50-80	150-155
2025	8,4-10,5	+17–199 (в зависимости от базы и источника) ов (тыс.)	160-182,6

На основании таблицы 1, можно сделать вывод, что общий объём качественного номерного фонда за пять лет вырос примерно на 25–38 % (с 130–135 тыс. до 160–182 тыс. номеров), однако эта прибавка пока не привела к равномерному распределению туристских потоков по стране. Напротив, она усилила концентрацию предложения в лидирующих регионах и фактически закрепила существующую иерархию дестинаций.

В таблице 2 представлены регионы-лидеры по вводу номеров за последний период.

Таблица 2 – Регионы-лидеры по вводу номеров (тыс. номеров)

Регион	Ввод номеров в 2025 г.	Доля от общероссийского прироста	Примечание / Ключевые проекты
Краснодарский край	2,7–2,9 тыс.	33 %	Курортные отели, Анапа, Геленджик (ZENITH, Дивотель)
Санкт-Петербург	1,1–1,3 тыс.	13 %	Городские отели, Cosmos Selection и др.
Тверская область	1,1 тыс.	11 %	Крупные проекты вблизи Москвы
Москва	0,7–1,0 тыс.	7 %	Palmira Art Hotel, Cosmos Arbat, Azimut Skolkovo
Республика Татарстан	~0,6 тыс.	6 %	Казань и окрестности
Карачаево-Черкесия	0,5–0,63 тыс.	~6 %	Горные курорты (Архыз, Домбай)
Другие регионы (всего 33 субъекта)	Остаток (~2–3 тыс.)	~24 %	Распределено по 27 регионам

На основе таблицы 2 видно, что ввод новых номеров в 2025 году сильно сконцентрирован географически. Примерно 65–70 % всего прироста пришлось всего на шесть регионов: Краснодарский край, Санкт-Петербург, Тверскую область, Москву, Татарстан и Карачаево-Черкесию [5]. Остальные 33 региона вместе взяли на себя только 24–30 % нового фонда. Это ещё раз подтверждает, что сейчас гостиницы в основном строят там, где уже есть устойчивый поток туристов и проверенный спрос. Эффект от этих новых номеров сильно отличается в зависимости от того, в каком типе региона они появляются:

- В популярных курортных местах (море, горы) дополнительный фонд реально помогает: в сезон становится легче найти номер, цены не улетают в космос, и туристов приезжает ещё больше.

- В больших городах вроде Москвы и Питера новые отели поддерживают деловые поездки, выставки, концерты и транзит, но какого-то взрывного роста турпотока от этого не происходит.

- В регионах, где туризм только начинает развиваться и инфраструктуры мало, прирост даёт небольшой плюс, но часто всё упирается в плохие дороги, мало рейсов и слабую рекламу региона.

- В удалённых и северных субъектах даже если фонд вырос на 20–25 % относительно того, что было, турпоток почти не меняется – без правильной логистики и продвижения новые гостиницы просто стоят полупустыми.

Заключение

Проведённый анализ даёт основания говорить о том, что активное наращивание гостиничного фонда в России за последние годы действительно сыграло заметную роль в ускорении внутреннего туризма. Особенно ярко это проявилось в 2024–2025 годах, когда были введены рекордные объёмы новых номеров – по разным оценкам от 8,5 до 10,5 тысяч качественных единиц ежегодно. Благодаря этому в главных туристических местах удалось хотя бы частично решить проблему нехватки мест в высокий сезон. Но при этом исследование ясно показывает: просто добавить номера – ещё не значит автоматически получить рост туризма. Всё сильно зависит от конкретной ситуации в регионе:

- Там, где спрос уже высокий, дороги и регион хорошо себя рекламирует, новые отели действительно работают как катализатор – растёт

загрузка, цены держатся в разумных рамках, приезжает больше людей, и многие возвращаются снова.

– В местах с очень слабой стартовой инфраструктурой и плохой транспортной связью довольно большой прирост фонда даёт лишь небольшой эффект, а иногда новые гостиницы почти пустуют.

– В дальних и северных регионах без серьёзных вложений в логистику, авиарейсы и продвижение территории почти никакой отдачи от новых номеров не получается – туристы не приезжают в дестинации.

Таким образом, гостиничная инфраструктура выступает необходимым, но недостаточным условием устойчивого роста регионального туризма. Решающее значение приобретают синергия с другими элементами туристской системы: качеством транспортного сообщения, разнообразием аттракций, уровнем цифровизации сервисов, эффективностью регионального брендинга и способностью удерживать лояльность гостей.

Список источников

1. Вакульчик, Е. А. Особенности трансформации туристической сферы в России после пандемии / Е. А. Вакульчик // Вестник Челябинского государственного университета. – 2025. – № 7(501). – С. 175-182. – DOI 10.47475/1994-2796-2025-501-7-175-182. – EDN ZFQXSE.
2. Кононов, А. Ю. Эконометрические подходы к управлению сферой туризма на региональном уровне / А. Ю. Кононов, В. Г. Ден, О. А. Батурина // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14, № 5. – С. 2459-2472. – DOI 10.18334/erp.14.5.120944. – EDN KQNXKS. Коменденко, М. Т.
3. Китаева, А. Управление региональным развитием туризма: учебное пособие / А. Китаева; Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского. – Донецк: Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского, 2021. – 112 с. – EDN KCUKHO. Гурунян, Т. В.
4. Волченко, Т. А. Региональные аспекты диверсификации направлений туризма: вызовы и решения на примере Российской Федерации / Т. А. Волченко // Вестник экономики, права и социологии. – 2025. – № 4. – С. 22-26. – DOI 10.24412/1998-5533-2025-4-22-26. – EDN QYYGFX.
5. Чимирис, С. В. Туристические кластеры как движущая сила трансформации экономики региона / С. В. Чимирис, Е. А. Осокина // Приоритетные направления и проблемы развития внутреннего и международного туризма : Материалы VIII Международной научно-практической конференции, пгт Форос, г. Ялта, Республика Крым, 12–13 мая 2023 года. – Симферополь: АРИАЛ, 2023. – С. 282-286. – EDN GSXPNZ.

УДК: 332.1

Голованова Светлана Алексеевна

Российская Федерация, Майкоп

Адыгейский государственный университет

студент

Багиров Хазрет Заурбечевич – научный руководитель

Российская Федерация, Майкоп

Адыгейский государственный университет

профессор кафедры русской филологии

доктор филологических наук, профессор

БРЕНД «АДЫГЕЙСКИЙ СЫР»: ТРАНСЛЯЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО КОДА ЭТНОСА

Аннотация:

Актуальность статьи связана с интересом к бренду «Адыгейский сыр» как традиционному продукту адыгов и элементу национальной культуры. Цель – показать его роль в трансляции этнокультурного кода, диалоге культур и развитии туристско-экономического потенциала региона.

Ключевые слова:

Адыгейский сыр, бренд, диалог культур, гастрономический дискурс, развитие региона.

UDC: 332.1

Golovanova Svetlana Alekseevna

Russian Federation, Maikop

Adygea State University

Student

Bagirokov Khazret Zaurbechevich – scientific supervisor

Russian Federation, Maikop

Adygea State University

Professor of the Department of Russian Philology

Doctor of Philological Sciences, Professor

THE ADYGHE CHEESE BRAND: CONVEYING THE ETHNOCULTURAL CODE OF AN ETHNIC GROUP

Abstract:

The relevance of this article stems from the interest in the Adyghe cheese brand as a traditional product of the Adyghe people and an element of national culture. The aim is to show its role in transmitting the ethnocultural code, cultural dialogue, and the development of the region's tourism and economic potential.

Keywords:

Adyghe cheese, brand, cultural dialogue, gastronomic discourse, regional development.

Введение. В условиях глобализации национальные продукты становятся не только элементом гастрономической культуры, но и важным средством укрепления идентичности и продвижения экономических интересов регионов. Адыгейский сыр, обладающий уникальной историей и узнаваемым вкусом, стал символом Республики Адыгея, его популяризация способствует сохранению культурного наследия и привлечению туристов, росту экономики РА. Сыр является традиционным продуктом адыгов. Термин бренд в работе Т. Ф. Ефремовой «Современный толковый словарь русского языка. В 3 томах»¹ представлено тремя семантическими вариантами:

1. Торговая марка товара или продукта в наиболее предпочтительном образе, имеющем высокую репутацию у потребителя.
2. Знак, образ предмета или явления; имидж.

Методы исследования. Гастрономический дискурс изучает функционирование языка в бренде в социокультурной ситуации контактирования языков и культур, представленных печатными, аудиовизуальными и сетевыми медиа. Гастрономический дискурс в медиаречи в сети Интернет вектор трансляции туристического потенциала региона. Исследования данного направления анализируют процессы языкового кодирования и декодирования в условиях социолингвистической билингвальности в сфере гастрономического дискурса, а также особенности языковых контактов в цифровой (искусственно сконструированной) среде.

¹ Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М.: АСТ, Астрель, 2006.

Методами исследования являются статистическая интерпретация эмпирического материала и лингвокультурный анализ гастрономического дискурса.

Обсуждение. Масштабный выпуск этого сыра в республике стартовал в 1968 году. Сегодня его изготавливают на всех крупных молокоперерабатывающих предприятиях, а также на многочисленных частных производствах. Продукция дистрибутируется по различным субъектам Российской Федерации и в ограниченных объёмах поставляется на внешние рынки. Рассматриваемый сыр характеризуется как мягкий свежий продукт, не прошедший стадию выдержки, и относится к распространённой группе рассольных и свежих сыров. Данная категория объединяет такие виды, как фета, сулугуни, моцарелла, рикотта и другие сходные по технологическим и органолептическим параметрам разновидности. «Адыгейский сыр» как бренд был официально закреплён в 1980 году, когда стартовало его массовое промышленное производство. В этот период продукт привлёк внимание широкой аудитории, о чём свидетельствует публикация в журнале «Молочная промышленность» за 1980 год. В статье подчеркивались уникальные качества сыра, такие как его аромат, напоминающий свежескошенное молоко и полевые цветы, а также высокая пищевая ценность. Отмечалось, что адыгейский сыр относится к категории диетических продуктов, что дополнительно способствовало его популяризации среди потребителей¹.

Власти Республики Адыгея предпринимают меры по правовой охране бренда, включая обращение к судебным механизмам. Однако в условиях конкурентного рынка такие инструменты сами по себе вряд ли способны существенно повысить потребительскую ценность продукта. Как показывает практика, устойчивое преимущество одной торговой марки перед другой формируется прежде всего за счёт реальных конкурентных характеристик – качества, узнаваемости, репутации и уникальности предложения. Считается, что лидерство одного бренда над остальными определяется присутствием у него реальных рыночных преимуществ. «по сравнению с конкурирующими производителями, что мотивирует потребителя совершить покупку» [1; 97]. С признания исключительных характеристик и уникальности как продукта начался процесс брендинга адыгейского сыра, связанного с этнокультурным

¹ В Майкопе пройдет Международный фестиваль-конкурс «Звёздочка Адыгеи» // Адыги.RU. URL: <https://adygi.ru/index.php?newsid=948>

наследием.

Формирование бренда. Термин «региональный бренд» прочно закрепился в правительственных документах и исследованиях, посвященных продовольственной тематике, таким образом: «бренды российских городов и регионов, [...] локализованных в географической области («вологодское масло», «курорты Краснодарского края», туристический бренд «Золотое кольцо»))» [2]. Введение географического указания на бренд в 2009 году обеспечило защиту от подделок и подчеркнуло его уникальность. Введение географического указания стало важной мерой защиты от подделок, а также позволило подчеркнуть региональное происхождение продукта, что способствовало его продвижению на международной арене.

В Республике Адыгея брендинг постепенно включается в систему инструментов стратегического развития и рассматривается как важный ресурс устойчивого регионального развития. В течение последних лет он занимает одно из ведущих мест в политике идентичности, дополняя политику памяти и символическую политику Жаде З.А., Ляушева С.А., Гвашева Б.З. отмечают: «Брендинг имеет большое значение в позиционировании Адыгеи [...], поскольку предполагает создание брендов, напрямую идентифицирующихся с регионом» [3], что, соответственно, стимулирует рост уровня социальной и экономической привлекательности, опознаваемости и конкурентный потенциал.

В современной социокультурной ситуации заметный рост популярности адыгейского сыра был зафиксирован после введения продовольственного эмбарго¹ в 2014 году. Розничная сеть «Пятёрочка» сообщает, что за последний год под собственной торговой маркой «Свежий ряд» было реализовано свыше 2 тысяч тонн данного продукта. Около четверти объёма – более 500 тонн – пришлось на Москву и Московскую область, тогда как Северо-Кавказский регион занял вторую позицию по уровню потребления (137 тонн).

Также, по данным социологических опросов, адыгейский сыр вместе с тульским пряником и оренбургским пуховым платком вошёл в тройку наиболее узнаваемых и популярных гастрономических брендов Российской Федерации. Сайт Google Trends², который широко применяется для анализа тенденций в

¹ Сделано в Адыгее: как производят знаменитый сыр и почему он полезен // РБК Отрасли. URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/65269f959a7947fd23d1273a>

² Анализ популярности запроса «Адыгейский сыр» в мире // Google Trends. URL: <https://trends.google.com/trends/explore?date=2023-11-26%202025-01-01&q=%2Fm%2F0fqr8fy&hl=ru>

поисковых запросах, не предоставляет точных количественных данных о числе запросов. Вместо этого он отображает относительные показатели популярности, где 100% соответствует пиковому значению интереса к запросу, а более низкие значения указывают на снижение уровня популярности в выбранном регионе или временном промежутке. Согласно данным Google Trends, интерес к запросу «адыгейский сыр» распределяется в мире в процентном соотношении, предоставленном на рисунках 1-6:

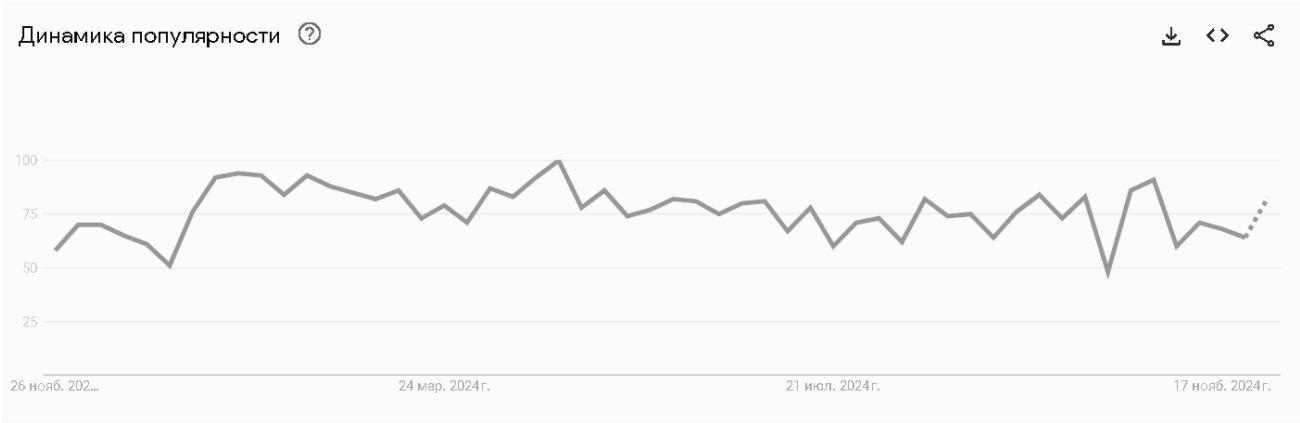

Рисунок 1 – Динамика популярности запроса «адыгейский сыр»

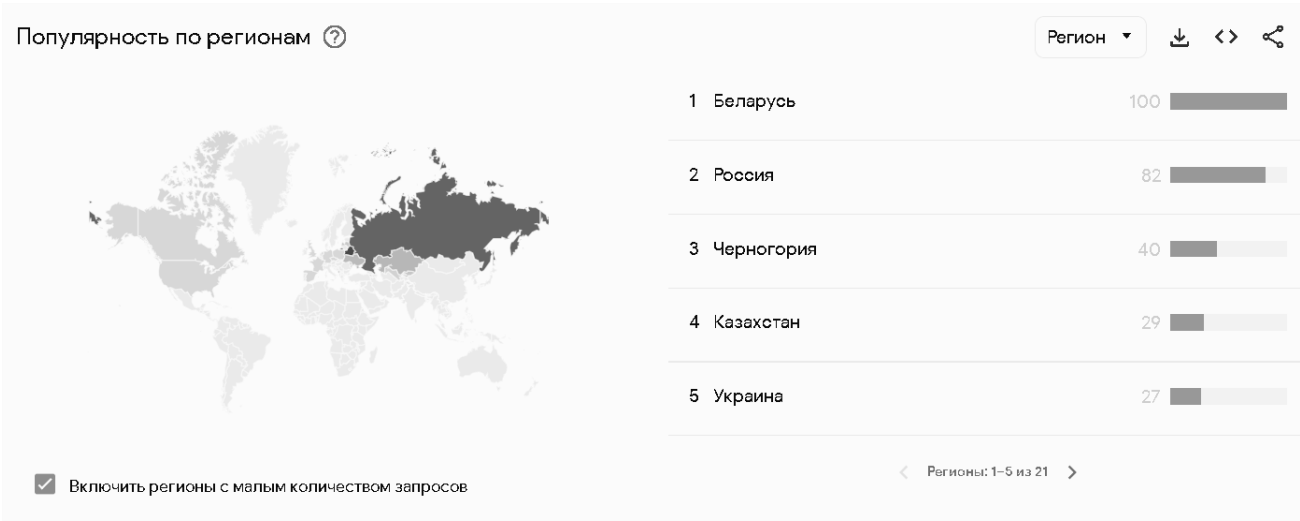

Рисунок 2 – Популярность запроса «адыгейский сыр» по регионам (с 1 по 5)

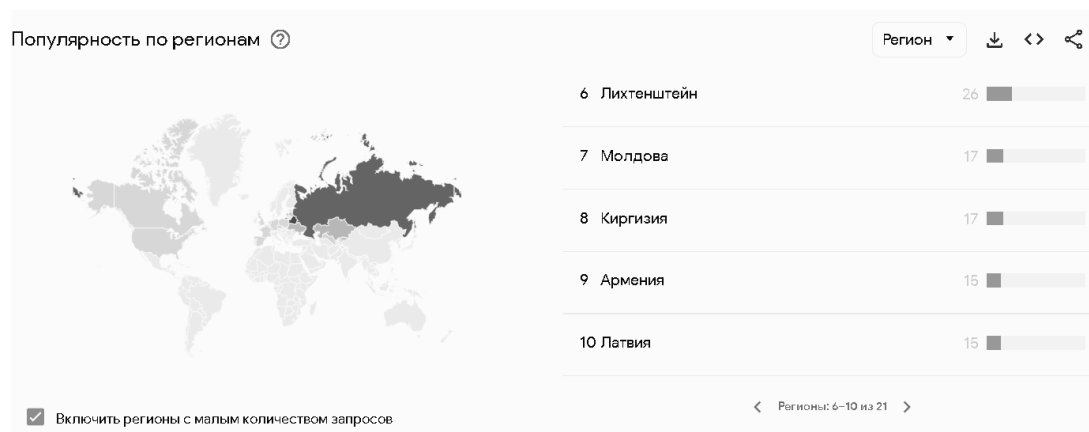

Рисунок 3 – Популярность запроса «адыгейский сыр» по регионам (с 6 по 10)

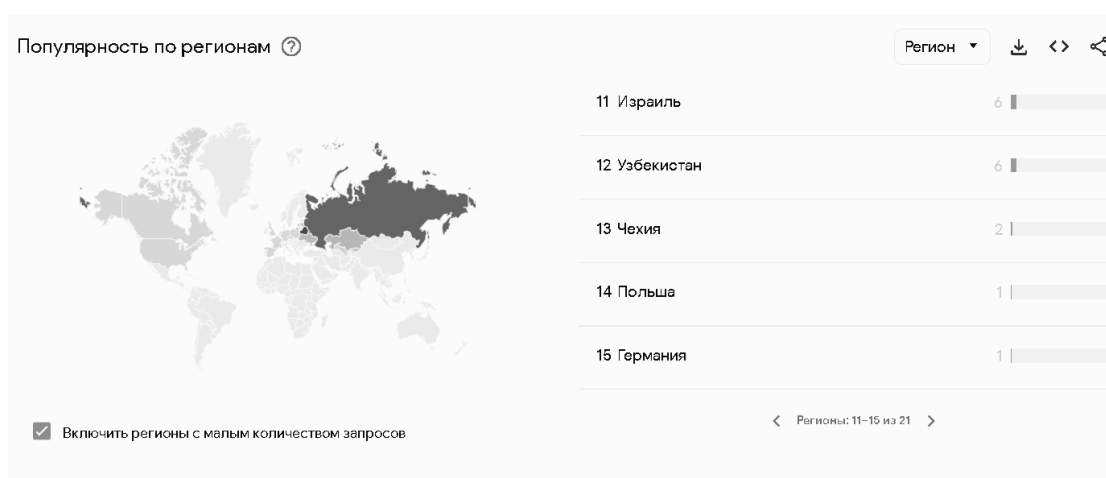

Рисунок 4 – Популярность запроса «адыгейский сыр» по регионам (с 11 по 15)

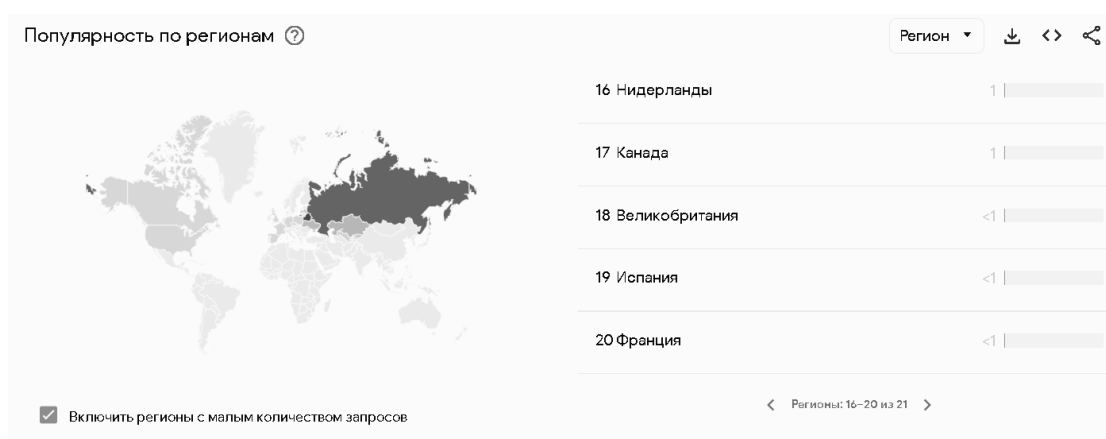

Рисунок 5 – Популярность запроса «адыгейский сыр» по регионам (с 16 по 20)

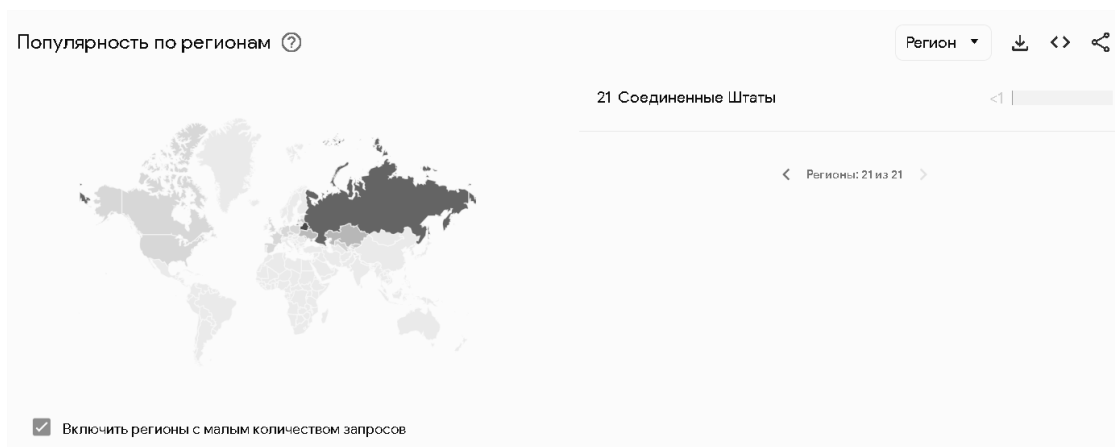

Рисунок 6 – Популярность запроса «адыгейский сыр» по регионам (21-ый регион)

Отвечая на вопрос о том, какие виды сыров, производимых предприятиями Республики Адыгея, пользуются наибольшим спросом, коммерческий директор Руслан Тешев отметил, что адыгейский сыр остаётся бесспорным лидером потребительского спроса¹.

Заключение. Целесообразно отметить, что согласно документу «Стратегия социально-экономического развития Республики Адыгея до 2030 года» изделия, реализующиеся региональными брендами - «адыгейский сыр» и «адыгейская соль», - закрепляется на институциональном в качестве приоритетных конкурентных преимуществ региона². В условиях ограниченной конкурентоспособности территории их комплексное развитие, поддержка и продвижение на внутреннем и внешнем рынках приобретают характер стратегически выверенного и объективно необходимого направления долгосрочной социально-экономической политики республики «правильно использовать имеющийся потенциал, [...] способность преподнести его потребителю в таком виде, чтобы оставить у него неизгладимое впечатление о территории и тех продуктах и услугах, которые он потреблял» [4; 88].

У населяющих Республику Адыгея этнических сообществ, сформировалось самобытное историко-культурное наследие, которое современная научная традиция трактует как ключевую духовно-ценностную

¹ Сделано в Адыгее: как производят знаменитый сыр и почему он полезен // РБК Отрасли. URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/65269f959a7947fd23d1273a>

² Постановление Кабинета министра Республики Адыгея от 26.12.2018 № 286 «О Стратегии социально-экономического развития Республики Адыгея» // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0100201812290019>

основу развития общества. Данный ресурсный потенциал должен быть интегрирован в пространство межкультурного взаимодействия и функционировать как инструмент диалога культур, обеспечивая расширение межкультурной коммуникации. Существенную роль в этом процессе играют гастрономические бренды, репрезентируемые в интернет-дискурсе и формирующие символический образ региона в цифровой среде, что способствует его позиционированию как самобытной и культурно уникальной территории. Одновременно следует констатировать, что конкурентные позиции Республики Адыгея в межрегиональном пространстве, включая уровень институционализации и узнаваемости республиканских брендов, в настоящее время остаются недостаточно устойчивыми и требуют системной стратегии продвижения. В данных условиях формирование, упорядочивание и целенаправленная поддержка региональных этнокультурных брендов рассматриваются как ключевая задача современного социально-экономического развития региона. Бешукова Ф.Б., Хажгериева А.А. отмечено, что в системе культурно-исторического наследия республики «адыгейский сыр считается безусловным брендом и визитной карточкой региона» [5; 123]. «Адыгейский сыр» как бренд представляет собой не просто продукт гастрономии, а значимый культурный маркер, отражающий традиции, исторический опыт и современные успехи региона. Он способствует сохранению культурного наследия и одновременно поддерживает развитие Республики Адыгея в глобальном контексте.

Список источников

1. Киуру К.В., Агапов А.И. От природных свойств воды к формированию образа luxury-продукта: рекламные практики как инструмент символизации // Горизонты цивилизации. 2018. № 9. С. 95–106.
2. Концепция продвижения национального и региональных брендов товаров и услуг отечественного производства на 2007–2008 гг. // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/>
3. Жаде З.А., Ляужева С.А., Гвашева Б.З. Брендинговые стратегии Республики Адыгея в усилении российской национальной идентичности // Южно-российский журнал социальных наук. 2024. Т. 25. № 3. С. 39–52. <https://doi.org/10.31429/26190567-25-3-39-52>
4. Савельев Ю.В. Особенности формирования бренда территории на основе ее культурно-исторического наследия // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2011. № 3. С. 88–93.

5. Бешукова Ф.Б., Хажгериева А.А. Бренды Адыгеи в современном медийном пространстве как индикатор социокультурной и экономической привлекательности региона // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2015. № 3. С. 119–123.

УДК: 332.1; 336.02

Пинская Миляуша Рашитовна

Российская Федерация, Москва

НИФИ Минфина России

руководитель Центра налоговой политики

доктор экономических наук, доцент

ЗНАЧЕНИЕ ТУРИСТИЧЕСКОГО НАЛОГА ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация:

Показана зарубежная практика налогообложения туристской деятельности. В разрезе регионов рассмотрены такие показатели как количество плательщиков туристического налога, количество лиц, которые приобрели услуги по временному проживанию, и стоимость услуг, а также сумма налога, подлежащая уплате в бюджет.

Ключевые слова:

Регион, туристический налог, налоговые льготы.

UDC: 332.1; 336.02

Pinskaya Milyausha Rashitovna

Russian Federation, Moscow

Financial Research Institute Russian Ministry of Finance

Head of Tax Policy Centre

Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

THE IMPORTANCE OF TOURIST TAX FOR REGIONAL DEVELOPMENT

Abstract:

The practice of taxation of tourism activities in foreign countries is analyzed. The following indicators were examined by region: the number of taxpayers, the number of individuals who purchased temporary accommodation services, the cost of services, and the amount of tax payable to the budget.

Keywords:

Region, tourist tax, tax incentives.

Туристический налог успешно применяется и приносит существенный объем доходов бюджетной системе во многих странах. В европейских странах он взимается в секторе гостиничных услуг и туристической индустрии.

За рубежом налог взимается в основном с физических лиц через посредников, а не с объектов размещения. Применяются две формы налоговых ставок в отношении налогообложения услуг, связанных с размещением приезжающих: фиксированная и адвалорная.

«Во Франции так называемый туристический налог (*taxe de séjour*) применяется с 1910 года и вводится по инициативе муниципалитетов, несущих расходы, связанные с приемом и размещением туристов. Обязанность по уплате туристического налога возложена на арендодателей, владельцев отелей, посредников, которые осуществляют уплату рассчитанной суммы налога назначенному бухгалтеру в сроки, определенные муниципалитетом» [1].

«В Италии доход от туристического сбора предназначен для финансирования мероприятий в сфере туризма, в том числе поддержки объектов размещения и восстановления местных культурных и экологических ценностей, а также финансирования общественных услуг. Налог взимается за временное проживание в местах размещения, таких как: отели или гостиницы, туристические резиденции-отели, гостиничные поселки, кемпинги, туристические поселки, курортные отели, места для ночлега, меблированные жилые дома для туристического использования, дома для отдыха, фермерские дома, кемпинги, рыбные фермы, плавучие дома, домики на сваях, домики на деревьях» [1].

В Австрии размер налога равен 1,5 евро в день, его берут с каждого взрослого человека в гостинице при расчёте за проживание. Дети до 14 лет налогом не облагаются. В Вене налог составляет 3,2 процента от стоимости номера (завтрак, НДС и другие услуги не входят в базу для расчета).

В Венгрии размер налога составляет 4% от стоимости номера за ночь с человека (в Будапеште). Лица младше 18 лет освобождаются от уплаты налога.

В Беларуси налогоплательщиками являются физические лица. «Ставка курортного сбора установлена в процентах от стоимости путевки, а если путевка не оформляется, то она устанавливается в зависимости от стоимости услуг по проживанию, питанию, медицинских и оздоровительных услуг» [1].

С 2025 г. главой 33.1 Налогового кодекса РФ был установлен местный туристический налог. «Налогоплательщиками признаются организации и физические лица, оказывающие услуги по предоставлению мест для временного проживания в средствах размещения» [2]. В Российской Федерации введению туристического налога предшествовал эксперимент по взиманию курортного сбора в 2018-2024 гг. (табл. 1).

Таблица 1 – Сравнение вариантов налогообложения туристической деятельности в Российской Федерации.

	Курортный сбор (введен в 2018 г., действовал до 31.12.2024 г.)	Туристический налог (НК РФ, глава 33.1)
Уровень	Региональный	Местный
Налого-плательщики	Физические лица, достигшие 18 лет, проживающие в объектах размещения более суток. Уплата налога – через оператора	Организации и физические лица, оказывающие услуги по временному размещению
Налоговая база	Количество дней фактического проживания, за исключением дня заезда	Стоимость размещения
Налоговая ставка	От 10 до 50 руб. за сутки, дифференцируется в зависимости от сезона, в несезон ставка 0 руб.	2025 г. 1% 2026 г. 2% 2027 г. 3% 2028 г. 4% с 2029 г. 5%
Налоговые льготы	Герои, участники войны, инвалиды 1 и 2 групп, малоимущие, студенты до 24 лет, местные жители,	Услуги, оказанные Героям, участникам войн, инвалидам 1 и 2 групп, инвалидам детства и дополнительные льготы по решению муниципального образования

Источник: составлено автором по данным: [2], [3]

Проанализируем данные о поступлениях туристического налога (табл. 2)¹.

Таблица 2 – Данные о поступлениях туристического налога в местные бюджеты за 9 месяцев 2025 г.

Показатели	Абсолютные величины	Удельный вес, %
1. Количество плательщиков налога, ед. – всего в том числе:	12 576	100,00
Юридические лица	5 583	44,39
Физические лица (индивидуальные предприниматели)	6 993	55,61
2. Количество лиц, которые приобрели услуги по временному проживанию, ед. – всего, в том числе:	22 092 011	7,31
Льготники на основе федерального закона (НК РФ)	582 706	2,64

¹ На момент подготовки материала были доступны данные по состоянию на 01.10.2025 г.

Показатели	Абсолютные величины	Удельный вес, %
Льготники на основе местных нормативных правовых актов	1 032 754	4,67
3. Стоимость услуг, тыс. руб. – всего, в том числе:	387 419 448	100,00
Налоговая база	157 372 822	40,62
Стоимость услуг, льготируемых на федеральном уровне	4 576 922	1,18
Стоимость услуг, льготируемых на местном уровне	16 214 020	4,19
Стоимость услуг, в отношении которых исчислен минимальный налог	209 255 684	54,01
4. Сумма исчисленного налога без учета суммы минимального налога, тыс. руб.	1 497 387	26,39
5. Сумма исчисленного минимального налога, тыс. руб.	4 097 683	72,23
6. Сумма налога, в отношении которой налогоплательщик освобождается от уплаты по решению муниципалитетов, городов федерального значения, территории «Сириус», тыс. руб.	77 959	0,01
7. Итого сумма налога, тыс. руб.	5 673 029	100,00

Источник: *составлено по [4]*

Как видно из таблицы 2, среди плательщиков налога число физических лиц (индивидуальных предпринимателей) выше, чем юридических лиц. Более половины поступлений формируется за счет минимального налога. Регионы склонны расширять состав освобождений от налога: число региональных льготников в 1,8 раза превышает количество льготных категорий, установленных на федеральном уровне, а разница в стоимости услуг, освобожденных от налога на региональном и федеральном уровнях, составляет 3,6 раза.

Углубим анализ в региональном разрезе. Сразу отметим, что по Магаданской и Челябинской областям соответствующая информация в статистической налоговой отчетности отсутствует, а по Сахалинской области нет данных об общем количестве плательщиков и о количестве юридических лиц, известно только, что в регионе 7 плательщиков физических лиц (индивидуальных предпринимателей – ИП).

Первым показателем, который рассмотрим в анализе, будут данные о количестве плательщиков налога (рис. 1).

Рисунок 1 – Количество плательщиков налога, ед.

На рисунке 1 видно, что в 20 регионах нет плательщиков (отмечены светло-серым маркером). В периметр анализа включены 63 субъекта Российской Федерации.

Всего на 01.10.2025г., согласно отчетности, зафиксировано 12566 налогоплательщиков, из них 5580 (44 %) юридических лиц и 6993 (56 %) физических лиц (ИП). Среди регионов такое распределение не сохраняется. В 29 регионах из 63 анализируемых более половины всех налогоплательщиков являются юридическими лицами. В Республиках Тыва и Ингушетия, а также в Чукотском АО туристический налог уплатили только юридические лица, и их число менее 10. В остальных 34 регионах из 63 анализируемых более половины плательщиков являются физическими лицами (ИП). Больше всего физических лиц среди плательщиков в Республике Алтай (80 %), Республике Дагестан (75 %), Карачаево-Черкесской Республике (75 %) и Краснодарском крае (70%).

Поти треть всех налогоплательщиков (27 %) сконцентрированы в двух регионах: в Краснодарском крае (2092 плательщика) и в городе Санкт-Петербург (1262 плательщика). В ходе дальнейшего анализа будем представлять долю, которая приходится на эти два региона.

На регионы, в которых более 200 налогоплательщиков (на рисунке 1 отмечены черным маркером), приходится 72 % всех плательщиков. Более 300 плательщиков также приходится на Республику Алтай (691), Ставропольский (600), Алтайский край (450), Приморский край (397), Ростовская область (492), Волгоградская область (329), Калининградская область (318) и Свердловская область (312).

Данные о количестве туристов, которые приобрели услуги по временному проживанию, представлены на рисунке 2.

Рисунок 2 – Количество лиц, которые приобрели услуги по временному проживанию, ед.

Всего на 01.10.2025г., согласно отчетности, таких туристов оказалось более 22 млн человек. Треть из них приобретали эти услуги в Краснодарском крае (4 млн чел.) и городе Санкт-Петербург (3,3 млн чел.). На третьем месте по количеству туристов оказался Ставропольский край (1,2 млн чел.). Среди регионов с достаточно большим количеством туристов можно назвать Рязанскую область (980 тыс. чел.), Ростовскую область (900 тыс. чел.) и Республику Татарстан (850 тыс. чел.). Интересно отметить, что Рязанская область вошла в число регионов, имеющих большое количество налогоплательщиков. Еще одним таким регионом является Новосибирская область (544 тыс. чел.). Всего на регионы, которые приняли более 500 тыс. гостей (отмечены на рисунке 2 черным маркером), пришлось 62 % от всех лиц, приобретавших услуги по временному размещению.

Далее на рисунке 3 рассмотрим показатель стоимости услуг.

Рисунок 3 – Стоимость услуг, млрд руб.

Общая стоимость услуг в масштабах страны составила чуть более 387 млрд руб., из них почти половина (45 %) приходится на Краснодарский край 117,2

млрд руб.) и г. Санкт-Петербург (57,5 млрд руб.). В Ставропольском крае совокупная стоимость услуг составила 43,3 млрд руб. Туристы в совокупности оставили более 10 млрд руб. в Алтайском крае (12 млрд руб.), Калининградской области (11,7 млрд руб.) и Республике Татарстан (11,5 млрд руб.). Туристических услуг на сумму 7,2 млрд руб. при 171 налогоплательщике (отмечены на рисунке черным маркером) было оказано в Новосибирской области. Среди регионов, имеющих более 200 плательщиков (отмечены на рисунке 1 черным маркером) минимальное значение стоимости услуг демонстрирует Волгоградская область (2,5 млрд руб.). Из регионов, имеющих заметную стоимость услуг по временному проживанию отметим также Рязанскую область, Хабаровский край и Кабардино-Балкарская Республика (от 2,5 до 3 млрд руб.), Мурманскую, Новгородскую, Кемеровскую, Тульскую и Омскую области (от 3 до 4 млрд руб.), а также Владимирскую область, где стоимость услуг составила 4,1 млрд руб. при 137 налогоплательщиках.

Интересно отметить структуру стоимости. В масштабах страны в отношении 54 % стоимости исчислен минимальный налог, 44 % стоимости формирует налоговую базу, налог с которой подлежит исчислению по ставке, установленной на федеральном уровне, 4 % стоимости не включается в налоговую базу в связи с местными льготами и 1 % стоимости – в связи с федеральными льготниками.

В 18 регионах более половины стоимости услуг формирует налоговую базу, налог с которой подлежит исчислению по федеральной ставке. В Чукотском АО льготы не были предоставлены, налоговая база составила 100% от стоимости услуг, в Республике Алтай – налоговая база составила 82 % от стоимости услуг, в Карачаево-Черкесской Республике и Республике Дагестан – 79 % и 72 % соответственно, в Ленинградской, Сахалинской и Нижегородской областях, Чеченской Республике, Республике Адыгея и Республике Северная Осетия – Алания от 60 % до 70 %.

В 36 регионах в отношении более половины стоимости услуг исчислен минимальный налог. Он взимается в размере 100 руб. в сутки. В Кировской области минимальный налог исчислен в отношении 100 % стоимости, в Еврейской АО, в Республике Коми, Ставропольском крае и Алтайском крае – в отношении 96%, 86 %, 84 % и 83 % соответственно.

Существенная доля федеральных льгот, уменьшивших налоговую базу, пришлась на Ивановскую и Волгоградскую области: 18 % и 15 % стоимости соответственно, а местных льгот – на Тульскую область (37%), Кабардино-Балкарскую Республику, Пензенскую и Саратовскую области, Пермский край и Республику Бурятия (от 22 % до 27 %).

На рисунке 4 проиллюстрировано распределение налоговых поступлений в разрезе регионов.

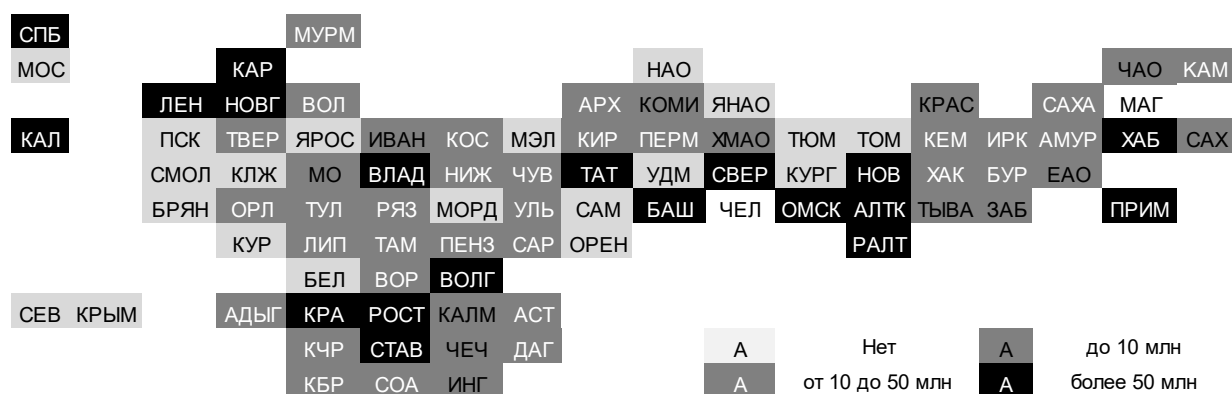

Рисунок 4 – Сумма налога, подлежащая уплате в бюджет, млн руб.

В масштабе страны подлежит уплате чуть более 5,5 млрд руб. Предсказуемо, что почти половина (46 %) приходится на Краснодарский край (1,6 млрд руб.) и г. Санкт-Петербург (885 млн руб.). Можно выделить Ставропольский край (549 млн руб.), а также Алтайский край, Калининградскую, Свердловскую, Ростовскую и Новосибирскую области, а также Республику Татарстан, где сумма налога, подлежащая уплате в бюджет, составляет от 100 до 180 млн руб. Всего на регионы, где собрано более 50 млн руб. туристического налога (отмечены на рисунке 4 черным маркером) приходится почти 83 % всех поступлений.

Как и в случае со стоимостью услуг отметим, что 74 % от всей суммы налога, подлежащего уплате в бюджет, исчислены в рамках минимального налога. В региональном разрезе только в восьми регионах доля минимального налога оказалась менее 50 %. Это Чукотский АО (сумма налога полностью исчислена без учета минимального налога), Республика Адыгея (50 %), Нижегородская область (49 %), Республика Северная Осетия – Алания (43 %), Сахалинская область (40 %), Ивановская область (37 %), Карачаево-Черкесская Республика (30 %) и Республика Алтай (27 %). Наоборот, максимальную долю минимального налога (более 90 %), демонстрируют Еврейская автономная

область, Ставропольский край, Хабаровский край, Ханты-Мансийский АО – Югра, Чувашская Республика, Республика Коми, Республика Башкортостан и Республика Ингушетия, а также Кировская область, где вся сумма налоговых поступлений сформирована за счет минимального налога.

Отметим еще два региона – Пензенскую область и Кабардино-Балкарскую Республику, в которых доля минимального налога превышает 100 %. Это объясняется тем фактом, что в этих регионах существенна величина федеральных льгот, которая составляет 26,2 млн руб. (93 % от суммы налога, подлежащего уплате в бюджет) и 9,6 млн руб. (35 % от суммы налога, подлежащего уплате в бюджет) соответственно. Помимо этих двух регионов заметное значение этого показателя также в Республике Татарстан (21,3 млн руб.) и Краснодарском крае (10,6 млн руб.). Однако, если в Республике Татарстан доля от суммы налога, подлежащего уплате в бюджет, заметна и равна 15 % (что является третьим значением среди всех регионов), то в Краснодарском крае эта доля составляет всего 0,7 % в силу объема исчисленного в этом регионе налога.

Вывод: полагаем, что введение туристического налога способствует обелению сферы туризма, поскольку на уровне муниципального образования появляется дополнительный инструментарий в виде налогового контроля. Эффективность налогового администрирования, в том числе за счет формирования реестра классифицированных средств размещения на местном уровне, для легализации туристического бизнеса очевидна. Увеличение доходов местных бюджетов на территориях, где введен туристический налог, произойдет не только за счет поступлений туристического налога, но и от смежных отраслей – транспорт, торговля, общепит, бытовые услуги и др.

БЛАГОДАРНОСТИ. Автор благодарит к.э.н., с.н.с. Центра налоговой политики НИФИ Минфина России Балакина Р.В. за графическую иллюстрацию данных статистической налоговой отчетности.

Список источников

1. Пинская М. Р., Стешенко Ю. А. Туристический налог и его значение для территориального развития // Экономика. Налоги. Право. 2021. № 14(6). С. 137-149. <https://doi.org/10.26794/1999-849x-2021-14-6-137-14>.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 20.02.2026). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 29.07.2017 № 214-ФЗ «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Данные по форме статистической налоговой отчетности 5-ТУР «Отчет о налоговой базе и структуре начислений по туристическому налогу» ФНС России. Отчет по форме № 5-ТУР [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/16545824/ (дата обращения: 01.03.2026).

УДК: 339.7

Сарайкина Светлана Васильевна

Российская Федерация, Саранск

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва

доцент кафедры туризма

кандидат географических наук, доцент

Стешина Елена Сергеевна

Российская Федерация, Саранск

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва

магистрант

ЗНАЧЕНИЕ ЭКСКУРСИОННЫХ УСЛУГ В РАБОТЕ ТУРОПЕРАТОРА

Аннотация:

В статье раскрываются вопросы важности экскурсионных услуг и экскурсионной деятельности в целом в работе туроператора. Приводится пример работы туроператора «Ветер странствий», являющимся ведущим турпредприятием г. Саранска и Республики Мордовия. Отражаются основные экскурсионные программы, которые реализует турпредприятие и раскрывается их значение в его работе.

Ключевые слова:

Экскурсионные услуги, туроператор, экскурсионная деятельность, турист, потребитель, туристский продукт, экскурсовод.

UDC: 339.7

Saraikina Svetlana Vasilyevna

Russian Federation, Saransk

Ogarev Mordovian State University

Associate Professor of the Department of Tourism

Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor

Steshina Elena Sergeevna

Russian Federation, Saransk

Ogarev Mordovian State University

Master's student

THE IMPORTANCE OF EXCURSIONS IN THE OPERATION OF A TOUR OPERATOR

Abstract:

The article discusses the importance of excursion services and excursion activities in general in the work of a tour operator. It provides an example of the work of the Wind of Travel tour operator, which is a leading travel agency in Saransk and the Republic of Mordovia. The article highlights the main excursion programs offered by the travel agency.

Keywords:

Excursion services, tour operator, excursion activities, tourist, consumer, tourist product, tour guide

В современной индустрии туризма, характеризующейся высокой конкуренцией и растущими требованиями потребителей, важным направлением деятельности туроператора являются не только трансфер и размещение, но и создание уникального и насыщенного туристского продукта. В этом комплексном продукте особое место занимают экскурсионные услуги, которые трансформируются из дополнительной опции в стратегически важный компонент пакетного тура и самостоятельный продукт.

Для туроператора оценка качества экскурсионных услуг – это не разовая акция, а система, интегрированная во все бизнес-процессы. Ее особенность – в необходимости учитывать и измерять не только объективные параметры (время, программа), но и эмоциональную и коммуникативную составляющую, которая превращает стандартную услугу в незабываемый опыт. Успешный туроператор строит свою работу на данных, полученных из этой системы, постоянно адаптируя и улучшая свои продукты. Раскроем важность оказания экскурсионных услуг на примере работы туроператора «Ветер странствий» в г. Саранске Республики Мордовия.

Турфирма ООО «Студия нестандартных путешествий «Ветер странствий»» было основано 26 февраля 2014 г., входит в Группу Компаний «ОПТИКЭНЕРГО», является членом Ассоциации «Турпомощь». Юридический адрес общества: 430005, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, д. 22, пом. 5 (рисунок 1)¹.

¹ Ветер Странствий - туристическое агентство в Саранске, Мордовии <https://veter-str.ru>

Рисунок 1 – Туристское предприятие ООО Студия нестандартных путешествий «Ветер странствий»

Согласно Единому Федеральному реестру, туристское предприятие ООО «Ветер странствий» является туроператором и турагентом, которому присвоен реестровый номер туроператора (РТО 022534) и реестровый номер турагента (РТА 0002745)¹.

Предметом деятельности предприятия является продвижение и реализация туристского продукта. Исходя из предмета деятельности, туристское предприятие включает услуги по подбору туров по индивидуальным запросам, организации туров по пляжным и экскурсионным направлениям, приему гостей в Саранске и Республике Мордовия, организации школьных экскурсий по России, оформлению медицинской страховки, бронированию отелей по всему миру, бронированию авиа и железнодорожных билетов, а также трансфера [1].

Одним из приоритетных направлений деятельности организации является развитие внутреннего и въездного туризма Республики Мордовия. В рамках сохранения и популяризации культурно-исторического наследия Республики Мордовия менеджеры предприятия организуют экскурсии для туристов из разных регионов России и стран мира, проводят обзорные экскурсии по г. Саранску, экскурсии по спортивным, культурным и историческим объектам региона. В арсенале турфирмы эксклюзивные экскурсионные туры в рамках промышленного туризма на предприятиях Мордовии (таблица 1).

¹ Запрос ООО «Ветер странствий» (022534) // Министерство экономического развития Российской Федерации
URL: <https://www.economy.gov.ru/search/?q=022534&search=1&s=>

Таблица 1 – Основные экскурсионные направлениями, реализуемые «Ветром странствий».

Название экскурсии	Вид экскурсии
Саранск и Республика Мордовия	
Обзорная экскурсия по городу	Пешеходная
Экскурсия в с. Паракино	Автобусно-пешеходная
Экскурсия в с. Старая Теризморга	Автобусно-пешеходная
Экскурсия на сидрерию «Край Земли»	Автобусно-пешеходная
Экскурсия на спиртзавод «Кемлянский»	Автобусно-пешеходная
Экскурсия на козью ферму «Мардарика»	Автобусно-пешеходная
По России	
Казань.	Автобусно-пешеходная
Нижний Новгород	Автобусно-пешеходная
Городец	Автобусно-пешеходная

В настоящее время ООО «Студия нестандартных путешествий «Ветер странствий»» предлагает своим клиентам экскурсионно-познавательные, гастрономические, экологические виды программ и туров по Мордовии. В таблице 2 представлены экскурсионные программы, разработанные менеджерами предприятия по столице Республики Мордовия г. Саранску.

Таблица 2 – Основные экскурсионные программы по г. Саранску и Республике Мордовия, предоставляемые компанией ООО «Ветер странствий».

Однодневные туры	Двухдневные туры	Трехдневные туры
1. Программа «Шумбрат Саранск»	1. Этнографическая программа	1. Этнографический тур «Выходные с мордовским акцентом»
2. Программа «Знакомство с мордовской культурой»	2. Экологическая программа «Мордовия заповедная»	2. Этнографический тур «Масленица с мордовским акцентом»
3. Программа «Знакомьтесь, заповедник!»	3. Экскурсионная программа «Скульптор Эрзя. Сын Мордовии – гордость мира»	
4. Программа «По страницам жизни адмирала Ушакова»		

Анализ таблиц показывает, что туристская фирма ООО «Ветер странствий» предлагает достаточно большой перечень туристических и экскурсионных программ, рассчитанных как на индивидуальный, так и на групповой, семейный и VIP-туризм [2].

В связи с тем, что изменились требования, предъявляемые к экскурсоводам, и возникла необходимость аттестации, три экскурсовода,

которые работают в штате предприятия прошли процедуру аттестации и внесены в государственный реестр¹. В целом у турфирмы большие перспективы и возможности в развитии экскурсионной деятельности и оказании экскурсионных услуг именно от аттестованных экскурсоводов.

Важным аспектом деятельности предприятия в сфере реализации экскурсионных услуг является оценка этого вида деятельности. В этом направлении туроператор «Ветер странствий» может существенно улучшить качество своих экскурсионных услуг, используя комплексный подход на основе проверенных моделей оценки качества. Для системного контроля качества экскурсионных программ туроператор может внедрить многоуровневую модель оценки, объединяющую нормативные требования, экспертные методы и обратную связь от клиентов. Корректирующие меры могут включать в себя доработку маршрутов, обновление методических материалов (новые факты, фото), переподготовка гидов и экскурсоводов (курсы повышения квалификации) [3].

Важным направлением работы по оценке качества экскурсионных услуг могут стать виртуальные экскурсии, которые позволят оценить минусы и плюсы реализации экскурсионных программ на практике [4].

Таким образом, экскурсионные услуги являются важной составляющей туристского продукта, а экскурсионная деятельность основой работы туроператора, которым выступает турфирма «Ветер странствий», занимающая важную нишу в развитии внутреннего туризма Республики Мордовия.

Список источников

1. Асаинова Л. М., Красильникова Н. В. Экскурсионные предпочтения современной молодежи / Н. В. Красильникова, Л. Ю. Калугина, Л. М. Асаинова // Тенденции развития науки и образования. 2025. № 119-2. С. 150–156.
2. Вихляева А.Ю., Кусерова А.И. Детские экскурсионные программы по г. Саранску // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 98-7. С. 168–172.
3. Круг Э. А., Петрова К. В. Оценка удовлетворенности потребителей на рынке туристических услуг (на примере турфирм г. Пскова) / Э. А. Круг, К. В. Петрова. – Текст: электронный // Прогрессивная экономика. – 2022. – № 9. – С. 29–40 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka> (дата обращения: 12.12.2025).

¹ Постановление Правительства РФ от 7 мая 2022 г. № 833 «Об утверждении Положения об аттестации экскурсоводов (гидов), гидов-переводчиков» (с изменениями и дополнениями)

4. Сарайкина С.В., Клементьева Д.С. Цифровая география. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Пермь, 2024. С. 445–448.

УДК: 640.4

Четвернин Евгений Иванович

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
аспирант

Пирогова Оксана Евгеньевна – научный руководитель

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
профессор Высшей школы сервиса и торговли
доктор экономических наук, доцент

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСТИНИЧНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ТУРИСТСКОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация:

В статье рассматриваются институциональные и экономические барьеры цифровой трансформации гостиничных предприятий в контексте развития туристской отрасли и региональных туристских систем. Автор приводит интерпретацию барьеров цифровой трансформации гостиниц и механизм их воздействия на эффективность дестинаций.

Ключевые слова:

Цифровая трансформация; гостиничные предприятия; эффективность деятельности; региональный туризм; цифровые платформы; туристская инфраструктура.

UDC: 640.4

Chetvernin Evgeniy Ivanovich

Russian Federation, Saint Petersburg

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Postgraduate student

Pirogova Oksana Evgenevna – scientific supervisor

Russian Federation, Saint Petersburg

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Professor of the Higher School of Service and Trade

Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

INSTITUTIONAL AND ECONOMIC CHALLENGES TO THE DIGITAL TRANSFORMATION OF HOTEL BUSINESSES AS PART OF REGIONAL TOURISM DEVELOPMENT

Abstract:

The article discusses institutional and economic challenges to the digital transformation of hotel businesses in the context of the development of the tourism industry and regional tourism systems. The author provides an interpretation of the challenges to the digital transformation of hotels and the mechanism of their impact on the effectiveness of destinations.

Keywords:

Digital transformation; hotel businesses; operational efficiency; regional tourism; digital platforms; tourism infrastructure.

Введение. Цифровая трансформация гостиничных предприятий в современных условиях рассматривается как одно из значимых направлений повышения качества управления, эффективности и адаптивности гостиничных предприятий [1].

Одновременно развитие цифровых решений в отрасли происходит в условиях изменения институциональной среды, усиления требований к средствам размещения, усиления роли цифровых реестров, влияния онлайн платформ и требований к безопасности данных. В этих условиях проблема барьеров цифровой трансформации приобретает особое значение не только для отдельных гостиничных предприятий, но и для развития регионального туризма в целом.

Несмотря на активное обсуждение цифровизации гостиничного бизнеса, в исследованиях недостаточно раскрыт механизм, посредством которого институциональные ограничения формируют или усиливают экономические барьеры цифровой трансформации и далее отражаются на эффективности гостиничных предприятий, что в следствие оказывает влияние на развитие регионального туризма [2].

В научной литературе цифровая трансформация гостиничных предприятий рассматривается через призму повышения качества сервиса, совершенствования операционных процессов, использования ОТА и в итоге росте экономической эффективности [3].

Выделяют различные группы барьеров цифровизации, включая институциональные, экономические, технологические, кадровые и рыночные ограничения. Вместе с тем в меньшей степени проработан вопрос о том, как именно институциональные требования и регуляторные изменения транслируются в экономические ограничения деятельности гостиничных предприятий.

Цель статьи заключается в выявлении и аналитической интерпретации институциональных и экономических барьеров цифровой трансформации гостиничных предприятий, и механизме влияния на развитие регионального туризма.

Методология исследования. В работе используются логико-аналитическая интерпретация, проблемно-ориентированный анализ, контент-анализ научных и аналитических материалов, а также структурирование теоретических подходов к пониманию барьеров цифровизации гостиничных предприятий

Результаты и обсуждение. В рамках исследования под институциональными барьерами цифровой трансформации предлагается понимать совокупность формальных и связанных с ними организационно-регуляторных ограничений, влияющих на цифровые процессы гостиничных предприятий [4].

Институциональные барьеры цифровизации гостиничных предприятий проявляются через изменения в регуляторной среде, требования к классификации средств размещения, усиление влияния цифровых реестров, изменение правил доступа к цифровым каналам продвижения и продаж через требования к данным и цифровой безопасности.

В качестве экономических барьеров рассматриваются ограничения, связанные с затратами, доступностью ресурсов, кадровым обеспечением, доступом к технологиям и возможностью получения эффекта от цифровизации. Они также связаны с затратами на внедрение и сопровождение цифровых решений, потребностью в технологической инфраструктуре, ограниченностью финансовых ресурсов, кадровым дефицитом и недостатком цифровых компетенций.

Цифровизация требует не разовых вложений, а постоянной системной интеграции решений в операционную деятельность под потребности

гостиничного предприятия. Однако если цифровые решения внедряются фрагментарно, предприятие может получить отдельные преимущества, но не достичь полного эффекта.

Институциональные и экономические барьеры цифровой трансформации гостиничных предприятий образуют взаимосвязанную систему. Это отражено на рисунке 1.

Рисунок 1 – Концептуальная модель влияния институциональных барьеров цифровой трансформации гостиничных предприятий на экономические ограничения, эффективность гостиниц и региональные последствия (составлено автором).

Институциональные требования усиливают экономические барьеры через рост издержек на соблюдение отраслевых стандартов и нормативных актов; ограничения на трансграничную передачу данных, что влечет ограничения доступа к каналам продаж, повышение требований к безопасности данных.

Рассмотренные барьеры цифровой трансформации для гостиничных предприятий проявляются в замедлении внедрения цифровых решений, неполной реализации их эффекта, росте издержек, ограничении управленческих решений, снижении гибкости операционных процессов и усилении зависимости от внешних цифровых посредников.

Барьеры цифровой трансформации гостиничных предприятий в определенной степени влияют на региональное туристское развитие. Это отражается на доступности и качестве размещения, на способности дестинации обеспечивать цифровой сервис туриста, на конкурентоспособности территории [5].

В результате проблемы цифровизации гостиниц могут усиливать диспропорции регионального туристского развития.

Заключение

Проведённый анализ позволяет заключить, что цифровая трансформация гостиничных предприятий осуществляется в условиях одновременного действия институциональных и экономических барьеров, образующих взаимосвязанную систему ограничений.

Это позволяет рассматривать цифровую трансформацию гостиничных предприятий не только как технологический процесс, а как институционально-экономическое явление, зависящее от сочетания регуляторных требований, ресурсных возможностей предприятий, кадровой обеспеченности и условий организации рынка.

Институциональные требования и изменения регуляторной среды формируют дополнительные условия для постоянной адаптации гостиничных предприятий, а экономические барьеры ограничивают способность предприятий реализовать потенциал цифровых решений в полном объёме.

В результате барьеры цифровизации затрагивают не только внутреннюю эффективность гостиничных предприятий, но и оказывают влияние на качество туристского предложения и конкурентоспособность региональных дестинаций.

Список источников

1. Тесалов, С. Е. Цифровая трансформация гостиничного бизнеса как фактор повышения конкурентоспособности услуг гостеприимства / С. Е. Тесалов, Н. К. Сердюкова // Естественно-гуманитарные исследования. – 2024. – № 2(52). – С. 250-254. – EDN DVDQBY.
2. Севрюков, И. Ю. Цифровая трансформация сферы туризма и гостеприимства: потенциал, тренды, региональный аспект / И. Ю. Севрюков // Экономика, предпринимательство и право. – 2025. – Т. 15, № 3. – С. 1739-1758. – DOI 10.18334/ep.15.3.122286. – EDN YIFLBW.
3. Коменденко, М. Т. Развитие цифровизации в гостиничном бизнесе: влияние на операционные процессы, качество сервиса и конкурентоспособность гостиниц / М. Т. Коменденко // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2025. – № 4(122). – С. 213-217. – DOI 10.24412/2411-0450-2025-4-213-217. – EDN QOHUPA.
4. Гурунян, Т. В. Институциональные барьеры цифровой трансформации субъектов МСП / Т. В. Гурунян // Инновации и инвестиции. – 2023. – № 1. – С. 267-271. – EDN YYBAQU.
5. Инновационная экосистема индустрии гостеприимства и туризма в условиях цифровизации / М. К. Ашинова, Л. В. Пригода, С. К. Ешугова, Г. В. Кадакоева // Креативная экономика. – 2023. – Т. 17, № 10. – С. 3659-3676. – DOI 10.18334/ce.17.10.119229. – EDN EVUHGN.

УДК: 338.48

Печерица Елена Васильевна

Российская Федерация, Санкт-Петербург
Санкт-Петербургский государственный университет
кандидат социологических наук, доцент

Шарафанова Елена Евгеньевна

Российская Федерация, Санкт-Петербург
Международный банковский институт имени Анатолия Собчака
профессор кафедры экономики, управления и предпринимательства
доктор экономических наук, профессор

ПАЛОМНИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ: СУЩЕСТВЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ИЛИ ИЗМЕНЕНИЯ СУЩНОСТИ

Аннотация:

В статье рассматриваются трансформационные процессы в сфере паломнического туризма в период с 2014 по 2026 год. Авторы анализируют понятийные различия между классическим паломничеством и религиозным туризмом, исследуют влияние цифровизации на сакральное пространство и появление новых форматов путешествий (виртуальное, велнес- и эко-паломничество). Особое внимание уделено изменениям в правовом поле Российской Федерации, перераспределению экономических функций между светскими туроператорами и религиозными организациями, а также факторам переориентации потоков на внутренний рынок в условиях геополитических ограничений.

Ключевые слова:

Паломнический туризм, религиозный туризм, цифровизация, виртуальное паломничество, индустрия гостеприимства, законодательное регулирование, внутренний туристский рынок.

UDC: 338.48

Pecheritsa Elena Vasilevna

Russian Federation, Saint Petersburg
Saint Petersburg State University
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor

Sharafanova Elena Evgenievna

Russian Federation, Saint Petersburg
International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak

Professor of the Department of Economics, Management and Entrepreneurship
Doctor of Economic Sciences, Professor

PILGRIMAGE TOURISM: SIGNIFICANT CHANGES OR A CHANGE OF ESSENCE

Abstract:

The article examines the transformational processes in the field of pilgrimage tourism in the period from 2014 to 2026. The authors analyze the conceptual differences between classic pilgrimage and religious tourism, investigate the impact of digitalization on the sacred space, and explore the emergence of new travel formats (virtual, wellness, and eco-pilgrimage). Special attention is paid to the adjustments in the legal framework of the Russian Federation, the redistribution of economic functions between secular tour operators and religious organizations, and the factors underlying the reorientation of flows toward the domestic market amid geopolitical restrictions.

Keywords:

Pilgrimage tourism, religious tourism, digitalization, virtual pilgrimage, hospitality industry, legal regulation, domestic tourist market.

Паломнический туризм представляет собой уникальный социокультурный, экономический и духовный феномен, находящийся на стыке религиозной практики, историко-культурного наследия и современной индустрии гостеприимства. В условиях глобализации, секуляризации общества и одновременного роста запроса на духовные смыслы, паломничество трансформируется, приобретая новые формы и функции. Актуальность исследования данной темы обусловлена необходимостью осмысления глубинных изменений, происходящих в сфере паломнического туризма под влиянием цифровизации, геополитических сдвигов и изменения потребительских паттернов.

Целью исследования, результаты которого представлены в данной статье, является выявление и обобщение изменений, произошедших в теоретическом осмыслении и практике паломнического туризма в период глобальных геополитических трансформаций 2014 -2026 г.

Несмотря на дискуссионность определений паломничества, паломнического и религиозного туризма, следует признать справедливой точку зрения тех исследователей, которые разделяют паломничество и туристское путешествие. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и

религиозных объединениях» в 2019 г. был уточнен статьей 17.1 – Паломническая деятельность. В соответствии с законом «паломник – физическое лицо, совершающее путешествие (поездку) для посещения мест религиозного почитания (паломничества) и объектов религиозного назначения, расположенных на территории Российской Федерации и за ее пределами, в целях участия в религиозных обрядах и церемониях (паломническая поездка)»¹. Так, например, Д.М. Зайцев указывает, что «паломничества становятся средством духовного самовыражения» [1, с. 317] и рассматривает духовные путешествия как некий процесс трансформации мировоззрения. Напротив, А.А. Судакова считает, что паломничество является «не только и не столько религиозной практикой, сколько способом удовлетворения личных потребностей, не ограничивающихся религиозными мотивами» [2, с. 117]. Золотая середина характеризуется известным тезисом Д. Росс, В. Тернер и Э. Тернер: «Турист – наполовину паломник, если паломник – наполовину турист» [3]. И эта точка зрения отражает те изменения, которые произошли в существе паломничества, которое, имея в своей основе строгую религиозную практику, не отрицает отдых и знакомство с культурным наследием мест пребывания, сближаясь тем самым с религиозным туризмом.

Для систематизации существующих подходов и разграничения смежных понятий представляется целесообразным выделить ключевые маркеры, разделяющие данные виды путешествий. Различия в целях, составе участников и характере их поведения позволяют провести четкую границу между классическим паломничеством и религиозным туризмом (См. таблицу 1).

Таблица 1 – Критериальные различия между паломничеством и религиозным туризмом

Характеристики	Паломничество	Туризм
Участники поездки	Теисты	Теисты, атеисты
Организаторы поездки	Религиозные институты	Туроператоры
Цель	Совершение религиозного обряда или духовного подвига	Знакомство с историей религий, архитектурой храмов и святыниц, культурой места посещения без обязательного совершения религиозных обрядов

¹ Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 20.02.2026) «О свободе совести и о религиозных объединениях». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/773127fbdfeadadcdeb360dfd7217c5ec5d1c6c/ (дата обращения 01.03.2026).

Участие в жизни места посещения	Активное: участие в богослужениях, и обрядах трудничество	Преимущественно пассивное: осмотр мест посещения, экскурсии, лекции, участие в богослужениях и обрядах по желанию
Проживание	На территории места паломничества	Гостиницы и другие средства размещения

Источник: *разработано авторами*

Таким образом, ключевое различие кроется в степени вовлеченности участника в религиозную жизнь принимающего центра. Если для религиозного туризма святыня выступает преимущественно объектом познания и внешнего осмотра, то для паломничества обязательным условием является внутреннее сопричастие и активное содействие духовной практике места посещения.

Сущностные изменения паломничества обусловлены, в первую очередь, фундаментальными технологическими трансформациями. Кардинальное изменение сакрального пространства обусловлено высокой степенью развитости цифровых технологий, которые изменили логику и содержание паломничества и вызвали к жизни так называемое цифровое или виртуальное паломничество, в частности, трансляцию богослужений в режиме реального времени. Не способное в полной мере заменить реальное паломничество, оно, тем не менее, обеспечивает удовлетворение духовных потребностей верующих, не имеющих возможности посетить святыни в реальности. Этот субститут предоставляет хорошие возможности духовных практик для лиц с ограниченными возможностями здоровья или доходов, не позволяющих совершить реальное путешествие в духовный центр, а также позволяет поддерживать связь с религиозными центрами в периоды закрытия границ (пандемия, военно-политические конфликты).

Существенно повысили комфортность планирования маршрутов, их информационную доступность и благодаря этому – безопасность специализированные мобильные приложения (см. таблицу 2).

Таблица 2 – Мобильные приложения для паломников

Приложение	Религия	Возможности приложения
Оптина пустынь: мобильное приложение для паломников	Христианство (православие)	Путеводитель по Введенскому ставропигиальному мужскому монастырю Оптиной пустыни с расписанием и трансляцией богослужений, возможностью подать записки, забронировать номер в монастырской гостинице.

Валаам	Христианство (православие)	3D-тур с панорамами и картой по острову, полный православный молитвослов и календарь
«Al-Maqsad» - мобильное приложение для паломников (мечеть Аль-Харам)	Мусульманство	Географическая информация об Аль-Хараме, помощь в нахождении пути к Каабе, иным ключевым объектам Хаджа и к выходу из мечети
Manasikana – мобильное приложение для паломников, совершающих хадж и умру	Мусульманство	Места для совершения хаджа и умры, геометки ближайших пунктов оказания медицинской помощи паломникам, свежие рассылки новостей от Министерства Хаджа советы для начинающих
GoHaramain – мобильное приложение для паломников в городах Мекка и Медина	Мусульманство	Пошаговое руководство по совершению обрядов, интерактивные карты (мечети, магазины, иные важные точки)
Pilgrimage Tour - индивидуальные пакеты услуг для духовных путешествий по Индии	Буддизм, сикхизм, джайнизм и др.	Организация паломнических поездок и духовного ретрита на выходных
Аууап – официальное приложение Департамента лесного хозяйства и дикой природы штата Керала (Индия)	Буддизм	Цифровой гид, содержащий карты трекинговых маршрутов, данные о пунктах выдачи питьевой воды, медицинской помощи, правила для паломников на различных языках

Источник: *составлено авторами по открытым интернет-источникам*

Не претендуя на полноту, таблица 2 тем не менее дает представление о том, что ведущие мировые религии обеспечивают и наращивают цифровое сопровождение паломников. Но нельзя не признать, что виртуализация духовного общения не может не снижать силу духовного переживания. Многие православные храмы практикуют онлайн подачу молитвенных поминовений, что существенно их формализует. Соответственно происходит некоторое выхолащивание сути паломничества, предполагающего выход за рамки комфорта, совершение личного подвига.

Значимым признаком сближения паломничества и религиозного туризма стала цифровая репутация. Отзывы паломников на специализированных форумах стали одним из факторов выбора при планировании путешествия и

причиной, побуждающей религиозные организации повышать качество услуг проживания и питания, прозрачность ценообразования. Поэтому можно говорить о том, что религиозные институты отчасти взяли на себя функции туроператоров и поставщиков услуг, что соответствует введенной в закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» в 2019 г. статьи «Паломническая деятельность», в которой закреплено право религиозных организаций на предоставление паломникам всего комплекса услуг, включая организацию их размещения, питания (с учетом требований религиозных организаций), транспортного обслуживания и сопровождения. Такая деятельность может осуществляться религиозными организациями как с привлечением туроператоров и турагентов, так и самостоятельно, без их участия. Данная норма нанесла мощный удар по туроператорам, которые специализировались на организации паломнических поездок, в частности, хаджа¹. Этот рынок характеризуется устойчивым и растущим спросом. Например, общая стоимость хаджа в 2026 году составила от \$ 5000 до \$15000+², а ожидаемая численность паломников составит более 1,5 млн чел.³ Следовательно, текущая емкость данного рынка составляет не менее \$ 7,5 млрд.

В связи с нарастающими угрозами и вызовами, которые предъявляет человеку стремительно развивающаяся цифровизация, психологической и эмоциональной напряженностью жизни в крупных городских агломерациях естественно обращение все большего количества людей, не причисляющим себя к какой-либо религии, к духовным практикам и поиску аутентичности. Потребность в духовном детоксе породило предложение услуг так называемого велнес-паломничества, которое сочетает здоровое питание и посещение святых мест с практиками йоги, послушания, ретритами (См. об этом, например, статью А. Тюхтяева о режиме «взаимодействия с сакральными локусами, распространенного среди путешествующих к долине реки Жане⁴ людей» [4, с.48]). Близко к традициям пантеизма эко-паломничество, основанное на

¹ Ничего святого: духовенство заберет у турфирм бизнес на паломниках? URL <https://realnoevremya.ru/articles/125676-biznes-na-palomnikah-pereydet-k-religioznym-organizaciyam> (дата обращения 28.02.2026).

² Стоимость Hajj 2026: руководство по бюджету. URL: <https://simbye.com/ru/blogs/blog/hajj-2026-cost-breakdown-complete-budget-guide-pilgrims?srltid=AfmBOoqfGUYIjVa-b4EPsvTknL6do5n5fq9rwEJfZgo0wONrXYc11nt-> (дата обращения 28.02.2026).

³ На хадж в Мекку прибыли более 1,5 млн паломников. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8690405> (Дата обращения 26.05.2026).

⁴ Жане – река в Краснодарском крае.

осознании природы как Божьего творения и предполагающее пешие походы с духовным сопровождением.

Развитие запроса на духовный детокс и поиск аутентичности привели к формированию специфических направлений, которые занимают промежуточное положение между традиционной религиозной практикой и светским туризмом (см. таблицу 3).

Таблица 3 – Сравнительный анализ новых форматов паломнического туризма

Критерии сравнения	Велнес-паломничество	Эко-паломничество	Виртуальное (цифровое) паломничество
Основной мотив участника	Снятие стресса, преодоление ментального выгорания, поиск душевного баланса.	Обретение гармонии через соприкосновение с природой как Божьим творением.	Удовлетворение духовных нужд при невозможности физического посещения святынь.
Характер активности	Сочетание здорового питания, ретритов, медитативных или аскетических практик.	Пешие переходы, посещение удаленных природных святынь, посильный физический труд.	Просмотр трансляций богослужений, дистанционная подача записок, 3D-туры.
Отношение к сакральному пространству	Пространство как терапевтическая среда и площадка для психологической реабилитации.	Пространство как первозданная экосистема, наделенная духовным смыслом.	Дистанционное восприятие пространства через экраны цифровых устройств.
Степень выхода за рамки комфорта	Минимальная или избирательная (сохраняется запрос на качественный сервис и питание).	Высокая (пешие маршруты, ограничение бытовых удобств, полевые условия).	Полное сохранение привычного домашнего комфорта при снижении силы переживания.

Источник: *разработано авторами*

Представленная классификация наглядно иллюстрирует, как современный человек адаптирует традиционные институты под свои актуальные психологические и бытовые нужды. В этих форматах фокус внимания часто смещается с выполнения строгого религиозного долга на получение личного эмоционального, телесного или информационного ресурса.

Глобальные кризисы, региональные конфликты и санкционные ограничения заметно ограничили свободу выбора туристов и паломников. Традиционные центры паломничества (Иерусалим, Афон, некоторые страны

Европы) стали менее доступными для россиян из-за транспортных проблем и соответственного удорожания поездок. Поэтому усилился интерес к внутреннему религиозному пространству, но соответственно возросли и риски коммерциализации массовых религиозных маршрутов, вызывающей отторжение у традиционных паломников.

Перераспределение ролей на рынке паломнических услуг, закрепленное законодательными изменениями, ставит перед индустрией гостеприимства задачу поиска новых моделей взаимодействия между религиозными институтами и коммерческим сектором. Переход права на организацию поездок к религиозным организациям не означает полной изоляции этого сегмента от рыночной инфраструктуры. Напротив, наблюдается процесс формирования специфических автономий, где монастыри и епархиальные управления начинают выступать в качестве крупных собственников и эффективных управленцев объектами коллективного размещения, точек общественного питания и транспортных предприятий.

Экономический контур современного паломничества в России демонстрирует выраженную региональную специфику. В условиях, когда выездной поток ограничен стоимостью и логистическими барьерами, малые города и удаленные монастырские комплексы (например, кластер Арзамас - Дивеево - Саров, острова Валаам и Коневец, Соловецкий архипелаг) становятся точками концентрации значительных финансовых средств. При этом возникает двойственность инфраструктурного развития. С одной стороны, монастырские гостиницы стремятся сохранить аскетичный уклад для обеспечения духовных целей поездки. С другой стороны, под давлением запросов со стороны «полупаломников» (в терминологии В. Тернера) религиозные организации вынуждены повышать класс сервиса, внедрять современные стандарты обслуживания и расширять линейку дополнительных услуг.

Интеграция паломнического туризма в экономику регионов происходит также через создание государственно-частных и церковно-государственных партнерств. Программы благоустройства территорий вокруг крупных духовных центров финансируются как за счет целевых субсидий, так и за счет пожертвований крупных меценатов и доходов от сопутствующего сервиса. Происходит мультипликативный эффект: развитие религиозного центра

стимулирует местное предпринимательство, производство сувенирной продукции, развитие фермерских хозяйств и модернизацию дорожной сети.

Однако коммерческое давление на сакральные локусы рождает внутреннее противоречие. Избыточный приток светских экскурсантов, привлекаемых исключительно историко-культурной или эстетической составляющей, часто вступает в конфликт с ритмом жизни монашеских общин. В связи с этим в практике управления паломническими потоками намечается тенденция к пространственному и временному зонированию. Религиозные организации начинают жестче регламентировать правила посещения, ограничивать доступ в определенные зоны монастырей в часы ключевых богослужений и переносить акцент на организованные группы, сопровождаемые квалифицированными гидами из числа священнослужителей или подготовленных мирян. Таким образом, институциональные изменения ведут не к исчезновению коммерческого компонента, а к его строгому подчинению внутреннему уставу и каноническим требованиям религиозных центров.

Паломничество, имеющее многовековую историю, реализует духовную и экзистенциальную функцию, являющуюся залогом его устойчивости. Оно способствует удовлетворению высших потребностей человека в принадлежности к группе, в укреплении коллективной идентичности и приобретении личного религиозного опыта. Устойчивость и массовость паломничества породила устойчивый и массовый спрос на паломнические поездки, который удовлетворяет и туристская индустрия, и религиозные организации. Соответственно, паломник становится потребителем туристского продукта, одним из компонентов которого является духовный опыт. Существенные изменения, связанные с повышением комфорта совершения паломнической поездки, возможности цифровых технологий увеличили не только доступность паломничества, но и риски их коммерциализации. Противодействие этой тенденции осуществимо на пути усиления духовного сопровождения, глубокой подготовки, выбора аутентичных и аскетичных форм путешествий под руководством представителей религиозных институтов.

Список источников

1. Зайцев, Д. М. Феномен паломничества / Д. М. Зайцев // Современные средства связи. – 2023. – Т. 1, № 1. – С. 317-318. – EDN XLSOIY.

2. Судакова, А. А. Феномен паломничества к «святым местам» аниме в Японии / А. А. Судакова // Этнография. – 2024. – № 1(23). – С. 115-132. – DOI 10.31250/2618-8600-2024-1(23)-115-132. – EDN DWNAVI.
3. Ross, D., Turner, V., & Turner, E. (1978). Introduction. In Image and Pilgrimage in Christian Culture (pp. xxix–lx). Columbia University Press.
<http://www.jstor.org/stable/10.7312/turn15790.5>
4. Тюхтяев, А. Телесность и социальность в нью-эйдж паломничестве / А. Тюхтяев // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2019. – Т. 37, № 4. – С. 45-68. – DOI 10.22394/2073-7203-2019-37-4-45-68. – EDN CEBZGH.

УДК: 338.48

Янкевич Елена Михайловна

Республика Беларусь, Витебск

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

доцент кафедры информационных технологий и управления бизнесом

кандидат экономических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация:

На основе изучения статистической информации о функционировании туристической индустрии в Республике Беларусь обоснована необходимость создания систематизированной платформы по результатам деятельности смежных отраслей для оценки влияния на размер валового внутреннего продукта.

Ключевые слова:

Туристическая индустрия, информационно-аналитическая система, базы данных, прогнозная аналитика.

UDC: 338.48

Yankevich Elena Mikhailovna

Republic of Belarus, Vitebsk

Vitebsk State University named after P.M. Masherova

Associate Professor of the Department of Information Technology and Business Management

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

FEATURES OF THE INFORMATION AND ANALYTICAL SYSTEM OF THE TOURISM INDUSTRY IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract:

Based on a study of statistical information on the functioning of the tourism industry in the Republic of Belarus, the need to create a systematized platform for assessing the impact of related industries on the gross domestic product is substantiated.

Keywords:

Tourism industry, information and analytical system, databases, predictive analytics.

Туристическая сфера способна обеспечить качественную составляющую уровня жизни населения. Несмотря на свои исторические корни, туризм сталкивается с множеством проблем, связанных с теоретическим обоснованием, нормативно-правовым регулированием с содержанием информационно-аналитической системы. При изучении взаимосвязи спроса и предложения на рынке туристических услуг и оценки степени влияния результатов ее функционирования на экономический рост необходимы соответствующие данные. Присущий туризму мультипликационный эффект обуславливает участие смежных отраслей в оказании туристических услуг. Следует сделать акцент, что в Беларуси действуют разные подходы в учете туризма Национальным статистическим комитетом, Национальным банком, Министерством спорта и туризма и эти разночтения препятствуют унификации системы учета туристической деятельности, применению единых методик регулирования и планирования, сопоставления с другими странами [1, с. 101]. Более того, Вспомогательный счет туризма (ВСТ) публикует данные один раз в два года, поскольку туристической сфере присущи сезонность, следует конкретизировать данные о результатах деятельности не только туристических организаций, но и в смежных отраслях, детализировать их.

С января 2026 года в управлении туризмом в Беларуси произошли изменения. Национальное агентство по туризму Министерства спорта и туризма перешло в подчинение Совета Министров и стало ключевым органом регулирования в этой сфере¹. Более того, развитие туристического потенциала объявлено приоритетным направлением на ближайшую пятилетку с вкладом сферы в ВВП до 4,5 %. Согласно данным Белстата вклад сферы туризма за 2022 год в Республике Беларусь согласно ВСТ составил 1,9 %. На наш взгляд, с целью дооценки вклада туристической сферы в ВВП необходимо разработать и утвердить на государственном уровне формы статистической отчетности обязательные для заполнения и представление с периодичностью не реже чем ежеквартально для организаций, участвующих в оказании туристических услуг.

Разработанная и апробированная нами на примере 23-х административно-территориальных центров (дестинаций) Витебской области сбалансированная

¹ О совершенствовании государственного управления в сфере туризма. Указ Президента Республики Беларусь, 10 сентября 2025 г., № 329 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32500329> (дата обращения: 04.03.2026).

система оценки уровня социально-экономического эффекта, включающая показатели прямого, косвенного и скрытого влияния с разбивкой по блокам: «Социально-экономическое развитие», «Туристическо-рекреационный комплекс», «Человеческий капитал» включает 25 показателей трудоемка [2, с. 146, с. 218]. Для расчета социально-экономического эффекта использовались статистические данные открытых источников Белстат, осуществлялись письменные запросы в Главное статистическое управление Витебской области, отчетные данные по показателям агроэкотуризма Витебского областного исполнительного комитета, рассчитывались данные по платежам в бюджет, что является трудозатратной процедурой. Учитывая динамично развивающуюся цифровизацию, представляется возможным ускорение обработки и анализа статистических и других данных сферы туризма.

Исследование показывает, источники для изучения туристической индустрии могут быть интегрированы в базы данных следующим образом, что представлено на рисунке 1.

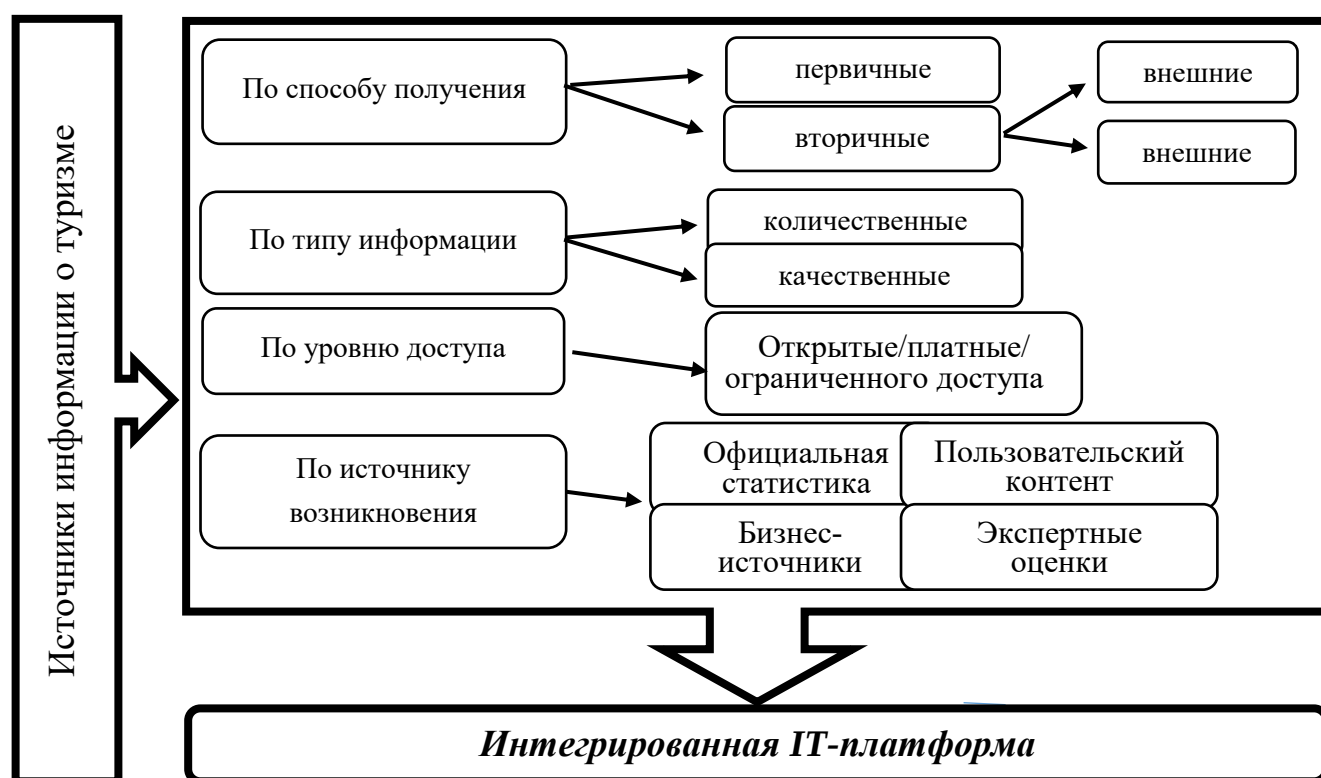

Рисунок 1 – Источники информации о туризме

Источник: составлено автором

Таким образом, информационно-аналитическая система (ИАС) должна сосредотачивать в себе комплекс программных и аппаратных средств,

предназначенных для сбора, обработки, хранения и визуализации данных, относящихся к туристической сфере. Основными компонентами и функциями могут быть сбор данных и аналитическая обработка. Составными частями для аналитики могут быть: отчеты о динамике турпотоков, структуре бронирования по странам, по сезонам, средний чек туриста; прогнозная аналитика – моделирование спроса, динамическое ценообразование, прогнозирование загрузки отелей в высокий сезон; геоинформационный анализ – визуализация туристических потоков на карте, анализ популярности маршрута, скопление туристов по центрам расчета платежных систем (эквайринг).

Более того, статистические данные формируются на основе отчетности субъектов хозяйствования, чей основной вид деятельности – туризм, другими словами, это организованный туристические потоки, обслуженные туристическими организациями. Однако, как показывает практика, неорганизованный туризм в связи с развитием системы поисковых запросов, искусственного интеллекта, выходит на новый уровень. Как правило, такие данные не аккумулируются ни в отчетности, ни в других источниках, однако, для оценки доли сферы туризма в ВВП безусловно необходимы.

Национальный статистический комитет Республики Беларусь в режиме опытной эксплуатации предлагает интерактивную информационно-аналитическую систему информации статистики по отраслям демографическая и социальная статистика, экономическая статистика, многоотраслевая статистика¹. Представлен статистический материал с возможностью в один клик графических изображений, выгрузкой информации в различных форматах. Однако, несмотря на множество достоинств данного модуля, присутствуют и недостатки. Основным недостатком является размещение данных только за пять лет, представлены только данные за год.

Тем не менее, для исследователей сферы туризма поиск данных сопряжен с рядом проблем. Самые точные и детализированные данные являются закрытыми (данные о транзакциях, операционные показатели отелей и т.п.), коммерческой тайной. Доступ к данным крупных агрегаторов также закрыты. Базы данных разрозненны и источники не однородны, данные пограничной

¹ Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/home-page> (дата обращения: 02.03.2026).

службы и Белстата не совпадают. Выявить релевантную информацию по отзывам из социальных сетей требует сложной очистки, велика вероятность фейковой информации. Затрудняет анализ текущих трендов официальная статистика, которая публикуется с опозданием на 10 месяцев, после окончания календарного года (29 сентября). Данные мобильных операторов, во-первых, недоступны, во-вторых, не могут определить цель визита и приезд туристов или посетителей близлежащих районов. Для научных исследований данные сильно обобщены с присущей несопоставимостью с данными зарубежных источников, для обработки больших массивов данных требуются знания языков программирования (Python, R), что требует соответствующих компетенций. Системную ошибку в исследование может внести незнание внутренних алгоритмов ранжирования, используемых, например, платформами (Booking).

Анализ зарубежного опыта формирования и развития информационно-аналитической системы туристической сферы деятельности позволяет отметить, положительный опыт Национального статистического комитета Кыргызской Республики, где указана оперативная информация и динамические таблицы, показатели аккумулируются с нарастающим итогом по месяцам по 25-ти показателям, в том числе по данным смежных отраслей (торговля, транспорт, объекты питания, экспорт, импорт). Имеются данные о валовой добавленной стоимости в сфере туризма, доле туризма в ВВП, размерах капитальных вложений в туризм Кыргызстана за период 20-ти лет, что дает возможность глубокого научного анализа.¹

Для анализа динамики ЦУР показателей социально-экономического развития в Республике Башкортостан организован комплекс аналитических сервисов Сбера для стратегического управления регионом. В систему включены три ключевых компонента: панель мониторинга экономики региона, специализированная панель «Туризм» на платформе «СберАналитика», Российская платформа BI и визуализации данных «Навигатор BI». Преимущество данного сервиса – это анализ затрат туристов в конкретном районе.² Для оценки вклада туризма в показатели социально-экономического

¹ Туризм. Национальный статистический комитет Республики Кыргызстан – URL: <https://stat.gov.kg/ru/statistics/turizm/> (дата доступа: 01.03.2026).

² В ЦУР Башкортостана запущен комплекс аналитических сервисов Сбера для стратегического управления регионом URL: <https://csr-rb.ru/news/v-tsur-bashkortostana-zapushchen-kompleks-analiticheskikh-servisov-sbera-dlya-strategicheskogo-uprav/> (дата обращения: 03.03.2026).

развития необходима своевременная информация о количестве посетителей, сроках пребывания и среднем размере чека.

Проблемы представления информации о результатах функционирования туристической сферы рассматриваются белорусскими исследователями с точки зрения Единой классификации видов туризма в глобальной компьютерной сети, подчеркивается отсутствие комплексного системного сопровождения [3]. Соглашаясь с мнением автора, на основе выделенных средств в ближайшую пятилетку представляется возможным создание интегрированной IT-платформы как базы данных для туристической индустрии, которая должна включать и результаты деятельности смежных отраслей, участвующих в обслуживании туристов.

Вопрос о необходимости регистрации транзакций и обязанностях банков, аккумулировать информацию о расчетах нерезидентов рассматривался белорусским ученым А.И. Тарасенком [4]. Исследователем была предложена упрощенная оценка доходов международного туризма путем суммирования доходов туристических организаций, полученных от иностранных туристов, расчетов по банковским картам и сальдо обмена валют. Однако, до сих пор подобная система отчетов не сформирована.

Исследование показывает положительный опыт сосредоточения аналитической информации о туризме Росстата, где можно использовать информацию по различным видам налоговых поступлений. Информация по размещению граждан и срокам пребывания представляется ежемесячно (форма № 1-КСР (основные индикаторы), месячная), что дает возможность изучения сезонности и оценки соответствующих социально-экономических эффектов.

Следует подчеркнуть, что пристальное внимание государства к сфере туризма приносит свои результаты, формирование сети туристических информационных центров непосредственно в регионах позволит решить вопросы точек роста с учетом возможностей каждой территориальной единицы [5]. Актуализирована Национальная стратегия развития туризма на период до 2035 года с учетом развития цифровизации позволит обеспечить разработку механизма по оценке вклада туризма в ВВП страны. Предлагается использовать российский опыт по внедрению успешных практик в области туризма в Беларуси, а именно, открытие ТИЦ на базе университетов, музеев, заправочных станций [6]. По нашему мнению, это позволит формировать информацию о

передвижении туристов, целях посещения, продолжительности путешествия, собирать и анализировать данные о туристическом потенциале региона.

Таким образом, информационно-аналитическая система туристической индустрии базируется на мощной базе государственной статистики Республики Беларусь. На данном этапе система достаточно быстро эволюционирует, трансформирована система управления туризмом, созданы туристическо-информационные центры на местах, внедряются современные стандарты навигации, разрабатываются новые инструменты мониторинга для более точной оценки влияния туризма. Рекомендуются на законодательном уровне обязать субъекты хозяйствования, участвующие в оказании туристических услуг, представлять соответствующие данные централизованно в формах отчетности. На основе утвержденных мер по внедрению системы мониторинга въездного и внутреннего туризма, принятых правительством, собираемые данные позволят оценить реальный вклад туризма в ВВП страны и увеличить его долю до 4,5 %. Тем не менее, для исследователя сохраняется сложность в доступе к оперативной микроэкономической и макроэкономической информации, которая может быть сформирована с учетом разработки комплексной IT-платформы, интегрирующей локационные, финансовые, территориальные и другие необходимые для построения экономико-математических моделей данные.

Список источников

1. Горбылева, З.М. Туризм: переосмысление, сущностные трансформации / Горбылева З.М., Шамардина И.А. // Научные труды БГЭУ. – Минск: Колорград, 2023. – Вып. 16. – 708 с. С. 97-104.

2. Янкевич, Е. М. Оценка социально-экономических эффектов функционирования региональной туристической дестинации: монография / Е. М. Янкевич – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2024. – 250 с.

3. Ходор Г. Н. О некоторых вопросах государственного учета и информационного сопровождения туристических ресурсов в контексте Единой классификации видов туризма в Республике Беларусь / Г. Н. Ходор // Перспективы развития туризма в современных условиях: мировые тенденции и региональные контексты: матер. IV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 27 сент. 2024 г. / Национальное агентство по туризму; редкол.: И. Н. Воронович (предс.) [и др.]. – Минск, 2024. – С. 109–124.

4. Тарасенок, А. И. Методика оценки доходов от международного туризма в Республике Беларусь / А. И. Тарасенок // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: матер. VIII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 21-22 мая

2015 г. в 2 т. / [редкол.: В. Н. Шимов (отв. ред.) и др.]; М-во образования Респ. Беларусь, УО «Белорусский гос. экон. ун-т». – Минск: БГЭУ, 2015. – Т. 1. - С. 324-325.

5. Ананьева, В. Н. Стратегические аспекты государственного управления сферой туризма / В. Н. Ананьева, Ю. А. Медведева // Перспективы развития туризма в современных условиях: мировые тенденции и региональные контексты: матер. V Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26 сент. 2025 г. / Национальное агентство по туризму; редкол.: И. Н. Воронович (предс.) [и др.]. – Минск, 2025. – С. 94–100.

6. Морозов ДВ. Российский опыт развития системы туристических информационных центров: пути применения в Республике Беларусь. Журнал Белорусского государственного университета. История. 2023; № 2: - С. 55–64. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-2-55-64>

Электронное научное издание

Сборник материалов XXV Международной научно-практической конференции
«Смирновские чтения – 2026»
(18–19 марта 2026)

Электронное текстовое издание сетевого распространения

Сборник разработан с помощью программного
обеспечения Microsoft Office Word
Под общей редакцией д.э.н., профессора Елены Евгеньевны Шарафановой
Ответственный редактор И.Р. Арабаджян
Технический редактор Э.Ю. Кораблина

Подписано к использованию 16.06.2026
Объем издания 7.16 Мб
Гарнитура Times New Roman

МБИ имени Анатолия Собчака
<https://www.ibispb.ru/>
E-mail: orgcom@ibispb.ru
191023, Санкт-Петербург, Невский пр., 60
тел. (812) 494-05-02

ISBN 978-5-4228-0199-2